

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

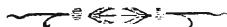
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ ХС.

1905 Г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Імператорського Університета Св. Владимира
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

О т д ъ я л ь I.

I В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная деятельность. (Окончание). <i>Н. Тихаго.</i>	1—58
II ОСКОЛКИ СТАРИНЫ ВЪ ЗБІНЬКОВСКОМЪ УВѢЗДѢ	
<i>А. Твердохильбова.</i>	59—74
III. НЮБА. (Новелы). <i>Гл. VII—XIV</i>	75—107
IV КЪ ВОПРОСУ О НАРОДНЫХЪ РЕАКЦІЯХЪ ВЪ УКРАИНѢ ВЪ XVII ВѢКѢ. <i>В. И. П—ко.</i>	108—116
V СБОРНИКЪ МАЛОРОУССКИХЪ СКАЗОКЪ. <i>Гавриилъ Стриженевскій.</i>	117—165
VI КІЕВСКІЙ СОБОРЪ ВЪ 1629 ГОДУ. Протоіерей <i>Петръ Орловскій.</i>	166—173
VII КЪ ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИМЪ ОТНОШЕНІЯМЪ ГАЛИЦІІ. <i>М. Грушевскій.</i>	174—232

О т д ъ я л ь II.

I БІБЛІОГРАФІЯ: а) 1) Халера; 2) Про холеру я якъ вийти неи стергтysя. <i>Врачъ;</i> б) С. А. Блонскій. Народныя школы съ малорусскимъ языкомъ. <i>С. Е.;</i> в) Въ защиту слова. Сборникъ 2-е изданіе. <i>С. Е.;</i> г) Іванъ Франко. Збирникъ творивъ. Томъ III. Бориславськи оповідання. <i>Л. Жигмайлъ;</i> д) Обзоръ журналовъ текущаго года	1—32
II ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Что стоилъ Андрею Полетикѣ процессы за с. Аксютинцы. Сообщ. <i>В. Модзалишскій;</i> б) Збіньюковскій полковникъ Василий Шиманъ и его потомство. Сообщ. <i>В. Модзалишскій;</i> в) Грамота Кіевскаго митрополита Іасафа Кроковскаго на утверждение скита близъ м. Моровска, основанного игуменомъ Лебединскаго монастыря Серафіономъ 1714 г. Сообщ. <i>В. Нерсцѣ;</i> г) Платые и бѣлье малорусской пачи. <i>XVIII</i> ст. Сообщ. <i>Н. К. В—ни;</i> д) О землетрясенії въ Черниговской и полтавской губерніи въ 1839 г. Сообщ. <i>П. Фр. Павловскій;</i> е) И. П. Котляревскій — ученикъ Екатеринославской семинаріи Сообщ. <i>В. И. П—ко;</i> ж) О тысячелѣтнемъ юбилеѣ г. Переяслава. <i>О. І.;</i> з) Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля. <i>А. Скрипченко.</i>	33—57
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТИЯ	57—81
ОБЪЯВЛЕНИЯ	1—3

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ ХС.

1905 г.

ЮЛЬ-АВГУСТЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Імператорського Університета св. Владимира Акціон. О-ва
печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 11 іюля 1905 г.

Василій Назарович Каразинъ.

(Его жизнь и общественная деятельность¹⁾).

ГЛАВА X.

О п а л а.

(1821—1831).

Вѣдомственное положеніе Каразинихъ и просьбы о помилованії. Письмо къ имп. Николаю I и облегченіе участія семьи. Сельскія занятія съ 1826 г. Семейная жизнь. Знакомство съ М. П. Погодинымъ (1829). Изображеніе въ Предсѣдатели Уголовной Палаты (1828—1830). Поѣздка въ Москву и столкновеніе съ А. Х. Бенкendorфомъ. (1831). Пятое наказаніе и высылка изъ Москвы. Письмо къ императору Николаю I (1831).

Ссылка В. Н. Каразина продолжалась до конца 1826 г., слѣдовательно около 6 съ половиною лѣтъ. О жизни въ тотъ періодъ времени Каразина мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Сохранившіяся «Дневныя записки» съ 1821 г. не обнародованы, а переписка, будучи обставлена тяжелыми формальностями, прекратилась. Можно сказать только, что запрещеніе выѣзда изъ деревни очень пагубно отразилось на хозяйственныхъ дѣлахъ В. Н. Каразина. Въ 1824 г. часть села Кручика перешла за долги въ чужія руки. «Сего 1824 г. іюля мѣсяца въ 22 день чиновники земскаго суда, прибывъ съ секретаремъ и приглашенными дворянами въ село Кручикъ, ввели во владѣніе большей половины онаго, поручика графа Подгоричани-Петровича. А еще въ прошдшемъ году остальная часть села взята въ казенный присмотръ... доносить кручанскій священникъ епископу Павлу Саб-

¹⁾ См. Киевск. Стар., № 6.

батовскому¹⁾). Въ 1825 г. онъ, находясь больной въ постели и уже думая о близкой смерти, писалъ въ Таганрогъ къ императору Александру I, прося его «сжалиться надъ несчастнымъ семействомъ», въ виду совершенно разстроившагося хозяйства. Письмо это не дошло по назначению. Въ іюнѣ 1826 г. Каразинъ отправилъ новую просьбу о помилованіи императрицѣ, при чемъ адресовался отъ имени своей жены²⁾. Въ какомъ положеніи находились Каразины къ этому времени, свидѣтельствуетъ «записка слободско-украинскаго губернатора Муратова о статскомъ советникѣ Каразинѣ» отъ 1-го марта 1826 г. «Каразинъ, писалъ онъ въ Петербургъ, такъ обремененъ долгами, что собственное его имѣніе, с. Кручикъ, необходимо подвергнется конфискаціи и продажѣ съ публичнаго торга на уплату его долговъ, почему мнѣ нужно разрѣшеніе, гдѣ долженъ быть имѣть пребываніе Каразинъ, когда село Кручикъ обратится въ продажу?»³⁾

Государыня обратилась съ запросомъ къ барону Ив. Ив. Дибичу (генералъ-адъютанту), который спесся съ гр. Кочубеемъ. Послѣдній письмомъ отъ 16-го іюля далъ требуемыя справки о дѣятельности Каразина въ Петербургѣ, о его сношеніяхъ съ государемъ Александромъ Павловичемъ, о причинахъ его заточенія въ Шлиссельбургѣ и ссылкѣ въ деревню. «Я съ своей стороны присоединить себѣ позволяю, писалъ Кочубей, что не можетъ, кажется, быть препятствія удовлетворить просьбѣ г-жи Каразиной... Заточеніе мужа ея въ деревнѣ можетъ быть дѣйствительно для семейства его разорительно, между тѣмъ какъ полагать можно, что сбывшееся съ нимъ и лѣта успокоили пылкое его воображеніе»⁴⁾. Но просьба А. В. Каразиной, равно какъ и видимое сочувствіе Кочубея, не раздѣлявшаго убѣжденія въ виновности Василія Назаровича, не произвели желаннаго дѣйствія: 4-го августа было получено письмо изъ Петербурга «дежурнаго генерала» съ рѣшительнымъ отказомъ государя на просьбу Каразина⁵⁾. Но въ тотъ же день распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ были потребованы отъ разныхъ лицъ «подписки о не-принадлежности къ тайнымъ обществамъ, при чёмъ Василію На-

¹⁾ „Харьковскій Сборникъ“, 1887 г., стр. 59.

²⁾ Записки къ импер. Николаю I („Русск. Стар.“—1870 г. т. II, 567).

³⁾ „Русск. Стар.“ 1900 г. іюль, 154 стр.

⁴⁾ Шильдеръ. Императоръ Александръ I т. VI, стр. 545.

⁵⁾ Письмо къ Императору Николаю I „Русская Старина“, 1870 г. т. II, стр. 567.

заровичу было разрешено объяснить въ особомъ всеподданнейшемъ письмѣ несчастную его исторію по поводу этихъ обстоятельствъ»¹⁾.

25-го числа того же мѣсяца Каразинъ узналъ о состоявшемся разрешеніи и... съ радостью принялъ за письмо къ новому государю. Семья пришла въ ужасъ отъ намѣренія Василія Назаровича. По примѣру прежнихъ лѣтъ можно было ожидать нового увлечения его и еще большаго ухудшения безотраднаго положенія Каразиныхъ. Два письма удалось перехватить и уничтожить «бѣдному напуганному несчастіями семейству», какъ объяснялъ Василій Назаровичъ въ 3-емъ письмѣ. Наконецъ, третье письмо, «писанное въ квартирѣ Ушинскаго тайкомъ отъ жены»²⁾, дошло по назначенню. Характеръ письма Василій Назаровичъ объяснилъ самъ въ началѣ его: «я стану продолжать писать, хотя дрожащею рукою и исполненный глубочайшаго благоговѣнія, но съ тою же самою свободою, которая одушевляла мои бумаги въ продолженіе двадцати лѣтъ, писанныя къ моему незабвенному благотворителю, блаженной памяти августейшему брату нашему, государю!» Стараясь оправдать свои мысли и дѣйствія, за которыхъ пришлось несть столь тяжкія и долгія испытанія, Василій Назаровичъ указывалъ на справедливость своихъ указаний и на то, что результатомъ невниманія къ нимъ явилось 14-ое декабря; что планы его въ 1820 году нашли сочувствіе «нѣсколькихъ извѣстныхъ» государю особы, что всѣ стремленія его клонились къ благу любимаго отечества, ибо, указывая на «странице направленіе умовъ», писалъ Каразинъ «не о себѣ и о своихъ я помышлялъ, но о томъ только, какъ бы менѣе всѣмъ существомъ моимъ, хотя бы оно вдребезги разбилось, ударить въ сердце государево». Кончивъ апологію своихъ дѣйствій, Каразинъ съ жаромъ началь и излагать свои мысли о необходимости итти впередъ по пути прогресса: Василій Назаровичъ вновь забылъ о себѣ и своихъ, стремясь «ударить въ сердце государево». «Я хотѣлъ всецѣльно, и сколько отъ ничтожнаго частнаго человѣка могло зависѣть, предупредить—не только казавшуюся мнѣ близкою революцію, не и всѣ возможныя впослѣдствіи времени революціи, обративъ вниманіе государя не-деспота на противорѣчія между разливающимся черезъ всѣ сословія въ народъ просвѣщеніемъ и формами правлениія, которыхъ могли быть приличны прошедшими лишь вѣкамъ: противорѣчія, кои необходимо, по об-

¹⁾ Тамъ же, стр. 560.

²⁾ Письмо Филадельфа Васильевича Каразина. Г. П. Данилевскій. „Украинская Старина“ Харьковъ, 1886, стр. 167.

цимъ законамъ морального міра, производить и всегда будуть производить одно *дѣйствіе*, намекалъ Каразинъ на одинаковое не прогрессирующее положение вещей при новомъ государѣ: «Ничто не поможетъ, нѣть никакого средства, не достанетъ никакой человѣческой силы остановить колесо, или дать ему противное движеніе». «Гдѣ, кромѣ Карамзина, найдемъ историковъ, которые одобряли бы самовластіе?» Здѣсь, какъ бы спохватившись, Василій Назаровичъ добавляетъ. «Но я употребляю во зло, можетъ быть, столь милостиво дарованное мнѣ позволеніе? Для того, можетъ быть, пишу, чтобы увеличить еще вину мою, предоставить ее во всей ея наготѣ?» ¹⁾). Дѣйствительно, трудно было бы ожидать послѣ подобнаго письма улучшенія участіи В. Н. Каразина, который, оправдывая «антиправительственный» дѣйствія свои (какими ихъ по крайней мѣрѣ считали въ Петербургѣ въ 1820 г.), открыто выражалъ порицаніе современному положенію вещей, которое надо также принять къ свѣдѣнію. Но вопреки опасенію самого В. Н. Каразина, императоръ Николай Павловичъ, прочитавъ письмо и приложенные къ нему списки съ поданныхъ Ко-чубею и имп. Александру въ 1820 г. записокъ и писемъ, помиловалъ опального; въ резолюціи барона Дибича отъ 28-го окт. 1826 г. относительно дальнѣйшей судьбы Каразипа было сказано: «Высочайше позволяетъ ему пребывать и въ Москвѣ, буде желаетъ, но съ тѣмъ, чтобы воздержался отъ всякаго сужденія, къ нему не принадлежащаго ²⁾). Въ Петербургѣ В. Н.—чу былъ воспрещенъ въездъ до самой смерти. Позднѣе гр. А. К. Бенкendorфъ приписывалъ освобожденіе Вас. Наз—ча своему ходатайству ³⁾.

Занятія Василія Назаровича послѣ освобожденія отъ стѣснительного положенія (т. е. 1826 года) были продолженіемъ его занятій до 1820 г. Домоводство, примѣненіе открытій по химіи и физикѣ къ потребностямъ человѣка, новые опыты по метеорологіи, собираніе историческихъ материаловъ, работы въ области литературы и дѣятельная переписка съ незабывавшимъ уважаемаго В. Н. Каразина обществомъ—наполняли жизнь крученскаго помѣщика; разница лишь въ томъ, что правитель дѣль неупраздненнаго *de iure* филотехническаго общества пересталъ представлять ему и печатать отчеты о своихъ дѣйствіяхъ, благодаря чему мы не можемъ съ точностью обозначить время тѣхъ

¹⁾ Русск. Стар. 1870 г. т. II, стр. 567.

²⁾ Шильдеръ. „Импер. Алекс. I“, с. IV, приб. X.

³⁾ „Русская Стар.“ 1903 г., апр. стр. 20.

или иныхъ его работъ, какъ это было удобно дѣлать, имѣя передъ собой отчеты филотехническаго общества.

Объ опытахъ своихъ по сельскому хозяйству, домоводству, которыхъ В. Н. не оставлялъ ни на минуту, онъ печаталъ впослѣдствіи (съ 1838 по 1841 г.г.) въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Такъ, мы видимъ здѣсь статьи его «О посадкѣ картофеля на поляхъ», гдѣ рекомендуется сажать большие картофеля, какъ необыкновенно полезнаго въ смыслѣ перемѣнъ растительности на пахати и въ смыслѣ удобренія почвы листомъ картофеля, дающей лучшіе урожаи зернового хлѣба. Рекомендуется посадка однихъ «глазокъ» картофеля, съ цѣлью сбереженія пропадающаго въ землѣ клубня, и засѣваніе полей сѣменами картофеля. Въ другомъ мѣстѣ предлагается, *на основаніи собственныхъ опытовъ*, продавать заграницу не хлѣбъ, идущій тамъ на выработку спирта, а самыи спиртъ, уменьшивъ, такимъ образомъ объемъ продукта въ пять разъ. Въ виду очевидныхъ большихъ выгодъ, В. Н. задумалъ проектъ торговли съ иностранцами спиртомъ въ большихъ размѣрахъ. «Большой тутъ премудрости не надо! Слишкомъ за годъ началась уже перениска съ чужестранными негощантами по сему предмету. Заводъ почти готовъ. Составимъ общество для опыта, назначивъ акцію въ сто рублей асс. Есть на лицо четыре члена, которые будуть ожидать извѣщенія отъ желающихъ въ харьковскую справочную контору»¹⁾). Проектъ впрочемъ такъ и остался проектомъ. Общество, повидимому, не состоялось, и выгоды «собственныхъ опытовъ» Каразина никого не тронули. Опытами по винокуренію Каразинъ, какъ мы видѣли, занимался еще съ 1806 года. Теперь въ Кручикѣ стоялъ цѣлый заводъ, вырабатывавшій алкоголь. Заводъ этотъ перешелъ послѣ смерти Каразина къ его зятю-преемнику Сявцилло, а потомъ къ зятю Сявцилло—Земборскому, у котораго и пропалъ совсѣмъ. Крестьяне, глубокіе старики, разсказываютъ еще теперь, какъ Каразинъ отправлялъ «нѣмцамъ» цѣлыми обозами — «алкоголій» въ высокихъ бѣлыхъ металлическихъ цилиндрахъ. Невдалекѣ отъ барского дома дѣйствовала лабораторія, вырабатывавшая разные химическіе продукты. Начало этой лабораторіи относится, конечно, къ болѣе раннему времени: вѣроятно ея учрежденіе было въ связи съ учрежденіемъ филотехническаго общества. Крестьяне кручинцы рассказываютъ теперь, что мастерами въ лабораторіи были плѣнныи французы (по одной версіи 11, по другой 30), которыхъ Каразинъ послѣ войны 1812 года пріютилъ у себя. Для французовъ этихъ

¹⁾) «О торгѣ за границу хлѣбными спиртами» «Х. Г. В.» 1838 г.
№ 50, стр. 421—425.

было выстроено особое общежитіе; тѣ изъ нихъ, которые не знали никакого ремесла, окапывали глубокими рвами (1 кв. саж.) лѣса В. Н. Каразина; эти рвы до сихъ поръ удивляютъ своей необычной глубиной. Большинство же иностранцевъ работали въ лабораторіи или занимались какимъ либо мастерствомъ—дѣлали косы, кирпичи, горшки, вырабатывали прекрасную юфть (кожу), которой, какъ мы видѣли, хвалился Вас. Наз. въ собраніи филот. общества. У опытныхъ мастеровъ въ лабораторіи учились и свои крестьяне-крученцы, становившіеся потомъ на мѣсто учителей. Отецъ одного старика, разсказывавшаго мнѣ о «раблаторіи»—Иванъ Катко, былъ однимъ изъ такихъ лаборантовъ.

Занимаясь разными опытами по упорядоченію домоводства, Каразинъ, между прочимъ, описалъ приготовленіе дерева для столярныхъ работъ особымъ способомъ; онъ вываривалъ доски въ специальныхъ длинныхъ металлическихъ ящикахъ, послѣ чего дерево ссаживалось, дѣлалось болѣе легкимъ, не трескалось и становилось почти чедоступно влагѣ; предвидя дороговизну подобной обработки материала, Каразинъ придумалъ совсѣмъ простой и дешевый способъ. Онъ промывалъ доски въ проточной водѣ, хотя въ послѣднемъ случаѣ онъ уступали въ добротности вывареннымъ¹⁾). Интересны опыты надъ приготовленіемъ хорошихъ дровъ. Ихъ Каразинъ или получалъ естественной сушкой деревъ въ теченіе зимы, весны и лѣта, или болѣе скорой искусственной. Для этого онъ заключалъ нарубленныя дрова въ металлические цилиндры съ замазанными наглухо крышками, чрезъ которыхъ проходила металлическая же трубка. Въ эту трубку проходилъ дымъ и пары жидкости, которые сгущались въ холодильникѣ и давали составъ, названный Каразинъ *коптиломъ* и составляющей существенную часть копченыхъ съѣстныхъ припасовъ: ложечки этой жидкости достаточно было прибавить въ воду, где варится окорокъ, чтобы опь превосходно прокоптился. Дрова, приготовленные описаннымъ способомъ, теряли двѣ трети вѣса, жарко горѣли и не дымили, а на приготовленіе ихъ расходовалось всего небольшое количество соломы²⁾). Опыты надъ полезнѣйшимъ употребленіемъ дерева продолжались, вѣроятно, долгое время; по крайней мѣрѣ такъ надо судить по техно-хозяйственному трактату «О сжениі угля съ расчетомъ» (напеч. въ «Х. Губ. Вѣд.» за 1841 г. №№ 8, 9, 10 и 11). Опыты эти начались еще до 1820 года, ибо еще въ проѣздѣ Гумбольда черезъ Москву (1817 г.)

¹⁾ „О приготовл. дерева на столярн. работу“ 1838 г. № 10, стр. 93—94.

²⁾ „Х. Г. В.“ 1838, стр. 55—57, № 6.

Каразинъ уже подарилъ ему жабу бальзамированную извлеченымъ имъ отъ обработки дерева пирогономъ. Жаба настолько сохранилась, что «ее можно было почесть за живую». То же дерево при обжиганіи на уголь давало цѣлыхъ два ведра прекраснаго древеснаго уксуса и смолы, пропадающихъ обыкновенно въ воздухѣ въ видѣ дыма, а между тѣмъ на эти самые продукты, въ свою очередь, приходилось жечь много лѣса, которымъ не безъ основанія такъ дорожилъ Каразинъ. Чтобы проектъ не остался глухой проповѣдью, Вас. Наз. указывалъ на большія выгоды отъ примѣненія рекомендуемыхъ имъ мѣръ (30%) экономіи), предлагалъ даромъ дать желающимъ выработанные имъ чертежи заводовъ, печей и приспособленій. Причина такого безкорыстія одна и та же—страстное желаніе принести пользу отечеству вообще и полуденному краю въ частности. Во всѣхъ упомянутыхъ статьяхъ, да и во всей научно-литературной дѣятельности В. Н. Каразина сквозить эта идея. Василий Назаровичъ прежде всего оставался общественнымъ дѣятелемъ. «Добрые украинцы!—восклицаетъ въ одной изъ указанныхъ статей Каразинъ,—испытайтъ насадить хоть по полосѣ картофеля въ хлѣбныхъ поляхъ вашихъ. Увидите, какъ это полезно! «Даль бы Богъ, чтобы у насъ въ полуденныхъ губерніяхъ, хоть бы въ сосѣствѣ городовъ, небольшими попытками, ввелось воздѣлываніе въ поляхъ коренистыхъ растеній! И скотоводство, и земледѣліе нашли бы въ томъ большія выгоды: и неурожай не были бы страшными!» («Х. Г. В.» 1838, стр. 82—83). «Какъ обрадованы будуть цоселяне этимъ для нихъ открытиемъ, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, рекомендуя уезднымъ начальствамъ ознакомить крестьянъ съ полезнымъ совѣтомъ сѣять картофель: «мало-по-малу введется у нихъ и *турніетъ* для корму скота, и сахаристая свекловица... между тѣмъ, какъ избытокъ картофлей замѣнить драгоценѣйшее хлѣбное зерно, которое, не какъ картофель!.. можетъ пролежать десятилѣтія въ ямахъ и насыщать потомковъ въ несчастные годы» («Х. Г. В.» 1841, стр. 215).

Лѣсоистребленіе въ южной Россіи очень беспокоило Каразина. Съ 1805 года онъ старался искоренить порокъ неосмотрительного отношенія къ рубкѣ деревъ, заставляя своихъ крестьянъ сажать деревья на межахъ пахатей, совѣтуя въ брошюрахъ, газетныхъ статьяхъ—бережливое отношеніе къ лѣсамъ или, по крайней мѣрѣ, полную утилизацію срубленнаго дерева. Ко времени проѣзда государя черезъ Харьковъ, въ 1817 году, Каразинъ приготовилъ докладъ филотехническому обществу (въ засѣданіи которого, онъ надѣялся, будетъ присутствовать государь)—„Рѣчь о важности лѣсоводства паче для Россіи“, гдѣ раскрывалъ картину оголѣнія Россіи отъ лѣсовъ и вредная послѣдствія этого

факта. Нечальному положенію лѣсовъ родины, Каразинъ указывалъ исходъ, обращая вниманіе на выгоду лѣсоразведенія, и въ виду поднятія цѣнности земли, а иногда и утилизациіи никуда не годной почвы; некоторые помѣщики дѣйствительно достигли такихъ результатовъ: «Умершій зміевской помѣщикъ Иванъ Яковлевичъ Д-скій оставилъ своимъ дѣтямъ до семи сотъ десятинъ бора, которымъ онъ покрылъ сыпучие нѣкогда пески, и многія изъ сосновъ уже строевые деревья о сю пору. Д-скій, по ходатайству гражданского губернатора Бахтина, былъ награжденъ за это орденомъ св. Владимира»¹⁾. Очень вѣроятно, что эта награда— следствіе хлопотъ В. Н. Каразина во имя общей идеи, которому Бахтинъ во многомъ сочувствовалъ и содѣствовалъ. Рядомъ съ хлопотами о лѣсоразведеніи Вас. Наз. занимался акклиматизацией новыхъ родовъ деревъ, выписываемыхъ имъ при посредствѣ заграничныхъ комиссіонеровъ. Помѣщикамъ указывалъ на то же занятіе и безкорыстно предлагалъ свои хлопоты всѣмъ желающимъ слѣдовать его примѣру: «Я лично берусь за труды выписки сѣмянъ и высадковъ» («Харьк. Вѣд.» 1838, № 15, стр. 148).

О химическихъ и техническихъ опытахъ Каразина, примѣнительно къ потребностямъ домоводства, мы находимъ свѣдѣнія также въ статьяхъ, печатанныхъ позднѣе. Въ лабораторіи Каразина приготовлялась особая крупа изъ картофельного крахмала съ яйцами, превосходившая своимъ вкусомъ и питательностью всѣ роды крупъ, макароны на мясномъ отварѣ, крахмаль, солидо или діастазъ, спиртъ; приготовлялось коровье масло при помощи селитры и сахара, хорошо, въ такомъ случаѣ, сохранявшееся и пріобрѣтавшее лучшій вкусъ, кофе изъ цикорія и лѣсного проса, близко подходившаго вкусомъ къ настоящему кофе;

¹⁾ О прекрасной личности Ив. Ив. Бахтина сообщаетъ намъ свѣдѣнія Фил. Вас. Каразинъ. Василій Назаровичъ просилъ имп. Александра назначить этого человека на мѣсто губернатора Артакова; когда указъ состоялся, Вас. Наз., до его объявленія, снялъ потихоньку копію и прочелъ ее за обѣдомъ у Бахтина въ присутствіи всѣхъ гостей; затѣмъ вышелъ въ переднюю, принесъ оттуда бутылку клико и предложилъ присутствующимъ выпить за здоровье нового губернатора.— Выборъ Вас. Наз.-ча былъ очень удаченъ. Иванъ Ивановичъ въ продолженіе своей 13-тилѣтней службы содѣствовалъ университету, а послѣ отставки, харьковцы въ знакъ признательности поднесли любимому губернатору 40 тыс. рублей въ уплату его долговъ. Имя Бахтина было вырезано на мраморной доскѣ, висѣвшей въ залѣ дворянского собранія. Графъ Потоцкій съ глубокимъ уваженіемъ оттестовалъ личность Бахтина (въ рескриптѣ отъ 19 апр. 1804 года Завадовскому), „Русс. Стар.“ 1875 г. т. XIV стр. 278—279.

эссенци изъ разныхъ огородныхъ душистыхъ травъ для кушаній; свѣчи изъ стеарина, воска и «апосидора» (сколько его въ окольывающихъ овцахъ и другой шадали полуденныхъ стадъ!.. Но онъ у насъ даже и волкамъ не всегда идетъ въ пользу); оттопленные мозги разныхъ животныхъ для французской помады, дешевое мыло изъ животнаго сала и растительныхъ масль; разные аптекарскіе и препараторы, эссенции цѣлебныхъ растеній, масло шпанскихъ мухъ, соду, селитру, скрипидарь, нашатырь, мѣдный купоросъ; деготь изъ коры древесной, эссенціи для душистыхъ ваннъ¹⁾, краски изъ различныхъ богатыхъ красящимъ сокомъ растеній, (марены, дроку), сахарную кислоту (*acidum oxalicum*), необходимую для красильныхъ фабрикъ и выписываемую изъ-за границы, добывался «цирогононъ»; эссенція дубильной кислоты, доведенная до густоты патоки, употреблялась самимъ Каразиномъ для выдѣлки прекрасной перчаточной кожи изъ шкуръ зайцевъ²⁾. Все вышеописанное не было одними мыслями Вас. Наз-ча; каждый продуктъ былъ имъ самимъ выработанъ и слѣдовательно наглядно представлялъ возможность обработки его; ибо Каразинъ рекомендовалъ обществу то или другое производство; кроме упомянутыхъ удачныхъ опытовъ, вѣроятно, Каразинъ работалъ еще очень много по подобнымъ же предметамъ, не достигая благополучныхъ результатовъ; о томъ мы находимъ намеки въ его статьяхъ³⁾. Но, кажется, рѣдко принимались обществомъ свѣдѣнія, доставляемыя трудами и заботами Каразина. Мы имѣемъ указанія на одно изобрѣтеніе, получившее примѣненіе—это лекарство Каразина противъ холеры⁴⁾.

¹⁾ „Парижанки ими будутъ наслаждаться“: „des bains russes? des bains à extraits? mais c'est delicieus“!.

²⁾ „Хар. Губ. Вѣд.“ 1840 г. № 39, 40, 41, стр. 339—345, 351—353 и 363—365.

³⁾ Москвитянинъ, ч. III, № 6 1842 г., стр. 387.

⁴⁾ Дѣло было въ 1830 году, когда въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи свирѣпствовала холера. Рецептъ своего средства Вас. Наз. послалъ въ Москву М. П. Погодину: «Поздравляю васъ отъ всего сердца на новомъ поприщѣ благотворенія»,—писалъ Вас. Наз. Погодину, который принималъ разныя мѣры во время эпидеміи: издавалъ особое прибавленіе къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» имъ редактированнымъ, „Вѣдомость о состояніи города Москвы“, чтобы предупредить панику населенія отъ разныхъ ложныхъ слуховъ, занимался сборомъ и распределеніемъ пожертвованій пострадавшимъ семьямъ и проч. „Донесите, пожалуйста князю Дмитрю Владимировичу (московск. ген.-губ.), ибо полагаю, что вы ему докладываете лично, что я послалъ подъ адресомъ г. издателю „Московскихъ Вѣдомостей“ средство про-

Приборы для опытовъ вычерчивалъ и составлялъ самъ В. Н. Каразинъ. Отличительная ихъ черта—удивительная простота. Всякій приборъ исполнялъ сразу нѣсколько назначений: служа для обработки какого-либо продукта сельского хозяйства, онъ, въ тоже время, сохранялъ многіе полезные составные элементы, обыкновенно процадавшіе въ воздухѣ или выбрасываемые. При добываніи спирта изъ вишень, сохранялась алая краска ихъ, при сушкѣ дровъ въ простыхъ жестяныхъ цилиндрахъ собиралось цѣнное «коптило», при скленіи угля добывалась одновременно смола, уксусъ и проч. Способности В. Н. Каразина въ техникѣ оказались особенно ярко въ проектѣ, даже сооруженіи паровой лодки (еще въ 1809 г.) и въ идеѣ отапливать зданія водяными парами. Теперь въ безчислennомъ множествѣ случаевъ пользуются этой идеей, но сдва ли кто знаетъ, что первая мысль о томъ принадлежитъ В. Н. Каразину. Проектъ свой Вас. Наз. посыпалъ въ Петербургъ, въ комиссию для перестройки зимняго дворца, съ детально вычерченными частями; но комиссія «сдала проектъ въ архивъ», а въ 1841 году пѣмецъ Кицферлингъ выдавалъ за свое изобрѣтеніе проектъ В. Н. Каразина¹⁾.

тивъ холеры, которое вѣрно, лишь бы только было употреблено надъ разнемогающимся еще. Это русская баня. Предохранительное же для приема внутрь, которое я вамъ, какъ другу, рекомендую, состоять въ горькой водѣ, по утрамъ на тоцій желудокъ принимаемой. Смѣсь изъ одной части полыни, или одного трилистника, и двухъ частей хмеля въ томъ видѣ, какъ онъ хлѣбниками и пивоварами употребляется; наливается кипяткомъ и поставить немножко попрѣть. Сей смѣси одной щепотки на чашку кипятку довольно. Но послѣ должно простудить и пить холодное». (Н. Барсуковъ „Ж. и Тр. М. П. Погодина“, т. III, стр. 216—217). Въ „Сѣв. Целѣ“ 1860 г. № 92 находимъ письмо моск. ген.-губернатора Дмитрія Голицына отъ 21 окт. 1830 г.; „М. Г. мой Василій Назаровичъ! Письмо ваше ко мнѣ отъ 15 окт. и приложенные при ономъ бумаги объ изобрѣтеніи вами способѣ лечения болѣзни холеры я препроводилъ къ г. управляющему министерствомъ ви. дѣлъ на тотъ конецъ, дабы онъ представилъ изысканный въ бумагахъ способъ лечения разсмотрѣть медицинскому сенату управляемаго имъ министерства«... Въ примѣчаніи къ послѣднему письму Фил. Вас. Каразина значится: «Докторъ Маркусъ одобрилъ этотъ способъ лечения холеры, какъ видно изъ замѣтки рукой Вас. Назаровича на этомъ письмѣ».

¹⁾ Въ доказательство авторства Каразина идеи о паровомъ отоплении приведемъ слѣдующее свидѣтельство самого Каразина: «Когда дошло къ намъ въ Харьковъ прискорбное извѣстіе о пожарѣ зимняго дворца, то я 5 января 1838 года отправилъ въ С.-Петербургъ мою идею о безопаснѣ отоплениі; въ февралѣ же мѣсяцѣ того года пре-

Опыты, конечно, стоили не малыхъ затратъ денегъ и сильно подтачивали разстроенное состояніе неугомонного Каразина, а широкой цѣли своей—поднятія хозяйства въ южной Россіи Каразинъ не достигалъ даже отчасти. Сколько ученыхъ и изобрѣтателей и теперь спѣшатъ спасти свои идеи за границей отъ нашей обломовщины! Въ 20-хъ годахъ прошлого столѣтія безучастіе русского общества къ научнымъ новостямъ, хотя бы чисто прикладного къ жизни характера, было еще сильнѣе; вотъ какъ официально отзывался о научныхъ занятіяхъ В. Н. Каразина харьковскій подполковникъ Бахметовъ на запросъ сенатора Гогюли, отъ 28 авг. 1829 года: «Нынѣ г. Каразинъ занимается составленіемъ разныхъ проектовъ, но съ меньшою дѣятельностью и большою осторожностью. Они большою частью относятся къ сему краю и представляютъ, такъ же какъ и прежде написаные, произведенія пылкаго воображенія и остраго ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ничтожности по неосновательности». Изъ того же донесенія можно заключить, что Каразинъ «проживалъ въ деревнѣ со своимъ семействомъ и рѣдко прѣѣзжалъ въ губернскій городъ, да и то на короткое время»¹⁾. Между прочимъ Вас. Наз. «прочно занимался личнымъ наблюденіемъ за воспитаніемъ собственныхъ дѣтей и самъ училъ ихъ». Въ 1825 году онъ хлопоталъ о напечатаніи сочиненія сына его Василія, въ то время студента физико-матем. факультета харьковскаго университета «Илюдометръ, для повѣрки часовъ». Книгу эту, состоящую изъ двухъ частей, издалъ Вас. Наз. въ томъ же году. Хлопоталъ о напечатаніи статьи того же сына «О лунѣ» въ Украинскомъ журнアルѣ (1824 г.)²⁾. — «Кругъ знакомыхъ Каразина,—докладывалъ Бахметовъ,—состоитъ въ лучшемъ обществѣ здѣшней губерніи и незамѣтно, чтобы какие либо предосудительные люди были съ нимъ въ связи». Дѣйствительно, переписка съ видными лицами не прекращалась. «Живя въ деревнѣ, Вас. Наз. велъ громадную

проводилъ и чертежи. То и другое мнѣ возвращено вслѣдствіе моей прозы по полученіи Берлинскаго извѣстія (Кипферлинга), для изданія въ печать; въ чемъ могу удостовѣрить всякаго двумя благосклонными письмами Е. С. Г. А. Б. (вѣроятно: Его Сиятельства графа Александра Христофоровича Бенкendorфа). Первое отъ 31-го января 1838, за № 361, а второе отъ 24 марта 1842 годовъ, за № 1818». («Нѣсколько предложеній добра гражданина», Одесса, 1842. Предувѣдомленіе, стр. 3—4.

¹⁾ Русская Старина 1903 года, апрѣль, стр. 12.

²⁾ «Украинская Старина», стр. 149. Русск. Стар. 1903, апр., стр. 19.

переписку,— говорить его сынъ,— писалъ въ годъ до 1200 писемъ. И, что замѣчательно, въ то время, какъ онъ писалъ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ грамотный его слуга и тутъ же копировалъ его письма. Одно время списывалъ слуга его Яковъ Котенко. Послѣднимъ списывателемъ его писемъ былъ крѣпостной человѣкъ его Федоръ Манжеренко, послѣ прикащикъ села Кручики»¹⁾. Къ сожалѣнію масса писемъ погибла во время пожара деревенскаго дома въ 1836 году. Но достаточно важнымъ доказательствомъ уваженія и признательности харьковскаго общества, которому Василій Назаровичъ принесъ въ жертву свое благосостояніе и посвятилъ жизнь свою, служить заочное избраніе его въ 1824 году «въ совѣтные суды въ Харьковъ», и это тогда еще, когда надъ Каразиномъ висѣло запрещеніе выѣзда изъ деревни. Избрание Василія Назаровича не было утверждено.

Лѣтомъ 1828 года Каразинъ ѿздѣлъ въ Петербургъ, но сколько времени онъ былъ тамъ, неизвѣстно. Проѣздомъ черезъ Москву онъ познакомился съ извѣстнымъ М. П. Погодинымъ, въ то время редакторомъ «Московскаго Вѣстника». Съ первого знакомства они сблизились такъ, что Каразинъ изъ Царскаго Села писалъ Погодину (отъ 28 июня 1828 г.): «Обязательная ваша привѣтливость въ проѣздѣ мой черезъ Москву никогда не выйдетъ изъ моей памяти». Результатомъ этого сближенія было то, что Каразинъ имѣющуся у него «Статистику Петровскаго времени»²⁾, которая досталась ему черезъ жену, внучку знаменитаго историка Петра Великаго, Ивана Ивановича Голикова, передалъ Погодину для изданія. Погодинъ былъ очень радъ своему научному пріобрѣтенію. Вмѣстѣ съ Каразиномъ, онъ началъ дѣйствовать въ пользу изданія, которое было сопряжено съ большими издержками. Подъ объявленіемъ въ «Московскомъ Вѣстнике» объ изданіи Статастики, въ числѣ издателей на первомъ мѣстѣ подписался «Василій Каразинъ, статскій совѣтникъ, правитель дѣлъ Харьковскаго Филотехническаго общества, разныхъ Россійскихъ университетовъ и ученыхъ обществъ дѣйствительный и почетный членъ». Но Василій Назаровичъ, вѣроятно, участвовалъ въ изданіи, главнымъ образомъ, своими хлопотами (ибо, выпуская Статастику, Погодинъ объявилъ себя одного издателемъ, объясня,

¹⁾ „Украинская Старина“, стр. 150.

²⁾ Составлена около 1727 года тогдашнимъ оберъ-секретаремъ Правительствующаго Сената статскимъ совѣтникомъ Кирилловымъ. (Н. Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина», часть третья, стр. 291. Спб. 1803).

что Каразинъ отказался отъ участія¹⁾). Между прочимъ тогдашній министръ народного просвѣщенія князь Ливенъ объщалъ Каразину лично, что эту статистику будетъ рекомендовать университетамъ черезъ попечителей, чѣмъ до нѣкоторой степени обеспечивался сбытъ изданія²⁾). Когда появились первые листы отпечатанной статистики Петрова времени, В. Н. Каразинъ задумалъ новое предпріятіе, осуществить которое думалъ совмѣстно съ М. П. Погодинымъ. Это изданіе «Отечественнаго Архива». Цѣль изданія—сохранить гибнувшіе историческіе документы, находящіеся въ рукахъ частныхъ лицъ, съ полной точностью перепечатывая ихъ па страницахъ журнала. Изданіе «посвящено единственно сему предмету (т. е. сообщенію и опубликованію въ свѣтѣ документовъ по русской исторіи), съ сохраненіемъ дипломатической точности, указаніемъ источниковъ, повѣркою оныхъ, съ наблюденіемъ систематического порядка, по крайней мѣрѣ, совмѣстно съ таковыми собраніемъ; словомъ что-нибудь похожее на богатыя свѣдѣніями Бишкновы и Шлецеровы изданія для Германіи». Въ первые томы изданія В. Н. Каразинъ предполагалъ помѣстить драгющыя рукописи, наполнившія его сельскую библіотеку, отчасти имъ самимъ собранныя, отчасти унаслѣдованныя черезъ жену отъ И. И. Голикова. По мѣрѣ того какъ общество узнаетъ объ изданіи, оно само будетъ присыпать отовсюду имѣющіеся материалы для печати. Первоначальные расходы по изданію Каразинъ думалъ предложить Ал. Серг. Ширяеву, извѣстному тогда московскому книгопродавцу и содержателю Университетской книжной лавки на Страстномъ бульварѣ. Этотъ Ширяевъ уже издавалъ на свои средства статистику Кириллова, которую Каразинъ хотѣлъ считать первымъ томомъ «Отечественнаго Архива». Коммерческую сторону предпріятія Каразинъ разработалъ такъ: 60% чистой выручки шло доставившему печатанные документы; 16%—Ширяеву за комиссію и 24%—Погодину за хлопоты съ типографіею, граверами и литографами (изданіе предполагалось быть иллюстрированнымъ картами, планами и картинами. Ширяевъ отказался отъ участія въ проектѣ В. Н. Каразина 13-го августа 1828 года). Каково было отношеніе къ тому М. П. Погодина, мы не знаемъ, но изданія не было, и послѣ пожара въ Кручикѣ мы лишились богатѣйшихъ историческихъ материаловъ, составлявшихъ библіотеку Вас. Наз—ча³⁾). Мысль объ изданіи историческихъ документовъ не

1) Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, часть III, стр. 288. 1893. СПБ.

2) Тамъ же; часть вторая, стр. 203—206.

3) Русский Архивъ, 1893 года, январь, стр. 97—98.

въ первый разъ таилась у В. Н. Каразина. Въ 1818 году на страницахъ «Благонамѣренного»¹⁾ онъ предлагалъ изъ Кручики повторить приемъ историка Ив. Ив. Голикова—объявить по всей Россіи о присылкѣ для напечатанія хранящихся въ частныхъ домахъ письменныхъ документовъ. Но что значить въ то время голосъ какого то помѣщика богоодуховскаго уѣзда²⁾.

Дружба съ Погодинымъ продолжалась у Вас. Наз—ча до конца жизни; Погодинъ всегда бывалъ у Каразина, когда приходилось бывать вблизи Харькова³⁾, переписывался съ нимъ по разнымъ вопросамъ частнаго и общественнаго характера. «Приверженность Погодина къ славянамъ, впервые возбужденная Шлецеромъ, возрастала благодаря знакомству и сближенію его

¹⁾ № ХІІ, Смѣсь, стр. 324—329.

²⁾ «Нѣть, думаю, человѣка во всей Малой Россіи, который имѣль бы болѣе Каразина способностей и средствъ къ пріобрѣтенію матеріаловъ по всѣмъ частямъ о здѣшнемъ краѣ... На него моя крѣпкая надежда»,—писаль Погодинъ въ свою дневникъ въ 1827 году, намѣреваясь привлечь въ «Моск. Вѣстн.» В. Н. Каразина. (Барсуковъ, „Ж. и Тр. Чог.“, т. II, стр. 109).

³⁾ Барсуковъ расказываетъ со словъ Погодина о посѣщеніи имъ В. Н. Каразина: Погодинъ вмѣстѣ съ спутникомъ своимъ Щепкинымъ рано утромъ приѣхалъ къ Каразинымъ, которые были рады гостямъ «безъ памяти». Но телѣжка дала Погодину и его спутнику себя почувствовать. «Растрясло насъ жестоко», замѣчаетъ онъ, «и мы свалились, какъ ни перемогались». Отдохнувши, Погодинъ сталъ знакомиться съ окружающимъ и глаза его „разбѣжались на драгоцѣпную библіотеку, которой должно посвятить недѣлю, а я спѣшу“. Затѣмъ гулялъ по саду, по рощѣ, устроенной въ деревнѣ. „Просвѣщенный человѣкъ“, замѣчаетъ Погодинъ о хозяинѣ, „знаетъ всякую траву, вездѣ памятники, вездѣ доказательства просвѣщенія“. Каразинъ читалъ гостямъ разныя свои письма къ министрамъ, въ которыхъ, по мнѣнію Погодина, „много излишняго и вреднаго для него“.

Въ эту же ночь на той же телѣжкѣ путешественники выѣхали въ Харьковъ... Здѣсь Погодинъ получилъ письмо отъ Каразина слѣдующаго содержанія „Бога вы не боитесь; какъ можно такимъ образомъ посѣщать друзей въ Украинѣ! Пуще всего для меня больно то, что я не догадался попотчивать васъ покоемъ, въ которомъ вы, проѣхавъ всю ночь на почтовой телѣжкѣ, имѣли прекрасную нужду. Я воображалъ, что вы имѣли покойнѣе экипажъ, слѣдовательно, по обыкновенію, спали и высапались, на пескахъ особливо, отъ Харькова до Ольшаны, и отъ Богодухова до насъ. Уложивъ васъ во второмъ уже часу, тутъ я узналъ, увидѣвъ вашу повозку, что ни тѣмъ было начинать, чтобы водить васъ по своему парку и читать“. (Барсуковъ, т. II, стр. 318).

съ Венелинымъ и Каразинымъ», пишетъ біографъ Погодина ¹⁾. «Во время пребыванія Каразина зимою 1828 года въ Москвѣ, Погодинъ бесѣдовалъ съ нимъ о славянскомъ вопросѣ, и обрывокъ изъ этихъ бесѣдъ сохранился въ *Дневнике* его: «Къ Каразину обѣдать. Планъ его основать сербское государство, подъ покровительствомъ Россіи, куда бы стеклись всѣ австрійскіе славяне» ²⁾. Проекты и мысли Василія Назаровича находили себѣ сочувствіе у М. П. Погодина. Въ 1868 году, печатая въ издаваемомъ имъ журналѣ *«Русскій»* ³⁾ проектъ уже покойнаго Каразина, поданный князю Чарторижскому о возвращеніи политического существованія славянскимъ народамъ, находящимся подъ игомъ иночлененниковъ, Погодинъ замѣтилъ: «Читатели! Это писано въ 1804 году! Славяне! Помянемъ добромъ и благодарностью горячаго автора, которого близорукіе и односторонніе современники называли мечтателемъ» ⁴⁾. Погодинъ и Каразинъ дѣйствовали опять рука-объ-руку и въ заботахъ по изданію *«Москвитянина»*, *«Молодика»* и по разнымъ литературнымъ вопросамъ.

Въ концѣ 1828 года и началѣ 1829—В. Н. Каразинъ былъ снова въ Москвѣ. Объ этомъ судимъ по издаваемымъ въ это время за его подписью книгамъ въ Москвѣ и печатаемымъ въ періодическихъ изданіяхъ сочиненіямъ его. Въ декабрѣ 1828 года была имъ составлена статья «О удобнѣйшемъ способѣ сохранять и перевозить питательныя и цѣлебныя вещества», которую издавалъ въ началѣ 1829 г.; въ томъ же году онъ издавалъ VI т. *«Актовъ Филотехническаго Общества»* и печаталъ въ *«Историческомъ, статистич. и географ. журпалѣ»* замѣчанія свои *«О древностяхъ Слободско-Украинской губерпії»* и т. п. Жиль въ это время за Арбатскими воротами въ домѣ генералъ-маіора Базилевича—какъ значится его собственной рукой въ экземпляре *«Актовъ фил. общ—ва»*, поднесенному графу В. П. Кочубею 12-го апрѣля 1829 года ⁵⁾.

27 сентября 1828 года, слободско-украинское дворянство, руководясь обширными знаніями Каразина, его честностью и неутомимой дѣятельностью на пользу Украины, постоянно обращавшей на себя вниманіе общества, избрало Василія Назаровича

¹⁾ Тамъ же, стр. 203—206.

²⁾ *Дневникъ* 1828 г. подъ 6-мъ декабря.

³⁾ *«Русскій»* 1868 г., № 15, стр. 289—294.

⁴⁾ Барсуковъ. *«Жизнь и труды М. П. Погодина»*, книга третья, стр. 290—291.

⁵⁾ Этотъ экземпляръ находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

въ предсѣдатели уголовной палаты¹⁾. Извѣстіе объ этомъ избраніи оживило Каразина; онъ уже видѣлъ передъ собою картину будущей дѣятельности на пользу горячо любимой родины, радовало его и вниманіе харьковскаго общества, какъ видно понявшаго самооотверженныи труды его. Постановленіе дворянства пошло на утвержденіе законнымъ порядкомъ и какъ въ воду кануло; прошелъ 1828 годъ и половина слѣдующаго. Каразина не безъ основанія беспокоилъ исходъ дѣла: не такъ давно (въ 1824 году) избраніе его въ совѣтніе суды не было утверждено; можно было ожидать и теперь того же. Между тѣмъ Василій Назаровичъ очень дорожилъ возможностью расширить кругъ своей общественной дѣятельности и рѣшилъ самъ похлопотать объ утвержденіи себя въ должности. 22 іюня 1829 года была потребована въ Правительствующій Сенатъ копія съ формулярного списка о службѣ Каразина за подписью губернскаго предводителя дворянства²⁾. 6-го июля 1829 года Каразинъ отправилъ официальную просьбу управлявшему въ то время министерствомъ юстиціи князю А. А. Долгорукому, объ исправленіи своего послужного списка, именно: Василій Назаровичъ указалъ на упущенія въ характеристикѣ его дѣйствій по отношенію къ Харьковскому университету³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Каразинъ написалъ письмо частнаго характера Долгорукому съ изясненіемъ причинъ своего прощенія и прибавленіемъ нѣкоторыхъ писемъ вліятельныхъ лицъ, характеризующихъ его какъ человѣка: «Не излишнимъ, вѣроятно, будетъ и приватно, собственно для васъ назначенное письмо при моемъ официальномъ прошеніи. Дѣло мое не изъ числа обыкновенныхъ, и оно вашему сіятельству совсѣмъ неизвѣстно. Почему я счелъ *необходимостью* приложить *при семъ письмѣ* (не при прощеніи) то, что можетъ служить къ объясненію оного, ибо понятіемъ, которое о просителѣ будетъ имѣть вълагъ *просвещенный разумъ* и ваше чистое сердце (такъ разумѣются о нихъ вообще въ Россіи), я дорожу, весьма мало *дорожа предстоящимъ мѣстомъ*. Оно, признаюсь, не можетъ быть для меня лестничъ, послѣ всего со мною *спечившагося* и *утраченного* въ продолженіе пятидесяти шести лѣтъ.—Но выполнять свято его обязанности я тѣмъ не менѣе почту своею славою, равно какъ и зависимость отъ такого начальника, какъ вы—большою честью.

¹⁾ „Украинская Старина“ Г. П. Данилевскаго. Харьковъ, 1866 г. стр. 148.

²⁾ Неизданные документы, извлеченные проф. Д. И. Багалѣмъ изъ архива Мин. Нар. Просв. Тоже: „Украинская Старина“, стр. 148.

³⁾ Тамъ же: «Русская Старина», 1903 г., апрѣль, стр. 78.

Это не слова одни, будьте въ томъ увѣрены. Я не льстиль и царямъ, — и вотъ единственная причина, что я, при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, каковыя, вѣроятно, не возобновятся ни для кого въ мірѣ, не пошелъ далеко!..»¹⁾. Письмо было писано въ Богодуховѣ; черезъ день изъ Кручука Василій Назаровичъ посыпалъ дополненія къ письму отъ 6-го іюля: «Послѣ отправленія 6-го числа сего мѣсяца, къ вашему сіятельству, конверта моего, относительно до представленія меня въ кандидаты предсѣдателя уголовной палаты Слободско-Украинской губерніи и моего послужного списка по сему поводу, я нашелъ еще одну бумагу, которую долгомъ ставлю препроводить *такжে приватно* для свѣдѣнія вашего,—это прошеніе мое послѣ оставки блаженной памяти государю императору. И я предпочитаю представить его въ оригиналѣ («который, по прочтѣніи былъ мнѣ возвратченъ, такъ какъ шель не общимъ путемъ») того самаго времени, дабы отвратить всякое сомнѣніе. Оно содержитъ въ сокращеніи всю исторію предпріятія моего о харьковскомъ университѣтѣ. Ваше сіятельство, извольте согласиться, что ложь не могла имѣть мѣсто въ таковомъ послѣднемъ объясненіи подданного съ государемъ! Не приказный это документъ, конечно... Онъ передается отъ совѣсти къ совѣсти, и просвѣщенный умъ вашъ дастъ ему полную вѣру»... Говоря затѣмъ о своихъ заслугахъ по Мин. Нар. Просв., которая могутъ быть официально подтверждены на основаніи документовъ²⁾, Вас. Наз. продолжаетъ, намекая на Семеновскую исторію 1820 года: «Правительство, лишивъ меня («безвиннаго») по единому подозрѣнію *всего*, въ томъ числѣ доказательствъ моихъ заслугъ, равно какъ и моей невинности, поступивъ со мною, къ стыду вѣка, безъ суда, не сохранивъ даже никакой формы, обязало меня вознаградить при нынѣшнемъ случаѣ, котораго я отнюдь не искалъ и о немъ никогда не помышлялъ. Я былъ неоднократно кандидатомъ въ совѣсные суды; теперь кандидатъ предсѣдателя уголовной палаты. Слѣдовательно, въ обоихъ случаихъ имѣя на своей сторонѣ общественное мнѣніе, стану ожидать моего приговора—отъ васъ, какъ отъ генералъ-прокурора, въ разумѣ Петра Великаго. Это дѣло не частное и не бездѣлица! Меня можно вновь запереть, можно конечно назвать сумасшедшими, или и убить ненаказанию, но я имѣю шестерыхъ сыновей съ талантами—куда дѣвать ихъ? Дабы памъ никогда не было стыдно передъ Европою, покажемъ ей, что и мы *европейцы!*..

¹⁾ „Русская Старина“, 1903, апрѣль, стр. 78.

²⁾ О прошениі и упоминаемыхъ документахъ говорилось въ отдѣлѣ занятій Каразина по народному просвѣщенію.

Съ сею надеждою, милостивый государь, съ надеждою, что меня взыщутъ, а не отвергнутъ по прошествіи многихъ лѣтъ («въ кото-
рыя безъ славы и корысти я продолжалъ быть полезнымъ оте-
честву по силамъ моимъ»). Благодѣтельному графу Виктору Павло-
вичу (Кочубею) извѣстны частію мои труды по сельскому быту,
наукамъ и проче. Отъ васъ, сіятельныйшій князь, зависить при-
казать мнѣ сообщить вамъ все то, что по сей части васъ инте-
ресуетъ¹⁾ и проч.—Характеръ и тоць этихъ писемъ обратили
на себя вниманіе. У Каразина чрезъ земскій судь bogодуховскаго
уѣзда потребовали подлинныхъ документовъ, доказывающихъ его
участіе въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета. Васъ Наз.
представилъ рядъ бумагъ слободско-украинскому губернатору, ко-
торый 16 сентября отправилъ ихъ при официальной бумагѣ
въ министерство юстиціи. Въ числѣ отправленныхъ докумен-
товъ (поименованныхъ въ письмѣ къ какому-то Михаилу Ива-
новичу отъ 22 сент. 1829) были копіи съ жалобы Каустян-
скаго, изюмскаго предводителя («грубая сія жалоба да будетъ
первымъ доказательствомъ» участія моего въ дѣлѣ основанія
университета — писалъ Каразинъ), съ постановленія Сумскаго
дворянства о благодарности В. Н. Каразину (сент. 1802 г.) съ
рѣчи, напечатанной въ Вѣстн. Евр. 1803 г. авг. (къ харьков-
скимъ дворянамъ 1802 г.), и рядъ писемъ къ В. Н. Каразину
разныхъ высшихъ должностныхъ лицъ²⁾.

Но не успѣли оправдывающіе В. Н. Каразина документы
прійти въ Петербургъ, какъ состоялось рѣшеніе Правитель-
ствующаго Сената (19 сент. 1829 г.), которымъ принимался отказъ
перваго кандидата въ предсѣдатели Уголовной Палаты Гир-
жева (Каразинъ былъ вторымъ кандидатомъ), но не утвержда-
лись избраніе и кандидатура В. Н. Каразина. Указъ Сената
19 сентября 1829 г. на имя Слоб.-Укр. гражданскаго губернатора
Каховскаго, относительно В. Н. Каразина, гласилъ такъ: «Каса-
тельно представленнаго ныпъ кандидатомъ ст. сов. Каразина, то
Правительствующій Сенатъ, усматривая изъ рапорта вашего, что
изъ дѣлъ предмѣстниковъ вашихъ видно, что по Высоч. повелѣ-

1) Русская Старина, 1903 г., апрѣль, стр. 9—12.

2) Отношеніе статѣ-секретаря т. сов. Мих. Ник. Муравьевъ отъ
12 ноября 1802 г. за № 1924, къ мин. нар. просв.: письмо гр. П. П.
Коновицына къ Каразину; копія съ записки въ концѣ 1804 г.: пред-
ставленной мин. ви. д. въ оправданіе своихъ дѣйствій и офиц. от-
ношеніе къ Каразину за № 5483, 1815 г. управл. воен. мин. кн.
Горчакова I-го и мин. ви. д. О. Козодавлева. Упоминается еще о
нѣсколькихъ документахъ, обозначенныхъ лишь литерами. (Неизд. до-
кументы, хранящіе у пр. Д. И. Багалѣя).

нію, объявленного въ предписаніи бывшаго начальника Главнаго Штаба Е. И. Вел., отъ 10 мая 1821 г ему Каразину назначено было непремѣнное мѣсто пребываніе въ помѣстьѣ его Слоб.-Укр. губ., съ запрещеніемъ выѣзда изъ онаго и съ подтверждениемъ о наблюденіи, съ кѣмъ онъ будетъ имѣть сношеніе и чѣмъ будетъ самъ заниматься, а по таковому же высочайшему повелѣнію, объявленному въ предписаніи начальника Главнаго Штаба отъ 5 января 1826 г. разрѣшено Каразину право жить, где пожелаетъ, съ дозволеніемъ имѣть пребываніе и въ Москвѣ, кромѣ однакожъ С.-Петербургъ впередь до позволенія, и съ тѣмъ, чтобы воздержался отъ всякаго сужденія, до него неприпадлежащаго, а потому Правит. Сенатъ и не можетъ представить его въ кандидаты на Высочайшее утвержденіе Предсѣдателемъ въ Палату Уголовнаго Суда и полагаетъ поставить на видъ Дворянскому Собранию неумѣстность такового выбора¹⁾). Итакъ, дѣло кончилось не только неуспѣхомъ В. Н. Каразина, но и выговоромъ харьковскимъ дворянамъ за его избрание.

Тѣмъ не менѣе управлявшій Министерствомъ Юстиціи тов. мин. Д. Дацковъ нашелъ требованія В. Н. Каразина о поополпеніи формуллярнаго списка вполнѣ справедливыми и заслуживающими вниманія, почему 13 ноября 1829 года послѣдовала изъ департамента Мин. Юстиціи на имя Слободско-Украинскаго гражд. губ. Каховскаго офиціальная бумага, въ которой предлагалось послѣднему составить вмѣстѣ съ губ. предв. дворянства новый, исправленный послужной списокъ В. Н. Каразина, соотвѣтственно съ данными присланныхъ имъ въ министерство бумагъ²⁾ Каховской въ свою очередь, 13 дек. 1829 г., отнесся къ губернскому предводителю Времеву съ предложеніемъ исправить формуляръ Каразина³⁾). Времевъ поручилъ это исправленіе самому Каразину, какъ это видно изъ приписокъ послѣдняго къ копіи первоначальнаго списка (10 янв. 1830 г.). В. Н. впесъ между прочимъ извѣстныя уже намъ даннныя о «художникахъ» и слѣдующія біографическія о себѣ свѣдѣнія. «Въ 1811 г. быль учредителемъ Высочайше потомъ одобренаго Филотехническаго общества; получилъ благодарность изъявляющіе отзывы министровъ:

¹⁾ Дѣло Харьк. Губ. Пред. Двор. о ст. сов. Василіи Каразинѣ, кандидатѣ въ Предс. Пал. Уг. Суда єздѣніей губерніи, и полковнику Веселовскому, избранномъ въ сіе званіе. 1829—1830 гг. № 65. Листъ 16 Архивъ Харьк. Деп. Двор. Собр.

²⁾ Дѣло объ отношеніи гражданскаго губерн. о дополненіи форм. списка ст. сов. В. Каразина 1829 г. 15 л. № 22 по Описи дѣлъ Губ. Предв. 1828—1835 гг. Листъ 4 и 5. Арх. Харьк. Двор. Собр.

³⁾ То же дѣло, листы 1, 2 и 3-й.

внутреннихъ дѣль (за учрежденіе и успѣшный ходъ Филотехническаго общества) 1815 г. 15 апр.; военныхъ силъ (за представление объ облегченіи заграничнаго продовольствія войскъ и флота, которое одобрено учрежденнымъ нарочно для разсмотрѣнія сего комитетомъ, и о умноженіи въ государствѣ селитры) 1815 г. августа 20; полиціи (за представленіе особливой идеи о хлѣбныхъ магазинахъ) 1817 г. Вторично былъ избранъ депутатомъ Слободско-Украинскаго дворянства для Всеподданнѣйшаго ходатайства о неразрушимости привилегій сей губерніи 1819 г. февр.¹⁾). 14 января Каразинъ благодарилъ Времева за исправленіе по служебного списка и просилъ выдать себѣ копію съ него²⁾). Въ началѣ 1830 г. исправленный формуляръ за утвержденіемъ созѣрапія губернскаго дворянства былъ отправленъ въ силу указа Сената отъ 19 сент. 1829 г. не въ это учрежденіе, а въ Министерство Юстиціи, причемъ свое постановленіе собраніе мотивировало тѣмъ, что «отдавать справедливость заслугамъ есть одинъ изъ признаковъ прямо благородной души», и что «господинъ Каразинъ изъ сего подвига (основанія университета) собственно для себя не стяжалъ никакой награды³⁾.

Въ то время какъ въ Сенатѣ проходила кандидатура Каразина, сенатору ген.-лейт. Горголи поручено было собрать свѣдѣнія о поведеніи Каразина, какъ въ частной его жизни, такъ и въ соотношеніяхъ съ другими, «узнать объ его занятіяхъ и съ какими людьми наиболѣе стоитъ онъ въ связяхъ, т. е. съ честными и скромными или съ беспокойными и строптивыми. «Статскій совѣтникъ Каразинъ, сказано было въ рапортѣ подполковника Бахметева Горголи отъ 28 августа 1829 года, вообще извѣстенъ, какъ человѣкъ одаренный пылкимъ умомъ и способностью изясняться, какъ словесно, такъ и письменно, имъя, сверхъ природныхъ дарованій, хорошія свѣдѣнія въ наукахъ и образованность. Поведеніе его ни съ какой стороны порицанія не заслуживаетъ: въ частной жизни его ничего худого не замѣчено.—Занятія его въ быту частномъ состояли въ составленіи проектовъ по частямъ мануфактурной, агрономической, особаго образа управлениія крестьянами и нѣкоторыхъ перемѣнъ въ государственныхъ постановленіяхъ, въ коихъ онъ излагалъ политическія мысли свои. Успѣхъ ни въ чемъ не благопріятствовалъ г-ну Каразину: по части сельскаго хозяйства ни одно изъ его

¹⁾ То же дѣло, л. 7, 8 и 9.

²⁾ То же дѣло, л. 12.

³⁾ Архивъ Харьк. Губ. Правл. за 1829 г. Дѣло за № 279, стр. 16--17.

мнѣній не оказалось возможнымъ къ приведенію его въ дѣйствіе, одинъ онъ дѣлалъ въ томъ опыты и состояніе его весьма разстроено. Образъ мыслей его, въ отношеніи къ правительству, понудилъ приять противъ него мѣры строгости, дабы удержать въ пристойныхъ границахъ». Общество въ которомъ врацался Каразинъ заслужило одобрение Бахметева. Горголи, въ письмѣ къ графу А. Х. Бенкендорфу, прибавляя со своей стороны, что Каразинъ, «не касаясь способностей его ума, въ поведеніи своемъ, сколько мнѣ известно, не имѣть ничего предосудительного, проживаетъ въ деревнѣ съ своимъ семействомъ и рѣдко прѣбываетъ въ губернскій городъ, да и то на короткое время»; что осенью 1829 года онъ находился въ Харьковѣ «для помѣщенія сына своего въ учебное заведеніе университета, а также по случаю ожиданія имъ высочайшаго утвержденія, по избранію дворянства въ предсѣдатели уголовной палаты. Впрочемъ, на здѣшнее дворянство имѣть онъ влияніе очень мало»¹⁾—Несмотря на такую вполнѣ удовлетворительную аттестацію, вопросъ о предсѣдательствѣ Каразина въ Палатѣ Уголовнаго Суда, какъ мы видѣли, не получилъ осуществленія.

1830 и 1831 годы Василій Назаровичъ, кажется, никуда далеко не отлучался; по прежнему, живя въ Кручикѣ, онъ интересовался жизнью, переписывался съ друзьями. Между прочимъ хлопоталъ сколько могъ (въ 1830 г.) у влиятельныхъ лицъ Петербурга по поводу назначенія въ харьковскій округъ новаго попечителя. Въ интересахъ харьковцевъ онъ просилъ «не опредѣлять того или другого сверху, безъ сношенія съ университетомъ»²⁾. Посыпалъ въ томъ же году Погодину свое средство противъ холеры, тогда свирѣпствовавшей въ Москвѣ. Въ Украинѣ въ 1830 г. былъ неурожай; Каразинъ откликнулся и на это событие. Онъ послалъ Слоб.-Укр. губернатору Каховскому рецептъ, какъ увеличить питательность хлѣба на $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{3}$ при тщательномъ выполненіи его; для этого предлагалось ставить хлѣбъ не на водѣ, а на отварѣ исландскаго моха (въ большомъ количествѣ росшаго въ Слоб. Укр. губ.), который въ большомъ количествѣ содержитъ въ себѣ студень (желатинъ). Губернаторъ принялъ къ свѣдѣнію предложеніе, обратился къ губ. предв. дворянства, кото-

¹⁾ Письмо Горголи къ Бенкендорфу 31 авг. 1829 г. Рус. Стар. 1903 г. апр., стр. 12.

²⁾ Письмо Каразина къ Селиванову отъ 20 марта и 23 апр. 1830 г. Копії, хранятся у пр. Д. И. Багал'я.

рый въ кошіяхъ разослалъ рецептъ уѣзднымъ предводителямъ для распространепія.¹⁾.

Въ концѣ 1831 г. Каразинъ прѣхаль въ Москву для определенія своего сына (Александра Вас.) на службу въ министерство иностр. д., о чёмъ просилъ гр. Нессельроде; тутъ благосклонно отвѣтилъ па просьбу. Но Каразинъ, не довѣряя злой своей судьбѣ, все-таки беспокоился за успѣхъ дѣла и, предполагая, что сыну могутъ повредить, писалъ 13 ноября 1831 года шефу жандармовъ А. Х. Бенкендорфу; «Возвратясь домой, немедленно пишу къ вамъ трепещущую рукою. Ради Бога Всемогущаго не повредите моему сыну у графа Карла Васильевича (Нессельроде); если уже повредили, исправьте это какъ-нибудь. Сжалтесь надо мною: оставьте мнѣ послѣднєе это утѣшеніе. Ради Бога, ради самого Бога сжалтесь! Я, который не привыкъ никому работничествовать, мысленно простираюсь у ногъ вашихъ: умоляю васъ! довольно, уже довольно!.. Чемъ объяснить такое письмо? *Можетъ быть, нѣсколько разъяснить дѣло слѣдующая приписка* Вас. Наз—ча въ письмѣ къ Бенкендорфу отъ 15 ноября: «Въ смертельномъ страхѣ просилъ о сыне, четвертомъ изъ семерыхъ моихъ дѣтей, кои несчастны по милости Александра Христофоровича (ибо самъ государь, высокою его особою, не можетъ имѣть противъ меня, давно поражшаго, ничего, вовсе ничего)!—Но буде (предположимъ) я ошибаюсь въ моемъ мнѣніи, да оправдится Александръ Христофоровичъ, предъ честнымъ семействомъ *такъ, какъ* оправдываются обыкновенно честные истинно благородные люди, т. е. *благодѣяніемъ*. Это самое я и намекалъ въ первыхъ числахъ сего мѣсяца, но былъ встрѣченъ и провоженъ бранью предъ лицомъ лакеевъ въ передней!..» Фактъ казался бы намъ совершенно яснымъ если бы не письмо Бенкендорфа, отвѣчавшаго Каразину 13 ноября: «Изъ письма вашего отъ 13 ноября, писалъ Бенкендорфъ, имѣлъ я удовольствіе узнать, что вы имѣете сына,—обстоятельство, которое до сего времени мнѣ не было известно. Но если бы я и узналъ, что у васъ есть сынъ, то, не имѣя никакой причины вредить ему въ мнѣніи Карла Васильевича, я прошу васъ покорѣйше вѣрить, что напосить вредъ ближнему есть дѣло всегда чуждое моему образу мыслей». На основаніи подобнаго отвѣта Бенкендорфа, Н. Дубровинъ рѣшиаетъ, что жалобы Каразина совершенно безпричины (Русс. Ст. 1903,

¹⁾ „Дѣло о предложенномъ отъ ст. с. Каразина средствѣ употребить исландскій мохъ въ неурожайное время на хлѣбъ 1830 г.“ на 7 листахъ Архивъ харьк. Двор. Деп. Собр. по описи дѣлъ Губ. Предв. за № 27.

апр. стр. 13). Очевидно, что кто-то кривил душой, и мы склонны думать, что неискрененъ былъ Бенкендорфъ. Изъ докладной или объяснительной записки В. Н. Каразина отъ 20 ноября того же года видно, что Бенкендорфъ иѣсколько разъ докладывалъ государю о Каразинѣ и всякий разъ со вредомъ для него. (Тамъ же, стр. 15.) Что Василій Назаровичъ постоянно просилъ возможности увидѣться лично съ государемъ и что, по его мнѣнію, «никто, кромѣ Александра Христофоровича не, могъ полагать сему препоны»; что еще въ 1830 году Каразинъ «просилъ обѣ этомъ. По прошествіи десяти мѣсяцевъ» получилъ онъ письмо, въ которомъ Бенкендорфъ извѣщалъ о приказаніи своеемъ отобрать у Каразина все, что онъ имѣть сказать государю, черезъ генералъ-адъютанта Адлерберга (стр. 16). Недоброжелательство свое къ Каразину Бенкендорфъ довольно ясно показалъ своимъ грубымъ пріемомъ. О всѣхъ приведенныхъ мотивахъ Каразинъ упомянуль въ официальномъ показаніи. Что касается тѣхъ словъ Бенкендорфа, гдѣ онъ говорить о совершенномъ своемъ незнакомствѣ съ семьей и обстоятельствами жизни Каразина, то Вас. Наз. такъ писалъ о томъ въ частномъ письмѣ къ флигель-адъютанту московскаго полиціймейстера С. Н. Муханову: «Александръ Христофоровичъ отирается теперь отъ всякаго знакомства со мною, не зная де и имени, имѣю ли я дѣтей и проч.; лучше всего спросите супругу вашу, она можетъ вамъ сказать, что имя мое было довольно извѣстно въ домѣ Марии Дмитріевны. Тесьте вашъ ко мнѣ милостивъ, равно какъ и графиня. У насъ найдутся и письма отъ нихъ пріятельскія въ украинской деревнѣ» (стр. 17). Не оправдываетъ Бенкендорфа и отношеніе его къ Каразину послѣ 20-го ноября.

На конвертѣ письма Бенкендорфа Каразину отъ 15-го ноября было написано: «Господину Каразину», Москва на Воздвиженкѣ, д. Кошкина. Такой адресъ возмутилъ Василія Назаровича, и онъ, не распечатывая конверта, возвратилъ его присланному жандарму при собственной запискѣ. «Необыкновенная надпись! — писалъ онъ. Она заставляетъ меня думать, что не болѣе приличія соблюдено и въ самой бумагѣ. Почему долгомъ благороднаго человѣка почитаю ее возвратить, не распечатавъ». Указывая на то, что онъ получилъ шесть рескриптовъ государя, изъ которыхъ четыре были собственноручно надписаны, съ обозначеніемъ титула, имени и отчества, что недавно, именно въ 1829, 1830 и 1831 году, получилъ рядъ писемъ «отъ первѣйшихъ особъ имперіи», въ которыхъ незабыта вѣжливость, Каразинъ писалъ: «Отъ его высокопревосходительства зависить приказать мнѣ, что нужно чрезъ своего адъютанта, а подобныхъ отношеній я не приму, *имъя чести быть русскимъ дворяниномъ*, — не говорю о моихъ заслу-

гахъ отечеству и о личномъ уваженіи, коимъ я въ немъ пользуюсь отъ всѣхъ знающихъ мое имя благонамѣренныхъ особъ. Довольно же и того, что я снесъ до сихъ порь!» Получивъ такую записку, Бенкendorфъ поручилъ исправлявшему должность московскаго оберъ-полиціймѣстера флигель-адъютанту, полковнику Муханову пригласить къ себѣ Каразина и вручить ему пакетъ лично. Василій Назаровичъ, 20-го ноября, явился къ Муханову вмѣсть съ женою, которую просили удалиться. Мухановъ предложилъ Каразину вскрыть и прочесть адресованное ему письмо. Тотъ отказался это сдѣлать. Мухановъ заявилъ, что заставитъ исполнить свое требованіе. Василій Назаровичъ не стерпѣлъ, схватилъ конвертъ и порвалъ его на мелкие куски. Мухановъ потребовалъ письменнаго объясненія такихъ дѣйствій; Василій Назаровичъ написалъ, что уничтожилъ пакетъ для того, чтобы не читать оскорбительныхъ для себя выраженій, указывавъ на недоброжелательное отношение Бенкendorфа и на свое бѣдственное семейное положеніе: «дѣти мои довольно уже со мною несчастны... Дочь, одаренная всѣмъ отъ природы и не бѣдная, сохнеть въ дѣствѣ; ей теперь 26 лѣтъ. Она не имѣла ни одного жениха иошыпъ. Сынъ съ рѣдкими способностями, что доказалъ онъ книгою Иллюдометръ, изданною имъ на 18-мъ году возраста.—Жена въ горести; все имѣніе разорено слѣдствіемъ моего заключенія, истинно безвиннаго.—Но о семъ много писать довольно»... «Миѣ до сихъ порь запрещены: 1) въездъ въ Петербургъ, впередъ до повелѣнія, какъ сказано въ 1825 (1826) году, и сего повелѣнія я жду и испрашивалъ черезъ его высокопревосходительство (Бенкendorфа), ибо черезъ него были препровождены мои бумаги къ Е. И. В.; 2) издаваніе чего-либо изъ сочиненій моихъ, даже до земледѣлія» и проч. относящихся». Когда Вас. Наз. писалъ объяснительную записку, Мухановъ «стоялъ» у него «падъ шею», читая вслѣдъ каждое слово, каждую литеру»; второпяхъ Каразинъ не выскзался вполнѣ и въ тотъ же день сѣлъ и написалъ дополнительное письмо. Здѣсь онъ оплакивалъ свою участь, живо погребеннаго въ Россіи, говорилъ о неисполненныхъ своихъ мечтахъ основать въ Болгаріи университетъ такой именно, какимъ въ свое время думалъ видѣть Харьковскій. На слѣдующій день, 21-го ноября, Вас. Наз. докончилъ дополнительную записку «Я и не мыслю тянуться съ Александромъ Христофоровичемъ,— Богъ съ нимъ. Пускай себѣ страшаетъ народъ... Но да помилуетъ онъ меня, наконецъ; ему охотно предоставлю честь должностного за меня ходатайства и готовъ доставить ему записку о себѣ. Вотъ и примиреніе. Но онъ кричалъ, размахивая руками: «Этому не бывать, не бывать». Почему жъ не бывать, милостивый государь? Чѣмъ я грѣшилъ прощаemyхъ теперь измѣнниковъ польскихъ? Я,

котораго цѣлая жизнь («позволено въ такомъ случаѣ сказать о себѣ гордо саму истину») есть цѣль полезныхъ дѣлъ, который себя никогда ничѣмъ недостойнымъ не занятъ. «Смѣль-де, уменъ-де слишкомъ, дерзко-де пишетъ», слѣдовательно, за это и погубить его. А? милостивые государи. Бога убейтесь! Вашъ покорнѣйший слуга»... Затѣмъ приписалъ въ Р. С.: «худо, право, что мы въ Россіи не хотимъ узнатъ другъ друга. Безъ нарочного высочайшаго повелѣнія у насъ нѣть и достоинства. И чуть-чуть кто сидитъ повыше у должности, тотъ готовъ толкать въ затылокъ всякаго, кто ему ни представляется. Это болѣе нежели *азиатизмъ!*» Вотъ о этихъ то письмахъ Бенкендорфъ немедленно сообщилъ государю, не умолчавъ конечно и о фактѣ уничтоженія конверта. 23-го ноября состоялась резолюція государя: *«Выслать съ жандармскимъ офицеромъ обратно на обыкновенное мѣсто жительства»*. Московскій генераль-губернаторъ князь Голицынъ, сообщилъ харьковскому губернатору, чтобы онъ имѣлъ Каразина подъ строгимъ присмотромъ. Послѣдній выѣхалъ изъ Москвы 11-го декабря и опять появился въ своемъ Кручикѣ. Изъ письма Бенкендорфа къ Филадельфу Каразину можно заключить, что Василию Назаровичу былъ снова запрещенъ вѣзѣ въ Москву, разрѣшенный въ 1826 г. ¹⁾.

21-го декабря того же года сынъ Вас. Наз-ча—Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ «служацій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ» (какъ значилось въ подписи), частнымъ письмомъ просилъ Бенкендорфа о застушничествѣ за отца передъ государемъ; письмо было послано въ силу очень стѣсненного положенія семьи Каразинихъ: «несчастная, добрая наша мать, бѣдная сестра наша, всѣ мы—погибли, если онъ не будетъ помилованъ! На пребываніи его въ Москвѣ основывалась вся надежда наша на поправленіе разстроеннаго, скуднаго нашего состоянія. Теперь же все будетъ потеряно для насъ» ²⁾!... Письмо Фил. Вас-ча было доложено императору Николаю, который написалъ на немъ резолюцію: *«Нужно мнѣ знать, по какому поводу велѣло было при императорѣ Александрѣ выслать Каразина изъ Петербурга»*. Бенкендорфъ поручилъ графу Чернышову собрать нужные справки, который и предложилъ выписку изъ письма гр. В. П. Коцубея ³⁾, запрошенаго въ 1826 году по тому же предмету.

¹⁾ Письмо отъ 15 янв. 1832 года, за № 268/58. Русс. Стар. 1903, апр. 20—24.

²⁾ Тамъ же, стр. 18—19.

³⁾ Къ Ив. Ив. Дибичу, отъ 16 юля 1826 г. Шильдеръ, „Имп. Ал. Г“ т. IV, стр. 545. Мы по частямъ уже цитировали это письмо:

Изложивъ содержаніе письма гв. Чернышова, Бенкендорфъ писалъ Филадельфу Вас. Каразину 15 января 1832 года: «Государь императоръ, сообразивъ свѣдѣнія сіи съ послѣднимъ крайне предосудительнымъ поступкомъ отца вашего, учиненными имъ во время вынѣція высочайшаго пребыванія въ Москвѣ, изволилъ заключить, что отецъ вашъ, конечно, не умѣлъ восчувствовать оказанную ему его величества милость дозволеніемъ жить въ Москвѣ, и потому его величество, не находя справедливаго по-вода къ отмѣнѣ нынѣ высочайшаго рѣшенія о немъ императора Александра Павловича, не изъявилъ своего соизволенія на воз-вращеніе отца вашего въ Москву... Далѣе, Бенкендорфъ оправды-валъ себя отъ обвиеній во враждебности къ Каразину, доказы-вая это, какъ ходатайствомъ за него передъ государемъ въ 1826 году о разрѣшениі жить въ Москвѣ, такъ и представлениемъ го-сударю письма его сына на послѣднюю резолюцію; затѣмъ оправ-дывался отъ обвиенія въ невѣжливости: письмо было надписано «Г. Каразину» «по неизвѣстности въ канцеляріи (Бенкендорфа) имени и чина» Вас. Наз.-ча.

Между тѣмъ самъ Каразинъ, доставленный въ свое имѣніе, не остался спокойнымъ; уже 31-го декабря 1831 года онъ от-правилъ на имя императора письмо. Здѣсь Вас. Наз., во первыхъ, жаловался на обнародованіе «дѣйствій тайной экспедиції» ка-сательно его, которыя были *провозглашены* въ харьковскомъ со-борѣ въ присутствіи съѣхавшагося на выборы предсѣдателя уголовной палаты дворянства (11-го января 1830 года; однимъ изъ кандидатовъ былъ Каразинъ); во-вторыхъ, жаловался на Бенкен-дорфа, который «не отвѣталъ ни на одно прошеніе... и официальное, то, которое чрецовождено па имя управляющаго министерствомъ юстиціи, но которое къ нему по связи дѣль перешло, оставилъ безъ всякоаго отвѣта». «Симъ образомъ затворилъ онъ мнѣ и по-слѣдній оставшійся путь къ особѣ... государя...» (рѣчь м.-б. идетъ о перепискѣ по утвержденію избранія Каразина въ пред-сѣдатели уголовной палаты), въ-третьихъ, указывалось па незна-чительность проступка, за который высланъ былъ виновный изъ Москвы: «что и за святиня куверь этой!.. Онъ содержалъ партику-лярный отвѣтъ на партикулярное письмо: и печать и № (371, а не 4600 по крайней мѣрѣ, еслибы онъ принадлежалъ къ бу-

---

Въ Русск. Стар. 1903, апр. стр. 19—20 прибавка такая въ концѣ. „Освобожденіе его (Каразина) изъ крѣпости и отправленіе на житель-ство въ Харьковскую деревню послѣдовали по высочайшему повелѣнію, объявленному бывшимъ начальникомъ главнаго штаба княземъ Вол-конскимъ“.

магамъ по должности), то доказывали»... Въ заключеніе Каразинъ просилъ помилованія ради семьи своей. На письмо не послѣдовало никакого отвѣта.

ГЛАВА XI.

Послѣдніе годы жизни.

(1831—1842).

Разстройство состоянія и тяжбы до 1833 г. Дѣло съ гр. Подгоричани. Помощь со стороны Харьковскихъ профессоровъ и города Харькова (1834). Столкновеніе съ княземъ Трубецкимъ (1834). Разрѣшеніе въѣзда въ Москву (1835). Исторія съ аттестатомъ сына В. Н-ча—Александра Каразина (1835). Пожаръ сельской библіотеки (1836) и судьба Кручика. Сотрудничество въ журналахъ (1837—1842). Проектъ учебно-воспитательного заведенія для „женского пола въ низшихъ состояніяхъ“ (1838—1841). Участіе въ жизни Харькова. Просьбы объ облегченіи участія. Письмо къ Бенкendorфу въ ноябрь 1839 г. Послѣдняя попытка выступить снова на сцену офиціально-служебной дѣятельности въ качествѣ помощника библіотекаря Харьковскаго университета. Участіе въ „Москвитянинѣ“ и „Молодикѣ“.

Хозяйственныя дѣла В. Н. Каразина шли, между тѣмъ, все хуже и хуже. Уже давно ему приходилось вѣдаться съ судами за свои громадные долги. Еще въ 1804 году ихъ было свыше 40,000 рублей¹⁾. Въ 1819 году нѣкій Иванъ Куликовскій предъявилъ Каразину какую то (данную ему Куликовскому) закладную; въ 1823 году часть Кручинской земли была взята за долги подъ казенный присмотръ. Въ томъ же 1823 году гр. Подгоричани-Петровичъ искалъ по просроченной закладной,данной В. Н. Каразиномъ дѣду Подгоричани-Куликовскому—30,000 рублей²⁾. 22 іюля 1824 г. «чиновники земскаго суда, прибывъ съ секретаремъ и приглашенными дворянами въ село Кручикъ, ввели во владѣніе большей половины оного поручика графа Подгоричани-Петровича»³⁾. Въ 1825 году Подгоричани взыскивалъ съ Каразина «по заемному письму» деньги. Изъ указа правительствующаго Сената 30-го мая 1827 года за № 2348 на донесеніе Слобод-

¹⁾ Прошеніе В. Н. Каразина отъ—ноября 1804 г. государю Александру I-му. „Русс. Старина“ 1903, апрѣль, стр. 9—10.

²⁾ Рукописи Чиркова. Историческій Архивъ при харьк. унив.

³⁾ Донесеніе свящ. П. Базилевича епископу Шавлу Саббатовскому „Харьковскій Сборникъ“ 1887 г., стр. 59.

ено-Украинскаго губернскаго правленія видно: что къ этому времени графъ Подгоричани-Петровичъ взыскивалъ съ Каразина 24,331 рубль и по долговымъ обязательствамъ послѣдняго дѣду Подгоричани-Куликовскому болѣе 10,000 руб., «На основаціи устава о должникахъ» имѣніе Каразина было передано во временное владѣніе кредитору, а потомъ губернское правленіе хотѣло вовсе продать его съ публичныхъ торговъ, но встрѣтило затрудненія въ послѣднемъ намѣреніи и обратилось къ Правительствующему Сенату за разъясненіемъ. Съ Каразина искали еще и другіе кредиторы. Онъ заложилъ въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія 59 душъ своихъ крестьянъ, но такъ какъ не выплачивалъ залога, то крестьяне подверглись вмѣстѣ съ ихъ участками земли описи и продажѣ, при чемъ у Каразина осталось для удовлетворенія прочихъ кредиторовъ 140 душъ (и 149 душъ были во временномъ владѣніи графа Подг.-Петр.). По предъявленію заемныхъ писемъ Каразина безъ залога—графа Подгоричани-П.—9998 р., поручика Адрея Ковалевскаго 5524 р., тит. сов. Жезлова 9000 р., ком. сов. Парпуря 23.456 р. и дѣйств. stat. сов. Квитки 12,400 рублей — 97 душъ крестьянъ изъ оставшихся у Каразина были описаны (равно какъ и «прочія угодія»), а 43 души осталось «на особыя Каразина долги», имению чиновнику 8 класса Шуману 1000 р., коллежской совѣтницѣ Дзюбиной 2173 р., колл. сов. Каменеву 16,097, графу Подгоричани 1000, колл. сов. Шаде 2800 и именитому гражданину Борисову 2250 р.

Въ 1828 году было возбуждено дѣло по заемному акту, данному Каразинымъ филотехническому обществу (на имя З-хъ членовъ его—Квитки, Позднянского и Хорвата) во время его основанія въ 1811 году. Дѣло возникло такимъ образомъ. За долги, главнымъ образомъ графу Подгоричани, судъ постановилъ продать часть имѣнія, бывшаго еще во владѣніи В. Н. Каразина. Но когда приступили къ описи и оцѣнкѣ всего имѣнія В. Н. Каразина, онъ заявилъ о неправильности дѣйствій земскаго суда, такъ какъ-де часть имѣнія, подлежащая продажѣ въ уплату долга Подгоричани, заложена въ 10,000 рублей филотехническому обществу (*de iure* не упраздненному). По праву всякаго частнаго лица (еще съ царствованія имп. Екатерины II-й) переносить разборъ дѣла по желанию въ земскій (съ 1796-го года верхній и нижній земскіе суды слились, вѣрнѣе, остался *de facto* одинъ *нижній* земскій судъ) или уѣздный судъ¹⁾, Каразинъ перенесъ дѣло въ Богодуховскій уѣздный судъ. Разборъ начался 21 авгу-

¹⁾) „Земскіе суды“ статья... Словарь Брокгауза и Ефона, т. 24, стр. 532.

ста 1828 года и кончился 15 сентября того же года. Судъ заявилъ, что представленный Каразинымъ для остановки судебнаго дѣла по искамъ Подгоричани документъ (о фил. общ.), не можетъ быть признанъ причиной уважительной для прекращенія судебнаго разбирательства: актъ филотехническаго общества быль безсрочень и въ немъ значилось, что уплата производится по первому предъявленію его членами общества должнику, а таковаго предъявленія, со дня утвержденія акта (25 авг. 1811 г.) «до сего времени» (1827 г.?) не было; кромѣ того самый долговой актъ находился въ рукахъ должника. Тогда Каразинъ заявилъ о своей несостоятельности уплатить всѣ долги, если имѣніе его будетъ продано по частямъ. Послѣ этого заявленія (на основаніи устава о банкротахъ 2 части 18 отд.) судъ и исполненіе приговора остановилось. Такъ какъ вопросъ о банкротахъ—вопросъ преюдиціальный, то дѣло, до окончательнаго рѣшенія уѣзднаго суда, перешло въ губернское правленіе для опредѣленія свойствъ несостоятельности¹⁾. Губернское правленіе постановило: 1) Продать цѣликомъ имѣнія В. Н. Каразина, чтобы однимъ должникамъ не дать преимущества при уплатѣ долговыхъ обязательствъ въ ущербъ требованій другихъ; 2) Составить новую опись всему имѣнію движимому и недвижимому и подвергнуть публичной продажѣ; 3) Представить на усмотрѣніе Богодуховскаго уѣзднаго суда просроченную (10-ти лѣтняя давность) закладную филотехническаго общества; 4) На всякое имущество Каразина, которое только у него не состоить въ залогѣ, наложить запрещеніе до продажи его, а доходъ съ такихъ имуществъ до продажи ихъ обратить, примѣняясь къ статьямъ устава о банкротахъ 1 части, на удовлетвореніе кредиторовъ; 5) Назначить новые сроки для продажи имущества Каразина и подвергнуть ей, на основаніи справокъ, 149 душъ крестьянъ мужскаго пола съ семействами, 781 десятинъ 2106 кв. саж. пахатной земли, 223 дес. 200 саж. лѣса по рѣкѣ Мерлу и 149 дес. «неудобной земли».—Сроки продажи были назначены 27 іюня (1829 г.?), 31-го іюля и черезъ 3 мѣсяца отъ дня напечатанія объявленія о продажѣ и несостоятельности въ «Петербургскихъ» или «Московскихъ Вѣдомостяхъ».—Что касается третьяго пункта рѣшенія губернскаго правленія, то Богодуховскій уѣздный судъ призналъ закладной листъ не подлежащимъ «уваженію», какъ потому, что онъ просроченъ, такъ и потому, что «относительно такихъ документовъ ничего не говорится въ существующихъ законополо-

¹⁾) „Банкротство“. Тамъ же, т. 5, стр. 6.

женіяхъ». (Рѣшеніе 16-го сентября 1828 года)¹⁾.—Чѣмъ кончилось на этотъ разъ лѣло—неизвѣстно. Чириковъ (покойный, помощн. библ. Харьк. ун-та), единственный изслѣдователь тяжебныхъ дѣлъ В. Н. Каразина, о процессѣ 1828 года ничего болѣе не говорить.

Въ началѣ 1833 года Каразина собирались объявить несостоятельнымъ должникомъ: онъ не могъ уплатить графу Подгоричани-Петровичу срочныхъ 2400 рублей²⁾ (не въ возвратъ ли заложенной ему земли?) Денегъ у Василія Назаровича вовсе не было. На этотъ разъ харьковское общество пришло на помощь своему ревностному сочлену: профессоры и преподаватели въ императорскомъ Харьковскомъ университѣтѣ, узнавъ, что Василію Назаровичу Каразину слѣдуетъ внести въ харьковскую гражданскую палату, въ возвратъ графу Подгоричани, пошлииныхъ 2,384 рубля, коихъ онъ, по стѣсненному своему положенію въ назначенный срокъ представить не можетъ, не могли остаться въ равнодушномъ бездѣйствіи при семъ, столь близкомъ для нихъ обстоятельствѣ, но движимые сердечной благодарностью иуваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому, единственному виновнику основанія здѣсь университета, въ которомъ большая часть изъ нихъ получили образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству, просять взвестъ въ помощь г. Каразину собранную ими сумму», 1280 рублей³⁾, а черезъ нѣсколько дней 17 января 1833 года харьковскій городской голова Антонъ Матузокъ увѣдомилъ предсѣдателя гражданской палаты, что «по желанію гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ труды и представительства г. В. Н. Каразина о учрежденіи въ г. Харьковѣ университета, который распространилъ свои учебныя отрасли; черезъ сіе г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе», просилъ принять въ уплату долга Василія Назаровича 1200 рублей «сей малый знакъ истинной признательности»⁴⁾. Благодаря такой, въ то время, можетъ быть, безпримѣрной поддержкѣ общества, «отторгнутое имѣніе» возвратилось въ руки Каразина. Радость свою онъ выразилъ въ

¹⁾ Рукописи Чирикова.

²⁾ „Украинская Старина“, стр. 150.

³⁾ Письмо попечителя харьковского учебнаго округа Вл. Фильтьева къ предсѣдателю гражданской палаты Я. И. Каплинцову отъ 12 января 1833 г. „Украинская Старина“ стр. 150,—151.

⁴⁾ „Украинская Старина“, стр. 151. Харьк 1866.

письмѣ къ Тимофею Ивановичу Селиванову въ февралѣ 1833 года¹⁾.

Въ 1834 году Василій Назаровичъ задумалъ во 2-й разъ издаватъ изъ своего Кручика журналъ, подъ пазваніемъ «Гражданинъ вѣрноподданный» («Собесѣдникъ изъ Украины» 1806 года, кажется, вовсе не выходилъ). Характеръ журнала, его цѣль и назначеніе намъ неизвѣстны. Извѣстно только, что онъ былъ рукоисный и составлялъ его одинъ Каразинъ. Журналъ этотъ, вѣроятно, скоро прекратилъ свое существованіе, судя по слѣдующему эпизоду, встрѣтившему первые его выпуски.—Во 2-омъ № «Гражданина вѣрноподданшаго» были какія то замѣчанія на счетъ управлѣнія харьковской губерніей. Этотъ номеръ Каразинъ, между прочимъ, послалъ харьковскому губернатору, въ то время, князю Петру Ивановичу Трубецкому; результатъ этого поступка былъ самый плачевный для Каразина. 29-го марта 1834 года на имя богодуховскаго исправника Мерапди послѣдовало слѣдующее предписаніе гражданскаго губернатора: «Помѣщикъ Богодуховскаго уѣзда с. с. Каразинъ черезъ почту прислалъ ко мнѣ второй № журнала, который онъ вѣдь письменно подъ названіемъ «Гражданинъ вѣрноподданный» и въ которомъ, вопреки истребованной отъ него, Каразина, подпискѣ по распоряженію правительства отъ него отобраний, въ томъ, чтобы ему отнюдь не дозволять себѣ входить въ мѣстному начальству съ бумагами особаго содержанія, кромѣ только по собственнымъ его дѣламъ, онъ предоставляетъ себѣ въ пеприличныхъ выраженіяхъ дѣлать замѣчанія о моихъ распоряженіяхъ по управлѣнію высочайше вѣренной мнѣ губерніи. Къ прекращенію на будущее время таковыхъ дѣйствій со стороны г. Каразина, я предписываю вашему высокоблагородію, отправясь лично въ имѣніе помѣщика Каразина, объявить ему, чтобы впредь не осмѣливался доставлять ко мнѣ журналовъ или писемъ, подобныхъ вышеозначеному, для чтенія которыхъ, при исполненіи моей обязанности, не могу и не желаю безполезно терять время, при чемъ обязываетесь предупредить г. Каразина, что если и за силою вышеупомянутой данной имъ подписки онъ вновь станетъ утруждать меня бумагами, подобными послѣдне присланному имъ журналу, упустивъ въ семь случаѣ и требуемое отъ него уваженіе ко мнѣ въ моемъ званіи начальника губерніи, то я не премину представить вышшему начальству о поступленіи за сіе съ нимъ, какъ съ послушникомъ законной власти, по всей строгости существующихъ постановленій».—Мерапди побѣхалъ въ Кручикъ, объявилъ Каразину

¹⁾ Одно изъ неизданныхъ писемъ Каразина къ Селиванову.

предписаніе начальства и отобралъ отъ него требуемую подпиську, въ концѣ коей Василій Назаровичъ собственноручно подписалъ: «Сю и всякую предложенную мнѣ отъ начальства подпиську охотно даю, никогда и нѣ въ какомъ случаѣ не отступая отъ его предписаній»¹⁾...

Къ ударамъ самолюбію Каразина присоединилось новое цѣчастіе: въ 1835 году имѣніе его Кручикъ должно было ити съ торговъ, и онъ черезъ слободско-украинскаго губернатора просилъ о разрѣшеніи переселиться въ имѣніе жены и дѣтей—сельцо Анашкино, Звенигородскаго уѣзда, московской губерніи; при этомъ Каразинъ просилъ и официальнаго позволенія жить по временамъ въ самой Москвѣ, гдѣ у него былъ свой домъ и куда былъ ему воспрещенъ вѣзьмъ императоромъ Николаемъ резолюціей отъ 23 ноября 1841 года. 29 мая 1835 года доклады валъ государю о просьбѣ Каразина графъ Бенкендорфъ; 2-го июня состоялось рѣшеніе; императоръ написалъ: «Согласенъ, но подъ строгимъ надзоромъ, чтобы никуда не отлучался»²⁾.

21 окт. 1835 г. сынъ В. Н.—ча Александръ Каразинъ³⁾ обратился съ прошеніемъ въ правленіе харьк. ун—та о выдачѣ ему аттестата (диплома) на званіе дѣйствительшаго студента, необходімаго для поступленія на службу. Аттестать былъ изгото вленъ по окончаніи А. Каразинъ курса университета еще въ 1833 г., но не былъ выданъ по особому распоряженію попечителя Филатьева⁴⁾). 23 окт. 1835 г. явился въ канцелярію правленія В. Н. Каразинъ съ упомянутымъ сыномъ. Присутствіе перваго нѣсколько объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ про

1) Д. Ш. Миллеръ. „В. Н. Каразинъ и князь П. И. Трубецкой“. Исторический Вѣстникъ, 1900 г. юнь, стр. 887—889. т. 80.

²⁾, Русская Старина, 1903, апр., стр. 24.

³⁾ Изъ чернового аттестата Александра Каразина видно, что онъ числился студентомъ по физ.-мат. отд. фил. фак. Харьк. Ун. съ 23 июня 1829 г. по 30 июня 1831 г.; потомъ послѣ обучения въ Моск. ун. съ 31 авг. 1831 по 21 июня 1832 г. вторично поступилъ въ Харьк. ун. по тому же факультету 6 сент. 1832 г. на 3-ій курсъ и находился въ немъ по юль 1833 г.

⁴⁾ Въ предлож. попеч. Филатьева ректору Харьк. ун—та отъ 1 сент. 1833 г. за № 960: «пріостановить выдачу аттестатовъ на званіе дѣйст. студентовъ поступившихъ изъ Моск. ун—та, въ томъ числѣ и Каразину, по случаю яѣкоторыхъ относительно ихъ свѣдѣній, требуемыхъ г. Управляющимъ Мин. Нар. Просв.»... Дѣло Правленія И. Х. Ун. о выдачѣ с. с. Каразину свидѣтельства о дворянскомъ происхожденіи сына его и о проч. 1839 г. Фундаментальн. библ. Харьк. ун., шк. рук. 10%.

шениі Александръ Каразинъ предлагалъ выдать аттестатъ или ему лично или подъ расписку отца. Когда принесена была нужная бумага, В. Н. Каразинъ, по словамъ рапорта испл. обяз. секретаря правленія, «выхватилъ аттестатъ изъ руки державшаго онъ Назарова и своевольно положилъ онъ къ себѣ въ карманъ, говоря со вспыльчивостью, что сей документъ будетъ ему опорою противу всѣхъ несправедливостей, оказанныхъ сыну его Александру въ семъ учебномъ заведеніи, коего г. Каразинъ называетъ себя основателемъ; и что никто у него не можетъ истребовать сего документа¹⁾). Испл. обяз. секретаря Туранскій потребовалъ возвращенія документа и указалъ на то, что въ противномъ случаѣ онъ донесеть о происшедшемъ начальству. Каразинъ въ отвѣтъ «насмѣшилъ» (по словамъ рапорта) предложилъ исполнить намѣреніе. Дѣло происходило въ 6-мъ часу вечера, въ присутствіи нѣсколькихъ мелкихъ чиновниковъ; въ тотъ же вечеръ (23 окт.) былъ представленъ рапортъ о происшедшемъ ректору университета И. Я. Кронбергу. Послѣдній немедленно (въ тотъ же день) препроводилъ дѣло къ попечителю округа (гр. Ю. А. Головкину) съ просьбой заставить Каразина возвратить «самовольно взятую бумагу и тѣмъ оградить университетъ отъ подобныхъ похищений»²⁾. 24 окт. попечитель отнесся за содѣйствіемъ къ губернатору (кн. Трубецкому³⁾). 25 числа Каразинъ уже все зналъ объ исходѣ дѣла и писалъ длинное опроверженіе рапорта, представленнаго попечителю. «Въ доносѣ нѣть и тѣни справедливости»—писалъ онъ; по всей вѣроятности ректоръ, преслѣдующій Каразинъ «болѣе десяти лѣтъ», «заставилъ секретаря подать рапортъ, чтобы имѣть поводъ подать свой попечителю». Рѣшительно опровергался фактъ выхватыванія изъ руки бумаги: «это нелѣпость! Назаровъ принесъ ее (бумагу) изъ другой комнаты, оторвалъ уголокъ и отдалъ, а я положилъ въ боковой карманъ. Послѣ чего еще съ полъ часа пробылъ въ канцеляріи, помогая Назарову и другимъ отыскивать свидѣтельства о происхожденіи обоихъ сыновей (за коими, *a не за аттестатомъ я прѣзжалъ*)». Каразинъ писалъ, что оба (т. е. подлинный и пробный оттискъ) аттестата онъ получилъ утромъ (а не вечеромъ, какъ было въ рапортахъ), что «основателемъ университета» онъ себя не называлъ, что взятый имъ доку-

¹⁾ Дѣло Правленія И. Х. Ун. «о самоуправномъ взятіи Каразинымъ аттестата» 1835 г. Ф. Б. Х. Ун. ^{10/24}.

²⁾ «Дѣло о поступкѣ, сдѣланномъ с. с. Каразинымъ въ канцеляріи Правл. Харьк. Ун.» 1835 г. Ф. Б. Харьк. Ун. шк. рук. ^{10/3}, листъ 1-й и 2-й.

³⁾ То же Дѣло, л. 3 и 4-й.

ментъ не представляетъ ничего цѣннаго для начальства, но дорогъ «для растерзанаго отцовскаго сердца». Въ заключеніе, В. Н. просилъ не слушать «езуита» Кронберга, взять обратно у губернатора «уничижительную» бумагу и позволить себѣ оставить если не весь оттискъ аттестата, то по крайней мѣрѣ часть, съ напечатаннымъ именемъ сына¹⁾. Между тѣмъ губернаторъ не замедлилъ дѣйствіями, и 30 октября В. Н. Каразинъ явился въ канцелярію правленія университета съ адъютантомъ кн. Трубецкого Лосевымъ и въ присутствіи послѣдняго возвратилъ взятый аттестатъ сына. Выѣстъ съ аттестатомъ Каразинъ пытался передать для попечителя (въ запечатанномъ конвертѣ) свое оправдательное письмо, но «не могъ никакими просьбами и убѣжденіями» заставить чиновниковъ принять его. Неудача преслѣдовала Каразина въ квартирѣ попечителя, его канцеляріи и канцеляріи университетской. Въ тотъ же день, на глазахъ у Лосева, «приставленные къ двѣмя солдаты схватили меня за груди», — писалъ Каразинъ 5 февр. 1836 г. тому же попечителю гр. Головкину, — «Иванъ де Яковлевичъ (Кронбергъ) намъ приказалъ васъ не впускать», изъ пѣсколькихъ миллионовъ жителей округа мнѣ одному, его почетному члену и учредителю, воспрещень входъ въ его зданія публично и съ тяжкою обидою». Возвращенная бумага оказалась изрѣзанной и кругомъ по полямъ исписанной примѣчаніями²⁾. Хотя нравственное униженіе и пришлось перенести В. Н.—чу, однако онъ рѣшилъ оправдаться хотя бы во мнѣніи попечителя. Въ началѣ февраля³⁾ 1836 года Каразинъ обратился съ просьбой къ кн. Трубецкому снести съ попечителемъ и убѣдить послѣдняго пріобщить оправдательное письмо его (Каразина) къ «Дѣлу о востребованіи» злополучнаго аттестата. Этимъ надѣялся В. Н. спасти съ имени своего «безславіе» въ глазахъ потомства⁴⁾. Кн. Трубецкой нашелъ просьбу Каразина достойной уваженія и

¹⁾ То же Дѣло, л. 6 и 7-ой.

²⁾ Примѣчанія эти не безинтересны; они до некоторой степени проливаютъ свѣтъ на описываемый фактъ. Прим. 1-е: «Примѣчаніе отца безвинно несчастнаго студента, написанное 24 окт. 1835 г. Въ 4-хъ прочихъ примѣчаніяхъ стремленіе доказать, что аттестовать ни на что не нужная бумага, и представлять изъ себя лишь пробный неудачный оттискъ настоящаго аттестата. Прим. 2-е передъ вырваннымъ клочкомъ бумаги: «Здѣсь была подпись повытчика, которую онъ самъ, вручая мнѣ эту никому не нужную макулатуру, отодралъ». Предыдущее дѣло, лист. 8.

³⁾ «Дѣло о поступкѣ» Каразина, листъ 7.

⁴⁾ «Дѣло о поступкѣ, сдѣланн. Каразинъ въ Канц. Пр.» 1835 г. л. 6 и 7.

послать письмо его попечителю; послѣдній уведомилъ о получении документа, а на подлинномъ письмѣ Каразина значится карандашемъ резолюція—оставить безъ отвѣта. Письмо, дѣйствительно, сохранилось при дѣлѣ, и потомство имѣетъ возможность произнести справедливый приговоръ В. Н.—чу. Въ 1839 г. Каразинъ снова просилъ выдать дорогой ему атtestатъ уже умершаго сына (Александра) и свидѣтельство о дворянскомъ его происхожденіи, но въ выдачѣ первого снова получилъ отказъ¹⁾.

Зиму 1836 года²⁾ Василій Назаровичъ жилъ въ Харьковѣ (на Екатеринославской улицѣ въ домѣ Панкратьевъ)³⁾. Тогда же случилось новое несчастіе для Василія Наз—ча. Зять его, докторъ Сявцилло⁴⁾ (польскъ родомъ) «поѣхалъ изъ города къ нему въ деревню, нашелъ деревенскій домъ нетопленымъ и велѣлъ его проторить. Неловкіе слуги затопили разомъ во всѣхъ печахъ. Зять хозяина деревни пошелъ по хозяйству, а когда вернулся, увидѣлъ домъ объятыемъ пламенемъ; потерявшись, вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ спасенію постройки, Сявцилло велѣлъ запрягать лошадей, сѣль и уѣхаль»⁵⁾... Въ этомъ роковомъ пожарѣ сгорѣла вся замѣчательная библіотека В. Н. Каразина, которой нѣкогда восхищался М. П. Ногодинъ, всѣ автографы и рѣдкія важныя рукописи, и до 5,000 томовъ книгъ, по разнымъ отраслямъ знанія, хозяйству и проч. (Данилевскій). Между прочимъ, сгорѣло, вѣроятно, не мало еще ненапечатанныхъ трудовъ И. И. Голикова (изъ которыхъ лишь «Статистика Петрова времени» да статья «О Китаѣ» («Благонамѣренный», 1819 г. № VI, ч. V, отд. «Прозы», стр. 337—351) были напечатаны; въ примѣчаніи къ послѣдней Голиковской статьѣ (стр. 347) Каразинъ обѣщалъ издать въ свѣтъ рядъ рукописей Голикова, которыхъ не были напечатаны и, по всей вѣроятности, сдѣлались жертвою огня въ 1836 году.—О печатныхъ литературныхъ и историческихъ рѣдкостяхъ библіотеки можемъ судить по письму Каразина къ графу Аракчееву отъ 12 ноября 1816 года⁶⁾. Здѣсь перечисляются рѣд-

¹⁾ „Дѣло о выдачѣ с. с. Каразину свидѣтельства о происх. сына его“ 1839 г. л. 2, 3, 4 и 5.

²⁾ Письмо В. Н. Каразина къ Т. И. Семенову отъ 6 ноября 1836 года. О томъ же см. Украинскую Старину, стр. 149.

³⁾ А не Севцилло, какъ передаетъ Г. Ш. Данилевскій. Такъ называютъ его и крестьяне-крученцы, такъ значится и въ собственныхъ его купчихъ, хранящихся въ конторѣ гутянского свеклосахарн. завода Кенига.

⁴⁾ Украинская Старина 149.

⁵⁾ „Украинскій Вѣстникъ“ 1817 г., декабрь, отд. I.

кіе экземпляры сочиненій церковныхъ историковъ—Евсевія, Оригена, Григорія Назіанина, Степенная книга митрополита Кипріана и проч. Въ «Благонамѣренномъ» за 1818 годъ¹⁾ находимъ указание на существование, напр., въ библіотекѣ «Примѣчаній на Вѣдомости» («любошытнѣйшее изданіе съ 1730 по 1741 годъ и далѣе—родь ученой энциклопедической газеты»), настолько рѣдкихъ, что еще въ 1754 году «Ломоносовъ», которому знаменитый покровитель его поручилъ разыскать для него экземпляръ «Примѣчаній», отвѣчалъ ему: «уже многіе и за*нѣсколько лѣтъ ихъ спрашиваются; однако сыскать не могли, за тѣмъ, что ихъ по малу было напечатано и не по мѣрѣ Россійскаго Государства (соч. Ломоносова. Т. I, стр. 335, изд. 1791 г.)».—О содержаніи сельской библіотеки можно также судить по напечатаннымъ въ «Молодикѣ» на 1844 года случайно сохранившимся отъ пожара рукописямъ.—Крестьяне-крученцы, рассказывая о пожарѣ Каразинской библіотеки, называли ее «книжнымъ магазиномъ»—свидѣтельство о ея размѣрѣ. Они даже пріурочиваютъ смерть Вас. Наз—чакъ гибели библіотеки: Каразинъ послѣ пожара «съ досады умѣръ». Дѣйствительно, Василій Назаровичъ очень жалѣлъ о своей невознаградимой потерѣ. Г. П. Дараплевскій разсказываетъ: «Я помню, въ зимній бурный вечеръ, худого сѣдого старичка, который заѣхалъ на хуторъ моего отца и плакалъ, рассказывая о пожарѣ... Это былъ В. Н. Каразинъ». Отъ пожара библіотеки уцѣлѣли однако семь томовъ собственноручныхъ записокъ и копій съ «Писемъ В. Каразина»—съ 1821 по 1842 годъ²⁾. Эти документы теперь неизвѣстно где находятся; у родственниковъ и потомковъ В. Н. Каразина ихъ нѣтъ.

Съ точностью неизвѣстно, когда Каразинъ принужденъ былъ оставить Кручикъ. Въ 1837 году Василій Назаровичъ адресовалъ еще свою статью «О вѣроятной причинѣ всеобщаго измѣненія температуры» въ Журн. Мин. Нар. Просв. изъ «Богодуховскаго уѣзда»³⁾, а съ 1838 года вся статьи и письма Каразина помѣщены г. Харьковомъ⁴⁾, Москвой или Одессой. Въ описи судебныхъ дѣлъ, введенныхъ В. Н. Каразинымъ, составленной Чириковымъ (въ рукописяхъ), значится подъ 1838 годомъ за № 22: «Дѣло ст. сов. Карап-

¹⁾ Часть IV, декабрь, въ отд. „Смѣси“, стр. 25.

²⁾ Украинская Старина, стр. 150.

³⁾ 8 мая 1837 г. Ж. М. Н. Пр. 1837 г., октябрь, стр. 691.

⁴⁾ См. напр. письма къ Тройницкому 1838 г. („Русскій Архивъ“ 1894, I, 563). Статья „Польскій вопросъ“ 1839 года (Русская Стар. 1870, II, 596). Рядъ статей въ Харьковск. Вѣдомостяхъ 1838, 1839, 1840, и 1841 г.г. Письма помѣщенные въ Русс. Стар. 1903 г. (апрѣля, 26, 27). Статьи въ „Молодикѣ“ на 1844 г. (стр. 45, 230) и мн. др.

зина съ помѣщикомъ Топчіевымъ о имѣніи» и подъ 1839 годомъ за № 10: «Дѣло о выдачѣ графу Егору Подгоричани-Петровичу данной на утвержденіе за нимъ съ публичнаго торгу имѣніе, принадлежащее статскому советнику Каразину богоуховскаго уѣзда въ с. Кручикъ». Г. П. Данилевскій говоритъ: «Село Кручикъ досталось теперь (1866 г.), по покупкѣ отца, по наслѣдству двумъ дочерямъ зятя В. Н. Каразина, Ольгѣ Ив. и П. Ив. Севцилло, въ замужествѣ г-жѣ Мягкиной и г-жѣ Зимборской»¹⁾. Теперь Кручинскія владѣнія В. Н. Каразина раздробились на множество частей, изъ которыхъ ни одна не принадлежитъ родственникамъ его²⁾.

Въ сентябрѣ 1837 года Василій Назаровичъ былъ въ Одесѣ, (жилъ на Преображенской ул. въ домѣ Попова). Тамъ между прочимъ сотрудничалъ въ «Одесскомъ Вѣстнику», издателемъ кото-раго былъ А. Г. Тройницкій. Послѣдній, на страницахъ издаваемыхъ имъ журналовъ³⁾, проводилъ неустанно идею объ усиленіи черноморской вывозной торговли Россіи. В. Н. Каразинъ тоже мечталъ объ усиленіи вывозныхъ средствъ отечества; онъ самъ торговалъ съ чужими краями изъ своего Кручика, и учрежденіе филотехническаго общества имѣло главнымъ образомъ цѣль торговать съ иностранцами продуктами, на мѣстѣ обработанными; вотъ почему онъ послалъ Тройницкому для напечатанія свою статью: «Отрывокъ изъ разсужденія о Черноморской торговлѣ», гдѣ указывалъ русскимъ помѣщикамъ на возможность выгодно торговать съ Европой разными продуктами хозяйства, почти не использованными на мѣстѣ. 5-го марта слѣдующаго года Вас. Наз. настаивалъ передъ Тройницкимъ о напечатаніи этой статьи, почему то ненапечатанной, и послалъ новую: «Объ алкоголѣ»: «Я такой дуракъ въ 66 лѣтъ: изъ шкуры лѣзу ни за копѣйку, на всѣхъ навязываю свой патріотизмъ. Но что то зараза эта, не какъ восточная язва, рѣдко къ кому пристаетъ», объяснялъ свои дѣйствія Вас. Наз.⁴⁾. Тройницкому же Каразинъ посыпалъ одну критическую замѣтку на переводъ А. Фабромъ

¹⁾ Часть имѣнія, гдѣ былъ домъ и учрежденія Вас. Наз—ча, досталась Егору Арсеньевичу Зимборскому; сынъ его Данило Егоровичъ былъ послѣднимъ наслѣдникомъ собственникомъ кручинскихъ земель изъ родственниковъ Вас. Наз—ча (до 30 апр. 1883 г. Дм. Ник. Мягкій—до 8 іюня 1882 г.).

²⁾ См. подробности о томъ въ приложеніяхъ: Поѣздка въ Кручинкъ.

³⁾ Кромѣ „Одесского Вѣстника“ А. Г. Тройницкій издавалъ одновременно „Journal d' Odessa“.

⁴⁾ Русский Архивъ, 1894, I, 556—563.

«Перипла Понта Евксинского» Арріана, которая свидѣтельствуетъ о развитіи эстетического чувства В. Н. Каразина¹⁾. Въ Одесскомъ же Вѣстникѣ Каразинъ печаталъ въ 1842 г. статью «О сахарѣ арбузного сока»²⁾; туда же посыпалась и статья «О сжегніи угла съ расчетомъ», впрочемъ ненапечатанная.

Въ 1838 году въ Харьковѣ начали издавать «Губернскія Вѣдомости». В. Н. Каразинъ принялъ въ нихъ дѣятельное участіе и въ теченіе 4-хъ лѣтъ (1838—1841) напечаталъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ, касающимся главнымъ образомъ Харькова и родной губерніи. Въ 1839 году, печатая замѣтку о «Переходѣ института благородныхъ дѣвицъ въ новое жилище», Каразинъ поднялъ впервые вопросъ о необходимости морального, систематического женского образования «въ низшихъ состояніяхъ». «Старое помѣщеніе благородныхъ дѣвицъ да займется училищемъ, дѣвичьимъ же, но для средняго состоянія»³⁾; нѣсколько позже (1841 г.) Каразинъ развилъ эту идею въ проектѣ «О воспитаніи женского пола въ низшихъ состояніяхъ»⁴⁾—устройство специальныхъ школъ. Не только въ Россіи, но и за границей ничего подобного никому не приходило тогда въ голову: намеки на идею Вас. Наз.—ча представляли школы Швейцаріи и Пруссіи для женскихъ рукодѣлій.—Каразинъ предлагалъ устроить на средства общественной благотворительности женское училище въ Харьковѣ. Это по его мнѣнію было естественной необходимостью: «Сама природа назначила матерей учительницами ихъ дѣтей»... Идея Каразина нашла себѣ откликъ въ обществѣ: «Начальница этого института благородныхъ дѣвицъ, да и многіе, очень одобряли эту мысль»—писалъ онъ графу А. Х. Бенкendorфу⁵⁾. «Легко ей состояться, если вы подкѣрѣпите на одной изъ приватныхъ бесѣдъ вашихъ» съ великой княгиней Маріей Николаевной, въ честь (и подъ покровительствомъ) которой Каразинъ думалъ учредить свое учебное заведеніе.—«Мысль Каразина, говорить по поводу проекта Василія Назаровича проф. Дм. Ив. Багалѣй, «осуществилась уже въ наше время съ устройствомъ извѣстной ремесленной школы общества грамотности. Не забудемъ, что эти передовыя идеи развивалъ не юноша, а 69-лѣтній ста-

¹⁾ Тамъ же, стр. 561—562.

²⁾ Одесскій Вѣстникъ, 1842 г. № 68.

³⁾ Харьк. Губ. Вѣд., 1839 г. Приложения, стр. 234.

⁴⁾ Харьк. Губ. Вѣд. 1841 г. ч. неоф, № 4, стр. 21—23,

⁵⁾ 29 сентября 1839 года „Русская Старина“ 1903 годъ, апрѣль, стр. 26.

рецъ за годъ до своей смерти». «Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о широкомъ пониманіи имъ идеи образованія...¹⁾.

Предлагая тѣ или другія дѣйствія харьковскимъ обывателямъ, Вас. Наз. имѣлъ въ виду улучшеніе, прогрессъ любимаго Харькова: «Городъ моей отчизны, любезный Харьковъ! какъ желалъ бы я, чтобы ты послужилъ примѣромъ для пышнаго Лондона и цивилизованнаго Парижа», писалъ онъ въ 1840 году, предлагая провести канализацію въ городѣ и спасти харьковскія рѣки отъ засоренія путемъ возвышенія ихъ береговъ²⁾. Путемъ печати старался Каразинъ побудить харьковскихъ помѣщиковъ, указывая на результаты собственныхъ опытовъ, заняться обрабатывающей промышленностью; цѣлый рядъ статей содѣйствовалъ этой цѣли³⁾. Въ 1841 году Вас. Наз. въ статьѣ «О значеніи Харькова для полуденной Россіи» предложилъ возобновить филотехническое общество⁴⁾, которое бы усилило вывозную торговлю отечества и при наличности нужныхъ средствъ въ Харьковской губерніи возвысило-бъ значительно благосостояніе родного края⁵⁾: «выработанные концентраты могутъ быть съ большою пользою отправляемы во всю Европу черезъ порты Чернаго моря»⁶⁾.

Въ 1839 году Каразинъ отозвался сочиненіемъ на вопросъ, составлявшій въ то время злобу дня. Читая разъ въ *Journal des Debats* « сострадательную статью о Полышѣ », Каразинъ не вытерпѣлъ и составилъ отвѣтную статью (23 февр. 1839 г., Харьковъ), которую посыпалъ въ *Journal de S.-Petersburg* и *Journal des Debats*; статья эта не была напечатана тогда, но рукоисные экземпляры Вас. Наз., можетъ быть, посыпалъ разнымъ лицамъ; о томъ свидѣтельствуетъ, напр., письмо Бенкендорфа⁷⁾. Задачей

¹⁾ „Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина“. Записки Харьк. ун—та 1891 г. кн. I, стр. 21.

²⁾ Харьк. Губ. Вѣд. 1840, № 12, стр. 113.

³⁾ Самый серьезный проектъ: „О сжиганіи угля съ расчетомъ“. Х. Г. В. 1841 г. №№ 8—11; также: „О приготовл. дерева на стол. раб.“ и др. 1838, № 10.

⁴⁾ Каразинъ тѣмъ легче думалъ возобновить фил. общ., что оно не было официально упразднено.

⁵⁾ Та же идея проводилась въ статьяхъ: „О торгѣ за границу хлѣбными спиртами (1838 г. № 50, 421—425. „О химич. превр.“ 1840, № 438).

⁶⁾ „О значеніи Харькова для полуденной Россіи 1840, № 39, 40 и 41; 339—345, 351—363, 363—365.

⁷⁾ „Сѣверная Пчела“ 1860 г., № 92, письмо 28-е. Отъ 20 марта 1839 года.

статьи было указать иностранцамъ на безмысленность заявленій иностранныхъ журналовъ о возстановлении «акс.-государства» Польши.

Съ 1835 года, по Высочайшему повелѣнію, Каразину было разрѣшено пребываніе въ Москвѣ, но «подъ строгимъ надзоромъ, чтобы никуда не отлучался». Подобный надзоръ, вѣроятно, сильно тяготилъ Василія Назаровича, ибо онъ не воспользовался даннаго разрѣшеніемъ. Въ 1839 году онъ рѣшился испросить себѣ «помилованіе совершенное и рѣшительное»; 15 іюля Вас. Наз. послалъ просьбу, на имя великой княгини Маріи Николаевны, похлопотать за него предъ государемъ: «Милостивѣйшая великая княгиня!» писалъ онъ,—«1820 года, также помнится въ іюль мѣсяцѣ, выѣзжая съ женою и тремя дѣтьми (въ С.-Петербургѣ) изъ Сергиевской улицы на набережную Фонтанки, увидѣлъ я остановившійся придворный экипажъ, у котораго ось изломалась. Изъ окна выглядывало, сидя на колѣняхъ прислужницы, прелестное дитя. Подбѣжать, предложить свою карету дамѣ, сопровождавшей на прогулкѣ ваше императорское высочество, было дѣломъ одного мгновенія. О, какъ мило улыбнулись вы намъ тогда, несравненная царевна!. Еще до сихъ поръ рисуется въ воображеніи 66-тилѣтнаго старика протянутая изъ дверецъ кареты нѣжная ручка!..—Теперь вы счастливая супруга уже, и супруга того самаго принца, къ которому, на прогулкахъ его въ Одесѣ, влекло меня какое-то особенное чувство. Примите мое поздравленіе!—Царевна! Улыбнитесь мнѣ еще разъ; простирайте мнѣ сей разъ руку помощи! Испросите мнѣ помилованіе совершенное и рѣшительное у августѣйшаго вашего родителя! Поставьте меня въ то положеніе, небезполезное для службы ему и отечеству, въ которомъ я, въ первые годы царствованія великаго дяди вашего, готовилъ по его повелѣнію уставы народнаго просвѣщенія. Да посвятится черезъ ваше ходатайство *сей части*, которой я преданъ полстолѣтія уже всею душою и благодарности вамъ, остатокъ моего вѣка!..»¹⁾.

Графъ Бенкендорфъ, которому было послано письмо, сочувственно отнесся къ желанію Василія Назаровича, мысленно уже помирившагося съ нимъ и находившагося, какъ упомянуто, въ перепискѣ съ графомъ. 11-го августа 1839 года Бенкендорфъ сдѣлалъ докладъ государю о прощении Каразина и, высказавъ свое мнѣніе въ пользу его, прибавилъ: «прощеніе Каразина будетъ для меня *тѣмъ болѣе радостно*, что онъ, по заблужденію, считаетъ себя преслѣдуемымъ мною». Императоръ Николай, 22-го

1) Русская Старина, 1903 г. апрѣль, стр. 24--25.

августа, написалъ на прошенія: «Согласенъ, кромѣ столицъ»¹⁾. Разрѣшеніе не очень обращало В. Н. Каразина; въ отвѣтъ Бенкендорфу на полученную резолюцію государя, онъ высказалъ свою радость за семью, но замѣтилъ, что лично для себя въ общемъ ничего не приобрѣлъ, такъ какъ и до сего времени безпрепятственно выѣзжалъ изъ деревни въ городъ,ѣздилъ въ Кіевъ и Одессу напр. Желая чѣмъ либо болѣе существеннымъ выразить свою благодарность великой княгинѣ, ходатайству которой Вас. Наз. приписывалъ свой успѣхъ, или, можетъ быть, надѣясь воспользоваться минутнымъ расположениемъ къ себѣ двора для исполненія одной изъ идей на пользу отечества, Каразинъ (въ томъ же письмѣ къ Бенкендорфу) проектировалъ учредить задуманное имъ училище «для забытыхъ нынѣ дѣвицъ бѣднаго рода» въ честь благодѣтельствовавшей его великой княгини. 4-го октября Каразинъ послалъ Бенкендорфу исправленный свой проектъ «О воспитанії женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ», и съ нетерпѣніемъ ждалъ отъ него извѣстій о результатахъ доклада великой княгинѣ. Въ половинѣ ноября Вас. Наз. обратился снова къ Бенкендорфу; молчаніе и подозрѣнія на враждебность его къ себѣ снова забродили въ головѣ Каразина. Какъ бы оправдываясь, онъ характеризовалъ свою жизненную дѣятельность и результаты ея для себя лично; письмо это — сплошной стонъ непознанного, отвергаемаго великаго человѣка: „Удостойте одобрить, оживить меня одною строкою!.. Я такъ давно не получалъ уже отвѣта! Жажду особенно узнать о послѣдствіи моей всенижайшей благодарности ея императорскому высочеству. Дайте мнѣ старику, старому другу воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, еще разъ отъ умиленія поплакать, какъ плакалъ я въ 1802 г., когда увидѣлъ въ манифестѣ 8-го сентября внесеннымъ министерство народнаго просвѣщенія между прочими.

Ахъ, добрѣйшій графъ! Неужели вы не захотите или не можете сколько-нибудь подѣльствовать на *предубѣждение* (противъ меня) наилучшаго изъ царей?

Безвременное усердіе, безумное дерзновеніе говорить то, что я святымъ долгомъ почиталъ сказать, есть все, что составляетъ вину мою въ продолженіи 40 лѣтъ...

Высочайшій гнѣвъ имѣлъ послѣдствіемъ ополченіе ябеды. Предсѣдатели палатъ и сенаторы говорили не безъ основанія: на что щадить врага общественнаго? Сказавъ это, они лишили менѣ имѣнія, пожалованнаго за пролитую кровь и другія заслуги моему отцу. Вѣдь я живу теперь скучными доходами жены моей.

¹⁾ Тамъ же, стр. 25.

Сіятельнѣйшій графъ! И прошенія ея о пересмотрѣніи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ лежать безплодно и у васъ, и въ комиссіи прошеній. А бѣдныя, уже чисто безвичные дѣти не потерпѣли ли отъ этого же предубѣженія? Старшій сынъ, напримѣръ, гордость моя, котораго я воспитала сообразно природнымъ его способностямъ, чтобы блеснуть имъ передъ августейшимъ моимъ благотворителемъ блаженной памяти, готовя его для генеральна го штаба, этотъ молодецъ, владѣющій тремя-четырьмя языками, какъ своимъ отечественнымъ, этотъ математикъ, физикъ и проч.—что онъ теперь на 33 году его жизни? онъ, которому принадлежало бы въ флигель-адютантахъ дѣлать честь своему званію? бѣдный иrostрѣленый въ егеряхъ подпоручикъ въ отставкѣ.

Чудное дѣло, графъ! Человѣкъ, съ ума сшедшій на усердіи къ своимъ государямъ и отечству, написавшій сильнѣйшіе доводы въ защиту самодержавного правленія¹⁾, считается какимъ то карбонаріемъ, потому что онъ смѣлъ! Забыто одно, что онъ писалъ и пишетъ подъ печаткою тайны, какъ нѣжный сынъ отцу, котораго обожаетъ»...²⁾

Быть ли отвѣтъ на письмо, неизвѣстно, но проектъ Каразина объ училищѣ «для низшаго состоянія» не состоялся въ то время.

Въ 1840 году мы снова видимъ В. Н. Каразина на казеннай службѣ. Согласно прошенію, онъ былъ назначенъ сверхштатнымъ помощникомъ библіотекаря при Харьковскомъ университѣтѣ, безъ жалованья. Объ утвержденіи Каразина въ новой должности помощникъ почетителя харьковскаго учебнаго округа кн. Цертелевъ доносилъ министру народнаго просвѣщенія 24 апрѣля 1840 г. (за № 713). Въ слѣдующемъ году открылась вакансія библіотекаря университета. Василій Назаровичъ, не надѣясь самъ попасть на это мѣсто, прочилъ на него сперва своего сына Василія³⁾, а когда тотъ не захотѣлъ, самъ обратился сперва къ почетителю (27 авг. 1841 г.), а потомъ и къ министру (6 сент. 1841 г.) съ просьбою назначить его (Каразина) библіотекаремъ. Дѣло затягивалось. Каразинъ былъ сильно заинтересованъ въ рѣшеніи министра и 14 марта 1842 года (боясь исхода дѣла подобно 1824 и 1829 г.г.) снова обратился къ министру (въ то

¹⁾ „Защищение противу иностранцевъ существующей въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ“... произнесенное Каразинымъ въ собраний дворянъ въ 1816 году.

²⁾ Русс. Стар. 1903, апр. стр. 27.

³⁾ Согласно неизданн. рукописямъ, хранящ. въ бібл. Х. у-та.

время Сер. Сем. Уварову) и чтобы поддержать свое прошениe, приложилъ лестную для него переписку въ 1829 году слободско-украинскаго губернатора съ министерствомъ юстиціи.—О решеніи дѣла ничего не знаемъ¹⁾). Можетъ быть оно и не застало въ живыхъ Василія Назаровича.

Въ началѣ 40-хъ годовъ другъ Василія Назаровича М. П. Погодинъ задумалъ издавать новый журналъ *«Москвитянинъ»*. В. Н. Каразинъ, принимавшій нѣкогда живое участіе въ изданіи Погодинымъ *«Московскаго Вѣстника»*, и теперь, доживъ до *«Москвитянина»*, не остался и къ нему равнодушенъ. Посредникомъ между имъ и *Москвитяниномъ* явился проживавшій въ Харьковѣ И. Е. Бецкій. Погодинъ поручилъ послѣднему доставить Каразину письмо; но съ этимъ письмомъ случилась презабавная исторія, которую и описалъ Бецкій. «Не посѣщавши Каразина,— писалъ онъ Погодину,— я не пошелъ самъ къ нему, а просилъ его старого знакомаго передать ему письмо, чтобы избавиться отъ лишняго знакомства. Но письмо ваше начиналось слѣдующимъ образомъ: Честь имъю представить вамъ *Москвитянина*, и пр., и пр., — Журнала вашего Каразинъ еще не получалъ, и вовсе не зналъ о его существованіи. Вотъ онъ и вообрази себѣ, что *Москвитянинъ*-то я!!! Онъ и пишетъ ко мнѣ записку, въ которой просить обѣдать. Я прихожу.—Послѣ обыкновенныхъ фразъ, онъ спрашиваетъ меня: «Скажите пожалуйста, какимъ образомъ вы меньшой сынъ Михаила Петровича, а *Московский Вѣстникъ* вамъ съ родни?—Вы вѣрно участвовали въ немъ?» Я признаюсь подумалъ, что попалъ къ сумасшедшему. Дѣло объяснилось, когда онъ показалъ мнѣ ваше письмо. Сцена была довольно забавная. Тому-то, можетъ быть, стало жаль обѣда,—а мнѣ жаль потраченного времени. Я отвѣчалъ ему, что я въ самомъ дѣлѣ *москвичъ*, но *Москвитяниномъ* едва ли буду и на томъ свѣтѣ.—Только что хотѣлъ идти, старикъ опять на меня напалъ: «Да почему же вы мнѣ не принесли *Москвитянина*? Гдѣ же онъ? Вамъ вѣрно его прислали Михаиль Петровичъ?» Представить ему *Москвитянина* я не могъ, оттого что онъ и до сего дня не полученъ въ Харьковѣ.—Насилу могъ выбраться отъ него; онъ охотникъ, кажется, толковать, и страдаетъ тою же страстью, какою и азъ грѣшный,—записки писать. Я уже получилъ одну, въ которой онъ просить прочесть что-нибудь изъ моихъ трудовъ(!!). —Рассказывалъ мнѣ, какъ Александръ плакалъ съ нимъ, и какъ онъ плакалъ съ Александромъ, какъ поднесъ онъ ему на колѣ-

¹⁾ Неизданн. документы извлеч. изъ Арх. М. Н. Пр. пр. Дм. Ив. Багалѣемъ.

няхъ прохектъ обѣ Університетѣ Харьковскомъ, о Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и пр. и пр., какъ потомъ засадили его въ Шлиссельбургскую крѣпость, «гдѣ свѣта Божьяго не видно.... Много испыталь я въ жизни... мнѣ уже семидесять лѣтъ... Занимался химіей... Теперь пишу... (тутъ вручилъ онъ листокъ Харьковскихъ Вѣдомостей) о новомъ заведеніи для образованія школъ для низшаго сословія... Почта въ Россіи скверная».... и пр. и пр.—Я уже не зналъ, что мнѣ отвѣтить, плакать ли вмѣстѣ съ нимъ, когда онъ плакалъ съ Александромъ и Александръ плакалъ съ нимъ,... написать ли ему оду, яко Іову, или притвориться такимъ ужъ болваномъ, чтобы онъ отложилъ всякое попеченіе добиться отъ меня сочувствія.—Растолкуйте мнѣ пожалуйста, что это за вещь на свѣтѣ: умные дураки. Спереди уменъ, ученъ, ну просто геніальный человѣкъ... а повернется задомъ, такъ и кажется, что рехнулся немнога. Я, впрочемъ, извлекъ пользу изъ моего посѣщенія: Каразинъ объщалъ мнѣ напечатать въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ объявленіе о Москвитянинѣ съ содержаніемъ первыхъ двухъ номеровъ¹⁾). Когда Каразинъ получилъ первый № «Москвитянина», то писалъ къ его издателю: «Плѣняясь журналомъ вашимъ, я предполагаю непремѣнно вносить въ него кое-что изъ моихъ портфелей²⁾). Дѣйствительно, въ 1842 году Василій Назаровичъ уже не помѣщалъ статей своихъ въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ и думалъ кажется сотрудничать въ новомъ журналь. Вмѣстѣ съ упомянутымъ письмомъ Погодину Каразинъ отправилъ для Москвитянина какой то автографъ Екатерины Великой³⁾). Въ № 6 «Москвитянина» за 1842

¹⁾ Барсуковъ „Жизнь и Труды М. П. Погодинъ“ кн. 6, стр. 65—66. Спб. 1392. Нѣсколько позднѣе тольк же Бецкій, ближе узнавъ В. Н. Каразина, далъ о немъ такой отзывъ въ письмѣ къ Погодину отъ 13 янв. 1843 года: „Мнѣ кажется, еслибы обстоятельства не передѣвали бы навыворотъ этого неутомимаго дѣятеля науки, онъ могъ бы много, много принести пользы при энергіи необузданнаго ума и страстнаго желанія быть полезнымъ. Жаль, что онъ скончался не въ Харьковѣ,—прибавилъ Бецкій, извѣщаю о смерти Вас. Наз-ча;—и съ особыніемъ наслажденіемъ берегъ бы его въ послѣднія минуты жизни потому именно, что покойникъ не имѣлъ друзей“ (Тамъ же, стр. 314.)

²⁾ Барсуковъ, кн 6, стр. 67.

³⁾ Документъ этотъ не былъ напечатанъ въ журналь и о немъ сохранилось только нѣсколько строкъ самого Каразина: „Императрица, учреждая Комиссію о Училищахъ, повелѣла прежде ея президенту, а потомъ и другому члену, написать руководство для воспитанниковъ, которое бы, напечатано бывъ во множествѣ экземпляровъ, могло быть

годъ помѣщена была статья Каразина «О новомъ открытии въ Англіи»..., оспаривавшая у нѣмца честь изобрѣтенія паровой лодки ¹⁾). — Есть указаніе, что Вас. Наз. посыпалъ и другія статьи въ «Москвитянинъ», впрочемъ ненапечатанныя ²⁾). Въ 1842 году И. Е. Бецкій, питомецъ Погодина, задумалъ издаватъ въ Харьковѣ при участіи Г. Ф. Квитки, князя А. А. Шаховскаго, Н. И. Костомарова, Т. Г. Шевченко и другихъ, украинскій сборникъ подъ заглавіемъ «Молодикъ» ³⁾). Сборникъ этотъ началъ выходить по смерти Каразина (1843 г.), но проектъ изданія былъ еще при жизни его, и Василій Назаровичъ «первый» отозвался на предпріятіе Бецкаго и первый «простеръ ему руку помощи» ⁴⁾. Содѣйствуя придпріятію, Каразинъ, однако, не сочувствовалъ назвать новый журналъ по малороссійски «Молодикомъ»: «Предложеніе Бецкаго о Харьковскомъ альманахѣ идетъ довольно успѣшно,—писалъ Каразинъ Погодину,—вотъ и я уже ушьль раздать до сорока билетовъ. Жаль, что онъ даекъ его по-хохлацки, противъ моего совѣта. Это имя, заставляя подозрѣвать, что будетъ наборъ только хохлацкихъ піесь, кои уже всѣмъ надоѣли, и которымъ, вѣрите, меныше всѣхъ дорожать наши Харьковцы (съ гордостью давно причисляющіе себя къ старой Россіи), многихъ останавливается» ⁵⁾.

Въ одинъ изъ первыхъ годовъ изданія «Молодика» (на 1844 г.), Бецкій воспользовался рядомъ матеріаловъ, предоставленныхъ въ его пользованіе В. Н. Каразинымъ, изъ которыхъ одна статья принадлежала перу самаго Каразина. Это «Взглядъ на украинскую старину», где Вас. Наз. *по памяти*, на основаніи погибшихъ въ 1836 году отъ пожара документовъ, собран-

раздаваемо каждому отроку при его вступленіи въ училище. Прочитавъ принесенные ей проекты, она ни тѣмъ, ни другимъ не осталась довольна. И, чтобы изяснить, въ какомъ слогѣ написанною и какого содержанія она желала бы видѣть требуемую ю книгу, изволила немедленно взять перо, и въ полчаса, при краснѣющемъ президентѣ, котораго она между тѣмъ посадила въ своею кабинетѣ, написала... съ грамматическими, конечно, ошибками, свойственными иностранкѣ, но въ духѣ Государыни, *Матери* своихъ Россіянъ, посланную Погодину бумагу.

¹⁾ «Москвитянинъ» 1842 г. часть III, № 6, стр. 387—389.
Харьковъ, 10 апр.

²⁾ «Москвитянинъ» 1843 г. часть I, № 2, стр. 628, прим.

³⁾ Барсуковъ «Ж. и Тр. М. П. Погодина» кн. 7, стр. 136.

⁴⁾ «Молодикъ» на 1844 годъ, Слб. 1844, «Отъ Издателя», стр. 241.

⁵⁾ См. ³⁾.

ныхъ имъ «многотрудно въ теченіе 55 лѣтъ», воспроизвѣдилъ *картину* населенія и развитія Україны, подкрѣпляя свои свидѣтельства воспоминаніями старожиловъ¹⁾. Къ «Взгляду на укр. стар.» Вас. Наз. приложилъ нѣсколько сохранившихся у него документовъ: «Рапортъ отъ 14-го февраля 1732 года, изъ харьковской полковой таможенной въ бѣлогородскую канцелярію—цѣны провіанту въ Харьковѣ въ 1732 году»; Условіе помѣщика съ учительемъ за 40 лѣтъ назадъ» (отъ 7-го октября 1800 года). Въ томъ же выпускѣ «Молодика» помѣщено «Письмо къ изда-телю» Каразина, по поводу прилагаемыхъ писемъ и записокъ Г. С. Сквороды (стр. 229—230); «Духовное завѣщаніе генераль-наго обознаго Ивана Ломѣковскаго, писанное въ Яссахъ марта 25 дня 1711 года». Между прочимъ, тамъ не была помѣщена очень важная бумага въ историческомъ отношеніи, сообщенная Каразинымъ, это: «Подлинная бумага, почерка послѣдней половины XVII вѣка, о поставкѣ двухъ шпиталенъ или богадѣлень» по указу Феодора Алексѣевича, изъ дѣлъ Аптекарскаго Приказа. Эту бумагу Вас. Наз. нашелъ во время своихъ работъ по исто-рии медицины въ Россіи въ архивѣ медицинской конторы въ Москвѣ²⁾. Погодинъ такъ отозвался о важности обнародованного Каразинымъ документа: «изъ него ясно видно, что всѣ почти преобразованія Петра I-го были уже начаты, и всѣ намѣренія уже зародились, съ самаго вступленія на престолъ фамилии Романовыхъ», т. е. что переломъ исторіи Россіи надо искать на два вѣка раньше, чѣмъ это считалось до того времени³⁾.— Всѣ упомянутыя статьи были, какъ сказано, напечатаны по смерти его.

ГЛАВА XI.

Нравственная личность В. Н. Каразина.

(1842 г.).

Благотворительность. Добрыя свойства души Каразина; любовь къ нему крестьянъ. Указанія на недостатки Каразина. Послѣдній годъ жизни и смерть. Отношеніе общества къ смерти В. Н. Каразина. Характеръ дѣя-тельности В. Н. Каразина

Въ первые мѣсяцы 1842 года Василій Назаровичъ былъ живо занятъ однимъ благотворительнымъ дѣломъ. Сынъ Ив. Яковл. Колтуновскаго (старшаго совѣтника по винному, соляному и та-

¹⁾ «Молодикъ» на 1844 г. Харьковъ, 1843., стр. 39.

²⁾ Тамъ же, стр. 281.

³⁾ Барсуковъ, Ж. и Тр. М. П. Погодина, кн. 7, стр. 210, Спб. 18.

бачному отдельствію харьковской казенной палаты) Егоръ Ив. Колтуновскій, окончивъ Петербургскую Академію Художествъ, пріѣхалъ въ Харьковъ и обратилъ на себя вниманіе В. Н. Каразина своими картинами. Послѣдній былъ хорошо знакомъ съ семьею Колтуновскихъ и часто бывалъ у нихъ. По пріѣздѣ Егора Ивановича, Каразинъ постоянно заходилъ къ нему въ мастерскую и цѣльные часы проводилъ, наслаждаясь прекрасными картинами: особенно сильное впечатлѣніе производили на него картины религіознаго содержанія. Случалось, онъ, сидя передъ ними, плакать. Вас. Наз. разспрашивалъ Е. И. Колтуновскаго о художественныхъ новостяхъ, вышедшихъ въ Петербургѣ, предлагалъ тѣ или другія темы для работы. Но этимъ не ограничилось знакомство Каразина съ Колтуновскимъ. Василій Назаровичъ твердо рѣшился добиться того, чтобы отправить молодого художника въ Италію и тѣмъ довершить развитіе его таланта. Надо замѣтить, что Колтуновскіе были люди не богатые и не могли дать сыну возможность жить за границей за ихъ счетъ. Въ свою очередь, дѣла Василія Назаровича были въ конецъ разстроены и деньги свои онъ, можетъ быть, и далъ бы, да ихъ не было. И вотъ Каразинъ приѣргаетъ къ не разъ испытанному имъ ходатайству; онъ обращается къ общественной благотворительности. Ревностно упрашивалъ Вас. Наз. харьковскую аристократію помочь его клиенту и отправить его въ складчину въ Италію. Къ добруму начинанію Каразина отнеслись сочувственно. Архіепископъ Иннокентій, известный духовный ораторъ, графъ Орловъ-Денисовъ, богатый откупщикъ Кузинъ, очень цѣнімый В. Наз.—чемъ какъ человѣкъ¹⁾), и др. собрали 400 рублей Колтуновскому на проѣздъ, а В. Н. Каразинъ выхлопоталъ ему возможность бесплатно жить и работать подъ руководствомъ проживавшаго въ Римѣ даровитаго русскаго художника А. Д. Алфераки. Несколько близко принималъ къ сердцу интересы благодѣтельствующаго человѣка Каразинъ, служить письмо къ Колтуновскому отъ 28 апрѣля 1842 года. Въ немъ Василій Назаровичъ писалъ о картинѣ, приготовляемой художникомъ въ подарокъ графу Орлову-Денисову, отъ которого ожидалась денежная помошь: «Оканчивайте съ Богомъ вашу картину. Представимъ ее вмѣстѣ. Авось еще прибавятъ что-нибудь на дорогу къ четыремъ стамъ? Но знаете ли, что мнѣ пришло на мысль? Весьма бы не худо, чтобы вы отдельно написали головку умирающаго на крестѣ, для того, чтобы ее взять съ собою

¹⁾) Къ нему относятся слѣдующія строки заглавнаго листа одного изъ сочиненій Каразина: „Посвящаю благодѣтельству Гражданину, усердному и умному любителю своего Общества Козьмѣ Никитичу Кузину“. (Нѣсколько предложеній доброго гражданина Одесса 1842).

и на первый случай показать г-ну Алфераки. Если будете иметь время, то сдѣлайте это; если неТЬ, такъ и быть. Надѣюсь, что когда будетъ приходить къ концу работа ваша, вы меня предварите. Назначьте когда именно представить. А я и архіерея приглашу къ графу на этотъ разъ.

Кстати посылаю вамъ журналъ Министерства Н. П. туть №, где о Гайвазовскомъ найдете, къ концу книжки загнутый листъ. Вотъ какъ пошли наши! Не отстанете и вы, милый Егоръ Ивановичъ! Надѣюсь несомнѣнно!.. Покажите эту статью папенькѣ. А о Римѣ пришлю послѣ... и т. д. ¹⁾.

Послѣдняя пирписка свидѣтельствуетъ о постоянной руководящей идеѣ въ жизни Каразина—это успѣхи любимой родины.—Безкорыстные труды Каразина не увѣнчались успѣхомъ въ данномъ случаѣ, благодаря рѣшительному противодѣйствію И. Я. Колтуновскаго, когда насталъ часъ разлуки съ сыномъ ²⁾.—Но для насъ важенъ, конечно, фактъ любви Каразина къ живописи и свидѣтельство о его прекрасной душѣ.

Приближаясь къ изложению послѣдняго года жизни В. Н. Каразина, намъ кажется умѣстнымъ пополнить характеристику его изложеніемъ нѣсколькихъ фактовъ, ярко рисующихъ доброту этого человѣка.

О заступничествѣ Каразина за обиженныхъ и несчастныхъ передъ государемъ во время своей силы мы уже говорили не разъ. Несчастій и страданій другихъ Вас. Наз. вообще не выносилъ. Во время тѣлесныхъ наказаній своихъ крестьянъ, признаваемыхъ за необходимость въ теоріи, Каразичъ страдалъ не менѣе самихъ наказуемыхъ; заслышавъ шумъ розогъ, онъ выскакивалъ и приказывалъ прекратить наказаніе; разъ, увидѣвъ, что сѣкутъ крестьянина сосѣда-помѣщика за невзносы подушныхъ или оброчныхъ денегъ, онъ поспѣшилъ самъ заплатить недоимку, чтобы только избавить несчастнаго отъ страданій ³⁾.—О симпатіи В. Н. Каразина къ простому народу намъ нечего распространяться; тому свидѣтельствомъ и заботы «отца»—помѣщика о крестьянахъ, и отзывы послѣднихъ о немъ, и ихъ благоденствіе и отрадныя воспоминанія ихъ потомковъ о времени управлѣнія крестьянами Василиемъ Назаровичемъ. Слава о добротѣ Каразина распространя-

¹⁾ Сборникъ Ист.-фил. общества при Имп. Харьк. унив. Харьковъ 1891 г. т. 3 стр. 340.

²⁾ Тамъ же стр. 338—341.

³⁾ Рассказы крестьянъ-крученцевъ автору сочиненія. Подобный же рассказъ передаетъ сынъ В. Н.—ча, Фил. В. Каразинъ, въ напечатанномъ письмѣ къ Н. А. Лавровскому.

нилась между помѣщичьими крестьянами, и мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ о довѣріи къ нему ихъ. Крестьяне кручанцы рассказываютъ и теперь, что крестьяне сплошь да рядомъ бѣжали отъ помѣщиковъ къ Каразину, ища его заступничества. Въ рукописяхъ Чиркова «О В. Н. Каразинѣ» находимъ нѣсколько указаний на тяжбы съ Василіемъ Назаровичемъ сосѣдей за укрываемательство бѣглыхъ крестьянъ. Въ 1891 году былъ опубликованъ замѣчательный документъ, свидѣтельствующій о заботахъ В. Н. Каразина и хлопотахъ за крестьянъ и о ихъ безграницномъ къ нему довѣріи. Это—довѣренность однодворцевъ с. Вольного (отъ 19 мая 1891 года), выданная Василію Наз—чу по случаю размежеванія ихъ «съ яменскими обывателями». Пять разъ уже межевались поля; отъ исхода шестого зависѣло утвержденіе земли за вольновцами или «разореніе» послѣднихъ: «Мы—люди беспомощные, недальновидные, безграмотные,—писали крестьяне.— Войдите въ положеніе наше, благодѣтель нашъ! Довершая сдѣланное намъ добро, не откажитесь присутствовать лично при всѣхъ дѣйствіяхъ сего межеванія отъ начала его до конца въ званіи главнаго нашего повѣренаго. Мы вамъ не только вѣримъ, но совершенно вѣрляемъ участіе нашу: защиту нашей собственности... «Вы, благодѣтель нашъ, съ 1801 года еще и по нынѣ безкорыстно участвуете въ дѣлахъ нашихъ, всегда защищали насъ, ходатайствовали о нашихъ нуждахъ у начальства, даже недавно, въ началѣ 1818 года, въ Москвѣ содѣйствовали къ объясненію учиненнаго намъ неслыханнаго неправосудія — предъ очами Всемилостивѣшаго Государя Императора»¹⁾... Мы ничего не знаемъ, на какой фактъ намекаютъ послѣднія строки, но дѣло само за себя—Каразинъ, по признанію самихъ крестьянъ «безкорыстный» печальникъ за нихъ и «благодѣтель».

Въ 1832 году В. Н. Каразинъ хлопоталъ за какого то «гимназического ученика Рогинского», назначенного смотрителемъ Усть-Медведицкой станицы. Послѣдній не имѣлъ денегъ, чтобы выѣхать на мѣсто служенія, и обратился къ Василію Назаровичу. Тотъ немедленно обратился къ своему хорошему знакомому, директору училищъ въ Области Войска Донского, Тим. Ив. Селиванову, настаивая, чтобы онъ добился у мѣстныхъ богачей пожертвованія бѣдняку, добился желаемаго и устроилъ Рогинского²⁾. «Когда идетъ дѣло о томъ, чтобы пособить бѣдности, чтобы истинно

¹⁾ Сборн. Ист. Фил. Общ. при Харьк. ун. кн. III, стр. 310—311, Харьковъ, 1891.

²⁾ Письма къ Т. И. Селиванову 1832—1836 г.г. Копіи хранятся у проф. Дм. Ив. Багалѣя.

несчастного человѣка, совершенно прощающаго единственно лишь отъ непріязненности къ нему судьбы его, вытащить, такъ сказать, изъ ямы,—тогда, о! тогда смѣло ступай къ Василію Назаровичу, не просить его о воспомоществованіи,—нѣть! Ты только представь ему бѣдняка того лично, или расскажи горькую его исторію. Эта добрая душа такъ жадничаетъ не отпускаетъ отъ себя ни одного горюна безъ помощи, что въ твоемъ ходатайствѣ и нужды никакой не будетъ, лишь бы то не превышало силъ его!»... писалъ Ф. Василію Назаровичу неизвѣстный пріятель его: «Такъ горячихъ слышалъ я нѣсколько человѣкъ, очень коротко знающихъ рѣдкаго сего добродушника».

«Титуллярный совѣтникъ Александръ Новоселовъ, человѣкъ весьма мнѣ знакомый и потомъ учитель мой,—безъ нѣсколькихъ только мѣсяцевъ семнадцать лѣтъ занимался обученіемъ нашей братіи рисовать въ Моск. унив—тѣ. За весьма усердное исполненіе своей должности шесть лѣтъ получалъ онъ по 90 р. въ годъ, а въ послѣднія одинадцать (лѣтъ) добился и до того, что стали давать ему по 150 р.—Всѣ жалостные вопли его, всѣ представленія нищенской его бѣдности всегда оставались безуспѣшными... Человѣкъ многосемейный, окончательно выбиваясь изъ силь, обратился къ Вас. Н. Каразину; тотъ употребилъ все свое вліяніе, бѣгалъ, суетился, и добился, наконецъ, полнаго обеспеченія бѣднаго самейства. «Не нахожу себя въ состояніи,—писалъ тотъ же пріятель В. Н. Каразину, дойти до того, чтобы обо мнѣ сказали нѣкогда то-же, что слышалъ я въ разговорѣ вашихъ знакомыхъ о васъ!»... Простите, милостивый государь, вольный слогъ пера моего! какъ думалось такъ и написалось! А изъяснять чувствъ моихъ предъ истиннымъ человѣкомъ, открывать сердца моего передъ такимъ, который самъ его имѣть,—никогда не поставлять себѣ въ преступленіе тотъ, который, уважая достоинства ваши, будетъ уважать ихъ безпрестанно!»²⁾

Такъ помогалъ нуждающимся людямъ Василій Назаровичъ, не разбирая ихъ званія, по влечению лишь доброй души; и причинъ такой отзывчивости мы напрасно стали бы искать въ несчастіяхъ, претерпѣнныхъ самимъ Каразинымъ; во время своей силы онъ былъ одинаково отзывчивъ къ людскому горю и не щадилъ своего вліянія, настаивая на содѣствіи сильныхъ людей, которыхъ, въ концѣ концовъ, такъ надоѣль своимъ ходатайствами и хлопотами.—Вотъ еще одно благодарственное письмо Каразину профессора Баузе, каталогъ погибшей въ 1812 году бібліотеки

¹⁾ Пропущены строки въ печатномъ подлиннике.

²⁾ Харьк. Губ. Вѣд. за 1875 годъ, № 241.

котораго нашелся у Вас. Наз—ча: «Сердце мое слишкомъ полно радости и благодарности, душевно уважаемый дорогой мой другъ, чтобы выразить ихъ словами. Напрасно бы хотѣль я воздать радостію за радость; это не въ моихъ силахъ; но Господь Богъ конечно воздастъ Вамъ за меня. Семейство мое столько же тронуто; столько же безмолвно, какъ и я отъ неожиданныхъ великихъ милостей, которыхъ безъ сомнѣнія я не заслужилъ, равно какъ и безцѣнной Вашей дружбы, но я постараюсь, вѣрите, всѣми силами моими ихъ заслужить... Спѣшу лично обнять Васъ и благодарить¹⁾.

Несмотря на столь рѣзкія указанія добрыхъ свойствъ характера В. Н. Каразина, есть нѣсколько данныхъ, *не изслѣдованныхъ*, впрочемъ, біографами его, бросающіе ~~сильную тѣнь на нравственную личность этого человека~~. — Намъ известно, напримѣръ, о томъ, что Василій Назаровичъ поссорился въ послѣдніе годы жизни съ братомъ своимъ, Иваномъ Назаровичемъ Каразинымъ, съ которымъ раньше дружно дѣйствовалъ. Иванъ Назаровичъ съ радостью привѣтствовалъ успѣхи брата въ дѣлѣ устроенія университета, первымъ отозвался на предложеніе учредить филотехническое общество и по учрежденію былъ ревностнѣйшимъ сотрудникомъ его. Госпожа Каразина (супруга сына Ивана Назаровича, Ивана Ивановича Каразина, Богодуховскаго помѣщика) говорила мнѣ, что послѣ смерти Ивана Назаровича отношенія между Василіемъ Назаровичемъ и опекуномъ оставшихся сироты были крайне обостренныя. Дядѣ совсѣмъ не показывали племянниковъ, остерегая ихъ отъ него, какъ отъ врага. Иванъ Ивановичъ только разъ, и то случайно, видѣлъ Василія Назаровича—средняго роста старика съ нависшими сѣдыми бровями и сердитымъ видомъ, который пріѣхалъ на линейкѣ въ Основинцы. Объ отношеніяхъ Василія Назаровича съ семьей брата Чириковъ разсказываетъ слѣдующее со словъ опекуна А. Н. Витинскаго: «Каразинъ затѣялъ процессъ, желая оттягивать имѣніе умершаго брата своего Ивана Наз—ча, отъ которого остались двое малолѣтнихъ дѣтей, сынъ и дочь, именно—деревню Основинцы, находящуюся невдалекѣ отъ Кручикъ». Въ основаніе своихъ требованій Василій Назаровичъ поставилъ фактъ уничтоженія опекуномъ имущества брата (Витинскимъ) его (В. Н. Каразина).

¹⁾ Оригиналь по-нѣмецки. «Сѣверная Пчела» за 1860 г. № 92, письмо 4-е. Можно указать еще на хлопоты В. Н—ча въ пользу жены проф. Шада, попавшей въ безвыходное положеніе послѣ отставки мужа. (Записки Ист. Фил. Общ. при Харьк. ун. кн. 8. См. также X. Лопаревъ, описание рукописей, 16 и 17 §§).

сада и лѣса. Но А. Н. Витинскій взялся серьёзно за дѣло, и В. Н. Каразинъ проигралъ процессъ. Крестьяне, спрошенные на мѣстѣ, показали, что никакого истребленія сада и лѣса не было.

Изъ описи судебныхъ дѣлъ В. Н. Каразина, за это время, у Чирикова находимъ указанія на «Дѣло 1839 года за № 108, помѣщика Каразина о причиненіи имъ дѣтямъ умершаго помѣщика Каразина обиды» на 262 листахъ, («Дѣло 1840 года за № 120 Каразина совѣтника съ товарищи о причиненіи имъ штабсъ-капитану Витинскому на письмѣ обиды» 84 листа) и «Дѣло 1839 года, за № 118, о производившемся статскимъ совѣтникомъ Василіемъ Каразиннымъ спорѣ на составленное умершимъ братомъ его титуллярнымъ совѣтникомъ Иваномъ Каразиннымъ распоряженіе въ пользу жены его» на 810 листахъ. Доставившій намъ приведенные указанія покойный Чириковъ началъ было разбирать тяжебныя дѣла В. Н. Каразина, но далеко не кончилъ предпринятой работы, а упомянутыхъ документовъ вовсе не трогалъ. Въ своихъ рукописяхъ вообще отрицательно относясь къ нравственной личности Василія Назаровича, Чириковъ приводить еще одинъ невыгодный для Каразина фактъ, о которомъ ему (Чирикову) рассказывалъ Витинскій.

В. Н. Каразинъ будто бы пріѣхалъ разъ къ одной старухѣ помѣщицѣ, полуграмотной и глупой женщинѣ, имѣвшей 200 душъ крестьянъ, и попросилъ показать бумаги—документы на ея владѣнія. Старуха показала. Каразинъ воскликнулъ: «Боже мой, съ этими бумагами вы можете лишиться имѣнія». По просьбѣ старухи Каразинъ взялся быть ея повѣреннымъ и забралъ къ себѣ всѣ документы. Каразинъ умышляя оттягать имѣніе въ свою пользу, но добрые люди заступились за старуху—и онъ принужденъ былъ возвратить бумаги.

Конечно, этотъ разсказъ нуждается въ лучшемъ освѣщеніи и доказательности, и полагаться на одну версію нѣдруга Каразина невозможно. Изъ приведенного разсказа, равно какъ и изъ жалобы Витинскаго, мы можемъ только навѣрное заключить, что онъ непріязненно относился къ В. Н. Каразину. Мы склонны видѣть причину этой непріязненности во всегдашней прямотѣ, даже рѣзкости характера Каразина. Жалобы на него «За причиненіе на письмѣ обиды» сплошь-да-рядомъ разбирались въ судахъ. Кроме жалобы «Витинскаго съ товарищи», на Каразина было еще нѣсколько жалобъ за оскорблениѣ (дѣло 1835 года за № 144 о причиненіи Залѣсскому обиды Каразинимъ, дѣло 1833 г. за № 92 о причиненіи Лелянову на письмѣ обиды...» и пр.)... Дѣло по одной жалобѣ мы нашли у Чирикова разобраннымъ,—именно засѣдателя земскаго суда Лелянова на Каразина.

6 февраля 1833 года В. Н. Каразинъ послалъ Лелянову письмо такого рода (изъ Кручика): «Удивляюсь, милостивый государь, Иванъ Михайловичъ!.. Мало того, чтобы страннымъ по-веденiemъ довести себя до такой надписи на... (?), каковую вы получили 11 числа мая прошедшаго года: надобно еще заслужить и совершенное презрѣніе. Развѣ вы не засѣдатель отъ дворянства, а наемный слуга П.—Петровичевой?.. Но если бы высшее начальство это узнало! Какъ вы думаете? Но я не хочу унижать себя жалобами. Напротивъ, къ вамъ собственно обращаюсь и прошу вѣстъ свѣти бѣдныхъ этихъ сторожей, которые денно и нощно мерзнутъ на дворѣ, въ лѣсу, ни за что ни про что, проклиная всякаго виннаго и невиннаго. Ежели не сведете, то я стану жаловаться и все долженъ буду обнаружить. Что же касается до предположенія вашего вводить графиню во владѣніе, то знайте, что это ея бабья мечта, которая сбыться не можетъ. Ибо сенатскаго указа уничтожить нельзя и гражданская палата сдѣлала уже постановленіе; вѣроятно сего вечера, не позже, будете вы читать указъ въ земскій судъ. Вашъ покорный слуга В. Каразинъ» и въ Р. С. Я взялъ сіе письмо отъ посланного, для того, чтобы сказать вамъ, что указы за №№ 549 въ земскомъ судѣ, а 550-мъ въ опекѣ уже въ Богодуховѣ.

Богъ вѣсъ простить во всемъ! Только перестаньте безпользно стремиться дѣлать мнѣ зло. И поскорѣе отпустите бѣдныхъ людей¹⁾. Приведенное письмо Леляновъ 12 мая 1833 года представилъ въ судъ съ жалобой на Каразина «о причиненной ему въ письмѣ обидѣ». 21 августа 1840 г. Богодуховскій судъ постановилъ: такъ какъ жалоба не должна была быть приносима въ земскій судъ «то» по смыслу 15 части законовъ ст. 381, Лелянову въ иску навсегда отказать, а статского совѣтника Каразина по дѣлу сему оставить свободнымъ». Едва ли могъ быть для Каразина иной приговоръ суда, но для насть этотъ случай характеренъ, какъ показывающій, среди какого мелочнаго общества приходилось вращаться Вас. Наз-чу.

Рядомъ съ тяжбами «за оскорблениe» Каразинъ вель дѣла о взыскиваемыхъ съ него деньгахъ, за имѣнія, лѣса и т. п. Чириковъ разсказываетъ, что въ судѣ скоплялось по 17 дѣлъ Каразина и что въ Харьковѣ сложилась даже поговорка: «у него столько дѣлъ, сколько у Каразина». Впрочемъ, фактъ скопленія и 17

¹⁾ Рѣчь идетъ, какъ видно, о пристрастномъ отношеніи засѣдателя земскаго суда въ тяжбѣ Василия Назаровича съ графиней Подгоричани-Петровичъ и, главнымъ образомъ, о тяжелой, незаслуженной обязанности крестьянъ В. Н. Каразина, столь имъ любимыхъ.

дѣль одного лица не представляеть ничего удивительного при тогдашней судебной волокитѣ; по описи дѣль Каразина (у Чиркова же), кромѣ тяжѣй до 1830 года (см. стр. 513—518) и немногихъ вышепоименованныхъ, Василій Назаровичъ вель лишь 4 дѣла: 1833 года «О заложенномъ имъ Куліковскому», 1840 г. «О забратії у Каразина лѣса», и 1839 «По прошенію Каразина и обывателей Ковальчика и Бѣлогора съ жалобою на Богодуховскую дворянскую опеку за продажу лѣса».

Но средства В. Н. Каразина, дѣйствительно, истощились. Чирковъ, между прочимъ, разсказываетъ, что Каразинъ не платилъ податей лѣть по 10, и что нерѣдко земская полиція силой описывала и отбирала у него въ уплату хлѣбъ. Дѣло дошло, наконѣцъ, будто бы до того, что Каразинъ разъ съ ружьемъ въ рукахъ защищалъ свой хлѣбъ и надо было собрать 300 мужиковъ, чтобы произвести нужную операцию.. (Отъ заимодавцевъ Каразинъ отдавался такимъ пріемомъ. Онъ выходилъ къ кредитору, краснорѣчиво убѣждая его обождать уплаты долга и на настойчивыя требованія выносилъ какую-либо кость, черепъ, или археологическую рѣдкость, со словами: «вотъ мое богатство») (??).

Тяжбы кредиторовъ В. Н. Каразина продолжались нѣсколько лѣть и послѣ его смерти. (1843-года за № 130 «О взысканіи съ него графомъ Подгоричани-Петровичемъ за лѣсъ денегъ», на 154 л.; 1846 г. за № 12 «О доставкѣ имъ наследникамъ Кузина денегъ», 1846 г. за № 155 «О взысканіи съ него поручикомъ Богаевскимъ 4000 руб.»).

Въ послѣдніе годы жизни В. Н. Каразинъ запаялся опытами надъ обработкой вина. Сохранился цѣлый рядъ чисмъ его, свидѣтельствующихъ объ интересѣ къ этому дѣлу¹⁾ Новые работы увѣнчались, повидимому, успѣхомъ. Вас. Наз. достигъ того, что предохраняя выжатый виноградный сокъ отъ воздуха, вызывалъ броженіе вина безъ улетучивания спиртуозныхъ и ароматическихъ частицъ. Каразинъ тотчасъ предложилъ правительству использовать свою мысль въ казенныхъ крымскихъ виноградникахъ. Министръ государственныхъ имуществъ предоставилъ Каразину отправиться въ Крымъ для производства опытовъ въ большихъ размѣрахъ²⁾.— Осеню 1842 года Василій Назаровичъ написалъ уже отчетъ о своихъ наблюденіяхъ и планахъ культивированія Крыма. Эту статью Каразинъ назвалъ «Безпредосторожнымъ взгля-

¹⁾ Разумѣемъ письма къ Т. И. Селиванову (неизданн.) хранящ. у проф. Дм. Ив. Багалѣя.

²⁾ Русская Старина, 1872 г. т. 5, стр. 665. Московскія Вѣдомости, 1842 г., № 101, стр. 766.

домъ на южный берегъ Тавриды¹⁾ и предназначалъ ее, вѣроятно, къ напечатанію.—Прежде всѣго Василію Наз-чу бросилось въ глаза то обстоятельство, что дары крымской природы остаются неиспользованными. Прекрасный виноградъ обрабатывался самыи первобытнымъ способомъ; для скотоводства были всеи даныя, но никто имъ не занимался, а между тѣмъ эта отрасль хозяйства представляла существенное значеніе. Каразинъ изслѣдовалъ причины неправильности винодѣлія и способы достигнуть въ будущемъ желательныхъ явлений. Состояніе крымскихъ школъ виноградарей, стоящихъ правительству огромныхъ денегъ, возмутило Каразина. «Въ 14 лѣтъ изъ 60 или болѣе учениковъ не вышло ни одного отличного садовника? Безотвѣтныи доказательствомъ тому, что и въ нынѣшнемъ году, при отставкѣ Никитскаго садовника Гуле на его мѣсто опять выписанъ саксонецъ». «Я видѣлъ учениковъ, которые, не имѣя ни малѣйшаго дарованія къ своему дѣлу, безцелезно Ѣдятъ казенныи хлѣбъ». «Видѣлъ другихъ, очень даровитыхъ и жадныхъ къ познаніямъ молодыхъ людей, но и эти продолжаютъ многіе годы работать заступомъ, точно такъ, какъ и первые, какъ и едва только принятые ученики. Вниманія на ихъ умственные способности и нравственность, не обращаютъ». Между тѣмъ «на содержаніе Никитскаго сада и его винодѣльное училище издерживается 15 т. руб., и за это отправляется ко двору ежегодно 50 боченковъ винограда—изъ 50-ти тысячъ кустовъ!.. Въ прошедшемъ году, въ первый разъ послано 300 бутылокъ посредственаго вина. Казалось бы, съ 1812 года, когда первое изъ сихъ заведеній началось, въ 30 лѣтъ можно ожидать что-нибудь значительнѣе, еслибъ кто занимался въ этомъ мѣстоположеніи, необыкновенномъ въ нашемъ отечествѣ, съ русскимъ сердцемъ». А между тѣмъ во главѣ дѣла стояли иностранцы, чисто нерадѣвшіе о цѣляхъ правительства, устроившаго училища съ намѣреніемъ культивировать край: «эти люди питаютъ ко всему русскому какое то непріязненное чувство, въ которомъ сами по себѣ отчата отдать не въ состояніи».

Исполненіе Каразинъ порученія министра государственныхъ имуществъ кончилось, по всей вѣроятности, статьей о «Тавридѣ», помѣченной 28 октября 1842 года.

Изъ дѣятельности В. Н. Каразина на югѣ Россіи въ концѣ 1842 года, кромѣ изслѣдованія Крыма, можемъ указать только на изданіе имъ въ Одессѣ (въ концѣ августа) брошюры «Нѣсколько предложеній доброго гражданина», заключающей въ себѣ проектъ

¹⁾ Русс. Стар. 1872, 5 стр. 661—669, помѣчено: «Магарацкое казенное заведеніе. 28 окт. 1842 г.».

парового отоплениія, и двѣ статьи по домоводству, напечатанныя раньше въ «Харьковскихъ Вѣдомостяхъ».

«Вѣдя по Крыму на перекладной, Василій Назаровичъ простился въ туманную дождливую погоду, и, пробывши на заводахъ въ Никитскомъ саду, близъ Ялты, съ сентября по октябрь, прибыть больной уже въ Николаевъ, гдѣ служилъ при знамени томъ Лазаревъ сынъ его Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ¹⁾. 4-го ноября 1842 года, въ восемь часовъ по полудни, на рукахъ у сына скончался отъ горячки Василій Назаровичъ Каразинъ²⁾.

17-го ноября (1842 г.) Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ извѣщалъ А. Г. Тройницкаго о смерти своего любимаго родителя и просилъ напечатать въ «Одесскомъ Вѣстнике» (редакторомъ которого былъ Тройницкій) краткій некрологъ о Василіѣ Назаровичѣ. «Съ нетерпѣніемъ стану ожидать вашео отвѣта,— писалъ онъ;— если вы не рѣшитесь безъ документовъ, основываясь только на моихъ словахъ, сказать въ газетѣ вашей, что отецъ мой былъ виновникомъ учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія и Харьковскаго университета, то сдѣлайте одолженіе, лучше ничего о немъ не говорите; я спишусь съ графомъ Бенкендорфомъ или съ Киселевымъ или съ Канкринимъ (которые всѣ конечно отъ души пожалѣютъ о его кончинѣ) и тогда посмотримъ³⁾!»

28-го ноября 1842 года въ 95 № «Одесского Вѣстника» появилось извѣстіе о кончинѣ В. Н. Каразина съ краткимъ изложеніемъ записки Фил. Вас. Каразина о жизни отца; 19 декабря того же года въ 101 № «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщено было изрѣпепечатанный изъ «Одесского Вѣстника» некрологъ. Въ январьской книжкѣ «Москвитянина» за 1843 годъ помѣщено было письмо В. Н. Каразина къ М. П. Погодину, издателю этого журнала, отъ 23 мая 1842 года, написанное еще изъ Харькова. Здѣсь Василій Назаровичъ, какъ бы предчувствуя свою смерть, говорилъ о непризнанныхъ своихъ трудахъ и планахъ, осуществленныхъ на дѣлѣ другими лицами, помимо автора, характеризуетъ самъ свою неудавшуюся жизнь. «Кто знаетъ, что живущій нынѣ,

¹⁾ Г. П. Данилевскій, «Украинская Старина» Харьковъ 1866, стр. 151.

²⁾ Русскій Архивъ, 1894 г. т. I, стр. 564. Какъ бы на зло судьбѣ, въ день смерти Василія Назаревича родился новый славный отпрыскъ фамиліи Каразинихъ, извѣстный беллетристъ и художникъ Николай Николаевичъ Каразинъ. (Письмо его ко мнѣ отъ 26 авг. 1903 года).

³⁾ Русскій Архивъ, 1894 г. т. I, стр. 572.

хотя уже въ гробъ заглядывающій, стариkъ далъ идею и выполнилъ ее на полуостопѣ бумаги своею рукой обѣ отдельномъ министерствѣ народного воспитанія, которое нигдѣ въ Европѣ еще не существовало? *Nasilu* проговорили гдѣ-то въ журналѣ, что онъ-де подалъ мысль къ основанію такого-то университета. *И только то!!* Кто знаетъ, что тотъ же стариkъ былся, какъ рыба обѣ ледъ, домогаясь возсоединенія униатовъ, которое совершилось спустя больше тридцати лѣтъ? Кто знаетъ, что онъ же въ 1805 году еще учредилъ у себя постановленіе точь-въ-точкъ такое, на каковое вызываетъ теперь указъ 1842 года апр. 2. Что онъ изобрѣтъ давно и въ началѣ 1838 года напечаталъ о карболейнѣ, по изобрѣтенному другимъ этому имени, *присвоенному другому*, въ 1839 или 40 годахъ! Что онъ для царскаго дворца предлагалъ отапливаніе или, справедливѣе сказать, нагреваніе водяными парами (заключенными въ трубкахъ), которое теперь произведено въ Берлинѣ, въ тамошней библіотекѣ—«*eine Erfindung des Cypferlind*»¹⁾! «Право, скучно и писать, не только жить въ этомъ мірѣ»... «Сберегаете ли вы письма друзей вашихъ? такъ! хоть для потомства?» «Думаль г. Каразинъ, что это письмо такъ скоро сдѣлается матеріаломъ для его біографіи»—прибавилъ отъ себя М. П. Погодинъ²⁾. — «Замѣчательно, что «Отчетъ Харьковскаго университета» за 1842/3 годы и «Харьковскія Губернскія Вѣдомости» за 1842 годъ вовсе умолчали о смерти В. Н. Каразина.

Таково отношеніе общества къ Вас. Наз. Каразину было въ первое время по^п смерти его. И. Е. Бецкій такъ описывалъ³⁾ отношеніе къ покойному и памяти его семьи, жившей въ Харьковѣ: «Безъ меня здѣсь умеръ Каразинъ. Бѣдный стариkъ! Миръ праху твбему... Много оставилъ онъ по себѣ бумагъ. *Дневникъ* самый подробный, который свидѣтельствуетъ о неутомимой дѣятельности, неугасавшей въ дни дряхлой старости. И теперь вообразите: прѣѣзжаю къ вдовѣ и вижу этотъ *Дневникъ*, свидѣтель учености, неудавшихся плановъ, жизни самой беспокойной,—лежитъ въ передней и его разбираютъ лакеи. Вотъ конецъ печальной драмы. Спрашивалъ я о библіотекѣ, автографахъ, о бумагахъ. Все это досталось какимъ то нелѣпымъ наслѣдникамъ. *Дневникъ* его—это, ей-ей, рѣдкость во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ психологическомъ, для всякаго, кто знать, что это былъ за че-

¹⁾ Вѣроятно ошибка: „*Erfindung des Cypferling*“. См. Харьк. Губ. Вѣд. 1841 г. № 20, стр. 187.

²⁾ „*Москвитянинъ*“ 1843 г. № 2, стр. 628—329.

³⁾ Въ письмѣ къ Погодину отъ 13 января 1843 года.

ловъкъ-феноменъ покойникъ»¹⁾... «Покойникъ не имѣлъ друзей», замѣтилъ въ томъ же письмѣ Бецкій, можетъ быть, заключая такъ по безучастному отношенію общества къ смерти В. Н. Каразина. Приготвляя къ изданію выпускъ «Молодика» на 1845 годъ, Бецкій такъ извѣщалъ публику о незамѣнной утратѣ общества: ...«Съ душевнымъ прискорбіемъ произношу имена В. Н. Каразина и Г. Ф. Квитки, такъ неожиданно похищенныхъ у насъ смертю. Они первые подали мнѣ руку помощи и благословили мое предпріятіе. Почти всѣ статьи, помѣщенные мною въ третьемъ выпускѣ, были сообщены мнѣ почтенными основателемъ Харьковскаго университета; вмѣстѣ съ его смертю я лишился багатѣйшаго источника, откуда бы могъ почерпать всѣ возможныя свѣдѣнія о Харьковѣ, едва ли теперь кому такъ хорошо извѣстны, какъ былъ онъ ему извѣстенъ. Первый выпускъ «Молодика» былъ отпечатанъ уже послѣ смерти Василія Назаровича — и мнѣ судьба отказалась въ удовольствіи принести ему съ благодарностью первый экземпляръ моей книги»... «Вмѣсто того, чтобы украшать свой сборникъ новыми трудами сихъ двухъ достойныхъ мужей, составлявшихъ опору ученаго и литературнаго общества въ Харьковѣ, издателю предстоитъ горькое утѣшеніе — писать ихъ біографіи»²⁾! И не скоро появилось это «горькое утѣшеніе».

Н. Тихій.

¹⁾ Н. Барсуковъ, кн. 6, стр. 313, 314. «Туть отдается должное и выдающемся уму Вас. Наз., и его безкорыстнымъ трудамъ на пользу общества; мало того,—ясно сквозить и чувство жалостливаго участія къ покойнику, вызванное, быть можетъ, желаніемъ загладить впечатлѣніе первого не совсѣмъ справедливаго отзыва о Каразинѣ» (Шоф. Дм. Ив. Багалій. „Просв. дѣят. В. Н. Каразина“).

²⁾ У Бецкаго осталось не мало рукописей В. Н. Каразина, которыхъ онъ намѣревался напечатать въ Молодикѣ на 1845 годъ. Изъ непечатанныхъ намъ извѣстны: „Географическое, статистическое и топографическое обозрѣніе Харьковской губерніи, составленное по рукописнымъ тетрадямъ г. Шафонскаго и В. Н. Каразина.“ „Харьковская памятная книжка“ (Сочиненія В. Н. Каразина. — Материалы для его біографіи—Нѣсколько писемъ его...) См. Молодикъ на 1844 годъ изд. И. Бецкимъ. Спб. 1844, стр. 241, 242—243 Нѣкоторыя же рукописи Бецкій передалъ впослѣдствіи О. Бодянскому (равно и записку Анастасовичу), который печаталъ ихъ въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.“).

Осколки старины въ Зѣньковскомъ уѣздѣ.

Зѣньковскій уѣздъ, купно съ окольными окраинами соѣдяющи съ нимъ уѣздовъ Полтавской и Харьковской губерній, тутъ только початая, да и то мимоходомъ, всколызь, *terra incognita* въ отношеніи мѣстной старины. Удаленный отъ рельсовыхъ путей, съ населеніемъ, по большей части, апатично относящимся ко всему, что слабо соприкасается или мало имѣеть точекъ соприкосновенія со злобой дня, онъ благодушно и не спѣшно переживаетъ режимъ общежитія, унаследованный отъ предковъ, не переча эволюціямъ, исподоволь, будто бы не замѣтно, но тѣмъ не менѣе энергично, стирающимъ слѣды старины въ бытовомъ обиходѣ и вообще въ житейскихъ дѣлахъ его населенія. Вещественные памятники послѣдней, въ свою очередь, тоже захватываются волнами общаго теченія, и что ни годъ, обликъ ихъ все тускнѣеть, а численность умаляется. Пройдутъ десятки, пожалуй, сотня лѣтъ,—и кто скажетъ навѣрное, не отайдутъ ли эти вещественные памятники въ туманную область преданія, миѳа? Правда, крушающіе изъ нихъ—по крайней мѣрѣ нѣкоторые—зарегистрованы, или попали въ альбомы случайныхъ изслѣдователей мѣстной старины. Но много ли таковыхъ?—отвѣтить на этотъ вопросъ не легко, съ одной стороны потому, что не всѣ изслѣдованія пошли въ печать, а съ другой далеко не установлено, кто были изслѣдователи и въ какой степени исчерпанъ объектъ ихъ наблюденія.

По порученію предварительного комитета по устройству XII археологического съезда въ Харьковѣ, осень 1891, а затѣмъ весну и лѣто 1902 г. я экскурсировалъ по Зѣньковскому уѣзду, отыскивая подходящіе для означенного съезда экспонаты. Попутно, въ самомъ г. Зѣньковѣ и во многихъ поселеніяхъ Зѣньковскаго, уѣзда мнѣ приводилось слышать, что до меня *недавно* кто то наѣзжалъ въ Зѣньковицу изъ Петербурга, какъ изслѣдователь старины. Что именно и въ какой степени было имъ изслѣдовано, говорили разно; всѣ, впрочемъ, сходились въ показаніи, что дѣло велось по широкому масштабу и при участіи офиціальныхъ лицъ. Носились еще слухи, что зѣньковцы ждутъ къ себѣ археологовъ; однако, послѣднихъ ни до съезда, ни послѣ съезда они не дождались...

Какъ собиратель экспонатовъ для выставки вышеупомянутаго съезда, я не имѣлъ ни времени, ни средствъ обстоятельно заняться посильнымъ изученіемъ памятниковъ старины: бросающееся въ глаза пришло намѣтать накоротко, въ видѣ набросковъ туриста. Для меня, какъ мѣстнаго жителя, эта работа нѣсколько упрощалась, главнымъ образомъ потому, что нива изслѣдованія была своя, родная. Часть моихъ работъ уже отдана въ распоряженіе харьковскаго историко-филологического общества; другою теперь дѣлюсь съ читателями «Кievskoy Stariны», испрашивая у нихъ извиненія за нѣкоторую запоздалость.

Кстати, маленькая оговорка по поводу грѣха запоздалости, за мною—чистосердечно радъ въ этомъ уже сознаться—уже не первымъ...

Изслѣдователь архивовъ Харьковской губерніи, Д. П. Миллеръ, на сей счетъ по моему адресу въ 1902 г. далъ такой отзывъ: «Ахтырскій архивъ уже подвергался изученію: въ восьми-десятыхъ годахъ здѣсь дѣятельно работалъ изслѣдователь мѣстной старины А. Д. Твердохлѣбовъ, извлекшій изъ архивныхъ дѣлъ обширный матеріалъ по разнымъ интересовавшимъ его вопросамъ прошлой жизни уѣзда. Къ сожалѣнію, собранный имъ матеріалъ и до сихъ поръ лежитъ втуне, и только небольшая часть его вошла въ напечатанный г. Т. очеркъ по исторіи

Ахтырскаго монастыря, напечатанный въ одномъ изъ приложенийъ къ «Харьковскому Календарю» («Сборникъ Харьк. импер.-фил. общ. Т. 13-й, стр. 335).

Добавлю къ цитуемымъ словамъ Д. П., что у меня и еще кой-что изъ извлечений изъ архивовъ имѣется ненапечатанное; но въ отношеніи этого грѣха за меня, какъ и за многихъ отечественныхъ архивистовъ, особенно—провинциальныхъ, такая масса оправдательныхъ мотивовъ, что если бъ ихъ сгруппировать и положить въ перетяжку съ обвинительными на вѣсы *правосудія*, то врядъ бы перевѣсь оказался на чашкѣ послѣднихъ. Въ полной увѣренности, что г. Миллеръ по этому поводу не станетъ со мною спорить, переходжу къ моей заглавной темѣ.

Исходными пунктами моей экскурсій по Зѣнѣковскому уѣзду въ 1901 и 1902 годахъ были село Буды и смежное съ нимъ мѣстечко *Куземинъ*.

Такъ какъ оба эти поселенія, по укладу быта обывателей и по своей внѣшности, довольно характерны, то я и скажу нѣсколько о томъ и другомъ.

Куземинцы и будяне—почти сплошь козаки, потомки тѣхъ козаковъ, которые числились за гетманами по Гадячскому ключу, а потомъ, когда хозяевами здѣсь, вмѣсто гетмановъ, стали Гадяцкие полковники, исподволь при нихъ мало-по-малу освобождались и вошли въ ряды вольныхъ козаковъ, независѣвшихъ отъ ключа и обособившихся въ кругѣ своихъ мѣстныхъ интересовъ. Часть старшины, краевой и пришлой извѣтѣ, выдѣлилась въ привилегированное сословіе пановъ и полупанковъ и вмѣстѣ съ старшими изъ духовенства подчинила себѣ бѣднѣйшихъ изъ козацкой громады,—сначала, въ качествѣ подданныхъ, а потомъ зарегистрована крѣпостными, приписавъ къ своимъ обширнымъ маестностямъ и ихъ самимъ, и числившимся за ними грунты и угодья; большинство же, по старому, осталось въ рядовой громадѣ, сохранивъ за собою и права на участковое землевладѣніе на правахъ собственниковъ. Въ общемъ, козацкое участковое землевладѣніе превышало панское землевладѣніе, а послѣ крестьянской реформы, съ теченіемъ времени, еще болѣе расширилось. Изоли-

рованность отъ просвѣтительныхъ и бойкихъ торгово-промышленныхъ пунктовъ была также и причиной того, что мѣстное населеніе до послѣдняго времени слишкомъ мало выдѣляло изъ своей среды грамотныхъ людей, да и теперь по этой части значительно отстало отъ ближайшихъ къ нему поселеній своей и Харьковской губерніи. Отсюда—устойчивость предковскихъ традицій, консерватизмъ во внѣшней обстановкѣ быта и въ способахъ добыванія насущныхъ средствъ къ жизни. Тѣмъ не менѣе, вѣянія времени и здѣсь берутъ свою дань.

Непочатый уголокъ назадъ тому 40—50 лѣтъ, Буды и Куземинъ въ наши дни уже не тѣ, что были тогда: руины былого, что ни годъ, все рельефный и рельефный стали обнаруживаться.

Въ Куземинѣ—идущій по-надъ Ворскломъ старинный валъ мѣстами сталь распахиваться, вмѣстѣ съ Песковатою горой, на выдѣлку кирпича, благо рѣка подъ бокомъ; гора Замокъ сильно испещрена выемками и царапинами, удѣляя изъ себя на обывателскій обиходъ глину—«замкуху», весьма цѣнную, какъ суррогатъ кирпича, при выстилкѣ «пода» варистыхъ печей. Повысохли старинные сады и замѣнены посадками изъ щепъ новыхъ сортовъ сѣмянныхъ и косточковыхъ плодовыхъ деревьевъ; порѣдили осѣняющія ихъ дубровы—и въ Куземинѣ и въ Будахъ. Когда то бывшія на ложбинѣ рѣчки Чечечвы въ Будахъ роскошные пруды съ мельницами теперь или совершенно изсякли, превратились въ капустники и конооплянники, или уступили мѣсто убогимъ копанкамъ съ мутною водой и совсѣмъ безрыбнымъ; нѣть панского каравана, нѣть густыхъ очертовъ и осокъ съ рогозомъ. Въ обоихъ поселеніяхъ исчезли и бурты... Одинъ за одинъ бовдуры съ фигурными крышками и безъ нихъ уступаютъ мѣсто кирпичнымъ трубамъ, соломенные кровли—желѣзнымъ и кое-гдѣ черепичнымъ. По костюму только немногіе старики да старухи напоминаютъ старосвѣтчину; масса же, особенно молодежь,—тѣ же горожане почти, особенно когда принаряжаются по праздничному. И улица уже не та, что раньше, и досвѣтки, и пѣсни... Во всемъ, во всемъ надо искать, улавливать старину.

Даже исконный обычай куземинцевъ и будянъ для сокращенія сообщеній, вмѣсто улицъ ходить стежками черезъ сады и лѣса, даже этотъ обычай сталъ не то привилегіей немногихъ, не то одряхлѣвшимъ культурнымъ пережиткомъ.

Буды и Куземинъ, тѣмъ не менѣе, выглядятъ еще сплошнымъ садомъ: бѣлыя стѣны хатъ, ихъ крыши и крыши надворныхъ строеній только въ одиночку то тамъ то тамъ выглядываютъ изъ-за древесныхъ сѣней. По отношенію къ вещественнымъ памятникамъ старины, оба эти поселенія, въ частности, представляютъ нѣкоторый интересъ церковными древностями.

Въ *Будахъ* церковь во имя архистратига Михаила, трехглавая, деревянная, въ формѣ креста. Она сооружена еще въ XVIII в. Къ ней пристроена новая башня-колокольня назадъ тому около 40 л. Изъ древностей церкви достойны вниманія: *кипарисовый крестъ* съ датой 1642 г., *Евангелие*, изданное во Львовѣ въ 1644 г. и *три требника Петра Могилы*. Евангелие съ рисунками. На нижнихъ поляхъ его листовъ, между прочимъ, значится, что оно «наддано при іереѣ Евстафіи Максимовичѣ прихожаниномъ той церкви Хомою Горбатымъ «съ женою Вовдею (Явдохой, Евдокіей) за находящагося въ неволѣ бѣсурменской сына своего Левка... Господу-Богу охвѣрующи и святому Михаилу, а да-леби Богъ милостивый его съ той неволи высвободити рабияль (=благоизволиль»). Куплено же оно у игумена (имя неразборчиво) «за мукѣ и лѣсь». Интересны еще 2 *холщевые подризники*, съ цветами, шитыми металлическими и шолковыми итаками (они теперь въ музѣи изящныхъ искусствъ при Харьковскомъ университѣтѣ), и дарохранительница съ датой 1769 г.

Въ м. Куземинѣ 2 церкви, Покровская и Троицкая. *Покровская* старинная обѣ одномъ куполѣ. Къ ея оградѣ примыкаетъ древнее кладбище, вначалѣ, думать надо, общее, а впослѣдствіи—фамильное пановъ Трипольскихъ. Нынѣ на немъ уже не хоронятъ покойниковъ. Съ ограды промежъ деревьевъ открываются чудные виды на долину р. Ворскла и на степь за нею, идущую къ р. Мерлу. Изъ экспонатовъ этой церкви на ХІІ археологическомъ съѣздѣ были выставлены пѣсколько иконъ, 2 оло-

вянныя чаши. Дарохранительница въ формѣ башни и фелонь изъ чисто-золотой парчи съ вышитыми на превосходномъ бархатѣ цвѣтами. Другія древности на выставку съѣзда не попали, какъ вещи, требовавшія специальной укупорки для доставки ихъ въ Харьковъ.

Троицкая церковь раньше стояла по сосѣдству съ Покровской на холмѣ взгорья, но ее сломали и замѣнили новою на новомъ мѣстѣ, въ верстѣ разстоянія отъ холма вотъ по какому случаю. Въ старой, за относительно короткое время одинъ за другимъ умерло 12 священниковъ. При 13-мъ настоятельѣ, зять о. Саввы Онуфріевича Чичибабина, о. Федоръ Засядкѣ рѣшено было строить новое зданіе Троицкой церкви. Аналогичный случай смерти подрядъ и за сравнительно недолгій срокъ 18 настоятелей былъ и въ Зѣньковѣ въ церкви Преображенія Господня; но тамъ 13-й настоятель, о. Дмитрій Засядко, просвященствовалъ благополучно до 30 лѣтъ, и храмъ все еще остается старый деревянный.

Заношу въ настоящій очеркъ эту легенду въ виду широкой ея популярности въ Зѣньковщинѣ. Тамъ еще и теперь вѣрять многіе, что плотники, особенно москали, «маютъ дидъка въ носи» и могутъ чарами зло творить людамъ: «або зроблять такъ, що само собою згорыть те, що вони строють, або заложать на чінебудь толовы, колы имъ чымъ не догодять», поясняютъ свѣдущіе и бывалые люди..»

Древности Куземинской Троицкой церкви: 2 шитыя по бархату металлическими нитками иконы *Богоматери* и *Спасителя*, крестъ съ рельефами Саваоѳа, Распятія и Іерусалима, оловянная дарохранительница, съ фигурами святыхъ въ орнаментахъ, Львовскій *Евангеліонъ* съ датой 1644 г., *ноты*, изданныя въ Москвѣ въ 1708 г.

Старинныхъ метрикъ и исповѣдныхъ записей въ церквяхъ Куземина и Буды неѣть раньше конца XVIII в.; а еще недавно были. Куда дѣвались онѣ?—преданіе молчитъ.

Дорога изъ Куземина и Буды на Зѣньковъ сама по себѣ памятникъ старины. Когда въ Куземинѣ была таможня, эта до-

рога имѣла значеніе военно-транспортной, потомъ была дорогой почтовой, наконецъ стала, и до сихъ поръ еще остается, трактомъ для отхожаго промысла населенія, стремящагося по ней весной на заработки въ южныя степи, а осенью обратно оттуда домой. Она еще недавно имѣла солидную ширину, по владѣльцы нивъ, сопутствующихъ ей по обѣ стороны, пріорали себѣ отъ нея чуть ли не $\frac{3}{4}$ грунта.,.

На этой дорогѣ, невдалекѣ отъ с. Довжка, есть старинное укрѣпленіе, можетъ быть и болѣе раннее. Оно защищено чечевицевидными холмами съ N и NO и открыто къ ZW, куда съ него открывается обширная панорама дали съ поселеніями и окаймляющими степь лѣсами. Оно состоить во владѣніи частнаго лица, и владѣлецъ, по всѣмъ признакамъ видно, не любитель древностей, такъ какъ ежегодно валы и холмы укрѣпленія оборудываются всипашкой подъ посѣвъ бахчевыхъ овощей и подсолнуха.

Проѣхавъ около 3 верстъ отъ укрѣпленія, вы вступаете въ лѣсъ «Безвидне», въ коемъ есть широкое углубленіе—остатокъ неудачнаго опыта рытья колодца и, гласитъ преданіе, могила пана, убитаго и выброшенаго грабарями въ яму «за те, что бувъ сердитый и знущавсь надъ людьми». Фамиліи погибшаго пана преданіе не сберегло; но какъ изъ преданій, такъ и изъ бумагъ Харьковскаго историческаго архива известно, что по дорогѣ и въ лѣсу въ эпоху Уманской рѣзни «вешталысь гайдамаки и харцизы» и что Желѣзнякъ на ней же былъ, послѣ промѣки, конвоированъ по этапу черезъ Куземинъ на Котельву, откуда училъ неудачный для него побѣгъ.

Очень красивыя панорамы приходится наблюдать путнику при выходѣ изъ Безвиднаго по пути на с. Ступки. Надъ долиной села идутъ возвышенія съ лѣсками и перелѣсками, въ которыхъ юятся старосвѣтскіе хутора—влѣво Геевщина, вправо—и не перечтешь сколько, и все—старинныхъ цановъ. Ступки—это царство гусей и голубей. Что ни хата, то и голубятня. Гуси съ утками «хряснутъ» (=сплошь кроются) рѣчные плеса, окаймляемые густымъ очеретомъ, поросшимъ вербами и верболозомъ на все

видимое глазомъ протяженіе рѣчки по обѣ ея стороны. Такого «схову» и «прыхылу» пернатыя рѣдко гдѣ въ бассейнахъ Ворсклы и Псла отыщутъ себѣ. Далекою стариной вѣтъ отъ этой будящей думы о прошломъ края панорамы.

Вѣхать въ с. Ступки, даже лѣтомъ, послѣ мало-мальски «спирного» дождя, не совсѣмъ удобно, на самомъ вѣвѣздѣ въ него— «ковбана», топкая и очень глубокая. Подъ росталь весной и во время осенней слякоти, говорять, здѣсь фурщикамъ горе... Да и улицы нельзя сказать, чтобы были удобо проѣзжими по причинѣ глееватаго грунта. Церковь въ Ступкахъ изъ такъ называемыхъ «позыченыхъ»: она перевезена сюда изъ м. Куземина и есть та самая Троицкая церковь, въ которой такъ часто умирали священники. На Ступкахъ—слава Богу, благополучно. Украшеніемъ села служить зданіе земской школы, нѣсколько казепной, впрочемъ, архитектуры.

I'. Зѣноковъ не бѣденъ памятниками прошлаго, ботье или менѣе отдаленного отъ нашихъ временъ. По отношенію къ эпохѣ Гетманщины онъ самъ, можно сказать, довольно почтенный памятникъ. Это сказывается даже при бѣгломъ обзорѣ его нелишенной оригинальности панорамы. Далеко протянулся онъ, по теченію р. Ташанской Груни, съ юга на сѣверъ, по обѣ ея стороны сливаясь съ тонущими вдали, подъ сизою дымкой мглы, селами и хуторами. Восточная часть его покоятся на низинѣ Подола, а западная раскинулась по горѣ, которая, въ свою очередь, за чертою города сливается съ господствующимъ надъ нею возвышеніемъ поля, упирающагося въ темную широкую полосу нагорныхъ лѣсовъ. Въ общемъ, фигура площади города имѣть форму креста; крестомъ же стоять на ней и городскія церкви, по устройству своему тоже крестообразныя. Таковъ Зѣньковъ издали, съ дороги на него изъ Куземина. Въ чертѣ осѣдлости его населенія онъ начинается усадьбами-садами, изъ которыхъ прилегающая къ тракту на Полтаву такъ и просится на полотно художника, какъ осколокъ не близкой уже къ нашимъ днямъ старины. Гребля, раньше подъ грязь невылезная, теперь высоко приподнятая и изрядно шоссированная камнемъ, сопутствуетъ справа

тонущими въ вишненникахъ и гаяхъ усадьбами, а слѣва обширными сѣнокосными левадами, обсаженными еще аллеей вербъ и растущими враскидку группами столѣтнихъ яворовъ. За греблей старина перемежается съ постройками новой архитектуры; но юю слѣднія, у моста черезъ р. Ташанскую Грунь, опять теряются изъ виду: тутъ, на лѣвой сторонѣ плотины, цѣлымъ таборомъ толнятся ряды крытыхъ дерномъ кузницъ, едва ли не современницъ если не Хмельницкаго, основателя города, по преданию, то ужъ навѣрное Брюховецкаго и Дорошенка. За мостомъ, почти до подъема на гору, опять—влѣво старина, вправо—архитектурныя новшества. Истыми представителями былого выглядятъ: дома бывшаго уѣзднаго, теперь городскаго, училища, храмъ Преображенія Господня съ крестами надъ могилами въ оградѣ и нѣкоторые уцѣлѣвшіе отъ сломки домики.. Но я, въ силу данной мнѣ въ Харьковѣ инструкціи, не могъ располагать достаточнымъ временемъ для подробнаго изученія виѣшности Зѣнѣкова. Мнѣ прелостояло въ немъ осмотрѣть древности церквей и выбрать изъ числа ихъ экспонаты для археологическаго съѣзда, прелостояло выгадать время для развѣдокъ по части этнографіи съ цѣллю что-нибудь купить для выставки на съѣздѣ. Итакъ, вообще говоря, скоро всего не сдѣлаешь; въ Зѣнѣковѣ же, гдѣ нельзѧ не считаться съ мѣстными обыкновеніями, и подавно. Не знаю уже, въ силу ли традиціи, или такъ по какимъ-либо мѣстнымъ специфическимъ причинамъ, многіе жители Зѣнѣкова кайфъ послѣобѣденного сна, между 2 и 5 часами по полудни, поддерживаются на степени настоящаго культа. «Тогда къ нимъ, хоть пушками пали, не дос趋ишься»,—предварилъ меня хозяинъ постоялаго двора, въ коемъ я остановился. Сообразно съ этимъ, я сталъ пріискивать себѣ дѣло тамъ, гдѣ, по моимъ соображеніямъ, послѣобѣденному служенію Мороею я не могъ сдѣлать помѣхи; однако, оказалось, что и 5 часовъ по полудни—не у всѣхъ въ Зѣнѣковѣ конечный срокъ этому звучаю-культу... Слава Богу, однако, все хорошо обошлось въ концѣ концовъ.

Изъ церквей Зѣнѣкова *соборная, во имя архистратига Михаила,* замѣчательна и по архитектурѣ, и по нѣкоторымъ па-

мятникамъ старины. Она о 5 куполахъ; 5-тиглавая, деревянная. Колокольня ея стоитъ особо. Внутри—хоры. Иконостасъ въ 3 яруса, съ 3 полуярусами; все иконы на пемъ старинной, весьма оригинальной, живописи. Больѣе другихъ, какъ остатки старины, выдаются намѣстныя иконы *Спасителя и Богоматери, Св. Троицы и Соборъ архангела Михаила*, а въ особенности икона, изображающая *Предвѣчнаго Младенца*, лежащаго на головѣ Адама: сверху надъ Нимъ—Саваоѳь и Духъ Святый въ видѣ голубя; слѣва—гербъ, а справа—Николай Чудотворецъ и Варвара Великомученица. На горнемъ мѣстѣ въ олтарѣ—оригинальной старииной кисти изображенія Спасителя, Божьей Матери и Предтечи. Стариной же вѣеть и отъ иконъ на жертвеннникахъ. Царскія врата—по архитектурѣ, орнаментовкѣ и живописи—замѣчательны. Изъ другихъ древностей храма отмѣтимъ: *Евангеліе* подъ датой 1735 г., съ рисунками. На пемъ надпись: «1740 года генваря 1 дня здѣлано сіе святое Евангеліе коштомъ пречестного Кондрата, намѣстника и послуженца пещерскаго; а родимца г. Зѣнькова,—до святой соборной церкви до св. архистратига Михаила за отщущеніе грѣховъ своихъ. Мастеръ сего Іеремій Бѣлецкій во имя Господне вигравировалъ». *Евангеліе* 1757 г. *Антиминсъ* 1780 г. Надпись: «Освятилъ митрополитъ Гаврійль въ Кіевѣ до храму Іоанна Крестителя (придѣль въ соборѣ). *Дарохранительница* въ формѣ башни—даръ архимандрита Златоверховскаго монастыря, Іосифа Томашевскаго, жителя гадяцкаго полку г. Зѣнькова. Дата 1763 г. Интересны металлическія выпуклые фигуры воскресшаго Спасителя, Духа Святого и ангеловъ въ райскихъ одеждахъ. Въ соборѣ 3 престола. *Архивъ* его начинается съ конца XVIII в.

Къ описаннымъ памятникамъ старины въ соборѣ присоединимъ живую лѣтопись его, *Меркурія Ивановича Потакевича*, 90-лѣтняго старца, рукоположеннаго дѣячка, нынѣ пребывающаго на покоѣ взаштатѣ, но еще бодраго и обладающаго свѣжей памятью.

Покровская церковь въ Зѣньковѣ отступаетъ отъ общей мѣстныя церквамъ формы креста. Она перенесена въ Зѣньковъ

изъ упраздненного при императрицѣ Екатеринѣ II Преображенского Скельского монастыря; ея форма—корабль; деревянная изъ сосны. Въ притворѣ на дверяхъ рѣзная по дереву надпись гласить: «Обновися сія Преображенія Господня церковь тщаниемъ превелебнаго отца нашего благословеніемъ Бога Отца и поспѣщеніемъ Сына... по предложенію господина нашего преосвященнаго митрополита Киевскаго Арсенія Могилянского денежнимъ отъ доброхотныхъ дателей любящихъ благолѣпіе домовъ Божиихъ собранныхъ 1759 г. игумена іеромонаха Пореірія Туманского иждивениемъ». Здѣсь остатки старины: въ олтарѣ—*горнее мѣсто и жертвенники*; въ церкви—иконостасъ, многія иконы, *хоругви, фелонъ* шелковая съ оплечьемъ, на коемъ лики святыхъ вышиты золотомъ и серебромъ, 2 *плащаницы*—одна на желтой, другая на красной шелковой матеріи, 2 *пары* металлическихъ золоченыхъ *вѣнцовъ*, 2 *рипиды* съ головками ангеловъ, *подrizники полотняные*, 2 *Евангелия* московскаго изданія съ датами 1763 и 1782 г.г.

Церковь Преображенія Господня. Въ ней древности: *Триптичеснецъ* подъ датой 1631 г., Львовское *Евангелие*—1644 г., «Бесѣды Іоанна Златоуста»—1709 г.; *Евангелие* съ датою 1719 г., вѣнчальные *вѣнчики* въ формѣ ободка съ цвѣтами, «Поученія» 1777 г., *выносной крестъ* 1751 г. съ надписью: «Коштомъ атамана Зѣньковской сотни Антона Довбни обновленъ 1799 г., *выносной крестъ*—даръ Юліаніи Лѣсавицкой, складень (панагія), шелковые *подrizники* въ цвѣтахъ и старинныя иконы.

Воскресенская церковь никакихъ древностей не имѣеть. Въ *Троицкой* есть: старинныя *Евангелия*—Львовское 1688 г., Киевское 1746 г. съ рисунками и надписью надъ ними; «Изобрази Аверкій Козачковскій. Даръ іеромонаха, намѣстника лавры св. Киево-Печерской 1750 г. Окладъ здѣлалъ Казанковъ». *Панагія съ мощами*, безъ даты, съ изображеніемъ св. Тихона, *Евангелие* 1791 г., *дарохранительница* серебро-вызлащенная, съ рельефной орнаментовкой ликовъ святыхъ, изображающей погребеніе Спасителя.

Въ *Трехсвятительской* церкви, по времени одной изъ старѣйшихъ въ Зѣньковѣ, памятники старины, по преданію, когда то были;

но теперь ихъ слѣдовъ не осталось. Самая церковь—деревянная и обветшала совсѣмъ; взамѣнъ ея воздвигнута каменная, оконченная только вчѣрнѣ. Архивы церквей Зѣнькова старинными мапускриптами небогаты совсѣмъ: по неимѣнію удобныхъ помѣщений, негдѣ хранить таковые.

Въ 7 верстахъ отъ Зѣнькова прячется въ густыхъ фруктовыхъ садахъ с. *Великая Павловка*. Въ немъ 2 церкви, старая и новая. Послѣдней я не осматривалъ. Первая имѣть три престола: во имя *Успенія пресв. Богородицы, Константина и Елены и Варвары Великомученицы*. Она—деревянная. Уважаемый настоятель ея, священникъ Петръ Митрофановичъ Крамаренко, вручилъ мнѣ, какъ даръ отъ него Харьковскому историко-филологическому обществу, древнюю рукопись «*Сложеніе устава церковного*», переданную мною по принадлежности. Это—выдающаяся древность церковнаго архива. Кромѣ нея, есть при церкви *Евангелие львовскаго изданія 1644 г.* съ интереснымъ рукописнымъ посвященіемъ, *требникъ* безъ даты, и нѣсколько иконъ мѣстной живописи съ тенденціей на оригинальность. Архивъ скуденъ.

Въ Павловкѣ мнѣ случайно привелось прослушать и записать нѣкоторыя свадебныя пѣсни. По словамъ супруги о. Петра Крамаренка, Анны Антоновны, Павловка еще обилуетъ старинными народными пѣснями, обрядовыми и уличными.

Отъ Великой Павловки рукой подать къ с. Бобровнику. *Бобровникъ*, какъ и Павловка, вся въ садахъ. Въ дачахъ его береть начало ручей Рудый, впадающій въ Псіоль возлѣ с. Романовки. Село славится фруктовыми садами, изъ которыхъ лучшіе помѣщиковъ Бѣлявскаго, Горонескуля и бывшаго штатнаго смотрителя Зѣньковскаго уѣзднаго училища Василія Павловича Ковтуна; послѣдній теперь — маститый старецъ за 80 лѣтъ, но бодрый и юношески энергичный. Онъ очень любимъ мѣстными простолюдинами; по специальности—самъ хлѣборобъ. Къ сожалѣнію, за выѣзdomъ священника къ роднымъ, а церковнаго старосты въ Полтавщину, церковь Бобровника мнѣ не привелось осмотрѣть. Отсюда мы съ сыномъ, гимназистомъ Митей, повернули черезъ Зѣньковъ на с. Шенгеріевку.

Путь на Шенгеріевку изъ Зѣнькова идетъ низами и буераками; въ сухую погоду онъ не изъ удобныхъ, въ мокрую же ъхать по немъ, по общимъ отзывамъ, чистое мученье. И не интересенъ онъ, т. к. окрестности его прячутся за кряжами возвышеній, ему сопутствующихъ.

Сама *Шенгеріевка* выглядить не особенно красиво. Про нее въ народѣ ходитъ легенда, будто бы въ ней когда то, вместо колоколовъ, «дзвонылы у вершу бурякомъ». Какимъ обстоятельствомъ вызвана эта легенда, ни въ Шенгеріевкѣ, ни въ Груни мнѣ никто не могъ объяснить. «Чулы, що, буцимъ, дзвоныло»— вотъ и все объясненіе... До эманципаціи село было помѣщичье.

Церковь Шенгеріевки во имя архистратига Михаила построена въ 1795 г. Въ ней замѣчателенъ иконостасъ, сооруженіе коего приписывается бывшему владѣльцу села, помѣщику Ивану Федоровичу Дубягѣ; по другимъ свѣдѣніямъ, украшаль ее бывшій ея настоятель, современникъ Ивана Федоровича. Можетъ быть, они оба въ 1820 г. трудились надъ украшениемъ храма. Иконостасъ весь изъ рѣзбъ съ колоннами и выпуклыми фигурами ангеловъ и святыхъ. Подъ иконою, изображающею Тайную вечерю,—балдахинъ, осѣняюшій царскія врата. На немъ изображенъ Спаситель въ видѣ Агнца, па коемъ стоять крестъ, хоругви и древесная вѣтвь въ листьяхъ. На царскихъ вратахъ—чаша съ сіяніемъ, влѣво отъ нея—скрижали, вправо—Евангеліе. Самый древній памятникъ старины при церкви *Акафистникъ* 1625 г.; кромѣ него, къ XVII ст. относятся: *Львовское Евангеліе* 1690 г. и *Минея Общая* временъ царствованія Феодора Алексѣевича; къ XVIII—*Евангеліе* съ датой 1705 г., *ноты* 1729 г., *трифоліонъ* (безъ даты), *журналъ входящихъ бумагъ* 1718—1735 гг. съ копіями дѣлъ; сохранились также отъ прежнихъ временъ *оловянная чаша* со лжицею и 2 *холщевыхъ подrizника* огромнаго размѣра, шитые заполочью. Иконы оригиналной мѣстной живописи, всѣ болѣе или менѣе неудачно подновлены кистью реставрировавшаго ихъ живописца. Архивъ мало интересенъ и не полонъ.

Мѣстечко Грунь. Про него въ окрестномъ населеніи ходить обидная поговорка: «Грунь—хоть плюнь»; но она, по крайней

мѣрѣ примѣнительно къ нынѣшней Груни, несправедлива: Грунь —мѣстность довольно красивая, и только развѣ что постройки въ ней, раскинувшіяся въ безпорядкѣ по взгорьямъ, не совсѣмъ мѣстами картинны. Грунине и грунянки еще не совсѣмъ утратили простоту старины. Дивчата и молодицы «кохаютця» въ плахтахъ, украшаютъ голову повязкою изъ шелковыхъ платковъ въ формѣ креста, на намистѣ носять дукаты и цвѣтные галстушки, рукава и подоль рубахи вышиваются мережками и цвѣтною —чорною, синею и красною—заполочью; чоботы —сапьянци и «мышеви» жолтые въ большомъ употребленії. Не бросаются старайной одежды и мужчины; цыгарки еще не совсѣмъ вытѣснили традиціонную люльку—Зинькивку.

Благодаря просвѣщенному содѣйствію мѣстнаго благочиннаго, о. Феодора Павловскаго, станового пристава г. Млыко и помѣщика Е. В. Хижнякова, въ Груни по части старины мнѣ удалось гораздо больше пораздобыть экспонатовъ, чѣмъ я предполагалъ. Немало помогъ мнѣ и настоятель церкви Воскресенія Христова, о. Захарій Васильевичъ Штепенко, самъ большой любитель археологіи. Отъ него поступили на выставку ХП археологическаго съѣзда очень цѣнныя экспонаты: рукопись —«Минея мъсячная» 1627 г. и деревянная чаша.

Въ церкви Воскресенія хранятся: рукописное Евангеліе 1636 г.¹⁾ и печатныя львовскія Евангелія 1683 и 1690 г.г.,—послѣднее съ подписью: «1703 г. отъ ктиторовъ и братства церкви войсковой. При Назаріи Яновскомъ пресвитера того жъ храму намѣстника Грунского (по преданію, церковь В. Х. была соборною); Требникъ безъ даты, съ интересною «предмовою», Минея

¹⁾ Подарено оно до церкви Успенія войсковымъ товарищемъ Константиномъ Дмитріевичемъ, обывателемъ Груни Черкасской. Въ обычномъ заклинаніи любопытно слово, послѣ анаема,—амаранаета. О. Захарій Штепенко говорилъ намъ, что Успенская ц. была перенесена въ Лютенскія Будища, а новая переименована въ Воскресенскую, и въ нее поступило это Евангеліе вмѣстѣ съ другою утварью старой церкви.

общая, изданная при королѣ Иоаннѣ III, вънчальные вѣницы въ формѣ головныхъ цвѣтовъ, девь оловянныя чаши, плащаница зеленая бархатная; на ней—лики святыхъ, шитые серебромъ, а волосы—шелкомъ, старинная серебротканная риза, «тульный» (наперстный) крестъ и медальонъ—оба съ частицаммъ мощей святыхъ.

Николаевская церковь. Въ ней: Евангелионъ, изд. во Львовѣ въ 1644 г. На заглавномъ листѣ его значится: «Евангелионъ сирѣчь Благовѣстіе Богодѣховенныхъ, четверопрестольныхъ патріархъ тщаніемъ и иждивеніемъ братства Ставроцигіонъ храма Успенія Пресвятаго Богородица опасно вторицею издаєся», и стихи:

Свѣтомъ гроба твоего воскресенія,
Христе, просіяша повсюду ученія
Евангельскихъ ученій и всѣхъ просвѣщенна
Свѣтомъ познанія, въ вѣрѣ утверждена:
Тѣмъ, Боже, даждь крестоносному братству свѣтлѣти
Въ заповѣдѣхъ Ти непорочнымъ пребывать
Мирно безмятежно жизнь здѣ провожати
И паки грядуща Тя въ славѣ видѣти»

Еще: *вѣничики-цвѣты, плащаница на шелковомъ платьѣ, крестъ оловянный, помѣченный 1689 г.*

Покровская церковь стоитъ на южной окраинѣ мѣстечка на перепутьѣ изъ Зѣнькова и Будь. Она перенесена сюда послѣ пожара, бывшаго въ 1834 г.¹⁾, въ 1842 г. Древности церкви: Евангелионъ 1600 г., съ надписью: «іерея Константина Дмитріевича съ женою Агаѳіею Михайловною и сыномъ Саввою 1703 г.

¹⁾ Пожаръ этотъ былъ грандиозный и произошелъ отъ поджога. Виновницей поджога мѣстное преданіе называетъ красавицу-горничную пани Др—ской Федосью, которую пани «катувала и мордувала за те, что на іи чорни бровы заглядалысь уси панычи, а панянки, дочки пани, не хотили браты за себѣ». Федосья не пошла, будто бы, на каторгу, п. ч. «іи зъ плахи повивъ на шлюбъ судовыкъ».

(даръ) до храму святителя Христова Василія въ Грунъ за іерея Іоанна Шимановскаго, пресвитера того храму». Васильевскою народъ и понынѣ именуетъ Трехсвятительскую церковь. Фамилія Шимановскихъ долгіе годы священствовала наслѣдственно въ этой церкви. Они—сородичи Зѣньковскаго полковника Шимана, фундатора Скельского монастыря. Вѣтвь рода Шимана, двояне Шимановы,—и по настоящее время благополучно здравствуютъ въ г. Ахтыркѣ. Одна изъ дочерей священника Шимановскаго была замужемъ за Гнилосыромъ, въ м. Котельвѣ Ахтырскаго уѣзда.

А. Твердохлѣбовъ.

НІОБА.¹⁾

(Новелля).

ГЛАВА VIII.

Навкругы було пусто и тыхо, не видно ничего, хиба видъ часу до часу—урыване сумне скавулиння собакы, що стерегла нашои хатыны на далекыхъ самитныхъ поляхъ. Тоди, тои моро-зыстои мисячнои осиннїи ночи, мала я почуття, неначе-бъ я справди чула округъ моей самитнїи хатыны смерть, що за мною старою, або за кымъ іншымъ, чатуючи, роззыралася. Такъ сумно и мучльво переймало щось мою душу; такъ невымовно глыбоко видчувала я свою самитнистъ, горе и опущеннистъ.

Я кажу «опущеннистъ», мій сыну, бо стильки мала я васъ ще пры жытту, тоди ще всіхъ п'ятёхъ здоровыхъ и сильныхъ, цвітучыхъ, а помымо того була моя старистъ така смутна и гирка, а вси, прочи кримъ васъ мертвii. Іванъ, Марійка, и тіі передъ нымы поклъкани Богомъ...

Наразъ (оно могло вже быти около другои по пивночи) мене оттакъ сидячу въ потемки мовъ щось трутыло, такъ що я зъ своеи скуленои позицый зъ перелякомъ очутылася.

Я вытрищила очи, котри остаточно утома затулыла, и стала надслухувати...

---

¹⁾ См. К. Ст. 1905·г. № 6.

Чы добре я чула? Ни. Це выразно загуркотило щось мовъ фира. Фира Андруши; и почувся нибы ступить ёго сильного, великого коня.

«Андрушка!»—зойкнуло щось въ мени на-пивъ радистно, напивъ жахлыво.

Андрушка!—и якась пропасныца запанувала мною по довгій, мовъ заштовпилій нерухомости, въ котрій я доси дожыдаючи и надслухуючи пересыджуvalа, и я пидвелася скоро.

Ханаючи судорожно за палыцею, домацалася я якъ можливо скорымъ крокомъ на дверь, мижъ тымъ колы мени щоки мовъ въ лыхорадки тремтили. Я не була въ сили що небудь думати,—такъ невымовно тяжко и повно неясныхъ и прыкryхъ передчувань тяжило на моei души. Одно я знала: доброго не ждало мене ничего.

Въ кинъци ступила я непевнимъ крокомъ на поригъ, поглянула впередъ себе и побачыла: онъ-туть недалечко передъ хатою стоявъ нашъ кинъ и фира, кыдаючи въ мисячній ночи велику незgrabну тинь обичъ себе, поскубуючи голосно и пыльно высоку мураву подвирья, а коло коня — зъ видкрытою головою и мовчки ёго розпрягаючи Андруша. Але мени выстарчало поглянуты на него лышъ разъ, щобъ заразъ-же пизнаты, який обороть взявъ нынишній ёго выйиздъ.

Пьянцы видгадавъ мою блызькисть. Який вже и бувъ тоди пьяній, а видчувавъ мою прысутність инстынктывно. Теперь винъ не пидводивъ голову, але вмисто всякого, хоча-бъ и одного слова прывиту (щобъ все-таки видозватися своею прысутністю), пиднявъ ногу въ гору и вдаривъ нею що сили коня въ бикъ.

— «Гадюко ты!»—заклявъ винъ,—«завше мусышъ ты, колы тебе розпрягаю, стануть мени на поводы». И зъ тымъ словами ставъ зновъ коня быты, що по тверезости не бувъ бы николы своему любымцеви не чынывъ.

Я не втерпила, не можучы довше глядити, щобъ вирне, мудре, въ додатку и змучене звирья, котре ёго непокаличено прывезло до-дому, до голоду ще и збытковано. «Дай коневи спокiй,

Андруша!»—упимнула я строго,—«винъ певно бійку не заслужывъ, винъ голоденъ и змученый и заслугуе скорше на добрый гарнець оброку».

На отци слова винъ доперва пидвивъ голову въ гору и въ мисячнимъ слёви, що нась и коня ярко осявало, глянула я въ пару здичилыхъ палааочыхъ очей.

— Вы не спыте, стара?—спытавъ грубо, охрыплимъ голосомъ:— я хтивъ бы лышъ знаты, чому вы не спыте! Звычайно спыте вы о тій пори такъ мицно, що вашъ беззубый ротъ выкryвляется въ васть якъ у мерца, а цей ночи вы таки жвави якъ молода».

Пры ёго обыди обняло мене холодомъ, хотяй я по интонации ёго голосу замитыла, що винъ мало не на божевильного походывъ,—такымъ неспокійнымъ и дыксымъ выдався мени ныни ёго цозиръ, такимъ видражаючымъ звукъ голоса ёго. И хоть и якъ знала я добре ёго пьянымъ, такъ цилковыто роззвиреного не бачыла, здається, ёго николы! Я зрозумила наразъ, що теперь треба було остатыся спокійною и умиркованою, щобъ не даты злій потузи въ нимъ розлытася, а мени стратыты власть надъ нымъ, власть матери, котру все таки въ тверезости узнававъ, а котрій по пьяному иноди и опираєся.

— Скажы мени, Андрушо!—заговорыла я зновъ до него, nibы не зважаючи на ёго образлыви слова: «Чы ты бувъ у батька и передавъ ёму и Лідіи, що було треба?»

— «Чортови передавъ я все!»—выкryкнувъ ся на мене—«чортови, колы вже йе вамъ такъ счишно довидатыся о тимъ! чортови! А теперь йдить и не быйте мени довше голову, інакше... оттакымъ якымъ я йе ныни... бачыте... онъ тамъ якъ выбlyскується ставъ? Гадаете, я не знаю, чому вы дотеперь не лягалы?»—крычавъ винъ, «я це жъ надто доброе знаю, и не потребуете мени бильше ани словечка казаты!»

«Андруша, мій сыну!»—упимнула я ёго, сама себе до супоюко сylуючи, мижъ тымъ колы мною передъ мою дытыною якъ въ пропасныци телипало. «Андруша, Господь зъ тобою! що ты говорышъ таке безумне? Я не хочу видѣть тебе ничего, лышъ знаты: чы ты бувъ у батька, бачывъ ёго, и чы передавъ гропы

и клунокъ Лидци. Тому и пересыдила я доси ничь. Я не мала супокою. Чы ты того не розуміешъ? Мени здается, що я на вид-повидь заслужила».

— «Мовчить, стара потворо!»—рыкнувъ винъ на мене. «Завсигды мусыте вы розжаруваты пекло въ моєї груди! Якъ колы бы лышъ та було важне, що васъ обходить, а бильшъ нищо! Мовчить—кажу вамъ!.. я не скажу бильше ани слова--инакше... Бигъ-ме.. убюо васъ, якъ...»

Винъ не вымовыввъ послidне слово, бо я... хотъ и якъ телипало мною, опыналася биля него.

— «Теперь ты видповиши мени на мое пытання»—сказала я ёму—«а видтакъ можелъ мене, про мене, и въ воду кынуты, якъ це тоби твоє сумлиння наказуе. Я хтила лышъ зъ твоихъ усть почуты, якъ поводится батькови. Я жыла зъ нымъ зверхъ пятьдесят рокивъ, и мени не байдуже, якъ ёму въ ёго послidнихъ дпяхъ поводится. Туть бувъ ныни въ мене Дмытро и оповидавъ, що винъ маєтся дуже лыхо. Отже я мушу щось певного знаты. Дывысь, мій сыну!»—сказала, взявши ёго за руку и потягаочы за собою въ хату,—«наколыбъ ты мени прысягався онъ тутъ всю ничъ пидъ голымъ небомъ тысячу разивъ, що ты не мавъ пыли въ твоихъ устахъ ани крапли напытку, я тоби того не увирю. Але паколыбъ ты мавъ для мене и найгиршу звистку про батька, то я тоби повирю, бо маю то пересвидчення, що ты матиръ пидъ тымъ выглядомъ не обманышъ. Вона надто за тебе натерпилася».

Винъ вырвавъ свою руку зъ моєї, видтрутывъ мене видъ себе, и крычавъ, затыкаочы соби обома рукамы уха! «Ничого не передавъ я ёму, ніякыхъ грошей і ничего, бо мусивъ я въ корчми лышты, лышъ кильки шматкивъ билля передавъ я Лидци, въ котри перебере ёго ныни-завтра до гробу, бо винъ вже такъ выглядае. А теперъ вже знаете, що хтилы знаты. И знайте таки на добре, колы вже васъ такъ прыпекло, що ажъ мене на тортуры ставьте, стара потворо! Гадаете, я не проклынавъ вже васъ ныни, колы выйихавъ зъ корчмы зъ порожнимы рукамы? Васъ и того старця, що звется моимъ батькомъ и сёгодня-завтра на

вікы очи замкне? проклынавъ, що далы мени жыття. Нехай вамъ це Богъ простыть, а я це вамъ не можу простыты, бо въ моей груди не маю ничего кримъ муки и пекла, а це становыть мое буття, котре маю вамъ завдячыты. Охъ, наколысь наступыла вже разъ тата хвылына, дебъ я побачывъ васъ занимилу и нерухому на марахъ, тоды я бъ пишовъ спокійно—спокійнымъ кро-комъ до онтои тамъ воды и напывся іи такъ, щобъ остався на іи дни ажъ до судного дnia... и всёму наставъ бы кинець. Але такъ я мушу черезъ васъ те собаче жыття пиддержуваты, абысъте не доходылы жебраочы видъ хаты до хаты за кусыкомъ хлиба, бо вси ваши прочи розпанашени диты не хотять о васъ ничего знаты. И имъ выгиднійше дбаты о себе, якъ про своихъ старыхъ».

«Причъ видъ мене, причъ! — крыкнувъ наразъ здычилимыъ голосомъ въ тыху ничъ и глуху простири навкругы и, вырвавши мени палыцю зъ рукъ та кынувшы иею въ отверти сины, оставывъ мене коло розпряженого коня на мисци, пошлентавшися самъ заточуючися въ хату. Тамъ замкнувъ такъ сильно дверымы за собою, що малá хатына певно задрижала, а мали виконця не-наче видзойкнулы.

ГЛАВА IX.

Я осталася перелякана зъ ослабшымъ телипаочымъся колинами, и обгляпулася. Але я пе побачыла пичого, кримъ голыхъ, самитныхъ пиль, освиченыхъ мисячнымъ сяевомъ; надъ нымы тутъ и тамъ розлягалась имла, и я—я засміялася, мій сыну! Господы, прости мени це, але я розсміялася—и такъ пагано, що сама того перелякалася.

Смутна звестка про чоловика, и горе зъ отымъ моимъ сынкомъ булы засыльни, а хвылына для мене, старої жинки, загирка та тяжка, щобъ я могла повзяты якусь певну думку и перевесты іи якъ-небудь диломъ.

Одначе, колы я оттакъ стояла, зворушена до глыбыны душы, почула я наразъ въ своимъ вуху такой переражаочный и болистный окрыкъ, що я не опысала бы ёго николы словами. Не-

наче задеревила зъ остраху, переражена и въ тій хвили до всякого руху нездібна, зойкнула я и оглянулася. Звидкись-то мусивъ винъ питы, той окрыкъ... звидки-то конечно. Але Андрушки и не було вже коло мене,—винъ що недавно до хаты зайшовъ. Я мало не безъ памяты лежала, наколыбъ наша собака не була наразъ голосно забрехала.

Це збудило мене; я пидвела насылу; и ныни Господъ одынъ знає, якъ я заволиклася до хаты. Тутъ же застала я двери видъ кімнаты, въ котрій я ще недавно дожыдаючи зкулена сидила, широкоотворени, а Андрушу, зъ лыщемъ до землі обернемъ, хрестомъ лежачого.

Я прыклякла коло ёго; мої руки зложылыся мымоволи до молытвы, и я почала молытвыся. Голосно и дрожачымы устамы слово въ слово почала я говорыты «Отче нашъ». Це мало мене успокоиты; ще мала я той страшный переражаючый окрыкъ надто выразно въ ухахъ, була занадто зворучена тильки що пережытымъ.

Одначе, Андруша ледве що почувъ мою прысутність и мои слова, якъ пидвився насылу на колина и почавъ мене рукамы доторкатыся.

Ёго очи горили мовъ въ гарячци, и винъ кричавъ зминеннымъ голосомъ:

— Мамо, вы вже вмерлы! я васъ вже вбывъ... ячувъ, якъ вы кричали! Мамо, Андруша убійныкъ!.. идти, скажить це татови, я сёгодня свого патрона втратывъ!»

Мене переняло страхомъ; я була пересвидчена, що я знаходилася проты чистого божевилля.

— Тыҳо, мій сыну, Андруша! тыҳо,—успокоювала я ёго дрожачы, мижъ тымъ колы мій власный голось зминывся въ тій хвили до непизнання. «Господъ эъ намы, а твоя мама жые, и знаходится ось тутъ коло тебе. Ходы молытвася, мій сыну, молытвася. Просы зо мною о Господню опику и помичь, бо обое мы гришни, безталанни сыроты. Тому, хоть бы и смерть десь тутъ коло насъ на насъ чыгала, безъ Божои охорони не смімо мы на тамтой світъ перенестыся.

— Господы, просты намъ грихи насы, мы выновати! Господы; просты намъ! Я былася въ груды—говорячи голосно свою молытву—все нааново, разъ-по-разъ земли чоломъ и устамы доторкаючыся.

А Андруша, кынувши ся нааново хрестомъ до земли, повторявъ охрыпымъ белькотлывымъ голосомъ разъ-по-разъ: «мы гришни и вынувати!» Такъ хрестячыся и цилуюочи землю та доторкаючыся і чоломъ и устамы, врешти обое мы успокоилыся.

Тоди я встала и, помигши ёму, оскилько це мени мои сылы позволылы, пиднятыся на ривни ноги, проводыла до постели.

Туть винъ повалывся мовъ кавалокъ глыны, почавъ хлыпать и быться головою объ стинку. «Я замордувавъ маму!»—белькотивъ винъ—«а тато мусивъ вже такожъ померты; Лидка це казала».

При тыхъ ёго словахъ повалылася я коло ёго на постиль, и, зарывши лице въ подушкы—я наразъ и видчула и знала, що мій прыятель, мій одынокій прыятель въ жытту, батько моихъ дітей—видійшовъ вже навики видъ мене и я осталася сама одна.

— Молытыся, Андруша, молытыся!—белькотивъ ціянный размахуюочи рукамы за мною, не тымлячи навить о тимъ. Мои уста молытыся, а винъ белькотивъ молытву за мною.

Такъ тревало се якысь часть, докы винъ не уснувъ и мы обое не помовкли, а въ хати не утыхло цилковыто.

Тоди я пиднялася нааново, мій сыну, и мои ноги цонеслы мене ще разъ изъ хаты на дверь... Прочъ хтила я, прочъ до ёго, до моёго одынокого прыятеля, которому я пры прыстоли сплюбувала любовъ и вирнистъ.—До ёго хтила я, котрый мене своимъ оклыкомъ до себе до смертельного ложа поклыхувавъ. *Ніхто цёю мени не казавъ и никою я не бачыла;* навкругы мене дышала лышъ пустыня пиль и самитність и мыготилы зори, блыстила вода въ ставу, але я знала це сама зъ себе, и вкладаю це въ твою душу, мій сыну, бо знаю, що хто іншый мени не повирыть.

Въ тій ясній мисячній ночі померъ справди твій батько, а переразливый окрыкъ въ моимъ уху бувъ мені мовъ ознакомъ о тимъ. Слава Богу, що я ёго вчула, зрозумила.

Я мовчу о тимъ жалю, котрый мене пры тимъ пизнанню обгорнувъ, бо видрады по такій страти для мене не було и не могло буты.

Мною запанувало лышъ одно однисичкє щочуття: «сама, вже безъ ёго—сама». Бильше не думала я и не знала ничего. Свидомисть мусыла мене остаточно опустыты,—бо на порози отцёго долгу, черезъ який вы мало не вси переступали, повалылася твоя стара маты и перебула тутъ дальшу ничъ.

Жадне зъ іи дорогыхъ для неи дванадцятеро дитеї не пидняло іи въ іи найтяжшій хвыли, не потишыло. Жадне зъ ныхъ не промовыло теплымъ словомъ до неи,—такъ видно ій вже доля судыла...

...Ривно жебрачи, лежала онъ-туть... а може и гирше ще. Бо тамъ десь въ свити булы въ неи диты, котри одначе до неи мовъ не належали...

Николы не видчула вона потугу самитности и опущення такъ могутно, якъ тоди—николы. А хто іи николы такъ не видчувъ, той и николы не зрозуміє, що *вз мовчанню и самитності* творяться ричи, котри въ ясній дныни не можуть ани розумитыся, ани виритыся...

...Така була тая ничъ, мій сыну!.. тая горестна ничъ, котра мое волосся до решты побилила и мене до сёгоднішної дныни смуткомъ прыкрыла.

ГЛАВА X.

Сынъ сидивъ мовчки передъ матирю, уклавши голову на іи колина, и ёго пальци рылы черезъ цилый часъ судорожно въ волоссю. Въ киньци прытыснувъ ихъ до своихъ ухъ и клыкнувъ:

— «Не говорить бильше ничего, мамо; не говорить ныни бильше ничего, я не годенъ бильше сёдня слухаты».

Вона усміхнулася похитнувши головою.

Теперь вже все одно, мій сину, теперь вже все мынулося и *перебулося*, а то, що по тимъ настуло, трагичне и тяжке, застало мене вже однаково саму, зъ моимъ пьяныцею. Тіи прости мусилы мене покинуты. Така була Божа воля, и такъ було вже мени суджено! Я лышъ дивуюся, що мене ще мої ноги по свити носять. Але и то мало свои прычины, якъ все має свою підставу. Я малा, окрімъ тебе й Андруши, ще четверо іншихъ дітей пры жытту. Василька десь далеко въ горахъ сотрудыкомъ и Лидку, и Олену, и Зоню.

Мала жъ дожыты, якъ ихъ доля до кінца розвинеться... Але теперъ вже може смерть по мене прыйти, бо я не маю вже ничего дожывать, чы радше перетерпіти... Дожила бильшеменше до кінца всёго...

Одначе, ранійшъ нижъ я тоби на-борзи драму твоихъ сестеръ розскажу, ты розглянься трохи на двори, якъ тамъ піч заповідається. Я все такы-боюся заметильници въ-ночи, и мусила-бъ просыты сусида выйхаты проты Андруши до млына. Туды погана дорога, и хочь Андруша може спокійно спуститися на свою коныну, я все-таки не затулила бъ ока, закымъ не побачила ёго вдома.

...Сынъ сповнивъ волю матери и одягнувшись вийшовъ; однакъ повернувъ ажъ геть пізнійше...

— На двори,—оповидавъ,—этыхло зовсімъ, и винъ ишовъ добрий кусень дорогою, котрою пойхавъ братъ; уперше, щобъ розглянутися за нымъ, а вдруге, щобъ успокоитися, бо, зворувшись матерымъ оповиданнямъ, не хтивъ бы розизлений брата зустрити, особливо жъ колы бъ той не повернувсь и ныни тверезый.

Здалека доносилося воздухомъ щось мовъ дзвиночки, и колы-винъ не помыляється, то це дзвинки братовыхъ залубнивъ. Старенька мати вийшла соби на дверъ, и сама підслухувала. Вона не потребувала довго ждати. Звукъ звінківъ чымъ разъ скорше стававъ голоснишій, а не довго по тимъ зайхавъ и самъ дожыданый на подвирья.

Винъ бувъ циии лышь легко пидпый, але (оправдовався) що дорога полями не була видъ вчорашиї заверюхи добре уйихана, винъ йиҳавъ повильнишымъ крокомъ и отъ «трохъ» прыцизнывся...

ГЛАВА XI.

П'янаця спавъ вже давно крипкимъ сномъ, колы стара маты вийняла зъ старої дубової скрини, берегучій вже видъ килькохъ рокивъ смертельний іи стрій и де-яки памятки по чиловикови и дитяхъ, и показувала ихъ сынови.

Де-що зъ того подарувала ёму, а одну фотографію, представляючу пяты-шестылитню дивочу головку, та одынъ записаний зошыть, лышыла соби, вымовляючыся, що мусить одно й друге забрати зъ собою, якъ вийде до нёго; тіи дви ричи (говорила), особливо жъ фотографії, нехай положать по смерти на груды и въ домовину, а все інше оставляє Андрушки и ёму.

Осыпъ похилився нызько до світла, задувляючися на фотографію. Маты задержала зошыть въ рукахъ и, усившись покійно въ кутъ старенької софи, прыглядала мовчки до сино-вого облычча, ще завше гарного.

— Може булагъ стала до тебе подибою, мій сыну! — обизвальася врешти, колы сынъ видложивъ фотографію своеї малої номершої сестри па бикъ. — Лышъ ты, Зоня и вона малысьте ясне око батькове и его темне шовковое волосся. Зоня мусить ще й теперъ, колы вже іи перша молодисть мынула, буты велыкою красою.

Я не бачила іи вже зъ-четыры рокы.... саме видъ похорону батька, але якъ разъ тоди була вона незвичайно гарною. Велыки, ясни сталёви очи, отинени чорными шовковыми віямъ, зорилы зъ іи билого облычча предывпостужливъ выражомъ и такъ и водилы нымы чоловика за собою.

Але отце мое чудове любе дытынятко, «чародіечка» моя, це було бы не що інше, и сонцемъ стало-бъ у моей хати, а може й по

за мурамы мои хаты, колы бъ невмолыма смерть була мени іи
немилосердно, передвчасно не забрала!....

— Бачъ, сыну мій—тягла дальше—я багато тяжкого перебула и переболила, багато де-чого забула и зrekлася, багато зъ де-чымъ помырылася, що не пішло якъ слидъ,—але лыцъ разъ видчувала я огорчення проты поставленъ Господнихъ, а то тоди, колы мени Господь, черезъ два рокы писля твого видлучення видъ насть, забравъ зъ помежы васъ отъ-ци любу незвычайну дытынку.

Не за красою цei п'ятылитнїй дытыны сумую я доныци, хоть маю іи пышни, мудри чорно-отинени оченята въ свой душу жывыми доныни. Лыше за тымъ, що въ нїй и зъ нею пішлю въ землю; це чудно, це для де-кого, може, и смишно, що маты сумуе за тымъ въ дытыни, що було бъ до-перва може колысь выробылося зъ неи.

И хоть и якъ то все могло-бы буты для третёго байдужне, але для мене, матери тієи дытыни, або для тебе, іи братика, повинни буты цинни й интересни характеръ и успособлення тієи помершои дытыни, такъ само, якъ и заключення зъ того дытчаго успособлення.

— Такъ, мій сыну,—тягнула дальше—мовъ за якимъ прекраснымъ прывыддямъ сумую я (такъ назву я тее, що пишло зъ тією дытыною въ могилу), за тымъ, чымъ заповидала стать, а не могла стать; кажу: плачу я и сумуе мое серце, колы іи згадую!

Бачъ, мій сыну! колы погляне бувало на кого своими ясно-сталёвыми великыми оченятами, то той мусивъ іи до своихъ грудей прытыснуты,—такъ щиро, любо и мудро умило вона иноди на человека споглядати.

Не було такого заняття, котре не було бъ воно зъ захватомъ словняло; и май бачнистъ мій сыну, що я сповидаю тутъ о п'ятылитнїй дытыни и слово захватъ ужываю вмысне, бо це якъ разъ було те гарнѣ и порываюче въ тїй дытыни, що воно, маленьке, було въ своимъ думанню и дрибнимъ почуванню таке сильне. Дисталы вы, диты, прымиромъ, въ дарунку який небудь пода-

рочокъ, або одижечку, вы радувалыся, убыралыся въ неи, або заховувалы, якъ кому чый тогдашній настрій наказувавъ.

Вона поводилася інакше:

Найсампередъ, побачивши та прянявши свій подаруночокъ, вона зъ радошивъ скрикувала, видтакъ прытыскала до щичокъ и кыдала его причъ. А сама або летила на дверь, звычайно въ цвітныкъ передъ хатою, окружуючи его шаленымъ лётомъ, ухкаючи зъ радошивъ, або якъ ни, то, вхопившися якого стола, скакала коло нёго на однимъ мисти такъ довго, сміючися зъ утихи, ажъ доки не задыхалася або не заточувалася зъ утомы. Тоді выпочивала який часокъ, задивлюючися сіяочымы очима на дарунокъ, а описля розпочинала зновъ чопередню радисну гульбу.

Таке заводыла вона въ своїй радости, сыну, що памъ зъ батькомъ иноди, прыглюдаючися ій, слёзы тыснулися до очей.

І не думай, що я пестыла іи билъше, якъ васъ прочыхъ; на те не ставало мени взагали часу і було въ мене за-багато клопотивъ; я навить бувала часамы зъ нею гостра, бо вона бувала упряма й розпальчывала: упиръ и запальчивисть у дивчать я ганыла й здавлювала.

Вона николы не зносила вразы й зневаги видъ бративъ и сестерь, або другихъ дитей,—заразъ загожувала себе сама. А колы я за лайки, бійку та сварки мижъ вами строго карала, вона виддувала лышъ свои мали губенята, о скілько це ій вдавалося, и видворкувала пивъ-голосомъ (а въ тій іи інтонації лежала іи цомста): «завтра, о тій самій цорі, прыйде по тебе Маранда (страховище), або може й цыганъ, и забере тебе зъ собою; бо я вже зъ тобою (цебъ то выновныкомъ) не можу выдержати, такий ты вже нечемный!»

Це все есть маленьки дрибныци, яки соби моя душа про неи мымоходомъ затямыла,—але вони держуть зъ собою всю іи жызнъ въ моїй памъті. Вона не боялася ничего и іи и не можна було такъ полохати, якъ звычайно нашыхъ дитет. Вона хтила заразъ самому небезпеченству въ-вици заглянуты, нехай бы іи и якъ полохано.

Трудно шовирыты, Осыпе, яка сыла фантазіи була въ тои дытыны и якъ вона,—я можу це безъ пересады сказаты,—иноди и по пивъ-годыны сама зъ собою розмовляла. Богъ знае що зворушувало та прыводило въ такой сильный рухъ іи маленьки дытчи думки. Але вони такъ бувало.

Вона оповидала казки, хотяй те, що оповидала, властью не були казки, а и такихъ взагали лыпъ дуже ридко зачувала.

Вона не була зъ тыхъ дитей, що, мовъ ти мавшочки, старыхъ и дорослыхъ послидують,—ни.

На те займалыся мы, родычи, и вы старши диты, нею мало; и була вона соби надто багато сама полышена. Можу лышъ сказаты, що на іи пять и пивъ рочкивъ (май бачнись, мій сыну, пять и пивъ) була вона «мала особистисть». «Особистисть» мыслово незвычайно розвинена и мало не геніальна. Выгадлыва, подій жадибна, а на будуче—щось незвычайне, заповидаюче.

Я не въ сили соби сказаты, хочай якъ добре знала я ту дытыну, зъ котрои душечки жыття было хвылямы,—що могло бъ було зъ неи выйти, колы-бъ була мени дальше жыла.

Одно знаю напевно: була бъ стала *видатною* по вдачі,—въ добримъ чы злимъ змысли. Але одна велька прыкмета, або який таланъ, булы бъ въ ній, певне, пизнейше проявилыся. Який небудь вылыкый таланъ, Осыпе, що бувъ въ іи, може зъ тисныхъ стинъ іи батьківськои хаты вынись, а може и далеко, далеко по-за граныци іи батьківщины...

Що за таланъ, я не можу означыты,—за-скоро померла вона мени, щобъ я змогла була его вже тоди змиркуваты и означыты. Те, що мени по ній въ памъяты осталося, бувъ іи жыттямъ пройнятый духъ, іи чудовий темпераментъ и іи захватъ до кожного заняття.

Все проче зъ іи маленького й коротенького истнування поглянувъ зъ моєї памъяты часъ.

Отце, о чимъ теперъ тоби такъ радо згадую—іи пышни сынё-сыви оченята, колы глядили спокійно и мудро, або усмихаючися, дали іи гарни, пры усміху може за-шыроки устонька

осталыся въ моій памъяты, и те все, що ще зъ неи маю въ серцю, передаю тоби въ душу.

Добре мени теперъ на души, сыну, що я могла хочъ теперъ зъ кымъ-небудь про неи поговорыты, бо-жъ вона була радисть и втиха тогдишнїи моей души, що потопала въ клопотахъ...

Але дорослою, дорогий сыну, дорослою я не можу соби іи вылывы; хиба найдальше до пъятнадцатилитнїго пидлітка, жывого темпераменту, повного смиху и слизъ; вся одушевлена, вся готова до диль. О, Господы милосердный! — зіхнула,—чому взявъ ты видъ мене теплокрове дытя и заставыть вложыты въ холодну чорну землю!

Чому поклыкавъ ты іи видъ мене?...

Я-жъ потрибуvalа такожъ щось ясного, якесь сонце въ моимъ невеселимъ жытту, повнимъ грызотъ и турботъ, повнимъ слизъ и драмъ,—потрибуvalа тако-жъ сонца!

Але Твоя воля сталася, не моя,—и тому я мусыла зъ тымъ поеднатыся...

— Поглянь на неи, мій сыну, на отцю твою прекрасну маленьку сестрычку; прыдывыся до неи и возьмы іи видтамъ соби. Лышъ колы я помру, вложить мени іи на груды въ домовину. Нехай пиде зо мною въ могилу. Сама я не хочу въ чорній землі лежати.

Зъ іи смертю почалося видтакъ горе твоихъ сестеръ,—найсампередъ зъ Марійкою, а видтакъ по часи... по часи и зъ тымы другыми.

Братъ оглядавъ ще черезъ хвылыну образецъ сестры. Видтакъ, вложивши въ коверту, скловавъ у грудну кышеню. Описля, пройшовши ще килька рази въ мовчки по кімнати, обизвався:— я можу соби цю дытыну, котру вы мени трохи характеризували и котру я трыйлитню послідне бачывъ; дорослою доволи жыво уявили. Я можу вамъ сказать, що, на мою думку, було бъ зъ нею, може, вийшло.

Я кажу «може», мамо, бо мы тильки граемося зъ фантомомъ, заключаочы зъ дытыннои ще натуры це або тее: та все таки кортыть мене заключыть, що було бъ вийшло зъ тои пы-

шнозложеной маленькои «особыстости», въ добрыхъ для іи прыкметь варункахъ.

«Може, значна або велыка артыстка».

— Що за артыстка, мій сыну?—спытала маты, прыдер-жуючи духъ.

— Яка велыка артыстка, мамо?—прыміромъ акторка яка.

— Актарка?—поклынула зъ жахомъ стара маты.—Моя ды-тына? *попівська* дытына? ни, мій сыну, зъ неи не выйшла-бъ акторка! Вона, донька священныка, внучка священныковъ, вона-бъ николы не выйшла комедіанткою! Іи маты николы не дозво-лила-бъ того и вона сама не мала жылки до такого легкоду-шного жыття въ соби!

Сынъ усміхнуўся на дытынячый переполохъ и наивнистъ матери.

— Я не кажу, мамо,—обизвався винъ,—що зъ неи була бъ зъ певностю выйшла акторка; мы жъ такъ соби, просто, якъ вы самы казалы, «фантомъ» выроблялы. Я зробивъ лышъ заключення зъ того, що вы опòвидалы, и тому, що спімнуlyсьте, що зъ неи було-бъ, мабуть, іцось велыке и значне выйшло. Але чы вы ду-маете, мамо, що маты доньку велыкою артысткою це не ѹе честь?

— Може воно и честь, мій сыну,—видповила маты жур-лыво,—лышъ я стара, мабуть, не разумію ся, мій сыну, на тій чести... Може, була-бъ славна газдыня, якъ іи бабуся, або інши жинки священныковъ. Отце було-бъ, може, зъ неи выйшло. А ты видбираешъ мени твоимы новосвітськымы поглядамы мою думку про неи. Чы це не досыть зъ жинки—выйты славною газ-дынею?

Сынъ зновъ усміхнуўся.

Бачывъ винъ, що маты жыла такъ далеко въ своихъ традыцій-ныхъ поглядахъ; міжъ ёго й іи поглядамы лежало стильки часу, зъ ёго перемінамы, здобуткамы и новостямы, що це не було й ні-якимъ дывомъ, колы вона тутъ въ своімъ далекімъ, глухимъ за-кутку, неторкнутимъ новитнишымъ жыттямъ, держалася тыхъ думокъ и поглядивъ, зъ якыхъ выйшла.

— Заспокойтесь, мамо! — тягнувъ дальше и вже обережнише:— колыбъ въ ній бувъ сиравди акторскій талантъ проявывся и вона такою й на дали зосталася, якою вы іи змалювалы,—скорою до дила, способною легко одушевлятыся,—вона була-бъ вамъ межы вашымъ стинамы не выдержала! Була-бъ якои небудь дныны привела до ришення своеи доли и видлестила,—хочъ зъ вашымъ позволомъ, хочъ безъ позволу,—въ свить, щобъ свою долю довершыты. Бачыте, мамо, талантъ може зныдити непиддержуваный и занедбуваный, звыхнутыся, але задавытыся цилкомъ—не дастся винъ николы. Мени здается, мамо, що хоча й якъ вы, родычи, провадылы нась й строго й старанно, въ кинци пишло кожде зъ насъ тією дорогою, якою хотило. Що до мене,—додањъ,—то я бувъ бы ту ю пышну душечку,—колыбъ була осталася мижъ жывыми и той талантъ сиравди проявляла,—зо всіхъ сylъ пиддержувавъ и ратувавъ. Зъ неи мусило бъ щось пышного, чудового выйти, гордыня й честь и для нашого народа.

— Такъ, такъ, мамо! — тягнувъ трохи роздражнено дальше, колы маты лышъ заперчаючи хытала головою.—Мы не маемо обовязкивъ лышъ проты себе и своихъ родычивъ, а маемо ихъ ще й проты своеи народности. Гляньте, мамо, на жиноцтво іншихъ народивъ: яки булы жинки и що теперъ сповняютъ. Це бъ то, прымиромъ на поли штуки, науки, литературы и, можно сказать, всіхъ прочыхъ поляхъ, де доси булы лышъ мужчыны заняти. Чы вы-бъ хтилы, щобъ наше здорове, спосибне,—я скажу вамъ навить зъ пересвидчення *дуже спосибне*,—жиноцтво держалося завсигды лыше одного напряму? Намъ треба й іншихъ тыпивъ, якъ цёго часъ и вымогы часу жадаютъ. Окримъ добрыхъ газдынь и матерей, котримъ оставляю я завсигды и всюды першенство, намъ треба ще й интелигентныхъ робитныцъ въ суспильности, треба артыстокъ и взагали бильшихъ и, такъ сказатьи-бъ, знатниихъ жинокъ.

Цёго вымагае розвїй культуры и такожъ самъ поступъ. Воно, може, смишно, мамо, що мы обговорюемо зъ такою повагою, мрію про пятылитню помершу дытыну, чы *радше те, що могло-бъ колысися* зъ неи выйти. Але воно гарно хоть бы хвылыну

порадуватыся тою уявою, що та дрибна истота могла выйти на-
прочудъ гарною и значою людиною въ жыттю.

Мене вдовольняе вже и те, що наша народність, котра вже
видѣ викивъничого іншого не зазнає, якъ утыску й прыгнобленъ,
вытворюе зъ себе всежъ таки гарни й спосибни тыпы, котри въ
данныхъ добрыхъ варункахъ моглы бъ такъ само осягнуты рижни
высоты, на которыхъ мы звыкли бачыты истоты лышь намъ чу-
жыхъ народностей.

А такою хоти ще малою истотою була и отця люба не-
устрашыма квітка, котра вже дытыною видзначалася своею спо-
сичною й незвычайною особыстю. Чому бъ намъ и ту мале-
сеньку геніальну душу хоти щырою згадкою не пошанувати?

Бачте, мамо, хоча й яке тяжке и невидрадне було ваше
жыття, въ ґрунти були вы, мамо, все таки *счастливою* матирью.
Въ тимъ змысли, мамо, що малы вы спосибни й природою гарно
выпосажени диты, обмынаочы те, що въ ныхъ особыстого счаствия
не було. Гляньте, яка пышна, гарна була отця зозулька... якою
интелигентною, пожаданою и значою була, и ѿ ще десь и
теперь, Зоня, а тіи прочи не меньши, зъ выняткомъ Ан-
друші, що выбравъ соби багно за циль жыття и... Олена...
Але хто, впрочимъ, знає, що було бъ въ іншихъ обставинахъ зъ
него вийшло; я не хочу судыты. Але взагали я можу ныни, яко
цилковыто дозрілый чоловикъ, спокійно все осудыты.

— Такъ, такъ, мій сину! — потвердила стара мати зъ нѣ-
сказанимъ смуткомъ, — гарнимы, розумнимы и спосибнимы були
ви въ мене, що правда, вси, — кожде въ своїмъ роди и напрями,
lyshъ треба було кожде зъ васъ окремо молотомъ судьбы розпа-
лity, якъ те зализо, щобъ вы կынулы пакругъ себе іскрами
и — або вийшли довершени, або зломалися...

— Може само черезъ те мы таки правдыви *русыны*,
разъ яко одынцы, а тамъ яко цила народність..., — видповивъ
синъ. — Теперь бьють насъ молотомъ, але вже тутъ и тамъ въ-
прыскуютъ іскри, а зъ часомъ, мамо... зъ часомъ... бо часъ ѿ
паномъ судьбы народа... зъ часомъ вийдемо, якъ не заломымось...

до кинця довершенымы, якъ вси други культурни народы, на которыхъ споглядаемо теперъ зъ пôдывомъ и поважаннямъ.

— Такъ, мамо, така наша доля, яко народности и яко твоихъ дитей, и зъ тымъ мусымо помырытыся. Чы вже мы тамъ вси вынни, що вы стилько натерпилыся, зазнали горя, стали опущени, безъ даху надъ головою, осталися на сили мало не одного тилько пьяныци,—я вже не знаю... Але я маю те почуття, що кожде зъ насъ неначе заковане въ якись тяжки оковы и мусыть ихъ двыгаты ажъ до хвили, прызначенои до закинчення своеи доли, смуткомъ и силою перемишанои...

— Такъ, моя мамо!.. А отсю маленьку, прегарну артыстку заберу я зъ собою, бо вона мени, надто своими очима, нагадуе Зоню. А до Зони, мамо,—тягнувъ синъ дали,—колы вже саме теперъ зійшли мы на сестры, маю свій окремий жаль. Скильки я разивъ видзывався до неї та просывъ пысаты мени обшырнійше про родыну, іи жыття-буття, а головно про себе, то вона все такъ завзято мовчала, що я остаточно стратывъ надію розрұхаты іи до перепыскы зо мною, и всяка кореспонденція межы намы урвалася.

Вона якось такъ дывно держалася проты насъ всіхъ, мамо, такъ дывно, неначе-бъ мы не булы іи браты й сестры, неначе-бъ вона сама не належала до священицькои родыны.

Се мене иноди зъ іи стороны дуже болило. Болило тымъ бильше, бо я добре знаявъ, що хочъ якимъ огирченымъ та розжалобленымъ бувъ батько проты мене,—винъ жадному зъ дитет не заборонявъ лыстуватысь зо мною.

И колы бъ не бувъ Васыль, чы якъ то я ёго радше зву «малый»,—бувъ бы я николы не знаявъ, що діется въ родыни, хто живый, а хто ні. Зоня мене найбильше дывувала, бо про іншихъ знаю, що кожде мало якусь працю, особливо-жъ Лидка й Васыль, — але Зоня, прожываючи пры заможній титци въ добробыти й супокою, могла колы-небудь взятысь за пысання й повидомыты мене, о чимъ я іи стильки просывъ!

Вона чудна дивчына, мамо, вично въ думкахъ понурена... бодай такою вýдалася мени, колы я іи послиднимъ разомъ бачывъ.

Чы вона мала въ дытынстви щось спільного зъ отцею
малою артысткою, мамо?

Въ очахъ обоихъ лежыть велыка подибність.

Дуже мени жаль, що я не мигъ ін передъ смертью батька
бачыты; хочъ бувъ бы це радо хтивъ,—та я живъ такъ далеко
видъ титкы, до-того держала мене моя служба й мій несчастны
хлопець, мовъ оковами, такъ що я одвидыны зъ родиною все
видкладавъ до мого повороту въ батьківщыну, якъ и сталося. А
иноди я такъ тужывъ за всима вами, особливо-жъ за сестрамы,
що лышъ оденъ Богъ знає якъ!..

Лідка одна була тою необмежено доброю, що мала для
всіхъ любовъ и часъ, лышъ зновъ вона була надто привалена
працею и занята справамы всії ридни, щобъ була могла мени
часто, а до того, якъ я бажавъ, «облырно», про все пысаты, що
діялося въ родини. За тою зъ моихъ сестеръ буду я сумувати,
мамо, доки життя мого...—додавъ винъ зъ нетаеннымъ сумомъ въ
голоси. Бо що вона мусыла такъ вчасно и такъ рано зъ
життямъ розпрошатыся, була за-жестока гра судьбы, щобъ зъ
нею хоть бы й колы можна було бъ помыртыся. И колыбъ вы
не булы нымы надто змучени, я бъ васъ просывъ оповисты мени
докладно драму сестеръ. Хто знає,—додавъ поважно,—колы будемо
зновъ такъ разомъ, въ такій тыпини и свободи, якъ теперъ,
де я у васъ зъ своїхъ звичайныхъ клопотивъ, деннихъ зворушень
прыпочываю. Такъ само знаете може вы и зрадыте мени «тайпу»
нашого Василька,—чому винъ не хоче, щобъ а ни я, а ни хто
небудь іншый зъ нашыхъ одвидавъ ёго въ ёго забутимъ за-
кутку, та не прыглянувъ ёго чынамъ.

Що за тою ёго стороню видъ людей и родыны не може ни-
чого доброго крытыся, а що найменшеничого соняшного,—я годенъ
соби й сказаты, але все жъ такы хотивъ бы я розибрать, котре
зъ вашыхъ дітей було найтяжче молотомъ судьбы быте.

Старенька билоголова маты не видповиланичого.

Вона тыснула судорожно дневныкъ своеї найкрацої доњки
Зони до грудей и ін уста прошепталы ледви чутно:

— Кожде зъ васть окремо, а зо всима вами и за всихъ васъ—ваша маты, мій сыну!..

ГЛАВА XII.

По недовгимъ часи мовчанки съ обохъ сторинъ, почала старенька маты свое оповидання:

— «Колы я прыбула на похоронъ вашего батька въ Н., я здывувалася, що Васылька, котрый, якъ и ты, запомогавъ намъ материально по змози,—саме въ такій поважній хвылыни не було на мисци. Бо що тебé не буде, я знала, зрозумивши, що часъ до прыйизду не похоронъ бувъ за-короткий, и ты дойихаты не всціешъ, хочъ-бы и якъ бажавъ виддати батькови послідню честь.

На Васылька одначе я чыслыла зъ певностю. Бо хочъ и якъ бувъ винъ далеко въ горе службове закыненый, на похоронъ батька мусивъ винъ, сынъ, священыкъ, конечно прыбути. Се выдалося мени просто обовъязкомъ зъ ёго стороны. Одначе винъ не прыйихавъ зовсімъ и похоронъ видбувся безъ нёго. Килька день по похорони сидила я зъ своїми трёма дивчатамы (бо й Зоня знаходилася ще тутъ) у Лидки въ кімнати, и мы про рижне радылы й оновидалы, особльво-жъ про Олену, пры чимъ Зоня радыла, щобъ Олена не оставалась довше въ мисти, але вийхала надовше до Васыля.

Винъ—мотывувала вона свою поралу,—самъ одень, безженный, буде певно радъ, якъ сестра зажыве въ нёго, оживить ёго самитну хату, та перейме почасты ёго газдивство въ свои руки. На таку думку обурылася Олена такъ сильно, чакыдаючися незвычайно на сестру, що я просто мусила іи до чемности упимнуты.

— Де вы хотите мене загребты?—крайчала,—межы мужиковъ, медведивъ та лисивъ? И вы думаете, що я вамъ туды справди пиду?.. Такы заразъ!—репетувала,—почекайте трохи! Я не така дурна, якъ вы гадаете, и выбйтте соби те зъ головы!—Окримъ того,—додала зъ неописаною злобою,—Васыль мене не потребує: винъ має вже жинку пры соби и не потребує никого. Абсолютно

никого! Вивъ...—вона видітхнула, отворивши уста до дальнішого говорення, але тут вже впало мени въ око, що Лідія замкнула ій своєю рукою уста. Одначе Олена, видтрутывши ій руку, клыкнула грубо, роздраженно:

— Що се зъ «мода» зъ тією вичною таємнинчестію? Воно вже чась видслоныты тую «глупу» тайну, «скарбъ» той. Що знає ёго село,—знає, певно, цила околиця, знають други, Лідія и я,—те може й мама тако-жъ знати!

— Любовныцю мае винъ пры соби, мамо!—клыкнула,—любовницю... абысьте зналы просту хлопьянку, бтъ що мае!—*A мае*, бо бувъ, въ свой молодости глушый боягузъ, стронився видъ дивчатъ и жиноцтва, не залюбивсь якъ слизъ, щобъ ажъ оженитися... хоча-бъ навить такъ, якъ Єсипъ, *a теперъ мае*. До того давъ на себе, будучы ще богословомъ, віпльнуты підмовамъ всякихъ церковныхъ «властей»,—высвятитися безженнымъ и потимъ то все помстылося на ёму въ такій спосибъ!

— Теперь мае «безженство», мамо!—глумилася,—мае наслідки всіхъ «високихъ ідей» про «католицизмъ» и «Рымъ», котримъ тіи «власти» фанатизують де-якыхъ зъ нашої идеальнійшої молодижы, выкористуючи якъ разъ той ихъ ідеалізмъ и мріі до своїхъ політичнихъ цілей, а въ другимъ змыслили ихъ нышуть. Се я, мамо,—додала енергично,—не говорю зъ своеї власної головы... се я видъ другихъ, старшихъ чула. Де, якъ и колы... не палежыть сюды, *але вона правда*. Бо Василь не йе счастливий мамо!—репетувала вона, мовъ молотыла,—винъ справди не йе счастливий; ба навить дуже безталанний! Неначе той злодій глядивъ намъ въ очи, а видъ батька то такъ уныкавъ, перебуваючи тутъ одного разу по якыхъ тамъ своїхъ церковныхъ справахъ, неначебъ забравъ ёму тайкомъ ёго майно.

Але мени сказавъ, видходячы въ поспіху, на самоти, ось що по щирості:

— Не виддавайся лыше, бороны Боже, ніякимъ мріямъ, та ідеямъ сестрычки, а колы тоби який чесний чоловикъ подобається,—не перебирај багато, а выходь за нёго. Се ще найрозумнійше для обохъ сторинъ. Самота прыводыть лышъ несчастя,

прыводыть завсигды драмы зъ собою,—правда не кривави и не все выдыми й голосни, але будь певна,—не меншне трагычни. *Я ихъ маю ось тутъ!*—Пры тимъ вдарывся въ груды, що ажъ задуднило, и пишовъ, а я розплакалася.

Винъ дуже несчастныій, мамо!

Запизно,—казавъ,—отворылыша ёго очи! та що вже робты!—«пропало»!.. Таке ёго жыття, и тому я такъ до нёго не пиду. Не пиду!—клыкнула дуже розъяренна,—бо мени не хочется межы мужыківъ. Не зъ якыхъ тамъ естетычныхъ прычинъ, а по просту, якъ кажу, що мени не хочется йты въ пустыню и буты якоюсь шаховою фыгуркою, котру можна соваты сюды-туды по вподоби. Щобъ вы се знали, мамо!—додала енергичніше: помыриться зъ тымъ, або ни, *а я остануся тутъ*. А мою будучыною не журиться,—я соби іи вже сама улажу. Незадовго довидается о всімъ. Отже не журиться мною! И ты, Зоню... не турбуйся!.. звернулася йайдко до тіei моей прекрасной, поважной дивчыны, що мовчкы перухомо сидила и до сестры прыдывлялася, затягнувшы бровы надъ чоломъ, мовъ у фызычнимъ болю.

— Не журися и ты, бо тоби се й такъ байдужно, що зъ намы теперь по смерти батька станется. Ты, чы виддасыся, чы ни,—будешъ у всякимъ рази вуйкомъ и титкою «забезпечена», тому и забралы воны тебе видъ мамы, бо мала доволи насъ. Тому ты можешъ буты за твою будучыну спокійна и укладаты пляны на карбъ другихъ, якъ отъ тенеръ и про мене. Але я дякую тоби за те дуже красно! Будьте мудри для себе! а ты,—звернулася наново до Зони,—новынна бъ уже такожъ замужемъ буты, не есы вже така надто молоденька!

Вона не вспила ще свое речене зикинчыты, якъ вже Зоня пидвелася била, билисенъка, неначе бъ зъ іи облычча зныкла послидня крапелька крови, вхочыла безвзглядну дивчыну за плечы—и зъ силою, та одважнистю, якои не бувъ бы никто по іи нижній тыхій постати сподивався, выкынула іи, не говорячи ни слова, зъ кімнаты.

— Иды! — клыкнула потимъ погаслымъ голосомъ, — ты, не-гидна и бесовисна! Я вже пересычена твоимъ «сестрынныцтвомъ», я переконана, що такъ, якъ ты себе отце показуешъ, ты готова появытыся завтра и оповистыты намъ щось подибного; зъ тою самою бессоромнистю, и зъ твоёго жыття. Я не хочу тебе бильше бачыты! — Вона замкнула за нею двери, потимъ ще й засунула; и мижъ тымъ колы Олена грымала й товкла зъ лютости въ двери, сила вона и, зъ раптового сильного зворушення, тяжко віддыхаючи, сказала, гладячи мою руку пестльво: — Мамо, вы моя далека, горемъ похылена, мамо! скільки то крови мусило вже ваше серце наплакаты, що вы зъ намы всима перебулы!.. И, зхыльвившыся, закрыла старанно свое гарне облычча рукамы.

Я сидила мовъ паравичемъ диткнена.

Ледви що очутылася я трохи по тяжкій утрати вашего батька, ледви прыпочыла трохи зъ превелыкои фызычнои утомы, що мене перемагала, — спавъ на мене цей новыі смутокъ.

— Я тоби кажу, мій сыну, — звернулася вона до своёго другорядного, — я цопросту не могла соби раду даты. Васылько, отца моя вся надія, цей мій тыхый чутливый хлопчына, винъ за-щався въ багно!.. О, не дурно сказавъ ты, видходячи видъ насъ, що въ нашій родыни священныкы не «правляться». Ты мымоволи мовыкъ уже тоди гирку правду... И непроты нёго зворохнулася моя душа, не проты нёго одного, лышъ проты правдыныхъ выновныківъ ёго безженства.

А Лідія, цей мій добрый ангель, зрозумивши ажъ надто добре мій настрій, прысунулася блызько до мене и, вхопывши своимы обома рукамы мою правыцю та прытыснувшы до' себе, стала мене потишаты:

— Не гнівайтесь на нёго, мамо, винъ не такый дуже вы-ніуватый, якъ бы хто думавъ, — винъ лышъ невымовно несчастный! Выніувати суть лыше «велыки» и тіи, — именъ которыхъ я не хочу назваты, — що найлипшихъ и найидеальнішихъ нашихъ пытом-цивъ хытро, тайкомъ, нибы нехотячи, до безженства на-мовляют и ихъ религійный захватъ до своихъ политычныхъ цілей выкорыстуютъ. Шо зъ ныхъ тамъ дальше выробляется, —

ихъ це не обходыть. Имъ потрибни лыше сами бежжени. Я це вже такожъ розумію, якъ и багато іншихъ розуміє й знає. Мамо, — додала вона пошепки, — Рымъ терпить скорше таки й подибни переступки, *нижъ билою священства*. Василько не перша жертва і не последня; окримъ нього найдеться ще багато іншихъ, котри дадутся, въ своїмъ идеалізми та своїмъ моло-дечимъ запали, *затягнуты й згинуты*.

Не журитися, мамо, воно вже й такъ не дається зминыти!.. Ви вже помырлися зъ тымъ фактамъ, що винъ дався безженнимъ высвятытися. Це бувъ для васъ, може, такий самий ударъ, якъ той, коли вамъ Руть Єсила вирвала.. Жаль лыше въ тимъ...

Вы поклали всю свою надію на Василька. Винъ бувъ ще одиночный ванъ сынъ, видъ котрого могла вамъ прыйти на старисть якась радисть и розвага. Счастливо одруженого надіялися вы ёго пры соби бачыты, а зъ часомъ і на тимъ куснычуку земли такъ само трудашшогося для своєго люду і тієї громадки, для котрої батько щыро посвячувавъ, черезъ стилько рокивъ, свои силы и знання, — а врешти зъ всёго тогоничого...

— Багно! — простогнала я на-сылу.

— Смутокъ, мамо!.. — поправило благородне дивча.

— Василь не прыйде николы въ ваши сторони, мамо, — говорила Лидія дальше, — винъ надто цинить і шанує память своєго батька і надто чесного успособлення, щобъ мигъ видва-житися въ очахъ громады своєго такъ дуже шанованого батька провадити звыхнене життя, яке тамъ въ своїмъ видлюднимъ закутку провадить, а яке зминыти вже, — якъ самъ мени пры-знався, — *не годенъ*.

Справди, мамо! де сказавъ винъ мени самъ, і це була пры-чина, чому не хтивъ зъ вами стринутися і въ очи поглядити, не мигъ на похоронъ батька прыбути. Ёму, мовлявъ, невы-мовно тяжко зъ намы бачитися, бо, — каже, — заразъ пересвид-чується на-ново, чымъ бувъ мигъ для насъ стануты, а на чимъ опинилися ёго життя... Винъ не уміє неправдою орудувати, —

на те винъ вже зъ прыроды за-чесный и за-сыльный въ почуттю обовязку, и вже якъ не черезъ що иише, то черезъ те саме можна ёго все ще шануваты и любыты. И тому, дорога мамо, любить ёго й дальше, якъ доси любылы! Винъ добрый, мамо, лышь покаличеный судбою...

— Якъ можу я—казавъ мени—проповидаты людямъ слово Боже, колы проваджу самъ жыття ложне и нечесне?..

— Про це и много про що иише жалився винъ мени—и серце мени краялося пры ёго словаҳ! Бо кожде зъ ёго сливъ була кровъ и кровава правда. Ёго жыття звыхнене, бо винъ, по свой натури, бувъ бы найлишымъ мужомъ и батькомъ а теперъ, може, й добрымъ священныкомъ не буде, хотяй самъ выбравъ соби свій станъ. Хлопчиною хтивъ бидный на море иты.—тымъ часомъ на супи навики втопывся!..

Для нёго теперъ найлишне, колы останется тамъ, въ глыбыни своихъ велыхъ гирь и лисивъ, посередыни своеи, ёму прыхильной, громады; буде далеко видъ культурного свита и никто ёму и винъ другымъ въ дорогу не стане.

Вы думаете, що ёго справди не хтила жадна дивчына и тому винъ безженнымъ высвятывся? Колыбъ не безвзглядність и жорстокість Олена, я бъ вамъ не була николы ёго сумну тайну не выявила; а такъ — перенесить вже іи, перенесить, мамо, бо вже-жъ воно инакше не буде... Помолиться за нёго, якъ вже за Есыпа и за нась всіхъ прочыхъ до Господа Бога молылись... А Олена!.. о, мамо!..—клыкнула вона на-разъ болизно:— мени выдается, що вона межы намы лышь на те, щобъ ще колись вамъ, а особльво-жъ мени, павела велыкого жалю и горя!

— Гай Богъ боронить іи и нась видъ несчастя, але я маю таки прыкри почування,—особльво жъ колы вона входить раптово и несподивано въ мою кімнату,—що заразъ впадаю въ переполохъ и мымоволи гадаю: ось, ось, вже несе якусь смертельну звистку!.. Я боюся іи, мамо, и колы молюся вечерамы, то прошу все Господа Бога, щобъ одвернувъ видъ неи всяке горе, бо тоди мусила-бъ одна ёго часть и на мене спасты... .

Я не могла ничего видновисты.

Я була надто сильно зворушена и зранена заявлennямъ и тайною Васыля, щобъ була въ сыли яку-небудь думку про Олену скласты и голосно заявыты. Я пидняла лыше мымоволи мои руки и опустыла ихъ на головки моихъ, обикъ, мене съдячыхъ, добрыхъ, тепрь тяжко затурбованыхъ голубокъ, а мои уста прошепталы благословенство.

Лидія вахлышала, розплакавшись такъ голосно, що я вслідъ за нею розворушилась напово до слизъ; а Зоня похылыла ще нызче голову и заслонене облыччя.

Вона ледви чы дыхала,—такою неповорушною выдалася мени. Що іи тоди зворушувало, могла я соби ажъ пизнише сказаты, або вгадаты... а однакъ, яке несказанно чутливѣ; глыбоко чутливѣ дытя сидило тоди коло мене! О, ты моя жрыкыне! та моя прекрасна й чыста жрыкыне! —прошептала на-разъ билоголоваматы, встала и вийшла мовъ тажко зворушена зъ тыхои кимнаты.

За килька хвилынъ вернула назадъ и, усивши у свій куточокъ, оповидала дальше:

Остаточно успокоилася Лидія и перестала плакаты, а Зоня, прысунувшись до неї, сказала:

— Не про яке-небудь въ воздухахъ звысаюче несчастя пора тоби тепрь думаты, Лидочко, та мучыться сею дивчиною, що кыпить зъ самолюбства й нерозуму; подумай про твое здоровья, та про те, що ты небавомъ заступишъ матиръ осиротилымъ дитятъ нашої сестры. Олена не потребує твоєи журбы. Іи мисце видъ-теперь, якъ и твое,—це димъ нашої матери. Тутъ нема що багато розбираты й роздумувати. Вона мусыть слухаты, вона ще не повнолитня, а колы ій цымъ разомъ полыпштся іи воля, вона виссе намъ справднишне горе въ димъ.

У мамы на сели знайдется для неї досить заняття, а ти мусышъ передъ всимъ выпочти и на силахъ скрипляться. Такъ, моя добра и щыра сестрыце! Не трать заразъ видвагу!

Ты обезсылена и зденервована и бачышъ все въ найчорній-шимъ свитли, а це не повинно буты и за-для тебе, и за-для матери!—

О, якъ правду говорыла отця моя дытына и якъ добре угадала вона характеръ Оленинъ, хотяй и не знала іи такъ надто добра. Пры звычайно недовго трываючыхъ ёдзидынахъ моей сестры зъ нею въ нась, не малы сестры багато часу, щобъ соби обопильно заглянуты въ душу и розибраты во усмособлению.

Лидія оперлася довирочно и безмовно о гарну свою сестру, не сказавши бильшіе ани слова, лышъ утыраочы видъ часу до часу слёзы, што сунулыся ій неповздержано зъ очей.

— Ты маешъ слушність,—обизвалася въ кинци.—Я знаю, ішо ты маешъ слушність, але я неначе выджу, што Олена не мае ничего доброго на думци, и побачыте, што не потривае довго, а вона внесе намъ несчастя въ дымъ! Колыбъ мы моглы лышъ якъ найшвидше звидсы выбратыся, мамо! колыбъ якъ найшвидше,—тоди бъ я напевно свободнине видитхнула! Але видтакъ я не поверну скорше сюды назадъ, якъ ажъ по моимъ весиллю. Але вже тоди буде все добра и я не буду *ніякіхъ тиней* въ свой хати терпіти!—Такъ говорыла вона и ставала чимъ разъ тымъ спокійниша.

Але ішо іи незвычайно вражлыва влача въ своихъ передчуванняхъ не помылылася, справдышося заразъ же другого дня, о тій же самій поры, въ найстрашнишый спосібъ.

ГЛАВА XIII.

Другого дня... (це було—прыгадую соби—въ понедилокъ) сидила я зновъ зъ Зонею въ Лидыній кімнаті, и міжъ тымъ, колы Зоня вызырала въ вікно, чи не надайде часомъ тітка, котру дожыдала, щобъ вернутыся зъ нею до дому, шыла Лидка поквапно якусь одежыну для наймолодшого свого будущого пасерба.

Наразъ почулыся крыкы въ синяхъ и по недовгимъ часи отворылыся двери и въ кімнату увійшли—мій будущий зять, Лидчынъ нареченый, а за нымъ Олена...

Мій поглядъ опынывся мымоволи на Лидчынимъ облыччу. Вона стала била, якъ полотно, и здавалося—неначе задеревила.

Іи нареченный заходыся, ривно ій, въ незвычайнимъ звозвращению, одначе, якъ здавалось, дуже квапывся, бо прывитавшыся зъ намы обома (пры чимъ уныкавъ хочь абы й поглянуты на Зоню), усивъ не перечекавшы навить, щобъ ёго до того запрошено, на крисло коло нась, и почавъ беъ всякого уступу:

— Я приходжу, мамо,—мовлявъ,—въ справи, котра видно сутся до вацыхъ обохъ донёкъ, т. е. моei дотеперешнїи нареченной Лидії и Олени. Мени прыкро и несказанно жаль, що черезъ де-яки прычыны визьме справа заручынъ змины, котри васъ, зъ прычыны свого характеру, не врадують. Але позаякъ справа ричей вже разъ скoилася, я не въ сили даты ій давній станъ; чоловикъ, мамо, часто не знае, чы жадае видъ Бога въ свое добро, чы горе... Я помыну прычыны, зъ якыхъ сумни наслідкы повсталы, а сконцентруюся на самимъ результати, который и прывивъ мене ныни до васъ...

Простить мени, мамо, — тягнувъ дали, — що я справляю вамъ, зъ свого боку, тяжкий жаль, але заразомъ знайте, що я прымущеный зирваты заручынъ зз Лидію, зъ тієи прычыны, що мижъ мною и Оленою зайшли послиднимы часамы, видносыны, котри потяглы за собою проты неи гонорови обовъязкы зъ моei стороны...

Прошення видъ Лидії я не прошу и не жадаю, але маю надію, що Лидія, шляхетна и мудра, якою завсигды бувала, въ интереси чести своеи сестры зречется дотеперишихъ своихъ правъ проты мене и уступить ихъ Олени.

Зъ моei стороны я готовъ заразъ зъ Оленою, хочабъ и завтра, одружытыся, бо це въ нашимъ спильнимъ интереси, щобъ цю справу якъ найскорше до ладу прыпроводыты.—

Винъ ледви докинчывъ речения, колы Лидія пидвелася и, стоячи, черезъ яку хвилю глядила на него... Господы Боже! що та дивчына за очи тоди мала!. Била, билисенька, стояла вона, а очи здраджувалы стилько прыскаючои, невымовнои погорды й ненавысти, що ледви чы була-бъ якась людська душа

въ сили бильше выявыты; вона неначе чогось ждала; ани одно словечко не перейшло іи усть.

Це, може, й не було-бъ можлыво, бо страшне зворушення, що запанувало нею въ послиднихъ хвыляхъ, спарализувало цилковито іи уста.

Але я задрижала за неї.

— Чы сказаты тоби, що ты йе?—спытала врешти на-силу, зъ цилковито погаслымъ голосомъ:—чи оставляешь мени и тее?

Пидлый трусь махнувъ, зрикаючыся видновиди, рукою и вмисто всёго почавъ оправдуваты свое негидне поступовання.

— Олена,—оповидавъ винъ,—заходыла послидними мисяцями и тыжднями,—саме колы Лидія поралася не видступаочы коло хворого батька и дитея внызу, — надто часто сама до него, хоть и ясь це було ёму иноди немыло и противно, впевняочы ёго кожлымъ разомъ, що здоровъя Лидії «высыть лыше на одній нытци», и по правди кажучы ёму, що ёго жде зъ другою жинкою не багато добра.

Окримъ того сылувала ёго супроводжаты іи то туть, то тамъ, давала заедно доказы своеи прыхильности до нёго, докы... докы не взяла ёго въ полонъ, а видтакъ и верхъ надъ пымъ...

— Прознайся, впрочимъ, сама по правди, Олено!—звернувся негидный чоловикъ до моєї ще негиднійшої доньки, що ховалася полохльво за ёго плечыма, видъ встуну въ кімнату не спускаючи звидты своихъ холодныхъ очей зъ Лидії й Зони.

— Прознайся и зроби немылій сцени кинець!—наказувавъ строго,—бачъ вси терплять пидь нашымъ проступкомъ, терплять черезъ нась, не заслуживши на це ніякымъ чыномъ, бо Лидія шанувала мене ще здавна не абы ясь; а въ тебе, я знаю, голова и первы мицни. Тожъ иди и просы сестру ~~неколишкахъ~~ прощення, бо я потолочивъ то право ногами!

Зъ тымы словамы обернувся и мало не трутывъ дивчыну передъ Лидію.

Але Лидія не выслушала ёго сливъ до кінця. Пры его останнихъ словахъ, вона, въ кінець вже знервована, не выдержала себе: видтрутыла вона бурхльво передъ нею стояче кристло.

кыдаочыся, мовъ не тымлячи себе, до дверей и... погнала... Колы Зоня хтила за нею бигты, видтрутыла іи зъ всею сылою ажъ въ середыну кимнаты, а сама погнала въ горишни покой своего нареченого...

Тоди пидсунулася Олена до мене, щобъ мене поцилуваты въ руку, але Зоня заступыла ій прыступъ до мене и, вытягнувши іи видтакъ ажъ на середыну кимнаты, задержуючи іи руку въ свой, спытала зъ погорды ажъ дрижачымъ голосомъ:

— Чы ты гадаешъ зъ поцилункомъ Юды нечувану зраду твоій сестри поправыты. Це^{*}було бъ справди дуже легко! Але закымъ пидешъ мени, — бо теперъ маешъ зи мною дило, а не зъ старою, горемъ прыбытою матерью, — закымъ, кажу, пидешъ мени зъ очей причъ, покажу тоби, якъ поступается *зъ такымъ якъ ты!*»

Пры тимъ розмахнула рукою зо всієи сылы и влучыла Олени такий сильный ударъ въ лыце, шо тая, заголосывши на цілу кимнату, ажъ заколыхалася. Видтакъ, отворывши широко двери, вказала очыма, шо вже своимъ выразомъ помстылася за покривджену сестру, и, не ворушывшись ани на волосокъ, бевмовно вказала на дверь...

Воны выйшли...

Винъ пидлымъ здрадыкомъ, а вона, наймолодша моя донька, яко...

— А теперъ идимъ, мамо, мы,—звернулась до мене моя видважна дивчына.—Намъ нема вже чого тутъ шукаты. Вы арозуміете, шо мы не смімо тутъ въ доми цёго чоловика хоть бы одну хвылынку довше перебуты. Наколыбъ лыше Лидка вернулася,—додала занепокоенно,—колыбъ лыше Лидка вернулася!

Куды могла погнаты?.. Выглядала, неначе не пры уми. Безъ всякои накыдки погнала, колыбъ де лыше не зомлила! Останьтесь тутъ, дорога мамо, а я пиду іи видшукаты. Вы тымъ часомъ зберіться; а колы я вернуся, перепровадымось дб часу нашого видайизду до готелю.—

Зъ тымы словами оставила мене саму.

А колы повернула (я мало не годину очикувала обохъ),— перенеслася вже була Лидка на тамтой свитѣ... Вона не була въ сили перенесты препогану зраду сестры и судженоого, котрого, якъ слушно говорывъ, шанувала вже зъ першого часу єго знамства зъ Марійкою,—кажу, не годна була перенесты и, поришывши заразъ, въ першій хвили, тутъ-же видибраты соби життя, погнала просто до єго спальнї на гору.

Тамъ раздобула єго набитый револьверъ и погнала соби, не надумуючись ани хвилину, кулю въ серце. Вона вцильна такъ добре, що колы судженый и Зоня, поклъкані выстриломъ, полетили въ гору, найшли вже іи ледви дышучу...

ГЛАВА XIV.

— Такъ мій сину!...

Такъ видбулася драма обохъ сестеръ въ нашій ролини.

Що зо мною описля діялося, я не въ сили тоби ныни перевовисты. Ще того самого дня прыбула моя сестра по свою Зоню и забрала й мене зъ собою.

Тамъ осталася я мало не черезъ цилый рикъ, щобъ прыйти до силь, спокою та ривновагы по всіхъ страшныхъ выпадкахъ и страхахъ.

Сестра и іи добрый чоловикъ, вашъ вуйко, не хтили мене взагали бильше видъ себе пустыти, але колы я зновъ почула трохи сили въ соби,—не задержувало мене ничего довше пры ныхъ.

До того прылучилася велыка туга за моимъ давнимъ глухымъ закуткомъ, а кримъ того хтила я побачыты и своихъ чотирёхъ внуківъ въ перейизди. Але це послидне мени вже не вдалося.

Зять,—чи якъ вже я ёго видъ часу зрады прозвала—Оленынъ «мужъ»,—подався, перше нижъ розпочалисѧ несчастні зносины зъ Оленою, у Г... и, скоро одержавши мисце (и то въ коротци по одруженню зъ Оленою), выйхавъ, и я дитей до ныни не бачила.

БІЕВСКАЯ СТАРИНА.

Зъ того часу разпочалося для бідныхъ сыротятъ пекельне жыття. Негідна мачуха, занедбавши ихъ до крайности, обернула ихъ въ послуговавашъ и затроювала жыття систематично.

Видъ, іногда одержала я одного разу, а то зъ негоды якъ ёму вродылася одниська его дытына видъ Олени,—лысьть, де жалився гирко на легкодушність, безсовістність и недбалисть своеї жинки.

Закинчывъ пысьмо врешти тымъ, що ёго зрада колышній его несчастній судженій, пимстылася на нимъ сама собою въ тяжкий спосибъ.

— «Я йе—пысавъ—черезъ Олену найнесчастливішій чоловикъ, котре несчастя не опынелося лыше на мени, але перейшло и на мої бідни дити, зъ которыхъ одно, наймолодший сынокъ, любымчыкъ Лидчынъ, перенісся черезъ недбалисть мачухы у вичність, за своею матерію и тётею...

Позаякъ Лідія вже не пры жытту, щобъ мала смутну сатыфакцію, що вона пимщена, то винъ, іи «убійныкъ», заявля це бодай іи матери, що пережыла іи.

А бильше німае винъ чого до напысання.

Бувають похыбки въ жытту,—додавъ іще,—котрыхъ не можно вже бильше николы поправыты, а такою похыбкою, чы радше заблудженнямъ бувъ ёго звязокъ зъ Оленою. Винъ прывивъ, окрімъ ихъ обохъ, и ёго бідни дити въ несчастя!

До-дому зо мною хтила и Зоня юхаты и бодай якыісь часъ пры мени остатыся. Але що моя сестра не конечно зъ тымъ згоджувалася, а я своею дорогою не могла риштыся поволокты те гарне й тонке дивча въ свою смутну пустыню,—то вона зосталася, и я выйихала сама.

Я знала. Жадне зъ моихъ дітей не потриувало вже бильше старои матери... Зоню, зъ іи билымы, нижнимы рукамы, вырываты зъ заможного окружэння, де надъ нею дрижалося, и забирали сюды, въ нужденну ѹ самитну оселю, я не мала права передавши іи сестри такъ сказаты-бъ «разъ на завжды», а

Васылько не потребувавъ мене. И такъ, я вернула спокійно и радо назадъ до своего пьяныци.

Винъ потребувавъ стару матиръ завсида, и мы прожывали до сеи поры разомъ.

Колы мени въ моїй малій, тыхій хатыни ставало тисно й самитно, я брала свою палыцу въ руки и одвидувала стару Катерыну. Тутъ, розговорившыся й посумувавши зъ нею про чоловика и дитей, здоровыла серцемъ и очима, въ якій бы то не було пори, и вертала розрадувана й заспокоена назадъ.

Такъ запомигъ мени Господь Богъ, и такъ пролынувъ часть ажъ до нынешніхъ хвилынъ.

За той часъ одержала я отцей дневныкъ видъ Зони и зъ тымъ наставъ вже кинецъ зъ всима моими дитыми...

Теперь полышаю Андрушу зъ старою Катерыною и, колы це вже воля Божа, пойду до своего слипенького внука.

Ёму стане, може, стара, «горемъ похылена» бабуня въ потреби. Але потимъ, мои диты... потимъ... колы пастане весна... прывезить мене сюды назадъ.

Я може вмру; бо я вже слаба и чую дзвенъкіть смертельной косы, я може вмру.

Старисть ёго зачувае, мій сыну. Старисть ёго зачувае, и слава Богу, що часъ вже прыблыжаецца; мени бо зачынае вже на цімъ світи самій самитно буты... А колы я вмру, то поховайте мене красно. Чого іншого я не вымагаю видъ васъ. Поховайте мене гарно! Якъ довго я жыла, я все працювала и терпила, я все вирила въ Господа и всімъ добра хотила.

Поховайте мене гарно!...

0. Кобыляновна.

(*Окончание съдуетъ*).

Къ вопросу о народныхъ реакціяхъ въ Украинѣ въ XVIII вѣкѣ.

Восемнадцатый вѣкъ въ исторіи Малороссіи—переходная эпоха, заканчивающая собою исторію свободной Украины и начинающая жизнь малороссійскаго народа въ теперешнихъ ея условіяхъ.

На рубежѣ 17 и 18 вѣковъ подъ пепломъ сожженныхъ городовъ и мѣстечекъ правобережной Украины погребена была свобода Малороссіи и ея оплottь—козачество. Но пламени горящаго костра сразу не потушить: еще нѣкоторое время будуть тлѣть его искры, готовыя вновь вызвать пламя при благопріятныхъ условіяхъ. Послѣ эпохи такъ называемой «руинъ» (падающей собственно на 60 и 70 годы 17 вѣка), Малороссія уже не могла вернуть себѣ автономію и времена «Хмельничинъ», но горючаго материала было еще достаточно и въ 18 вѣкѣ: сыны и внуки козаковъ не могли легко разстаться со своей свободой и скоро забыть ее. Начались народныя реакціи, которыя тянутся на протяженіи всего 18 вѣка.

Въ то время въ Украинѣ было два хозяина: по правую сторону Днѣпра малороссами властновала обезсиленная въ государственномъ отношеніи панская Польша, на лѣвомъ берегу Днѣпра упрочивалось «самовластіе Москвы». Опекуны лѣвобережной Украины держали населеніе ея въ ежовыхъ рукахъ; правый-же берегъ Днѣпра лежалъ въ предѣлахъ государства,

«стоявшаго своимъ безнарядьемъ» («*Polska nierzadem stoi*»), — тутъ было, конечно, больше простора для протеста. Естественно поэтому, что украинскія народныя реакціі сосредоточиваются въ предѣлахъ польской Украины.

Начало этимъ народнымъ движеніямъ положили «гайдамаки». Гайдамачество, если смотрѣть на него съ вѣнчайшей стороны — со стороны однихъ жизненныхъ проявленій, представляло собою разбойничество въ широкихъ размѣрахъ. Возможно оно было только въ Польшѣ, при ея тогдашней внутренней неурядицѣ, при полномъ разстройствѣ въ ней исполнительной власти. Но далеко не одно это обстоятельство и не одинъ только просторъ украинскихъ степей, да сосѣдство Запорожья и воспоминанія о недавней козаччинѣ создали гайдамачество. Главная причина появленія и живучести этого болѣзнишаго отзука былой козаччины лежала гораздо глубже — въ самыхъ условіяхъ жизни украинскаго народа того времени. Что это такъ, о томъ свидѣтельствуютъ симпатіи къ гайдамацкимъ «рухамъ» народа малороссійскаго, который время отъ времени, въ значительной своей части, бросалъ мирную жизнь и въ компаніи гайдамаковъ разбойничалъ.

Ежегодно, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, шайки гайдамаковъ, съ наступленіемъ весны, собирались вокругъ своихъ предводителей — «ватажковъ» и разсыпались по польской Украинѣ, грабя и разоряя помѣщиковъ и ихъ имѣнія. Успѣху гайдамаковъ много способствовало содѣйствіе крестьянъ — обычно тайное; порою же значительныя массы народныхъ открыто соединялись съ гайдамаками для совмѣстныхъ дѣйствій. Сильнѣе другихъ гайдамацкія движенія въ Малороссіи проявились въ 1734, 1750, 1768 и 1789 г.г. Изъ нихъ наиболѣшаго вниманія безусловно заслуживаетъ украинское восстаніе 1768 года («*Колївщина*»), которое преимущественно предъ прочими можетъ быть названо восстаніемъ *народнымъ*, а не гайдамацкимъ. Остановившись пѣсколько на разсмотрѣніи этого восстанія и его причинъ, мы легче увидимъ, чѣмъ главнымъ образомъ обусловливались народныя реакціі на Украинѣ въ 18 вѣкѣ.

Солидность размѣровъ даннаго возстанія не можетъ подлежать сомнѣнію. Правъ былъ поэтъ (Т. Г. Шевченко), сказавшій объ участникахъ возстанія 1768 года, что они «добре погуляли: трохи не рикъ (почти годъ) шляхтеською кровью напоивали Україну». И офиціальные, и неофиціальные документы того времени свидѣтельствуютъ, что это былъ не простой гайдамацкій «рухъ» или набѣгъ, а ібѣчто гораздо большее—«мужицкій бунтъ», грозившій принять чрезвычайно широкіе размѣры. Явившись результатомъ всеобщаго тогда возбужденія украинскаго народа, онъ готовъ былъ охватить собою всю Україну—оба берега Днѣпра; тогда, по выраженію поэта, «задзвонили въ усы дзвоны по всій Україніи».

Гдѣ-же причины этого «огнедышащаго изверженія народной мести и вражды»¹⁾, этого «бурнаго порыва изнеможенной народной души и неистощенной физической народной мощи»²⁾, выразившагося въ безпощадномъ пролитіи крови цѣлыхъ десятковъ тысячъ людей?

Вопросъ о причинахъ даннаго возстанія—«Колівщины»—учеными рѣшается разнообразно.

Несомнѣнно, что причины возстанія сложны и многочисленны, что однако не должно препятствовать отысканію главной прочины, доминирующей надъ остальными.

Первой и, думаемъ, главной причиной даннаго возстанія, какъ и прочихъ украинскихъ возстаній, было соціально-экономическое положеніе народа. Польское цанство превратило украинскую народную массу въ безправныхъ «хлоповъ». Вспомните слова знаменитаго Костюшко, истиннаго польскаго патріота 18 вѣка, который писалъ объ украинскихъ крестьянахъ, что они «не имѣютъ никакого права» и «едва смыаютъ думать безъ воли своихъ пановъ». Рядомъ съ безправiemъ 'украинскаго «хлопа»,

¹⁾ М. А: Максимовичъ, собр. сочиненій, Кіевъ, 1876 г., т. I, стр. 625.

²⁾ Я. Шульгинъ, «Очеркъ Колівщины», Кіевъ 1890 г., стр. 179.

развился до крайности помѣщичій произволъ, злоупотребленія арѣндной системы, эксплоатація крестьянскаго труда и имущества. Если въ началѣ и срединѣ первой половины 18 вѣка крестьяне правобережной Украины пользовались нѣкоторыми льготами, то къ концу той же половины и къ началу второй (т. е. какъ разъ незадолго предъ восстаніемъ 1768 г.) положеніе ихъ, по минувшіи срока льготъ, сильно ухудшилось и сразу стало невыносимымъ (что было особенно чувствительно послѣ предшествовавшаго периода льготъ).

При такомъ положеніи вещей могъ быть выходъ—бѣгство изъ польскихъ предѣловъ, и оно практиковалось, но въ размѣрахъ весьма незначительныхъ. Куда было бѣжать? Бѣгство въ совершенно чуждую по вѣрѣ и языку, полуварварскую Турцію мало кого могло прельстить. Въ Запорожье могли уйти немногіе, въ комъ не было склонности къ осѣдлой жизни; да къ тому-же въ то время Запорожье доживало свои послѣдніе дни, постепенно теряя свои права и вольности,—близокъ уже былъ часъ уничтоженія Сѣчи (послѣдовавшаго въ 1775 году). Естественнѣе всего, если разсуждать теоретически, было уходить въ предѣлы единоплеменной и единовѣрной Россіи. Но практика жизни говорила другое. Тяжелый помѣщичій гнетъ нарождавшагося на лѣвомъ берегу Днѣпра малороссійскаго дворянства—бывшей войсковой старшины, отсутствие правильной администраціи и выработанныхъ самою жизнью народа законою, властно давящая сильная рука русскаго правительства, задавшагося цѣлью «обрусенія» края,—все это создавало такія условія жизни, что вынуждало порою малоросса бѣжать и изъ лѣвобережной Украины.

Соціально-экономическое положеніе малороссійскаго народа, въ его массахъ, было по существу одинаковымъ на обоихъ берегахъ Днѣпра,—оно было тягостно народу, и изъ него былъ собственно одинъ выходъ—протестъ въ видѣ кроваваго восстанія. На русской территории не было простора для бунта,—восстанія устраивались на польскихъ земляхъ. Но въ числѣ участниковъ восстанія 1768 г. вы встрѣтите многихъ недовольныхъ и изъ лѣвобережной Украины. Малороссовъ—подданныхъ обоихъ госу-

дарствъ—объединяло недовольство своими властями, своими порядками, своими панами, своею ираниженностью, своею вынужденною нищетою,—и это недовольство неудержимо влекло и тѣхъ и другихъ къ восстанію. Возстаніе 1768 г., самое серьезное изъ украинскихъ восстаній, возникши въ предѣлахъ Польши, взволновало и жителей русской Украины, и еслибы не было своевременно подавлено русскими войсками, оно перенеслось бы въ лѣвобережныя земли Украины, гдѣ несомнѣнно существовало тогда народное недовольство.

Прочитайте воззваніе руководителей восстанія 1768 г. къ народу¹⁾, и вы ясно увидите, что больше всего волновало народъ, чего онъ жаждалъ, къ чему стремился. Украинскому народу хотѣлось «выбиться изъ неволи», «освободиться отъ ярма и таостей», и его возмущали «кривды» и «обирательства» властей и пановъ, его манила мечта—стать свободнымъ и получить «права и вольности». Развѣ не имѣютъ сходства эти мотивы недовольства—возставшихъ съ мотивами недовольства, высказанного всѣми слоями населенія лѣвобережной Украины какъ-разъ за годъ предъ восстаніемъ, въ 1767 году, чрезъ депутатовъ въ екатерининскую «комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія»? Прочитайте записку современника—Теплова²⁾ о тогдашнемъ состояніи жившаго въ предѣлахъ русскаго государства малороссійскаго народа, и изъ одной этой записки вы увидите, насколько печально было соціально-экономическое положеніе народныхъ массъ въ лѣвобережной Украинѣ въ то время и сколько здѣсь было отдѣльныхъ причинъ и поводовъ, вызывавшихъ народное недовольство. Неудивительно поэтому, что лѣвобережные крестьяне въ 1768 г. бѣжали за Днѣпръ, чтобы, соединившись со своими братьями—подданными Польши, за одно выразить свой кровавый протестъ

¹⁾ См. у Н. И. Костомарова.—«Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», 2 изд., Сиб., 1870 г., стр. 102, и у В. А. Мякотина «Крестьянск. вопросъ въ Польшѣ», Спб., 1889 г., стр. 88.

²⁾ Напечатана во 2 т. «Записокъ о Южной Руси» П. А. Кулиша.

противъ своей общей «недолій». И когда противъ возставшихъ выступили русскія войска, то на увѣщанія русскихъ офицеровъ сдаться—возставшіе отвѣчали выстрѣлами¹⁾.

Главный факторъ возстанія—соціально-экономической. Но нѣкоторыми учеными (напримѣръ, покойными—М. А. Максимовичемъ, М. О. Кояловичемъ, Є. Г. Лебединцевымъ и др.) на первый планъ выдвигается факторъ религіозный—до того, что всѣ прочіе сводятся почти къ нулю. Согласиться съ ними нельзя. Конечно, не можетъ быть совершенно игнорируемъ фактъ религіозныхъ преслѣдований въ Польшѣ, которыми до нѣкоторой степени питалось тутъ народное недовольство. Насильственное распространеніе унії, несомнѣнно, было ненавистно народу²⁾, но религіозный гнетъ для православнаго украинца былъ лишь частичей того общаго гнета, въ которомъ прежде всего и сильнѣе всего чувствовался элементъ соціально-экономической. Если бы это возстаніе носило прежде всего колоритъ религіозный и возникло исключительно на религіозной почвѣ, оно не увлекло бы въ своею потокѣ лѣвобережныхъ малороссовъ, незнакомыхъ съ гнетомъ религіознымъ, оно не ставило бы главнымъ объектомъ ненависти возставшихъ «панське тило», оно меныше задѣло-бы душу народа, неспособнаго ясно различать тонкости вѣроисповѣдныхъ различій унії и православія³⁾, оно утихло бы сразу по прибытіи въ край православныхъ русскихъ войскъ...

¹⁾ См., напр. свидѣтельство объ этомъ кн. Н. В. Репнина въ письмѣ къ А. Обрѣзкову отъ 10/21 іюля 1767 г. (въ польск. дѣлахъ Моск. Гл. Арх. М-ства Иностр. Д., св. 21).

²⁾ См., напр., объ этомъ польскія свидѣтельства—«Основа», 1862 г., мартъ, стр. 11 и у Т. Корзона въ его «Wewnetrzne dzieje», 2 изд., Варшава, 1897, т. I.

³⁾ Вѣрно по этому вопросу высказывается кн. Н. В. Репнинъ въ письмѣ отъ 24 іюня 1768 г. къ генералу Кречетникову, говоря о возставшихъ, что «они подлинно того въ своемъ невѣжествѣ сами не знаютъ, какого они закону» (т. е. исповѣданія); письмо см. въ связѣ 20 въ названномъ выше архивѣ и дѣлахъ.

Нѣкоторые (напримѣръ, Д. Л. Мордовцевъ, Скальковскій и др.) особенно подчеркиваютъ роль въ возстаніи одной личности—православнаго игумена Мелхиседека Значко-Яворскаго, стоявшаго во главѣ духовенства, боровшагося въ польской Украинѣ съ уніей. Они готовы взвалить на этого монаха всю вину за возстаніе. Не подвергая детальному разсмотрѣнію этого вопроса¹⁾, скажемъ лишь, что подобное подчеркиваніе роли одной личности врядъ-ли допустимо съ научной точки зрењія и это тѣмъ болѣе, что документальныхъ данныхъ, которыя бы подтверждали участіе въ возстаніи Мелхиседека, не имѣется. Еслибы возстаніе было дѣломъ рукъ этого игумена, оно, конечно, носило-бы самую яркую религіозную окраску и не приняло-бы тѣхъ широкихъ размѣровъ, въ какихъ проявилось. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать нѣкотораго отношенія къ возстанію игумена Мелхиседека. Мелхиседекъ своею дѣятельностью поспособствовалъ проясненію въ народныхъ массахъ религіозно-національнаго самосознанія и усиленію недовольства противъ поляковъ, какъ гонителей вѣры отцовъ; онъ возбудилъ борьбу украинцевъ съ поляками на почвѣ религіозной, а это послужило сигналомъ къ вспышкѣ возстанія противъ гнета во всемъ его объемѣ. Тутъ уже Мелхиседекъ не игралъ роли.

Были и другія причины и обстоятельства, благопріятствовавшія возстанію. Воспоминанія о прошломъ Украины увлекали народную фантазію въ заманчивую даль былой вольной жизни, пробуждали стремленіе къ волѣ, рождали надежду на возвращеніе потеряннаго. Въ народной памяти какъ живые стояли образы козаковъ—непримируемыхъ протестантовъ противъ гнета и зависимости, отважныхъ добытчиковъ желанной воли; эти образы манили къ себѣ и звали на подражаніе. Отважные гайдамаки и запорожцы, тѣсно соприкасавшіеся съ народными массами, под-

¹⁾ См. обѣ этомъ въ нашей замѣткѣ въ «Кievsk. Stariń», 1905 г., январь.

держивали въ нихъ старый козацкій духъ и мѣшали всепѣло втянуться въ мирную жизнь безмолвнаго, покорнаго раба. Постойнныи безпорядки и волненія въ предѣлахъ польскаго государства, разнаго рода конфедерациі, присутствіе русскихъ войскъ,—все это волновало украинцевъ, нарушило ихъ мирную жизнь, пріучало къ выраженію протеста, порождало надежду на успѣхъ. Составившаяся въ началѣ 1768 года Барская конфедерациі раздѣлила Польшу на два враждебныхъ лагеря,—облазнь къ восстанію былъ великъ. Польская политика императрицы Екатерины сбивала съ толку украинцевъ относительно цѣлей ея, и заигрыванья ея съ малорусскимъ населеніемъ Польши могли вызывать въ народныхъ массахъ разныя объясненія, неясныя надежды и во всякомъ случаѣ волновали народъ. При томъ-же борьба съ поляками, веденная раньше вѣками, вошла уже въ народную традицію. Послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ указанными особенностями польской государственной жизни того времени, обусловило то, что восстаніе, несмотря на присутствіе горючаго материала на обоихъ берегахъ Днѣпра, вспыхнуло именно на польской территорії.

Всѣ эти причины и обстоятельства, не исключая и религіозныхъ преслѣдований православныхъ въ Польшѣ, имѣли значеніе только дополненія къ тому главному, что прежде всего возмущало народъ. Правовое и экономическое положеніе малороссійскаго народа играло тутъ главную роль. Оно главнымъ образомъ придало восстанію 1768 г. характеръ восстанія народнаго и крестьянскаго, упорнаго и продолжительнаго; оно же лежало и въ основѣ всѣхъ народныхъ реакцій въ Малороссіи въ 18 вѣкѣ и позже.

Украинское восстаніе 1768 года стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ въ исторіи Малороссіи. Оно—послѣдній, слабый уже отзывъ старой борьбы Малороссіи съ Польшей и собственно первое крестьянское восстаніе на Украинѣ, начинающее собою рядъ вспыхивающихъ время отъ времени вотъ уже полтора вѣка бун-

товъ и волненій, въ которыхъ не слышно уже старой борьбы козаковъ за вѣру и народность, но раздается настойчивый протестъ противъ ненормальностей соціального строя и экономического положенія народныхъ массъ украинскаго народа¹⁾.

Вл. П-ко.

---

¹⁾ Едва-ли не лучше другихъ подходятъ къ разрѣшенію вопроса о народныхъ реакціяхъ въ Украинѣ въ 18 в. г.г. Мякотинъ («Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ», Спб., 1889 г.) и Истоминъ («Къ вопросу о причинахъ, порождавшихъ народныя реакціи противъ Польши въ юго-зап. Россіи въ 18 в.», «Кiev. Унів. Ізвѣстія», 1892 г., февраль).

СВОРНИКЪ МАЛОРУССКИХЪ СКАЗОКЪ.¹⁾

Представляю вниманію читателей собранныя мною эпическія сказанія, разрабатывающія вопросъ о добродѣтеляхъ и о грѣхахъ. Я не ставлю своеї задачей дѣлать какіе-либо выводы и обобщенія, а только повергаю на судъ специалистовъ записанныя мною сказки нравственно-поучительныя, въ которыхъ простой народъ выразилъ свои представлениія этическія.

Сказанія о возмездіи за дѣла и поступки человѣческіе разработаны народомъ въ двухъ направленіяхъ: 1) возмездіе на этомъ свѣтѣ, при жизни человѣка и 2) возмездіе въ загробной жизни, на томъ свѣтѣ.

Главныя добродѣтели, за которыя человѣкъ награждается и на этомъ и на томъ свѣтѣ, суть: милосердіе, справедливость и любовь ко всѣмъ людямъ вообще и въ особенности къ страждущимъ, неимущимъ, покинутымъ, униженнымъ и презираемымъ.

---

1) Настоящее маленькое собраніе малорусскихъ народныхъ сказокъ представляетъ только небольшую часть обширнаго материала, записанного Г. Стрижевскимъ въ теченіе многолѣтней его жизни. Почтенный собиратель былъ такъ любезенъ, что охотно подѣлился съ нами этойю частью своихъ записей, обѣщая въ будущемъ предать печати и остальные свои цѣнныя материалы.

Ped.

Столь же важная добродѣтель—уваженіе къ родителямъ и къ старости; отъ сохраненія ея зависитъ самое существованіе всѣхъ живущихъ людей. Наконецъ—искренность, беззавѣтная прямота и правдивость, и отсутствіе своеокорыстнаго эгоизма. Вотъ тѣ основы, на которыхъ зиждется и которыми поддерживается благосостояніе и счастіе людей. Напротивъ: гордость, жестокость, злоба и коварный эгоизмъ—суть пороки, влекущіе за собою тяжкое наказаніе, постигающее преступника и здѣсь и тамъ.

Гавріилъ Стрижевскій.

1.

Якъ ставъ свить, такъ булы люде велетни: пиде косыты раненько та за шистъдесять верстовъ иде снидаты до матери!

Отъ, разъ, иде снидаты, дывытся—орють: восьмеро воливъ, два погонычи й плугатарь. Винъ, пидставывъ жменю, а воны й зійшли на долоню! Винъ и прынись ихъ до матери. «Дывысь», каже, «мамо: яки комашки орють землю!» А маты подывылась... «Э», каже: «сынку! понесы—де взявъ!»

— «Що-жъ воно таке?»

— «Комашки!»—каже.

Винъ и виднись. А вона вже тоди ёму й каже: «це»—каже—«писля нась таки будуть люде!» А сынъ тоди; «а! колы-бъ я бувъ знавъ, такъ бувъ бы всихъ роздавывъ у жмени!.. Посли—Господь истребывъ ихъ—покамъянилы! Во вони горди булы. Якъ стало на неби сонце, то вони почалы сміятись—отъ ихъ Богъ и покамъянывъ усихъ. Вони жылы въ норахъ, якъ звири.

И теперчекы камъяныхъ людей багато есть... Середъ степу баба стоить—я самъ бачывъ! Стоить,—ще, колы хотите, въ намысти! И намысто на шыи скамъянило.

А кажутъ, что й теперъ вони у яки дни оживають и говорять. Кажутъ, что на Святы-Вечиръ¹⁾,—то вони говорять и сходятся одынъ до одного—роспытуются:

¹⁾ Ще якъ диждемо Святы Вечира! (христыться).

— А ще, каже, посыла внуκъ до бабы вечерю?

— Посыла.

— То ще, каже, намъ довго стояты! А якъ перестане но-
сыты, такъ тоди вже, каже, намъ воскресаты!..

Ихъ торкаты—не можна! Знущатсь изъ ихъ—грихъ!

Ишли козакы. А вона недалеко стоить—баба камъяна. А
козакъ—шутныкъ одынъ бувъ—прыбигъ конемъ до неи та за-
разъ за груды съ коя полапавъ. Вона стоитъ. Полапавъ за
груды, посли—й ныжче... Такъ вона якъ черкнула ёго, такъ и
голова ёму одлетила! И зновъ стала баба недвыжима!.. Позы-
ваты камъяну бабу не можно и накараты не можно: и вона
така жъ камъяна зосталась! Козакы пишлы соби дали, а того--
поховали.

(Полтава. Зап. отъ крестьян. Навла Кислаго 70 л. старика).

2.

У якому-сь то сели, десь далеко, ажъ биля моря бувъ соби
дуже багатый сырота. Ну, хоть винъ бувъ багатый, а все-жъ
такы винъ боявся Бога: никого не крывдывъ, багато дё-куму
помагавъ, изъ биды вызволявъ, сказано—добрый бувъ чоловикъ.

Оце було на святки: наваре, напече, понаготовля всёго та
й пиде скризы по дорози склыкаты слищивъ та безрукыхъ та
безногыхъ, та й розговляется зъ нымы.

Ото-жъ разъ передъ святкамы пишовъ винъ склыкаты ка-
ликъ, та скильки не ходывъ, найшовъ тильки одного старого дида.

Розговились воны зъ дидомъ та побалакалы, та такъ полю-
былыша одынъ одному, що цей багатый сырота узявъ ёго за
батька. Диdъ согласывся буты ёму батькомъ тильки зъ такою
умбою, що те все, що винъ добуде зъ того часу, воны переди-
лять пополамъ.

Сталы воны жыты вдвохъ, и цей чоловикъ зове дида бать-
комъ, а той ёго сыномъ.

Отъ той дидъ и каже ёму: «пойидьмо, лышень, мы у инше
царство та поторгуемо тамъ, то може такы бильше розжывемось,
нижъ туть.

— Э! — каже чоловикъ: — изъ чымъ же мы пойдемо, колы у насъ немае краму? Хиба повеземо пшеныци?

«Дарма!» — каже дидь: — «навищо тая пшеныця! Я найду краму, ты тильки излагодъ баркасъ».

— Ну, добре.

Излагодывши той баркасъ, винъ и пытае въ дида: «а де жъ вашъ, тату, крамъ?»

А батько каже ёму: «наносы, сынашу, на баркасъ отыхъ цеглынь, що въ насъ за хатою, то отъ-то й буде крамъ! Зды-вувавсь той чоловикъ, що батько таке говорить, та ничего робыты, треба батька слухать. Наклавъ тыхъ цеглынь повенъ баркасъ, а стины пообмошуавъ ганчиркамы, щобъ цеглыны не побтыралы смолы.

Ну, батьку, будемъ йихать! — каже.

— Пойдемо! — каже батько.

Сили й пойихалы.

Чы довго, чы кіротко — бо не такъ дило робытся, якъ казка кажется — прыйиждають воны въ трывевъяте царство, а въ тимъ царстви та бувъ царь, и була въ ёго едына дочка, та така гарна, що не сказать! Одно тильки пагано; була въ ній нечиства сыла! Ото вже чого ій царь не робывъ! Понасклыхавъ звидусуды ликаривъ, шептунивъ, бабъ — такъ ни! ничего не помоглы; а царь побачывъ, що воны тильки дурно хлибъ йидять, та взявъ ихъ и попрогонивъ.

Мучыла нечиства сыла царивну доты, покы не замучыла. Царивна вмерла саме тоди, якъ напи у те царство прыйихалы. И, кажуть, якъ умирала, такъ дуже, лыбонь, прохала батька, щобъ непреминно чытавъ хто-небудь тры ночи пидъядъ надъ нею, а щобъ такъ не ховалы неодчытану.

Положылы ту царивну у зализну труну и виднеслы въ церкву.

На перву ничъ замкнулы зъ нею въ церкви дяка, щобъ одчытувавъ.

Уранци — одчынылы церкву, — ажъ бачать, що видъ того дяка зосталысь тильки сами кисточки!

На другу ничъ заперлы другого, такъ и видъ того зосталысь тильки кисточки. Тоди самый найстаршый надъ попамы пипъ ставъ казаты цареви, що въ ёго не стане дякивъ на обиходъ, и дуже прохавъ, щобъ уже не бралы дякивъ.

Задумався царь: шкода й дякивъ, а хочется, щобъ и дочка була видчытана. Думавъ-думавъ, та й выдумавъ. Пошлио я людей шукаты такого мыстюка, щобъ не боявся нечыстои сълы, — може й найдется.

Отъ бижать видъ царя люде по городу скризъ и крычатъ: дае царь пивцарства тому, хто визьмется видчытаты царивну!

Почулы й наши крамари съ цеглынамы оти слова. Дицъ и каже сынови: «визьмысь ты, сынку, дочытуваты: я знаю таке, що тебе не займе нечыста съла.

А той, слухаючи батька, шішовъ до царя та й каже: «я можу видчытаты царивну!»

Царь дуже зрадивъ. «Хто-жъ ты такий есть? — пытае.

— Я, каже, крамарь: тутъ стою на прыстани зъ баркасомъ.

Отъ царь звеливъ, щобъ винъ сіен-жъ ночи почавъ дочытуваты царивну, и якъ винъ одчыта іи, то царь ёму дастъ пивцарства, а якъ не одчыта, то царь звелить ёму голову одрубаты.

Отъ, передъ тымъ, якъ иты въ церкву, той чоловикъ зашловъ до батька порадытыся. А батько вже трывае ёго. Першъ, — каже батько, — ты добре найижся, щобъ бувъ крипшый и смиливишый, а тоди я тебе навчу, що робыты.

Найився той чоловикъ. Батько й каже: якъ прыйдешъ у церкву, то ты обведы себе крейдою кругомъ такъ, якъ на сажень у-шыршки, и гляды — не выходъ изъ цієи ограды, щобъ тамъ ні було, якъ бы тамъ ни прыйшло, щобъ ни робылось кругомъ тебе! Ты все тильки чытай и ничего не кажы.

Пишовъ той чоловикъ одчытувать и заразъ же такъ усе зробывъ, якъ казавъ батько.

Труна стоять, свичи палають, а винъ стоить та чытае святе письмо, та такъ голосно, що ажъ лунá йде по порожній церкви.

Колы це — такъ о півночи — щось якъ лусне, — неначе хто роздавывъ волосъскій горихъ... а дали крышка зъ труны такъ и

злетила и сама царивна стала пидводытись мовъ на пружынахъ! А въ того чоловика такъ и похололо въ жыжкахъ! Стоить винъ ни живый ни мертвый, и тильки неначе въ чаду чытае молитвы.

А царивна пиднялась... Та якъ завые собакою! Якъ гайнé по церкви! Та все кричить: тутъ бувъ та нема!

Бигала вона такъ прави що до свита, и все що пидскоче до крейды, та заразъ видтиля неначе опечена. Колы це—заспивалы свитови пивни: вона зновъ лягла у труну, и зновъ та покрышка сама закрылась надъ нею.

Отъ уже свитъ. Прыйшли видъ царя посылачи подывытись, чы живый цей чоловикъ, чы ни. И якъ побачыли, що винъ живый, то дуже зрадили и повели ёго до царя.

А царь давъ ёму попойисты тай одиславъ, каже: «готуйся на другу ничъ»!

Прыйшовъ той чоловикъ до батька. Батько каже: ця ничъ не страшна, що оце буде, а трётя буде найстрашнійша. Цю ничъ иди, зроби те-же саме, що робывъ и передъ цымъ.

Пійшовъ той чоловикъ и на другу ничъ и такъ само видчытувавъ царивну.

На третю ничъ, передъ тымъ якъ ёму йты, батько ставъ ёго навчати. «Ты, каже, якъ увійдешъ у церкву, то зроби те-же саме, тильки гляди: щобъ вона ни казала, не выходъ зъ крейды. А передъ свитомъ, якъ стане вона просытись протягти за крейду руки, ты ій позволь, и якъ протягне, то ты вхопи ій за руки мицно и держи такъ, не пускай, хочъ якъ пручатымется, ажъ до свиту.

Пійшовъ той чоловикъ одчытувати й на третю ничъ. Колы це—саме о пивночи—труна якъ лусне! Якъ злетить крышка, якъ схопытись царивна та якъ гайнé по церкви! ганяе та все вые собакою... Бигала,—такъ такы не найшла ёго. Та вже передъ свитомъ вона побачила ёго, такъ не може перейти за крейду. Стала вона коло краю та й просить: позволь мени простягти до тебе руки!

— Простягай!

Тильки що вона простягла до ёго руки, а винъ якъ ухопивъ ихъ та й не пуска, держыть. Стала вона пручатысь, смыкала, смыкала, і кричала и выла, таکъ ни: не пуска, держыть зъ усiei силы.

Колы це пивень: кукурику!

Вона стала ще дужче просыть, щобъ пустывъ уже й плакала передъ нымъ. Такъ винъ не потура: поты державъ, покы не заспивавъ третій пивень.

Якъ заспивавъ третій пивень, царивна такъ и впала передъ нымъ навколишки, та дуже-дуже плакала та дякувала, що винъ іи одволавъ видъ смерти. И сказала: я буду тоби жинкою!

У-ранци прыйшли видъ царя люде. Та якъ побачылы царивну, та давай тикаты, хто куды мдга.

А царь, якъ узнавъ, що дочка ожыла, самъ побигъ у церкву. Та такъ зрадивъ, що й плаче й сміється! И дочку цилуе и цёго чоловика цилуе! а якъ сказала ёму дочка, що пиде замижъ за цёго чоловика, такъ царь заразъ сказавъ: добре! Я васъ заразъ и звинчаю.

Такъ той чоловикъ каже: ни, въ мене батько йе, старый. Я безъ батька не хочу!

Отъ такъ заразъ царь пойихавъ до батька та й прывезалы ёго, та того-жъ дня й повинчалы молодыхъ. Повинчалы, добра весилля справылы!..

Отъ погостювалы у царя тыжднivъ зо два. Батько каже: ну, сынку, пора до-дому. Такъ царь не пуска, просыть, каже: зоставайтесь у мене жыты. Такъ батько каже: не можна теперъ,— треба до-дому йихаты. Отъ погулялы тамъ ще скильки днivъ—рушылы до-дому.

Якъ выйихалы въ море далеко, такъ, що вже й те царство покрылось, дидъ и каже тому чоловикови: ну сыну, памъятаешъ нашу умову? Давай дилытысь пополамъ тымъ, що ирыдаблы!

А той чоловикъ и каже: якъ же мы подилымось царивною, батьку? Уже-жъ іи не можна розрубаты!

— Чому не можна? Каже дидъ. Та взявъ сокыру та й розрубавъ царивну.

Якъ крыкне той чоловикъ: батьку! що вы робыте! батьку!
А батько: онъ—що: дывысь!

Колы въ ній: жабъ, гадюкъ, усякои нечысти—стильки! Та такъ и кышатъ, такъ и виуются й лизутъ... Бачъ, каже дидъ, що вона—нечиста! Треба іи вычыстыти. Заходылъсь коло неи вдвохъ: вычыстылы все, вымылы іи свячену водою, повыкыдалы оту погань.. «Теперъ, каже дидъ: стулымо іи знову! Стулылы. Тоди дидъ уязвъ та й дмухнувъ на неи. И вона—ожыла! И встала и стала ще краща, нижъ була!

Тоди дидъ каже тому чоловикови; «ну, жывы-жъ, сынку!»
Будь счастливый! Робы-жъ и до смерти такъ, якъ ты робывъ доси:
годуй сліпцівъ, каликъ и помогай кожному чоловикови въ биди!
И буде тоби и твоимъ дитямъ за це велыка награда!

Сказавъ, та хто ёго зна де й дився: ставъ невыдымый!

Той чоловикъ прыйихавъ до-дому и зажывъ паномъ и жывъ такъ, якъ дидъ ёму казавъ.

А це, я чувъ, прыславъ до ихъ батько іи царь, що: прый-
їздить,—нездужаю. Нема въ мене наслидныка! Наследуйте
царство мое. Такъ вони пойихали. И той чоловикъ пойихавъ
царюваты.

(Диканька. Николай Перець).

3.

Богъ ходывъ... такий!.. старцемъ! Такий обидранный! Пры-
їшовъ разъ до одного чоловика. А той чоловикъ каже: «вары,
жинко, вечеряты, то мы зъ оцимъ дидомъ повечеряемо». Отъ, а
та жинка плюе, хрякае, що такий дидъ обидранный,—гыдуе такъ.

Наварыла вона вечерять.

Такъ вони посидалы и вечеряютъ.

Такъ та жинка ёго, колы-бъ не той чоловикъ, такъ того-бъ
дida изъ хаты выгнала,—такъ плюе, хрякае, такъ и хрякае на
дida, та на чоловика сердыта:

«Навіщо, каже, ты прыймаешъ у хату таку огыду?»

Такъ чоловикъ не потура жинци, каже:

«Я те знаю, що роблю! Якъ бы й ты такъ робыла, то краще бъ було!»

У-ранци (переночувалы ничъ) такъ той дидъ уставъ та й каже: «одягайся, чоловиче добрый!»

Отъ выйшли на двиръ... Колы—де такый кинь уязвся, страшненый, изъ повозкою.

Такъ воны посидалы—той дидъ и чоловикъ—тай пойихалы скризъ по свиту.

Прыйихалы. Колы—таки хаты въ того Бога, горныци! Богъ уже того чоловика зовсимъ угостивъ, прышановавъ и всюды выводывъ. Отъ водывъ туды, де смола кыпить, водывъ туды, де й золото, де й гроши,—всюды водывъ. И одиславъ того чоловика; каже: «айдь до-дому!»

Той кинь самъ повизъ того чоловика, кинь сывый.

Отъ, той чоловикъ уже прыйихавъ, уставъ, у хату увійшовъ;— а той кинь стоить у двори. Дакъ чоловикъ той каже жинци: «одягайсь, да беры гостынци, та сидай на того коня—на визъ да йидь до того дида: тамъ колы-бъ ты знала, який славный дидъ, да якъ хороще живе! Якъ винъ мене прышлановавъ!»

Жинка, якъ розсказавъ чоловикъ усе, такъ вона заразъ убралась, забрала гостынци, сила на визъ.

Отъ той кинь не визъ до Бога—ни що въ гостынциамъ, та прывизъ туды, де смола кыпить, да такъ изъ гостынциамъ у смолу ту жинку й перекынувъ, такъ вона тамъ и спеклась у смоли, де кыпить смола!

А то—Богивъ кинь бувъ, сывый такый та розумный! Богивъ кинь—дакъ и розумный!

(Переясл. у. Волошиновка 1859).

4.

На Велыкденъ стали розговлятыся чоловикъ и жинка. И прыйшовъ до ихъ старець, та такый обирваний, що на ёму лахмиття высе, та такый гыдкый, нечепурный!

Ну, отъ той чоловикъ и сказавъ: «дай ёму, жинко, сорочку та штаны, та счеши ёго и змый, та й сядемо розговлятыся!»

А вона й каже: «праздныкъ—якъ праздныкъ, та прывивъ Богъ ёго зна що въ хату, та ще ёго буду й мыть рады праздника? Якъ що тоби треба, такъ беры ёго, та й мый самъ, а я сорочки та штанивъ не дамъ!..

Отъ, а винъ каже: «та дай такы-жъ сорочку й штаны, дай!»

Отъ вона дала. А винъ узявъ, того старца измывъ, исчесавъ. Ну, надивъ той старець сорочку на себе и штаны—били... Силы разговлятыся.

Отъ винъ, той старець, и каже:

Гляды-жъ, чоловиче, будь ты мени брат! И якъ диждемо того Велыкодня, такъ прыбижыть до тебе сывый кинъ, та якъ заржé, такъ ты выйди та й сидай на ёму, та куды винъ бигтыме, ты туды й йидь: винъ зна, куды бигты»...

Розговилысь. Попрощався той старець, пишовъ. Та-жъ жинка перемовчала, покы старець у хати бувъ, а пóтимъ зачала зъ своего чоловика сміятыся.

«Отъ, каже: «дожыдай Велыкодня другого, то сывый кинъ до тебе прыбижыть та зарже! та ты сядешъ и пойдешъ?»

Чоловикъ не змагается, одмовляє:

«Чы чуешъ, жинко: прыбижыть—прыбижыть, а не прыбижыть—то й такъ буде! Хиба ѩо?»

А вона не гамуется:

«Такъ-такъ!»—каже:—таке прывивъ у хату, що страшно й дывытыся, а винъ ище ёму сорочку й штаны давъ! Сподивайсь, сподивайся сывого коня!»

Та ввесь рикъ усе зъ ёго сміється.

Отъ воны диждалы й Велыкодня.

Прыйшовъ той чоловикъ изъ церкви. Перехрестывся... Гулькъ у викно,—ажъ стоять сывый кинъ, та ще й заржавъ!

Тоди чоловикъ каже жинци:

Отъ, ты сміялась мени! Отъ, а воно справдывилось—ёго слово. Ну, прощавайте, разговляйтесь сами, а я—пойду!»

Та сивъ та й пойихавъ.

Йиде та йиде... Колы дывытися — чоловикъ: стоять — тынъ пидоперъ.

Наблыжывся цей чоловикъ, а той, що тынъ пидпираувъ, глянувъ та й каже:

«Богивъ кинь, та не Богъ на ёму йиде... Скажы, чоловиче добрий, тамъ и про мене: докы я буду цей тынъ пидпираты?...

— Скажу, якъ не забуду.

Йиде та й йиде.

Колы—чоловикъ до чоловика землю кыдае лопатамы одынъ одному: той до тóго, а той до тóго.

Отъ воны побачылы цéго чоловика, кажутъ:

«Богивъ кинь, та не Богъ на ёму йиде! Скажы, чоловиче добрий, и про насъ: докы мы цю землю будемъ кыдать одынъ до однóго?»

— Скажу, якъ не забуду!

Йиде та й йиде.

Колы: дивка — така гарна, така гарна! — птычку лове по терну. Така птычка манисинька та гарнисинька. И дивка гарна, та обирвала плаття на соби чисто, ловлячи ту птычечку, и тило на соби подрала, лазячи по терну... такъ—не пíймала!

Глянула вона на цéго чоловика та й каже:

«Богивъ кинь, та не Богъ на ёму йиде... Чоловиче добрий! Спытай тамъ и про мене: докы я цю птычечку буду ловыть? Я на соби тило порвала, та ніякъ іи не пíймаю!..

— Добре!—каже: скажу, якъ не забуду...

И прыйхавъ винъ до Бога.

Богъ выйшовъ: «Здоровъ, брате!»

Поклыхавъ ёго въ рай, давай изъ имъ розговляться—паскою.

«Гляды-жъ, чоловиче добрий!»—каже Богъ:—Я Самъ Господь находжусь, щобъ ты знаявъ».

Розговилыся, стали що инше йисты.

Тоди цей чоловикъ и каже:

«Господы! Що то за чоловикъ, що тынъ пидпираувъ? Я йихавъ, а винъ и каже: Богивъ кинь, та не Богъ на ёму йиде...

Богъ и каже:

«Отъ-то вы люде, якъ на тимъ свити гуляете, та що вы вытворяете! та и кажете: на цимъ-то мени свити роскишъ, а на

тимъ—нехай мною хочь тынъ пидопрутъ—байдуже!—Такъ не можно, брате, казать. Отъ-то-жъ винъ такъ казавъ, а якъ умеръ, такъ Я нымъ тынъ пиднеръ до Страшного Суду».

— Ну, а то, Господы, що, що два чоловики одынъ до одного землю кыдають?

«То, каже, таки люде, що якъ орютъ, такъ одынъ у одного одворують землю—той у того, а той—у того. Такъ и ци робылы. Такъ ото вони померлы та до Страшного Суду кыдатымуть землю».

— А то, Господы, що, що дивка, така гарна, птычечку лове по терну, та чисто на соби одежду порвала и тило подрала, та ніякъ не пійма!

«То така дивка, що дивкою дытыну спровадыла та й истребила ії, такъ ото вона до Страшного Суду тую птычечку ловытыме та ніякъ и не пійма. То не птычечка, а то—дытына!

— Ну, каже: Господы! вона-жъ чисто на соби тило пообрала вже...

«Ще й не такъ пообрыва до Страшного Суду!»

Отъ погостювалы. Чоловикъ той спочывъ трошки. Тоди Богъ ёму каже:

«Ну, щожъ, брате, чы будешъ ты въ Мене, чы пидешъ до-дому жить? Якъ будешъ ты въ мене, такъ будешъ ты въ раю въ сámому; а якъ до-дому, такъ тоди вже не туды попадешъ».

А винъ и каже:

— Я бъ, Господы, не пишовъ, такъ дитей жалько:—хочь бы я настояще попрощавсь, а то якъ—такъ, наче у гости йихавъ»...

«Якъ соби знаешь!»—каже Богъ.

— Ну, вже-жъ, Господы! уже куды Богъ дастъ, попаду, а вже пойду до-дому—попрощаюсь, тоди до Васъ и прыйиду!

А Богъ и каже:

«Не то, брате, до-дому,—назадъ обернеся и тó—согришишъ, а то—до-дому? прощаться! Та ще жинка буде лаять, та не пускатыме, та плакатыме».

Такъ ни: винъ такы не слухавъ; попрощавсь, пойихавъ до-дому. И не довго й барывся. Прыйихавъ, попрощавсь, сказавъ жинци, де бувъ, що бачывъ, якъ ёму Богъ говорывъ и якъ ёму

було у Бога—усе чисто. И сказавъ, що прыйхавъ тильки по-прощаться, та й зновъ до Бога. Жинка заплакала, стала благать, диты за ею.

А винъ поблагословывъ, попрощався, каже: Я не можу дома зоставаться, пойду—и пойхавъ.

Прайхавъ, такъ уже на третю часть попавъ того добра и счаствя, що тоди було указано.

Отъ и ставъ винъ тоди Богови молыться: «Дай, Господы, хочъ на половыну!

А Богъ ёму тоди:

«Ище Я на тебе змылосердывся, що на третю часть давъ: тоби недостойно було й на третю, та Я вже змылосердывся.

Тоди чоловикъ сказавъ:

— Якъ бы я бувъ знатъ, що такъ буде, я бъ и не пиповъ...

«А Я жъ казавъ: не йди!»

(Горына Ивченко. Сергіевка. Маріуп. у. 1885).

5.

Якъ ходывъ Богъ изъ Петромъ по пеклу, дывытся Петро,— а тамъ ёго маты въ смоли кыпить!

Петро до Бога:

«Боже, каже, правый! Боже мылосердный! Не вже-жъ мою матинку не можно зъ пекла вырятуватъ!»

Такъ молыться Богови, такъ молыться! Сказано—сынъ: жалко матери!

Отъ Богъ ёму й каже: «на тоби оци три перынки цыбули; хай твоя маты за ныхъ ухопытся,—попробуй, чы не вытягнешъ іи. Тильки нехай не тришается!

Отъ Петро прыйшовъ до матери, каже:

«Матусю моя ридна! вхопысь ты за ціи три перынки цыбули та гляды не трипайся, стыха берись, то може я тебе вытягну.

Якъ ухопылась Петрова маты за тіи три перынки; Петро ставъ іи потыху вытягаты зъ пекла; отъ-отъ-отъ вытягне—уже не багато зосталось.

Томъ 90.—Іюль-Августъ, 1905.

I.-9

Тутъ тіи гришпіи души, що кыпили вмисти зъ нею, побачылы, що вона скоро зъ пекла вылизе, почалы за неи чыплятысь, хто за руки, хто за ноги... сказано—несчастніи души думалы за нею спастыся! А вона отъ-отъ-отъ уже выйде зъ пекла... Що-жъ вы думаете! Чуе, що за неи други шочыплялысь, та якъ трипнется и рукамы и ногамы, щобъ ихъ струсыты зъ себе!

«Гетьте»—каже—«васъ къ нечystій матери!»

Якъ сказала це, перынки ввирвались, и вона ще глыбше впада въ пекло!

Така заклята! Не захотила, щобъ за нею ще скилько несчастныхъ душъ спаслося, думала сама вылизти зъ пекла!

А вона за ввесь свій викъ тильки трь перынки дала нышымъ! Одже и цымы перынкамы вона спаслася-бъ була, якъ бы не була така заклята.

(Изъ Чигиринск. у. пожилая женщина).

6.

Якъ сынъ батькови обиходытся, такихъ и сюби сынивъ матыме.

Бувъ соби дидъ, а въ ёго бувъ сынъ жонатый.

Дидъ бувъ такой старый, що ставъ уже забуваться.

Отъ сынъ сидыть разъ изъ жинкою та й почалы балакаты. Що мы будемо зъ батькомъ робыты; що не вмира та й не вмира?

— Знаешь що: визьмемъ лубокъ здоровый—у насть йе, та зсадымъ ёго зъ печи на лубокъ та вынесемъ на холодъ!

Отъ, добре.

Прыступылы воны до діда.

А винъ, старесенький, уже зовсимъ нездужа, сидыть на печи: панькайся коло ёго, годуй ёго, оббырай та прыбырай! Надокучывъ своимъ дитямъ.

Взялъ воны лубокъ изъ лыпы, той що возы вшывають, унеслы ёго въ хату.

«Що вы, тату, все сидыте та й сидыте на печи! Такъ-же не здорово! Прохолодылысь бы на двори!

А на двори—морозъ!

Тато одмагается, а воны не слухают: стаскалы зъ печи, посадылы на лубокъ, вынеслы старого на прохолоду!

А маленький внучокъ—такъ невельчкый хлопчыкъ—сидеть у куточку та и дывится.

Вынеслы старого. Винъ плаче, просытся: помылуйте—мени холодно!

Воны такы подержали ёго, покы вже винъ и слова не вымове,—трусытся ввесь, трохи не замерзъ.

Тоди зновъ унеслы въ хату и зновъ посадылы на пичъ.

«Теперъ нагрійтесь, тату: такъ вамъ буде здоровише!»

А внукъ ажъ крекче та мостыть щось соби въ куточку,—грается.

Узявъ трисочку, взявъ палычку, положивъ на трисочку и довго мудровавъ, покы такы палычку поклавъ такъ, щобъ не падала. Тоди—несе!

«Що ты тамъ робышъ?»—пытаютъ ёго батько та маты.

— «Оце—лубокъ, а оце—дидусь!»

— «Нá-що-жъ ты це робышъ?»

— «Це, якъ будете вы таки стари якъ дидусь, то я тоди и васъ на лубокъ та и вынесу на морозъ, щобъ и вамъ було те, что дидови!»

(Токари. Отъ старой бабуси).

7 и 8.

У б е с е д и.

Ни, я не вжываю табаку. Отъ вы чы не находылы де покныгамъ: есть грихъ який за цей табакъ, чы нема ніякого? Де хто каже, що—грихъ, а де-хто, що—нема гриха. Отъ я—не находывъ нигде... Бо ни Біблія, ни Евангелія цёго не доказуе, та и у Псалтыри объ цимъ нигде не сказано...

Богъ ёго зна, чы воно такъ, чы не такъ, тильки я чувъ ѿмижъ люде розказують отъ-якъ.

1. У однієї вдови було два сина: йиденъ бидний, другий багатий. Пры бидному вона и жыла.

Отъ разъ на Велкденъ и пишла маты до багатого,—думала въ нёго розговитъсь, бо въ бидного сына може йничимъ було..

Отъ прыйшовъ багатый зъ церкви зъ своею хазяйкою до дому. Силы розговляться. Колы зыркъ хазяинъ у викно —ёго маты иде..

«Клады мерщій, жинко, порося та паску въ ваганы та сховай у синяхъ за пичью, а то онъ бачышъ?—та гадюка иде!»

Це винъ на матиръ такъ!

Жинка зибрала все зо столу въ ваганы та й сховала въ синяхъ за пичью.

Увійшла маты въ хату, похристуючися зъ сынкомъ та зъ невисткою, якъ зъ добрыми дитыми, та й сила на лави.

Сыдить, сидить... Не просять дити матери до столу!

Посидила ще трохи, а дали знялась та й стала прощаться, щобъ-то ити додому. А сама дума: чы не стане сынъ ії завертаты? Такъ—ни: тутъ ще й ради, що недовго сидила.

Постерегла це маты та й пишла до-дому, умываючись дрибненькымы слизонькамы!

Отъ, якъ пишла вона, чоловикъ и каже жинци: «давай ваганы на стиль,—будемъ розговляться.

Выйшла жинка за ваганами. Тильки намиралася узяты ти ваганы, а зъ тыхъ ваганивъ изъ самого поросяты здоровенна гадюка! Якъ выгляне, якъ засычить!

Такъ ту жинку неначе що откнуло назадъ икъ дверямъ! И зиннула вона на всю хату: «гадюка!»

«Що ты чорты батька зна що выдумуешъ? Де тутъ може взятысь теперъ та гадюка? Що тоби прыдалось? Тебе куды не пошли, та й самъ иди!»

Изъ сими словамы убигъ винъ у сины та хватъ згáрячу за ваганы!

А гадюка—товста та довга—такъ и кынулася ёму на шию й обвалилася скильки разъ коло шыи й коло грудей...

Скильки-жъ винъ выносывся зъ нею! Ніякъ гадюки не здійме!

Чому не здійме?—вы пытаете.

А того, шо вона укусыть того человека,—тутъ ёму й аминь!

Такъ отъ, що винъ тильки ни робывъ, до якихъ тильки бабкивъ та дохтуривъ ни выйиздывъ, скильки вже тихъ грошай на ныхъ высыпавъ,—нихто гадюки не може знять! Ссе гадюка ёго за груды та й ссе.

Бачыть, що вже ёму прыходыться пропасты...

Кынувшись винъ тоди до Бога! по манастырямъ—душу спасати!

Скризь дае на акахвысты та молебни, справляе обиды та обдиляе ныщыхъ... И въ матери выпросывъ прощеня...

Отъ, разъ бачыть винъ у-ви сни якого-сь старца, сывогосывого! Старець и каже ёму:

«Найды», каже, «такого человека, щобъ зроду винъ табаку—не тильки не курывъ або не нюхавъ, а навить и въ руки николы не бравъ: винъ тоби зніме гадюку».

Прокынувшись винъ, та не може вже й заснуть. Жде свиту.

Колы незабаромъ стало вже на свитъ благословытыся. Розвиднилось.

Кынувшись винъ по селу—отпытывать такого человека, що зъ роду не курывъ и не нюхавъ и въ руки не бравъ табаку. Шатнувшись сюды-туды по слободи,—нема такого человека!

Що тутъ робыть!

Ударывся винъ у друге село... Довго ще шукавъ, покы найшовъ такого человека! И той человекъ знявъ зъ ёго гадюку!..

То—видно вже винъ спокутовавъ свій грихъ по манаstryахъ, та и Господь зглянувшись на ёго и пославъ ёму того старца у сни...

2.

Жывъ у однимъ сели чоловикъ та мавъ двохъ сынивъ. Поженевъ винъ ихъ и подилывъ худобою и всимъ хазяйствомъ, по-

робывъ ихъ хазяинамы на все село. Самъ остався жыты пры меньшому сынови: винъ уже немощный бувъ,—сами сыны хазяйнували.

Отъ, що не посіе старшый сынъ, що не продасть, що не купыть,—усе ёму въ нажытокъ, усе ёму у пользу. А меньшій щобъ не посіявъ, щобъ не зробывъ,—усе на втрату!

Сказаты, щобъ пьяныца винъ бувъ, або ледащо,—такъ ни: рботаяцій, невсыпущій, та--счастя не було...

Отъ, старшый прыдбавъ доволи й худобы й де-якого хазяйства; а менышый такъ уже прыопавъ, такъ прыопавъ,—хоть до Бога руки знімай: тамъ—не вродило, тутъ—худоба выгынула—зовсімъ обнищавъ! Шматочку хлиба жадёнъ ставъ...

А тутъ, сáме середъ літку, у гарячу пору старый батько тяжко занепавъ, недовго и боливъ — та й помéръ.

А въ хати а ни свичечки, а ни шматочка хлиба! Куды кынешся? Де чого взяты?

Се-бъ то прыходылося ёму йты до брата просыты якои пидмогы у цимъ дили, але винъ не пійшовъ, скильки жинка не змагалась, скильки не посылала. Бо винъ добре знатвъ натуру брата, що винъ не дуже долюблявъ подиляться тымъ, що въ нёго йе.

Бачить жинка, що ничего не вдіє зъ чоловикомъ, та й пишла сама. Бо треба! Тило лежыть на лави, а тутъ ще ничего не прыготовляно.

Не застала вона брата дома, стала плакаты та жалитись братовій жинци, що ничымъ поховать батька.

Та не втерпила: одмиряла ій мирку пшеничного борошна, дала іи ще й тры карбованыца грошей. Думала, що чоловикъ и не знатyme.

Воно такъ бы й було, бо вся комора була заставляна зризкамы та соломьянкамы, понасыпуванымы до верха усякого борошна; та й гроши такы зайви булы. Такъ вона думала, а до того байдуже, що тутечки-жъ стоить іи маленька дивчинка та все це й бачить.

А іи чоловикъ ще вранци якъ налагодювався йихаты въ поле, наказувавъ: «а ты не конче тутъ квапся братови роздаваты та розноситы де що йе. Такъ мы николы не матымемо ничего зайвого. Я знаю, прыйде сёгодня!»

Оттакый-то бувъ скупирдяга: навить для батька жалувавъ

Отъ, узяла та борошно та гроши, подякувала та й пішла до-дому.

Коды оце, якъ сонечко спочило, йиде старший братъ зъ поля. А ёму назустрічъ, якъ на грихъ, бижыть, пиднявши въ гору рученята, та малесенька дивчынка, ёго дочка, бижыть та лементыть: «Татку, татку! а въ насъ булы титка, й мамка дали имъ борошна, ще й грошей на похорони!»

Отъ, посадывъ батько дивчынку на визъ та й уйизжджає въ дверь. А дали, чы вспивъ выпрягты коней чы ни, убигає якъ несамовитый у хату, накинувся мокримъ рядномъ на жинку: «Нá-що ты дала борошна та грошей? Говоры, нá-що? Ступай, видбери!

А жинка: «Хоть убый, не пиду видбира ты. Що, въ мене Бога въ серци нема? Що, въ мене лыця нема? Пиды самъ одбери: колы тоби такъ жаль!»

Ну,—й досталося-жъ жинци за ци слова! А дали чоловикъ: «Ты думаешьъ,—не пиду? подарую? Тай выбигъ зъ хаты.

Побигъ запиняный одъ злости. Прыбигає до брата та прямо въ хату. Зыркъ, зыркъ по хати!.. Посередь хаты стоить клунокъ борошна—ще ничего навить не роспочинали зъ нёго робыть,—на лави покійныкъ лежыть, а на вікни, протывъ покійныка лежыть бумажка—три карбованьця.

Чы сказавъ винъ «помагай Бигъ» людямъ у хати, чы ни—пидбигає до вікна та за ти гроши... Нахыльвся черезъ покійныка батька, щобъ—отто—взять гроши... А батько якъ пидведется, та якъ ухватытся за сына обома рукамы! Та такъ и повысь на шили, и одчепыть ніякоу силою не можна!..

И що-жъ вы думаете! Отъ уже три годы такъ носять сынъ батька по манастиряхъ! Скризъ наймае молебни...

— Де це було?

— Да це не далеко — онъ, у Ракови¹⁾, и не було, а й теперь есть, и теперъ носить!.. Це не казка, а правда! Казалы таки люде, що брехать не стануть!

(1889. Маріуполь. Сообщено Н. Ф. Осадчимъ).

Трьи браты.

9.

Бувъ соби чоловикъ, мавъ соби трь сыни.

Отъ, два — розумныхъ, а третій дурень.

Отъ, старшій сынъ каже: «иду я соби, тату, службы шукаты!»

Батько каже: «йди!»

Отъ винъ пишовъ. Идѣ та й идѣ... Зайшовъ у яку-сь хату. Ажъ — лежить хлибъ на столи, и пляшка зъ выномъ стоить. Отъ, винъ хлиба укусывъ и выномъ запывъ.

Отъ, выходить до ёго старый дидъ, пытается ёго: «куды ты, хлопче, йдешъ?»

Каже: «йду службы шукаты!»

Дидъ каже: «наймися въ мене!»

— Що робыть?

Каже: вивци пасты.

Винъ каже: «добре, наймуся».

«Тильки» — каже дидъ: — «куды воны йтымуть, туды й ты за ными, тильки спать не лягай!»

Отъ винъ выгнавъ ихъ пастысь, а самъ лигъ спать. Воны пишлы соби, куды знали...»

Отъ воны ходылы соби тамъ, де имъ треба було, и прыйшли назадъ до ёго. Винъ занявъ и погнавъ ихъ уже до дида. Отъ, прыгнавъ, а дидъ ёго й пытается. Каже: «не спавъ?»

— Ни, не спавъ.

«А що-жъ ты, каже: бачывъ?»

Каже: ни, ничего не бачывъ.

Ну, дидъ ёму давъ копійку и сказавъ: «йди соби зъ Богомъ!»

¹⁾ Новобатайскъ, ростовск. уѣзда.

Прышовъ винъ до-дому. А середульшый уже каже: «тату! пиду ще я!»

Отъ, и той йшовъ, йшовъ.., зайдшовъ соби въ хату. Отъ, лежыть хлебъ на столи й выно стоять. Винъ узявъ хлиба вкусывъ, выномъ запывъ... Выйшовъ до ёго дидъ, пытается ёго: «Куды ты, хлопче, йдешъ?» Каже:—йду соби службы шукать.—Винъ каже: «наймыся въ мене!»—Що робыть?—«Вивци пасты».

— Добре, наймуся.—«Тильки»—каже: куды воны йтымуть, туды й ты за нымы».—Добре, буду ходить.

— «Тильки»—каже: не лягать спать!—Ни, каже: не буду!

Ну, отъ винъ вышовъ на степъ. Вивци пишли соби, куды зналы; винъ соби лигъ спаты и спавъ, докы вивци впять до ёго не прышлы. Винъ заняявъ и погнавъ ихъ тоди до того дида.

Отъ, пытается ёго дидъ, каже: «Ходывъ за нымы?»

— Ходывъ.

«А не спавъ?

— Ни, не спавъ.

«Що-жъ ты (каже) бачывъ?»

— Ни, я (каже) ничего не бачывъ!

Отъ, дидъ ёму взявъ—копійку давъ... «Йды, каже, соби зъ Богомъ!»

Прышовъ й цей до-дому.

А той уже—дурный—каже: «Пиду я, тату!»

А воны—ти, кажутъ: «що ты, дурный! Мы—розумни, ходылы ничего не заробылы, а ты—дурный, та щобъ ты заробывъ?..

А винъ такы пишовъ!

Йде та й йде, и зайдшовъ соби въ хату въ лиси. Зайдшовъ, ажъ хлебъ лежыть на столи й выно стоять. Отъ винъ хлиба не займае й вына не займае,—ставъ соби та й стоять.

Выйшовъ до ёго дидъ та й каже: «куды ты йдешъ, хлопче?»

А винъ каже: йду соби службы шукать.

А дидъ каже: «наймыся въ мене!»

— Що робыть?—«Вивци пасты».

— Добре.—«Та тильки (каже) такъ: куды воны йтымуть, туды й ты за нымы, а спать не лягать»—Добре!

Отъ винъ выгнавъ вивци на степъ. Воны йдуть, йдуть, а винъ усе за нымы и спать не ляга. Прышлося вже имъ черезъ ричку брѣсты. Отъ.. воны перебрелы черезъ ричку, а винъ не може ніякъ. То винъ піймавъ соби барана й перейихавъ на баранови Йде, ажъ стоить чоловикъ у ставку та й кричыть: «дайте воды! дайте воды! за Христа--рады!»

Отъ винъ каже: «та онъ-же вода недалеко — возьмы та й напыся!»

А вона такъ ёму якъ черезъ губу не капне въ ротъ! Такъ винъ не може напыться.

Йде дали. Ажъ стоить на гребли дубъ; у тому дубови дви диркы; а чоловикъ ганяется, а голубъ литае — хоче заховаться; а чоловикъ ганяется за нымъ—хоче ёго вбывать, а голубъ туды влетыть, а туды въ другу дирку вылетыть...

Отъ, доходыть дали... Ажъ стоять коровы на писку, та таки жырни, що ажъ вылыскуютъ... а други стоять на трави по саму шию, та таки худи, якъ щепки,—бикъ до бока злыпается!

Отъ йде дали. Ажъ стоить церква и ти вивци у тій церкви булы. И той, що который бувъ бараномъ,—та ставъ попомъ! Звисно—душа! А ёму показується вивцамы, а пипъ бараномъ,—тильки що винъ у церкви правывъ—винъ самъ бачывъ!

Отъ, прышлося имъ назадъ йты черезъ ричку. Вивци перебрелы, а винъ на баранови перейихавъ.

Прыгнавъ уже ихъ до того діда, вивци. Той дідъ пытается ёго.

«А що каже не спавъ?»

— Ни, не спавъ.

«А що-жъ ты, каже, бачывъ?»

— Бачывъ, каже, що стоить у води, такъ вода ёму якъ черезъ губу не капне, а винъ кричыть: прόби, дайте воды!

«Що дали, каже, бачывъ?»

— Бачывъ, каже, стоить дубъ, а голубъ литае кругомъ дуба, а чоловикъ ганяется, хоче ёго вбить...

«А що ты, каже, іще бачывъ?»

— Бачывъ, каже: стоять коровы на писку, та таки жырни, ажъ вылыскуютъ, и бачывъ, каже: стоять на трави—по саму шую, такъ таки худи, якъ щепкы!..

Отъ той дидъ: «то, каже: що то воды просыть, то то винъ бувъ на цимъ свити дуже скупый,—хто просывъ не то що, а воды, то винъ не дававъ,—шкода ёму было. А то чоловикъ зробився дубомъ, а душа голубомъ, а розбойныкъ хоче вбыть, а душа хоче заховаться. А коровы, то которіи на цимъ свити багати, що вже черезъ ладъ багати,—такъ на тимъ свити худи; а которіи на цимъ свити бидни, такъ на тимъ свити жырни. Бо бидный швыдче мылостыну дасть, якъ багатый».

Отъ дидъ ёму тоди давъ усякого хлиба по зерныни и копійку грошей и сказавъ: «їди до-дому и закажы, щобъ тоби булы бочки на ци гроши и на цей увесь чисто хлибъ»!

Прыйшовъ винъ до-дому та й каже: «робить мени бочки на цей хлибъ и на ци гроши»!

А воны ёму кажуть: «що ты, дурный, выдумуешь? Чы можна, щобъ изъ копійки та була повна бочка грошей або зъ одной зерныны та щобъ була хлиба повна бочка»!

Отъ, а винъ намигся; «зробить та й зробить такы»!

Узялы воны ёму—зробили.

Винъ узявъ—повкладавъ у кожну бочку по зерныни, а въ одну бочку—копійку.

Переночували.

Колы вранци всталы,—ажъ стали вси бочки повни хлиба, и бочка грошей повна зъ одной копійки!

И тоди ти люде дивуются, що дурный та лучше заробивъ, якъ ти розумни.

А той дидъ бувъ—Богъ!

(Андріевка, Чигиринскаго уѣзда. Кіев. губ. 1877).

10.

Чортова спокуса.

Отъ теперечки, що называется, йдолъ! Такъ винъ ииднуща чоловика у такому дили...

Рыбалка,—одинъ чоловикъ рыбалывъ соби,—та якось надъ ричкою дощъ ёго напавъ. А винъ човенъ перевернувъ та й лежить пидъ човномъ.

А ыродъ чоловикової думки не зна!

Отъ воны выходять—саме коло того човна и товкуются про свои заходеньки. «Йдить-же! Той, самый настоятель ихъ прыказує: «пиднущайт! Щобъ мени непреминно—або хто въ шынку щобъ побывся, такъ щобъ и вбылы, або сынъ батька злаявъ та позывъ подавъ, або щобъ дивку завели та знивечылы!.. Та то все ыдолъ имъ розскажуе.

Отъ той чоловикъ и слуха. Слухавъ, слухавъ, выслушавъ усе!
«Э! стривай-же, каже, не такъ!»

Отъ якъ поросхбились чорти, вылизъ той чоловикъ изъ-пидъ човна, та такъ ёму моторопино стало на серци! И до-дому забувъ,—ходе по берези! То туды пишовъ, то сюды,—думкою перебира, чы такъ воно справди, якъ чорти казалы? Думавъ, думавъ, нагадувавъ и що бачывъ и що чувъ... «Э,—такъ!» каже.

Та якъ прыйшонъ до-дому (рыбки піймавъ соби, оддавъ жинци), каже: «Жинко! оттакъ, каже, и такъ!»

А жинка, и каже: «не бійся! Богу молитымемось, не бійся!»

(Полтава. Павло Кыслый).

11.

E в л a д i й .

Була царивна—такий лыцарь, що іи нихто не мигъ розсмишыть.

Отъ, вона объявила по своему царству: хто іи розсмишыть, то за того вона замижъ выйде.

Отъ, конюхъ того царя прыложывъ соби печаль до серця: якъ бы іи взять? А діяволь підскочывъ до ёго та й каже: «ропышысь,—я іи розсмишу! Я буду зайцемъ; ты мене поймай да й несы коло оболонь, де вона живе, то я вже іи розсмишу!»

Винъ согласывся ропысаться. Да діяволь ёго одурывъ (сказано—діяволь!): мало давъ ёму времени на свити пожыть.

Ото винъ уже несе того зайця коло оболони... А царивна й побачыла. «Евладію, Евладію! Що ты несешъ?»—каже царивна.

— Заёнка!

— «Несы сюды!»

Отъ, винъ ёго й прынисъ.

— «Ахъ! да який гарный! Можно ёго пустыть?»

— Можно—каже.

Отъ, винъ пустывъ, а заець—скикъ, скикъ, скикъ! а потимъ сивъ да лапкамы тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та! А царивна тоди: «ха-ха-ха! Який гарный, неначе ученый!»

— Це я васъ, сударыня, розмишывъ!..

Ну, шо-жъ! Отъвона й выйшла за ёго.

Жывутъ воны потимъ, чы довго чы ни — отъ уже въ ихъ ѹе дытына. Але Евладій бачыть, шо вже прыходыть кинецъ.. Отъ винъ зажурывся дуже, дуже,—ажъ плаче! А вона побачыла, пытае ёго:

— Чого ты плачешъ, Евладію?

— Да то—я ходывъ по лису, да дерево мене вдарыло, отъ того я й плачу.

Вона позвала вси дерева:

— «Котре вдарыло мого мужа. Винъ плаче, може ослипнуть!

— Ни, мы ёго не былы: якъ винъ иде, то мы пиднимаемъ до горы ризкы, щобъ ёго не вдарить.

Отъ вона знову до ёго. Якъ уаяла пытать, якъ уаяла, якъ уаяла,—да винъ и признавсь:..

«Я»—каже—«запысавъ душу діяволу, да вже мени небагато зосталось вику, вже скоро вмру:»

Вона тоди до Васылія да й начала просыть:

«Васыліе, чоловиче, отче щедротливый!

«Бувъ есы пастырь добрый ще й мылостыый,—

«Умоды Бога, умолы Сына и Духа Святого

«За ёго, Евладія, за мужа моёго!

— «Кайся, кайся, чоловиче!

«Бога Отца прогнивиль есы,

«Сына Божого охулыль есы
 «И Духа Святого...
 И зачынывъ Евладія у своему дому,
 А самъ пишовъ молытыса до Божого дому.
 Діяволы крышу вскрылы,
 Въ церкви баню розломылы...
 На Васылія нарикаютъ,
 Евладія проклынаютъ!
 Окномъ запысь укынулы...
 Рече Демонъ Васылію:
 Не чыны намъ пакости,
 Бо винъ-бо намъ запысався
 Объ свитовій слабости,
 Теперь же одбыраешъ,
 Въ руки наши не даваешь
 Мужа нашего!

(Кiev. у. 1861, с. Черняховъ зап. Ф. Т. Панченко).

12.

Пипъ та чужса жинка.

Бувъ соби чоловикъ багатый,
 Та трохи соби на розумъ плоховатый:
 Женывся винъ на молодій та гарній,
 Колы винъ самъ старый та поганий.
 Жывуть соби тамъ чы рикъ, чы два...
 Винъ соби неборакъ ничего не зна,
 Що ёго жинка зъ попомъ выбробля.
 Чоловикъ иде въ поле до роботы
 А пипъ-добродій до жинки до господы.
 Сидять соби вдвохъ та любуются,
 Цилуются та мылуются
 Йидять смачненьке,
 Пытъ солоденьке.

А чоловикъ якъ прыйде ввечери зъ роботы, то нема ёму часомъ и шкорынки хлиба. Чоловикъ, якъ дурень, потура жинци, бо дуже щыро любыть.

А жинка все вередуе, та все нездужае, та все вередуе. А чоловикъ годыть та постачае свой любій жинци.

Отъ разъ чоловикъ задумавъ ѹихаты на ярмарокъ. А жинка каже ёму: «нездужаю! Пойдь, достань мени ликивъ изъ города». Страждае жинка!.. Ну, ёму жаль,—каже: «прывезу»!

Отъ зибравсь, йиде. Постричавъ попа. Пипъ давъ ёму порученіе, щобъ винъ тамъ то того купывъ, то другого, а мавъ про себе таку думку, щобъ тильки ёго въ городи забарыты, щобъ вильнише було зъ ёго жинкою погуляты.

Справыўлпшись изъ попомъ, колы це зустричается ёму наймыть попивський та й почавъ ёго турбовать, щобъ винъ не ѹихавъ ничего попови куповаты. Каже: «ты лучче, чоловиче, де-небудь цереховайся до-ночи, а я тоби щось искажу, такий скретъ, що ты мени ще и могорычъ поставышъ!»

Чоловикъ послухавъ наймыта та пишовъ та у попивську клуню забравсь та тамъ и днюе.

Колы дывытся,—надвечоры бижыть наймыть выпровадывышы вже чопа, въ дорогу.

Прыбигъ та й каже: «одягайся швыдче та пойдемо до твого дому—тамъ пипъ изъ твою жинкою гуляе и мене пиджыдае».

Прыиходы воны туды. Винъ и каже: «сидай у мишокъ,—я тебе зашнурую!»

Той пытається: «нá-що»?

Каже: «що ты—ледающ: не вміешъ жинки глядити! Сидай та мовчы!»

Завъязавъ ёго та й поставывъ, а самъ пишовъ до паниматки, де воны гулялы.

Винъ и пыта: «паниматко!

Позвольте мини збрю въ мишку
Поставыты у васъ у кутку,

Щобъ лыхого чоловика обійти
И себе одъ лыхои годыны зберегти!»

Вона каже: «поставь!»

Выйшовши винъ на дверь, та й каже чоловикови: «слушай, свате:

Якъ я тебе поставлю въ хати, то ты слухай, якъ я буду спивати! Первый разъ и другой разъ заспиваю, то ты мовчы,— слухай, що я буду казати, а якъ третій разъ заспиваю, то ты роби те, що я буду научати!

Тоди прынисъ мишокъ и поставивъ у кутокъ промижъ рогачи, а самъ сивъ та й сидѣть—дожыда, що ёму будуть загадувати. Каже соби: нехай и я подывлюся, якъ буде чужа жинка попа шанувати!»

Колы тутъ не дуже згодомъ, розвеселывши, пипъ изъ паниматкою почали спивати.

Жинка:

«Гоца-дра! гоца-дра!
Нема мого Грыгора--
Пойихавъ до Чорного моря
Шукати лики...»

А пипъ:

«Щобъ ёго чорты взяли.
И не вернутся бъ ёму видтиля на вики.

Наймыть слухавъ, слухавъ, а дали и каже: «паниматко! Позвольте и мени заспивати!»

«Заспивай!»

А пипъ почавъ лаяти:

«Якъ ты смієшъ до нашои кумпаній встриявати?

«Та нехай заспива!»—каже жинка; «може винъ яку веселу зна!»

Отъ наймыть и почавъ спивати:

«Чы ты чуешъ, Грыгоре,
Що твоя жинка говоре?»

Маешъ нижъ пры' соби—
 Шматуй мишокъ на соби!
 На прыничку макогинъ,
 Зробы жинци перегинъ...
 Жинку разъ, попа—два:
 Отто тоби гоца-дра!»

Жинка засміялась, та до батюшки:
 «А що, батюшко! Оттакъ! Мене разъ, а васъ два... Ха-ха-ха-ха! Який жартовловый! Выгадавъ писню!
 А пипъ: «Якъ ты сміешъ такои писни спиваты?!»
 — «Та ничего!» — каже жинка: «а ну ще: и я перейму». Заспивавъ винъ у-друге. И вона за нымъ. А винъ и третій разъ заспивавъ... Якъ заспивавъ у трете, тоди той уже чоловикъ мишокъ розшматкувавъ, якъ скопывсь, якъ ухопывъ изъ прыничка макогинъ,—та й зробывъ жинци добрий перегинъ! Жинку разъ, попа—два! Та ще й прымовля: «отъ-то тоби, батюшечко, за чужыхъ жинокъ—гоца-дра! гоца-дра!

(Полтава, записано отъ парубка).

13.

Якъ отъ було страження¹⁾, такъ бралыся салдаты вельмы. Такъ одынъ чоловикъ узявъ та й посыдавъ своихъ сынивъ вовкамы. Тай сказавъ имъ: сядьте жъ вы въ лиси отъ пидъ такимъ и такимъ кущемъ тамъ чы деревомъ (назначывъ имъ) и ждить, каже, на мене.

Одививъ ихъ у лись та попрощався зъ нымы та й сказалъ: «у таку пору прыйдете на це мисце (тамъ черезъ тыждень чы що):—я прыйду, скажу вамъ слово,—зновъ станете людьмы!»

Такъ вони бродылы той тыждень и прыйшли пидъ те дерево. Ажъ тилько ихъ два, а третій уже десь дився—нема! Прыйшли вони, силы, дывляться одынъ на одного—такъ не промовлять! Отъ, ждалы-ждалы,—нема батька! Пишлы вони зноң.

¹⁾ Подразум. Крымская война.

А той чоловикъ саме тоди въ городи бувъ и ніякъ не можна було ему вернутысь: ёго схопылы, повезлы. «Де ты сынивъ по-дивавъ? Одвичай!» А потімъ якъ пустылы ёго вже ажъ на третимъ тыжни... прыйшовъ, винъ у лисъ,—ажъ тилько мистечко знатъ, де лежали сыны! Пишовъ винъ роспітываться, зустривъ людей: «Чы не бачылы, каже вовківъ трохъ—отаки и таки?

— Ни, не бачылы!

— Чы не проходылы?

— Ни, не проходылы!

Такъ вони и по сей день прошали!

(Радомисльскій у. с. Злодіевка: 1859).

14.

Дякъ.

Була хата въ гаю. Жинка й чоловикъ жылы соби. Винъ бувъ лиснічымъ. Такъ вона цей случай знала, що винъ изъ тымъ лукавымъ—зазнавався, та й не знала, колы й вмере винъ.

А винъ вмеръ, якъ сонце зайншло,—що никуды було йты, а до села верстовъ зъ двадцять було, то вона побоялась у ночі йты—за людьми ото вже. И то вона сама ёго вбрава, и напекла, й наварыла, прыготовыла, столы позастыгала.

Лежать покійныкъ на лави. Сама сидить въ кинци стола,—плачє.

А зъ того села ішовъ дякъ: що ёго сестра десь-то вмерла, и винъ ішовъ до тієї сестри, та ничъ ёго захопыла.

Йде винъ... Колы въ лису хата—а въ тій хати свитыться. Ввійде въ хату—покійныкъ у хати!

Увійшовъ винъ у хату, перехрестывсь та й пытає жинки: «це твій чоловикъ, жинко?—Каже: «мій».

Вона ёго просить: «ночуйте въ мене, бо я бъ мала йты за людьми, такъ далеко йты — сама побоюся!»

Винъ самъ соби подумавъ, гришнымъ тиломъ не злякався того мертвого, та, не думавши ничего, зоставсь почувати. Та й каже до мертвяка: «въ мене сестра вмерла,—не сама вона лежить,

надъ нею люде есть; одначе—ющ мавъ чытать псалтырь надъ сестрою, то прочытаю надъ тобою!»

Чытавъ винъ, чытавъ, покы ёму листы захотилось. Отъ винъ выпывъ чарку горилки и закусывъ трошки. Та вже жинка заснула соби, спыть и байдужки!

Сыдивъ дякъ, чытавъ до пивночи,—ничого дякови й не случалось.

Пройшло пивночи,—стали шумить листы, стали зрывать крыши, стали бряжчатъ викна! Дякъ злякався,—ажъ дывытся трошки згодомъ—встает мертвый зъ лавы!—Каже: «чытаешъ, дяче, надо мною?.. Прочытаю й я надъ тобою!»...

Якъ ставъ мертвый уставаты, стало на дякови тило похоложаты: хочъ бы-жъ маленький мертвякъ, а то ставъ такыи здоровый, що й у хати не помистыться—страплю за ёго братысь!

Узявъ мертвякъ изъ дякомъ у руки, водится по хати!

Прокынулася мертвякова жинка, стала дяка оброняты... А мертвякъ хватывъ жинку за горло—и духу не стало, задавывъ!

А до тыхъ поръ зъ дякомъ вызывся, ажъ покы той уже упоганывся!

Писля того—заспивавъ пивень, на хати сидя, одвалавъ дяка одъ смерти.

Лигъ покійныкъ, а дякъ сивъ соби самъ та й думае: чыйтъ, чы зостаться? Подумавъ своею гришною душою: зостануся, що мени Богъ дастъ! Якъ не напысавъ мени Богъ такои смерти, то до свита жытыму!

Одійшовъ трохы дякъ, одійшло одъ ёго серця... Гляне на полыцю—лежать штаны и сорочка... Такъ винъ давай изминяться.

Переминывъ дякъ одежду, сивъ на лави, выпывъ чарку горилки, закусывъ або й такъ найився! Бидный вытрюхавъ!..

Третій пивень спива, дякъ сидыть, псалтырь чыта. Вже свитъ...

Ажъ чуе—їдуть люде поузъ хату...

— «Ну, не буду-жъ я тикаты, а буду тыхъ людей ждаты!»

Зайшли люде въ хату та й стали хрестыться:

«Що ты, дяче, наробывъ? Убывъ жинку й чоловика, а самъ хочешъ прысвятыться?

— Та де вамъ, люде добри: я горе знаю, а якъ хотите, добри люде, такъ я и вамъ розповидаю! Йшовъ я своеи сестры ховаты та й зайдшовъ до цієи хаты... Та побоявся въ ночи йты—зайдшовъ у хату: сидить жинка въ кінці стола та й плаче, лежить мертвякъ на лави. Просить мене жинка въ ін зостаться. Подумавъ я самъ гришно душою: чы йты мени, чы зостаться? Подумавъ—останусь! Та й читавъ я псалтырь до пивночи — не булоничого. Оль пивночи встает мертвый зъ лавы! Я жъ думавъ тикати зъ хаты, а дали: «не буду тикати!»—подивившися що страшний, що дуже великий...

Якъ уставть же винъ зъ лавы, узвись зо мною у ручки та й ставть по хати водиться! Встало єго жинка, стала мене рятуваты. А винъ ін прыдавивъ за горло—и духу немае!..

Розказавъ дякъ. Люде поховалы того чоловика й жинку.

(Остапівка Лохв. у. 1869.)

15.

Мыслывый.

Бувъ такий соби—мыслывый (охотникъ, значить, по вашому!) И винъ усе ходивъ—такъ соби—мыслувавъ, звира бывъ. И винъ мавъ соби шрить, порохъ, такий—простий порохъ окроме, а свяченый тежъ окроме державъ про який-небудь случай...

Отъ разъ найшовъ єго у лиси туча-громъ,—дощъ! Винъ підъ дубомъ и сивъ одъ того дощу; и той дубъ стоявъ саме навпроти горы.

Якъ пайшовъ уже громъ и туча, начало вже грікати... Такъ винъ побачивъ, що тамъ баранъ вилазить изъ гори и бекае—такъ якъ отъ бараны бекають—такий баранъ—бараномъ зовсимъ. Оце якъ блискавка отъ-отъ-отъ блиспне, то винъ и сковається въ гору, а якъ громъ уже грікне, тоди винъ зновъ вилазить и зновъ бекає.

А мыслывый це бачить... Та такъ єму захотилось ударыть того барана! То винъ те вже вынявъ, що було въ середини въ

рули, а вже того заложывъ, свяченого, и вже прымирывся, якъ винъ буде звидтиль вылазыть, то шобъ уже ёго стрилять.

Отъ, той баранъ зновъ—тильки вылизъ проты блыскавки, бекнувъ, а винъ ёго заразъ и вдарывъ.

Заразъ—де тая и туча диласъ! Стало ясно, и сонце, и весело стало!

Отъ, пишовъ мыслывый дывытыся, шо таке вбывъ; прыйшовъ на те мисце, де баранъ бекавъ, ажъ—нема ничего, тильки смола лежыть!

Винъ здывувався; постоявъ, постоявъ, подывыться та й пишовъ соби до-дому.

И зостривъ чужого человека: иде старый человекъ и несеть рушиныцю, може два разы або три разы билышу оль ёго. Надійшовъ, поздоровкавсь изъ нымъ и пытае:

— Ты, каже, стрилявъ?

— Стрилявъ—каже.

— Шо жъ ты, каже, вбывъ?

— Та не знать, що: якъ прымирявся, то воно барацомъ увыжалося, а якъ ударывъ та пишовъ подывыться, ажъ тамъ тильки смола лежыть!

Отъ той дидъ заразъ сказавъ ёму минятыся рушныцамы.

А мыслывый говорыть: «мени, говорыть, важко носытыся изъ такою превелыкою рушныцею!

А дидъ ёму говорыть: «такъ шожъ, шо моя билыша за твою! Такъ тоби жъ треба у твою рушныцю порохъ та ішрить закладты, а мени (говорыть) не треба ничего сюды кыдать».

— А якъ же можна (каже) безъ пороху и безъ шроту?

— А такъ: якъ схочешъ выстрелыть, то намирся та хукны та й бильшъ ничего! Та вона не дуже и важка: на мене вона трохи важенька, бо я вже старый, а тоби вона—саме добре буде, саме по твоїй силы. Поминяймось! Якъ же не схочешъ моей держаты, роздумаешьъ, то прыйдепъ зновъ сюды, скажешъ мени, то зновъ—мою виддапъ, а свою заберешъ, я тоби виддамъ!

— Ну, добре!

Отъ, поминялъсь. Пишовъ той дидъ. Тоди цей мыслывый пишовъ соби до-дому. И съ того часу переставъ мыслувать: и не здумавъ, и забувъ зовсимъ и ни разу не ходывъ мыслувать ажъ до Гордану, до Хрещенія. Тильки якъ ишли на Горданъ, тоди винъ здумавъ: «пиду я на Горданъ та й рушныцю озьму,— якъ будуть воду хрестыть та стануть стрилять, то и я тоди стрелю».

Пишовъ. Отъ, якъ освятылы воду, якъ почалы стрелять, тоди винъ якъ хукнувъ та якъ стрелывъ, такъ усе попадало на землю, и таکъ гукъ изробывся, мовъ справди громъ горохнувъ! Тильки цей мыслывый и оставсь, а то вси люде, яки тамъ булы, попадалы нежыви.

Якъ побачывъ мыслывый, шо воно сталося зъ тієи рушныци, тоди винъ изъ страху побигъ, куды тильки бачывъ! И самъ не стямывся, такъ ёму страшно стало, шо винъ стильки людей побывъ! Бижыть та й бижыть... И зновъ опынывся у тому жъ такы лиси, де колись барана вбывъ. И заразъ зостривъ того старого дида, того самого, шо ёму рушныцю проминявшъ. Якъ побачывъ того дида, тоди ставъ, прышнинувся.

— Ну, каже: «бачыте, яку вы мени далы рушныцю! Скильки вона клопоту мени наробыла,—шо я тильки самъ одынъ остався, а то вси попадалы на землю! Нашо вы мени і надилылы?! Теперъ я черезъ неи повикъ несчастливый, шо я стильки людей побывъ!»

Тоди той старый уязвъ свою рушныцю, а ёго оддавъ ёму, та й говорыть:

— Бачъ, моя — яка: ты встрелывъ, усе на землю попадало; а твоя: ты тильки шо вдарышъ, те тильки и убьешь своею. Одже—те, шо ты вбывъ у гори тоди, литомъ, то ты тоди не барана вбывъ, а то—ты чорта вбывъ! Такъ я уже симъ годъ стрилявъ ёго, та не могъ убыть, а ты вбывъ—такъ тоби Богъ давъ! Такъ я тоби у признакъ дававъ мою рушныцю, щобъ ты знаявъ, изъ якои сылы я бывъ на ёго... Иды теперъ до-дому, не бійсь,— ты никому ніякого лыха не зробивъ,—уси вже теперъ такъ якъ було, такъ и есть: уси вже повставали, шо попадалы булы,—уси жыви и здорови.

Сказавъ, та хто ёго зна, де и дивсь той дидъ.

Мыслывый вернувсь. Прыйшовъ, такъ усе вже стало—якъ було, такъ и есть.

Такъ винъ съ того часу зовсімъ переставъ мыслувати: не злюбывъ. (Кіевъ. Записано оть молодого [лѣтъ 20] парубка.

16.

В о г о н ъ.

Вогонь сердится: хочъ якыхъ сырыхъ дровъ наклады, та скажы: «стыдно вогню на споди лежать!»,—дакъ розгорыться зразу. Мы, було, якъ пасемо, то якъ накладемъ вогню, та скажемъ: стыдно вогню на споди лежать, то розгорыться выще дуба. А якъ коло будки, колы близъко коло села, дакъ и тушымъ землею. А якъ выхоръ пидбижить, дакъ бида! Разъ и я будку спалывъ. Выхоръ пидбигть, будка занялася! Я злякался та злизъ на соху та й дывлюсь—такъ якъ той китъ, що цыганамъ городъ спалывъ.

17.

Якъ китъ цыганамъ городъ спалывъ.

Больсь цыгаи въ городи жылы. Городъ ихъ бувъ великий—такъ, якъ оце Кыйивъ, або ю. А може хотъ и не такой, якъ оце Кыйивъ, а все-таки здоровый бувъ городъ. И цыгане жылы въ ёму, такъ якъ оце мы живемо. А потимъ розійшлися, покинулы житы въ городи, стали плятиться по всихъ усюдахъ, стали житы въ шатрахъ. И не те щобъ що велике выгнало ихъ изъ города, а простисинъкий китъ налякавъ ихъ такъ, що вони росточились по свитахъ.

У одного цыгана нанялся русъкъ за челядныка. Отъ, служить винъ мисяцъ, може два. А въ ныхъ росплодылось мышъ такого, що не то що—дитямъ уши пообийдалы, такого багато. И вони не знаютъ, що зъ имы робыты.

Отъ, дакъ винъ каже: «въ мене дома такий звирокъ йе, що буде мыши ловыть!»

А вони и кажуть: прывезы «голубчыку»!

Отъ, винъ имъ прывизъ кота.

Дакъ уже той китъ якъ ставъ мыши ловыть, якъ ставъ ловыть, дакъ незабаромъ мышъ поменьчало, а потимъ и не видно стало—поховалысь. И дитямъ уже ничего, вже и мышь немае. Ридко колы покажется мышка, дакъ китъ іи заразъ и задавыть.

Отъ русъкій дослужывъ до сроку, лагодытся до-дому, прощается.

Воны заплатылы ёму, подякувалы, ще й на дорогу коня далы. Винъ сивъ и пойихавъ соби.

Якъ пойихавъ, тоди воны здумалы, що забулы спытати за кота: що воны робытымуть зъ нымъ, якъ мыши пойисть.

Дакъ цыганъ мерщій на коня. Догоныть того русъкого, ставъ ёму гукаѣ:

— Чуешъ? А що китъ йистымс, якъ мыши пойисть?

А русъкій не почувъ, да и каэ: «гась»? Дакъ той думавъ, що «васъ», да якъ гуне до-дому, мовъ несамовытый, да бижыть швыдче до своихъ да крчыть:

— Ой лышечко! Казавъ, що: васъ! Ой тикаймо швыдче зъ города! Запалымо городъ, нехай винъ згорыть изъ котомъ, бо китъ насъ пойисть! Отъ, воны повирылы ёму, заразъ запалылы городъ, а самы повтикалы.

Забралы що найпохипнише зъ собою въ повозочки та й дременулы, не оглядуючись. Геть-далеко въ поли стали шатрамы, стоять.

А городъ згоривъ! Цилый тыжденъ горивъ, а то вже погасъ... и дыму вже не видно стало.

Отъ воны черезъ тыжденъ посылаютъ того цыгана:

— А побижи, пошукай попилу зъ кота: нехай мы будемо знаты, що вже винъ згоривъ!

Отъ той цыганъ сивъ на коня, пойихавъ. Прыйиздты до свого руйна,—ледви найшовъ свое печыще, бо вси печыща однакови—дакъ усе згорило, тильки одынъ стовпъ якось зостався цилый коло хаты, той стовпъ, що до ёго кони прывязувалы кувать, дакъ той стовпъ не згоривъ.

Отъ винъ прывязавъ коня та й не баче, що китъ живи-
сињкій и цилисенькій сыдѣть на тому стовпови.

А китъ, якъ прыпекло звидъусюды, то винъ—куды дитысь?
та й ализъ на стовпъ та тамъ и сыдѣть.

Отъ цыганъ шука пужалномъ, перебира попиломъ—шука
попилу зъ кота.

А китъ якъ цлыгне зъ стовпа та на коня! Кинъ якъ ирвоне,
да одирвавсь та до-дому якъ гунувъ до табору!

Якъ побачылы цыгане, що кинъ бижыть, а на коневи китъ
сыдѣть,—якъ скочылы, якъ заметупылысь!

«Це того мабуть зйивъ (цыгана), це по нась бижыть
йисты!» Та за сумки, та за повозки—хто встыгъ, запряглы—та
дали!..

А той цыганъ що на печыщи зоставсь, якъ побачылы кота,
тежъ соби навманя побигъ на лисъ або куды...

Такъ воны по свиту розійшлись, по шатрахъ жывутъ. Розійшлись та вже и не споружаться городъ збудоваты,—шо треба
багато прыпасу, шобъ багато хатъ поставыты, шобъ городъ бувъ.
А то сперву и воны въ городи жылы. (Переясл. у.).

18.

Ж а б а.

Жаба здохне—не смердѣть, черезъ те, що якъ Хрыста заму-
чылы, то Богородыця ишла та й плакала, издыбала жабу, що
такъ же плакала. «А чого ты, каже, плачишъ?»—Де жъ, каже,
мени не плакаты, колы моихъ дитеј хтось розийхавъ!»—«Ну,
каже, то воны не будуть за то смердиты—тоби на потиху». (Но-
дольск. губ. Гайсинъ).

19.

К у м а.

Бувъ соби чоловикъ та жинка. Родыла жинка дытыну.
Поклыкалы кумою—хрестыть дытыну—дивку. Перехрестыла та
дивка въ жинки дытыну, а сама, два мисяци пожывши, вмерла.

Изрядылы іи у зрядъ у гарный: положылы на неи плахту, запаску, и керсеть хороший, и перстени на рукахъ дороги.

И тій куми сподобалысь ти перстени. Заховалы ту дивку... Отъ, та кума издумала полисты въ яму пидъ склепъ, полисты въ яму и забрать у неи перстени ношнои добы.

На другой день—у ночи—полизла вона у склепъ—туды, въ яму. Здымала вона, здымала ти перстени—ніякъ не зняла. Прыдумала—що робыть: поодризуvalа пальци съ перстнямы!..

Прыйшла до-дому. Заразъ, никому ничего не кажучы, пидпальца въ печи и стала тошить. И склада пальци въ горщечокъ и стала ихъ варыть. Поварыла ти пальци; сама сила коло колыски дытыну годувать.

Колы—та сама кума іи йде пидъ викно: «Добрывечиръ, кумо! Чы ты и доси не спышъ? Чы ты мое тило въ горшку варышъ?»

«И куры сплять,
И гусы сплять,
Тильки моя кума не спить,—
Мое тило въ горшку кыптыть!»

«Одчыны, кумо, двери, або сама влизу!»

Та вже кума сыдьть—околила! Злякалась! Одчыняе кума двери, ввиходить у хату.

«Ой що це ты, моя кумо, що ты наробыла! Выймы-жъ, кумо, мои перстни,—чы вже поварыла?»

Стала кума изъ полу вставаты, стала въ тієи кумы опрошення прохаты:—просты мени, моя кумо, що я такъ зробыла!

Я-жъ такъ не хотила,
Тильки мене лыха лычына зйила!..

Ну кума іи простыла.

(Остапивка).

20.

Якъ чортъ мяка.

Разъ у беседи зайдла размова про чортывъ. Одинъ чоловикъ похвалывся: «чого, каже, чортывъ бояться! Я хочь бы де

побачывъ чорта—не злякаюсь, бо въ мене проты ёго йе слово «херувымъ»: перехрестысь, скажы «херувымъ», то чортяка й зныкне. Адже й у церкву, бува часомъ, чорты заглядають, покы не заспивають «иже херувымы»; а якъ тильки почнуть лагодытысь спивати «ижѣ херувымы», то чорты заздалеги изныкають изъ церкви.

Отто такъ похваляется чоловикъ. А чортъ тамъ такы въ тій же хати бувъ ичувъ та й дума: «ну, постій, я-жъ тебе злякаус!»

Отъ гостювалы и выпылы доброе. Вертается той чоловикъ до-дому. Ничъ була мисяпина, дорога—якъ скло, снигъ ажъ полыскуется та блыщыть, и витру немае. Весело йихаты,—тымъ паче, що й до-дому недалеко.

Колы це—щось такъ жалибно мекекекае, неначе козеня, або ягня, и недалеко. Глянувъ той чоловикъ,—ажъ справди козеня малисеньке пидбылось пидъ кучугуру снигу, копотыть кошыткамы та все: мекеке! мекеке!

Стало ёму жалко того козятка. «Стій!—каже на хлонця. Визьмимо оце козеня, а то воно замерзне.

Уставъ до ёго. А воно ледви встоить, тремтыть, зовсимъ измерзло. Винъ ёго взявъ на руки, ирынись у санкы, положывъ биля себе, ще й кожухомъ накрывъ полою, та й идзе дали.

А, каже—бидненьке козеня измерзло! Узявъ и погладывъ ёго.

Колы це якъ вытрищится на ёго козеня, и стало росты и стало выше ёго! Изъ очей вогонь блыснувъ и ротъ роззвывяся и зубы заскрготали!

Страшенно перелякався чоловикъ.

И не стямится зъ переляку, що робыть: хоче промовыты—зубы сципыло, хоче поворушыться—тило заклякло!

Тоди винъ догадавсь. Затремтила бидна душа у страшенній муци, зибрала неначе передъ смертю усю свою силу и потрудувала тиломъ. Чоловикъ посылкувався, поворухнувшись, поворушывъ рукою и языкомъ и голосомъ; та тильки не змигъ вымовыты хе-ру-вымъ, а выйшло тильки хавыръ! И рука не подужала зложыты хреста, а тильки замахала!

Чортъ зупынывсѧ. Глянувъ ще разъ палючныи очима та й засміявсѧ.

«А що, каже: будешъ хвалиться? Я тильки налякаты тебе хотивъ, щобъ ты на мене не хвалився! Та тоди — стрыбъ изъ санокъ тай сchezъ.

Ото, бачыте, не слідъ похвалятысь, а треба Бога не забувати ни на годыну, ни на хвилину.

(Кiev.)

21.

Козьма Демьянъ та Змій.

Колись то.. діялось давно, дуже давно,—якъ мижъ людьми бильше святихъ водылось. Тоди то живъ Кузьма-Демьянъ Божий ковалъ, и живъ недалеко видъ Переяслава и мавъ соби кузину муровану, здоровенну кузину зъ дванадцятьма зализными дверыма.

Отъ якый-сь то чоловикъ бигъ по полю верхы, а за вімъ у слідъ змій крылатый за тымъ чоловикомъ угнався—що той не втече, а той не дожене.

Отъ той чоловикъ бачить—не перелывки, та й прямуе до кузни та ще здалека кричить: «гей! Кузьмо-Демьянъ, Божий ковалъ! Одчыни кузину—сь конемъ улечу! А тутъ Кузьма-Демьянъ заздалегідь прыготовывъ—розпикае зализни клещи. Отъ, тильки чоловикъ добигъ до кузни, таєсь Кузьма-Демьянъ и роззявывъ двери чоловикъ прожогомъ и влетивъ у кузину. Кузьма-Демьянъ зачынилы вси двери мерщій.

Отъ змій розлютовався, якъ прыскочить до дверей! Разъ лизнувъ языкомъ—дверей мовъ не було! Другий, третій, ажъ до послиднихъ уси одынадцятеро дверей мовъ корова языкомъ злызвавъ!

Отъ якъ проткнувъ же языкомъ уже прозъ дванадцяти дверы, а Кузьма-Демьянъ хилъ ёго за языкъ гарячымъ ажъ червоными клищами!

Тоди де вродився зализный плугъ. (Бо бачыте—винъ святий бувъ!) Узявъ того гадючого змія та й запригъ ёго до плуга.

Якъ запригъ до плуга та й ишовъ—куды свить, куды очи ба-
чуть! Йшовъ, йшовъ, да ажъ до моря дойшовъ... Зміяка захотивъ
піти, да якъ почавъ жмуктити воду згáряча, та на тымъ мисяци
й лопнувъ!

Одже той валь и доси ще звется змійнимъ валомъ.

(Подъ Переяславомъ 1860. Записалъ Т. И. Думитрашко-
Раичъ).

22.

Не можно знаты, колы кому вмираты.

Якъ ходывъ Богъ съ Петромъ по земли. Йдуть... а мужыкъ
тынъ городыть. И говорывъ Господь съ святымъ Петромъ, що
каже: «святый Петре! ото чоловикъ городыть,—усёго тыцovi стояты
тому трь дни... А иди, каже, святый Петре, спытай, що винъ
робыть!»

Прыходыть святый Петро и пытае ёго: «що ты, каже, чо-
ловиче робышъ?»

- А ще-жъ, каже: тынъ городю!
- Що-жъ ты некріпкый, каже, такыі городышъ?
- Такъ, каже, чоловиче: на мій вікъ хвате!
- А якый же, каже, твій вікъ?
- Бо мени, каже, вже, чоловиче, у тимъ мисяци вмираты!

Отъ винъ верпувсь, святый Петро, до Господа небесного и
говорыть Ёму, що каже: «сказавъ: городю тынъ, и на мій вікъ
хватыть».

«Э, каже: святый Петре! треба-жъ ёму, каже, такъ даты,
щобъ винъ не могъ розсуждати цёго!»

Отъ воны знялъсь и пишли видъ ёго въ даль.

Посли тóго, поговорывши мижъ собою, и пославъ Господь
святого Петра упъять ёго, того чоловика спытать.

Прыйшовъ святый Петро и то пытае ёго... дали подывытись
святый Петро, що винъ начавъ крипшый уже тынъ робыты... А
винъ не візнавъ ёго, святого Петра.

И впъять святый Петро спрашуе: «Що ты, чоловиче, робышъ?»

— Та, каже, тынъ городю!
«Чы довго-жъ винъ буде, каже, стояты»?

Винъ знявъ шапку и ставъ голову чухаты... и не мигъ бильше ничего отвитыты. Думавъ, думавъ... и впосли сказавъ: «Богъ зна, покы стоятыме! И забувъ того, що винъ зная що колы ёму вмыраты!

Вернувшись святый Петро... а Господь каже: святый Петре! а якъ лучше буде: якъ знатымуть люде, колы имъ умыраты, чы якъ не знатымуть»?

— А що-жъ, каже, Господы, не знаю сыль Твоихъ!

А Господь каже: «що мы есть за отци, що позволимо усякому знаты, кому колы вмыраты»!

(Полтава. 1864. Записано отъ старика).

23.

Чому жинка не старша.

Колысь, якъ жинка старша була одъ чоловика, дакъ прыйшла пьяна изъ корчмы, и лежавъ Павло одъ краю. Вона заразъ крайнёго почала быть, а посли уже пишла, погуляла зновъ.

А Богъ сказавъ, щобъ уже Петро лигъ одъ краю, а Павло въ середыни. А вона прыйшла да говорыть: «уже», говорыть, «крайнёго была, а вже, говорыть, цёго!» — та й зновъ начала Павла быть. А посли уже Богъ лигъ одъ краю. А вона прыйшла зновъ, говорыть: «я была цёго и цёго а ще цёго», говорыть, «не была!», та почала быть Петра и вухо одбыла Петрови. Петро сказавъ: «Господы! (говорыть) ухо одбыла!»

— «Беры», говорыть, да тулы! Нехай, говорыть, прыростае!

А воно и прыросло зновъ.

И тоди вже Богъ сказавъ, щобъ уже чоловикъ бувъ старший, а щобъ жинка вже меньча була.

(Кievъ, отъ старой женщины).

24.

Р у с а л к а .

Русалки—нехрыщени диты: котре вмре, да не перехрыщене, такъ то—русалка.

Ховають ихъ у хати на порози и коло синешныхъ дверей на порози, пидъ стрихою ховають, пидъ хатою—такъ де. Їхъ на гробовыщахъ не годится ховать, а въ городи коло хаты, усе коло хаты блыжче. Для того щобъ маты, якъ итыме, щобъ перехрестылась—такъ русалка не буде. Маты вже перехрестытся на тій могыли що-вечира, щобъ не русалка була. Килько тамъ разъ иде черезъ могылу, такъ щобъ усе молылась на тій могыли, то та дытына не буде русалкою, а то—вылизе, русалка буде!

Русалки—по гаяхъ, по травахъ, у води и по жытахъ живуть. Воны тилько литомъ живуть, а зимою ховаются; хто ёго зна вже, де воны—ихъ не бачить зимою.

А на святу недилю, такъ самы воны ходять по травахъ и, якъ піймають кого,—залискочутъ. И хочь якъ чоловикъ дужый, то іи не поборе—залискоче! Хочь скілько тамъ душъ буде, то всіхъ русалка поборе. Вона, кажуть, лыскотатyme, то та людина буде сміяться, покы и посыніе. Одъ іи не одхристышся! Одъ чорта одхристышся, а одъ неи ни; вона хреста не боится. Тилько чортъ боится, а вона не боится. А якъ залыскоче—покыне. Вона, якъ оце піймае на св. недилю тамъ, у трави, кого, такъ вона и пытае: «шо твоя маты варыла?» То та людина якъ скаже: «борщъ та полынь варыла!»—то та пусте, ничего не зробе; а якъ скаже: «борщъ та кашу», такъ залескоче, скаже: «ступай у нашу!»

Дивки, якъ смили, то ходять съ полыннямъ у берегъ по травахъ. Якъ визьмуть зъ собою полынь, такъ бачать русалокъ и беруть ихъ за поясъ. Вона имъ ничего не зробе. А якъ безъ полыню, такъ позалыскочуе.

Іи и сокырою рубай, такъ не перерубаешъ,—вона такъ якъ зализна! Хочь и перерубаешъ падвое, такъ вона зновъ однакова;

хочъ ты іи побый чисто, такъ вона зновъ однакова— нечыста сыла!

Вона така, якъ дытына маленька: якъ уродытся дытыночка,— таке воно и ѹе. Вона и котомъ перекыдается!

Воны и ростуть... Выросте и дивкою велыкою зробытся.

У нась кажуть, шо бувъ чоловикъ, убогий соби та стрелець таکый добрый! та ходывъ на охоту по лисови, да ѹде, да ѹде,—колы сидыть чоловикъ на дубови та й кричыть: рятуйте! А то—нечыста сыла кричала на дуби «рятуйте»!

Отъ той чоловикъ и каже: «постій, я тебе порятую! да якъ прыйшовъ да якъ бухнувъ—да й убывъ. Той, шо на дуби сидивъ, якъ упавъ зъ дуба, такъ нас克розвъ такъ и пишовъ прозъ землю нежывый. И дирка така стала здорова—земля провалылась. Отъ той чоловикъ у недилю на выгони такъ, якъ збирается громада, та й винъ и похвалыўся, шо такъ и такъ мили було. Отъ дакъ воны тамъ зачалы... Хотили ёго въ судъ у полыцю заразъ, шо «ты вбывъ чоловика!»

Такъ винъ каже: «постойте, я васъ поведу, я, каже, покажу вамъ и ту дирку и самъ полизу!»

Отъ громада пишла туды, и веревокъ забралы. Дакъ випъ тоди каже: я полизу! Тоди веревкамы ёго прывязалы, такъ винъ у ту дирку и пролизъ у землю. Такъ дирка, якъ чоловикъ упавъ клубкомъ,—така дирка и ѹе! Такъ той чоловикъ полизъ туды. Лизе да и лизе... Веревокъ тридцять мо звязувалы и пускалы того чоловика... Колы лизе да и лизе, ажъ тамъ горныци таки гарни проты тієи дирки и на доливди чоловикъ той лежыть та й росплатався—нежывый! Отъ и дивка тамъ пораєтся въ тыхъ горныцахъ така хороша, въ сподныци! И вона зъ тымъ чоловикомъ балакала, каже: «я зъ вашыхъ людей!» Такъ той чоловикъ іи взявъ зъ собою. Веревкою якъ здигнувъ, такъ воны и тяглы ту дивку и чоловика того—громадою. Дакъ та дивка балакала зъ тымъ чоловикомъ ажъ сюды вже вытяглы, такъ стала малюсинка дытынка въ рукахъ—може тій дытыни и года не було! А тамъ—дивкою була!

И маты найшлась тій дытыни: у тимъ же сели вкравъ винъ дытыну. Такъ ту дытыну охрестылы.

А той чоловикъ бувъ—нечиста сыла, чортъ, марюка!

Якъ дытына народытса та свитло не горыть цилу ничъ (якъ дытына ще не обхрыщена: мо, попа нема, або-що...), такъ винъ украле, переминить: хлопця положить, а дивчыну соби визьме. Якъ визьме, то то маленъке буде, а стане въ ёго дивка! Вона въ ёго все дило робыть. И цилый викъ вона въ ёго, вона вже въ ёго не вмре, и вона вже стане така якъ и винъ. А якъ сюды вынесутъ, то стане зновъ мала. (Переясл. у.. записано со словъ).

25.

Липыть Богъ вивци зъ глею, а чортъ дывытса. Богъ излипывъ одну, дмухнувъ,—вона: ме—э—э! та и побигла; злипывъ другу, дмухнувъ; вона бе—э—э! та й побигла...

А чортъ дывытса та й соби липыть! Излипывъ козу! та дмухавъ, дмухавъ, и казавъ, шобъ побигла, такъ не бижыть! Такъ винъ прыйшовъ до Бога. «Господы!» каже: «я бачывъ, якъ Вы липылы, та й самъ излипывъ таке same,—такъ не бижыть!»

А Богъ глянувъ... «Э! це, каже, не вивця, це—коза!»

— Нехай же, каже: Господы, и мое за Божою мылостьюю иде, нехай и дійвечко зъ неи буде, нехай воно буде благословенне!

«Нехай!—каже Богъ та й дмухнувъ, а вона; ме—ке—ке! а вивци видъ неи, а вона бижыть до овець такы, покы потоварышувалась.

И теперъ коза—передъ веде вивцямъ! Такъ Богъ давъ!

А чортъ такы: «э! каже: я такы злиплю таке same, якъ и Богъ (злипывъ), и я дмухну такъ якъ Богъ!..

Узявъ—излипывъ вовка! «Оце жъ, каже: зовсимъ таке, якъ Богъ липывъ, ище и лучше!»

Отъ винъ дмухавъ—дмухавъ,—вовкъ не йде! Тоди винъ зновъ до Бога:

«Господы!» каже: я злипывъ таке, якъ и Вы, такъ дмухавъ, дмухавъ,—не встae!

Томъ 90.—Іюль-Августъ. 1905.

I-11

Прышовъ Господь, подывысь... «Э, ни, каже: дьяволе, це вовкъ!»

— А що жъ зъ ёго каже, Господы, буде?

— А що жъ! каже Богъ: чы ты хочъ, щобъ винъ ожывъ, скажы ёму: вовче, вовче, зйижъ чорта,—то винъ и ожыве».

Богъ и пишовъ.

А винъ и каже: «вовче, вовче, зйижъ Бога!

Вовкъ не встae.

А винъ тоди взяvъ ёго та й прыволикъ до берега и до вильхи и до воды (ото вже—думка, що на вильху втече!), та тоди и каже: *вовче, вовче, зйижъ чарта!* А вовкъ якъ схватывся та до ёго! А винъ на вильху и утиkъ.

Та такы вовкъ ёго обранывъ,—вырвавъ п'яту ёму!

Винъ черезъ це—*Гнатко-безпъятко!* Такъ винъ и называется—*безпъятый!* (Полтава. Павло Кыслый).

26.

Колосокъ.

Господь ходывъ по земли. А тоди жыто було—одъ земли колось у все стебло. И люде не вмилы жаты. Господь изъ Петромъ ходывъ по земли въ двохъ зъ апостоломъ. И дывытся Господь, що воны колють шыламы, пиддовбуютъ стебло, та ніякъ. Такъ Винъ узявъ—серпъ изробывъ; до коваля пишли, зробили серпъ. Прышли на ныву Господь и Петро. Господь и каже: Петре, нажны пивкопы (тридцять сношивъ) и клады у полукипокъ, щобъ воны знали, якъ складаты, и положы серпъ на верхъ снопу, щобъ воны бачылы.

Воны выходять на ранокъ, дывлятся—накладано полукипокъ, и лежыть ключка зализна. И воны дывуются, такъ боятся приступты, не насміютъ: нема такого, хто-бъ доставъ тую ключку.

Такъ одынъ тамъ бувъ Тымоха смилый. Отъ винъ хворостыну взяvъ и той серпъ изняvъ. А серпъ по хворостыни добигъ та ёму на шую. А винъ — за ручку: хотивъ скынуты, та соби шую й обризавъ. Ти люде розбиглыся—передякалысь.

Господь Петрови святыму: ходимъ, каже, а то воны порижутся тильки.

Прыходять. «Здорови будьте! Здорови будьте, люде Божи! Що тутъ у вась? Та тутъ, кажуть, таке лыхо.

Та, каже, воно -- ничего; це каже показаніе одъ Бога, якъ вамъ оцымъ серпомъ хлибъ святый жаты. Отъ возъмы оцей серпъ за ручку та й жатымешъ оттакъ. Давъ одному чоловикови. Той узявъ нажавъ... Ну, каже, и ты!—(другому) и ты! (йшѣ одному) Отъ, щобъ було у вась—жаты!

(Полтава).

Ходывъ Господь по земли. А хлибъ тоди бувъ—корха не було а на все стебло колосокъ.

Заходить Господь до однії хаты, мылостыни просить. А въ тій хати дытына вкалялася и гречаныкъ вкаляла. А маты й вынесла цей гречаныкъ, подае. Такъ Господь изъ Петромъ поднялись па воздухъ и хлибъ у жменю забралы. Такъ собака завыла: Господы! хочъ на мою долю зоставъ!

Такъ Богъ зоставывъ те, що не дошморгнувъ до верха стебла. Отто собака выпросыла, а тобъ бувъ и того не зоставывъ.

Полтава Павло Кыслый.

Колись оце, що въ насъ жыто оце росте, такъ одъ самой земли бувъ колосокъ ажъ у вершокъ—таке жыто було! Такъ люде й кажуть, що «Богъ зна яке жыто!»—не вгодне вже имъ. Даcъ Богъ якъ узявъ—изъ кориня якъ шморгнувъ, то ото на собачу долю та на кошачу зоставывъ колоска: собаки й кишкы на лапкахъ стоялы, въ Бога ласки прохалы, щобъ Богъ зоставывъ жыта, а тобъ чисто не було—солома! Колись дурни люде булы! Що, якъ одъ самой земли зерно ажъ у вершокъ, та сніпъ нажны! А теперъ мы собачу долю йимо та кошачу!

Переяслав. у. Волошиновка. Хлопець лить 13—14.

27.

Папороть.

Той, якъ ёго?... Одже й не здумаю... Папороть!.. Хто ёго достане, такъ знатыме, де гроши, де все...

Ну, тильки-жъ воно й трудно й страшно.

Одынъ чоловикъ — такъ господський (ще якъ булы господськими) — та й найшовъ ёго де винъ есть; темнои ночи напротывъ купала Йвана, найшовъ та й сидыть — дожыдае, покы винъ зацвите. Сидыть... Тильки це — де не взялась квочка! Така страшна: квокче, надулася, наскакуе на ёго, клюе, крыламы бъе! Винъ — байдуже — сидыть.

Пронала квочка.

Колы це — копыця гаряча идё, сунется. Винъ сидыть. Вона черезъ ёго, — сидыть! Потимъ того — вода! Такъ и верше, такъ и верие горою! Такъ якъ горы отто ѹе, то такъ вода: шумыть, клекотыть... А винъ не потура, сидыть. Перейшла вода, — винъ не вставъ!

А це ивить — тильки що зачына цвисты! Писля тієи воды — козаки! Якъ набиглы зъ нагайкамы, якъ узялы ёго чистыты! Такъ и тó — не злякавсь, покы такы папороть зацвивъ! Винъ тоди цвить узявъ, йде вже до-дому.

Приходе у те село у панське. Ажъ выходять заразъ два лакеи на зустрічь ёму и ёго тягнуть до пана: «Де ты, сякий такий сыну, бувъ?»

Прытагнулы до пана. Панъ уставъ, выйшовъ, давай ёго допытуваты: «де ты бувъ?» — и ризкамы ёго хотили быты.

Винъ прызнався передъ паномъ... Колы це — нема ничего! Нема того и пана, нема и тыхъ лакеивъ! Винъ до-дому та й заснувъ.

И съ ёго вкрадено той цвить, — такъ и пропало!

А то — ыдолы все заходылысь коло ёго, щобъ цвить одибрать!

А то—чумакъ: волы пасъ. Воны поочередно волы пасуть. Тильки — загубывъ винъ волы и бига, шука. Це було проты цёго дня самого.

Бигаючи, винъ и самъ не знаявъ и не дывывся, куды ступае: ёму одно на думци—де волы дилися.

И наступывъ винъ ногою на той цвиточокъ, и бижучы—стебельце струснувъ, незнамки зацепывъ: цвиточокъ и упавъ за ностиль.

Якъ упавъ, такъ винъ—той чумакъ—заразъ узнавъ, де и волы, и все: ставъ усе бачыты! И бачывъ гроши, де закоцано, и скризъ, куды не повернется, то все зна.

Тилько: два бабы случаются ёму на зустрічъ (то вже и бабы тії—偶像ы!) Тильки: просить ёго—земли зъ-за постола. Кажуть такъ,—лцо «мы ходымо; шепчено,—такъ дай намъ тії земли: вона для насъ удобна».

Винъ не дае, каже: «мини николы,—треба до обозу гнаты волы. (Уже зна, де воны зайшли, та поспиша до ныхъ). Такъ ни: «дай тай дай»! И воны, тії цыганки, поты ёго морочылы, покы такы выманылы въ ёго ту землю.

«Берить каже, та швидче, бо мени николы!»

Такъ воны ёго попросылы, щобъ зъ правого постола напередъ отрусовавъ землю. Винъ вытрусывъ... Воны ёму подякували... Винъ пишовъ...

Якъ пишовъ, тоди зразу забувъ усе и не взнавъ уже ничего — забувъ! И зоставсь такъ! и пропало такъ! Винъ не мигъ згадать, що воно й було, тилько вписля догадався: «Э, каже: було бъ, каже, не даваты земли!

(Полтава. Павло Кыслый).

Кіевскій соборъ въ 1629 году.

---

29 числа сего іюня исполнилось 276 лѣть, какъ въ нашей Кіево-Успенской Печерской лаврѣ были открыты соборныя засѣданія. На открытие этого собора, имѣвшаго продолжаться въ теченіе двухъ недѣль, начиная съ 29 іюня, далъ разрѣшеніе польскій король Сигизмундъ III еще въ началѣ января 1629 года. Вслѣдствіе королевскаго разрѣшенія кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій составилъ пригласительную грамоту и, напечатавши ее въ типографіи Кіево-Печерской лавры 12 апрѣля того же года, а затѣмъ подписавши своею «власною рукою» и приложивши печать, разослалъ ко всѣмъ православнымъ, входившимъ тогда въ составъ Кіевской митрополіи¹⁾). Архипастырскою грамотою приглашались на соборныя совѣщанія лица всякаго достоинства «духовнаго и свѣцкаго высокаго шляхетного и нижняго посполитаго стану», но въ ней не было упомянуто о запорожскомъ козачествѣ, которое въ 1620 году главную роль играло въ возстано-

---

¹⁾ Сверхъ архипастырской грамоты, митрополитъ Іовъ Борецкій болѣе важнымъ ревнителямъ православія писалъ особыя приглашенія, а именно—къ Львовскому братству 21 апрѣля 1629 г.; къ князю Григорію Святополку-Четвертинскому того же апрѣля, и къ другимъ. Въ особыхъ приглашеніяхъ онъ просилъ о пособіи лицамъ небогатымъ для поѣздки въ Кіевъ, какъ духовнымъ, такъ и посполитымъ.

вленіи западно-русской іерархіи и всегда считало для себя священнымъ долгомъ охранять права и привилегіи православной церкви.

Хотя Кіевскій соборъ на четвертый день послѣ открытия своихъ совѣщаній былъ закрытъ по требованію уполномоченныхъ отъ запорожского козачества и хотя обѣ этомъ соборъ сохранилось весьма немного свѣдѣній, но такъ какъ эти свѣдѣнія служить весьма вѣскимъ доказательствомъ искренней любви запорожцевъ нашихъ къ православію, то мы считаемъ вполнѣ уместнымъ напечатать ихъ.

Послѣ возстановленія въ 1620 г. западно-русской церковной іерархіи, борьба между православными и униатами значительно усилилась. Православные, вслѣдствіе многочисленныхъ и притомъ весьма тяжкихъ притѣсненій и обидъ, иричненныхъ униатами, въ январѣ 1629 года подали жалобу въ Варшавскій сеймъ и усиленно просили оказать имъ законную защиту и возстановить ихъ древнія права и привилегіи. По совѣту пропагандистовъ католицизма, желавшихъ, чтобы и митрополитъ Борецкій съ подчиненными ему епископами, подобно Михаилу Рогозѣ, попалъ въ іезуитскія сѣти папизма, Сигизмундъ III универсаломъ своимъ приказалъ жалующимся войти въ соглашеніе съ униатами и для этой цѣли предназначилъ въ октябрѣ того же года съездъ или соборъ въ Львовѣ, куда къ 24 числу октября должны были сѣѣхаться обѣ враждующія стороны. Но разрѣшшая православнымъ и униатамъ совмѣстный соборъ во Львовѣ, король, для надлежащаго подготовленія къ нему, предназначилъ тѣмъ и другимъ отдельные соборы: для православныхъ въ Кіевѣ, въ теченіе двухъ недѣль, начиная съ 29 іюня, а для униатовъ въ то же самое время во Владимірѣ-Волынскомъ. Въ настоящей статьѣ мы ограничимся описаніемъ только Кіевскаго собора.

Кіевскому собору предшествовала разсылка упомянутой грамоты ко всѣмъ православнымъ польской короны и великаго княжества Литовскаго. Одинъ экземпляръ этой грамоты, еще нигдѣ не перепечатанный, хранится въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора. Копію съ него мы печатаемъ рѣшительно безъ всякаго

измѣненія. Грамота Іова Борецкаго весьма замѣчательна и потому, что въ ней помѣщены тѣ лица, которыя, по его взгляду, имѣли право участвовать въ совѣщеніяхъ помѣстнаго церковнаго собора.

„Іовъ Борецкій милостію Божіею Архиєпископъ, Митрополитъ Киевскій, Галицкій и всея Россіи,

Всѣмъ послопите Россійскаго рода, какъ въ Короне Польской яко и у великомъ Княжестве Литовскомъ всякого достоинства духовнаго и свѣтскаго Высокого шляхетнаго и нижшаго послоплитогого стану людемъ церкве Святое Восточное Греческое благопослушнымъ сыномъ ласка, покой и милосердіе отъ вседержителя Бога, и благословеніе отъ нашего смиренія.

Ознаймуемъ побожности вашой, ижъ отъ многихъ лѣтъ за великою докукою о успокоене релѣи наше православное Греческое по всѣ часы на сеймахъ валныхъ коронныхъ, за ласкою Наяснѣйшаго Государя Короля Пана нашего милостивого, и за причиною ихъ милостей Пановъ радъ теперь по близко прошломъ Сеймѣ универсаломъ его К. М. есть намъ самымъ православнымъ сыномъ восточного благочестія назначоный часъ до зѣханняся и до згодное намовы на соборъ помѣстній партикулярный въ року теперепнemъ **Ахко** мѣсяца іюля **Ф** ведле нового, а ведле старого іюня **КД** дня на празникъ и свято святыхъ Великихъ Апостолъ Петра и Павла, на мѣсце певное въ мѣсте его К. М. въ Киевѣ, яко бысмы конечно мѣли и могли успокоены быти въ нашихъ велькихъ докучливостяхъ, которые терпимо предъ отступство нѣкоторыхъ щекгульныхъ особъ отъ благочестія нашого, где всякимъ покоемъ и обезпеченствомъ на недѣль двѣ обваровано насъ, на который часъ и мѣсце и соборъ всѣхъ а всѣхъ милостей нашихъ, иле кто сыномъ церкве святое восточное отзыается, пилно а пилно запрашаемъ изъ повинности пастырское и о имени Христовомъ взвываемъ, абы милость Христа и благословеніе нашего смиренія зъ побожностями вашими зоставало: чого милости вапой вѣрно сприяемъ: зъ монастыря Михайловскаго церквѣ Златоверхое, въ Киевѣ мѣсяца Априля **КІ** дня **Ахко** року.

Іовъ Борецкій Митрополитъ Киевскій Галицкій и всея Россіи власною рукою».

Православные, входившіе въ составъ тогдашней Кіевской митрополіи, еще со временъ Брестской унії довольно знакомы были съ іезуитскими дѣйствіями латиноуніатской партіи и потому на предстоявшіе Львовскій и Кіевскій соборы посмотрѣли (что слѣдовало и сдѣлать), какъ на новую ловушку для привлеченія ихъ къ церковному подчиненію папы. Вслѣдствіе сей причины разосланыя грамоты Іова Борецкаго среди ревнителей православія вызвали большое беспокойство и протесты. Уже 29 апрѣля 1629 г., спустя только семнадцать дней послѣ напечатанія грамоты, православные жолнерскаго польскаго полка, находившагося въ предѣлахъ Пруссіи, прислали на родину свою слѣдующій протестъ: дошло до насъ изъ русскихъ краевъ извѣстіе, которому не хотѣлось бы вѣрить, что отъ короля нашего, отъ посполитой Рѣчи и папы Римскаго послѣдовали лукавые замыслы, т. е. что они хотятъ перевести всѣхъ насъ изъ греческой вѣры въ унію... Находясь въ Пруссіи, на службѣ королю нашему и Рѣчи Пополитой, мы вправѣ ожидать награды за наши рыцарскія заслуги, между тѣмъ у насъ замышляютъ отнять нашу греческую вѣру, наше набоженство и наши церкви... Ради самого Господа Бога, умоляемъ всѣхъ, которые имѣютъ присутствовать въ Кіевскомъ соборѣ, заявить тамъ, что всѣ мы, сколько насъ есть въ польскомъ войскѣ, для защиты нашей святой вѣры, готовы пролить нашу кровь... Сей листъ подъ Мальборкомъ, при полномъ собраніи нашего товарищества 29 апрѣля 1629 года подписали: Андрей Шмарчевній съ повѣту Жидочовскаго; Александръ Голатицкій съ княжества Литовскаго; Иванъ Жищевскій съ повѣту Галичскаго; Илія Боярскій съ повѣту Каменецкаго; Иванъ Попель съ повѣту Премыскаго; Иванъ Соколовскій съ повѣту Винницкаго».

Протестація эта, писанная на польскомъ языке, находится въ Кіевской Археографической Коммиссіи.

Гораздо рѣзче и опредѣленнѣе высказались относительно разрѣшенныхъ королемъ Соборовъ ревнители православія, населявшіе Кіевское воеводство. За три дня до открытія Кіевскаго Собора, они въ своемъ протестѣ заявляли, что «королевскій уни-

версалъ, разрѣшавшій соборы въ Кіевѣ, во Владімірѣ (Волынскому) и затѣмъ въ Львовѣ, нарушаетъ права и привилегіи русскаго православнаго народа, и что для нихъ хотя весьма желательно успокоеніе греческой религіи (о чёмъ они многократно, но безуспѣшно хлопотали на сеймахъ), но они хотятъ и требуютъ, чтобы это успокоеніе совершилось безъ всякаго нарушенія ихъ вольностей и привилегій, безъ искаженія церковныхъ обрядовъ, обычаевъ и вѣроученій греко-восточной россійской церкви, съ сохраненіемъ зависимости отъ цареградскаго патріарха. А такъ какъ соборы, предназначенные по распоряженію короля, безъ ихъ вѣдома и согласія, имѣютъ, повидимому, иную цѣль, то они, обыватели Кіевскаго воеводства, протестуютъ противъ открытія соборовъ. Если же эти соборы состоятся и на нихъ сдѣланы будутъ какія-либо постановленія, противныя благочестію и нарушающія древнія права и привилегіи православнаго русскаго народа, то постановленія эти должны считаться необязательными и недѣйствительными».

Протестація эта написана на польскомъ языку и хранится также въ Кіевской Археографической Комміssії.

Митрополитъ Іовъ Борецкій пригласительной грамоты не послалъ запорожцамъ, что, какъ они предполагали, было сдѣлано не случайно, а съ умысломъ. Считая священнымъ для себя долгомъ всегда и вѣдь защищать интересы своей церкви, запорожцы на состоявшейся радѣ постановили избрать изъ своей среды двухъ уполномоченныхъ и послать на предстоящей Кіевскій соборъ съ тѣмъ, чтобы они зорко слѣдили за соборными совѣщаніями и, если найти нужнымъ, потребовали закрытія собора. Послѣ состоявшейся рады, они 15 іюня послали митрополиту Борецкому слѣдующее письмо:

«Преосвященный въ Бозѣ велебный и намъ милостивый и велце ласкавый господине Отче Митрополите!

Унижоная и на всемъ повольные послуги наши рыцарскія залещаемъ яко найсильней ласце и молитвамъ вашей святительской велебности.

Копія зъ универсалу Его Королевской Милости изъ листу, писанного В. М. до всего народу Христіанскаго въ вѣрѣ нашей православной, за порогами нась отъ товариства нашего зъ городовъ дошла, зъ котораго универсалу и листу В. М. зрозумѣлисмо, ижъ есть часть терминъ близко назначоный, то есть въ день Св. Петра, до зѣханяся, яко постановлено, въ Кіевѣ; ачъ впрежде до себѣ отъ В. М. писаня жаднаго немѣлисмо, еднакъ жевучи православными вѣрѣ своей, въ которой есмо народили, для взятя цевное вѣдомости, щось тамъ дѣлается, посылаемъ двохъ товарищовъ нашихъ Андрея Лагоду и Сапрона Сосимновича, и пилне покорне просимъ, абысмо презъ оныхъ о всемъ вѣдомость могли мети, бы што противного было, абысмо завчасу старане мѣли такъ, якобы противникъ помехи не одержаль, кгдышъ тѣ есть повинность наша и каждого христіанина за вѣру умрети. Затымъ и повторе ласце и молитвамъ Вашей Святительской милости отдаемось. Данъ за порогами у Осмѧновцѣ іюня 25 дня 1629 року.

Вашої милости всего добра зычливый и служить готовый Леонъ Ивановичъ зо всимъ войскомъ запорозскимъ Его Королевской Милости.

Списано съ копіи, находящейся въ Кіевской Археограф. Коммиссії.

При прописанномъ положеніи дѣлъ, отъ предстоявшихъ соборовъ нельзѧ было ожидать благопріятныхъ послѣдствій для латино-уніатской партії, во главѣ которой стояль польскій король Сигизмундъ III. Таковое положеніе дѣлъ вполнѣ сознавалъ и митрополитъ Іовъ Борецкій, а потому безошибочно слѣдуетъ предполагать, что онъ рѣшился открыть Кіевскій соборъ 29 іюня, въ назначенное королемъ время, главнымъ образомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы пощадить гоноръ найяснѣйшаго своего короля и не выставить себя ослушникомъ верховной польской власти.

Дѣйствительно Кіевскій соборъ пришелъ въ разстройство при самомъ своемъ началѣ. Въ польскомъ королевствѣ на церковныхъ соборахъ, созываемыхъ съ разрѣшенія правительства, обязательно присутствовали королевские комиссары, которые должны были наблюдать за порядками на соборныхъ совѣщеніяхъ. Таковыми ко-

мисарами на Кіевскій соборъ были назначены со стороны латино-уніатовъ князь Александръ Заславскій, ревностный защитникъ упїи, а со стороны православныхъ—Адамъ Кисель. Между тѣмъ удалить князя Заславскаго отъ присутствованія на соборныхъ засѣданіяхъ члены собора опасались, такъ какъ это было противно государственнымъ законамъ и сочтено было бы за бунтъ.

Принимая во вниманіе заявленныя протестаціи противъ собора и крайне тревожное настроеніе ревнителей православія прибывшихъ въ Кіевъ, Іовъ Борецкій колебался открывать соборныя совѣщанія, но накнецъ вынужденъ былъ открыть ихъ, вслѣдствіе настоячивыхъ требованій князя Александра Заславскаго и Адама Киселя.

Соборъ открылся 29 іюня въ Кіево-Печерской лаврѣ послѣ литургіи, которую совершаль самъ митрополитъ. Но какъ только было открыто засѣданіе и маршалкомъ (предсѣдателемъ) былъ избранъ князь Александръ Заславскій, тотчасъ среди ревнителей православія произошло сильное волненіе и многіе изъ нихъ громогласно заявили, что королемъ предзначены соборы не для успокоенія греко-восточной религіи, а въ исключительныхъ интересахъ уніатовъ, для подавленія унію православія и для привлеченья православныхъ подъ власть римскаго папы, и затѣмъ настоятельно потребовали закрыть соборъ. Митрополитъ не находилъ возможнымъ исполнить это требованіе; его поддержали нѣкоторые изъ членовъ собора, опасавшіеся закрытиемъ собора оскорбить короля и навлечь на себя гнѣвъ. Но въ это время со стороны прибывшихъ на засѣданіе козаковъ послышались слишкомъ недовольные голоса. Князь Заславскій именемъ короля приказывалъ козакамъ, какъ лицамъ неприглашеннымъ на соборъ, не медля удалиться изъ засѣданія, но на таковое приказаніе козаки не обратили вниманія и продолжали громогласно требовать закрытія собора. Члены собора должны были разойтись. На слѣдующій день соборъ опять открылся въ лаврѣ; но опять явились козаки и заявили настоятельное требованіе о закрытіи собора, угрожая въ противномъ случаѣ прибѣгнуть къ насилию. На четвертый день послѣ открытія собора нѣкоторые изъ членовъ его

собрались въ Пустынно-Никольскомъ монастырѣ, но собрались только для того, чтобы заявить маршалку князю Заславскому о невозможности продолжать соборныя засѣданія и о закрытіи собора

Благодаря главнымъ образомъ противодѣйствію запорожцевъ, въ нашей отечественной церкви не повторилось то, чего достигли въ 1596 г. на Брестскомъ соборѣ пропагандисты католицизма.

Послѣ закрытія Кіевскаго собора, Іовъ Борецкій уже не считать нужнымъ присутствовать и не присутствовалъ на Львовскомъ соборѣ, на которомъ, по распоряженію Сигизмунда III должно было состояться примиреніе между православными и униатами.

Протоіерей Петръ Орловский.

Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиції.¹⁾

Въ № 127 «Кievскихъ Откликовъ» появилась статья: «Русинскій вопросъ въ цифровомъ освѣщеніи»: Авторъ ея, г. К. (такъ подписьана эта статья), въ свое мъ письмъ въ редакцію, напечатанномъ при статьѣ, поясняетъ, что имъ, какъ полякомъ, руководило желаніе возстановить репутацію своихъ галицкихъ соотечественниковъ и устранить «весьма обидное для поляковъ мнѣніе о производимыхъ ими притѣсненіяхъ русиновъ», и выражаетъ надежду, что опубликованіе статьи его, «способствуя выясненію истины», послужить «дѣлу примиренія родственныхъ между собою народностей, населяющихъ и юго-западный край». Исполняя желаніе автора, редакція высказала пожеланіе, чтобы статья вызвала спокойный и беспристрастный обмѣнъ мнѣній и послужила выясненію взаимныхъ отношеній двухъ народностей, населяющихъ Галицію.

Какъ кievлянинъ по происхожденію и воспитанію, силою обстоятельствъ перенесенный въ центръ галицкихъ, польско-русинскихъ отношеній, я считаю своимъ долгомъ откликнуться на призывъ, заключающійся въ словахъ редакціи, и съ своей стороны посильнѣо содѣйствовать выясненію польско-украинскихъ

---

¹⁾ Съ любезнаго разрѣшенія автора, мы перепечатываемъ эту статью цѣлкомъ изъ газ. «Кievskie Отклики» (№ 141, 148, 161 и 189).

отношений Галиції. Я всегда интересовался национальными отношениями вообще и польско-украинскими въ частности. Они имѣютъ за собою почтенную историческую давность, и изученію ихъ исторіи я посвятилъ немало труда, а проживъ одиннадцать лѣтъ въ центрѣ галицкой жизни, имѣлъ достаточно возможности ознакомиться съ ихъ настоящимъ. Установленіе справедливыхъ национальныхъ отношений въ Українѣ правобережной (т. е. юго-западномъ краѣ) является для меня вопросомъ чрезвычайного значенія и интереса, и я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ автора статьи, что уясненіе галицкихъ национальныхъ отношений съ этой точки зрѣнія можетъ быть весьма полезно. Этого уясненія, однако, трудно достигнуть нѣсколькими цифровыми табличками и общими фразами—цифры требуютъ нѣкоторыхъ объяснительныхъ комментарievъ, а общіе выводы—болѣе детальныхъ наблюденій, и чтобы понять смыслъ и значеніе национального спора Галиціи (споря весьма поучительного съ разныхъ точекъ зрѣнія тѣхъ общественныхъ отношений, къ которымъ открываетъ дорогу нынѣшнее освобожденіе Россіи), мы должны войти въ этотъ вопросъ нѣсколько глубже.

I.

Авторъ «Русинского вопроса», какъ обыкновенно поступаютъ защитники польского господства въ Галиції, исходить изъ современного соотношенія культурныхъ силъ поляковъ и русиновъ, то есть изъ того, что называется «состояніемъ владѣнія» (*status possidendi, Besitzstand*). Онъ указываетъ на то, что если взять отношение студентовъ, учениковъ, профессоровъ русинъ и поляковъ, и вообще культурныхъ силъ и средствъ русинскихъ и польскихъ; то число школъ, гимназій, каѳедръ и т. д. съ русинскимъ языккомъ вполнѣ достаточно, даже слишкомъ велико; что русинамъ не ставится никакихъ препятствій къ достижению учебныхъ степеней, занятію должностей; что они въ большомъ числѣ встрѣчаются среди преподавателей гимназій, а судебный отдѣлъ положительно ими переполненъ; «въ мѣстномъ центральномъ

учреждениі они занимаютъ много должностей по выбору» (фраза, настоящій смыслъ которой остается мнѣ неяснымъ), словомъ, если взять пропорцію культурныхъ силъ русиновъ и поляковъ, то русины оказываются въ положеніи даже привилегированномъ, (это отзвукъ того, что въ Галиціи означается техническимъ терминомъ: «угнетеніе русинами поляковъ», ucisk polaków przez rusinów), и если они не имѣютъ больше, чѣмъ сколько имѣютъ въ настоящее время, то виною тому только слабость ихъ собственныхъ силъ, недостатокъ культурности, «равнодушіе къ наукѣ», словомъ, ихъ собственная несостоительность, обезоруживающая ихъ претензіи и непозволяющая имъ использовать даже тѣ средства и возможности, которыя имъ уже предоставлены.

Авторъ остается на почвѣ интересовъ и силъ культурныхъ; другіе защитники польского господства переносятъ эту аргументацію и на почву экономическихъ отношеній, указывая, что поляки, въ качествѣ представителей крупной собственности и капиталистической буржуазіи, представляютъ, сравнительно съ русинами, болѣе значительную платежную силу и съ точки зрењія конституціонной (буржуазной) должны пользоваться болѣшимъ вліяніемъ, болѣшимъ голосомъ въ управлениі края и его представительствѣ. При этомъ, защитники польского господства, какъ, и авторъ, отчасти пользуются статистическими данными, отчасти общими соображеніями о неспособности русиновъ использовать ту возможность самоопределенія и развитія, которая имъ предоставляется, и о «болѣе высокой культурѣ» поляковъ, вслѣдствіе которой русины подпадаютъ культурному вліянію польского элемента, и т. д. Какъ мы будемъ имѣть случай видѣть, даже исходя изъ такой сравнительной оцѣнки современныхъ культурныхъ и экономическихъ силъ обѣихъ народностей, нынѣшнее состояніе господства (*stan posiadania*) поляковъ въ Галиціи совершенно не паходитъ себѣ оправданія ни въ цифрахъ, ни въ фактахъ, могущихъ служить мѣрою силъ и средствъ обѣихъ народностей. Но прежде чѣмъ перейти на эту почву, мы должны напомнить, что такой учетъ современныхъ отношеній далеко не является единственнымъ принципомъ, съ точки зрењія котораго можетъ и должна быть про-

изведенна оцѣнка національныхъ отношеній Галиції. Существуютъ другія точки зренія, гораздо болѣе существенныя, и прежде всего точка зренія историческая, на которую я позволю обратить вниманіе читающаго эти строки. Это впрочемъ не история хартій и привилегій, а история общественныхъ и культурныхъ отношеній.

Русины и поляки въ Галиціи не представляютъ изъ себя двухъ незнакомцевъ, встрѣтившихся въ настоящее время на новой, нейтральной почвѣ и устанавливающихъ *modus vivendi* на основаніи учета численныхъ отношеній и экономическихъ и культурныхъ средствъ обѣихъ національностей. Я разумѣю тутъ, конечно, восточную, украинскую, русинскую Галицію, которой, собственно, принадлежитъ это имя и которая является ареною польско-русинскихъ культурныхъ отношеній и борьбы, почти не затрагивающей западной (польской) ея части—Краковскаго воеводства, старой Польши, между тѣмъ какъ восточная Галиція составляла, въ главныхъ чертахъ, воеводство Руское, носившее это характеристическое имя все время существованія польской Рѣчи Посполитой¹⁾). Национальная польско-украинская отношенія въ этомъ краѣ, со времени славянского разселенія заселенномъ южною (украинскою) вѣтвию восточнаго славянства (говорю обѣ отношеніяхъ національныхъ внутри края, оставляя въ сторонѣ предшествующую политическую борьбу Руси и Польши за пограничныя земли), завязываются въ половинѣ XIV в., когда въ 1349 г. поляки явились сюда какъ завоеватели, подъ предводительствомъ Казимира Вел. Какъ свидѣтельствуютъ современники и болѣе поздніе писатели, въ тѣ времена Галичина представляла богатый, изобильный дарами природы, благоустроенный край, съ могущественною туземною аристократіею, богатыми городами, оживленными сношеніями съ западной Европой и Востокомъ. Экономически и культурно она стояла если не выше, то во всякомъ случаѣ едвали

¹⁾ Въ Галичинѣ по старой традиціи термины: Русь, русин, русский обозначаютъ національность малорусскую (украинскую—по принятой теперь терминологіи).

ниже современной Польши¹⁾). Съ тѣхъ поръ, съ небольшимъ интерваломъ послѣ первого раздѣла Польши (когда австрійская бюрократія взяла было администрацію Галиції въ свои руки), въ продолженіе слишкомъ пятисотъ лѣтъ Галичина находилась во власти поляковъ: во владѣніи Польши и подъ польскимъ господствомъ—подъ владѣніемъ Австріи. Въ продолженіе пятисотъ лѣтъ поляки исполняли здѣсь, среди туземнаго русинскаго населенія, свою «историческую культурную миссію», о которой все еще очень серьезно, съ энтузіазмомъ говорить польская исторіографія и польская публицистика. И что сдѣлалось съ этою «текущею медомъ и млекомъ» землею, чаровавшею своею роскошью и багатствомъ средневѣковыхъ польскихъ историковъ, за эти пятисотъ лѣтъ польской опеки, польской культурной миссіи?

Состояніе, въ которомъ получила Галицію австрійская бюрократія въ 1772 г., подводитъ итоги польского управлениія, польской культурной работы въ этомъ краѣ²⁾. Она получила край страшно бѣднымъ и отсталымъ. Торговля и ремесла были въ упадкѣ, города наполнены полугоядными евреями; крестьянство забито, подавлено, разорено; туземный элементъ презентовался полуграмотнымъ духовенствомъ, польскій—своевольно, малокультурно шляхтою. Столѣтіе дальнѣйшаго господства поляковъ въ краѣ увѣничалось тѣмъ состояніемъ, въ какомъ видимъ восточную Галичину теперь: краемъ наиболѣе запущеннымъ, наиболѣе бѣднымъ, наиболѣе темнымъ во всей Западной Европѣ; краемъ безъ торговли, безъ промышленности, совершенно пассивнымъ въ своемъ балансѣ; краемъ, гдѣ голодный тифъ является совершенно обычнымъ и регулярнымъ гостемъ; краемъ, въ которомъ дневной заработокъ взрослого работника колебался между 15—20 кр. (12—

¹⁾ Объ этомъ всемъ писалъ я подробнѣо въ своей «Історії України Руси», т. III, IV, V; потому не считаю нужнымъ входить въ детали и цитировать источники; вкратцѣ о польско-украинскихъ отношеніяхъ въ моемъ «Очеркѣ исторіи украинскаго народа».

²⁾ Memorial Antoniego hr. Pergena pierwszego gubernatora Galicyi o stanie kraju—Kwartalnik histor. 1900.

15 коп.), до послѣднихъ крестьянскихъ стачекъ, подавленныхъ, впрочемъ, «желѣзною рукою» польской бюрократіи; краемъ, по числу безграмотныхъ составляющимъ настоящее черное пятно на картѣ Европы; краемъ, прославленнымъ самоуправствомъ своей администраціи и неслыханными «разбоями» въ выборахъ, производимыхъ искусствомъ рукою той же администраціи, словомъ, ославленнымъ краемъ нищеты, эпидеміи и безправія, широко популярнымъ съ этой стороны у ближнихъ и дальнихъ сосѣдей.

На днѣ послѣдняго круга этой юдоли горя и мрака очутились старые хозяева края—русины. Передъ своимъ пробужденіемъ, совершившимся въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XIX в., они представляли почти исключительно этнографическую массу, состоявшую изъ совершенно подавленного, темнаго и; до крайняго экономического истощенія доведенного крестьянства, между тѣмъ какъ единственную интеллигенцію (весъма невысокаго качества) составляло духовенство; и представители господствующей народности, польскіе шляхтичи, въ 1860-хъ гг. торжественно заявляли въ галицкомъ сеймѣ, что они не знаютъ русинскаго народа—знаютъ только мужиковъ и поповъ (*niema Rusi, sa popi i chłopów!*)!

Старое боярство Галичины, подорванное конфискаціями и отобраниемъ имѣній, сразу отодвинуто было на дальний планъ привилегированными пришельцами, и его остатки утонули въ морѣ польской шляхты. Всевозможными запрещеніями и исключеніями русины были оттиснуты отъ муниципальной жизни, отъ торговли и ремесль. Крестьяне, съ развитиемъ барщины и доминіальной власти, обращены въ безгласный рабочій инвентарь чоцькихъ помѣщиковъ. Земля и угодья перешли въ руки польской шляхты (послѣднимъ актомъ было присвоеніе помѣщиками, послѣ упраздненія подданства (въ 1848 г.), угодій, находившихся въ общемъ пользованіи помѣщика и крестьянъ: безчисленные процессы крестьянъ съ помѣщиками за эти «ліси і пасовиска», лѣса и пастбища, были проиграны крестьянами въ галицкихъ судахъ). Лишенное образовательныхъ средствъ, духовенство упало до уровня полуграмотныхъ «лутаковъ», пока не подняли его

уровня мѣры австрійского правителества. Духовная жизнь народа низведена до убогихъ остатковъ церковной литературы и устной словесности. До такого убожества дошла галицкая Русь предъ своимъ возрожденiemъ—и, несмотря на геройскія усилия послѣднихъ десятилѣтій, она и теперь недалеко ушла отъ этого печальнаго положенія.

Состояніе, несомнѣнно, жалкое. Но вмѣсто того, чтобы на этомъ фактѣ, т. е. что сравнительно съ польскимъ элементомъ, господствовавшимъ въ этомъ краѣ въ продолженіе пяти столѣтій и сохранившимъ по сіе время свою привилегированную позицію, элементъ русинскій оказывается болѣе слабымъ экономически и культурно (самъ по себѣ польскій элементъ также не высоко зашелъ въ экономическомъ и культурномъ преуспѣяніи и можетъ соперничать только съ подавленнымъ вѣковымъ гнетомъ элементомъ русинскимъ),—вмѣсто того, говорю, чтобы на этомъ фактѣ основывать права на дальнѣйшее господство поляковъ въ Галиції, права держать въ черномъ тѣлѣ русиновъ и пользоваться всѣми экономическими и культурными средствами края (находящагося теперь въ ихъ безконтрольной власти) исключительно въ интересахъ своей народности и ея национальныхъ интересовъ,—мы должны спросить: господа поляки, вы пять столѣтій господствовали въ этомъ краю и насаждали въ немъ культуру, какъ говорять, ваши историки и публицисты,—почему же этотъ край вообще и его туземное населеніе въ частности очутилось въ такомъ невозможно жалкомъ состояніи? что сдѣлали вы за время вашего господства для поднятія его изъ этого жалкаго состоянія? Вы овладѣли его землями и водами—что дали вы ему взамѣнъ? Вы сдѣлались господами на его землѣ и русины стали «паймутами», работающими на дворахъ и поляхъ вашихъ,—зачѣмъ же заграждаете имъ пути къ улучшенію быта, къ возстановленію ихъ человѣческихъ правъ?

Это одна точка зреенія. Въ связи съ нею стоитъ другая, которую также никакъ нельзя упускать изъ вида для правильнаго пониманія польско-украинскаго спора въ Галичинѣ и оценки здѣшнихъ национальныхъ отношеній.

Русины въ восточной Галиції составляютъ коренное население¹⁾. До сихъ поръ, несмотря на многовѣковую денационализацию русинского элемента, вольную и невольную, они и теперь составляютъ крупное большинство въ этомъ краѣ. Даже по официальной галицкой статистикѣ, вообще представляющей процентъ поляковъ большими (иногда значительно большими) сравнительно съ дѣйствительностью, русины по переписи 1900 г.²⁾ изъ 50 повѣтovъ восточной Галиції въ 35 повѣтахъ составляли болѣе 60 проц. населенія, въ 18 повѣтахъ болѣе 70 проц., въ 7 болѣе 80 проц., а въ дѣйствительности, вѣроятно, составляютъ около 70 проц. всего здѣшняго населенія, между тѣмъ какъ остальные 30 проц. дѣлятся между евреями и поляками. (Цифры официальной статистики не даютъ настоящаго понятія о дѣйствительныхъ отношеніяхъ, такъ какъ: 1) онѣ въ рубрику поляковъ зачисляютъ евреевъ, которыхъ австрійская статистика не выдѣляетъ въ особую национальную категорію, разсматривая ихъ не какъ национальность, а какъ исповѣданіе; 2) въ рубрику поляковъ вносятся обыкновенно русины римско-католического исповѣданія, на основаніи этой конфессіи, хотя по національности они русины; 3) при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она производится, эта статистика даетъ, вообще, болѣе благопріятные результаты для господствующей національности; эти соображенія нужно будетъ имѣть въ виду и далѣе, при официальныхъ статистическихъ данныхъ³⁾). Свою безотносительную численностью русины предста-

¹⁾ То есть они живутъ здѣсь со времени славянскаго разселенія; болѣе давней метрики не имѣть никакое другое славянское населеніе.

²⁾ Пользуюсь официальнымъ изданіемъ: *Podręcznik statystyki Galicyi* п. VІІ, 1903.

³⁾ Въ моментъ присоединенія Галиціи къ Австріи первый губернаторъ ея гр. Шергенъ считалъ населеніе цѣлой Галиції (восточной и западной, нѣсколько отличавшейся, однако, своими границами отъ нынѣшней) въ 2 миллиона, въ томъ числѣ $\frac{2}{3}$ русиновъ и около $\frac{1}{4}$ поляковъ. По переписи 1900 г., русиновъ въ цѣлой Галиції было 3,074 тыс., поляковъ 3,988 тыс., но изъ этого числа поляковъ нужно въ дѣйствительности исключить 800 т. евреевъ, и перечислить изъ

вляютъ также очень замѣтную величину среди народовъ Австріи: они занимаютъ третье мѣсто среди народовъ Цислейтаніи, уступая численностью только нѣмцамъ и чехамъ и превосходя поляковъ¹⁾. Являясь кореннымъ населеніемъ одной изъ обширнѣйшихъ провинцій Австріи, составляющимъ и теперь большинство, представляя по численности своей одну изъ крупнѣйшихъ національностей Австріи, русины, конечно, имѣютъ право требовать, чтобы государство, берущее съ нихъ подати и рекрутъ, заботилось и объ ихъ экономическихъ и культурныхъ нуждахъ.

Болѣе или менѣе равняясь по численности съ поляками (собственно—превосходя ихъ), русинская народность имѣетъ право требовать отъ государства, чтобы оно удѣляло ея нуждамъ болѣе или менѣе столько же почеченія и вниманія, сколько удѣляется его полякамъ. Тотъ фактъ, что русины стоятъ экономически и культурно слабѣе поляковъ, писько, конечно, не уменьшаетъ ихъ правъ па вниманіе. Наоборотъ, народности отставшія, поставленыя въ менѣе выгодныя для своего развитія условія, имѣютъ право на усиленное внимание правительства, если понимать роль

польской въ русинскую категорію, не менѣе, вѣроятно, 200 т. русинъ римско-католического исповѣданія. Такимъ образомъ въ настоящее время число русиновъ въ Галиції почти равняется числу поляковъ (лишь нѣсколько превосходитъ). Если за сообщеніемъ Пергена признать только приблизительную вѣрность, все же приходится констатировать большія потери русинскаго элемента за послѣднее столѣтіе. Причины ихъ отчасти будуть ясны изъ дальнѣйшаго.

¹⁾ По переписи 1900 г. въ Австріи (Цислейтаніи) было 4,259 тыс. поляковъ и 3,375 тыс. русиновъ (Галиція и Буковина). Сообразно вышесказанному, исключивъ 811 тыс. галицкихъ евреевъ и перенеся изъ польской категоріи въ русинскую римско-католиковъ русинъ, мы получили отношеніе 3,2 мил. поляковъ и 3,5 мил. русиновъ, но цифра русинъ все еще, несомнѣнно, ниже дѣйствительной. Къ этой русинской территории Цислейтаніи примыкаетъ еще территорія Угорской Руси (входящая уже въ составъ другого политического организма) съ русинскимъ населеніемъ не менѣе 450 тыс., такъ что русинская территорія Австро-Венгрии въ общемъ заключаетъ около 4 миллионовъ украинского (русинскаго) населенія.

государства не въ формѣ пресса, выжимающаго изъ своихъ членовъ подати и рекрутовъ, или даже банкира, ведущаго текущіе счета своихъ клиентовъ и выплачивающаго соотвѣтственные ихъ вкладамъ проценты. Принципъ, который проводять поляки (и въ томъ числѣ и г. К.) и который сводится, собственно, къ словамъ: кто имѣеть много, тому будеть еще дано, а у неимущаго будеть взято и то, что онъ имѣеть, не соотвѣтствуетъ современному понятію о государствѣ.

Въ продолженіе послѣдніхъ сорока лѣтъ правительствомъ для Галиції фактически была польская шляхта. Начиная съ 1860-хъ гг. и до нынѣшняго дня она играла роль лейбъ-гвардіи вѣнскаго правительства и династіи и за это требовала отъ правительства сохраненія своего господства въ Галиції, неприкосновенности преобладанія польской національности, невмѣшательства центральныхъ органовъ въ управлениѣ Галиції. Составляя тѣсно сплоченную, хорошо организованную группу, преслѣдующую, собственно, свои сословные (феодальные) интересы, но прикрывающую ихъ программою національного господства, во имя которой она требуетъ солидарности и отъ польской буржуазіи (впрочемъ слабой), и отъ прочихъ польскихъ общественныхъ элементовъ,—польская шляхта дѣйствительно оказываетъ существенные услуги вѣнскому правительству, поддерживая его во всемъ и служа оплотомъ бюрократическо-феодальныхъ элементовъ, и за то дѣйствительно безконтрольно и всевластно править Галиціей. Всѣ высшія позиціи въ управлениѣ края замѣщаются по рекомендаціи польского шляхетскаго клуба, а специальный министръ для Галиції и рядъ польскихъ директоровъ департаментовъ въ вѣнскихъ министерствахъ, назначаемые по рекомендаціи того же клуба, тщательно слѣдятъ, чтобы изъ правительстенныхъ круговъ не вышло ничего, что могло бы нарушить польскій *stan posiadania* въ Галиції, а въ противномъ случаѣ кладутъ свое *veto* и пускаютъ въ дѣло и могущественное влияніе польского клуба.

Поэтому по адресу поляковъ и въ частности польской шляхты обращаютъ русины тѣ претензіи, которыя они считаютъ себя вправѣ предъявить правительству и государству. Ихъ дѣ-

лають они отвѣтственными за то, что для подъема и развитія украинской (русинской) народности дѣлается такъ мало, что ее держать въ подневольномъ положеніи, и намѣренія центрального правительства сдѣлать что нибудь для русинъ разбиваются о со-противленіе польской шляхты. Ихъ считаютъ они отвѣтственными за то, что управлениe краемъ сводится лишь къ поддержанію польского господства въ немъ всякими средствами, въ ущербъ не только русинскому населенію, но и экономическому и культурному развитію края вообще. Ихъ обвиняютъ они въ томъ, что къ бюрократической косности Австріи присоединяются еще тормазы національного и сословнаго характера, и русинскія народныя массы бесплодно бываютъ оѣстѣны этой формы въ своихъ стремленіяхъ къ экономическому, культурному и политическому развитію.

Русины требуютъ раздѣла этнографическихъ территорій—отдѣленія восточной (украинской) отъ западной (польской) Галиції, національной автономіи, предоставлениa украинскому (русинскому) элементу въ восточной Галиції такой роли, какая слѣдуетъ ему, какъ національности, превосходящей болѣе чѣмъ въ три раза польское населеніе. Они требуютъ, чтобы украинской (русинской) народности были предоставлены тѣ культурные и образовательные средства, какими пользуется польская народность въ западной, польской, части Галиції; чтобы было обращено вниманіе на тяжелое положеніе крестьянскихъ массъ, изъ которыхъ состоять главнымъ образомъ русинское населеніе восточной Галиції; чтобы были устраниены тѣ искусственно созданыя и поддерживаемыя условія, которыя держатъ ихъ въ полной зависимости отъ землевладѣльцевъ—польской шляхты и затрудняютъ всякую возможность экономического и культурнаго развитія

Поляки противятся раздѣлу этнографическихъ территорій. Объединеніе восточной и западной Галиції, скрѣпляеть положеніе польского элемента въ восточной Галиції обезпечиваетъ ему (особенно при нынѣшней системѣ представительства) полное преобладаніе въ мѣстномъ сеймѣ, даетъ возможность держать въ рукахъ управлениe обѣихъ частей Галиції, наводнять восточную

Галицію чиновниками, учителями и пр. изъ западной Галиції (традиционная система заключается въ томъ, что чиновники, учителя и пр. русинской народности, особенно почему либо «недобные», назначаются въ польскія мѣстности западной Галиції, а тамошніе—въ повѣты восточной Галиції система, не утратившая практическаго значенія и доселѣ, несмотря на громкіе протесты русиновъ), и вообще пользоваться всѣми средствами края для усиленія польской національности.

Утративъ, можетъ быть, надежду денационализировать вполнѣ русинское населеніе, польская правящая партія (поддерживаемая, вирочемъ, въ этихъ стремленихъ польскимъ обществомъ вообще) рядомъ искусно обдуманныхъ мѣръ, слагающихся въ цѣльную систему, стремится къ тому, чтобы ослабить русинскій элементъ численно и качественно, задержать его по возможности въ состояніи этнографической массы, не дать развиться національной жизни. Какъ откровенно признаются они сами въ болѣе искренніе моменты, ея представители стремятся къ тому, чтобы вознаградить утраты, понесенные польскою народностью въ Пруссіи и въ Царствѣ Польскомъ, усиленіемъ ея въ Галиціи—и это усиленіе можетъ произойти только цѣною народности русинской (также и еврейской).

Тутъ лежитъ центръ тяжести національного спора Галиціи. Русины домогаются, чтобы съ ними считались, какъ съ національностью, наравнѣ съ польскою, дали имъ то мѣсто въ восточной Галиції, какое поляки занимаютъ на своей этнографической территории Галиціи. Поляки поддерживаютъ принципъ неравнотѣнности національностей и, ссылаясь на культурное и экономическое превосходство поляковъ и скромно умалчивая, что до своего экономического и культурного упадка русины доведены поляками и ими же удерживаются въ этомъ состояніи,—желаютъ для польской національности сохранить положеніе народности господствующей (*nacsei dominującej w kraju*), а украинскую—въ положеніи подчиненной и низшей.

Съ точки зрењія національного эгоизма—политика понятная. Но теперь національный эгоизмъ обыкновенно не решается вы-

ходить на свѣтъ божій безъ прикрытия. Для этого служать толки о высшей и низшей культурности, о культурныхъ миссіяхъ и даже о высшихъ и низшихъ расовыхъ качествахъ. Приходится обращаться къ такимъ прикрытиямъ и полякамъ Галиції, тѣмъ болѣе, что толки обѣ угнетенію русинъ поляками компрометируютъ протесты поляковъ противъ національного безправія, претерпѣваемаго ими въ Россіи и Пруссіи. Тамъ безправіе также оправдывается разговорами о низшей культурѣ поляковъ, низшей славянской расѣ или даже—о неспособности поляковъ къ политической жизни, отсутствіи государственной способности и т. д. Полякамъ приходится обращаться тамъ къ аргументамъ національной справедливости и естественныхъ правъ человѣка. Г-нъ К. въ своей защитѣ польскаго режима Галиції также заявляетъ, что отношенія поляковъ къ русинамъ совершенно не нарушаютъ «національной справедливости», и единственную причину преувеличивающаго положенія поляковъ является ихъ высшая культурность въ сравненіи съ русинами. Болѣе детальное разсмотрѣніе вопросовъ, затронутыхъ въ его статьѣ, покажеть намъ, насколько основательны эти утвержденія, бросающія такой невыгодный свѣтъ на украинскую народность, и откроетъ намъ тѣ дѣйствительные устои, на которыхъ опирается польское господство. Къ этому детальному разсмотрѣнію перехожу теперь.

II.

Въ своей статьѣ г. К. обращаетъ особенное вниманіе на университетскій вопросъ. Онъ начинаетъ свои выкладки университетской статистикой и ею же оканчиваетъ; при этомъ, какъ онъ заявляетъ, университетскій вопросъ имъ разматривается «исключительно съ точки зрењія народной справедливости».

A la bonne heure! Будемъ и мы въ обсужденіи этого вопроса имѣть въ виду эту точку зрењія «національной справедливости». А такъ какъ университетскій вопросъ дѣйствительно вопросъ очень громкій и наболѣвшій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ

програм'ївшій на всю Европу (благодаря поголовному выходу студентовъ русиновъ изъ львовскаго университета въ 1901 г.), потрясшій все украинское населеніе Галичины и выросшій до значенія національного вопроса первой величины, то мы тоже дадимъ ему приличное мѣсто и начнемъ съ него. Разсмотрѣніе его разъяснить намъ, какъ понимаетъ «національную справедливость г. К. и тѣ люди, мнѣнія которыхъ отражаетъ его статья¹⁾).

И здѣсь, какъ и въ другихъ вопросахъ, г. К. оставляетъ въ сторонѣ исторію вопроса, хотя она имѣетъ существенное значеніе для его пониманія²⁾.

Львовскій университетъ былъ учрежденъ въ 1784 г. австрійскимъ правителствомъ и, съ перерывомъ въ 1805—1818 гг., существуетъ съ тѣхъ поръ до настоящаго времени. До 1870-хъ гг. онъ имѣлъ характеръ нѣмецкій, по несомнѣнно имѣлъ въ виду культурныя потребности русинскаго населенія восточной Галиції; для приготовленія русинской молодежи къ университетскимъ курсамъ, при немъ былъ учрежденъ лицей съ богословско-философскими предметами, преподававшимися профессорами-русинами. Въ 1818 году,¹⁾ послѣ упомянутаго перерыва (въ теченіе котораго существовалъ только лицей, а университета не было) лицей преобразовалъ въ университетъ, а мѣсто его заняла т. н. академическая гимназія (первая львовская гимназія, по традиції ставшая русинскою при націонализациі школы). Свой взглядъ на національное, такъ сказать, назначеніе львовскаго университета

¹⁾ Статья г. К. составляетъ сокращеніе, или, точнѣе, сокращенный (съ нѣкоторыми дропусками и измѣненіями) переводъ статьи Т. Гиральтовскаго (T. Gieraltowski. Kwestya ruska w cyfrach), напечатанной въ журналѣ *Przegląd Wszechpolski*, 1902 (статья первая, — вторую г. К. оставилъ въ сторонѣ).

²⁾ Подробнѣє исторія вопроса изложена въ моей брошюрѣ: „Справа українського університету у Львові“, 1899 (перепечатка изъ журнала „Литерат.-Науковий Вістникъ“, съ подписью *Obserwator*). Большая (официальная) исторія Львовскаго университета: Finkel i Starzinski «Historya uniwersytetu lwowskiego», Львовъ, 1894.

в'їнськое правительство высказало въ изданіомъ въ 1848 году распоряжені о введеніи нѣмецкаго преподаванія въ гимназіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ русинской части Галиції. Въ пемъ п'ємецкое преподаваніе какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ университетѣ объявлялось времененнымъ, пока не найдутся профессора, способные преподавать предметы на мѣстномъ языке, т. е. русинскомъ. Обращеніе львовскаго университета въ русинскій, въ ближайшемъ будущемъ, считалось вопросомъ рѣшеннымъ, и такъ смотрѣла па это сама университетская корпорація. И это, конечно, было совершенно справедливымъ и разумнымъ планомъ, такъ какъ поляки имѣли свой университет въ Краковѣ, а въ восточной, русинской части Галиції нужно было имѣть въ виду культурные и образовательные интересы мѣстного, русинскаго (украинскаго) населенія. Но, заявивъ эти благія намѣренія, австрійская бюрократія ничего не сдѣлала для ихъ осуществленія—для подготовки «способныхъ и соотвѣтственно приготовленныхъ» профессоровъ и преподавателей и постепенного введенія преподаванія па русинскомъ языке. Учрежденіи были только (въ 1848—1849 гг.) каферды русинскаго (украинскаго) языка и литературы (на философскомъ факультетѣ) и пастырскаго богословія (на богословскомъ факультетѣ), съ преподаваніемъ на русинскомъ языке, а въ остальномъ «временное» преподаваніе на нѣмецкомъ языке шло дальше, и правительство вспомнило о русинскомъ языке снова лишь въ 1860-хъ годахъ, когда снова вышелъ на очередь вопросъ о национализації галицкихъ университетовъ. Въ 1861 г. введено въ краковскомъ университетѣ преподаваніе на польскомъ языке вместо нѣмецкаго (спачала, впрочемъ, съ пѣкоторыми ограниченіями). Львовскій университетъ правительство предназначило опять-таки для русиновъ, но въ виду отсутствія въ немъ профессоровъ русиновъ (кромѣ богословскаго факультета, на которомъ преподаваніе происходило, главнымъ образомъ, на чейтральномъ латицкомъ языке, сохраненномъ и позже), не ввело тутъ русинскаго языка въ тѣхъ размѣрахъ; какъ сдѣлало это въ Краковѣ съ польскимъ, а учредило только нѣсколько параллельныхъ каѳедръ

съ русинскимъ языкомъ на юридическомъ факультетѣ. Оно поручило факультету замѣстить двѣ изъ нихъ (гражданскаго судопроизводства и уголовнаго права и судопроизводства) готовыми кандидатами безъ представленія диссертаций, а учрежденіе дальнѣйшихъ русинскихъ каѳедръ обусловливало наличностью кандидатовъ, которые бы удовлетворили университетскимъ требованиямъ.

Если мы примемъ сказанное въ предшествующей статьѣ о глубокомъ упадкѣ, въ который къ этому времени былъ приведенъ русинскій элементъ въ Галиціи въ свою очередь опекою польской народности и ея руководящихъ круговъ, если, съ другой стороны, мы примемъ въ соображеніе, что какъ разъ польская шляхта, смѣнивъ политику фронды по отношенію къ австрійскому правительству на политику ультра-правительственную, вполнѣ захватываетъ въ свои руки управление краемъ и своимъ могущественнымъ вліяніемъ въ Вѣнѣ начинаетъ тормозить все, что могло бы содействовать развитію русинскаго элемента,—мы не будемъ удивляться, что среди русиновъ не много наплосъ лицъ, рѣшившихся воспользоваться возможностью университетской карьеры. Приготовленіе къ профессурѣ вещь очень не легкая, требующая не только способностей, энергіи, по и средствъ, а правительство ничего не сдѣлало, чтобы облегчить приготовленіе къ профессурѣ кандидатамъ-русинамъ—ничего того, что всегда практикуется въ такихъ условіяхъ (раздача стипендій, ученыя командировкы и т. п.). Между тѣмъ, на пути русиновъ стояли такія недоброжелательныя инстанціи, какъ нѣмецкая профессорская корпорація, польская администрація и представительство края, оказывавшая существенное вліяніе на вопросъ университетскій, какъ и на другие вопросы мѣстныхъ отношеній. И неудивительно, что среди слабой еще тогда и количественно, и качественно русинской интеллигенціи, подавленной польскимъ господствомъ, лишенной вѣры въ возможность достичь чего-либо и занятой заботой о кускѣ хлѣба, не находилось смѣльчаковъ, готовыхъ идти между Сциллой и Харибдой къ такой проблематической цѣли, какою были эти «могущія быть учрежденными» русинскія каѳедры.

Межу тѣмъ, поляки, обезпечивъ себѣ господство въ краѣ и достигнувъ того, что польскій языкъ введенъ былъ уже въ средпихъ учебныхъ заведеніяхъ восточной (русинской) Галиції, безъ устали штурмовали центральное правительство, домогаясь введенія польскаго языка и во львовскомъ университѣтѣ. Польская администрація края и представительство были проводниками этихъ требованій и по отношенію къ центральному правительству, и по отношенію къ университетскимъ властямъ, подъ этимъ давленіемъ дѣлавшимъ разныя уступки польскому элементу. Но австрійское правительство не рѣшалось все таки разстаться съ мыслью, что львовскій университетъ принадлежить русинамъ, хотя и не дѣлало ничего для осуществленія этой мысли. Наконецъ, уступая давленію, оно предоставило рѣшить вопросъ самимъ борющимся національностямъ (другими словами—предоставило силынѣйшей оттьснить слабѣйшую собственными средствами). Въ 1871 г. императорскій рескриптъ отмѣнилъ во львовскомъ университѣтѣ преподаваніе па нѣмецкомъ языкѣ; профессора, которые бы не могли преподавать на одномъ «изъ языковъ края» (*Landessprache*), въ продолженіе трехъ лѣтъ имѣли быть перемѣщены въ другіе университеты, и къ преподаванію въ университѣтѣ должны были па будущее время допускаться только лица, владѣющія однимъ изъ языковъ края, т. е. русинскимъ или польскимъ.

Это распоряженіе, такимъ образомъ, не рѣшало вопроса о языке преподаванія. Но при тогдашнемъ положеніи обѣихъ народностей, результатъ очень легко можно было предвидѣть. Въ продолженіе трехъ лѣтъ факультеты философскій и юридическій¹⁾ были замѣщены поляками, благодаря дружнымъ усилиямъ польской администраціи, университета и министерства, въ которомъ польское вліяніе было достаточно сильно. Отысканы были подающія надежду лица и имъ дана возможность подготовиться къ

¹⁾ Богословскаго факультета реформа не касалась, а медпинскаго тогда во Львовѣ еще не было.

преподаванію; за неимѣніемъ мѣстныхъ силъ были приглашены поляки преподаватели или заявившіе себя въ наукѣ люди изъ Россіи, изъ Германіи и т. д. Въ 1874 г. львовскій университетъ былъ уже фактически польскимъ, и, разъ завладѣвъ университетомъ, поляки оказались въ немъ вполнѣ господами положенія, благодаря университетской автономії.

Въ Австрії автономія университетовъ и *de jure* довольно значительна; если же за профессорскою корпорацію, какъ въ данномъ случаѣ—за польскою корпорацію львовскаго университета, стоить и мѣстная администрація, и могущественное вліяніе польского шляхетскаго клуба, и другія связи, то университетъ является твердынею, можно сказать, неприступною. Вакантныя каѳедры замѣщаются министерствомъ кандидатами, предложенными факультетомъ; факультетъ иногда предлагаетъ нѣсколькихъ кандидатовъ на выборъ, иногда только одного; замѣщенія помимо предложенія факультета случаются рѣдко и принимаются съ неудовольствіемъ, какъ нарушеніе автономіи. Допущеніе къ преподаванію (*venia legeundi*) зависитъ вполнѣ отъ факультета. Чтобы получить званіе приватъ-доцента, кандидатъ (онъ при этомъ долженъ имѣть степень доктора данного факультета) долженъ представить самостоятельную научную работу¹⁾, а по принятіи ея факультетомъ—подвергнуться устному испытанію въ засѣданіи факультета (*colloquium*) и прочесть двѣ пробныя лекціи. Признавъ всѣ эти стадіи испытанія удовлетворительными, факультетъ представляетъ кандидата министру къ утвержденію въ званіи приватъ-доцента; министръ запрашиваетъ мѣстную администрацію относительно политической благонадежности кандидата и утверждаетъ его, получивъ благопріятный отвѣтъ. Приватъ-доценты или профессора, желающіе перенести свое преподаваніе въ другой университетъ, нуждаются также въ согласіи факультета этого университета.

¹⁾ Отъ диссертациіи на степень доктора философіи полной самостоятельности изслѣдованія не требуется, по крайней мѣрѣ, не въ такой степени. Докторатъ же правъ и медицины дается на основаніи только устныхъ испытаній, безъ диссертациіи.

Я нарочно остановился на этихъ порядкахъ, чтобы дать понять, какое значеніе имѣеть факультетъ при замѣщеніи каѳедръ и при допущеніи къ университетской дѣятельности, какимъ полнымъ хозяиномъ, и въ положительному и въ отрицательномъ смыслѣ, является онъ въ этихъ вопросахъ. Противъ воли факультета почти нѣть возможности проникнуть въ университетъ (если министерство не имѣеть намѣренія ему насолить—чего при галицко-вѣнскихъ отношеніяхъ нѣть возможности допустить). Оцѣнка научнаго качества диссертаций, удовлетворительности устнаго испытанія, лекторскихъ достоинствъ при пробныхъ лекціяхъ—все это вещи, почти не поддающіяся учету, и на судъ факультета здѣсь нѣть апелляціи. Провалиться же при юбилитациі, получить неблагопріятную оцѣнку своей диссертациі отъ факультета и т. п.—все это вещи очень тяжелыя для каждого, дорожащаго своей научной репутаціей, и поэтому очень трудно разсчитывать на смѣльчаковъ, которые бы рисковали искать *veniam legendi*, зная, что для факультета они являются нежелательными гостями.

И вотъ мы видимъ, что, завладѣвъ фактически университетомъ, польская корпорація удерживаетъ его въ полномъ своемъ обладаніи. За исключеніемъ пѣшколькихъ каѳедръ, учрежденныхъ специальнно для преподаванія на русинскомъ языке (въ 1840—1860 гг. было учреждено четыре¹⁾), потомъ явилось еще двѣ²⁾), всѣ остальные каѳедры замѣщались исключительно поляками. За все это время на эти каѳедры факультетами не было предложено министерству ни одного кандидата русинской народности. Зная настроеніе факультетовъ, права преподаванія во львовскомъ

¹⁾ Каѳедра украинскаго (русинскаго) языка и литературы—на философскомъ, гражданскаго права, уголовнаго права и процесса—на юридическомъ, пастырскаго богословія—на богословскомъ.

²⁾ Каѳедра всеобщей исторіи (съ 1894 г.); вторая каѳедра рутеністики съ присоединеніемъ церковно-славянскаго языка и украинской церковной литературы (съ 1899 г.)—на философскомъ факультетѣ.

университетъ обыкновенно искали только лица, надъявшіяся прооплыть благополучно подъ исключительно-счастливыми со-звѣздіями¹⁾). Остальные уходили въ другіе университеты—чеш-скіе, хорватскіе, нѣмецкіе (такъ изъ русинъ-галичанъ, препода-вавшихъ въ другихъ университетахъ въ 1880—90 г., извѣстны мнѣ: извѣстный физіологъ Горбачевскій — въ пражскомъ универ-ситетѣ, извѣстный физикъ и электротехникъ Пулуй въ пражской політехникѣ, извѣстный окулистъ Борисиневичъ въ грацкомъ универ-ситетѣ, славистъ Калужняцкій и историкъ Мильковичъ въ черновецкомъ, юристъ Зобкинъ въ загребскомъ и т. д.).

Даже во львовской політехникѣ, гдѣ не было національного вопроса, такъ какъ ей съ самаго основанія, въ 1870-хъ гг., пра-вительствомъ бытъ сообщенъ польскій характеръ, и вслѣдствіе-того, что среди студентовъ русиновъ было мало, вопросъ о препо-даваніи на украинскомъ (русинскомъ) языкѣ и не подымался,— даже здѣсь получили каѳедры русины (минералогъ Медведскій, ботаникъ Волощакъ, механикъ Маринякъ, технологъ Залозецкій и т. п.). Въ двери же львовского университета стучаться обыкно-венно не дерзали. Если же кто-либо, «не спросясь броду», про-бовалъ счастья во львовскомъ университетѣ, то результатъ часто бытъ неблагопріятный. Такъ неудачны были пробы д-ра Зобкова, отъ котораго факультетъ сначала не принялъ прошенія, потомъ забраковалъ диссертацио (на основаніи которой онъ затѣмъ полу-чили *veniam docendi* въ Загребѣ) и наконецъ отклонилъ его прошьбу о допущеніи къ преподаванію въ качествѣ суплента²⁾

1) Этимъ объясняется «огромный» процентъ русиновъ, допущен-ныхъ къ чтенію лекцій, фигурирующій—и у г. К. Изъ кандидатовъ русиновъ получило *veniam legendi* 75%, а поляковъ только—40%. Нужно только прибавить, что всѣхъ кандидатовъ русиновъ при этомъ было 4 (позднѣйшія забраковки, о которыхъ я говорю, здѣсь не при-няты въ расчеты), а поляковъ нѣсколько десятковъ...

2) Суплентами называются лица безъ званія приват-доцента, до-пущенные временно къ чтенію лекцій на вакантной каѳедрѣ впредь до ея замѣщенія

на вакантной тогда кафедрѣ гражданскаго права; такъ потерпѣлъ неудачу др. Франко, искавшій *veniam legendi* по исторіи литературы и этнографіи (онъ былъ призванъ факультетомъ, но не утвержденъ вслѣдствіе неблагопріятной аттестаціи галицкой, польской администраціи), и не возобновлялъ послѣ того уже попытокъ къ университетской дѣятельности; такъ потерпѣлъ неудачу д-ръ Мильковичъ, занятій затѣмъ кафедру въ черновецкомъ университѣтѣ; не прината была диссертациѣ д-ра Студинскаго, который вслѣдъ затѣмъ на основаніи ея же получилъ *veniam legendi* въ Краковѣ и немного позже, когда заблистало благопріятное созвѣздіе, былъ приглашенъ на кафедру изъ Кракова во львовскій университетъ; такъ, наконецъ, недавно былъ приужденъ взять назадъ свое прошеніе математикъ д-ръ Левицкій... .

Для русиновъ оставались доступными (и то при наличии благопріятныхъ созвѣздій) только упомянутыя кафедры съ русинскимъ языкомъ. Но и тутъ не обходилось безъ попытокъ въ противоположномъ смыслѣ. Въ 1880 г. юридическій факультетъ предложилъ министерству упразднить кафедры съ русинскимъ языкомъ (въ то время было ихъ двѣ, обѣ экстраординатуры) и вместо нихъ учредить вторую ординатуру гражданскаго права общаго характера (т. е. безъ ограниченія русинскимъ языкомъ, а съ правомъ преподаванія или по русински или по польски,—какъ мы знаемъ такая, альтернатива существовала для всѣхъ общихъ кафедръ, на этомъ отповѣданіи обратившихся въ кафедры фактически польскія). Министерство, однако, не согласилось. Въ 1890-хъ гг. была попытка, забраковавъ кандидата-русина, привести на вакантную кафедру гражданскаго права доцента поляка, но она уже не удалась, и въ концѣ концовъ пришлось назначить русина.

Такое положеніе вещей начало возбуждать въ украинскихъ (русинскихъ) кругахъ Галиціи все болѣе рѣшительное неудовольствіе съ подъемомъ національной жизни (начинаящимся особенно съ 1890-хъ гг.), съ ростомъ интеллигенціи, съ увеличеніемъ ея культурныхъ и научныхъ запросовъ.

Культурныя силы наростили. Число студентовъ-русиновъ все увеличивалось. Потребность въ украинскихъ курсахъ чувствовалась все живѣе, и сознавалась возможность ихъ созданія. Началась замѣтная научная работа въ реорганизованномъ «Науковомъ товариствѣ імені Шевченка». Указывали на лицъ, которыхъ могли бы вполнѣ удовлетворить требованіямъ университетскаго преподаванія. Изъ Россіи вызывались лицъ, которыхъ были не прочь взять на себя преподаваніе тѣхъ или иныхъ курсовъ на украинскомъ языке въ львовскомъ университѣтѣ...

На эти или подобные представленія съ русинской стороны, съ польской стороны обыкновенно отвѣчали увѣреніями, что поляки готовы удовлетворять всѣ дѣйствительныя (по мнѣнію поляковъ) культурныя (не политическія!) потребности русиновъ; что увеличеніе русинскихъ каѳедръ зависитъ только отъ наличности научныхъ силъ; что университетъ не будетъ дѣлать никакихъ препятствій имъ въ достиженіи *veniae legendi* и т. п. Но дѣйствительность плохо гармонировала съ этими увѣреніями. Сильное впечатлѣніе произвѣль упомянутый выше эпизодъ, когда по смерти профессора гражданскаго права—русина, занимавшаго каѳедру съ русинскимъ языкомъ, искавшій доцентуры др. Зобковъ былъ забракованъ, а преподаваніе было поручено доценту поляку. Нѣсколько другихъ проваловъ кандидатовъ-русиновъ около этого же времени усилили впечатлѣніе. Стало появляться голоса, все болѣе и болѣе настойчивые, что пока вопросъ о русинскихъ доцентурахъ и каѳедрахъ будетъ решаться факультетами, состоящими изъ профессоровъ-поляковъ, онъ будетъ безнадежнымъ; что единственнымъ выходомъ было бы основаніе отдѣльного украинскаго университета, для которого отчасти нашлись бы готовыя силы, отчасти могли бы быть приготовлены впродолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, если бы это дѣло поведено было при участіі учрежденій, интересующихся культурными успѣхами русиновъ, какъ «Науковое Товариство ім. Шевченка», которое въ этомъ смыслѣ обращалось съ записками въ министерство, и т. п. Но на это изъ министерскихъ и другихъ сферъ опять получился ответъ, что нужно прежде всего имѣть готовыя силы—профессо-

ровъ и доцентовъ, рекомендовалось пріобрѣтать *veniam legendi* во львовскомъ университѣтѣ, а предложеніе обратиться къ вызову преподавательскихъ силъ изъ-за границы пропускалось мимо ушей, какъ бы невозможное и неисполнимое, хотя такія замѣщенія заграничными кандидатами практикуются вездѣ сплошь да рядомъ, и постоянно практиковались и практикуются при замѣщеніи кафедръ польскими силами.

Вопросъ дѣгался жгучимъ. Напряженное состояніе разрѣшилось кризисомъ: осенью 1901 г. произошло столкновеніе съ университетскими властями студентовъ-русиновъ, домогавшихся в продолженіе польскихъ семестровъ расширенія правъ украинского языка въ сношеніяхъ студентовъ съ университетскими органами. Раздраженные поведеніемъ университетскихъ властей студенты-русины рѣшили колективно и солидарно выйти изъ львовского университета и действитель но поголовно, въ числѣ около 600, выцисались изъ львовского университета и перешли въ другіе—вѣнскій, пражскій, краковскій. Эпизодъ былъ громкій, со временемъ сеансіи студентовъ пѣмцевъ изъ пражскаго университета небывалый. Въ русинскихъ кругахъ онъ вызвалъ цѣлое движение. Вопросъ дебатировался цѣлые мѣсяцы во всевозможныхъ формахъ, включительно до крестьянскихъ «віч» (митинговъ). Была собрана очень значительная для убогаго русинского населенія Галичины сумма (ок. 60,000 кронъ), чтобы доставить студентамъ сеансіонистамъ средства для продолженія образованія въ другихъ университетахъ (немало жертвовали крестьяне). Предлагались проекты основанія русинского университета по подпискѣ (это, конечно, было неосуществимо, даже независимо отъ огромныхъ, необходимыхъ для этого средствъ, также и потому, что получить права для такого университета было бы немногимъ легче, чѣмъ добиться основанія государственного русинского университета). Сочувствіе русинамъ-сеансіонистамъ выражалось также прогрессивными элементами среди польской и еврейской молодежи. Но тѣ польскія сферы, отъ которыхъ зависѣло решеніе этого вопроса, перенесли этотъ эпизодъ вполнѣ стоически. Никакихъ уступокъ, чтобы впредь не падло было! Въ этомъ смыслѣ были сделаны

надлежашія представленія правительству,—и па всѣ запросы, депутаціи, меморіалы съ русинской стороны министръ отвѣчалъ: пока продолжается сепаратія, не можетъ быть рѣчи о какихъ-либо уступкахъ; когда студенты-русины вернутся въ львовскій университетъ, тогда правительство и университетъ сдѣлаютъ все возможное въ смыслѣ исполненія русинскихъ требованій. Студенты дѣйствительно вернулись въ львовскій университетъ съ зимнимъ семестромъ 1902 г.,—но въ смыслѣ расширенія правъ украинскаго языка, въ сферѣ администраціи или въ сферѣ преподаванія въ этомъ университетѣ не было сдѣлано ничего, ни тогда, ни позже.

Съ тѣхъ поръ прошло почти три года. Вопросъ сталъ на мертвей точкѣ. На повторяющіяся отъ времени до времени представленія, депутаціи, запросы о необходимости отдѣльного украинскаго университета, о невозможности нынѣшняго положенія вещей и т. п., даются старые отвѣты; впрочемъ, ихъ нѣсколько разнообразять: иногда министръ указываетъ на недостатокъ средствъ у государства; иногда повторяется совѣтъ—прежде всего позаботиться приготовленіемъ доцентовъ (па себя этой заботы брать правительство не считаетъ обязаннымъ) и высказывается увѣренность, что львовскій университетъ съ своей стороны не будетъ дѣлать никакихъ препятствій и т. д. Но въ русинскихъ кругахъ надежды достигнуть чего-либо этимъ путемъ давно исчезли; а если находились еще смѣльчаки, пожелавшіе пробовать счастья, то о результатахъ попытокъ говорилъ я выше. Съ польской же стороны высказываются постоянно разныя соображенія и аргументы и противъ умноженія русинскихъ кафедръ въ нынѣшнемъ университетѣ, и противъ учрежденія отдѣльного русинскаго университета. Отголоски ихъ находимъ и въ статьѣ г. К.

Я, такимъ образомъ, подошелъ къ аргументамъ, которыми г. К. доказываетъ неосновательность претензій русиновъ имѣть свой особый русинскій (украинскій) университетъ. Разматривая этотъ вопросъ «исключительно съ точки зрѣнія національной справедливости», онъ приводитъ такія соображенія противъ этого

требованія. Студенты-русины составляютъ весьма малую величину сравнительно со студентами-польскими и ихъ для отдельного университета слишкомъ мало («желаніе русиновъ сводится собственно къ открытію нового высшаго учебнаго заведенія для 200 слушателей»); по мнѣнію г. К. (или его источника), бюджетъ русинскаго университета пропорціонально числу своихъ слушателей долженъ быть весьма ничтоженъ, и потому самыи университетъ, въ случаѣ учрежденія, будетъ такъ жалокъ, что русины предпочтутъ ити въ чужіе университеты, какъ и теперь будто бы предпочитаютъ параллельные польскіе курсы русинскимъ (авторъ вообще, повидимому, склоненъ думать, что преподаваніе на русинскомъ языкѣ не можетъ стоять на такомъ уровнѣ, какъ преподаваніе на языкѣ польскомъ, и нѣсколько выше высказывается предположенія, что учебныя заведенія, «благодаря русинскому языку, приносятъ весьма сомнительную пользу»);¹⁾ наконецъ, не найдется для будущаго университета и профессоровъ, такъ какъ, несмотря на то, что русины во львовскомъ университетѣ не испытываютъ никакихъ препятствій, и процентъ русинскихъ диссертаций, принятыхъ факультетомъ, превосходитъ процентъ польскихъ¹⁾, русины «открыли лишь 7 русинскихъ каѳедръ», что, по мнѣнію автора, вполнѣ очевидно доказываетъ «равнодушное отношеніе къ наукѣ».

Эта аргументація, заимствованная г. К. цѣликомъ изъ упомянутой статьи г. Гиралтовскаго²⁾, повторяетъ ходячіе доводы галицко-польскихъ шовинистовъ, неблагодарную роль популяризациі взглядовъ которыхъ взялъ на себя г. К. Съ дѣйствительностью, не говоря уже о «національной справедливости», они расходятся довольно сильно.

¹⁾ Объ этомъ блистательномъ процентѣ я говорилъ уже выше.

²⁾ Г. К. довольно глухо цитируетъ свой источникъ, вскользь упоминая о «періодическомъ изданіи», где онъ былъ помѣщенъ. Можетъ быть г. К. известна печальная репутація этого органа крайнихъ шовинистовъ-польковъ?

Итакъ, число студентовъ русиновъ вовсе ужъ не такъ ни чѣтко въ сравненіи съ числомъ поляковъ, какъ представляеть г. К. Число поляковъ и здѣсь выше дѣйствительного, такъ какъ включаетъ въ себѣ и евреевъ, *bongr -malgr * фигурирующихъ въ рубрикѣ польской народности университетской, какъ и всякой другой здѣшней статистики, и поднимающихъ ея численность ad maiorem *Poloni  glori *. Оставляя въ сторонѣ число русиновъ и поляковъ въ другихъ университетахъ, не идущее къ дѣлу, такъ какъ ни русины, ни поляки не имѣютъ претензій па учрежденіе своихъ университетовъ въ Вынѣ или Ирагѣ, я обращусь къ цифрамъ студентовъ львовскаго университета. Авторъ для зимняго семестра 1896—1897 г. отмѣчаетъ: поляковъ 1,094 русиновъ 443.

Въ дѣйствительности въ числѣ поляковъ фигурируютъ въ этой табличкѣ 316 евреевъ, не считая нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ группъ (армянъ, русиновъ изъ категоріи непомнящихъ родства и т. п.), и въ дѣйствительности главныя составныя части львовскаго студенчества 1896—1896 г. представляются такъ: поляковъ около 770, русиновъ ок. 450, евреевъ 316, но общее число 1551. Въ нынѣшнемъ году, въ зимнемъ семестрѣ во Львовѣ русиновъ было около 800 (вписаналось въ рубрику русинской народности 792). По факультетамъ распредѣляются они такъ: богословскій 300, юридическій 278, медицинскій 12, философскій 202. Какъ видите, за исключеніемъ медицинскаго факультета (вообще малочисленнаго¹⁾), цифры русиновъ студентовъ вполнѣ достаточны для того, чтобы изъ нихъ хоть сейчасъ сформировать отдѣльный университетъ изъ трехъ факультетовъ. Въ Австріи и вѣдь ея были и есть университеты гораздо менѣе людные. Такъ, напр., университетъ въ Черновцахъ только въ послѣдніе годы началъ приближаться къ числу 400 студентовъ на всѣхъ трехъ своихъ факультетахъ, а въ прежніе годы имѣть гораздо менѣе.

¹⁾ Всѣхъ студентовъ на медицинскомъ факультетѣ въ этомъ году было 105 и вольнослушателей 8.

Итакъ, г. К. совершенно напрасно говоритьъ, что для русинского университета нѣть студентовъ. Не болѣе основательно его утвержденіе, что для такого университета не нашлось бы профессоровъ. Можно указать среди галицкихъ русиновъ цѣлый рядъ людей, заявившихъ себя научными работами, которые могли бы занять и занимали бы несомнѣнно каѳедры во львовскомъ университѣтѣ при иныхъ условіяхъ; рядъ галичанъ занимаетъ каѳедры въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Австріи; несомнѣнно, нашлись бы желающіе занять каѳедры съ украинскимъ преподавательскимъ языкомъ и изъ Россіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ три года, назначенные для націонализації львовскаго университета въ 1870 г., можно бы теперь сформировать украинскій университетъ во Львовѣ, въ качественномъ отношеніи не уступающій вовсе тому, какой былъ сформированъ въ 1871—1874 гг. Какими причинами вызывается цынѣшнее, усмотрѣнное г. К., «равнодушіе» русиновъ къ университетской дѣятельности, вслѣдствіе котораго русины «открыли» лишь семь каѳедръ, — достаточно выяснено предшествующимъ. Слѣдуя аргументації г. К., я могъ бы подобнымъ образомъ вывести заключеніе о чрезвычайномъ равнодушіи къ наукѣ поляковъ въ Россіи, въ виду того, что число профессоровъ поляковъ въ Варшавѣ въ 1870—1890 постоянно убывало и ихъ мѣста занимали великороссы и украинцы. Я могъ бы совершенно такъ-же говорить о чрезвычайномъ равнодушіи къ наукѣ евреевъ въ Россіи, и также точно въ Галиції, и по точно тѣмъ же причинамъ, и въ концѣ концовъ, пользуясь методомъ г. К., могъ бы притти къ заключенію о болѣе низкомъ культурномъ уровнѣ поляковъ и евреевъ въ Россіи сравнительно съ великороссами и украинцами...

Къ наукѣ и галицкіе украинцы не равнодушны, даже очень. При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, они интересуются ею и заявляютъ себя научною дѣятельностью (см. ученые изданія «Наукового Товариства ім. Шевченка», обращающія на себя вниманіе въ наукѣ и весьма значительныя, несмотря на стѣсненное материальное положеніе этого единственнаго высшаго ученаго учрежденія Галицкой Руси). При весьма стѣсненномъ материаль-

шомъ положеніи, они ухитряются предпринимать ученыя экскурсіи, юздятъ въ большиe ученыe центры и за границу для усовершенствованія. Только къ университетской дѣятельности приходится имъ быть «равнодушными», такъ какъ не въ ихъ силахъ измѣнить ея условія. Относительно *потребности* украинского университета во Львовѣ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Оставляя въ сторонѣ безчисленныя резолюціи, петиціи, представленія, записки, запросы, депутаціи, исходившія по этому вопросу за эти пять лѣтъ отъ русинскихъ депутатскихъ клубовъ, ученыхъ обществъ, митинговъ студенческихъ и всеобщихъ, городскихъ и даже сельскихъ,— я укажу лишь общія соображенія, не оставляющія мѣста сомнѣнію. Львовъ является въ настоящее время центромъ національной жизни украинской народности Галичины; ея культурные запросы за это время сильно выросли и культурный уровень поднялся; это видно въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ. 800 студентовъ русиновъ львовскаго университета служатъ также нагляднымъ свидѣтельствомъ количественнаго и качественнаго паростанія интеллигенції. Все это само по себѣ подразумѣваетъ необходимость русинскаго университета. Онъ необходимъ также въ силу причинъ болѣе практическаго характера. Существуетъ рядъ гимназій, въ которыхъ всѣ предметы преподаются по-украински; это обстоятельство одно уже дѣлаетъ весьма желательнымъ существование философскаго факультета русинскаго, гдѣ будущіе преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній могли бы прослушать курсы на томъ языкѣ, на которомъ имъ предстоитъ преподавать¹⁾). Тоже самое нужно сказать и о юридическомъ факультетѣ: эти сотни русиновъ юристовъ не только изъ чисто культурныхъ, но и практическихъ мотивовъ желали бы прослушать курсъ юридическихъ наукъ на родномъ языкѣ, которымъ будутъ затѣмъ пользоваться въ своей дальнѣйшей дѣятельности. Сообщеніе г. К., что студенты-русины предпочитаютъ

¹⁾ Философскій факультетъ австрійскихъ университетовъ соответствуетъ историко-филологическому, естественному и математическому, вмѣстѣ взятымъ, университетамъ въ Россіи.

параллельные польские курсы русинскимъ, относится къ разряду беллетристики; я могу сказать это достаточно рѣшительно¹⁾.

Полнымъ незнаніемъ грѣшилъ соображеніе его, что отдѣльный русинскій университетъ могъ бы получить очень небольшія средства, сообразно числу студентовъ, и потому былъ бы очень жалокъ. Бюджетъ университета вовсе не зависитъ отъ числа студентовъ (краковскій университетъ имѣеть слушателей гораздо меньше львовскаго, а въ немъ каѳедръ и преподавателей больше, чѣмъ въ львовскомъ). Всѣ главныя каѳедры должны существовать одинаково, имѣть ли факультетъ 20 или 2 000 студентовъ. Впрочемъ, какъ мы видѣли уже, украинскій университетъ изъ трехъ факультетовъ уже теперь имѣлъ бы вполнѣ достаточный контингентъ слушателей.

И средства для этого нашлись бы. Правительство находить возможность содержать дорогой медицинскій факультетъ (содержаніе русинскаго университета изъ трехъ факультетовъ не обошлось бы дороже) во Львовѣ для ста студентовъ. Въ 1870-хъ гг. оно не пожалѣло средствъ для основанія отдѣльного университета для маленькой Буковины, съ ея полумилліоннымъ (тогда-щнимъ) населеніемъ, а собственно—въ интересахъ нѣсколько десятковъ тысячъ мѣстнаго шѣмецкаго населенія. И теперь оно учреждаетъ отдѣльный юридическій факультетъ для студентовъ-

¹⁾ Впрочемъ, прошу оцѣнить это утвержденіе автора, что проф. Стебельскій принужденъ читать лекціи по-польски, чтобы не остаться безъ слушателей: выходитъ, что въ то время какъ русины предпочитаютъ параллельные курсы польскихъ префесоровъ, поляки предпочитаютъ слушать пр. Стебельскаго, когда онъ читаетъ по-польски, чѣмъ своимъ профессоровъ-поляковъ. Или можетъ быть тѣ же русины предпочитаютъ слушать того же проф. Стебельскаго, когда онъ читаетъ по-польски, а не по русински? Въ дѣйствительности, профессорамъ-русинамъ рекомендовалось раньше читать отъ времени до времени курсы по-польски изъ куртуазіи для господствующей польской корпораціи: и русины-де не исключительно читаются по-русински. Но въ настоящее время эта благая совѣтъ уже не исполняется.

итальянцевъ небольшого инсбрукского университета, мотивируя это тѣмъ, что національный антагонизмъ нѣмецкихъ и итальянскихъ студентовъ препятствуетъ правильному течению академической жизни инсбрукского университета. Если наплісь средства для удовлетворенія культурныхъ запросовъ небольшого¹⁾ итальянского населенія Австріи (при существованії итальянскихъ университетовъ не въ дальнемъ разстояніи за границей), и правительство такъ близко принимаетъ къ сердцу правильное теченіе академической жизни въ Инсбрукѣ, то оно, конечно, нашло бы средства для отдѣльного университета русинскаго, для удовлетворенія культурной потребности 4 милл. своего русинскаго населенія и устраненія весьма обостренаго національнаго антагонизма во львовскомъ университетѣ. Но препятствіе встрѣчается со стороны польской: польскіе правящіе круги и общество противодѣйствуютъ культурной эманципації русиновъ и видѣть во всякомъ культурномъ приобрѣтеніи русиновъ новый ударъ своему господству въ краѣ (*stanu posiadania*). Они рѣшительно противятся изъ этихъ соображеній и учрежденію отдѣльного русинскаго университета, и умноженію русинскихъ каѳедръ, а проявляютъ въ этомъ вопросѣ чрезвычайную заботливость объ интересахъ государственного казначейства и отважно свидѣтельствуютъ о недостаткѣ культурныхъ средствъ у русиновъ, отсутствіи научныхъ преподавательскихъ силъ и «равнодушіи» ихъ къ наукѣ.

О «національной справедливости» лучше ужъ и не говорить въ виду этого.

III.

19 параграфъ австрійской конституції, утверждающей національную равноправность народовъ Австріи, постановляетъ, что каждой народности государства должна быть предоставлена воз-

¹⁾ По переписи 1900 г. въ Австріи (Цислейтаніи) было 727 тыс. итальянцевъ.

можность получать образование на своемъ родномъ языке и не быть поставленной въ необходимости учиться чужому языку. Въ восточной Галиції, гдѣ украинское (русинское) населеніе составляетъ около 70%, при 13% евреевъ и около 16% поляковъ, интересы украинского большинства коренного населенія имѣютъ преимущественное право на вниманіе, и мы вправѣ ожидать, что въ организаціи школьнаго дѣла они прежде всего будуть прияты въ разсчетъ: къ услугамъ украинскаго населенія будутъ созданы школы всѣхъ типовъ, начиная отъ начальныхъ и кончая высшими, и ему будетъ предоставлена полная возможность проявляться на своемъ родномъ языке. Конечно, это его естественное право—только утверждаемое, а не создаваемое указаннымъ параграфомъ конституції, его «національное право». Но увы—ни это «національное право», ни основной законъ не обезпечиваютъ этой возможности въ действительности, и эта действительность стоить въполномъ контрастѣ съ признаннымъ закономъ правомъ украинскаго населенія на національную школу. Мы видѣли это на примѣрѣ университета—теперь увидимъ то же на примѣрѣ среднихъ учебныхъ заведеній.

Необходимость націонализаціи школы въ интересахъ культурыаго развитія украинскаго населенія Галиції сознавалась при первомъ пробужденіи русинской народности, въ 1848 г., и сдѣланная въ этомъ смыслѣ представлениія правительству имѣли результатомъ извѣстное намъ министерское распоряженіе 4 дек. 1848 г., объявлявшее, что нѣмецкій языкъ въ преподаваніи гимназій русинскихъ частей Галиції сохраняется временно, пока наличность преподавателей, владѣющихъ русинскимъ языккомъ, не дастъ возможности ввести преподаваніе на этомъ послѣднемъ. Однако и тутъ, какъ и въ университетскомъ вопросѣ, правительство само ничего не сдѣлало для приготовленія такихъ преподавателей и введенія русинскаго языка, и гимназіи сохранили свой нѣмецкій характеръ вплоть до самой конституціонной эры—до 1867 г., принесшаго вмѣстѣ съ признаніемъ права народностей націонализацію школы. Но, какъ мы знаемъ, отношенія въ Галиції за это время успѣли радикально измѣниться сравни-

тельно съ 1848 годомъ, и правительство, склонное тогда поддерживать культурныя и национальныя стремленія русинской народности, въ 1860-хъ годахъ признало вполнѣ гегемонію польской шляхты въ Галиціи. Въ результатѣ, при замѣнѣ нѣмецкаго преподаванія въ гимназіяхъ Галиції «мѣстными языками», только одна гимназія—старая «академическая» гимназія Львова—получила преподаваніе па языкахъ русинскомъ, въ двухъ гимназіяхъ сохраненъ нѣмецкій языкъ (въ интересахъ, главнымъ образомъ, еврейскаго населенія), во всѣхъ остальныхъ введено преподаваніе па польскомъ языкахъ. Это пріобрѣтеніе польскіе владыки Галиції поспѣшили закрѣпить за собою закономъ, принятymъ галицкимъ сеймомъ, не смотря на энергическую оппозицію русинскаго меньшинства (22 іюня 1867 г., § 7): на основаніи его введеніе на будущее время русинскаго языка въ преподаваніе какой либо гимназіи или реальнаго училища, или открытие такого средняго учебнаго заведенія съ преподаваніемъ на русинскомъ языкахъ могло состояться пе иначе, какъ по особому постановленію галицкаго сейма, которому имѣеть предшествовать еще благопріятный отзывъ мѣстной «повѣтовой рады» (уѣздной земской управы). Этотъ законъ остается до сихъ поръ единственнымъ и исключительнымъ: въ прочихъ провинціяхъ Австріи подобное ограничение совершенно неизвѣстно. Несмотря на свою исключительность, онъ, однако, благодаря всемогущему вліянію польского клуба, получилъ санкцію правительства и сохраняетъ силу до сихъ поръ; тенденція его очевидна: галицкій сеймъ, въ которомъ австрійская избирательная система обезпечиваетъ подавляющее большинство представителямъ польской народности, сдѣлался властнымъ блюстителемъ господства польского языка въ средней школѣ. Онъ могъ отпинѣ наложить *veto* на каждую попытку правительства сдѣлать что нибудь для русинской народности въ этой сферѣ. Законъ этотъ обеспечивалъ польской народности не только дальнѣйшее владѣніе средними школами восточной Галиціи, захваченное въ 1867 г., но и гарантировалъ, что ущербъ, причиненный этимъ русинской народности; не будетъ вознагражденъ открытиемъ новыхъ среднихъ учебныхъ за-

ведецій съ преподаваніемъ па русинскомъ языку. Польское представительство края получило привилегію бытъ тормозомъ культурнаго развитія русинской народности. Съ этихъ поръ поляки могли бытъ спокойны относительно своего культурнаго преобладанія: ключъ къ культурному развитію русиновъ лежалъ въ ихъ рукахъ.

Изъ этихъ опасныхъ правъ, которыя давалъ имъ законъ 1867 г., польское общество и его сеймовые представители сдѣлали какъ нельзя болѣе рѣшительное употребленіе. Хотя среднія учебныя заведенія открываются правительствомъ на средства государственного казначейства (и поѣтому всюду въ Австріи учреждаются просто министерствомъ безъ санкції сеймовъ), поляки усвоили взглядъ, что каждое новое среднее учебное заведеніе съ русинскимъ языкомъ, учреждаемое въ Галиції, является уступкою, великодушнымъ даромъ русинской народности съ ихъ стороны, и вообще существованіе такихъ школъ—одно великодушіе съ ихъ стороны. Съ другой стороны, держась такого взгляда, что каждое культурное пріобрѣтеніе русиновъ является ущербомъ для полнаго и нераздѣльного господства польской народности, они старались не выпускать изъ рукъ этихъ «великодушныхъ подарковъ» и давали свое согласіе на учрежденіе новыхъ русинскихъ учебныхъ заведеній только въ крайности, т. е. тогда, когда уже никакъ нельзя было не дать: когда центральное правительство производило съ своей стороны слишкомъ сильное давленіе въ этомъ направленіи, или нужно было дать какую нибудь подачку русинамъ—какъ вознагражденіе за уступки или потери, причиняемыя имъ какимъ нибудь новымъ смѣлымъ «захоеваніемъ» поляковъ въ жизни и устройствѣ края. При этомъ, однако, припимались всѣ мѣры къ тому, чтобы такая новая русинская школа могла какъ можно меныше конкурировать съ школами польскими. Правда, за это уже въ сильной степени ручалась школьная администрація, находящаяся вполнѣ въ польскихъ рукахъ¹⁾, но кромѣ того принимались еще и другія мѣры

¹⁾ Г-нъ К. въ своей статьѣ также, очевидно, не допускаетъ возможности основанія русинской гимназіи иначе, какъ въ видѣ парал-

въ этомъ направленіи. Такъ польскія сферы, администрація и представительство, разъ навсегда приняли принципъ, что русинскія учебныя заведенія могутъ учреждаться только въ городахъ, гдѣ уже имѣются такія же польскія учебныя заведенія. Этотъ принципъ, совершенно нерациональный съ педагогической точки зрењія, такъ какъ создаетъ конкурирующія школы въ одной и той же мѣстности вмѣсто того, чтобы учреждать ихъ въ мѣстностяхъ, лишенныхъ вовсе средней школы, имѣть въ виду не допустить до того, чтобы поляки и евреи отдавали, за неимѣніемъ польского учебнаго заведенія, своихъ дѣтей въ русинское, гдѣ они были бы принуждены учиться по украински (русински) и подпадали бы *ruszczeniu*, какъ принуждены подпадать *polszczeniu* русинскія и еврейскія дѣти въ польскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ¹⁾). Русинскія среднія школы польскій сеймъ хотѣлъ допустить только въ видѣ параллельныхъ классовъ при польскихъ, и въ такой формѣ допускалъ первую изъ разрѣшенныхъ имъ русинскихъ гимназій (въ Пере myшль). Министерство не нашло возможнымъ держаться вполнѣ этого требованія; но все-таки русинскія гимназіи учреждаются сначала въ видѣ параллельныхъ классовъ при польскихъ, часто въ весьма неудобныхъ, невозможныхъ даже, по мѣщеніяхъ, имѣющихъся при польской гимназіи, и остаются и позже подъ *jednym dachem* съ польской, хотя и получаютъ, достигнувъ полнаго числа классовъ, самостоятельную организацію, и т. д.

Чтобы показать, какъ трудно достается русинамъ учрежденіе среднихъ учебныхъ заведеній съ русинскимъ языкомъ, я представлю вкратцѣ исторію основанія этихъ школъ и нѣсколько

льной къ польской. Предпочитается оставить дѣтей, въ томъ числѣ и польскихъ, данной мѣстности, не имѣющей никакой гимназіи, вовсе безъ образованія, только бы они не имѣли соблазна поступить въ гимназію русинскую.

¹⁾ Средними и низшими учебными заведеніями завѣдывается «училищный совѣтъ края» (краева шкільна рада, rada szkolna krajowa), состоящая изъ инспекторовъ и совѣтниковъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника Галиціи.

подробнѣе остановлюсь на весьма характерной исторіи послѣдней изъ нихъ.

Послѣ того, какъ поляки завладѣли всѣми средними школами въ 1867 г., оставя русинамъ только одну львовскую, русинамъ только въ 1880-хъ гг. удалось поставить на очередь дѣло объ учрежденіи новыхъ русинскихъ гимназій. Въ первую очередь былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи русинской гимназіи въ Перемышль (самомъ большомъ центрѣ восточной Галиції послѣ Львова), где къ этому времени число учащиковъ-русиновъ, доходило до 200, а по австрійскимъ школьнымъ правиламъ двѣстіи учениковъ представляютъ число достаточное для отдѣльной гимназіи. Министерство признавало справедливость этого требованія, но польское большинство сейма отказывало въ своеіь согласіи, прибѣгая ко всѣмъ, возможнымъ и невозможнымъ, аргументамъ начиная отъ недостаточнаго числа учениковъ и преподавателей-русиновъ и кончая соображеніемъ, что совмѣстное обученіе учениковъ русиновъ и поляковъ способствуетъ смягченію національнаго антагонизма (хотя принудительное обученіе русиновъ въ польскихъ школахъ съ польскимъ режимомъ, къ которому на практикѣ сводится эта теорія, именно усиливаетъ антагонизмъ, какъ показываетъ жизнь и какъ, впрочемъ, и по себѣ знаютъ это поляки, ратующіе противъ подобнаго школьнаго режима въ Россіи и Пруссіи). Четыре года (1884—1887) велась борьба въ сеймѣ за эту бѣдную перемышльскую гимназію, и наконецъ поляки, уступая внушеніямъ, исходившимъ отъ центральнаго правительства, дали согласіе на учрежденіе русинскихъ параллельныхъ классовъ при польской гимназіи, «помѣрѣ того, какъ въ нихъ окажется потребность». Это рѣшеніе было однако чѣсколько модифицировано при сообщеніи ему правительственной санкціи, и въ принципѣ была рѣшена русинская гимназія: параллельные русинскіе классы пополнялись съ каждымъ годомъ и затѣмъ были сформированы въ отдѣльную гимназію, которая съ началомъ учебнаго 1903—4 года уже имѣла 579 учениковъ и продолжаетъ увеличиваться¹⁾.

¹⁾ Статистическая данныя черпаю изъ офиціальныхъ отчетовъ (Sprawozdanie rady szkolnej krajowej; послѣдній вышедший отчетъ за 1902—3 г.).

Разрѣшеніе на двѣ слѣдующія гимназіи — коломыйскую и тернопольскую было дано при исключительныхъ обстоятельствахъ, и онѣ не проходили чрезъ столъ долгія мытарства. Разрѣшеніе на открытие русинской гимназіи въ Коломыѣ входило въ число тѣхъ «уступокъ», которыя должны были свидѣтельствовать о перемѣнѣ національного курса въ Галиції, а за эту перемѣну должна была состояться такъ называемая *ugoda*, русинско-польское соглашеніе, заключавшееся въ томъ, что русинская національная партія (народовці), представлявшая большинство русинской интеллигенціи, должна была принять знамя австрійского легитимизма, подобно полякамъ, а въ дѣйствительности—сдѣлаться вѣрными друзьями или слугами польской правящей партіи и ея господства въ Галиції. Такъ какъ русины такого характера соглашенія не предвидѣли и въ дѣйствительности перемѣны національного курса не усматривали, то эта «угода» просуществовала очень коротко, по оставила послѣ себя нѣкоторая «концессія» русинской народности, въ томъ числѣ и учрежденіе гимназіи въ Коломыѣ. Гимназія же въ Тернополѣ была учреждена по случаю 50-лѣтія правленія нынѣшняго императора; пользуясь этимъ случаемъ, поляки рѣшили достигнуть эвакуаціи старого королевскаго замка въ Краковѣ, занятаго австрійскими казармами. Въ сеймѣ было проведено постановленіе—реставрировать этотъ замокъ на счетъ края, т. е. цѣною специального увеличенія податей съ рабочихъ массъ, которыхъ должны были покрыть миллионные кредиты, выторованные на этотъ предметъ. Такъ какъ это предложеніе имѣло въ виду исключительно польскія національныя цѣли, то чувствовалась ощутительная надобность дать какую нибудь «концессію» и русинамъ, и такъ состоялось великодушное разрѣшеніе открыть въ Тернополѣ русинскую гимназію имени имп. Франца-Іосифа. Открытая сначала также въ видѣ параллельныхъ классовъ при польскихъ гимназіяхъ, русинская гимназія, несмотря на крайне неудобныя, ставшія притчею во языцѣхъ помѣщенія и тяготѣвшую на нихъ руку школьнай администраціи, развивалась все-таки успѣшно, и въ началѣ школьнаго года 1903—4 коломыйская гимназія, ставшая полной въ 1899—900 г., имѣла

уже 485 учениковъ, а тернопольская, въ составѣ всего шести классовъ (полною она будетъ съ будущаго года)—497 учениковъ.

Если бы русины усвоили вполнѣ ту умѣренность въ требованіяхъ, которую усиленно имъ рекомендуютъ галицкіе поляки, а заодно съ ними и г. К., они, вѣроятно, для учрежденія еще одпой гимназіи подождали бы слѣдующаго юбилея императора, и дѣло пошло бы, можетъ быть, глахе. Но будучи въ своихъ культурныхъ требованіяхъ очень прытки, они, едва успѣвъ получить великолушный даръ въ видѣ гимназіи въ Тернополѣ, начали хлопотать о новыхъ гимназіяхъ. На первый планъ выступилъ Станиславовъ, въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ сдѣлавшійся третьимъ (послѣ Львова и Перемышля) административнымъ центромъ восточной Галиції. Число учениковъ-русиновъ было здѣсь весьма значительно—приближалось къ двумстамъ, не очень многимъ уступая числу поляковъ, и сначала родители учениковъ, затѣмъ и русинскія общества и институціи начали ходатайствовать передъ школьнною администрациею обѣ открытии въ Станиславовѣ русинской гимназіи. Послѣ разныхъ препонъ и мытарствъ, поглотившихъ нѣсколько лѣтъ, дѣло это вышло на торжную дорогу галицкой рутинѣ въ 1900—1 г.: новѣтовая рада поддержала ходатайство, училищный совѣтъ края и мінистерство признало его законность и основательность. Не доставало только согласія сейма. Но тутъ то и загвоздка! Большинство сейма рѣшиительно не хотѣло согласиться на открытие новой русинской гимназіи. Въ виду требованій русиновъ правительство приняло было ее уже въ свою смыту, но польскій клубъ поставилъ рѣшительно свое veto, и вопросъ переданъ въ сеймъ, а этотъ послѣдній, точигѣ — его польское большинство рѣшиительно не хотѣло дать благопріятное рѣшеніе вопросу. Положеніе становилось очень неловкимъ. Станиславовская гимназія выросла до значенія вопроса первостепенной важности, заинтересовавшаго политиковъ цѣлой Австріи. Самъ императоръ, приѣхавъ въ Галицію осенью 1903 г., выражалъ съ рѣдкою въ русинскихъ дѣлахъ рѣшильностью свое желаніе, чтобы сеймъ рѣшилъ вопросъ въ благопріятномъ смыслѣ. Но большинство постановило выдержать ха-

рактеръ: сеймъ, сначала отложивъ рѣшеніе вопроса до слѣдующей сессіи, въ концѣ концовъ отказалъ въ своемъ согласіи. Депутаты-русины сложили свои полномочія. Выбранные снова, они опять поставили вопросъ обѣ этой несчастной гимназіи. Положеніе лѣтъ на этотъ разъ было иное: Поляки проводили цѣлый рядъ очень существенныхъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью дальнѣйшее упроченіе ихъ господства въ Галиції! во главѣ ихъ стоялъ законопроектъ о рентовыхъ хозяйствахъ, имѣвшихъ цѣлью раздачу сельскихъ участковъ на льготныхъ условіяхъ польскимъ крестьянамъ, для привлеченія такимъ образомъ польскихъ колонистовъ въ восточную Галицію, въ видахъ ея полонизаціи. Вотированный уже разъ, онъ не получилъ правительственной санкціи вслѣдствіе рѣзкой оппозиціи русиновъ, видѣвшихъ въ немъ ударъ, направленный противъ самого существованія русинской народности. Нужно было что нибудь дать русинамъ, и подъ конецъ сессіи было поставлено и вотировано учрежденіе станиславовской гимназіи, какъ своего рода вознагражденіе за очень сдержанную оппозицію депутатовъ-русиновъ. Обстоятельства, при которыхъ была сдѣлана польскимъ большинствомъ эта уступка, произвели гнетущее впечатлѣніе въ русинскомъ обществѣ и отравили всякое удовольствіе отъ этого пріобрѣтенія. Вдобавокъ, данная такой дорогой, эта новая русинская гимназія даже въ своемъ окончательномъ осуществленіи встрѣчается все съ новыми препятствіями; по послѣднимъ извѣстіямъ, открытие гимназіи встрѣтилось съ непредвидѣнными трудностями относительно помѣщенія: подъ вліяніемъ антирусинской агитациіи разные домовладѣльцы отказываются отдать въ наемъ свои дома подъ русинскую гимназію...

Такова печальная исторія этой послѣдней гимназіи. Шесть лѣтъ пришлось ея добиваться русинамъ, какъ Богъ знаетъ какой благодати, и, несмотря на сочувствіе этому требованію центрального правительства, получить только въ видѣ училищной подачки польского большинства при обстоятельствахъ, осквернившихъ это новое культурное пріобрѣтеніе. Подобная печальная перспектива предстоитъ, очевидно, и дальнѣйшимъ гимназіямъ,

ожидающимъ давно своей очереди. Изъ нихъ опять придется выбрать одну, отодвинувъ прочія на дальнѣйшую очередь; годами добиваться, обращаясь ко всѣмъ возможнымъ інстанціямъ, и ждать случая, когда полякамъ понадобится опять торговатъ русинскую душу, или русинскія кости...

А между тѣмъ, для преподаванія на польскомъ языкѣ, и такъ уже поставленнаго въ сравненіи съ русинскимъ въ чрезвычайно выгодныя условія, создаются все новыя и новые школы; для этого не встрѣчается никакихъ препятствій, никакихъ мытарствъ. Съ горечью указываютъ русины на то обстоятельство, что пока они съ такими трудностями добивались и не могли добиться одной стасиславовской гимназіи,—учреждено простыми административными распоряженіями *четырнадцать* новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній съ польскимъ преподаваніемъ¹⁾). Польская администрація и общество не перестаетъ очень настойчиво указывать на то, что Галиція, сравнительно съ своей терраторіей и населеніемъ, имѣеть среднихъ школъ гораздо меныше, чѣмъ другія провинціи Австріи, и требуетъ отъ правительства умноженія ихъ числа. Въ этомъ разсчетѣ фигурируетъ русинская (гораздо большая) половина Галиціи и русинское (также пѣсколько превосходящее польское) населеніе ея, и если кто имѣеть право сравнительно съ другими провинціями и народностями Австріи на увеличеніе образовательныхъ средствъ, въ частности среднихъ школъ, то именно русины. Но польская администрація, польское правительство домогаются и получаютъ на основаніи этихъ разсчетовъ школы польскія, а русинскія школы—это ужъ «другое дѣло», со *innego*, какъ говорится обыкновенно. Вотъ и г-нъ К.,

¹⁾ Это обстоятельство послужить отвѣтомъ на разсужденія г. К. (или его источника) на тему, что вмѣсто учрежденія новыхъ русинскихъ гимназій лучше бы улучшить материальное положеніе учительского персонала. Когда учреждаются новые польскія гимназіи, тогда объ этомъ нѣть и помину. А относительно русинскихъ гимназій всякий аргументъ бываетъ хорошъ, лишь бы препятствовалъ или оттягивалъ ихъ учрежденіе.

совершенно не стѣсняясь, заявляетъ, что русинскія среднія школы «представляются въ иѣкоторомъ родѣ роскошью и, благодаря русинскому преподавательскому языку, приносятъ весьма сомнительную пользу»; по его мнѣнію, даже увеличеніе числа русинскихъ гимназій влечетъ за собою «пониженіе уровня просвѣщенія». Такъ какъ среднія школы съ русинскимъ языкомъ подвѣдомственны тому же польскому школьному совѣту, обученіе происходитъ въ нихъ по учебникамъ, изданнымъ тѣмъ же совѣтомъ, преподавателями являются лица окончившія университетъ, который поляки такъ любятъ называть «польскимъ», испытанію подвергались въ экзаменаціонной комиссіи польской, то приходится прийти къ заключенію, что, по мнѣнію г. К. и его единомышленниковъ, самъ русинскій (украинскій) языкъ этихъ школъ понижаетъ ихъ культурный уровень—какъ я отмѣтилъ это уже выше; убѣжденіе очень характерное для польско-украинскихъ національныхъ отношеній.

Насколько уже теперь поставлена въ привилегированыя условія польская школьнaya молодежь въ сравненіи съ русинскою въ Галиції, покажутъ намъ нѣсколько цифръ¹⁾.

Съ началомъ учебнаго года 1903/4 было въ Галиції 49 среднихъ учебныхъ заведеній (гимназій и реальныхъ училищъ²⁾:

¹⁾ Къ сожалѣнію, галицкая статистика вообще, и школьнaya въ частности, питаетъ непреодолимое отвращеніе къ національнымъ рубрикамъ, и поэтому не даетъ возможности представить все значеніе и напряженность національной политики Галиціи. Учебные отчеты даютъ только двѣ таблички съ національными рубриками: школъ съ преподаваніемъ на томъ или другомъ языке и учениковъ въ концѣ учебнаго года по религіи и національности. При этомъ и здѣсь категории національности нуждаются въ поправкахъ. Евреи обыкновенно фигурируютъ въ рубрикѣ поляковъ. Поэтому таблички учениковъ по національностямъ, приведенные г. К., вовсе не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Такъ напр. въ общемъ числѣ учениковъ гимназій 1897/8 г., данномъ имъ, въ число поляковъ включено ок. 2700 евреевъ, составляющихъ свыше 18% общаго числа учениковъ...

²⁾ Въ эту цифру включены 3 філіальныя учебныя заведенія, т. е. параллельные классы, выдѣленные фактически въ отдѣльныя учебныя заведенія.

въ томъ числѣ съ польскимъ преподаваніемъ 43, съ русинскимъ 4, съ нѣмецкимъ 2¹). На восточную (русинскую) Галицію приходится въ томъ числѣ польскихъ школъ 25, русинскихъ 4, нѣмецкихъ 2. Итакъ, коренное русинское большинство восточной Галиціи, превосходящее число поляковъ въ четыре раза, имѣетъ среднихъ школъ съ русинскимъ языкомъ въ шесть разъ меньше, чѣмъ сколько имѣютъ поляки восточной Галиціи. Одна польская средняя школа приходится здѣсь приблизительно на 30 тыс. польского населенія, одна русинская—на 820 тыс. русинского населенія!..

Эта вопіющая неравномѣрность оказываетъ весьма существенное вліяніе на культурные успѣхи украинской народности Галиціи. Щансы русинского населенія, принужденного посыпать большинство своихъ дѣтей въ гимназіи и реальные училища польскія, и шансы населенія польского, посылающаго своихъ дѣтей въ гимназіи почти исключительно польскія, совсѣмъ не равны. Нерспектива прохожденія курса на языкѣ родномъ или чужомъ оказываетъ чрезвычайное вліяніе на количество дѣтей, пользующихся услугами средней школы. Передъ введеніемъ польского языка въ среднія школы число учениковъ-русиновъ въ восточной Галиціи превосходило число поляковъ. Нѣкоторыя цифры изъ этого времени кажутся теперь почти баснословными. Такъ, напр., въ гимназіи въ Самборѣ въ 1858 г. было 202 русина, 97 поляковъ. Въ Дрогобычѣ къ испытаніямъ зрѣлости въ 1870 г. (т. е. уже при польскомъ преподаваніи, но въ такомъ составѣ класса, какъ онъ сложился предъ введеніемъ польского языка) поступило 36 русиновъ и 5 поляковъ. Теперь, послѣ нѣсколькихъ энергическихъ «чистокъ», русины въ обѣихъ гимназіяхъ оказываются въ меньшинствѣ: по послѣднему отчету (190^{2/3} г.) въ Самборѣ было 313 поляковъ, русиновъ 166, въ Дрогобычѣ 177 поляковъ, русиновъ 125, и вообще число русиновъ въ среднихъ школахъ

¹) Изъ двухъ нѣмецкихъ гимназій одна—въ Брадахъ теперь также преобразовывается въ польскую.

восточної Галиції значително уступаєтъ числу поляковъ: въ гимназіяхъ восточной Галиції въ концѣ учебного года 190²/₃ (послѣднія опубликованныя цифры) было около 6.000 учениковъ поляковъ и около 4.000 русиновъ, а съ реальными школами около 7.000 поляковъ и свыше 4.000 русиновъ ¹⁾). Переходъ школьного дѣла въ руки польской администраціи и введеніе польского преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Галиції были причинами, приведшими къ такой перемѣнѣ. Учрежденіе русинскихъ школъ, гимназій и реальныхъ школъ во всѣхъ значительнѣйшихъ пунктахъ восточной Галиції и создание отдельного управлениія для русинскихъ школъ (этотъ постулатъ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ національной программѣ галицкихъ русиновъ, но эти требованія «раздѣла училищнаго союза» остаются до сихъ поръ бесплодными, разбиваясь о противодѣйствіе поляковъ) несомнѣнно очень скоро и сильно подняли бы число учениковъ русиновъ и радикально измѣнили бы процентное отношеніе учениковъ обѣихъ народностей.

Въ русинскихъ кругахъ не умолкаютъ жалобы на то, что школьніе дѣло въ рукахъ польской администраціи, а особенно польскія школы служатъ ареной національной борьбы; что въ польскихъ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ къ ученикамъ русинамъ относятся гораздо строже, чѣмъ къ полякамъ; что они подвергаются здѣсь очень усердной «чисткѣ» со стороны преподавателей и начальства, весьма усердно противодѣйствующихъ «перепроизводству» русинской интеллигенціи и энергически искореняющихъ среди русинской молодежи вольный духъ и національный антагонизмъ; что такие факты и поступки, для которыхъ по отношенію къ польской молодежи находятъ оправданіе въ «юношеской горячности», «патріотическомъ увлеченіи»—по отношенію къ молодежи русинской караются очень строго и безпощадно... Нѣко-

²⁾ Въ виду отмѣченныхъ выше свойствъ галицкой школьнай статистики, цифры русиновъ и поляковъ могутъ быть выведены только приблизительно.

торые эпизоды получили широкую огласку. Таково, напр., недавнее дѣло о преслѣдованіи учениковъ-русиновъ въ бродской гимназії; Дрогобычъ, извѣстный вообще своими избѣніями русинскихъ младенцевъ, подкосновшими прежнее численное преобладаніе учениковъ-русиновъ въ этой гимназіи, недавно снова напомнилъ о себѣ довольно характернымъ эпизодомъ: антипольскій дѣбошъ, произведенный въ городѣ *неизвестными* людьми, далъ поводъ гимназическому начальству исключить рядъ учениковъ-русиновъ изъ гимназіи, вовсе безъ всякихъ уликъ, а на пріемныхъ экзаменахъ, происходившихъ чрезъ нѣсколько дней по упомянутому со-бытию, изъ 20 русиновъ, державшихъ экзаменъ, волею судебъ провалилось *семнадцать*.

Этими условіями—дѣйствіемъ предохранительного клапана, по маниовенію руки освобождающаго учебное заведеніе отъ нежелательныхъ излишковъ¹⁾, объясняютъ сравнительную малочисленность русиновъ въ польскихъ школахъ и то обстоятельство, что имъ никогда не удается сравняться въ числѣ съ поляками. Напр., такой въ свое время опубликованный фактъ. Въ самборской гимназіи въ 189^{8/9} г. было въ VII классѣ 23 русина, 22 поляка и 6 евреевъ; изъ нихъ въ VIII классѣ перешло 11 русиновъ, 21 полякъ и 6 евреевъ, провалилось 12 русиновъ, 1 полякъ и ни одного еврея,—равновѣсіе было возстановлено!

Въ силу подобныхъ эпизодовъ, въ русинскомъ населеніи установилась за польскими гимназіями довольно невеселая репутація. Независимо отъ нея, самое преподаваніе на польскомъ языкѣ и роль польского языка, какъ главнаго предмета въ преподаваніи, является немалымъ препятствіемъ къ успѣшному прохожденію курса русинами: польскій языкъ служить камнемъ преткновенія для русинскихъ дѣтей, особенно крестьянскихъ, уже

¹⁾ Фактъ не лишенный значенія, что директорами въ учебныхъ заведеніяхъ съ польскимъ языкомъ никогда не назначаются русины, исключая вполнѣ отказавшихся отъ своей національности, хотя между преподавателями этихъ учебныхъ заведеній русиновъ довольно много,

на порогъ гимназіи и не перестаетъ для нихъ быть и впослѣдствіі. Поэтому, крестьяне, очень часто изъ послѣдняго тянущіеся, чтобы дать дѣтямъ образованіе, неохотно отдаютъ ихъ въ польскія гимназіи. При всѣхъ недостаткахъ гимназій русинскихъ, зависящихъ отчасти отъ общихъ условій школьнаго дѣла въ Австрії, отчасти отъ спекіального вниманія, которымъ пользуются онѣ у польской администраціи, весьма тщательно подбирающей для нихъ составъ преподавателей,—все-таки преподаваніе на родномъ языкѣ очень сильно облегчаетъ прохожденіе въ нихъ курса русинскимъ дѣтямъ, и атмосфера въ нихъ несомнѣнно для нихъ легче—хотя, конечно, поблажки не дается тутъ. Наоборотъ, находясь подъ очень бдительнымъ надзоромъ администраціи, русинскія гимназіи относятся къ своимъ питомцамъ съ требовательностью несомнѣнно даже большую, чѣмъ та, какую встрѣчаютъ поляки въ польскихъ¹⁾). Напр., въ 1900/1 г. процентъ вышедшихъ до окончанія курса и не выдержавшихъ испытаній въ русинскихъ гимназіяхъ далъ 25%, въ польскихъ и нѣмецкихъ гимназіяхъ восточной Галиціи 22%, въ западной Галиціі, где ру-

¹⁾ Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что на громадномъ большинствѣ учениковъ русинскихъ гимназій лежитъ бремя почти невѣдомое ученикамъ-полякамъ: изученіе другого мѣстнаго языка. Въ польскихъ гимназіяхъ долженъ преподаваться украинскій (русинскій) языкъ, какъ необязательный предметъ, въ русинскихъ—польскій. Но украинскій языкъ преподается въ дѣйствительности далеко не во всѣхъ польскихъ гимназіяхъ, преподаваніе его происходитъ по программѣ очень сокращенной сравнительно съ польскимъ, и ведется обыкновенно спустя рукава, а учится ему очень мало учениковъ-поляковъ; польскій же языкъ въ русинскихъ гимназіяхъ составленъ очень серьезно, и школьнное начальство прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы это дѣло было поставлено какъ можно лучше, и ученики русины записывались на этотъ предметъ въ возможно большемъ числѣ. Поэтому ученики русинскихъ гимназій въ огромномъ большинствѣ учатся польскому языку не всегда даже добровольно. Заботливость о польскомъ языке доходитъ иногда до курьезовъ; напр., при учрежденіи русинской гимназіи въ Коломыѣ, прежде всего былъ назначенъ въ эту гимназію преподаватель польского языка (необязательного предмета!)

синскій элементъ почти отсутствуетъ, около 19%. При пріемныхъ экзаменахъ того же года въ русинскихъ гимназіяхъ не выдержало испытаній 25%, въ прочихъ восточно-галицкихъ—23%, въ западныхъ—18, 8%. Несмотря на эту сравнительную строгость, все-таки, благодаря родному языку, положеніе русинской молодежи здѣсь много сноснѣе, и потому наплыvъ ея въ эти гимназіи очень значителенъ.

Насколько русинское населеніе дорожить русинскими гимназіями, показываетъ уже одинъ тотъ фактъ, что въ четырехъ русинскихъ гимназіяхъ восточной Галиції обучается почти половина всѣхъ учениковъ-русиновъ среднихъ школъ восточной Галиціи—въ 1902/3 г. около 48%. Каждая изъ русинскихъ гимназій притягиваетъ учениковъ изъ очень большого района. Еще большую притягательную силу имѣеть она для своей ближайшей окрестности. Несмотря на крайне стѣсненное материальное положеніе и всякие расходы, еще больше затруднившіе доступъ въ среднюю школу неимущему люду въ послѣдніе годы¹⁾, крестьяне ближайшей окрестности тянутся изъ послѣднихъ силъ къ русинской школѣ: изъ ближайшихъ подгородныхъ сель, за нѣсколько верстъ, дѣти ходятъ въ гимназіи пѣшкомъ; изъ болѣе дальнихъ крестьяне держать дѣтей въ городѣ на своихъ харчахъ у родныхъ, знакомыхъ и т. д. Такимъ образомъ, открытие каждой новой русинской гимназіи создаетъ новый контингентъ учениковъ изъ русинского крестьянского бѣдного городского населенія данной мѣстности, страстно рвущагося въ настоящее время къ образованію, къ свѣту, но не имѣющаго возможности посыпать дѣтей въ болѣе отдаленные русинскія гимназіи, и далеко не такъ охотно обращающагося къ гимназіямъ польскимъ, съ чужимъ языкомъ и чужимъ режимомъ. Этимъ объясняется быстрый ростъ

¹⁾ Такъ увеличена была очень значительно плата за ученіе, введена форменная одежда — нововведенія, тяжело легший на неимущіе классы. Былъ ли тутъ умыселъ, какъ подозревали, трудно сказать, но что эти мѣры утруднили и безъ того нелегкій доступъ къ средней школѣ неимущему русинскому населенію, это не подлежитъ сомнѣнію.

учениковъ-русиновъ въ городахъ, гдѣ появляется русинская гимназія. Такъ 15 лѣтъ тому назадъ, предъ учрежденіемъ русинской гимназіи въ Перемышлѣ было гимназистовъ-русиновъ 212, въ 1903 году ихъ тамъ было 546, а въ началѣ 1893—4 г. около 650. Въ Коломыѣ предъ открытиемъ русинской гимназіи, въ концѣ 1889—90 г. было русиновъ 168, въ концѣ 1902—3 г. 428, въ началѣ 1903—4 г. свыше 500. Въ Тернополѣ въ 1895—6 г. было русиновъ 151, въ концѣ 1902—3 г. 438, въ началѣ 1903—4 около 560¹⁾). Можно себѣ представить, какой переворотъ въ статистикѣ учениковъ, какія перемѣны въ культурѣ края вызвало бы учрежденіе хотя бы приблизительно такого числа русинскихъ гимназій, какое слѣдовало бы украинской народности Галиціи по соображеніямъ «національной справедливости»—если бы они, превосходя числомъ поляковъ, получили хотя бы приблизительно такое число среднихъ школъ, сколько имѣется теперь школъ съ польскимъ языкомъ, если бы школы съ русинскимъ языкомъ появились во всѣхъ значительнѣйшихъ городахъ и городкахъ восточной Галиціи...²⁾

Теперь посыпать своихъ дѣтей въ русинскую гимназію, за десятки и сотни верстъ, для большинства является совершенно недоступною роскошью. Въ 1902—3 г. около 55% всѣхъ руси-

¹⁾) Цифры учениковъ при окончаніи школьнаго года вообще значительно ниже его начала; много бываетъ принуждено уйти послѣ первыхъ отмѣтокъ, такъ какъ одинъ плохой баллъ лишаетъ на право освобожденія отъ платы за ученіе, а эта довольно высокая плата для очень многихъ создаетъ непреодолимую преграду къ дальнѣйшему обученію. Интересно, что и въ этомъ отношеніи русины, кажется, поставлены въ худшія условія, чѣмъ поляки; на это указываетъ разница между восточною и западною Галиціею: въ послѣдней процентъ освобожденныхъ отъ платы выше. Напр. въ 1900—1902 г. въ гимназіяхъ восточной Галиціи было освобождено 65% учениковъ, въ гимназіяхъ западной—74%.

²⁾) Малое число учениковъ-русиновъ въ реальныхъ школахъ несомнѣнно также объясняется отсутствиемъ реальныхъ школъ съ русинскимъ языкомъ: учрежденіе одной такой школы сразу бы подняло ихъ число.

новъ, учениковъ среднихъ школъ Галиції, обучалось въ учебныхъ заведеніяхъ съ не-роднымъ языкомъ (главнымъ образомъ польскимъ), между тѣмъ какъ изъ числа учениковъ—поляковъ около 2% (*два!*) посѣщало среднія школы съ преподаваніемъ не на польскомъ языке!..¹⁾ Еще одна маленькая, но краснорѣчивая цифра..

При продолжающемся хроническомъ обѣднѣніи русинскаго населенія Галиції, при тѣхъ трудностяхъ, которыя встрѣчаются русинскихъ дѣтей въ школѣ (онѣ въ суммѣ, несомнѣнно, гораздо выше, сравнительно съ условіями, въ которыхъ обучаются польскія дѣти), главнымъ образомъ русинскимъ гимназіямъ обязано русинское населеніе тѣмъ, что процентъ русинскихъ дѣтей въ общей суммѣ учащейся молодежи не только не падалъ, но даже понемногу увеличивался за это время. Все складывалось такъ, что оѣъ долженъ былъ падать: ведь польскія среднія школы за это время росли въ Галиціи, какъ грибы, сравнительно съ русинскими; всячески покровительствовалась польская школьнага моложежь; въ огромномъ (сравнительно) числѣ двинулася въ среднія школы еврейскій пролетаріатъ, ища въ образованіи выходъ изъ своего также бѣдственнаго положенія; не хочу уже говорить о чисткахъ и всякихъ стѣсненіяхъ... Но несмотря на все это, процентъ учениковъ—русины понемногу возрасталъ: въ 1897 г. ученики-русины составляли 17,79% въ общей суммѣ учениковъ гимназій Галиції (восточной и западной), въ 1898—18,29%, въ 1899 г.—19,01%, въ 1900—19,20%, въ 1901 г.—19,54%²⁾.

Итакъ, украинская средняя школа является жгучей потребностью въ современной Галиції, и учрѣженіе новыхъ школъ съ украинскимъ языкомъ—неотложной воцѣющей необходимости. Такъ какъ польское большинство, конечно, не допускаетъ и мысли

¹⁾ Они посѣщали гимназіи съ нѣмецкимъ языкомъ; въ русинскихъ гимназіяхъ, благодаря указанной выше политикѣ польскихъ правящихъ сферъ, поляковъ нѣть *вовсе*.

²⁾ За 1902 г. отчетъ даетъ процентъ невѣрный, потому его не привожу.

о преобразованіи какихъ-либо школъ съ польскимъ языкомъ въ школы русинскія (и сами русины не требуютъ этого), то значитъ—необходимо учредить новыя учебныя заведенія съ русинскімъ языкомъ. Польское большинство не допускаеть существованія ихъ въ мѣстностяхъ, лишенныхъ вовсе средней школы—значитъ, необходимо учреждать параллельныя школы при существующихъ польскихъ. Если мы примемъ во вниманіе, въ какихъ стѣснительныхъ условіяхъ стоять русинскія дѣти въ польскихъ школахъ, то является совершенно очевиднымъ, что во всѣхъ городахъ, гдѣ, несмотря на эти неблагопріятныя условія—дѣйствіе предохранительныхъ клапановъ, недовѣріе къ польской школѣ среди русинскаго населенія и т. п.,—число учениковъ русиновъ достигаетъ все-таки сотни, тамъ уже вполнѣ назрѣла нужда и необходимость въ украинской гимназіи, а для нея имѣется уже полный контингентъ учениковъ. Опытъ показалъ уже на прежнихъ гимназіяхъ, что тамъ, гдѣ передъ учрежденіемъ русинской гимназіи было 150—200 русиновъ, по учрежденіи русинской гимназіи, когда она достигла полнаго числа классовъ, въ ней оказывалось до 400 и 500 учениковъ. Въ настоящее же время, когда стремленіе къ образованію въ русинскомъ населеніи все усиливается, каждая русинская гимназія имѣть въ будущемъ шансы развивать въ окрестномъ населеніи все большую притягательную силу.

Въ концѣ 1902—3 учебнаго года, не считая Станиславова, въ слѣдующихъ гимназіяхъ число учениковъ-русиновъ перешло за сто: Бережаны 213 русиновъ, Санокъ 171. Самборъ 166, Стрый 165, Золочивъ 139, Бучачъ 136, Броды 130, Дрогобичъ 125. Итого, не считая Станиславова, уже получившаго русинскую гимназію—in spe, было уже два года тому назадъ восемь такихъ пунктовъ. Въ этомъ году, вѣроятно, число ихъ достигло десятка. Въ каждомъ изъ нихъ русинская гимназія, если бы дошла до полнаго числа классовъ, несомнѣнно имѣла бы число учениковъ гораздо выше признаваемаго австрійскою школьнью администрациєю достаточнымъ числомъ—двухсотъ учениковъ.

Учреждение украинскихъ среднихъ школъ въ упомянутыхъ восьми мѣстностяхъ—это тотъ *minimum*, который долженъ бы быть данъ русинамъ безотлагательно теперь же, чтобы хотя отчасти смягчить ущербъ, причиненный русинской народности въ этой сферѣ. Но о такомъ требованіи русины не смѣютъ даже помышлять. Такъ трудно исполняются требованія даже одной гимназі! Каждый разъ сначала съ польской стороны поднимается крикъ о томъ, что польскому *stanu posiadania* грозить ущербъ; что русины и безъ того занимаютъ привилегированное положеніе въ школьнномъ дѣлѣ¹⁾; что русинскія гимназіи служатъ разсадникомъ дурныхъ нравовъ и національного антагонизма (хотя въ русинскихъ гимназіяхъ, подъ усиленнымъ надзоромъ польской администраціи, школьнной молодежи въ этомъ отношеніи предъявляются требованія гораздо болѣе строгія, чѣмъ какія предъявляются молодежи польской); что вмѣсто того, чтобы учреждать русинскія гимназіи для горсти учениковъ-русиновъ, слѣдуетъ по заботиться объ учрежденіи новыхъ польскихъ школъ во избѣженіе ихъ переполненія²⁾; что для русинскихъ гимназій не найдется преподавателей русиновъ, хотя ихъ въ дѣйствительности много преподаєтъ въ польскихъ гимназіяхъ, а немало находится «въ заточеніи» въ школахъ западной Галиції³⁾, и т. п.

¹⁾ Такое утвержденіе, являющееся настоящею насыщеною надъ галицкой дѣйствительностью, находимъ и у г. К.; неосторожно также говорить онъ, что „учащійся русинъ обходится государству несравненно дороже учащагося поляка“. Въ интересахъ польской народности, давшей въ учебномъ году 1902/3 ок. 15.500 учениковъ, правительство содержало 40 среднихъ школъ съ польскимъ языкомъ; учениковъ-русиновъ было свыше 4000 при четырехъ школахъ русинскихъ; значитъ, въ интересахъ учениковъ-поляковъ правительство дѣлало почти въ три раза больше, чѣмъ для учениковъ-русиновъ, и приходится сказать, что именно ученикъ-полякъ дороже всего обходится ему.

²⁾ И это соображеніе повторяетъ г. К. Въ общемъ, однако, русинскія гимназіи не менѣе людны, чѣмъ польскія, въ среднемъ насчитываютъ по 509--600 учениковъ.

³⁾ Я могъ насчитать (статистики такой, конечно, нѣть) не менѣе 15 преподавателей русиновъ, занимающихъ, конечно, противъ

Этимъ утверждениямъ и предположеніямъ едва ли вѣрять серьезно и тѣ господа, которыепускаютъ ихъ въ ходъ, когда заходитъ рѣчь о русинскихъ гимназіяхъ. Причина упорного сопротивленія, которое оказываютъ поляки учрежденію новыхъ русинскихъ гимназій (за счетъ государственного казначейства), лежить въ сознаніи ими того обстоятельства, которое заставляетъ русиновъ такъ упорно ихъ добиваться: что польскія школы задерживаютъ культурное развитіе русинского населенія, а распространение украинской средней школы послужило бы могущественнымъ средствомъ его культурного подъема. Стараясь всѣми средствами сохранить политическое и национальное, экономическое и культурное господство и преобладаніе польской народности надъ русинскою, польские круги и представляющее ихъ большинство галицкаго сейма всѣми мѣрами противодѣйствуютъ всему, что можетъ содѣйствовать подъему и развитію русинской народности—политическому, национальному или культурному.

IV.

Галицкій сеймъ, гдѣ полновластно царить вполнѣ солидарное въ национальныхъ вопросахъ польское большинство, благодаря принятой избирательной системѣ и установившейся подъ польскимъ режимомъ практикѣ, составляющее около 90 проц. всего его состава—можетъ служить вообще хорошимъ показателемъ национальныхъ отношений Галиціи. Я не буду, однако, пускаться въ характеристику национальной тактики сейма и господствующихъ въ немъ отношеній, а ограничусь красорѣчивымъ языкомъ цифръ сеймовыхъ бюджетовъ—они дадутъ достаточно характерный образчикъ этихъ отношеній. При этомъ, хотя вся вообще земская организація, находящаяся въ завѣдываніи сейма и питаемая его бюджетомъ, имѣть сильно выраженный польскій

воли, по извѣстной уже намъ административной политикѣ, мѣста преподавателей въ среднихъ школахъ западной Галиціи.

характеръ, я ограничусь тѣми рубриками его бюджета, гдѣ въ самыхъ ассигнованіяхъ достаточно ясно указывается ихъ национальный характеръ.

Итакъ, въ бюджетѣ на 1904 г.¹⁾ находимъ:

а) Въ отдѣлѣ ассигновокъ на частныя учебныя и воспитательныя учрежденія мы видимъ:

Субсидії школамъ и учрежденіямъ поль-	
скимъ	74.830 кр. ²⁾ .
Школамъ и учрежденіямъ русинскимъ . .	10.400 »
Гимнастическому обществу польскимъ .	4.600 »
Гимнаст. обществамъ польскимъ и русин-	
скимъ	4.000 »

(Изъ этой суммы русинскія получаютъ лишь нѣсколько сотъ кронъ, остальное польскія).

б) Въ категоріи научныхъ и просвѣтительныхъ обществъ и изданій:

Польская академія наукъ въ Краковѣ . . . 79.000 кронъ.

(Одновременно сеймъ ходатайствуетъ объ увеличеніи субсидії государственного казначейства съ 40.000 на 50.000 кр.).

Для ученыхъ обществъ и изданій поль-
скихъ . . . . . 6.800 кронъ.

Русинскому Науковому товариству ім. Шев-
ченка (объединяющему теперь всю научную
дѣятельность галицкаго украинства и являю-
щемуся единственнымъ русинскимъ научнымъ
учрежденіемъ) . . . . . 10.000 »

(Предъ правительствомъ въ его интересахъ сеймъ не счита-
етъ нужнымъ ходатайствовать).

¹⁾ Отчеты галицкаго тейма 1902—3 г.—Budżet krajowy na r. 1904 (послѣдній изъ опубликованныхъ).

²⁾ Крона—полгульдена, почти равняется франку.

г) Польскимъ просвѣтительнымъ обществамъ и популярнымъ изданіямъ.	20.100	кронъ.
Русинскимъ.	9.400	"
(При нѣкоторыхъ русинскихъ изданіяхъ оговаривается, что субсидія имѣеть быть выплачена только въ томъ случаѣ, если въ изданіяхъ не будетъ замѣчено ничего вреднаго).		
На изданіе учебниковъ польскихъ субсидія.	3.000	кронъ.
На русинскіе	12.000	"
д) На театры польскіе	119.000	"
На театръ русинскій.	18.500	"
Польскимъ учрежденіямъ художественнымъ, музыкальнымъ и пр.	38.900	"
Русинскимъ—ничего.	—	
На пѣвческія общества.	3.000	"
На стипендіи	6.000	"
(Изъ послѣднихъ двухъ ассигнованій получають кое что и русины).		
е) Поддержаніе историческихъ памятниковъ (исключительно польскихъ)	48.220	кронъ.
Расходы администраціи (польской) архивовъ и охраны памятниковъ.	42.320	"
ж) Польскія сельско-хозяйственныя школы и общества	659.274	"
Русинскія (обществу Просвѣтія).	4.000	"
з) Ремесленныя школы (польскія, русинскихъ нѣть)	73.976	"
Практическіе курсы и учебныя мастерскія (съ польскимъ характеромъ).	191.888	"
Субсидіи для технич. училищъ (польскихъ).	30.332	"
Коммерческія училища (польскія)	32.000	"
и) Благотворительныя учрежденія польскія.	45.000	"
Русинскія	1.800	"
Томъ 90,—Іюль-Августъ, 1905.	I—15	

Я оставлять въ сторонѣ тѣ ассигновки, изъ которыхъ могли получать кое-что и русины, или оговаривалъ эту возможность и старался отмѣтить все, что могло имѣть характеръ поддержки культуры или національности русинской. Въ общей сложности такихъ ассигновокъ не наберется и на сто тысячъ при миллионныхъ ассигновкахъ на цѣли польскія, на учрежденія съ польскимъ характеромъ. Ассигновки на русинскія цѣли являются ничтожнымъ исключеніемъ изъ общаго правила: польское большинство смотритъ на нихъ, какъ на великодушную подачку отъ своихъ шляхетскихъ щедротъ; пужды нѣть, что средства на эти ассигновки даютъ народныя массы, въ которыхъ русины составляютъ неменѣшій процентъ, чѣмъ поляки. Вся дѣятельность, развиваемая сеймомъ, его исполнительные органы, его учрежденія имѣютъ польский характеръ, выражаемый не менѣе, а еще болѣе рѣзко, чѣмъ въ казенной польской администраціи, и вся «автономическая» (земская) машина Галиції представляеть одинъ большой централизующій аппаратъ, бросающій только обрывки русинской народности и всѣми силами работающій для упроченія политического, культурного и національного господства польского элемента. Русинская народность, по своей слабости и обездоленности имѣющая право на особенное вниманіе мѣстнаго представительства, имѣть въ немъ, вѣрнѣе — въ его сеймовомъ большинствѣ, могучаго противника, пользующагося довольно значительнымъ бюджетомъ края (ок. 25 мил. кронъ) всецѣло для усиленія элемента польского. Принято за принципъ въ польскихъ кругахъ, что, виѣ субсидируемыхъ сеймомъ русинскихъ учрежденій и обществъ, всѣ учрежденія и институціи общаго характера должны имѣть характеръ польский, одинаково въ польской (западной), какъ и въ русинской (восточной) Галиціи, хотя по всей справедливости въ этой послѣдней онѣ должны были бы имѣть характеръ русинскій. Но обѣ этомъ нечего и думать! Вѣдь польскій элементъ — господствующій, поддержаніе его является альфою и омегою сеймовой политики, и всякая ассигновка для русинскихъ учрежденій, русинскихъ обществъ разсматривается какъ

небезопасный ущербъ полнотѣ этого господства. Галицкій сеймъ не цаходитъ нужнымъ считаться съ нуждами русинской народности даже настолько, насколько считается съ пими центральное правительство—наоборотъ, какъ мы видѣли въ вопросѣ о гимназіяхъ, по мѣрѣ силъ онъ тормозить дѣйствія правительства, предпринимаемыя въ интересахъ русинскаго населенія.

Я не имѣю возможности продолжать далѣе этотъ обзоръ польско-украинскихъ отношеній Галиціи, хотя было бы очень поучительно присмотрѣться къ отношеніямъ въ политической сфере, къ условіямъ экономическимъ, созданнымъ польскимъ режимомъ Галиціи, къ организаціи народнаго образованія, къ практикѣ конституціонной жизни. Но и приведенныхъ мною фактovъ, я думаю, достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ національныхъ отношеній, и прочитавшему предшествующія главы этой статьи не покажутся, надѣюсь, голословными мои общія замѣчанія относительно того правоученія, которое г. К. намѣревался извлечь изъ галицкихъ польско-украинскихъ отношеній для такихъ же отношеній Россіи, и которое я также хочу извлечь въ заключеніе моей статьи.

Галичина послужила пробнымъ камнемъ для польско-украинскихъ отношеній въ новыхъ условіяхъ конституціоннаго государства. Какъ сложились эти отношенія, мы видѣли. Пользуясь тѣми преимуществами, какія давало имъ крупное землевладѣніе, наличность нѣкоторыхъ (значительныхъ только въ сравненіи съ полнымъ отсутствиемъ ихъ у русиновъ) культурныхъ средствъ, нѣкоторой (также самой по себѣ очень небольшой) интеллигентіи, поляки, т. е. верхніе слои польской народности, захватили въ свои руки управлѣніе и представительство края и постарались использовать конституціонныя формы для утвержденія полнаго и прочнаго господства своего класса и своей народности, придавивъ совершенно народность украинскую и связавъ ее, вмѣсто прежнихъ цѣцей крѣпостныхъ, густою сѣтью болѣе тонкихъ, но прочныхъ узъ. И сдѣлала это не какая либо группа мрачныхъ крѣ-

постниковъ. Въ этой «органической работе» (*praca organiczna*), какъ называютъ ее поляки, видную роль сыграли выдающіеся представители польского общества, либералы и патріоты, «борцы за нашу и вашу вольность»¹⁾, умѣвшіе предъ тѣмъ смѣло и самоотверженно выступить въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ—австрійскимъ централизмомъ,—но не сумѣвшіе найти руководящей идеи справедливости и гуманности, когда пришлось установить отношеніе къ слабѣйшимъ—къ русинской народности, «за вольность» которой мнили они себя борцами... Въ этомъ становѣ гospодствующихъ оказалось много выходцевъ и изъ Россіи, участниковъ демократическихъ, свободолюбивыхъ движеній, которыхъ на первыхъ порахъ отношенія къ русинамъ шокировали иногда довольно сильно, но скоро они осваивались съ галицкими отношеніями, и теперь, напр., среди крайнихъ націоналистовъ, т. и. вшихполяковъ, также можно немало указать выходцевъ изъ Россіи—эти выходцы собственно и создали вшихпольское движение...

Эпизодъ достаточно поучительный и для россійской Украины. Западная часть—Подолье, Волынь, не говоря уже о Побужжї, (Холмщина и Подлясье)—долго жила въ однихъ условіяхъ съ Галичиною и очень сильно напоминаетъ теперь состояніе передъ конституціонной эрой Австріі. Все почти крупное землевладѣніе въ рукахъ поляковъ; они составляютъ верхній слой мѣстного населенія, они, главнымъ образомъ, представляютъ мѣстную интеллигенцію. Мѣстное украинское населеніе темно и беспомощно; при отсутствії украинскихъ интеллигентныхъ силъ, оно стоитъ еще въ худшемъ положеніи сравнительно съ галицкимъ русинскимъ населеніемъ, благодаря отчужденію отъ народныхъ массъ мѣстного духовенства, составившаго въ Га-

¹⁾ Такъ называются участники польскихъ восстаній, ставившіеся привлечь къ участію также и русинское населеніе и называвшіе, а иногда и искренно считавшіе себя борцами за вольность не только польской, но и русинской народности Галиціі.

лиції первые кадры (хотя и не высокаго качества) русинской интеллигенції.

Какъ въ Галичинѣ, такъ и въ упомянутыхъ мѣстностяхъ Западной Украины, шансы коренного украинского населенія, несмотря на его полное численное преобладаніе, въ настоящее время несомнѣнно стоять хуже, чѣмъ мѣстной польской народности. Польское населеніе было ограничено до сихъ поръ въ своихъ гражданскихъ и имущественныхъ правахъ,—это правда. Но мѣстному украинскому населенію это никакого преимущества не давало; массы оставались и остаются въ экономической зависимости отъ польского владѣльческаго класса, а при сохраненіи существующихъ порядковъ въ будущемъ имъ грозятъ также и иная категоріи зависимости. При всѣхъ стѣсненіяхъ, польская народность и теперь сравнительно съ украинской занимаетъ фактически привилегированное положеніе, благодаря имущественному преобладанію. Въ отношеніи культурномъ и национальномъ польская народность была поставлена въ условія несравненно болѣе благопріятныя.

Статья г. К., поляка изъ юго-западнаго края, берущаго въ свою оборону польско-украинскія отношенія Галиціи и доказывающаго, что эти отношенія совершенно соответствуютъ «национальной справедливости», являются довольно непріятнымъ симптомомъ—тѣмъ болѣе, что я не вижу, чтобы кто-нибудь изъ его ближайшихъ земляковъ заявилъ, въ какой-угодно мягкой формѣ, свою несолидарность съ такимъ пониманіемъ национальной справедливости въ польско-украинскихъ отношеніяхъ. Серьезнымъ симптомомъ являются недавнія события въ Холмщинѣ, где про-блескомъ раскрытия мѣстныхъ отношеній польское общество воспользовалось далеко не духомъ «национальной справедливости». Впродолженіе тридцати лѣтъ выступало оно въ роли защитника и покровителя насильственно упраздненной унії, теперь же, когда указъ о вѣротерпимости открывалъ возможность возвращенія унії и созданія народной украинской церкви, оно не только не поддержало стремленій къ возстановленію унії, но отнеслось къ

нимъ даже враждебно: въ польскихъ органахъ и кругахъ открыто заявляли, что возстановленіе унії было бы не въ интересахъ польской національности, и «общество покровительства унії» въ своихъ циркулярахъ поручало бывшимъ уніатамъ, не упоминая объ упії, требовать причисленія ихъ къ католичеству, а заявлять желанія о возстановленіі уніатской церкви рѣшительно отсовѣтывало. Нужно ли говорить, что въ основѣ этого привлеченія бывшаго уніатскаго украинскаго населенія къ католичеству лежали и лежать мотивы національные? Вмѣсто того, чтобы помочь украинскому населенію въ національномъ самоопредѣленіи, польское общество постаралось использовать представившійся моментъ для усиленія польской стихіи въ ущербъ украинской.

Я не сомнѣваюсь, что среди поляковъ юго-западнаго края и вообще среди поляковъ Россіи есть немало людей чуждыхъ стремлений «воинствующей Польши» – *Poloniae militantis*. Но они очень слабо себя проявляютъ. Я не встрѣтилъ указаний, чтобы съ этой стороны раздался трезвый предостерегающій голосъ по уніатскому вопросу. Не вижу, чтобы кто-нибудь указалъ на странный совершающійся теперь подмѣнѣ понятія этнографической Польши Польшею 1815 года или такъ называемымъ Привислянскимъ краемъ, причемъ въ границахъ автономной Польши имѣли бы остаться украинскія, бѣлорусскія и литовскія территоріи пынѣшняго Привислянского края, совершенно случайно включенные въ него. Не вижу, чтобы кто-нибудь обратилъ вниманіе на невозможность обойти интересы украинской или бѣлорусской народности, когда вводится въ школу или сельское дѣло-производство языкъ польскій, и т. п. Все это явлепія, затрогивающія очень сильно вопросы національной справедливости, и мы вправѣ бы ожидать, что передовые элементы польского общества, заявляющіе о своемъ полномъ несочувствіи воинствующей Польшѣ, отзовутся на нихъ вполнѣ определенно, чтобы не было основанія судить о полякахъ вообще по воинствующимъ ихъ представителямъ. Иначе сами эти элементы малоцѣнны. Въ Галиції также

нѣть недостатка въ людяхъ, готовыхъ заявить въ частной бесѣдѣ, съ глазу на глазъ, свое сожалѣніе относительно проявлений польского шовинизма и свою надежду, что національныя отношенія со временемъ потеряютъ свою остроту. Но такія платоническія заявленія никакой цѣнности не имѣютъ, и такъ какъ ихъ посители обыкновенно ограничиваются такими платоническими чувствами, предоставляя вести національную политику представителямъ агрессивной, воинствующей Польши, то съ стремлѣніями и настроеніями этой послѣдней, а не тѣхъ «сочувствующихъ» элементовъ, и приходится поневолѣ намъ считаться въ Галиції, и точно также—въ Россіи.

Несомнѣнно, огромное большинство украинской интеллигентіи въ Россіи относится къ полякамъ безъ всякой предвзятости и вражды. Даже болѣе. Установленіе *modus vivendi* въ раскрытощенныхъ отношеніяхъ представляется ей въ видѣ очень привлекательной національной гармоніи. Знаю это по себѣ и не сомнѣваюсь, что такое настроеніе довольно распространено и теперь. Выразителемъ его является нашъ поэтъ, протягивающій руку своимъ товарищамъ по изгнанію—полякамъ и приглашающій ихъ общими силами «возобновить тихій рай», забывъ исторической споръ, вызванный «несытыми ксендзами и магнатами»... Но намъ, младшимъ поколѣніямъ, на глазахъ которыхъ вмѣсто «тихаго рая» быль аранжированъ съ благосклоннымъ участіемъ подобныхъ бывшихъ изгнанниковъ и узниковъ «за нашу и вашу вольность» настоящій зубоскрежещущій адъ на одной изъ частей украинской территории, въ Галиціи,—приходится смотрѣть трезвѣе на дѣйствительность и не скрывать отъ себя трудностей, лежащихъ на пути къ установленію желательныхъ національныхъ отношеній.

Историческая отношенія Польши и Украины сводятся къ тому, говоря безъ обиняковъ, что украинская народность была обобрана польскою: она завладѣла богатствами Украины—ея землями, она втянула въ себя въ теченіе вѣковъ все, что появлялось болѣе выдающагося въ украинской средѣ и низвела

украинскую народность до массы работниковъ, трудящихся на представителей польской народности и культуры. Это звучить непріятно, но нужно имѣть мужество, по крайней мѣрѣ, назвать по имени этотъ исторический процессъ, плодами котораго пользуется и теперь польская народность. Не возобновляя исторической тяжбы, нужно признать, однако, что національная справедливость налагаетъ на поляковъ освобожденной Россіи нелегкую, но благодарную задачу: воспользоваться тѣми материальными средствами, которыя собрали въ ихъ рукахъ предки—завоеватели и угнетатели, для возрожденія, экономического и культурного подъема тѣхъ народностей, на счетъ которыхъ создалась сила и значеніе и привилегированное положеніе народности польской: населенія украинскаго, бѣлорусскаго, литовскаго. Если поляки Украины, Бѣлоруссіи, Литвы станутъ на эту точку зрѣнія, если они почувствуютъ себя гражданами того края, привилегированное положеніе въ которомъ создала имъ исторія,—гражданами, призванными трудиться для блага его рабочихъ массъ безъ различія ихъ національности, для интересовъ края,—то желательный *modus vivendi* тѣмъ самymъ установится. Если же свои материальные и культурные преимущества, свое привилегированное положеніе они будутъ стараться использовать только для своихъ національныхъ цѣлей, если этими преимуществами и тѣми возможностями, какія открываетъ классамъ, пасіонально и культурно лучшее вооруженнымъ, конституціонное устройство, они будутъ пользоваться только для того, чтобы усилить польскій элементъ, расширить сферы его вліянія, создать ему превалирующее положеніе—то *modus vivendi* установить будетъ трудно. Дѣятельность ничего не забывшей и ничему не научившейся польской шляхты Галиції въ такомъ націоналистическомъ направленіи только оживила вѣковой національный споръ. Если такую дѣятельность поляки россійской Украины или иного края примутъ за образецъ, за формулу національной справедливости, то о *modus vivendi* нечего и говорить...

Мои слова, вѣроятно, для многихъ зазвучать рѣзко и непріятно, и мнѣ самому тяжело говорить все это. Но я долженъ

быть исполнить долгъ историка и гражданина того края, о которомъ идетъ рѣчь, въ рѣшительный моментъ его исторіи. И я хотѣлъ бы вѣрить, что мои слова найдутъ сочувственный откликъ въ тѣхъ элементахъ польского общества, чуждыихъ національного шовинизма и сознающихъ свои обязанности предъ воспитавшими ихъ народными массами, о которыхъ я говорилъ.

М. Грушевскій.

БИБЛIOГРАФІЯ.

Холера. Написавъ по книжкахъ дохторивъ Сычугова та Геллерта
Дмитро Івановычъ Эварницкій. Екатеринославъ. Тип. цуб. Земства
1905.

Про холеру и якъ видъ неї стерегтыся. Написав Я. Жарко
Выдання «Комитета Екатеринод. Отдѣла Кубан. Попечит. о народ
трезв.» № 1. Катеринодаръ. Зъ друкарни И. Бойко и К°. 1905 р
Цина 1¹/₂ коп.

Къ цѣлому ряду бѣдствій, виѣшнихъ и внутреннихъ, обрушившихся на Россію, готово присоединиться еще одно: надвигается холера.

И въ предстоящей, быть можетъ завтра, борьбѣ съ этимъ новымъ врагомъ паки и паки обнаружатся сть новой рельефностью наши «язвы»: пресловутая «неподготовленность», наболѣвшая полицейская опека надъ всякимъ, даже «холернымъ» проявленіемъ общественной самодѣятельности, недостатокъ врачей и денегъ, бѣдность и темнота сельского населения.

И наши шансы на успѣхъ въ борьбѣ съ надвигающеюся холерою несравненно меныше теперь, чѣмъ были они 12 лѣтъ назадъ, въ холерную эпидемію 1892 – 3 г.г.

Въ самомъ дѣлѣ: въ тѣ годы руки земства были свободны, по крайней мѣрѣ, для борьбы съ эпидеміями — нынѣ овѣ связаны закономъ 11 августа 1903 г., наслѣдіемъ недоброй памяти системы «все подавленія», системы покойнаго Шлеве.

Въ тѣ годы земства располагали достаточными средствами, получали еще пособія и ссуды отъ казны, да и само населеніе было за-

житочиѣ; нынѣ земскія кассы истощены, казна не только не дасть ссуды, но сама накладываетъ на земства новыя тяготы, въ видѣ пособій семьямъ солдатъ; самообложеніе ограничено % нормой, да и облагать теперь нельзя: населеніе обнищало.

Въ тѣ годы свободныхъ врачей было много, были студенты-медици; нынѣ врачей не хватить: не только «свободныхъ», но и земскихъ забрали на войну, а студенты—медици... гдѣ ихъ взять, если въ университетахъ фактически почти три года неѣтъ ученик?

Въ тѣ годы темный, невѣжественный народъ встрѣчалъ врачей кольями, избивалъ ихъ, вѣря, будто они «съютъ холеру», разрушать и сжигать холерныя больницы. Сталъ-ли нашъ народъ просвѣщеніе за послѣдніе 12 лѣтъ?

Неѣтъ. Нынѣ народъ тоже будетъ разрушать холерныя больницы и избивать врачей, даже болѣе прежняго. Ибо, благодаря стараніямъ «истинныхъ патріотовъ» и «черныхъ сотень», онъ во врачаѣ будетъ видѣть не только «святелей холеры», но и «внутреннихъ враговъ», подкупленныхъ японцами. А если, не дай Богъ, врачъ окажется «жидъ» и вѣдумаетъ лѣчить холерныхъ больныхъ въ Кишиневѣ, Житомирѣ, Гомелѣ или Смѣлѣ?..

И если эти мрачныя условія, при которыхъ предстоитъ борьба съ надвигающимся народнымъ бѣдствіемъ, если эти условія считать общими для всей Россіи (а это несомнѣнно такъ, если не считать неизмѣримо выше просвѣщеннюю Финляндію), то для нашего края, для Україны положеніе надо признать еще болѣе мрачнымъ: въ Россіи есть хоть малая возможность разбивать народные предразсудки и суевѣрія путемъ популяризациіи здравыхъ научныхъ понятій въ народѣ при помощи чтеній, бесѣдъ и, главнымъ образомъ, распространенія популярныхъ брошюрокъ и листковъ о холерѣ.

Нашъ край лишенъ и этого оружія въ борьбѣ съ холерою и народною тьмой: донынѣ действующій законъ 1876 г. запрещаетъ изданіе популярно-научныхъ книгъ на родномъ и понятномъ для населенія украинскомъ языкѣ («малороссійскомъ нарѣчіе»).

Многочисленныя популярно-научныя книжки на этомъ языкѣ систематически запрещались цензурою, за единичными и крайне рѣдкими исключеніями, допущенными по «особымъ» сильнымъ ходатайствамъ и протекціямъ.

Поэтому украинцы должны привѣтствовать, какъ первыхъ весеннихъ ласточекъ, двѣ появившіяся недавно брошюрки о холерѣ. За

необходимость издания такихъ брошюрокъ высказывались уже многія общественныя учрежденія нашего края, но надежды на ихъ появленіе, вѣроятно, ни у кого не было.

Обѣ книжечки имѣютъ очень много общаго между собою, поэтому и говорить можно обѣихъ сразу.

Изложены обѣ довольно сжато, яснымъ, толковымъ, хотя и не вполнѣ правильнымъ народнымъ языкомъ. Хорошо, полно и понятно изложены въ обѣихъ пути и способы распространенія заразы и вытекающія изъ этого предохранительныя мѣры. Жаль только, что въ обѣихъ книжечкахъ пропущена одна, очень важная мѣра предосторожности противъ разнесенія заразы: устройство общественныхъ «громадскихъ» журавлей или воротовъ при колодцахъ съ прикованными къ нимъ бадьями или ведрами. Въ минувшую холерную эпидемію въ очень многихъ мѣстахъ общественные колодцы сдѣлялись очагами заразы потому, что каждый обыватель погружалъ въ колодезь свое собственное ведро, стоявшее, быть можетъ, въ той-же хатѣ, где лежалъ больной.

Въ книжечкѣ Я. Жарка ничего не сказано о предохранительныхъ прививкахъ; это—важное упущеніе, особенно въ виду того, что въ былые времена народъ запугивали тѣмъ, что врачи прививаютъ холеру (хотя именно тогда прививки еще не примѣнялись), и очень важно объяснить народу, что холеру, какъ и оспу, и дифтерію, можно «щепнить».

Д. И. Эварницкій въ своей брошюркѣ далъ сообщеніе о прививкахъ, но такъ неудачно, что, пожалуй, лучше было бы, если бы онъ, подобно Я. Жарку, ничего не говорилъ о прививкахъ.

«Такожъ (какъ) оспу и дифтерію можна робити щепу и суироту холери. Тутъ такожъ, якъ и при дифтерії, набирають пцпійний настій изъ пляшечки у скляну прыскавку и вциркують ін пидъ шкіру на руци, або на жывому (-ти ?), або жъ на спыни, чи на боку (боці ?), а чи на грудяхъ, а хочь и на ногахъ».

Къ чему перечислять чуть-ли не всѣ части тѣла, когда принято холерные, какъ и дифтерійные прививки, дѣлать подъ кожу туловища, вблизи лопатки?

«Перегодя зъ пивгодыни писля того, мисце, де було зроблено вциркання (? де прыщелено), розпухає, шкура робиться червонюю и

дуже болисною (не дуже!) Але днівъ за три (не вѣрно: реакціи иногда вовсе не бываетъ, а если бываетъ она, то меныше сутокъ) биль починає переставати, *краснота* (?) и опухъ *вбавляютця* (проходить, мынают?), а ще днівъ за два усе проходе».

Слишкомъ сгущены краски при описанії реакціи на прививку, а это можетъ запугать не только недовѣрчиваго и подозрительного крестьянина, но и болѣе довѣрчивыхъ людей.

Такой недостатокъ въ изложениіи нельзя ставить въ вину Д. И. Эварницкому: онъ, кажется, не врачъ, и болѣе виноваты тѣ авторы, трудами которыхъ онъ пользовался для своей книжечки.

Этимъ и ограничиваются возраженія противъ содержанія разбираемыхъ книжечекъ. Во всемъ прочемъ онъ изложены вѣрно, скжато и понятно, а это важное достоинство изданій, назначаемыхъ для малоразвитаго, а иногда даже для малограмотнаго читателя.

Нельзя умолчать о языкахъ брошюрокъ. Онъ не斯特рать узкими провинціализмами лѣвобережной Украины, и потому многія выраженія въ нихъ покажутся странными, а подчасъ и непонятными жителю правобережному.

Въ виду того, что литературный украинскій языкъ еще не вполнѣ выработался, слѣдовало-бы тщательно избѣгать введенія въ книги узкихъ провинціализмовъ, а тѣмъ болѣе грамматическихъ неправильныхъ формъ и оборотовъ. А для народныхъ книгъ — тѣмъ болѣе. За образецъ языка слѣдовало-бы братъ языку «Кобзаря», приднѣпровскій, какъ наиболѣе чистый: онъ одинаково понятенъ и близокъ и подолянину, и харьковцу.

Однаково общи для обѣихъ рассматриваемыхъ брошюрокъ такія неправильныя глагольныя формы, какъ проходе, выходе, выличе, попросе, вступе и т. д.

Однаково оба автора употребляютъ такіе провинціализмы («москализмы»), какъ *винбарчики* (комора), одинаково любятъ узаконять въ печати неправильное народное произношеніе: *дохторъ*, *хвершаль*, *хвамиля*, а Д. И. Эварницкій свою книжечку почему-то предпочелъ называть *халера*, а не холера.

У Я. Жарка встрѣчаются такія выраженія: *родники* и *колодязи* (почему не сказать: жерела та крыныци?), *эмазаты звесткою* (змастыты вапномъ?), даты звистку ликарю або хвершалу (-еви, -ови).

Ужъ кому иному, а не Д. И. Эварницкому простятся такія выраженія: розносится халера черезъ человичий (а не жиночый? може

людський) каль», «не коженъ чоловикъ (а баба кожна?) хворає на халеру», «переходе въ холодну душачу (?) халеру», «килька разъ замичали», «теплого времѧни», «ягиды», «головна забота», «на животу, на боку», «не слідъ въ халеру наїдатись до отягчення тлунка», «въ халерне времѧ треба берегти отъ простуды *своего живота*» и т. д.

Указанные недостатки тѣмъ не менѣе не такъ велики, чтобы сдѣлать разбираемыя брошюрки непригодными для народа. Онѣ со-служать свою службу и принесутъ не малую пользу населенію, если получать широкое распространеніе. Авторы — не врачи, а потому могли-бы сказать: *feci, quod potui, faciant meliora potentes.* Но бѣда въ томъ, что *potentes faciunt*, да ихъ работа не можетъ увидѣть свѣта, благодаря злополучному закону 1876 г. Извѣстно нѣсколько брошюръ о холерѣ, написанныхъ свѣдущими людьми (врачами, фельдшерами), но имъ не повезло такъ, какъ повезло брошюрокамъ Д. И. Эвар-ницкаго и Я. Жарка.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать этихъ «первыхъ ласточекъ» въ популярной украинской литературѣ и пожелать имъ не быть по-слѣдними, а предвѣщать весну,—настоящую, не временную весну.

Врачъ.

С. А. Блонскій. Народныя школы съ малорусскимъ языкомъ.
Житомиръ, 1905. Стр. 22. Цѣна 10 коп.

Петръ Ивановичъ Бобчинскій, который очень желалъ заявить себя во всеобщее свѣдѣніе и даже высокопоставленнымъ особамъ представиться, часто находить себѣ послѣдователей между пишущей братіей. Придетъ такому Петру Ивановичу, успѣвшему уже ознакомиться съ употребленіемъ письменного прибора, въ голову какая-нибудь, какъ ему кажется, блестящая идея,—и онъ спѣшить изложить ее на бумагѣ, предаетъ тисненію и, обозначивъ на обложкѣ свой полный адресъ, съ замираніемъ сердца ждетъ славы, почестей, доходовъ... Въ большинствѣ случаевъ Петръ Ивановичъ подвизается по части художественной литературы, но иногда пробуетъ себя и въ публицистикѣ...

Степанъ Александровичъ Блонскій, какъ намъ кажется, состоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ Петромъ Ивановичемъ Бобчинскимъ,—по крайней мѣрѣ, изъ-за строкъ его брошюры намъ часто представ-

лялись черты знаменитаго гоголевскаго героя. Въ вопросѣ, который послужилъ темой для работы г. Блонскаго, ему несомнѣнно удалось сказать свое собственное—«э», и никакой Добчинскій на это «э» претендовать не смѣеть. Судите, впрочемъ, сами.

Прежде всего г. Блонскій устанавливаетъ «желательный типъ школы для народа», при чёмъ исходить, разумѣется, изъ требованій самого же народа. По г. Блонскому, крестьянинъ «не утратилъ сознанія, что опредѣленный для него Промысломъ Божіимъ удѣль состоять въ томъ, чтобы на своей родной деревенской нивѣ, въ потѣ лица, быть хлѣбъ свой»; въ согласіи съ народными взглядами, г. Блонскій пуще всего боится, чтобы «голова, обученная читать, писать и считать (курсивъ автора) не отуманилась высшими отвлеченными познаніями» (стр. 6); наконецъ, и то отъ нашего автора не укрылось, что «ужасающій ростъ пролетаріата есть прямое послѣдствіе насажденія для простого народа школы не подходящаго типа» (стр. 7). Въ виду всего изложеннаго г. Блонскій предлагаетъ передать всѣ школы въ вѣдѣніе духовенства, обративъ ихъ въ школы грамоты существующаго типа, совершенно справедливо полагая, что головы, обученные въ такихъ школахъ, будутъ надежно застрахованы отъ «высшихъ отвлеченныхъ познаній». Остановится ли при этомъ и «ужасающій ростъ пролетаріата--авторъ къ сожалѣнію не сообщаетъ; нужно думать, что и этотъ вопросъ решается имъ въ положительномъ смыслѣ.

На этомъ не оканчивается «э», сказанное г. Блонскимъ. Даѣвъ онъ полагаетъ, что въ школахъ рекомендуемаго имъ типа обученіе должно производиться на малорусскомъ языкѣ, и при томъ не только у насъ, но и по всей Россіи, должно идти одновременное изученіе великорусскаго, малорусскаго и белорусскаго языковъ. «При одновременномъ изученіи всѣхъ трехъ нарѣчій,— поясняетъ свою мысль авторъ,— неизбѣжно получится убѣжденіе въ дѣйствительномъ, а не предполагаемомъ (!) только, родствѣ этихъ трехъ народностей» (стр. 17); получается и другія выгоды, которыя авторъ подкрѣпляетъ ссылкой на... известнаго адмирала Шишкова!

Во избѣженіе недоразумѣній спѣшимъ оговориться, что г. Блонскій защищаетъ именно малорусскій языкъ, но ни въ какомъ случаѣ не украинскій, такъ какъ о послѣднемъ онъ заявляетъ: «не было и быть не должно языка украинскаго» (стр. 12). Достаточно, кажется, категорично выражено. Но на той же страницѣ, не многимъ раньше, читаемъ, что «въ половинѣ минувшаго 19 столѣтія народилась такъ

называемая украинофильская партия людей (sic), которые, стараясь доказать, что украинский народъ не состоит (?) въ племенномъ родствѣ съ народомъ русскимъ, принялись проводить эту мысль въ разныхъ сочиненіяхъ *на малорусскомъ языке, переименовавъ этотъ языкъ въ украинскій* (стр. 12) и т. д. Итакъ, защищаемый г. Блонскимъ малорусскій языкъ, будучи переименованъ въ украинскій, не только лишается авторскаго благоволенія и покровительства, но даже права на существование. Почему такая немилость—это тайна нашего автора, проникнуть въ которую читателю не дано.

Много еще мудрыхъ и назидательныхъ мыслей можно бы извлечь изъ брошюры г. Блонского, но и сказанного, намъ кажется, довольно, чтобы съ несомнѣнностью установить два положенія. Во-первыхъ, Степанъ Александровичъ Блонскій приходится сродни Петру Ивановичу Бобчинскому, и во-вторыхъ, сказанное написано авторомъ «э» принадлежитъ ему и только ему...

С. Е.

**Въ защиту слова. Сборникъ. 2-е изданіе. Спб., 1905 г. Стр.
II+255. Цѣна 2 р.**

Первое изданіе сборника «Въ защиту слова» было въ буквальномъ смыслѣ слова расхватано публикой въ Петербургѣ, и въ провинціи совсѣмъ не поступало въ продажу; понадобилось сейчасъ же второе изданіе. Эта фактъ показываетъ, на сколько несомнѣнная сама по себѣ свобода печатнаго слова нуждается у насъ въ «защитѣ» и насколько такая «защита» популярна среди читающей публики. Въ цѣломъ рядъ статей, замѣтокъ, этюдовъ и т. п. лучшіе русскіе писатели даютъ неопровергимыя доказательства необходимости свободы слова, сливающеся, по выражению г. Шѣшонова, со свободой народа и являющейся «предтечей народнаго счастья».

Изъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ, двѣ имѣютъ для насъ и специальный интересъ, такъ какъ касаются ограничений, тяготѣющихъ надъ украинскимъ словомъ. Статья г. Коробки «Вредныя буквы», въ связи съ запрещеніемъ (уже отмѣненнымъ) літовскаго алфавита, касается также вопроса о запрещеніи украинскаго правописанія, т. е. такъ называемой фонетики, отмѣчая тѣ вредныя послѣдствія, которыя явились плодомъ указанного запрещенія. Г-жа Русова въ

замѣткѣ «Шевченко» вновь поднимаетъ наболѣвшій вопросъ о невольныхъ искаженіяхъ и урѣзкахъ стихотвореній Шевченка въ подцензурныхъ изданіяхъ. «Можно, конечно, понять, — говоритъ почтенная писательница, — запрещеніе тѣхъ произведеній, которыя прямо выскакываютъ противъ существующаго порядка вещей и открыто призываютъ къ борьбѣ съ нимъ, но совершенно непонятно, почему запрещены чисто-лирическія стихотворенія, выражаютія настроенія и личныя чувства поэта, не направленныя ни противъ кого, но такъ выразительно обрисовывающія его душевное состояніе. Эти сокращенія и исключенія мѣшаютъ пониманію духовнаго образа поэта и являются лишиней жестокостью къ памяти поэта, такъ много страдавшаго въ своей жизни».

Этими двумя статьями исчерпывается въ настоящемъ сборникѣ защита украинскаго слова. Къ сожалѣнію, мы здѣсь неходимъ специальной статьи, посвященной положенію украинскаго слова въ Россіи, а между тѣмъ такая статья могла бы представить любопытнѣйшія иллюстраціи къ положенію у насъ печатнаго слова вообще. Того, что претерпѣла и продолжаетъ претерпѣвать украинская литература, не испытало вѣдь никакое другое человѣческое слово. Политика воспрещеній, достигла здѣсь высшаго развитія и отсутствіе посвященной этому предмету специальной работы представляетъ поэтому замѣтный пробѣль.

С. Е.

Іванъ Франко. Збірникъ творивъ. Томъ III. Бориславськи оповидання. У Київи 1905, 1—273 (видавництво Викъ, № 12).

Въ третьемъ томѣ сочиненій Ивана Франка, выпущенномъ вновь въ Киевѣ, всего пять разсказовъ: „Рипникъ“, „Наверненный гришникъ“, „Яць Зеленуга“, „Полуйка“ и „Вивчарь“.

Всѣ эти разсказы вновь выпущенного тома объединены общимъ заглавіемъ „Бориславськи оповидання“ и посвящаются изображенію условій крестьянской жизни мѣстечка Борислава въ Галиції.

Условія жизни крестьянина въ Бориславѣ носять не столько земледѣльческій, сколько промышленный характеръ, благодаря обилію нефти и такъ называемаго земляного воску, что и составляетъ особенность и вмѣстѣ съ тѣмъ богатство края. Но это богатство ничуть не улучшаетъ, а даже скорѣе портитъ и безъ того незавидную жизнь галицкаго крестьянина.

Франко во всѣхъ своихъ рассказахъ раскрываетъ передъ глазами читателя всѣ тѣ невзгоды, которыя посыпались на голову обитателей Борислава съ открытиемъ въ ихъ мѣстечкѣ нефтяныхъ источниковъ, по мѣстному „кипячкѣ“.

Во-первыхъ, благодаря открытию нефти, явилась возможность быстрой и легкой наживы, чтоб привлекло въ Бориславъ массу евреевъ спекулянтовъ, которые мало-по-малу захватили въ свои руки всю землю у крестьянъ.

«Жидова перлася у Бориславъ мовъ муҳы до меду. Роямы ци-
лымы вовы глотылыся¹⁾ по селу, швендялы по полю, по хатахъ. До
кожного газды²⁾ прыставалы, мовъ раб'яхи до кожуха. „Продавай
грунтъ, газдо, та продавай! Ось я тоби за частку стильки... а я
стильки... а я ще бильше!.. Нетреба намъ усього—частки зъ насть
буде!“ Вымаютъ гроши, кладуть на руку, горилку ставлять и пид-
мовы не жалують. И не одного пидмовылы, не одного бидолаху за-
манулы». (Стр. 70). Правда, не всѣ крестьяне поддавались на уговоры,
были и такие, что любили свою землю и считали чуть ли не грѣхомъ
отдавать ее въ еврейскія руки, справедливо разсуждая, что, если ев-
реи богатѣютъ, добывая нефть, то и они могутъ заняться тѣмъ же
прибыльнымъ дѣломъ, не бросая крестьянского хозяйства.

Васыль Пивторакъ въ разсказѣ „Наверненый гришныкъ“ даетъ
такой совѣтъ своимъ односельчанамъ: „А що, панове газды, копаютъ
жыды кипячку, коцаймо й мы. Тыснутъ воны гроши за кипячку, бу-
демо й мы тыснуты“.

Но увы, совѣтъ Васыля оказался гибельнымъ для большинства
крестьянъ и въ томъ числѣ для него самого.

Дѣло въ томъ, что Васыль Пивторакъ, считаясь зажиточнымъ
хозяиномъ, будучи отцомъ трехъ взрослыхъ сыновей, казалось, имѣлъ
на своей сторонѣ всѣ шансы для добыванія нефти.

Но, благодаря полнѣйшему неумѣнію взяться за такое, повиди-
мому, простое дѣло, какъ добываніе нефти, Васыль лишился двухъ
сыновей: одного при копаныи засыпало пескомъ, другой задохся; къ
довершению несчастья жена Васыля, потерявъ двухъ сыновей, умерла
съ горя, и вотъ онъ остался съ однимъ сыномъ, правда, разбогатѣв-
шимъ (ему таки удалось добыть нефть), но нравственно убитымъ.

¹⁾ Глотытыся—до купы збираться, тыснутыся.

²⁾ Газда—господарь, хозяинъ.

Богатство же, добытое цѣною такихъ жертвъ, оказалось не такъ велико, какъ думали: источникъ не даль того количества нефти, на которое разсчитывали Васыль и Иванъ, продавая евреямъ „закипъ“, вместо 1000 кибливъ нефти смогли доставить только 800; чтобы добыть остальное, нужны были время и деньги, но денегъ не было, срокъ истекалъ, и этимъ обстоятельствомъ воспользовался „жидъ“ Шмило, чтобы забрать источникъ въ свои руки за чничтожную плату.

Съ этого начался постепенный переходъ имущества Васыля Пивторака въ руки Шмила, который, отлично понявъ, что въ лицѣ Васыля имѣть дѣло съ человѣкомъ, пришибленнымъ судьбою и потому безответственнымъ, оцуталъ его сѣтью всевозможныхъ обязательствъ. Наклонность къ пьянству, появившаяся у Васыля послѣ постигшихъ его несчастій, оттолкнула отъ него всѣхъ близкихъ, начиная съ сына Ивана, занявшагося въ батраки, и кончая пріятелями—односельчанами, которыхъ „панъ отецъ“ въ громовыхъ проповѣдяхъ убѣдилъ, что за обѣніе съ такимъ грѣшникомъ, какъ Васыль Пивторакъ, придется дать отвѣтъ на томъ свѣтѣ. Благодаря такому всеобщему осужденію и отчужденію, Васыль сдѣлался окончательно жертвой Шмила, корчма которого стала единственнымъ пріютомъ бѣдняка, где онъ и проводилъ цѣлые дни, пока Шмила не сталъ гнать его, увѣряя, что онъ не можетъ никого кормить и поить даромъ.

Впрочемъ, тотъ же Шмило не остался въ накладѣ, такъ какъ, воспользовавшись уходомъ Ивана въ батраки въ другое село, успѣлъ доказать, что Васыль ему задолжалъ, и за этотъ фиктивный долгъ все имущество Пивторака перешло въ руки Шмила, а Иванъ, единственный сынъ Васыля, остался съ пустыми руками.

Въ разсказѣ „Яць Зелепуга“ Франко изображаетъ другого крестьяниня, занявшагося тоже добываніемъ нефти и въ концѣ концовъ ставшаго тоже жертвою еврейскихъ происковъ, несмотря на удачу своего предпріятія.

Изъ этихъ двухъ разсказовъ читатель можетъ сдѣлать заключеніе, что при теперешнемъ положеніи крестьянина, благодаря его бѣдности, невѣжеству и беззащитности, самое богатство края, при наилучшихъ обстоятельствахъ, ведетъ его къ гибели въ буквальномъ смыслѣ этого слова: евреи болѣе воздержанные, болѣе свѣдущіе во вся-
каго рода предпріятіяхъ и, наконецъ, болѣе пронырливые въ своихъ сношеніяхъ съ чиновниками, разумѣется, всегда будутъ дѣйствовать

успѣшиїе бѣднаго «хлибороба», тѣмъ болѣе, что въ средствахъ они не очень-то разборчивы и въ стремлениі къ наживѣ не останавливаются ни передъ чѣмъ. Шмило опаиваетъ Васыля Пивторака, Мендель поджигаетъ Яця Зелепугу, укравъ у него предварительно деньги, полученные имъ за добытую съ гигантскими усилиями нефть; третій жидъ, чтобы завладѣть деньгами Ивана «рипныка», подсовываетъ ему «лынву», политую ветролемъ, благодаря чему она переламывается при опусканіи Ивана въ яму, и нажитыя тяжелымъ трудомъ деньги остаются въ рукахъ жида.

Вообще евреи въ Бориславѣ стали ужасною язвой.

„Перекупства, споювання й шахрайства здеморализували урядъ громадський и зробили його слухнянимъ знарядомъ въ рукахъ багатихъ жыдивъ“. (Стр. 196).

Что народъ сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ „багатихъ жыдивъ“, это объясняется полнымъ отсутствиемъ какой-нибудь власти, которая взяла бы на себя охрану крестьянскихъ интересовъ. „Жыды робили, що хотили, а повитови уряды дрогобыцькы, мабуть, и рукою махнули, почиваючи свою неспромогу завесты въ Борислави який-небудь трывкій порядокъ. Тымъ то й не бувъ никто безпечнимъ що до свого добра и навить життя. Части несчастя въ ямахъ мыналы властивцямъ безкарно, а до того въ рубрики „несчастя въ ямахъ“ зачислювано дещо й таке, въ чимъ перелякани Бориславськи люди бачили очевидні злочинства й забійства“. (Стр. 196).

Какъ на примѣръ такого „непчастя въ ями“ можно указать далеко на неслучайную гибель Ивана «рипныка» въ разсказѣ „Рипныкъ“.

Впрочемъ, не всегда въ злоключеніяхъ бориславцевъ можно обвинять евреевъ, которые вообще, несмотря на свою алчность, не были бы такъ страшны для крестьянъ, если бы крестьянская масса не была такъ бѣдна и въ матеріальномъ, и нравственному отношеніи, и если бы тѣ, которые имѣютъ право „кожного разу—прыйти вид судыты, або прысудыты“, приходили бы и затѣмъ, чтобы научить и защищить.

Рабочіе на нефтяныхъ источникахъ „рипныки“, проработавъ всю недѣлю въ ямахъ, въ воскресеніе спускаются все приобрѣтенное за недѣлю, теряя въ пьянствѣ и дикомъ разгульѣ всѣ тѣ хороше задатки, въ которыхъ природа не отказалася крестьянину, и никто не идетъ къ нимъ со словомъ увѣщанія, когда же дурные инстинкты,

несдержаные никъмъ и ничъмъ, приводятъ къ преступленію, какъ это мы видимъ въ Ганиѣ, убившей соперницу Фрузя въ разсказѣ „Рипныкъ“ или въ швагрѣ Яця Зеленуги, убившаго сестру въ минуту запальчивости—являются паны судить; поневолѣ задаешь себѣ вопросъ вмѣстѣ съ Иваномъ Пивторакомъ: откуда они взяли это право судить и присуждать? (Стр. 70).

Вообще, тяжелое впечатлѣніе производитъ крестьянинъ, выведенный въ разсказахъ Ив. Франка: бѣдность, невѣжество, грубость и полная бесполезность въ борьбѣ съ болѣе сильнымъ врагомъ, такъ что при чтеніи этихъ разсказовъ невольно вспоминается стихотвореніе г. Чернявскаго, характеризующее положеніе тѣхъ же крестьянъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Ныво не орана, ныво не сіяча,
Всимы покынута, всимы забутая,
Ныво кривавымы слизмы полывана,
Ныво туманамы-млою окутая,—
Де твои ратаи, де твои сіячи?“

Глядя на полную заброшенность крестьянъ со стороны тѣхъ, кто могъ бы быть имъ полезенъ, нужно удивляться не тому, что крестьянинъ пьянствуетъ и подъ вліяніемъ алкоголя теряетъ обликъ человѣческій, а тому, что у него являются минуты просвѣтлѣнія, и эта жизнь на промыслахъ становится для него невыносимой, какъ это было съ Иваномъ „рипныкомъ“, уразумѣвшимъ, что „Бориславське життя, правда, вильне, але жъ хиба се людське, господарське життя? Та й яке вильне? Тильки твоєї й воли, що въ недилю, та въ свята! А въ будный день ты робочий виль, ни-гирше! Ты повный невольникъ жыда властытеля ямы, або його кассыра. Пидъ землею ты кожной хвыли небезпечный своего життя, а поверхъ земли кожной хвыли лайка, потурковання, понуковання. И вично той сморидъ, той брудъ, та духота, та піятыка, той одуръ“.

Такъ вѣрно сознать свое положеніе, почувствовать такое глубокое отвращеніе къ нему и, наконецъ, такъ работать, какъ работалъ Иванъ, чтобы уйти изъ той опротивившей ему жизни, можетъ только нравственно здоровая натура, какая и была у Ивана, временно только поддавшагося тому угру, среди котораго проходитъ обычно жизнь рабочихъ на промыслахъ.

Много нравственной силы и у Яця Зелепуги, который „бувъ хлопъ ледащо“, однако нужно было этому „ледащому хлоцу“, немного пропривившись, оглянуться на окружающую его жизнь и увидѣть, что почти вся земля его односельчанъ находится въ рукахъ жидовъ, богатѣющихъ, добывая изъ нея нефть, а также почувствовать, что онъ, считавшій себя со днія смерти жены никому и ни на что не нужнымъ, можетъ быть полезнымъ для семьи своего пьяницы-швагра, и въ душѣ его проходитъ быстрый переворотъ. „Видкoлы выяснилась йому циль життя, то бачылось, що разомъ прыбуло йому й силы и енергії, та смилосты“. (Стр. 192).

Яць Зелепуга такъ же, какъ и Иванъ, сталъ работать съ гигантской энергией, чтобы достигнуть своей цѣли, но нѣтъ счастья для обездоленныхъ, и оба они, достигнувъ своей цѣли (Иванъ—собравъ деньги, Яць—добывъ нефть), гибнутъ жертвами жидовскихъ происковъ, какъ уже сказано нами выше. И это счастливцы: «кыпячка» далась имъ въ руки, а вѣдь такихъ 6 или 7 на 100. Что же касается остальныхъ, то они, разорившись, продаютъ свою землю евреямъ и затѣмъ копаютъ на ней ямы, но уже не для себя.

Тутъ-то и кончается навѣки жизнь крестьянина, полная глубокаго смысла и нeliшенная поэзіи, доступной всякой простой душѣ.

Допустимъ, что иной „рипныкъ“ затоскуетъ за своей землей, начнетъ стремиться, чтобы выкупить „батькivщину“ и зажить опять хозяиномъ на селѣ, какъ это мы видимъ у Ивана,—смотришь деньги, нажитыя такимъ тяжелымъ трудомъ, привлекутъ вниманіе Менделей, Шмилль и т. д.,—и тогда процай не только мечта о волѣ, но и самая жизнь.

Такимъ образомъ, получается закодованный кругъ: или подъяремная жизнь „рипныка“, или при малѣйшей удачѣ — гибель.

Заключеніе тѣмъ болѣе прискорбное, что ужъ-кого, кого, а И. Франка заподозрить въ преувеличеніи или стущеніи красокъ невозможно, и лица, выведенныя въ его произведеніяхъ, чуждыихъ и тѣни сентиментальности, стоять живымъ укоромъ передъ глазами читателя, и хотя авторъ никого не упрекаетъ, но невольно чувствуешь себя отвѣтственнымъ и за Ивана, и за Васыля Пивторака, и за Яця Зелепугу, однимъ словомъ «за всіхъ убогыхъ, нещасливыхъ людей, за недбанихъ, малыхъ».

И дай Боже, чтобы это чувство отвѣтственности передъ бѣднымъ и темнымъ людомъ, которое пробуждается въ душѣ читателя при чтеніи произведеній Ив. Франка, не было минутнымъ впечатлѣніемъ, а переходило бы и въ жизнь.

Вообще, относительно разбираемой нами книги можно сказать, что правдивые и чуждые сентиментальности разсказы дѣлаютъ книгу достойной самаго широкаго распространенія. Цѣна книги весьма доступна—65 коп., на крашому папери 85 коп.

Внѣшній видъ книги не заставляетъ желать ничего лучшаго.

Л. Жигмайло.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 5; 2) Русская Старина № 5 и 6; 3) Исторический Вѣстникъ, № 5 и 6; 4) Всемірный Вѣстникъ, № 5 и 6; 5) Русскій Вѣстникъ, № 1—6; 6) Русская Мысль, № 1—5; 7) Журн. Мин. Народн. Пр., № 1—6; 8) Миръ Божій, № 4—6; 9) Вѣстникъ Европы, № 5 и 6; 10) Літературно-Науковый Вѣстникъ, № 1—5; 11) Научно-литературный сборникъ, Т. VI, кн. 1; 12) Варшав. Унив. Изв., № 2; 13) Ученые Записки Юрьевскаго Университета, № 2; 14) Этнографическое Обозрѣніе 1904 г. № 3 и 4; 15) Ізвѣстія Отдѣленія русск. яз. и Словесн. Импер.

Акад. Наукъ, Т. X, кн. 1.

Русскій Архивъ, № 5.

Воспоминанія И. М. Снигирева (№ 5, стр. 10—56). Въ этихъ малоинтересныхъ воспоминаніяхъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ идетъ рѣчь о Троицко-Сергіевой лаврѣ, одна страницка посвящена указанію той розни, какая существовала въ 18 вѣкѣ въ Лаврѣ между монахами великороссами и малороссами. «Въ лаврѣ одна половина монашествующихъ были великороссіяне, другая—малороссіяне. Отъ этого состоялось двѣ лартіи, между собою враждебныя, что обнаруживалось въ разныхъ столкновеніяхъ. Однажды монахъ-москаль сказывалъ въ Троицкомъ соборѣ поученіе, а гробовымъ тогда былъ инокъ изъ малороссіянъ, неблагорасположенный къ первому. Проповѣдникъ, подражая голосу гробового, въ словѣ своемъ замѣтилъ, что иѣкоторые,

имуще образъ благочестія и силы его отвергшіеся, гробовымъ голо-
сомъ повторяютъ: «Боже, милостивъ будь мнѣ грѣшному», а подъ
языкомъ у нихъ трудъ и болѣзнь, сердце ихъ полно злобы и лу-
кавства, а карманы серебра и золота». Гробовой, принявъ это на свой
счетъ, тотчасъ пошелъ въ алтарь жаловаться архимандриту, своему
земляку. Проповѣдникъ за обличеніе поставленъ на поклонь въ тра-
пезѣ, которой былъ лишенъ въ тотъ день. Но вотъ какой случай
обнаружилъ передъ набожною императрицею Елизаветою Петровною
враждебное племенное раздѣленіе во святой обители Сергіевої. Ар-
химандриту изъ малороссіянъ дано было знать, что императрица при-
будеть туда на богомолье. Признавъ къ себѣ своихъ земляковъ, онъ
сказалъ имъ: «ея императорское величество изволить прибыть въ свя-
тую нашу Лавру; а какъ ей известно, что св. обитель благословенна
богатствомъ по молитвамъ пренодобнаго отца нашего Сергія, и какъ
она любить велелѣпіе, то постарайтесь, братія, явиться предъ лицемъ
ея величества въ лучшихъ одеждахъ». Москалямъ онъ присовѣтоваль
представитъся въ худшихъ одеждахъ, чтобы не обнаружить роскоши
и показать смиреніе. Такъ и было сдѣлано, какъ приказано. Импера-
трица, замѣтивъ такое рѣзкое различіе, спросила у архимандрита:
«Вѣдь Лавра всѣмъ изобилуетъ; отчего же одни монахи одѣты весьма
прилично и хорошо, а другіе худо, какъ ниціе?»—«Оттого, ваше вели-
чество, что первые—малороссіяне, люди трезвые, благоприличные,
а другіе—москали, люди невоздержанные и нерадивые о себѣ. Въ та-
комъ мнѣніи государыня оставалась до тѣхъ поръ, пока не разска-
зала она объ этомъ любимому своему истопнику, съ которымъ она
привыкла говорить въ свободныя часы, а у этого истопника былъ
монахомъ въ монастырѣ братъ его родной. Тотъ откровенно объяснилъ
ей продѣлку настоятеля-малороссіянина. Вотъ что было причиною, что
не только въ Троицкую лавру, но и въ Св. Синодъ прегражденъ былъ
доступъ малороссіянамъ» (стр. 23—24).

Слишкомъ маловѣроятнымъ является такое объясненіе факта
отстраненія малороссіянъ отъ высшихъ духовныхъ должностей.

M. Корецкий. Старина о Базилевскихъ (изъ народныхъ устъ) (№ 5, стр. 105—122). Маленькая замѣтка г. Корецкаго говорить объ
извѣстномъ уже въ печати фактѣ убийства крестьянами всей семьи
Базилевскихъ, факта, разсказанного г-жею А. Ефименко на страницахъ
нашего журнала въ статьѣ «Турбаевская катастрофа» (см.
1891 г. № 3). Очевидно, автору замѣтки не извѣстна эта статья,

равно какъ и иѣкоторыя дополнительныя замѣтки къ ней¹⁾), такъ нигдѣ даже не сдѣлано ссылки на нихъ. Народная пѣсня, сложившая по поводу этого события, приведена почему то въ русскомъ переводѣ, да еще и очень слабомъ.

Письма И. В. Кирпьевскаго (№ 5, стр. 113—173). Среди этихъ писемъ есть одно изъ Киева, писанное къ матери (А. П. Елагиной). 20 окт. 1835 г. Въ этомъ письмѣ между прочимъ читаемъ: «Кievъ мы покуда очень мало могли разсмотретьъ, потому что насы уже съ давняго времени мочилъ почти безпрерывный дождь, который превратилъ всѣ киевскія улицы въ совершилія болота, а нынче, послѣ долгаго отсутствія, въ 1-ый разъ наконецъ проглянуло солнце. Мы уже третій день живемъ у Максимовича, который перевезъ насъ къ себѣ тотчасъ послѣ отѣзда Княжевича и вообще къ намъ очень любезенъ. Онъ не перемѣнился ни капли, кроме того, что ректорство его по необходимости сдѣлало дѣятельнѣе; впрочемъ, это ему не по нутру, и черезъ недѣлю онъ подаетъ въ отставку отъ ректорства. Къ этому письму есть приписка М. Погодина: «Что за Киевъ, прелестъ! а погода кара-боска. Нынѣ выѣзжаемъ. А у меня есть огромный мраморный отломокъ изъ Десятинной церкви и пѣрвая монета русскаго времени отца Донскаго». стр. 151).

Исторический Вѣстникъ, № 5 и 6.

П. А. Антроповъ. Харьковскій поромъ въ 1872 г. (№ 5, стр. 462—476). Статья эта, написанная очевидцемъ, передаетъ картину народнаго бунта, проишшедшаго въ Харьковѣ на Пасху въ 1872 году. Главнымъ виновникомъ разгорѣвшихъ народныхъ страстей авторъ считаетъ пристава Шмелева, своимъ безтактнымъ поведеніемъ вызвавшаго такъ рѣзко проявившееся народное движение.

Юбилей Д. Л. Мордовцева (№ 5, стр. 944—951). Въ этой краткой замѣткѣ дается описание того юбилейнаго обѣда, который состоялся въ Петербургѣ 24 апрѣля 1905 года по поводу пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Д. Л. Мордовцева.

Въ отдѣлѣ *критики и библиографіи* данъ отзывъ о слѣдующихъ книгахъ: 1) Труды Подольского церковно-археологического общества (бывшаго историко-статистического комитета). Вып. 10-ый, подъ редакц. прот. Е. Сѣцинскаго и Н. Яворовскаго. Кам.-Под: 1904 г. (№ 5, стр. 679—681); 2) Акты и документы, относящіеся къ исторіи

¹⁾ Тамъ-же, 1891 г. № 4, 5 и 9.

Кіевской Академії. Отд. II (1721—1795 гг.). Т. 1-ый, част. 1 и 2-я и приложенія. Съ введеніемъ и примѣчаніямъ Н. И. Петрова (№ 6, стр. 1005—1006).

Всесірній Вѣстникъ, № 5 и 6.

Въ отдѣлѣ «Бібліографії» помѣщенъ отзывъ о книгѣ A. Ефименко «Южная Русь» Т. I. (№ 6, стр. 157—159).

Русскій Вѣстникъ, № 1—6.

Въ «Современной Лѣтописи» (№ 6, стр. 758—663) Н. Энгельгардтъ, затронувъ мимоходомъ вопросъ о «малороссійской независимости», обѣщааетъ въ будущемъ подробно остановиться на немъ, когда ознакомится съ достаточнымъ количествомъ материаловъ; теперь же онъ ограничивается почти исключительно выдержками изъ которыхъ данныхъ изъ „Гражданина“, прибавляя, что «Гражданинъ» постарался такъ собрать цитаты, чтобы выдвинуть смѣлія преувеличенія украинофильства. «Просимъ читателей замѣтить, что это не *нашъ тонъ*»—оговаривается Н. Энгельгардтъ. Подождемъ, пока услышимъ *ею* *собственный тонъ*, хотя, признаемся, что мало возлагаемъ надеждъ на что-нибудь приличное, такъ какъ и данный обзоръ всѣхъ разсмотрѣнныхъ авторомъ резолюцій разныхъ съѣздовъ заканчивается вотъ какимъ милымъ восклицаніемъ: «Автономія областей, сеймы, хартіи для каждой народности, упраздненіе государственного законодательства и языка, столпотвореніе вавилонское! Дальше идти уже некуда. Остается только учрежденіе демократической республики или бояцкой подвално-кабацкой анархіи».

Русская Мысль, № 1—5.

Ник. Фабрикантъ. Краткій очеркъ изъ исторіи отношеній русскихъ цензурныхъ законовъ къ украинской литературѣ. (№ 3, стр. 127—146). Очеркъ этотъ, представляя переработку статьи «Не было, неѣть и быть не можетъ никакой малороссійской литературы», помѣщенной въ «Литературно-Науков. Вистныку», излагаетъ исторію тѣхъ цензурныхъ мѣро пріятій, которыя начали примѣняться къ южно-рус-

ской литературѣ еще въ 17 вѣкѣ. Изложивъ вкратцѣ цензурными стѣсненія до 19-го вѣка, авторъ съ болѣею подробностью останавливается на второй половинѣ 19 вѣка, когда, начиная съ исторіи Кирилло-Меѳодіевскаго общества въ Киевѣ въ 1847 г., стѣсненія по отношенію къ малорусскому слову стали обозначаться съ особенною рѣзкостью, достигнувъ высшаго предѣла сначала въ 1863 году, а затѣмъ въ 1876 году.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ даются рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Проф. М. С. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа.* Спб. 1904 г. (№ 2, стр. 57—59); 2) *А. Ефименко. Южная Русь.* Т. I, Спб. 1905 г. (№ 3, стр. 94); 3) *Кобзарь Т. Шевченка* въ переводе русскихъ поэтовъ подъ редакц. Н. В. Гербеля. Изд. 4-ое, Москва, 1905 г. (№ 5, стр. 153—154).

Журн. Мин. Народн. Просв., № 1—6.

A. И. Соболевскій. Древняя передѣлка начальной лѣтописи (№ 3, стр. 100—105). Въ этой коротенькой замѣткѣ авторъ устанавливаетъ фактъ, что составитель 1-ой Новгородской лѣтописи въ началѣ ея воспользовался начальной лѣтописью, допустивъ нѣкоторыя стилистическія видоизмѣненія, иногда не вполнѣ удачныя, такъ что только сличеніе двухъ текстовъ—изъ Новгородской лѣтописи и Начальной—помогаетъ установить точный смыслъ въ ней.

M. Довнаръ-Запольскій. Крестьянская реформа въ литовско-русскомъ государствѣ въ половинѣ XVI вѣка (№ 3, стр. 137—187, № 4, стр. 221—277). Авторъ настоящаго изслѣдованія, разсмотрѣвъ въ раныше изданномъ имъ трудѣ «Государственное хозяйство вел. кн. Литовскаго при Ягеллонахъ» значеніе финансовой стороны реформъ, касавшихся измѣненія въ организаціи раскладки и взиманія податей и повинностей въ литовско-русскомъ государствѣ въ половинѣ 16 столѣтія, въ своей новой работе задается другой цѣлью—выяснить техническую сторону этихъ реформъ и тотъ порядокъ новой администраціи, который установился для управлѣнія финансами.

B. Ляскоронскій. Къ вопросу о Переяславльскихъ торкахъ (№ 4, стр. 278—302). Настоящая статья, главнымъ образомъ, вызвана трудомъ А. В. Стороженка «Очерки Переяславльской Старины», въ которой авторъ сдѣлалъ попытку опредѣлить мѣстожительство пере-

яславльскихъ торковъ и ихъ значеніе въ исторіи южно-русской жизни. Не будучи согласенъ съ выводами, сдѣланными А. В. Стороженкомъ по этому вопросу, В. Ляскоронскій подвергаетъ въ началѣ своей статьи критическому разбору трудъ А. В. Стороженка, а затѣмъ высказываетъ рядъ своихъ соображеній по тому же вопросу.

Г. Тельбергъ. Нѣсколько замѣчаній о междукняжескихъ снемахъ въ древней Руси. (№ 6, стр. 332—338). Княжеские съѣзды или *снемы* (отъ слова *сниматься*) толкуются въ наукѣ двояко: одни считаютъ ихъ *учрежденіями*, авторитетъ которыхъ былъ обязателенъ для князей всей территории (проф. В. Ключевскій); другіе видятъ въ нихъ лишь *средство заключенія договоровъ* (проф. Сергеевичъ). Авторъ настоящей замѣтки, соглашаясь оъ послѣднімъ мнѣніемъ, даетъ нѣсколько дополнительныхъ толкованій юридического значенія княжескихъ *снемовъ*, указывая отличіе ихъ отъ иныхъ собравшій князей.

Въ отдѣлѣ „Критика и библиографія“ помѣщено разборъ труда Проф. М. Грушевского „Очеркъ исторіи украинскаго народа“. Рецензія принадлежитъ перу Н. Чечулина (№ 4, стр. 398—399).

Вѣстникъ Европы, № 5 и 6.

Ек. Юнг. Изъ моихъ воспоминаній 1843—1860 г. (№ 5, стр. 256—291). Въ этой книгѣ помѣщено окончаніе воспоминаній Ек. Юнге, обнимающее главы XV—XIX. Эти главы представляютъ особенный интересъ, такъ-какъ въ нихъ воспоминанія касаются главнымъ образомъ личности Н. И. Костомарова.

Літературно-Науковий Вѣстникъ. 1905 р., кн. I—V.

Книжка I.

М. Грушевський. Що-же далі? (В справі руських гімназій) (стр. 1—5).

Отмѣтивъ, какого труда стоила галичанамъ станиславійська гімназія, авторъ говоритьъ, что она тѣмъ не менѣе является польской подачкой. Такимъ образомъ и другія казеннныя гімназії будутъ стоить такихъ-же усилій, такъ-какъ для открытия гімназіи въ Станиславовѣ потребовалось цѣлыхъ шесть лѣтъ. Поэтому авторъ совѣтуетъ оставить въ по-коѣ имперскихъ министровъ и заняться устройствомъ учебныхъ заведеній. На это, по его мнѣнію, хватитъ средствъ вполнѣ. Между тѣмъ

такія гімназії необходими во многихъ мѣстахъ Галиції, такъ какъ помогутъ сохранить украинскую народность отъ поглощенія ея другими націями, располагающими своими школами. Авторъ советуетъ употребить на это деньги, собранныя на постройку театра во Львовѣ.

M. Лозинський. Гльосси про міжпартийні відносини галицькихъ Українців (стр. 19—35). Въ настоящей книжкѣ помѣщено только начало статьи г. М. Лозинского, написанной по поводу книги Юліана Бачинскаго «Гльосси. У Львові. 1904. Накладом редакціи «Іскри». Стор. 142. Ціна 2 кор.» Какъ извѣстно, г. Ю. Бачинский написалъ раньше книгу «Україна Irredenta», выдержанную два изданія. Какъ и первое произведеніе г. Бачинскаго, «Гльосси» посвящены общественному вопросу въ Украинѣ, при чемъ авторъ ихъ является ревностнымъ послѣдователемъ матеріалистического міровоззрѣнія, поддерживаемаго теперь сторонниками научного соціализма. Исходя изъ этой точки зрењія, г. Бачинский дѣлить украинское общество на четыре класса: 1) пролетаріатъ, 2) крестьянство, 3) духовенство, 4) свѣтская городская интеллигенція. Свое соціальное міровоззрѣніе г. Бачинский излагаетъ въ упомянутомъ выше произведеніи, при чемъ оно въ сильной степени тождественно съ первой его работой. Настоящая замѣтка г. Лозинскаго имѣеть цѣлью разобрать мнѣнія г. Бачинскаго на взаимныя отношенія украинскихъ партій, такъ какъ первый далеко не всегда согласенъ съ авторомъ «Гльосс».

I. Франко. Ювилей Івана Левицького (Нечуя) (стр. 36—42). Авторъ указываетъ, что празднованіе юбилея опоздало на цѣлыхъ 10 лѣть. Еще въ 1895 году минуло 25 лѣть литературной дѣятельности знаменитаго украинскаго писателя, но тогда «Україна стогнала під тяжкимъ тискомъ». Въ сущности и теперь обстоятельства не измѣнились къ лучшему, но какимъ-то чудомъ удалось вздохнуть немножко легче, и «Україна згадала свій старий довг і съянткує 35-літній ювилей літературної діяльності Ів. Левицького. Въ дальнѣйшемъ авторъ даетъ характеристику юбиляра, какъ писателя, и приводить отрывокъ изъ своихъ воспоминаній о посвѣщеніи послѣдняго. Въ общемъ характеристика знаменитаго писателя сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: онъ не былъ публицистомъ, не былъ борцомъ или полемистомъ, не былъ партійнымъ человѣкомъ, сторонникомъ той или иной политической доктрины или программы,—онъ былъ украинцемъ и украинскимъ писателемъ, и обладалъ всегда художественнымъ чувствомъ. Для выясненія своихъ положеній авторъ сравниваетъ юбиляра съ другими

нисателями, какъ украинскими, такъ и российскими. Къ статьѣ приложенъ портретъ юбиляра.

Ст. Томашівський. Нова книжка—нові часи (стр. 43—53). Настоящая статья вызвана появлениемъ въ печати книги проф. М. Грушевского. «Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904». Авторъ останавливается сначала на значеніи этой книги для российскихъ украинцевъ, а потомъ переходитъ къ характеристику большого труда проф. М. Грушевского «Істория України-Русі», сокращеніемъ которой является данная книга. Авторъ отмѣчаетъ важное научное значеніе и чисто национальный характеръ «Історії України Русі», даетъ краткій обзоръ «Очерка исторіи украинскаго народа» и заканчиваетъ свою статью словами по адресу проф. М. Грушевскаго: «Вірний син нації».

В. Гнатюк. Новий русько-німецький словаръ (стр. 54—59). Настоящая замѣтка представляетъ рецензію на «Русско-німецкий словаръ» Омеляна Поповича в Чернівцях (320 стр., 8°), недавно появившійся въ продажѣ.

О. Іванчук. В справі піднесення домашнього промислу (стр. 60—66). Авторъ посвятилъ свою статью кустарнымъ промысламъ и указываетъ на необходимость оказать поддержку галицкимъ кустарямъ. При этомъ онъ останавливается особенно на Гуцульщинѣ, где народные промыслы, какъ известно, достигли высокой художественности. Поддержка кустарямъ должна опираться на чисто экономическую основу.

Въ отдѣлѣ «Хроніка і бібліографія» помѣщены только небольшія замѣтки, но иѣкоторые изъ нихъ мы отмѣтимъ здѣсь:

I. Кр. Новий віри Маркіяна Шашкевича (стр. 67). Въ виду интереса этой замѣтки для украинскихъ читателей приводимъ ее въ переложеніи, при чемъ въ стихотвореніи М. Шашкевича сохранимъ правописаніе подлинника. «Въ рукописномъ отдѣлѣ бібліотеки Народного Дому» во Львовѣ хранится подъ ч. 350 листокъ сърой бумаги въ шестнадцатую долю, подаренный сюда вмѣстѣ съ другими бумагами Яковомъ Головацкимъ. На этомъ кускѣ бумаги написано слѣдующее стихотвореніе:

Цо за тихий за Дунай
Де мій сокол пробувайде
Лети чадко в гожий край
Де го тула обгортайе.

Неси душу¹⁾ там мойу
 Легкокрилий вйтриньку
 Руску пыснью несы му
 Щчиру брата пысоњку:
 Тужно тужно тамъ тобы
 Милий брате рідченкій
 Но по студеній зимы
 Вйтрец дихне тепленкій.
 Середъ луга край води
 Зацвила калына
 Будь веселій шчаслив ти
 То шчаслыва й родина.

Подъстихотвореніемъ рукою Якова Головацкого написано: М. Шашкевичъ. Автографъ съ 1833 г. Характеръ письма тождественъ съ характеромъ прочихъ рукописей Маркіяна Шашкевича.. Трудно сказать, действительно ли стихотвореніе относится къ тому году, который указываетъ Головацкий. Посылая рукописи въ 1881 г. изъ Вильна, онъ очень легко могъ ошибиться. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что это стихотвореніе написано рукою М. Шашкевича».

Дальши пробі (стр. 67—68). Приводятся свѣдѣнія о ходатайствахъ, которые возбуждены разными лицами, желающими издавать журналы и газеты на украинскомъ языке.

B. Новий „очаг“ московофільський (стр. 68). Сообщается, что завѣщанный капиталъ нѣкогда М. Качковскимъ перешель теперь къ «Народному Дому» во Львовѣ.

B. Дивачний проект (стр. 68—69). Авторъ высмѣиваетъ проэктъ устроить памятникъ М. Шашкевичу за 14000 кр. на горѣ, около Пидліся.

Книга II.

Ганна Барвінок, Святе Різдво на хуторі (стр. 77—84). Авторъ описываетъ празднованіе Святоокъ въ селахъ и приводить тексты колядокъ и щедрівокъ.

G. Ф. Сухий пень (стр. 85—97). Авторъ описываетъ сначала въ общихъ чертахъ отношеніе россійского правительства къ украинскому

¹⁾ Сбоку перечеркнуто: пыснью.

языку и письменности въ періодъ съ 1876 по 1904 годъ, при чёмъ указывается замѣчательное «постоянство» правительственной политики въ этомъ вопросѣ. Затѣмъ онъ приводить въ подлинникѣ записки киевскаго генераль-губернатора кн. Дондукова-Корсакова по вопросу объ украинскомъ языке. Конечно, содержаніе и выводы этой записи тутъ не стоитъ повторять, такъ какъ все это говорится и пишется по сей день «истинно-русскими людьми».

M. Лозинський. Гльосси про міжнартійні відносини галицьких Українців (стр. 98—105). Въ настоящей книжкѣ напечатано окончаніе статьи, начатой печатаніемъ въ I книжкѣ «Л.-Н. Вістника». Разсмотрѣвъ положенія г. Бачинскаго, авторъ вносить въ нихъ кое-какія поправки, возражаетъ въ вѣкоторыхъ случаяхъ противъ тѣхъ или другихъ выводовъ первого, напримѣръ, о москофильствѣ. Въ заключеніе онъ отмѣчаетъ, что г. Бачинський постоянно путаетъ термины: «руський» и «український».

I. Кревецький. Корифей російської критики і українське письменство (стр. 106—121). Въ этой книжкѣ помѣщено лишь начало весьма интересной статьи г. Кревецкаго. Въ первой части своей статьи авторъ отмѣчаетъ, что самые выдающіеся россійские дѣятели на поприщѣ литературы и общественности, сталкиваясь съ украинскимъ вопросомъ, обнаруживали не только непониманіе народа, его быта и его особенностей, но даже проявляли какую то антипатію къ тѣмъ или другимъ проявленіямъ украинской жизни. Онъ полагаетъ, что въ этомъ виноваты болѣе или менѣе обѣ стороны. Между тѣмъ сама жизнь постоянно наталкивала россійскихъ писателей и публицистовъ на тѣ или другія явленія въ жизни Украины и заставляла ихъ высказываться по этому вопросу. Отмѣтивъ мнѣнія Хомякова, Герцена, Чернышевскаго, Тургенева и Короленка, авторъ переходитъ къ корифею россійской критики—В. Бѣлинскому. Въ первой главѣ авторъ рассматриваетъ мнѣнія Бѣлинского по украинскому вопросу, насколько они выразились въ его рецензіяхъ на сочиненія Квітки-Основяненка и Гребінки. Конечно, Українѣ не особенно посчастливились въ отзывахъ извѣстнаго россійскаго критика.

I. Франко. Львівський театр і народна честь (стр. 122—132). Авторъ указываетъ, что Галичину теперь сильно волнуетъ вопросъ о постройкѣ театра во Львовѣ. Уже куплено мѣсто, и заключенъ контрактъ съ одной вѣнскай фирмой относительно постройки. О театре много пишутъ и говорятъ, при чёмъ въ периодической печати появ-

ляются не только мнѣнія по этому вопросу отдельныхъ лицъ, но и коллективныя заявленія. Такъ, въ ч. 7 «Діла» напечатано подобное заявленіе, при чмъ авторы его возражаютъ противъ предложенія проф. М. Грушевскаго употребить на устройство частныхъ учебныхъ заведеній деньги, собранныя на постройку театра во Львовѣ, и заявляютъ, что въ театральномъ вопросѣ «заангажована наша народна честь». Авторъ выступилъ въ отвѣтъ на это со своей статьей. Сначала онъ даетъ исторію театрального вопроса въ Галичинѣ, а затѣмъ разсматриваетъ со всѣхъ точекъ зрењія какъ современное положеніе этого дѣла, такъ и значеніе для страны постояннаго театра во Львовѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣчаетъ, что настоящая театральная затѣя не сулитъ блестящихъ перспективъ для украинскаго драматического искусства, при чмъ основываетъ свое мнѣніе на чисто практическихъ соображеніяхъ, съ которыми слѣдуетъ посчитаться лицамъ, задумавшимъ построить театръ во Львовѣ.

I. Кр. Бібліотека „Народного Дому“ у Львові (стр. 133—137).

Авторъ излагаетъ сначала исторію «Народного Дому» во Львовѣ, а затѣмъ приводить данныя о современному состояніи библіотеки этого учрежденія. Библіотека раздѣляется теперь на два отдѣла: отдѣлъ «Народного Дому» въ 80000 томовъ и отдѣлъ о. Петрушевича больше чѣмъ въ 20000 томовъ. Но библіотека содергится не въ особенномъ порядкѣ, составъ ея не отличается полнотой, и читальный залъ требуетъ большаго благоустройства. При библіотекѣ имѣются археологический музей съ нумизматическимъ отдѣломъ и естественно-исторический кабинетъ, но они еще не открыты для публики.

Въ отдѣлѣ „Хроніка і бібліографія“ отмѣтимъ слѣдующія небольшія замѣтки:

B. Заходи коло знесення указу з 1876 р. (стр. 138)—относительно кіевской, одесской и др. петицій украинцевъ въ Россії.

B. Хто піддержує москоофільство? (стр. 138—140)—о комиссіи, распоряжающейся фондомъ М. Качковскаго.

Книга III.

Новий документ до старого „спору“ (стр. 153—159). Подъ этимъ заглавіемъ редакція «Л.-Н. Вістника» опубликовываетъ въ переложеніи на украинскій языкъ докладную записку одесскихъ украинцевъ въ комитетъ министровъ, при чмъ предполагается ей коротенько введеніе, въ которомъ разъясняется истинный характеръ этого «споръ» между украинцами и ихъ угнетателями.

I. Франко. Михайло Павлик (стр. 160—186). Авторъ написаль свою статью «замісъ ювилейної сильветки». Михайло Павлик—одинъ изъ весьма замѣтныхъ общественныхъ дѣятелей и игралъ известную роль въ послѣднія 30 лѣтъ. Хотя юбилей его 30-лѣтней дѣятельности и отпразднованъ съ большою торжественностью въ Львовѣ (д. 20 падолиста 1904 р.) и вызвалъ свыше 170 адресовъ и другихъ привѣтствій изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ украинцы, но др. I. Франко находитъ, что почитатели М. Павлика относили свои симпатіи больше къ особѣ послѣдняго и далеко не выражали яснаго пониманія ідей, руководящихъ его дѣятельностью. Лишь въ 5 привѣтствіяхъ «виявляє яснійше розумініе провіднихъ ідей Павликової діяльності». Авторъ находитъ, что необходимо прежде всего позаботиться, чтобы личность и дѣятельность не были представлены въ невѣрномъ освѣщеніи и не были окружены легендами. «Обовязокъ мій,—говорить онъ,—одного з сучасниківъ і близькихъ съвідниківъ Павликової діяльности висловити тутъ декілька увагъ, що причинять ся може до прояснення правди». Въ дальнѣйшемъ изложениі авторъ разбирається очеркъ личности М. Павлика, помѣщенній М. Лозинськимъ въ книгѣ «Ювилей 30-літньої діяльности Михайла Павлика (1874—1904). З портретами ювілята і рідні. У Львові, 1905», і сообщаетъ цѣлый рядъ фактovъ частю на основаніі своїхъ личныхъ воспомінаній, частю по документамъ. Между прочимъ онъ касается тутъ и столкновенія М. Павлика съ Наук. «Товариствомъ ім. Шевченка» какъ изъ-за бібліотеки, которую онъ завѣдывалъ, такъ и по вопросу о печатаніи его статей въ изданіяхъ «Товариства». Авторъ здѣсь взваливає всю вину на ювіляра и осыпає его рядомъ упрековъ. Но еще больше достается М. Павлику, когда авторъ доходитъ до характеристики произведеній послѣдняго. Вообще, статья отличается большой страстью тона и часто личнымъ характеромъ, хотя авторъ и увѣряетъ въ противномъ.

C. Ефремов. Бонавентура в українській літературі (стр. 187—202). Настоящая статья посвящена украинскимъ драматургамъ и ихъ творчеству. Въ первой главѣ авторъ даетъ общую характеристику драматической литературы, при чемъ сравниваетъ состояніе послѣдней съ дѣятельностью известнаго Бонавентуры изъ комедіи Карпенка-Карого. При этомъ въ послѣдующихъ главахъ онъ собирается перебрать украинскихъ драматурговъ, начиная отъ наименѣе замѣтныхъ величинъ и кончая самыми крупными именами. Дѣйствительно, во II главѣ разобраны слѣдующіе произведенія: 1) „Въ кого серце щире, той въ не-

щастяхъ гыне“, опера на 4 дії Х. Бойця К. 1904; 2) „Корінь“, народна драма на 5 дій Писаренка. Х. 1094; 3) „Борці за мрії“, драма на 5 дій Тогобочного. Х. 1904; 4) „Въ каламутній воді“ („Орися“), комедія Володського. К. 1904. Всѣмъ этимъ произведеніямъ и ихъ творцамъ отъ автора сильно достается, и въ заключеніе онъ заявляетъ: „се-ж не література, а Бонавентура“. Статья въ настоящей книжкѣ „Л.-Н. Вістника“ не закончена¹⁾.

O. Вишневський. На переломі (стр. 203—210). Настоящая статья излагаетъ современные события въ Россіи и положение страны съ соціаль-демократической точки зрењія. Въ этой книжкѣ помещено только начало статьи.

M. Грушевський. В справі руських шкіл і руською театру (стр. 211—220). Настоящая статья является продолжениемъ той полемики о школахъ и театрѣ, которой посвящены отмѣченія выше статьи М. Грушевского (кн. I) и І. Франко (кн. II). Авторъ старается отстоять свое мнѣніе, что украинскія школы важнѣ для Галичины, чѣмъ театръ.

I. Франко. Замісій діскусії—цивітки полеміки (стр. 221—237). Настоящая статья относится къ тому же вопросу, что и предыдущая, и полемизируетъ съ мнѣніями, находящими себѣ пріютъ на столбцахъ газеты „Діло“.

Ст. Чарнецький. Гостына театру „Руської Бесіди“ у Львові стр. 238—248). Авторъ даетъ рефератъ о представленихъ труппы „Руської Бесіди“ во Львовѣ въ 1905 году. Въ общемъ онъ вынесъ самое отрицательное впечатлѣніе и о репертуарѣ, въ которомъ многаго недоставало, а безъ другого можно было обойтись, и объ исполнителяхъ, которые не всегда стояли на должностной высотѣ.

P. Братковський. Перша вистава укр. штуки і промислу у Львові (стр. 241 — 256). Настоящая статья написана по просьбѣ редакціи „Л.-Н. Вістника“. Давъ общій хвалебный отзывъ объ этой выставкѣ, авторъ затѣмъ переходитъ къ отдѣльнымъ экспонентамъ, начиная съ удостоившихся наградъ. Сначала онъ отмѣчаетъ инкрустаторовъ Миколу, Василя и Федя Шкрибляківъ, сыновей Юра Шкрибляка изъ Яворова, косицьского повіта — всѣ 3 брата выставили рядъ типичныхъ гуцульскихъ издѣлій, при чемъ первые двое получили золотую медаль, а третій похвальный листъ. Остальные гуцульские мастера, выставившіе здѣсь свои работы, уступаютъ назван-

¹⁾) Эта-же статья была напечатана въ „Киев. Стар.“

нымъ выше. Изъ живописцевъ авторъ особенно восхищается картинами Ивана Труша, а затѣмъ переходить къ Ф. Красіцькому изъ Киева, одна изъ картинъ котораго „Гість із Запорожа“ куплена „Наук. Тов. ім. Шевченка, при чемъ снимокъ ея приложенъ къ настоящей книжкѣ. Изъ другихъ живописцевъ авторъ отмѣчаетъ І. Макушенка, изъ Петербурга, І. Бурачка, В. Масляникова изъ Киева, Юліана Панкевича изъ Львова, Сосенка, М. Жука изъ Киева, Михайла Бойчука изъ Львова и Л. Драгоманову изъ Киева, а обѣ остальныхъ только упоминаетъ вскользь.

Книга IV.

M. Грушевський. Українство і питання дні в России (стр. 1—10). Въ настоящей статьѣ авторъ говоритъ о положеніи украинцевъ въ Россіи, а потомъ характеризуетъ современное украинское движение и указываетъ, какія задачи оно должно преслѣдоватъ, къ какой цѣли слѣдуетъ стремиться. Вопросъ разсматривается авторомъ съ разныхъ точекъ зренія, такъ какъ освободительное движение, охватившее всю Россію, застало украинцевъ совершенно неподготовленными. Поэтому необходима со стороны послѣднихъ особенно энергичная дѣятельность, чтобы достигнуть завѣтнаго идеала и стать вполнѣправной націей, а не паріями среди другихъ народностей. Многое должны сдѣлать сами украинцы, такъ какъ въ иныхъ случаяхъ на другихъ не слѣдуетъ полагаться.

I. Франко. Отвертій лист до гал. української молодіжі (стр. 11—19). Авторъ выясняетъ важное значеніе современного освободительного движения въ Россіи для украинского народа, указываетъ будущую роль галичанъ въ судьбахъ ихъ россійскихъ земляковъ и опредѣляетъ тѣ обязанности и задачи, которыя лежатъ теперь на первыхъ въ отношеніи ихъ соплеменниковъ, и которыя предстоитъ выполнить въ будущемъ. Статья дышеть хорошимъ, теплымъ чувствомъ украинца, любящаго свою родину и народъ, и проникнута такимъ оптимизмомъ, о которомъ мы, живущіе въ Россіи, пока не можемъ думать.

O. Вишневський. На переломі (стр. 21—38). Въ продолженіи интересной статьи о современному положеніи въ Россіи авторъ выясняетъ состояніе россійской торговли и промышленности и указываетъ, какое вліяніе это имѣло на бытъ рабочихъ, какъ способствовало это все возникновенію рабочаго вопроса. Авторъ описываетъ также первую стадію рабочаго движения.

I. Кревецький. Корифей російської критики і українське письменство (стр. 39—55). Въ настоящей книжкѣ помѣщено окончаніе статьи, начатой печатаніемъ во II книжкѣ «Л.-Н. Вістника», при чмъ тутъ напечатаны конецъ I главы и II глава. Сначала авторъ знакомить нась съ отзывами Бѣлинскаго о Шевченкѣ, при чмъ критикъ здѣсь обнаружилъ не только полное непониманіе великаго украинскаго писателя, но также страшную ненависть ко всей украинской письменности. Во II главѣ авторъ старается выяснить причины, которыми вызывается это враждебное отношеніе ко всему украинскому какъ у Бѣлинскаго, такъ и у другихъ россіянъ. Свою статью онъ заключаетъ словами: «Знанем України Росія ніколи не грішила!»

Ст. Чарнецький. Де що про теперішній стан галицько-руського театру (стр. 56—64). Авторъ сначала рассматриваетъ вопросъ о театрѣ съ общей точки зрѣнія, а потомъ переходитъ къ современному состоянію украинскаго театра въ Галичинѣ. Поэтому вся остальная, большая часть статьи посвящена единственному театральному товариществу въ Галичинѣ—«Руська Бесіда» во Львовѣ. Постановка дѣла въ этомъ товариществѣ далеко не удовлетворительна и требуетъ настоятельно коренной реформы. Въ сущности единственнымъ вершинѣмъ судѣбъ галицкаго театра является П. Губчакъ, который творить множество злоупотребленій.

Із сучасних фактів (стр. 65—79). Подъ этимъ заголовкомъ опубликованы четыре совершенно самостоятельныхъ вещи, при чмъ всѣ онѣ переложены на украинскій языкъ: 1) Петиція кіевскихъ украинцевъ министру внутреннихъ дѣлъ о нуждахъ украинскаго слова; 2) Записка ихъ-же о необходимости украинской школы; 3) Открытое письмо молодежи Т. Флоринскому; 4) Кілька слів про будовку чеськихъ театрів.

Др. Е. Олесницький. Кілька слів фактичного спростовання (стр. 80—86). Подъ этимъ заголовкомъ опубликовано письмо др. Е. Олесницкаго и двѣ замѣтки др. І. Франка. Въ своемъ письмѣ др. Е. Олесницкій говоритъ о проектѣ построить украинскій театръ во Львовѣ и возражаетъ противъ тѣхъ обвиненій, которыя взвѣль на него др. І. Франко въ отмѣченной выше своей статьѣ по тому-же вопросу. Это письмо сопровождается полемической замѣткой др. І. Франка. Въ ней послѣдній представляетъ свои возраженія на слова др. Е. Олесницкаго. Послѣ этого др. І. Франко напечаталъ также «Postscriptum», въ которомъ возражаетъ проф. В. Шухевичу, напечатавшему

статейку по тому же театральному вопросу въ газетѣ «Діло». Вторая замѣтка отличается чрезвычайной горячностью тона.

Книжка V.

I. Франко. Щирість тону і цирість переконань (стр. 101—112) Настоящая статейка написана по поводу замѣтки др. Ів. Копача «Згосини у других», напечатана въ № 16 газеты „Діло“. Др. Копачъ въ своей замѣткѣ описываетъ юбилейный концертъ москофильского студенческаго общества «Другъ» и касается при этомъ случаѣ новаго направлениія, наблюдаемаго въ средѣ москофильской молодежи. Въ отвѣтъ на это др. I. Франко характеризуетъ современное москофильство въ Галичинѣ и даетъ ему надлежащую оцѣнку.

O. Вишневський. На переломі (стр. 113—131). Въ настоящей книжкѣ напечатано продолженіе интересной статьи О. Вишневскаго, первыя части которой помѣщены въ III и IV книжкѣ. Въ этой книжкѣ авторъ говоритъ о россійскомъ законодательствѣ по фабрічному дѣлу и рабочему вопросу, а также излагаетъ въ связи съ этимъ исторію рабочаго движенія съ точки зренія соціал-демократовъ.

M. Грушевський. Фрази і факти (стр. 132—137). Настоящая статья написана для газеты „Сынъ Отечества“ и имѣеть цѣлью опровергнуть увѣреніе „Гражданіна“ (№ 22), будто „не нужно свободы украинскому языку“.

M. Лозинський. Українська Народня Партия (стр. 145—160). Настоящая статья даетъ характеристику дѣятельности и задачъ этой партіи, при чемъ авторъ относится къ вопросу критически и отмѣчаетъ тѣ стремленія партіи, которыя отличаются неясностью или не способны вызвать сочувствіе среди украинцевъ, такъ какъ проникнуты духомъ чрезмѣрной національной нетерпимости. Статья представляеть большой интересъ для южно-руссовъ и сообщаетъ нѣкоторые такіе факты изъ нашей жизни, о которыхъ россійской прессѣ пришлось умолчать.

M. Грушевський. Меморіал Петербурзької Академії (стр. 160—163). Авторъ сначала излагаетъ содержаніе записки Императорской Академіи Наукъ „объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова“ (Спб. 1905, ст. Ш+96), а потомъ даетъ оцѣнку ея, при чемъ признаетъ чрезвычайную важность этого документа.

Реферат Комісії у справі знесеня заборон українського друкованого слова (стр. 164—174). Подъ этимъ заглавиемъ начата печатаніемъ

упомянутая выше записка Имп. Академії Наукъ. Записка печатается въ переложеніи на украинскій языкъ; переложилъ ее В. Гнатюкъ.

Історична записка К. А. Военского (стр. 175—185). Настоящая записка подана К. А. Военскимъ въ 1900 году начальнику Главнаго управлениі по дѣламъ науки. Въ ней авторъ доказываетъ, что необходимо уравнять въ правахъ украинскій языкъ съ россійскимъ. Записка напечатана здѣсь въ переложеніи на украинскій языкъ, переложилъ ее І. Франко.

Научно-литературный сборникъ, т. IV, кн. I.

Ф. И. Свистунъ. Митрополитъ Спиридонъ Литвиновичъ и о. Иванъ Наумовичъ въ 1864 г. (стр. 57—65). Подъ этимъ заглавіемъ опубликована записка о. Наумовича по поводу лишенія его прихода митрополитомъ Спиридономъ Литвиновичемъ. Въ видѣ вступленія къ этой запискѣ г. Свистунъ описываетъ по своему тѣ причины, которыя заставили митрополита рѣшиться на такую мѣру.

„Галицко-русская матица“ (стр. 66—72). Подъ этимъ заголовкомъ опубликована переписка этого москофильского общества съ митрополитомъ Андреемъ Шептицкимъ, который, въ качествѣ покровителя, воспротивился затѣянной перемѣнѣ устава „Г.-Р. Матицы“.

Б. А. Дульцикій. Открытое письмо къ митрополиту Андрею Шептицкому (стр. 73—92). Письмо относится къ тому-же вопросу объ уставѣ „Г.-Р. Матицы“ и представляетъ дѣло съ точки зрењня воротилъ этого сообщества.

О. А. Мончаловский. Къ юбилею В. И. Ламанской (стр. 93—100). Авторъ даётъ характеристику извѣстнаго слависта и приводить тексты иѣкоторыхъ адресовъ, при чемъ старается провести свои излюбленныя тенденціи. Къ статьѣ приложенъ весьма плохой портретъ.

Въ отдѣлѣ „Бібліографія“ даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ; 1) *А. С. Крыловский*. Львовское Ставронигіальное Братство. К. 1904 (стр. 101—105); 2) Архивъ Юго-Западной Россіи, т. X—XI (стр. 105—106); 3) *Ю. А. Яворский*. Очерки по истории русской народной словесности. II. К. 1905 (стр. 106—107).

Д-ръ И. С. Свінницкій. Рукописи бібліотеки „Народного Дома“ во Львові (стр. 108—149). Въ настоящей книжкѣ авторъ оканчиваетъ свое описание рукописей на иностранныхъ языкахъ изъ собранія „Народного Дома“. Нѣкоторыя рукописи изданы въ приложениі. Описаніе сопровождается указателями фамилій, рукописей по содержанію и учреждевій.

Этнографическое Обозрѣніе, 1904 г., № 3—4.

Въ этихъ двухъ книжкахъ, вышедшихъ съ сильнымъ опозданіемъ, помѣщены въ отдѣлѣ „Критика и Бібліографія“ отзывы Е. Н. Е—ой о слѣдующихъ книгахъ: 1) въ № 3—о книгѣ Нарбекова „Южно-русское религіозное искусство XVII—XVIII в.в.“ (стр. 98); 2) въ № 4—о книгѣ Лисенка „Очерки домашнихъ промысловъ и ремесль Полтавской губерніи“ (стр. 188).

Ізвѣстія Отдѣл. Рус. яз. и Словесн. Імп. Ак. Наукъ, т. X, кн. I.

В. Н. Перетцъ. Къ исторіи польскою и русскою народнаю театра (стр. 51—104). Настоящая статья посвящена памяти А. Н. Пыпина. Авторъ даетъ разборъ нѣсколькихъ интермедій XVII—XVIII столѣтій по рукописнымъ материалахъ. Статья представляетъ важное значеніе для исторіи украинского театра и драматической литературы. Она является первой въ серіи другихъ статей по тому-же вопросу, напѣченныхъ авторомъ.

Н. В. Державинъ. Замѣтка о болгарскомъ говорѣ с. Терновки Мелитопольскую у. Таврической г. (стр. 136—146). Авторъ даетъ краткую характеристику фонетическихъ и этимологическихъ особенностей этого говора и даетъ материалы для словаря.

Г. П. Георгіевский. Дѣль драмы Петровскаго времени I—III (стр. 185—307). Настоящая статья посвящена дѣйствіямъ о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ и о Есенири. Обѣ пьесы представляютъ примѣръ того вліянія, которое имѣли кіевскіе ученые на развитіе школьной драмы Москвы. Въ ихъ языкахъ много слѣдовъ украинскаго языка.

A. И. Соболевский. Древне-киевскій говоръ I—III (стр. 308—323). Настоящая статья представляетъ въ сущности повтореніе ряда статей автора, въ которыхъ онъ доказывалъ, что древніе кіевляне говоромъ бѣлорусско-великорусского типа, а украинскій языкъ появился въ Кіевщинѣ не раньше Руины. Статья въ сущности не даетъ почти ничего новаго. Не ново также наименованіе ученыхъ противниковъ автора украинофилами.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Что стоилъ Андрею Полетикѣ процессъ за с. Аксютинцы (роменского уѣзда). Родоначальникомъ Полетикъ былъ полтавскій житель Андрей Павловъ, который впослѣдствіи сталъ роменскимъ войтомъ (1727—28) и принялъ фамилію Полетикъ. Это былъ очень ловкій человѣкъ. Женясь на внучкѣ лубенскаго полковника Иляшевка, Полетика послѣ долгихъ усилий овладѣлъ роменскимъ селомъ Коровинцами¹⁾, право на которое у него оспаривали Полуботки, а затѣмъ купилъ у дочерей Якова Гречанаго, Настасьи, Авдотьи и Маріи, село Аксютинцы, тоже въ роменской сотнѣ. Купчая на это село была совершена весною 1748 года, но скоро послѣ этого право на Аксютинцы стали оспаривать у Полетики бунчуковый товарищъ Туранскій и черниговскій полковой судья Василій Каневскій, и Полетикѣ пришлось вновь начинать долгій и требующій большихъ денежныхъ затратъ процессъ. Въ общемъ исторія села Аксютинецъ, насколько можно видѣть изъ данныхъ, находящихся въ доказательствахъ, представленныхъ обѣими спорящими сторонами въ Сенатъ, была такова. При Самойловичѣ этимъ селомъ владѣлъ полковой лубенскій писарь (1672—1684) Федоръ Васильевичъ Билимъ, по смерти котораго оно было отдано брату гетмана, роменскому протопопу Мартирю Самойловичу. Затѣмъ, послѣ событій на Коломакѣ, село это было отдано Мазепой „войсковому товарищу“ Степану Прокофьевичу Гречаному по универсалу 10 марта 1689 г., вопреки листу полковника лубенскаго

---

¹⁾ Киев. Стар. 1891 г., апр. стр. 99.

Свѣчки, отдавшаго въ 1688 г. Аксютинцы черниговскому протоиопу Синдаровскому. Гречаный въ свое время быль замѣтнымъ человѣкомъ въ „войскѣ“, чѣмъ и объясняется фактъ дачи Мазепой цѣлаго села безъурядному человѣку. Такъ, еще въ 1649 г. Стефанъ Гречаный быль записанъ реестровымъ козакомъ сотни Костенковой, Корсунскаго полка, причемъ онъ написанъ въ реестрахъ рядомъ съ сотникомъ¹⁾,— но въ 1662—65 годахъ онъ быль уже генеральнымъ писаремъ и гетманъ Брюховецкій бралъ его съ собой въ 1665 году въ Москву²⁾. Здѣсь Гречаный, въ числѣ прочихъ, быль пожалованъ въ дворяне, но въ 1667 году онъ уже не занималъ никакого уряда, когда вмѣстѣ съ генеральнымъ судьей Петромъ Зобѣлой и лубенскимъ полковникомъ Богданомъ Щербакомъ производилъ, по порученію Брюховецкаго, розыскъ по тяжѣ монаховъ Мгарскаго монастыря съ мѣщанами лубенскими за „бернардинские грунта, въ уроцищѣ Тернахъ лежащіе“³⁾...

Въ 1676 г. Стѣпанъ Гречаный быль полковымъ судьей Гадицкаго полка и получилъ, въ числѣ прочей старшины, государева жалованья по случаю царскаго вѣнчанія двѣ пары соболей⁴⁾. Вотъ, этому то Гречаному Мазена и далъ въ 1689 году Аксютинцы, и оно было за нихъ въ слѣдующемъ году утверждено и царскою грамотою. По смерти Степ. Гречаного, Аксютинцы были отобраны Мазеной отъ его сыновей Якова и Федора и отданы бунчуковому товарищу Василію Громѣкѣ, который въ актахъ именуется племянникомъ Мазена, но затѣмъ на Аксютинцы выхлопоталъ въ 1709 году царскую грамоту протоиопу Синдаровскому, представивъ, вѣроятно, при доказательствѣ своихъ правъ на это село универсаль полковника Свѣчки и объяснивъ, что „измѣнникъ“ Мазена отобралъ отъ него это село для отдачи своему родственнику. Событиями шведской руины воспользовались многіе „вѣрные престолу монашemu“ малороссіянне, не упускаявшіе удобныхъ случаевъ ходатайствовать о надѣленіи ихъ „измѣнничими“ маєтностями... Такимъ образомъ на одно и то же село имѣлось двѣ подтвердительныхъ царскихъ грамоты, данные разными лицамъ. Выходъ изъ этого затруднительнаго положенія найденъ быль тотъ, что Аксютинцы не были отданы ни Синдаровскому, ни Гречанымъ, а ге-

¹⁾ Реестра 1649 г., стр. 93.

²⁾ Книги разрядныя, П. 981, 997, 999; А. Ю. и З. Р., т. VI, стр. 4.

³⁾ Акты Мгарскаго монастыря, рукоп., л. 256—7.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р., т. XIII, стр. 55.

неральному судье Туранскому „на ранг“. Въ 1716 году Туранский умеръ, причемъ въ своемъ завѣщаніи отдалъ Аксютинцы своему меньшему сыну Демьяну, но при этомъ оговорилъ, что уступаетъ сыну это село только „до ласки ясневелможного“. Туранский сомнѣвался въ томъ, что раинговая маेतность будетъ оставлена за его сыномъ, тѣмъ бояжѣ, что преемникомъ его по должности генерального судьи былъ зоркій Иванъ Чарнышъ, но на всякий случай пытался передать ее своимъ дѣтямъ...¹⁾ Чарнышъ, конечно, не могъ допустить и мысли о томъ, чтобы цѣлое село, данное его предшественнику на урядъ генерального судейства, какимъ либо путемъ миновало его рука. Это было бы совершиенно неизвѣроятнымъ событиемъ, и 31-го июля 1716 года Чарнышъ получилъ универсалъ отъ Скоропадского, по которому ему были даны „села Аксютинцы съ Пустовойтовкою и съ млинами, подъ Аксютинцами будучими, и инными грунтами и угодіями, ко вспоможенію домовственному, что онъ при боку его гетманскому будетъ жити“ (намекъ на то, что Чарнышъ долженъ быть, послѣ смѣщенія съ гадяцкаго полковничества, жить въ Глуховѣ, при гетманѣ)... Въ 1718 году Аксютинцы были утверждены за Чарнышемъ тоже царской грамотой, являющейся уже третьей по числу выданныхъ на одно и то же село, но разными лицами...²⁾ Въ 1724 году Чарнышъ былъ въ Москвѣ и сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости по дѣлу Шолуботка... Этимъ моментомъ и воспользовались Яковъ и Федоръ Гречаные, оттягавъ отъ Чарныша Аксютинцы, хотя онъ въ первомъ бракѣ былъ женатъ на ихъ родной сестрѣ Еленѣ Степановнѣ Гречаной, умершей еще до 1710 года. Вторая дочь Степана Гречаного—Евдокія была замужемъ за токарищемъ Лубенского полка Григоріемъ Рубаномъ-Яценкомъ (1709), который, вѣроятно, тоже принималъ участіе въ тяжбѣ своихъ шурьевъ за Аксютинцы. Такимъ образомъ, Аксютинцы временно возвратились во владѣніе Гречаныхъ. Пробыли они у нихъ, однако, недолго, такъ какъ оба брата Гречаныхъ были людьми малозамѣтными: Федоръ не занималъ никакого уряда, числясь лишь „значимымъ воинскимъ товарищемъ, а Яковъ былъ Гадяцкимъ полковымъ есауломъ (1712 г.). Поэтому Михаилу Забѣлѣ, ставшему съ 1729 г. генераль-

¹⁾ А. Лазаревскій. Опис. Стар. Малор., II, 917—19.

²⁾ Кіев. Стар. 1904 г., мартъ, стр. 347; апр. стр. 34; Генер. слѣдствіе о маे�тностяхъ Нѣжинскаго полка, изд. Н. Н. Василенкомъ, стр. 267—280.

нымъ судьей на мѣсто Чарныша, не трудно было выпросить это село на томъ основаніи, что оно, когда-то принадлежало генеральному судѣи на рангъ. Но тутъ предъявили свое право на Аксютины: черниговскій полковой судья (1728—32) Василій Каневскій, какъ зять протопопа Синдаровскаго, и бунчуковый товарищъ Туранскій, который, кажется, тоже былъ женатъ на дочери Синдаровскаго. Каневскій началъ искъ за Аксютины и въ 1731 году подавалъ челобитную на имя императрицы¹⁾, но дѣло его, кажется, не имѣло успѣха и Аксютины находились во владѣніи Забѣлъ, по смерти котораго на село предъявили свои права Гречаные и Каневскій съ Туранскимъ. Въ это время на Аксютины и обратилъ свое вниманіе Андрей Полетика, уже перешедшій изъ роменскихъ войтовъ въ ряды значковыхъ товарищей Лубенскаго полка и владѣвшій кое-чѣмъ подъ Аксютиными. Еще въ 1715 году имъ была куплена здѣсь мельница о двухъ колахъ отъ сотника бѣлопольскаго (Сумскаго полка) Федора Яснопольскаго; получивъ на мельницу въ 1735 году универсалъ генеральной канцеляріи, Полетика въ 1740 году купилъ у своего дяди, смѣлянского городового атамана Ивана Громѣки, два амбара на той же мельницѣ, а затѣмъ все это утвердилъ за собою царскою грамотой 1744 года вмѣстѣ съ другими своими имѣніями. Затѣмъ, ознакомясь съ правами Гречаныхъ на Аксютины, Полетика рѣшился на смѣлый шагъ и въ началѣ 1748 года купилъ у дочерей умершаго Якова Гречанаго, Анастасіи, Евдокіи и Маріи, все село цѣликомъ... Дѣло въ томъ, что Полетика въ то время, когда покупалъ спорные Аксютины, заканчивалъ очень успешно почти аналогичный процессъ за село Коровинцы, на которое претенденты предъявили тоже нѣсколько грамотъ, выданныхъ разнымъ лицамъ. Поэтому, покупая село Аксютины у тѣхъ лицъ, въ родѣ коихъ оно было дано царской грамотой раньше другихъ, Полетика могъ разсчитывать, что ему вполнѣ удастся выиграть процессъ и здѣсь. И онъ не ошибся: дѣло объ Аксютинахъ хотя и долго тянулось, но рѣшено было въ Сенатѣ въ 1767 году въ его пользу... На Коровинцы Полетика издержалъ около 1500 р., а на Аксютины—около 1300 рублей, но онъ понималъ, что владѣніе этими селами скоро возвратить ему убытки, понесенные при тяжбѣ за

¹⁾ Генер. слѣдствіе о маєтностяхъ Черниговск. полка, изд. А. М. Лазаревскимъ, стр. 195—196.

нихъ... Аксютинцы перенесли, затѣмъ, къ сыну Андрея Полетики, известному Григорію Андреевичу, бывшему инспекторомъ Морского Корпуса, а затѣмъ—депутатомъ отъ Лубенскаго шляхетства въ Комиссію о Новомъ Уложеніи 1767 года.

Прилагаемый реестръ показываетъ размѣры тратъ Полетики и тѣ судебныя мытарства, при которыхъ неизбѣжно приходилось раскошевливаться всякому просителю...

„Реестръ, сколько именно вытратилъ денегъ и на что в Глуховѣ, ниже сего явствуетъ, 1748 году, ноября 20 дня, добивающись села Аксютинецъ.

Купилъ сахару шесть головъ, за которое дано 5 рублей; такожъ на всякие харчи вытратилъ денегъ два рубли различными часами. Еще пошло на харчъ рубль; еще купилъ пять головъ сахару, за которое далъ 5 рублей; еще пошло на харчъ рубль; еще 2 рубли; на харчъ рубль. Руновскому 2 рубли; на харчъ рубль; еще купилъ сахару голову, далъ рубль; еще вышло на харчъ рубль. Далъ Константиновичу 15 рублей; еще на харчъ рубль пошло. Подполковнику Семенову—50 рублей. Пану бунчучному далъ 30 рублей. Далъ протоколѣсту 5 рублей. Далъ Петру Прокоповичу 2 рубли. За квартиру далъ рубль; еще на харчъ вышло 4 рубли. Далъ Стефану на прогони 2 рубли; протоколѣсту—половину; канцеляристѣ Базилевичу—половину; еще на харчъ рублей 2. Войсковому канциляристѣ Василю Высоцкому далъ готовыхъ денегъ 40 рублей, а панцирь—в 30 рублей, кромѣ домашнихъ харчей, водки, вина и вышневки и прочихъ харчей чрезъ всю Пилиповку.

1749 году реестръ, что вытратилъ в Глуховѣ за другою февраля 15 дня поиздкою о селѣ Аксютинцахъ.

Первимъ разомъ вытратилъ на разные потребы и на харчи, на себѣ и на конѣ, 4 рубли с полтиною. Еще вытратилъ 2 рубли съ полтиною; вытратилъ 2 рубли, что дѣло перенесено з суда генерал-наго в верхнюю аппеляцію. Еще на харчъ рубль далъ; искошение члобитной — рубль; еще стратилъ на харчи, на конѣ и на себѣ, 2 рубли. Далъ канцеляристамъ судовимъ 2 рубли; еще вышло на харчъ 3 рубли; молодицамъ за двома поездками далъ 3 рубли, кромѣ домашнихъ харчей, водки, вышневки и прочтого чрезъ целой посты великий.

1749 году, апреля 10 дня, реестръ, что вытратилъ за третою поиздкою в Глуховѣ. Первымъ разомъ, на дорозѣ, на конѣ и на себѣ,

и в Глуховѣ на всяkie росходы и на поклонъ господамъ и канцеляристамъ за челобитніе и за ископиеваніе свѣдѣтельнихъ документовъ—6 рублей, кромѣ домашнихъ харчей, водки, вышневки и протѣчего. Еще на харчъ вытратилъ рубль; еще вытратилъ на харчъ 2 рублѣ; еще на харчъ вышло 2 рубли. Вербовскому—3 рубли; за кватиру далъ рубль; на харчи вышло разные рубль.

1750 году, марта 1 дня, вытратилъ в Глуховѣ по дѣлу Аксютинскому, якъ представленіе выправилъ в Иностранныю Колегію,—127 рублей, безъ домашнихъ харчей.

1749 году, февраля 21 дня, послалъ в Москву до сына Григорія Полѣтики чрезъ пана Якова Искру, канцеляриста войскового, червонихъ нѣмецкихъ 100 ровно.

1750 году за двома поездками в Глуховѣ вытратилъ денегъ 40 рублей.

1751 году, ноября 30 дня, будучи в Глуховѣ по дѣлу Аксютинскому, стратилъ 16 рублей.

Въ 1757 году, у трохъ поездкахъ до Глухова: в маи—чрезъ три неделѣ, в іюнѣ и іюлѣ—чрезъ три жъ неделѣ, да в ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ—чрезъ три жъ неделѣ,—издержалъ денегъ 32 рубли кромѣ домашнихъ разныхъ харчей.

Въ 1758 году, февраля мѣсяца, чрезъ двѣ неделѣ, ожидающи вислушанія дѣла, издержалъ денегъ 25 рублей.

1767 года, марта, за полученіемъ указа з Сената, отославъ Григорію, что онъ своихъ здержалъ на Аксютинцѣ,—279 рублей. Далъ возному повѣтовому Зубковскому 10 рублей. В судѣ земскомъ канцеляристу Герделю далъ рубль...“ (Изъ бумагъ А. М. Лазаревской, съ подлинника).

В. Модзалевскій.

Зѣньковскій полковникъ Василій Шиманъ и его потомство.
Зѣньковскій полкъ былъ образованъ въ 1661 или 1662 году, при чёмъ въ составѣ его вошли нѣкоторыя сотни Полтавскаго и Миргородскаго полковъ, а также числившеся до тѣхъ поръ ранговымъ гетманскимъ имѣніемъ Гадяцкое старство, заключавшее въ себѣ г. Гадячъ съ округомъ. Неизвѣстно, почему центромъ новаго полка былъ сдѣланъ первоначально Зѣньковъ, а не Гадячъ, куда при Многогрѣшномъ и было перемѣщено полковничество съ переименованіемъ и са-

мого полка Гадяцкимъ, а не Зѣньковскимъ. Единственный известный изъ полковниковъ зѣньковскихъ былъ Василій Симоновичъ Шиманъ, упоминаемый на этомъ урядѣ съ іюня 1662 года по 1665 годъ. Это былъ простой, неграмотный человѣкъ, но тѣмъ не менѣе игравшій кое-какую роль въ событияхъ «Руины»... Сперва Шиманъ держался Созіка, но послѣ его казни явился ревностнымъ слугою Брюховецкаго, по порученію котораго вѣзти вмѣстѣ съ Степаномъ Шубою въ началѣ 1665 года въ Москву съ челобитной и грамотою¹⁾. Фактъ, что Брюховецкій оставилъ его на прежнемъ полковничемъ урядѣ, а не смѣстилъ, какъ это случилось со многими полковниками въ то время, указываетъ на то, что Шиманъ былъ довольно ловкимъ человѣкомъ.

Мѣстожительствомъ Шимана была, повидимому, Грунъ Черкасская сотенное мѣстечко его полка. Здѣсь онъ построилъ въ 1663 г. церковь Николая; на Ворсклѣ у него былъ цѣлый рядъ млиновъ, изъ которыхъ одинъ онъ продалъ въ апрѣлѣ 1665 года Преображенскому Скельскому монастырю. Вотъ его продажная запись: «Се азъ Василій Шиманъ, полковъникъ вѣрного войска его цар(скаго) прес(вѣтлого) вел(ичества) Зaporозкого Зѣньковскаго, явно чиню симъ моимъ доброволнимъ писомъ при стар(шинѣ) город овой) грунѣской, меновите: при Стефану Безжономъ - сотнику Грунѣ Черкасской, Семен(у) Пол...—атамав(у) гор(одовому) грунскихъ, Иван(у) Костенку и при мелникох Скелскихъ.. и иныхъ людех добрих и вѣри годних притомъ было немало, іжъ я вишписаній полковъникъ даю сей мой запись з доброї волѣ в обитель Святого Спаса, рекомій манастиръ Скелскій, іжъ млиночъ на сазѣ, в томъ лузѣ стоячой, Ворскляной, идучей отъ Путицѣ (?), збудованый коштомъ моимъ, который то млиночъ отдаю на святую обителъ вѣчними часы»... При этомъ была, однако, сдѣлана слѣдующая оговорка: «Упоминаю при людехъ зацныхъ вишписанныхъ, абы оные черноризцѣ, мешкаючи в обители святого Спаса, контентовались тою сагою, узявши... границѣ, ажъ до устя, ве, чинячи прешиходи жадной мѣской греблѣ и не исуючи береговъ, которые... (берега?) мѣское посюльство все гатитъ и остерегаетъ мѣской греблѣ, аби не было и тихъ млиновыхъ перешкодъ, идущихъ на скарбъ войсковий»—Самъ Шиманъ былъ неграмотенъ, а потому этотъ «запись»

¹⁾ А. Ю. и З. Р., V, 115, 236.

быть выданъ при его печати и съ подпісомъ руки писарской». «Дѣялося» все это «у Черкаской Грунѣ, априля 2, 1665 року. Устне упрощоний панъ Григорей Василевичъ о подпісъ руки своеї, що и подпісанъ»¹⁾.

Упоминаемый въ концѣ документа Григорій Васильевичъ—не кто иной, какъ одинъ изъ сыновей Василія Шимана, подпісаншійся за отца и на статьяхъ Брюховецкаго (Московскихъ). Послѣдующихъ упоминаній о Шиманѣ намъ не встрѣтилось, но въ октябрѣ 1665 года, когда Брюховецкій былъ въ Москвѣ, Шиманъ еще былъ зѣньковскими полковникомъ.

По смерти Василія Шимана, вдова его вышла замужъ за какого-то Забузкого, который впослѣдствіи былъ монахомъ Скельского монастыря. Кромѣ сына Григорія, у нея былъ еще другой сынъ—Іванъ Шимановичъ, бывшій священникомъ въ Груні, и дочь, вышедшая замужъ за какого-то Паска Гавриленка. О потомствѣ Григорія Шиманенка намъ ничего неизвѣстно, но отъ брата его Ивана остались дѣти, по крайней мѣрѣ—былъ сынъ Іванъ. О двухъ послѣднихъ лицахъ мы узнаемъ изъ документа 1690 года. 22 октября этого года предъ урядъ Груни Черкаской, въ составъ котораго входили: сотникъ Филиппъ Ивановичъ, атаманъ—Григорій Донецъ, Яхно Уманецъ—войтъ, Остапъ Рибалка — бурмистръ, при нихъ же былъ «честный отецъ Назарий Яновский, презвитеръ свято-воскресенский груній ринтьковий, и иныхъ особъ зацніхъ не мало»,—явилась «Мелапка» попадя, жона отца Івана Шимановича, споднє з Иваномъ Івановичемъ, синомъ своимъ, и «протестовали свою рѣчъ в тую цели (?) мовячи: «Панове урядъ і всѣ при немъ будучие особи честные! Чинимъ явне, ясне и доброволне оповедъ симъ нашимъ писомъ... іжъ з доброй волѣ нашей, нѣ откого не примушоние, обще зо всѣми пріятелями нашими слушне порадившисл, на подпору господарства нашого, продалисмо млинъ свой власний, нѣкому нѣ в чомъ не заведений і не цениній, стоячий на рецѣ Ворсклѣ под монастиремъ Скелскими, з хатою, стоячаю там-же, нижей млиновъ; которого млина славной памяти небожчикъ Василий Шиманъ, свекоръ мой, а дѣдуся Івана, сына моего, мѣль собѣ в поссесию за певную сумму отъ Якова Котлярентка, древними часи; от которого Якова на тотъ млинъ писмо

¹⁾ Съ подлинника.

даньное і теперь остаеть у Паска Гавриленка¹⁾, зятя Шиманова, тилько жъ безъ всѣхъ тихъ належитостей, якъ въ томъ писмѣ виражено къ млину, отъ насъ одейшлихъ; але власний виречений млинъ зъ хатою продали, не менуючи болшъ нѣчого къ нему, въ Бозѣ превелебному его милости іеромонаху отцу Вениамину, ігумену святителя Всемилостивого Спаса Скельскому, зъ братиею, за певную сумму готовихъ грошей доброй монети лѣчбы полской за золотихъ восѧть сотъ. А одебравши виреченнюю сумму, ми, вишъменование, своими руками отъ превелебного отца ігумена і при немъ будучого брата монаха Аврамия Забузкого, бывшаго второго мужа свекрухи моей Шиманихи, за млинъ, на насъ спадающей, отъ которого южъ отдаляемъ самихъ себе і потомковъ нашихъ і пріятелей, близкихъ і далекихъ, вѣчними часи.—Тутъ же докладаемъ; хтоби мѣвъ въ томъ млини, нами проданомъ, превелебному отцу ігумену і братии якіе прикрости і втиски чинити зъ пріятелей нашихъ і отъ кого колвекъ, где би мѣвъ отецъ ігуменъ зъ братиею за тотъ млинъ, копою ілн осмакомъ приложитися,—въ томъ совіто нагорожати повинни.— Къ сему запису я Иванъ Ивановичъ Шиманъ, вмѣсто матки своей, по еи веленю руку приложивъ». Кромѣ того, здѣсь же расписались и всѣ члены мѣскаго уряда, въ томъ числѣ и городовой писарь Стѣфанъ Стеблинъ, а также и Петръ Кириловичъ, іерей святовасилевский грун(скій)²⁾.

Продажа этого млина, сдѣланная по словамъ попади „Мелашки“ ради „подпоры господарства“, гѣмъ не менѣе въ конецъ, вѣроятно, разорила потомковъ полковника Шимана. Впрочемъ, начало обѣденія его семьи положило, вѣроятно, еще сынъ его Иванъ, который не могъ добраться до какого-либо уряда въ войскѣ, а надѣлъ священническую рясу... Сынъ послѣдняго и внукъ полковника, Иванъ Ивановичъ Шиманъ, былъ тоже священникомъ въ Груни; священствовали здѣсь же его потомки, называвшіеся уже Шимановскими (довольно многочи-

¹⁾ Вѣроятно, жена его имѣла тоже млины на Ворсклѣ. Михаилъ Богуцкій (бывшій къ 1692 г. сотникомъ грунскимъ), продавая въ 1714 г. Скельскому монастырю млинъ, „стоячій на Ворсклѣ на греблѣ Скельской въ трехъ колахъ (два мучныхъ камени, а третое—ступное“), и двѣ при немъ хаты съ дворомъ, садомъ и двумя лѣсами за 1700 золотыхъ,—говорить, что млинъ этотъ былъ купленъ имъ отъ „Шимановнї“.

²⁾ Сѣ подлинника.

слеяные) и въ концѣ XVIII вѣка, причемъ вѣкоторые члены этого рода были войсковыми кавалеристами и сотенными атаманами. Въ доказательство того, что предокъ ихъ былъ зеньковскимъ полковникомъ, Шимановскіе представили въ дворянскую комиссию свидѣтельство, выданное въ 1782 году изъ духовнаго правленія Грунскаго намѣстничества сотенному атаману Якову Шимановскому, въ которомъ между прочимъ удостовѣрялся и такой фактъ, что при выходѣ въ Грунскую Николаевскую церковь, «на входныхъ въ оную одвѣркахъ написано такъ: «Року 1663, мѣсяца маія 9 дня, рабъ Божій Василій Шиманъ, полковникъ вѣйска его царскаго Величества Запорожскаго Зѣньковскій, создаль домъ сей святый своимъ коштомъ и накладомъ въ честь славному Богу и святителю Христону Николаю за отпущеніе грѣховъ своихъ». Интересно было бы знать, сохранились ли и донынѣ въ Грунской Николаевской церкви эти «одвѣрки» съ означеніюю надписью?

В. Модзалевскій.

Грамота киевского митрополита Іоасафа Кроковскаго на утвержденіе скита близъ м. Моровска, основанного игуменомъ Лебединскаго монастыря Серапіономъ, 1714 г. Настоящій документъ можетъ служить точнымъ указаниемъ относительно происхожденія Онуфріевскаго Моровскаго скита, просуществовавшаго до 1786 г., т. е. до закрытія импер. Екатериной II излишнихъ монастырей въ Малороссії. Печатается онъ по копіи 1750—1760-хъ годовъ, находящейся въ томъ Румянцевской Описи Малороссії, заключающемъ дѣла Моровской сотни. О земельныхъ владѣніяхъ киевской митрополіи (которой принадлежалъ и Моровскъ) см. у митр. Евгения «Описаніе Кієво-Соф. собора», стр. 175—190, прибавленія.

„Іоасафъ Кроковскій, божію милостію православній архиепископъ митрополитъ кіевскій, Галицкій і всея Малия Россіи.

Рѣзмъ обще, кому колвеkъ вѣдати надлежить, симъ нашимъ писаніемъ извѣствуемъ, ижъ превелебній въ Богу отецъ Серапіонъ ігуменъ Лебединскій, ради неспокоенія и тривог частихъ перенесшія отъ своего монастира на тотъ бокъ Днепра, ізбралъ мѣстце удобное поблизу мѣстечка Моровска и скитокъ устроилъ ради хотяющихъ безмолвно жителюствовати, при которомъ озеро, сѣножать и млинокъ з ступникомъ (з

какого двѣ части на насъ належнихъ по любови нашей тому мѣсцю даровалисмо) обрѣтаются, а понеже еще не имѣлъ на потвержденіе листу нашего архипастирскаго, превелебній отець *Серапіонъ* о виданія ского з катедри нашей просил наасъ. Ми, любящи умноженіе обитателей божіихъ и не возбраняющи хотящимъ на томъ мѣстцу іночествовати, в посту и молитвах работати Господеви, даемъ сей листъ нашъ на утвержденіе превелебному отцу *Серапіону* скита того новозачинающагося и при немъ будучай сѣножатѣ, озера и двухъ частій млина і ступника и третьей аще умершаго поссесора подданого..... сукcessорове доброволне схотять продати. Приказуемъ таѣ отцемъ городничимъ, по близу тамъ в маєтностяхъ наших будучимъ, іако і людемъ подданимъ нашимъ, жадной нечинити мѣстцу тому пакостей і живущим в немъ, ниже в кгрунтахъ вишпереченьихъ, до его прилежащихъ, кривди і преиятія, но паче вспомогати, помошествовать, щедробливостю посвѣщати. Ми же архипастирско молим вся твари Создателя, да мѣсто тое благословить, малое сущее да распространить во великое, яко жъ інія святія обытели от малих во великія благодатію своею претворилъ, во еже бы о немъ імя Господне благословленно было всегда усердствуем. Данъ з Кіева, априля 9, 1714. Звышъ именованій митрополитъ Кіевскій рукою власною“.

Сообщ. В. Перетцъ.

Плате и бѣлье малорусской павії XVIII ст. Ресстръ, сколько в сундуку положено платя покойной панії, ниже сего значи(тся). Кунтушъ помаранцевой старой, кунтушъ бѣлоносевой дикой, кунтушъ штофной по темной землѣ разноцвѣтной, з сѣткою сребеною, кунтушъ полуканавацовой помаранцовой з сѣткою золотою; кунтушъ штофовой зеленої з сѣткою золотою, з сребромъ; кунтушъ штофовой жолтой, под сѣбѣрками чорними, з сѣткою сребеною; кунтушъ штуфовой жолтой, под сѣбѣрками сѣрими, з сѣткою серебрененою, приношеной; сподница атласная красна, з сѣткою сребрененою; сподница жолта табаковая с квѣтками з сѣткою сребрененою; запаска парчевая по бѣлой землѣ з золотими квѣтами разными цвѣтами; запаска штофовая по бѣлой землѣ з разными цвѣтами з сѣткою золотою; запаска темного штофу з цветами разными, з сѣткою золотою; запаска штофовая по жолтой землѣ, разными цвѣтами, з сѣткою золотою; запаска оберная жолтая; запаска красна оберна, приношена; шнурочка парчева сре-

бреная; шнуровка по собери жолтой, шитая сребромъ; шнуровка штофная темная, з сѣткою сереброною; шнуровка штофна красная, з сѣткою золотою; шуба штофова квѣтчастая, лисями подѣыта; кгрезету зеленого на два портища; штофу голубого на портище; атласу китайского вишневого штучка; рубку (?) штучка; чулки шолкови синѣи, с стрѣлками бедими; завѣси на постѣль полосастіи, тафтяніи, вершокъ на шайку, по золотой денцѣ шитой сребромъ.

Сундуки два и в онихъ рубашки. Рубашокъ иляніихъ тонкихъ додѣлніихъ двадцать восемь; рубашокъ московскихъ десять; рубашокъ ровнѣйшихъ десять с подточками; селфетокъ канчатихъ дванадцать; скатертей канчатніихъ тонка една; постѣль шитая золотомъ и шолкомъ краснимъ; простира шитая една; наволочокъ пять; полотна иляніого три штучки; скатертей простижъ три куска; передниковъ шитихъ три, гладкихъ три; простиръ кгаланскихъ двѣ, держанихъ; кисей квѣтчастыхъ аршинъ десять; рубку квѣтчастого на двѣ пари рукавовъ; лиштва кужелная една простириная; простиръ пасистихъ большихъ три, держанихъ.

Характеръ и содержаніе приведенного „реестра“ заставляютъ отнести его ко времени „старой Малороссіи“, во всякомъ случаѣ, не позже XVIII столѣтія. Подлинникъ его, писанный на листѣ сѣрой, побурѣвшей бумаги, находится въ историческомъ музеѣ им. В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ.

Сообщ. Н. К. В—ый.

О землетрясеніи въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ въ 1838 г. Первое землетрясеніе въ прошломъ столѣтіи въ полтавской губерніи было въ 1802 г.¹⁾ Повторилось оно въ 1838 году. Вотъ донесеніе на высочайшее имя полтавскаго губернатора П. Могилянского. «Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доношу, что сего января 11 числа, съ полдня, въ 9 $\frac{1}{2}$ часовъ послѣдовало здѣсь землетрясеніе. Явленіе сіе не сопровождалось ни подземными выстрѣлами, ни гуломъ—трескомъ, но колебаніе земли, продолжавшееся около двухъ минутъ, было довольно сильно и ощутительно до того, что въ домахъ люстры качались и стѣнныя часы останавливались».

¹⁾ См. нашу замѣтку. Кіев. Старина 1904. Январь.

вались, а въ нѣкоторыхъ деревянныхъ домахъ стѣны и крыши трещали, а многіе люди, особо слабаго здоровья, чувствовали головокруженіе. Впрочемъ отъ происшествія сего никакихъ примѣчательныхъ поврежденій не произошло и состоять во всемъ благополучно».

Въ частности, есть донесенія о землетрясеніи уѣдныхъ властей. Въ Кременчугѣ, какъ доноситъ кременчугскій полицеймейстеръ «слышанъ былъ самопроизвольный ударъ колокола» на колокольнѣ церкви Преображенія Господня.

Въ Кобелякахъ былъ слышанъ подземный ударъ и сотрясеніе почвы, отчего свалилась труба «на казенномъ корпусѣ приеутственныхъ мѣстъ». Въ Золотоношѣ, какъ увѣдомляетъ полиція, землетрясеніе продолжалось 7 минутъ, дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. П. Масюковъ, богатый помѣщикъ Гадячскаго уѣзда, жившій въ Веприкѣ, прислалъ генераль-губернатору письмо, гдѣ такъ описывается землетрясеніе (рѣдкое явленіе въ природѣ, какъ выразился онъ): «Вечеромъ, по заходженіи солнца въ 9 часовъ и 36 минутъ, при 8 градусахъ мороза, опущающе было довольно сильное землетрясеніе, продолжавшееся, по моему замѣчанію, отъ 7 — 10 секундъ, такъ что въ домѣ моемъ, въ нижнемъ этажѣ, колебались диваны, стулья и шканы съ посудою, а на верху гораздо сильнѣе шатались столы и кровати до того, что дочь моя старшая (10 лѣтъ) проснулась отъ испугу, полагая, что за ножку ея кровати кто-то тянулъ или нарочно шаталъ. По наблюденію и замѣчанію моему, землетрясеніе имѣло направление отъ юго-востока къ западу».

Болѣе донесеній въ дѣлѣ нѣть; быть можетъ, оно и ограничивалось только этими мѣстами; въ противномъ случаѣ, мѣстные власти сочли бы долгомъ довести обѣ этомъ до свѣдѣнія начальника края.

Есть донесенія изъ черниговской губерніи; такъ, землетрясеніе было въ Стародубѣ, Нѣжинѣ, гдѣ образовались на стѣнахъ каменныхъ зданій трещины, въ Черниговѣ, гдѣ у «купца З гильдіи Вангейгейма часы, остававшіеся отъ поврежденія болѣе двухъ лѣтъ безъ дѣйствія, гирями и маятникомъ били обѣ стѣны».

Въ тотъ же день было ощущаемо землетрясеніе въ Ахтыркѣ, о чёмъ счель должнымъ донести ахтырскій городничій. Оно продолжалось не болѣе двухъ минутъ «Въ нѣкоторыхъ домахъ стоявшія венцы и висѣвшія на стѣнахъ картины пришли въ сильное колебаніе, потрясеніе было опутительно тѣмъ, кои уже были въ кроватяхъ; отъ землетрясенія поврежденія никакого не было, кромѣ въ тюремномъ замкѣ,

въроятно по ветхости оваго строенія, въ пеїи своды и бокъ обрушились, а съ наружіи присѣба ~~утвалилась~~. (Архивъ Полт. губ. правлінія 1838, по описи № 19).

Сообщ. И. Фр. Паскаль.

И. П. Котляревскій — ученикъ Екатеринославской семинаріи. 1) Въ архивѣ св. синода, въ дѣлѣ 1790 г. № 344, въ составляющей части этого дѣла «Вѣдомости о ученикахъ Екатеринославской семинаріи за истекшій 1789 годъ», я случайно нашелъ нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи И. П. Котляревскаго, знаменитаго автора перелицований «Энциклопедіи» и «Наталики-Полтавки», въ Екатеринославской семинаріи въ качествѣ ученика. Въ числѣ 9 учениковъ богословскаго класса Екатеринославской семинаріи значится въ вѣдомости и «Іванъ Котляревскій, полтавскаго уѣзда, сынъ умершаго канцеляриста города Полтавы Петра Котляревскаго, 21 годъ»²⁾. Отмѣчено, что въ Екатеринославскую семинарію И. П. Котляревскій поступилъ 13 февраля 1780 г. (между тѣмъ какъ большинство его товарищѣй начали обучаться въ семинаріи съ сентября того-же 1780 г.); пробылъ здѣсь онъ до лѣтніхъ каникулъ 1789 г. (т. е. свыше 9 лѣтъ). Вышедши изъ богословскаго класса лѣтомъ 1789 года, Котляревскій сюда уже не возвращался и такимъ образомъ полнаго семинарскаго курса не окончилъ. Въ спискѣ учениковъ богословскаго класса за 1790 г. (см. Арх. Свят. Син. д. 1790 г., № 361) онъ уже не значится, между тѣмъ какъ всѣ товарищи его, какіе имѣются въ спискѣ 1789 г., помѣщены и въ спискѣ 1790 г.

Изъ находящейся въ томъ-же дѣлѣ вѣдомости объ учителяхъ Екатеринославской семинаріи получаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ учителяхъ Котляревскаго. Во первыхъ, протоиононъ Иоаннъ Балашевскій, малороссъ изъ г. Славянска, получившій образованіе въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Въ Екатеринославской семинаріи онъ преподавалъ съ 24 апрѣля 1784 г. по январь 1786 г. риторику и пітику, а съ 21 января 1786 г., когда открыты былъ въ этой семинаріи богослов-

¹⁾ Екатеринослав. семинарія, именовавшаяся такъ официально, находилась въ г. Полтавѣ.

²⁾ Онъ былъ младшимъ по возрасту среди своихъ соучениковъ, одинъ изъ которыхъ былъ даже 31 года.

скій вдається, онъ сталъ учителемъ богословія и префектомъ, въ како-
выхъ должностяхъ оставался и въ 1790 г. Такимъ образомъ, прото-
попъ Башинскій бывъ около 3 лѣтъ префектомъ (какъ-бы инспекто-
ромъ) семинаріи при Котляревскомъ и преподаваль ему богословіе и
(вероятно) риторику и пітику. Другой педагогъ, обучавшій Котлярев-
скаго, «філософії» учитель Яковъ Артемовъ, малороссіанинъ, сынъ
мѣщанина Федора Артемова». Этотъ образованіе получилъ въ Кіевской
Академії, Філософію въ Екатеринославской семинаріи онъ препода-
валъ съ декабря 1784 г. и такимъ образомъ былъ учителемъ Котля-
ревскаго во все времена пребыванія послѣдніго въ классѣ філософії.

Кромѣ этихъ двухъ, бывшихъ несомнѣнно преподавателями Ко-
тляревскаго, слѣдуетъ упомянуть еще архимандрита Гавріила, съ не-
большимъ годъ (съ 4 марта 1788 г.) состоявшаго при Котляревскомъ
ректоромъ семинаріи, выходца изъ семиградской области, получившаго
образованіе у себя на родинѣ въ гімназіи и въ греческихъ школахъ,
да еще священника Іоанна Станиславскаго—малоросса, сына прото-
попа изъ Полтавы, который, по всей вѣроятности, тоже училъ Ко-
тляревскаго (съ октября 1783 г. по сентябрь 1786 г. онъ обучалъ
екатеринославскихъ семинаристовъ «латинской поэзіи», а затѣмъ
состоялъ въ той-же семинаріи учителемъ риторики и поэтики латин-
ской и россійской).

Болѣе полныхъ свѣдѣній о пребываніи И. П. Котляревскаго въ
Екатеринославской семинарії и объ его учителяхъ по этой семина-
ріи намъ, къ сожалѣнію, отыскать не удалось.

Вл. П—ко.

О тысячелѣтнемъ юбилеѣ г. Переяслава¹⁾. Среди городовъ
полтавской губ., вообще не могущихъ похвастаться древностью своего
исторического существованія, есть одинъ, время основанія которого
затеряно во мракѣ вѣковъ: это городъ Переяславъ. Городу съ такой
неопределенной метрикой мудрено справлять свой юбилей. Ну, какъ,
въ самомъ дѣлѣ, определить срокъ юбилея, когда неизвѣстенъ не то
что годъ, но даже вѣкъ возникновенія города. Однако, нашлись праздно-
любцы, давно уже затѣявши въ печати разговоры о юбилеѣ г. Пере-

---

¹⁾ Перепечатывается изъ газ. „Полтавщина“ №№ 144 и 145.

реяслава. Сколько известно, первымъ заговорилъ въ Петербургѣ какой-то генераль-лейтенантъ Савельевъ. Празднія въ февралѣ 1894 г. собственный служебный юбилей, онъ въ застольной бесѣдѣ попрекнулъ своихъ почитателей, что вотъ, дескать, его генеральскій юбилей, почили вниманіемъ, а юбилей г. Переяслава прозывали, между тѣмъ ему доподлинно известно, что истекшій 1893 г. «долженъ быть отмѣченъ, какъ 900-лѣтній юбилей г. Переяслава, полтав. губ., и онъ обѣ этомъ напомнить въ печати». Лишь только въ «Нов. Вр.» появилась замѣтка обѣ этой застольной бесѣдѣ, на нее тотчасъ отозвался бывшій предсѣдатель переяславской уѣздн. земской управы А. В. Стороженко обширной статьей подъ заглавіемъ: «Какой юбилей имѣть право праздновать г. Переяславъ?»²⁾ Обладая большой эрудиціей и специальными свѣдѣніями по древне-русской исторіи, г. Стороженко безъ труда опровергаетъ ссылку генераль-лейтенанта Савельева на извѣстное лѣтописное сказаніе о заложеніи якобы св. Владиміромъ въ 993 г. Переяслава на мѣстѣ, где Янь Усмошвецъ одолѣлъ въ единоборствѣ печенѣжского богатыря и тѣмъ «перея славу» у печенѣговъ, доказалъ, что это сказаніе, по суду ученыхъ историковъ, давно признано народной легендой, не заключающей въ себѣ ничего достовѣрно исторического, затѣмъ обстоятельно разобралъ всѣ мѣста древней лѣтописи, упоминающія о Переяславѣ, начиналъ съ 907 года, и пришелъ къ правильному заключенію, что городъ этотъ существовалъ уже раньше X в. и время его основанія не можетъ быть опредѣлено хотя бы съ приблизительной точностью. Но, связанный съ Переяславомъ продолжительною въ немъ жизнью и дѣятельностью, нашъ ученый не могъ сдержать порывовъ уѣзднаго патріотизма и не рѣшился отказать родному городу въ удовольствіи отпраздновать таки юбилей—если не сейчасъ, то въ ближайшемъ будущемъ: по его мнѣнію, «г. Переяславъ въ 1907 г. имѣть право отпраздновать тысячелѣтній юбилей своей культурной, торговой и промышленной жизни». На какомъ же основаніи? На томъ, что это будто-бы—«тысячный годъ со времени вступленія Переяслава на поприще исторической жизни». А что же особенно важное случилось въ Переяславѣ въ 907 году? Въ Переяславѣ—ничего, но въ этомъ году, видите ли, Олегъ будто бы ходилъ походомъ на Царьградъ и заключилъ съ греками мирный договоръ, по

²⁾ Киев. Стар. 1894, № 4.

условіямъ котораго послѣдніе обязывались платить опредѣленную сумму «на Русскыя грады: на Кіевъ, на Черниговъ, на Переяславъ, на Полтавскъ, на Ростовъ, на Любечъ и на прочія грады», и русскіе купцы изъ этихъ городовъ, пріѣзжая въ Царыградъ по торговымъ дѣламъ, имѣли право получать содержаніе отъ византійскаго правительства. Но гдѣ же здѣсь «первое вступленіе Переяслава на поприще исторической жизни»? Этого г. Стороженко не разъясняетъ. Ему такъ хочется устроить въ родномъ городѣ юбилейное торжество, что онъ, не потрудившись опровергнуть мнѣнія ученыхъ историковъ, признающихъ лѣтописное сказаніе о походѣ Олега въ 907 г. сказкой, спѣшилъ перейти къ рѣшенію болѣе детальнаго вопроса: «къ какому дню слѣдуетъ пріурочить празднованіе этого юбилея въ 1907 году»? Такъ какъ по его соображеніямъ, русскія рати первыхъ князей отправлялись обыкновенно въ Византію со вскрытиемъ рѣкъ и возвращались домой поздно осенью, примѣрно къ ноябрю, то тысячелѣтній юбилей Переяслава приличнѣе всего было бы устроить 1-го ноября 1907 г. Но вспомнивъ, какая непролазная грязь и расputница обыкновенно бываетъ въ эту пору въ его родномъ городѣ, г. Ст-ко милостиво разрѣшаетъ перенести празднество на 15-е августа, т. е. на престольный праздникъ мѣстнаго соборного храма; а что этотъ день не совпадетъ вполнѣ со временемъ возвращенія изъ Византіи побѣдоносныхъ переяславцевъ въ 907 г. и бывшаго по сему поводу торжественнаго пира»—такъ это не бѣда: «упрежденіе дѣйствительного срока на какихъ-нибудь $2\frac{1}{2}$ мѣсяца не имѣть никакого значенія, когда дѣло идетъ объ истекшемъ тысячелѣтіи».

Такимъ образомъ. 11 лѣтъ еще назадъ категорически былъ рѣшенъ вопросъ о тысячелѣтнемъ юбилеѣ г. Переяслава. Но почему-то это рѣшеніе не удовлетворило полтавскую ученую архивную комиссию, и лишь только она успѣла организоваться, какъ въ числѣ первыхъ задачъ своихъ стала дебатировать вопросъ: когда же именно надо праздновать тысячелѣтній переяславскій юбилей? Не знаемъ, какъ тамъ шли дебаты по этому нетерпящему отлагательства вопросу, но въ концѣ-концовъ молодая комиссія призналась въ своемъ бессилии рѣшить его и смиренно обратилась къ старшему собрату, кіевскому историч. обществу Нестора-лѣтописца, съ просьбою о помощи. Это было ровно годъ тому назадъ, въ іюнѣ 1904 года. Правду сказать, общество Нестора слабо заинтересовалось вопросомъ, столь живо волновавшимъ полтавскую комиссию: оно не сдѣлало его предметомъ об-

сужденія въ своихъ засѣданіяхъ, а лишь поручило тремъ своимъ со-членамъ, специалистамъ, представить свои соображенія. Специалисты тоже не очень торопились: двое изъ нихъ и до сихъ поръ ничего не представили, и только одинъ проф. Голубовскій составилъ небольшую записку, которая и была доложена обществу въ послѣднемъ его засѣданіи 22 мая.¹ Въ виду заслуженной авторитетности ученыхъ мнѣній проф. Голубовскаго и того несомнѣннаго интереса, какой должна представлять для полтавцевъ точная начальная исторія г. Переяслава, приведемъ существенное содержаніе означенной записки.

Г. Голубовскій подвергаетъ критическому анализу извѣстія древней лѣтописи, впервые упоминающія о Переяславѣ. Вопреки мнѣнію г. Стороженко, походъ Олега 907 г. на Царьградъ не можетъ считаться фактомъ несомнѣннымъ, такъ какъ о немъ говорить лишь наша лѣтопись, при общемъ молчаніи византійскихъ источниковъ. Иное дѣло договоръ Олега съ греками 907 г., давно уже признанный въ русской исторической наукѣ за несомнѣнныій документъ; но его правильнѣе считать *торговыемъ трактатомъ*, а не мирнымъ договоромъ. Если даже предполагать, что онъ явился результатомъ войны, то и въ такомъ случаѣ мы не можемъ сказать, ограничились ли военные дѣйствія однимъ походомъ, или они состояли изъ цѣлаго ряда военныхъ предпріятій русского князя противъ Византіи, а потому говорить о походѣ въ опредѣленномъ году у насъ нѣть достаточнаго основанія. Важно одно, что въ договорѣ 907 г. впервые упоминается Переяславъ, какъ одинъ изъ важныхъ политическихъ и торговыхъ центровъ древней Руси, занимающій третье мѣсто послѣ Киева и Чернигова. Упоминая о выговоренной дачѣ греками опредѣленной суммы въ годъ на эти (и другіе) города, лѣтопись поясняетъ: «по тѣмъ бо городомъ седяху велиции князи подъ Оломъ суще». Переяславскіе купцы, наравиѣ съ кievскими и черниговскими, прѣѣзжая въ Царьградъ, имѣли право, по договору, на безмездное продовольствіе со стороны византійского правительства. Итакъ, Переяславъ въ самомъ началѣ X вѣка является уже давно населеннымъ торговымъ городомъ, въ которомъ править племенной сѣверянскій князь, признающій верховную власть кievскаго великаго князя.

Какъ же относиться къ разсказу лѣтописи подъ 993 годомъ о заложеніи кн. Владиміромъ г. Переяслава «на Трубежи, на броду»? Очевидно, городъ, существовавшій какъ политический, племенной и торговый центръ въ 907 г., не могъ быть основанъ въ 993 г. По-

добныхъ анахронистическихъ сказаний много въ исторіи; для примѣра возьмемъ г. Москву. По письменнымъ сказаниямъ, этотъ городъ основанъ Юриемъ Долгорукимъ въ половинѣ XII ст., а мѣстная археологическая изысканія свидѣтельствуютъ, что онъ существовалъ, какъ поселеніе, еще въ X столѣтіи. Въ Переяславѣ также найдены греческія монеты VI—X вѣковъ, следовательно, какъ поселеніе, Переяславъ могъ уже существовать въ VI—IX вв. Владимиръ же святой въ 993 г. возвелъ лишь укрѣпленія вокругъ Переяслава, какъ важнаго поселенія на р. Трубежѣ. Такъ и о кievскихъ укрѣпленіяхъ, сооруженныхъ Ярославомъ Мудрымъ, лѣтопись выражается: «зaloжи Ярославъ городъ великий Кieвъ», но никому же не придется въ голову утверждать, что городъ Кieвъ основанъ Ярославомъ.

Подводя итогъ всему сказанчому, проф. Голубовскій устанавливаетъ слѣдующія хронологическія даты для начальной исторіи г. Переяслава:

- 1) Переяславъ, весьма возможно, существовалъ въ VI—IX вв.
- 2) Переяславъ, какъ торговый пунктъ и мѣстопребываніе племенныхъ князей, существовалъ несомнѣнно въ самомъ началѣ X
- 3) Переяславъ, какъ городъ съ политическимъ и торговымъ значеніемъ, впервые выступаетъ на историческую сцену въ несомнѣнномъ документѣ въ 907.

и 4) Въ Переяславѣ были возведены укрѣпленія кн. Владиміромъ въ 993 г.

На этомъ почтенный профессоръ могъ бы и остановиться. Но вѣдь полт. архивная комиссія настойчиво спрашиваетъ: въ какомъ именно году? Проф. Голубовскій рѣшаеть этотъ вопросъ такъ: монетная дата по своей неопределенноти но можетъ служить исходной точкой для лѣтосчислениія; 993 годъ тоже не годится, потому что городъ существовалъ задолго до этого; следовательно, остается дата 907 г. Но чѣмъ же вѣтотъ годъ такъ знаменателенъ для Переяслава? По убѣждению г. Стороженко, переяславцы ходили въ этомъ году съ Олегомъ на Царьградъ и помогали ему прибить свой щитъ на воротахъ греческой столицы, но г. Голубовскій считаетъ все это сказкой. Такъ въ чёмъ же, по его мнѣнію, выразилось въ 907 г. «выступленіе Переяслава на историческую сцену»? А вотъ будто бы въ чёмъ. Изъ текста второго договора Олега съ греками въ 912 г. мы узнаемъ, что посланные въ Царьградъ для заключенія договора русскіе послы считали себя уполномоченными не отъ одного только кievского князя,

но «и отъ всѣхъ, пже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь», въ томъ числѣ, значить, и отъ князя Переяславскаго. «Слѣдовательно, заключаетъ г. Голубовскій, въ 907 г. Переяславъ впервые (?) выступаетъ, какъ дѣйствующее лицо на аренѣ истории: его князь оказываетъ большее или меньшее вліяніе на условія мира съ греками (откуда это видно? и какого мира, когда не было войны, а былъ лишь торговый договоръ?), его купцы впервые получаютъ опредѣленныя торговыя привилегіи заграницей, его торговля впервые (?) закрѣпляется и регулируется государственнымъ актомъ». На основаніи этихъ, какъ видить читатель, довольно шаткихъ соображеній, проф. Голубовскій приходить къ выводу, что «1907-й годъ есть лучшій и самый законный моментъ для празднованія юбилея тысячелѣтней дѣятельности г. Переяслава на исторической сценѣ».

Конечно, если Переяславцы найдутъ эти историческія соображенія убѣдительными и устроятъ въ 1907 г. юбилейное празднество,— пусть празднуютъ; худого въ этомъ ничего не будетъ. Но пусть они вѣдаютъ, что за тысячу лѣтъ до этого года ничего другого не произошло, какъ только то, что въ 907 г. кievскій князь Олегъ заключилъ съ греками торговый договоръ, въ которомъ упоминается г. Переяславъ и его купцы, торговавши съ Византіей. Дѣло простого случая, что до насъ не дошли другіе, столь же несомнѣнныя, но болѣе ранніе историческіе документы съ упоминаніемъ о Переяславѣ, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что ихъ не могло и быть и что только въ 907 г. Переяславъ «впервые выступаетъ какъ дѣйствующее лицо на историческую сцену и его торговля впервые закрѣпляется и регулируется государственнымъ актомъ».

О. А.

Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля. Новороссійскій край, арена пѣредвиженія безчисленныхъ народовъ, начиная съ самыхъ ранніхъ періодовъ исторіи, представляетъ изъ себя неисчерпаемый архивъ, или, лучше сказать, богатую сокровищницу археологическихъ памятниковъ, до сихъ поръ еще весьма мало затронутую изслѣдованіями.

Начало послѣднімъ положено, собственно говоря, предыдущимъ XII археологическимъ съѣздомъ, когда устройство его въ Харьковѣ потребовало изученія окрестной «полоцкой степи», значительную

часть которой составляетъ и Екатеринославская губернія; но еще и раньше производились раскопки отдѣльныхъ кургановъ, и многими любителями собирались коллекціи различныхъ предметовъ старины, обратившія на себя вниманіе археологического міра своимъ богатствомъ и разнообразіемъ.

Этими качествами въ особенности отличается коллекція А. Н. Поля, представлявшая въ свое время едва ли не единственное собраніе мѣстныхъ древностей, по которому можно было судить объ изобиліи ихъ въ нашемъ краѣ, такъ какъ остальная коллекція, существовавшая одновременно или вскорѣ послѣ нея, остались неопубликованными и вслѣдствіе этого—неизвѣстными большинству археологовъ.

Указанныя условія вызвали потребность въ устройствѣ общественнаго учрежденія, въ которомъ природныя богатства нашего края могли бы собираться, сохраняться, систематизироваться и дѣлаться достояніемъ широкой публики, вместо тѣснаго круга избранныхъ, и, такимъ образомъ возникъ екатеринославскій областной музей, которому благодарное потомство присвоило название инициатора научнаго и промышленнаго развитія края, А. Н. Поля.

Идея устройства музея принадлежитъ екатеринославскому научному обществу, а осуществленіе ея—щедрости екатеринославскаго земства.

Музей въ настоящее время уже почти достроенъ и представляетъ изъ себя одно изъ красивѣшихъ зданій гор. Екатеринослава; все четыре фасада его выходятъ на Соборную площадь и украшены различнымъ лѣпнымъ орнаментомъ, произведеннымъ съ большимъ вкусомъ.

Еще въ декабрѣ прошлаго года сюда были привезены принадлежащія музею коллекціи, помѣщавшіяся до сихъ поръ въ одной изъ залъ Потемкинскаго дворца, и съ января настоящаго года началась разборка и систематизация ихъ, подвигавшаяся по мѣрѣ внутренняго устройства самаго зданія.

Въ настоящее время работа эта, вмѣстѣ съ составленіемъ каталога, уже закончена, и, такимъ образомъ, является возможность привести точныя свѣдѣнія о содержаніи наиболѣе обильнаго его отдѣла,—историко-археологическаго (отдѣлы естественный и минералогический, состоящіе въ вѣдѣніи научнаго общества, еще не приведены въ извѣстность).

Несмотря на кратковременное существование музея, составляющие его коллекции настолько разнообразны, что, естественно, распределяются на многочисленные отдельы, количество предметов которых до настоящего времени может быть выражено следующими цифрами: 1) *отдѣль первобытныхъ древностей* (палеонтология)—74 №№; 2) *неолитъ* (каменные орудія и керамическая издаѣлія)—318 №№; 3) *начало эпохи металла* (погребенія скорченныхъ окрашенныхъ скелетовъ)—176 №№; 4) *бронзовый вѣкъ*—19 №№; 5) *греко-скифская эпоха*—217 №№; 6) *древности классической*—100 №№; 7) *varia* (древности египетскія, мусульманскаго востока и т. п.)—29 №№; 8) *древности славянскія* (IX—XIII в.)—104 №№; 9) *предметы изъ погребеній кочевниковъ* (XIV в.)—725 №№; 10) *древности историческія* (XVIII—XIX в.)—94 №№; 11) *древности запорожскія*—486 №№; 12) *древности церковныя*—86 №№; 1) 14) *нумизматика и сфрагистика*—1728 №№ (не считая дубликатовъ), и 15) *библиотека музея*, распадающаяся въ свою очередь на следующие подотдельы: 1) *рукописи*—17 №№; *архивъ*—117 №№, *старопечатныя книги*—126; №№, *исторія*—59 №№; *нумизматика*—15 №№; *археология*—53 №№; *этнографія*—110 №№; 7) *статистика, географія и областной отдѣль* (книги, касающіяся исключительно г. Екатеринослава и Екатеринославской губ.)—28 №№; 8) *беллетристика*—61 №№; 9) *научно-популярный отдѣль*—27 №№; 10) *карты и планы*—28 №№ и 11) *фотографіи и рисунки*—83 №№; всего—720 №№; а въ общей сложности около 6,000 №№.

Всѣ эти предметы происходятъ: 1) изъ раскопокъ, 2) изъ случайныхъ находокъ и пожертвованій и 3) изъ пріобрѣтеній музея.

Относительно раскопокъ первое мѣсто принадлежитъ, какъ изъѣстно, неутомимому и энергичному дѣятелю въ сферѣ изученія прошедшаго нашей мѣстности, проф. Д. И. Эварницкому, собравшему въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ богатый матеріаль, который даетъ возможность освѣтить многіе изъ неразъясненныхъ и даже еще не затронутыхъ данныхъ.

Въ настоящее время безполезно разъяснять тотъ общеизвѣстный фактъ, что для всесторонняго ознакомленія съ древней жизнью данной мѣстности значеніе можетъ имѣть только добросовѣстное изученіе

¹⁾ Исключаемъ неразобранный еще отдѣль № 13—Этнографія, для которого свѣдѣнія будутъ доставлены позже.

содержащагося въ ея почвѣ материала путемъ систематическихъ раскопокъ,—медленное, постепенное, руководимое указаніями исторіи и регулируемое строгой научной критикой, гарантирующей отъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній и выводовъ, стоящихъ не на почвѣ фактовъ; безъ этого, безъ точнаго обозначенія происхожденія предмета и условій, при которыхъ онъ добытъ изъ земли, значеніе его для характеристики известной эпохи и для проверки того или другого научного явленія неполно, если не совсѣмъ ничтожно, и собираніе предметовъ, добытыхъ какъ попало и, по выражению археологовъ, «безпаспортныхъ», давно уже отошло въ область преданія въ научномъ мірѣ.

Музей, въ которомъ были бы только такие предметы, заслуживавъ бы названія собранія раритетовъ, но не могъ бы быть названъ научнымъ учрежденіемъ, и, возбуждая любопытство толпы, не далъ бы ей никакихъ основательныхъ свѣдѣній, хотя бы въ смыслѣ подтвержденія известныхъ уже каждому школьніку историческихъ фактовъ, тогда какъ музей, поставленный на прочную научную почву, какъ въ смыслѣ добытаго материала, такъ и въ смыслѣ систематизаціи и группировки предметовъ, всегда будетъ имѣть важное воспитательное и образовательное значеніе.

Въ этомъ смыслѣ екатеринославскому музею, начавшему формироваться при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ будущій XIII археологический съездъ, изслѣдованія для котораго начаты и продолжаются уже Д. И. Эварицкимъ, В. А. Городцовымъ и гг. Воронцомъ и Харламовымъ, предстоитъ весьма отрадное будущее; благодаря имъ, онъ сразу станетъ на прочномъ фундаментѣ добытыхъ фактовъ, и дальнѣйшее развитіе его пойдетъ нормальнымъ и послѣдовательнымъ путемъ.

Въ пользу этого говорять уже и теперь незначительные по количеству, но рѣзко намѣченные отдѣлы его, служащіе продолженіемъ и дополненіемъ другъ друга.

Разумѣется, пробѣловъ еще чрезвычайно много, да это и не удивительно при его кратковременномъ существованіи, но *bonum initium—demidium facti*,—говорить пословица,—и мы вправѣ ожидать отъ нашего музея, что въ недалекомъ будущемъ онъ станетъ лучшимъ украшеніемъ Екатеринослава не только съ вѣнѣшней, но и съ внутренней своей стороны.

Придавая раскопкамъ подобающее имъ первенствующее значение, мы не можемъ также умолчать о многочисленныхъ пожертвованияхъ, краснорѣчиво говорящихъ въ пользу общаго участія и интереса, внушаемаго музеемъ; съ нихъ, собственно говоря, и началось его фактическое существованіе, и имъ онъ обязанъ значительной частью своихъ коллекцій.

Если онъ, за немногими исключеніями, и не представляютъ существеннаго научнаго интереса, главнымъ образомъ, благодаря отсутствію свѣдѣній о мѣстѣ и условіяхъ ихъ находки, то, тѣмъ не менѣе, онъ служатъ залогомъ единенія общества съ его учрежденіемъ, и, какъ таковой, заслуживаютъ благодарнаго упоминанія; тѣ же изъ нихъ, которые относятся къ отдѣлу историческихъ древностей и вообще къ близкимъ намъ эпохамъ, вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію и потому имѣютъ самостоятельную цѣнность.

То же слѣдуетъ сказать и о пріобрѣтеніяхъ музея, дѣлаемыхъ, впрочемъ, въ послѣднее время съ большимъ выборомъ и въ крайне ограниченномъ количествѣ.

Несмотря на незаконченную еще вполнѣ отдѣлку внутреннихъ ломѣщений, препятствующую окончательной разстановкѣ коллекцій, музей охотно посѣщается публикой, въ особенности—группами воспитанниковъ различныхъ учебныхъ заведеній г. Екатеринослава.

Интересъ парализуется иѣсколько отсутствіемъ каталога, который въ настоящее время еще только начать печатаніемъ и выйдетъ, вѣроятно, не ранѣе $1-1\frac{1}{2}$ мѣсяца.

Кромѣ собственныхъ коллекцій, въ музей поступаютъ въ послѣднее время частные, предназначенные для будущей выставки съѣзда.

Приготовленія къ послѣдней вызовутъ, вѣроятно, временное закрытіе музея для публики въ теченіе 1—2 недѣль, предшествующихъ съѣзду, такъ какъ понадобится усиленная и сосредоточенная работа въ теченіе многихъ дней, но за то выставка представить интересъ новизны и, безъ сомнѣнія, удовлетворить какъ научнымъ, такъ и эстетическимъ требованиямъ большинства посѣтителей.

Въ заключеніе позволимъ себѣ указать интересующимся, что подробные ежемѣсячные отчеты о новыхъ поступленіяхъ музея печатаются въ «Вѣстникѣ Екатеринославскаго Земства».

Тѣсные предѣлы газетной замѣтки не позволяютъ намъ распространяться детально объ особенностяхъ и наиболѣе интересныхъ экземплярахъ музейныхъ коллекцій; мы надѣемся сдѣлать это въ другой разъ, довольствуясь въ настоящее время ознакомленіемъ читателей съ его общимъ характеромъ. (Приднѣпр. Край, № 2519).

Хранитель музея А. Сириненко.

ТѢКУЩІЯ ИЗВѢСТИЯ.

Къ украинскому вопросу. Рѣшеніе вопроса объ украинской литературѣ и вообще о положеніи украинского слова что-то опять очень замедлилось, не смотря на то, что еще въ началѣ февраля одно высокопоставленное лицо въ Петербургѣ, при приемѣ украинской депутаціи, сказали: „потерпите мѣсяца два-три—вѣдь вы больше терпѣли“. Терпѣть, положимъ, намъ не привыкать стать, но выиграть ли отъ этого дѣло? А между тѣмъ въ печати нѣтъ-нѣтъ да и появится опять какой-нибудь доморощенный филологъ, который съ упрямствомъ, достойнымъ лучшей участіи, опять заговорить на тему, что моль, малорусского языка нѣтъ, что это тотъ-же россійскій языкъ, только испорченный подъ вліяніемъ польского и т. п. Такъ, въ „Полтав. Вѣстн.“ (№ 785) выступилъ одинъ изъ таковыхъ филологовъ, не считающій даже нужнымъ справиться съ мнѣніемъ нашихъ академиковъ, и выступилъ по поводу ходатайства полтавской городской управы о разрешеніи вести въ школѣ имени И. П. Котляревскаго преподаваніе на малорусскомъ языкѣ. Вотъ образчикъ его разсужденія.

«Мнѣ кажется, что особаго малорусскаго языка у насъ не существуетъ, а есть въ южной Россіи нѣсколько иной говоръ, сравнительно съ русскимъ, изъ котораго, если выбросить нѣкоторыя польскія слова, употребляемыя г. Чикаленко, напримѣръ въ своихъ книжечкахъ, то особый говоръ этотъ или нарѣчіе мало будетъ отличаться отъ языка общерусскаго; да и польскія слова эти народомъ забыты и почти ему не понятны. Г. Чикаленко очень хорошо сдѣлаетъ, если на будущее время въ своихъ книжкахъ по сельскому хозяйству,—замѣчу, между прочимъ, очень полезныхъ,—не будетъ употреблять такихъ словъ; они только затрудняютъ нашего малорусскаго читателя. Я думаю, что Котляревскій, такъ любившій свою родину, теперь-бы самъ пожалѣлъ полтавскихъ дѣтей, которымъ, вмѣсто

того, чтобы дать возможность пользоваться богатой уже литературай, созданной общерусскими силами, стали преподавать мѣстный языкъ, не имѣющій ни грамматики, ни литературы, ни учебниковъ. Кто создастъ все это и когда? Кто выработаетъ общій малоруссій языкъ, который въ каждой губерніи, даже въ различныхъ уѣздахъ, имѣть свои особенности. Хорошо сдѣлалъ Н. В. Гоголь, что предпочелъ русскій языкъ, хотя онъ и очень любилъ свою родину. Да и что могъ-бы онъ выразить на этомъ нелитературномъ языкѣ? Писать на немъ было-бы для него такъ-же трудно, какъ великому музыканту сыграть сонату Бетховена на грошовой малороссійской балладѣ (?!). Противъ преподаванія малоруссскаго языка въ нашихъ школахъ я скажу еще, что народъ нашъ замѣтно старается говорить по русски, т. е. языкомъ образованнаго человѣка, а свой мѣстный говоръ онъ избѣгаетъ также, какъ избѣгаетъ и свой національной свитки, охотно мѣняя ее на пиджакъ".

Возраженія подобныя разсужденія, конечно, мы не станемъ, а приведемъ лучше перепечатку изъ „Рус. Вѣд.“ статьи С. Моравскаго, посвященной вопросу о безправіи украинскаго народа, называемаго авторомъ „забытымъ народомъ“.

„Какъ это ни странно, но забытымъ народомъ въ настоящемъ времени оказываются не юкагиры какіе-нибудь или жители Новой Земли, а многомилліонное населеніе Малороссіи; забыто оно при «пересмотрѣ действующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ, уроженцевъ отдельныхъ мѣстностей Имперіи».

Черезъ полгода послѣ того, какъ этотъ пересмотръ былъ возвѣщенъ съ высоты Престола, комитетъ министровъ опубликовалъ, наконецъ, свои положенія по этому вопросу, среди которыхъ есть, между прочимъ, и признаніе, что «средствомъ къ первоначальному обученію каждой изъ проживающихъ въ Восточной Россіи иноплеменныхъ народностей должно быть ея народное нарѣчіе».

Малороссовъ нельзя причислить къ иноплеменникамъ Восточной Россіи, ни къ населенію трехъ прибалтийскихъ губерній, о которыхъ говорится раньше въ положеніи комитета министровъ, а потому они и теперь, послѣ Высочайшаго утвержденія этого положенія, по-прежнему, остаются лишенными права учить своихъ дѣтей на родномъ языкѣ; печатаніе же малорусскихъ книгъ, особенно для народа, по прежнему обставлено такими стѣснительными условіями, въ сравненіи съ которыми даже положеніе многострадальной русской народной литературы должно представляться чедосягаемымъ идеаломъ благополучія.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМЕТКИ.

Национальный вопрос и тесно связанный с нимъ вопрос о религиозной терпимости—одинъ изъ самыхъ „проклятыхъ“ вопросовъ нашей общественной жизни.

Трудно измѣрить всю ту массу зла, которую породило неправильное решеніе его, легшее въ основу административной практики послѣднихъ десятилѣтій: оно не только держало чуть не половину населения имперіи въ положеніи тажкихъ преступниковъ, лишенныхъ гражданскихъ правъ,—оно развратило русское общество, пріучило его къ мысли, что во имя какихъ-то высшихъ государственныхъ интересовъ за людьми, платящими подати и налоги и несущими всѣ государственные повинности, можно не признавать самыхъ элементарныхъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ,—права передвигаться въ предѣлахъ своего государства, права учиться, права пользоваться своимъ роднымъ языкомъ, права приобрѣтать имущество.

И деморализація эта сказалась не только въ дѣйствіяхъ темныхъ людей, производящихъ еврейскіе и иные погромы или пишущихъ членъ коненавистническія статьи въ «охранительныхъ» газетахъ и журналахъ,—язва проникла гораздо глубже, и еще недавно можно было встрѣтить просвещенныхъ, гуманныхъ и либеральныхъ россійскихъ интеллигентовъ, далеко небезукоризненныхъ въ своемъ отношеніи къ национальному вопросу.

Теперь, надо думать, это время прошло, и русское общество,—по крайней мѣрѣ передовая часть его,—прозрѣло въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ; но бюрократія наша, даже послѣ указа 12-го декабря, все еще не хочетъ отказаться отъ своего основного принципа: вместо того, чтобы разъ навсегда признать полное равноправие всѣхъ національностей и всѣхъ вѣроисповѣдей, существующихъ въ нашемъ государствѣ, по своему этнографическому составу чуть не самомъ лестромъ изъ всѣхъ государствъ земного шара,—вместо этого, комитетъ министровъ постановляетъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ или народнаго просвѣщенія пересмотрѣть тѣ или другія детали національного вопроса и результатъ этого пересмотра внести на обсужденіе государственного совѣта.

Можно ли послѣ этого удивляться, что такое решеніе дѣйственно наболѣвшаго вопроса мало кого удовлетворяетъ?

Но если даже затронутыя положеніемъ комитета министровъ народности почувствуютъ иѣкоторое разочарованіе, то что же сказать о такомъ, совсѣмъ ужъ «забытомъ» народѣ, какъ малороссы?

Вѣда въ томъ, что украинское населеніе среди многочисленныхъ объектовъ националистической политики нашей бюрократіи занимаетъ совершенно особое, исключительное положеніе.

Единственнымъ доступнымъ ей признакомъ для зачисленія той или другой народности въ разрядъ гонимыхъ козлищъ являлось, и до сихъ поръ является, вѣроисповѣданіе: полякъ, котораго надо лишить права поступить на службу при извѣстныхъ условіяхъ,—это человѣкъ, исповѣдующій католичество («польскую вѣру», какъ у насъ и теперь многие выражаются); еврей, которому необходимо запретить жительство въ Москвѣ,—это существо іудейского вѣроисповѣданія (принявъ православіе, онъ уже дѣлается «русскимъ»). Но при этомъ никто не додумался до того, чтобы не признавать поляка полякомъ, еврея евреемъ.

Малороссы исповѣдуютъ «русскую» вѣру, и этого совершенно достаточно, чтобы россійские администраторы пришли къ выводу, что малорусскаго народа нѣтъ и что малороссійской вопросъ—не что иное, какъ праздная и вредная выдумка кучки украинофиловъ, съ которыми можно, конечно, справиться «домашними средствами».

Было объявлено, что малорусскій языкъ—не языкъ, а нарѣчіе, чуть не испорченный русскій языкъ, а малорусской литературы «не было, нѣтъ и быть не можетъ».

И вотъ, если евреевъ и поляковъ преслѣдовали за то, что они имѣютъ національную самобытность, вредную и опасную съ точки зре-нія интересовъ государства и русской національности, то малороссы оказались лишенными правъ потому, что за ними не захотѣли признать національной самобытности; и въ результатѣ вотъ уже сорокъ слишкомъ лѣтъ, какъ несчастные малороссійские ребята вынуждены обучаться на малопонятномъ имъ русскомъ языкѣ, а весь украинскій народъ почти совершенно лишенъ книгъ: за десять лѣтъ (отъ 1863 до 1872 г.) была пропущена только одна брошюра; правда, теперешнюю цензуру нельзя уже назвать прямо запретительной, но и въ послѣднее время, по свидѣтельству проф. Сумцова («Русск. Вѣдъ», № 73-ій), не разрѣшены были цѣлый рядъ самыхъ невинныхъ книгъ обь оспѣ, о горахъ, о жизни св. Кирилла и Меѳодія и др.

А вѣдь просвѣщеніе народное нужно, и даже наши г.г. чиновники должны теперь признать, что оно нужно не только для распространенія вредныхъ идей въ народѣ, но и для развитія сельскаго хозяйства, и для подъема отечественной промышленности, и даже, какъ утверждаютъ некоторые, для удачного веденія войнъ.

А что народное просвещение, которымъ вообще Россія похвастаться не можетъ, въ Малороссіи находится въ особенно плачевномъ состояніи,—объ этомъ на основаніи фактовъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ близко стоящіе къ мѣстной жизни и въ особенности—къ дѣлу народнаго образованія.

Вотъ что, напримѣръ, говорятъ объ этомъ 500 кievлянъ, собравшихся 26-го февраля для обычного чествованія памяти Г. Т. Шевченка:

«Мы, нижеподпісаніи, соединяясь въ чувствѣ величайшей боли, которую вызываетъ въ насъ тяжелое положеніе народа, давшаго намъ великаго нашего поэта, и находя, что одной изъ главныхъ причинъ такого положенія являются царящіе среди народныхъ массъ мракъ и невѣжество, пришли послѣ обсужденія къ слѣдующимъ выводамъ: существующая для украинскаго народа народная школа совершенно не отвѣчаетъ требованіямъ просвещенія ни по языку, ни по содержанію преподаваемаго.

Родной языкъ народа изгнанъ изъ школы, нашихъ дѣтей учатъ презирать его, какъ грубый и недостойный употребленія жаргонъ; преподаваніе ведется на языкѣ чужомъ, малоопонятномъ, вслѣдствіе чего дѣти не могутъ усвоить даже простой грамотности.

Почти все учебное время въ школѣ уходитъ на заучиваніе непонятныхъ словъ, что дѣйствуетъ угнетающе на дѣтской умѣ, притупляетъ его пытливость и часто поражаетъ даже отвращеніе къ книгѣ.

Поэтому нѣть возможности пріобрѣтать какія-либо полезныя знанія,ѣтъ болѣе, что само учебное начальство умышленно ограничиваетъ кругъ этихъ знаній.

О нашемъ родномъ краѣ въ школѣ или совсѣмъ умалчиваются, или даютъ извращенные свѣдѣнія.

Вслѣдствіе этого *у насъ въ дѣйствительности пѣтъ народнаго образованія.*

На тяжелое положеніе народной литературы въ Малороссіи указываетъ и докладная записка въ комитетъ министровъ, составленная представителями украинской интеллигенціи въ Одесѣ (напечатана въ одномъ изъ февральскихъ номеровъ «Полтавщины»): «Результатомъ гоненія на малорусское слово —читаемъ мы въ этой запискѣ,—было то, что у насъ въ Россіи переводныя, научныя и духовныя произведения на малорусскомъ языке появиться въ печатномъ видѣ не могутъ;

всѣ ходатайства о разрѣшениі издаватъ на малорусскомъ языкѣ газеты, журналы, брошюры, учебники и т. д. постигла печальная участъ запрещенія».

Что касается затрудненій, испытываемыхъ учениками народныхъ школъ въ Малороссіи, то весьма интересные факты указываетъ по этому поводу г. Гр. Сѣгобочный въ своей статьѣ «Тоже на очереди», напечатанной въ нумерѣ 6-мъ „Южныхъ Записокъ“ (цитируемъ по «Киевскимъ Откликамъ» отъ 3-го мая текущаго года).

Производя анализъ учебниковъ, употребляемыхъ въ томъ школьнѣмъ раionѣ, который наблюдалъ авторъ, онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: въ «Букварѣ» Бунакова первые пять уроковъ содергать въ себѣ 64 слова, изъ которыхъ 17 малорусскому дитятии совсѣмъ не понятны; четыре представляютъ собой омонимы, имѣющіе на малорусскомъ языкѣ иное значеніе, чѣмъ на русскомъ; напримѣръ, кули (ребенокъ прочтеть кули, что значитъ по-малорусски: пули), сила (сѣла); восемь словъ есть и въ украинскомъ языкѣ, но читаются иначе (вусъ км. усь, кить вм. котъ); наконецъ семь словъ отличаются лишь произношеніемъ: итого болѣе половины словъ такихъ, которыя затрудняютъ ученика, и почти четверть совсѣмъ незнакомыхъ! Въ шестомъ урокѣ изъ 14-ти словъ—совсѣмъ незнакомыхъ 7, въ сѣдьмомъ—9 изъ 18-ти и т. д. Въ «Букварѣ» Тихомирова на первыхъ же трехъ страницахъ—половина словъ непонятныхъ.

Въ результатѣ получается то, что ученики (какъ это выяснилось при опросѣ одной изъ школъ Екатеринославской губ.) слово «пенька» смѣшиваютъ съ пенькомъ (пень), «прибыль» переводятъ словомъ прибыли (прѣѣхали), «колоколь» производятъ отъ слова (колоть), «лучи» переводятъ «тамъ, гдѣ лучше», «улитку» считаютъ женскимъ именемъ, а въ тетради, по своему понимая «русскую мову» учителя, записываютъ, что «слива--плотоядное дерево», «дыня--огородная настѣкомая».

Еще худшій оборотъ принимаетъ дѣло, когда школьники переходятъ къ изученію церковно-славянскаго языка: здѣсь имъ приходится производить совсѣмъ уже странныя съ точки зрѣнія здравой педагогіи манипуляціи,—переводить непонятныя церковно-славянскія слова при помощи столь же непонятныхъ великорусскихъ словъ! Неудивительно поэтому, что народная школа въ Малороссіи почти ничего не даетъ своимъ ученикамъ, такъ какъ $\frac{2}{3}$ учебного времени уходитъ на то, чтобы овладѣть самимъ орудіемъ обучения—русскимъ языкомъ, да и этотъ результатъ, —умѣніе съ грѣхомъ пополамъ понять, что гово-

рить учитель и что напечатано въ учебникѣ,—достигается контрабандой: выбившись изъ силъ, учитель волей-неволей прибѣгаетъ къ употребленію запрещеннаго и даже «несуществующаго» въ глазахъ начальства малорусскаго языка. Не проще ли прямо разрѣшить малороссамъ наравнѣ съ „иноплеменниками, населяющими восточную Россію“, неизвѣсно употреблять свой родной языкъ, а съ его помощью изучить какъ государственный русскій языкъ, такъ и все то, что полагается усвоить въ начальной народной школѣ?

Пора, давно пора приступить къ радикальному решенію вопроса о національной и религіозной терпимости, отъ отсутствія которой страдаютъ въ настоящее время насущнѣйшіе интересы громаднаго большинства населенія Россійской имперіи.

Особенно необходимо сдѣлать это именно теперь, когда все усиливющееся недовольство существующими порядками и взаимное раздраженіе сталкивающихся общественныхъ группъ и безъ того грозятъ разразиться страшною катастрофой.

Въ этомъ дѣлѣ, болѣе, чѣмъ въ какомъ бы то то ни было другомъ, опасно ограничиваться полумѣрами, робкими попытками и неисполненными обѣщаніями.

Хочеть ли украинскій народъ учиться на своемъ языкѣ?
 5-го марта с. г. лубенскій отдѣль полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества принялъ слѣдующую резолюцію: «Ожидая, что свобода печати повліяетъ самымъ благотворнымъ образомъ на развитіе сельского хозяйства, въ виду этнографическихъ особенностей края, луб. отд. с.-х. общ. находить необходимымъ, чтобы такая свобода была распространена на украинскій языкъ». Вслѣдствіе этой резолюціи, состоялось постановленіе ходатайствовать о разрѣшениі устраивать чтенія по сельскому хозяйству на украинскомъ языкѣ, съ правомъ разъясненія прочитанного также по украински. Это ходатайство было препровождено въ губернское сельско-хозяйственное общество для дальнѣйшаго движенія его въ министерство. Въ двухъ общихъ засѣданіяхъ полтав. с.-х. общества вышеизложенное ходатайство обсуждалось. Выяснилась необходимость не только чтеній по сельскому хозяйству на мѣстномъ языкѣ, но и преподаванія въ начальныхъ школахъ на немъ. Подавляющее большинство членовъ общества было согласно съ этимъ положеніемъ, но все-таки были сдѣшны единичныя

возраженія; слышались сомнѣнія въ томъ, что русскій языкъ мало понятенъ украинскому народу, что народъ желаетъ учиться на своеѣ языкѣ. Между прочимъ, почему-то возникъ вопросъ и объ укр. сепаратизмѣ, давно уже разоблаченный, какъ миѳъ, которымъ «охранители» пользуются въ смыслѣ «жупела», лишь только зайдеть рѣчь о необходимости самобытнаго развитія украинскаго народа... Почему онъ возникъ—это неясно въ газетныхъ отчетахъ о засѣданіи и не видна связь его съ обсуждаемымъ предметомъ.

Какъ-бы въ отвѣтъ на выраженные сомнѣнія объ отношеніи народа къ своему языку, учениі на нѣмъ и чтеніи, мы прочитали въ 72 № «Сына Отечества» интересное изслѣдованіе, сдѣланное въ Золотоношкомъ уѣздѣ, которое приводимъ цѣликомъ:

«Мы задались цѣлью собрать кое какія, не лишенныя интереса, свѣдѣнія объ отношеніи нашего золотоношского крестьянина къ вопросу о малорусской рѣчи. Приступили мы къ дѣлу безъ всякой предвзятой мысли и старались ничѣмъ не насиливать мысли опрашиваемыхъ; не дѣлали при опросѣ искусственнаго подбора. Среди 378 опрошенныхъ были люди въ возрастѣ отъ 16—65 лѣтъ, бѣдные и богатые, не выѣзжавши изъ своей деревни и исколесивши въ качествѣ грабарей половину Россіи. Изъ опрошенныхъ—145 грамотныхъ, 108 полуграмотныхъ, 125 безграмотныхъ. Мы поставили слѣдующіе три вопроса: 1) На какомъ языкѣ, малорусскомъ или русскомъ, предпочтительнѣе преподаваніе въ школѣ? 2) Малорусскія или русскія книги они охотнѣе слушаютъ и читаются? 3) Достаточно ли въ николахъ изучить чтеніе и письмо по-малорусски, или необходимо по-русски читать и писать? Отвѣты получились слѣдующіе: по первому пункту 324 высказались за малорусское преподаваніе, 46 отнеслись безразлично, 8 стояли за русское преподаваніе (всѣ—богатые мужики). По второму пункту 198 стояли за малорусскія книги, особенно по естествознанію и исторіи, 78 стояли за русскія книги, остальные отнеслись безразлично, особенно безграмотные. По третьему пункту 118 находили достаточнымъ изученіе малорусскаго чтенія и письма, 214 находили необходимымъ читать и писать «по-панськи», «по-ученому». Интересно, что безъ нашего вопроса 221 высказали желаніе имѣть газеты на малорусскомъ языкѣ «по карбованцу въ годъ, або по полтынныку». 46 человѣкъ изъ бывалыхъ высказали, что «гарно якъ бы ти комедії, що по нашому представляють, прыхалы бѣ и въ

села». Особенно хотѣлось имъ, видѣвшимъ, показать своему селу «Наталку-Полтавку», „По ревизіи“, „Сорочинскій ярмарокъ“.

Итакъ, изъ 378 опрошенныхъ, 324 высказались за преподаваніе въ школахъ на ихъ родномъ языкѣ. Не краснорѣчивы ли эти цифры, и не способны ли онѣ разсѣять сомнѣнія въ томъ, что всякий человѣкъ хочетъ говорить, учиться и читать на своемъ языкѣ? Вѣдь самыи этотъ вопросъ, бѣра его безотносительно, прямо-таки—неестественный, праздный, а вотъ подите же!.. Надо еще убѣждать въ законности желаній народа, и что удивительнѣе всего—убѣждать людей образованныхъ. Вотъ къ чему привела наша оторванность отъ своего народа, наша культура, чуждая своей народности... (Полтавщина, № 128).

Л. Ж.

Объ изданіи книгъ св. писанія на украинскомъ языкѣ.
Въ настоящее время, когда, наконецъ, снято съ св. писанія на украинскомъ языкѣ столько лѣтъ тяготѣвшее надъ нимъ запрещеніе, мнѣ кажется, нужно прежде всего позаботиться, чтобы первыи изданія переводовъ были настолько хороши, чтобы не было надобности впослѣдствіи издавать вторыя, взамѣнъ первыхъ негодныхъ.

Достигнуть этого нужно путемъ приведенія въ извѣстность всѣхъ тѣхъ переводовъ св. писанія, которыи дѣлались украинскими писателями въ періодъ тяготѣвшаго запрещенія. Всѣмъ, конечно, извѣстны труды покойнаго П. А. Кулиша по переводу св. писанія, однако, и переводами Кулиша (приспособленными при содѣйствіи д-ра Пулюя для галичанъ) вѣкоторые, украинскіе же, писатели были недовольны. Такъ, покойный А. П. Стороженко, въ опубликованной перепискѣ, предпочитаетъ переводъ евангелія на украинскій языкъ, сдѣланный Морачевскимъ, переводу Кулиша. Кромѣ этихъ переводовъ, извѣстныхъ по печатнымъ свѣдѣніямъ, есть, навѣрно, еще много переводовъ, сдѣланныхъ украинскими писателями, о которыхъ въ печати или вовсе не было говорено, или же говорено давно, и то въ летучихъ замѣткахъ.

Я хочу напомнить объ одномъ такомъ переводчикѣ: покойный украинскій писатель д-ръ В. С. Александровъ († 1893), желая перевести весь ветхій завѣтъ на украинскій языкъ,—чтобы лучше перевести его,—изучилъ (на 53 г. жизни) древне-еврейскій языкъ и, пе-

реводя съ этого языка, сличалъ свой переводъ, какъ съ изданіемъ св. Синода, такъ и съ Берлинскимъ—Мандельштама, и поэтому, по свидѣтельству одного изъ его биографовъ, далъ дѣйствительно замѣчательные переводы. Однако, работа эта, по обыкновенію, къ изданію не была разрѣшена. Минь известно, что имъ переведены кн. Бытія, Исхода, Іова и Товита. Рукописи эти хранились у сына покойнаго—В. В. Александрова и, кажется, переданы имъ харьковскому историко-филологическому обществу при университѣтѣ,—по крайней мѣрѣ, туда они были обѣщаны. Неудача издать эти переводы заставила пок. А-ва заняться переводомъ псалтыря уже въ формѣ стихотворной (хотя и возможно близкой къ подлиннику передачѣ), и часть этихъ переводовъ издана имъ подъ заглавиемъ: «Тихомовні співи ча св. мотіви» (Хар. 1883), а послѣдніе такие же переводы были имъ помѣщаемы въ галицкихъ изданіяхъ.

Если бы каждый подѣлился свѣдѣніями объ извѣстныхъ ему переводахъ св. писанія на украинскій языкъ, то, собравши всѣ эти переводы и сравнивши ихъ, только тогда, мнѣ кажется, и можно было издать лучшій изъ переводовъ,—потому что издавать переводъ такой важной вещи, какъ св. писаніе, нужно очень осмотрительно, чтобы не нужно послѣ, по выраженію одного изъ персонажей Квитки:—«Для хохловъ и такой богъ сбряде». (Полтавщина, № 123).

М. Оленинъ.

Холмская Русь и причины отпаденія отъ православія. Подъ такимъ заглавиемъ напечатана въ «Спб. Вѣд. (№ 129) статья Н. Дурново, въ которой авторъ даетъ справку о положеніи бывшей униатской церкви въ Холмщинѣ, справку настолько интересную ввиду частыхъ сѣтованій русской печати объ отпаденіи отъ православія многихъ тысячъ украинцевъ, что мы считаемъ нужнымъ перепечатать ее цѣлкомъ.

Въ 1596 г. Холмская епархія отшла въ унію и, такимъ образомъ, признала надъ собою власть Римскаго папы. Римъ, принявъ въ свое вѣдѣніе церковь, а Польша—русскій народъ, не дремали и съ тѣхъ поръ занялись первый—окатоличеніемъ, а послѣднія—ополяченіемъ украинцевъ. Первое время, конечно, успѣховъ было ждать нельзя и, когда въ 1620 году въ Киевѣ возстановлена была митрополія, то и въ Холмѣ явились православные епископы, которые 35 лѣтъ упра-

вляли епархіей. Окончательно Холмская епархія отпала въ унію въ 1655 г. и пребывала въ ней до 1875 г. т. е. ровно 220 лѣтъ. За это время не только укрѣпилась унія, но и много малорусского народа было ополячено.

Никто изъ дѣятелей Холмской Руси не станетъ отрицать, что въ 1874 и 1875 г. многие уніаты добровольно возвратились въ вѣру своихъ предковъ: некоторые безъ всякихъ религіозныхъ убѣждений, послѣдовали ихъ примѣру,—прочие же, за офиціальнымъ уничтоженiemъ уніи, зачислены въ православіе.

Воинствующій римскій католицизмъ силенъ тамъ, где настыри далеки отъ пасомыхъ, мало бодрствуютъ. Что же сдѣлало наше духовное вѣдомство ради торжества православія въ Холмской Руси?

1 мая 1875 послѣдовало окончательное возсоединеніе Холмской епархіи и тогда же она была закрыта и подчинена Варшавскому архіепископу. Главный виновникъ возсоединенія Холмской Руси, бывшій администраторъ епархіи, ученый о. протоіерей Маркелль Попель, былъ посвященъ 8 іюня того же года во епископа Люблинскаго и сдѣланъ викаріемъ архіепископа Варшавскаго, иначе сказать лишень самостоятельности. Онъ зналъ свою паству, какъ и она знала его; онъ умѣлъ съ ней говорить, объясняться, считался человѣкомъ добрымъ, доступнымъ, и ему паписты не были страшны; его перемѣстили въ Каменецъ-Подольскъ, затѣмъ въ Полоцкъ, а въ 1889 г. уволили на покой и вызвали въ Петербургъ, для присутствованія въ Синодѣ. 14 лѣтъ епископъ прожилъ безъ дѣлъ въ Петербургѣ. Если бы преосв. Маркелль оставался до своей кончины 29 сентября 1903 г. въ Холмѣ, т. е. 28 лѣтъ, то православіе настолько укрѣпилось бы въ Холмской Руси, что о кризисѣ въ ней—православной церкви—не пришлось бы говорить. Прѣемникъ епископа Маркелла былъ преосв. Модестъ Стрѣльбицкій, съ 1878 по 1885 годъ; онъ былъ уроженцемъ Подоліи, объяснялся съ паствою на малорусскомъ языку. Назначеніе его было какъ бы уступкой Холмскимъ малоруссамъ. Но послѣ него епископы въ Холмѣ не засиживались; къ тому же, будучи великоруссами (Флавіанъ Городецкій съ 1885—1891 г., Гедеонъ Покровскій съ 1892—1896, Тихонъ Бѣлавинъ съ 1897—1898, Германъ Ивановъ съ 1898—1902 и Евлогій Георгіевскій съ 1903 г.), они были совершенно чужды своей паству по языку, незнакомы съ духомъ латинской пропаганды, религіоз-

ными обычаями паству, говорили прощовѣди на великорусскомъ языке. Что же дѣлало священство? Шока оно было малорусское, оно знало свою паству, жило ею и для нея. Возсоединивъ холмскихъ униатовъ, духовное вѣдомство выхлопотало у правительства содержаніе священникамъ по 1,000 р., оставивъ за ними и церковную землю, и платы за требы. Прельстившись такимъ значительнымъ содержаніемъ, многіе изъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ священниковъ поспѣшили бросить свою паству и отправились въ Холмщину искать хлѣбныхъ мѣстъ, съ занятіемъ которыхъ можно прожить и безъ пасты. Больше 50 пастырей долженъ быть удалить изъ Холмщины высокопреосв. Леонтий, впослѣдствіи. Московскій митрополитъ, но отъ этого дѣло православія не было выиграно. Наемники и чиновники каждый шагъ или каждую требу цѣнили на вѣсъ золота. Интересующіеся могутъ прочесть объ этомъ въ газ. «Востокъ» 1882 г.—статья высокопреосв. Леонтия (въ то время авторъ не былъ названъ). Несмотря на значительное содержаніе священникамъ, Варшавская консисторія ко многимъ церквамъ не опредѣляла священниковъ и оставляла ихъ приходы приписными, ради, конечно, прибытка излюбленнымъ ею пастырямъ.

Въ настоящее время въ Холмскомъ уѣздѣ имѣется 5 приписныхъ церквей, въ Замостскомъ 3, въ Бѣлгорайскомъ 1, въ Грубешовскомъ 18, Томашевскомъ 36 (на 30 самостоятельныхъ), въ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, приписныхъ — 9 церквей.

Всего православнаго населенія (безъ войскъ) было въ 1904 году въ Холмскомъ уѣздѣ около 50 тыс., Грубешовскомъ до 55 т., въ Томашевскомъ до 45 т., въ Бѣлгорайскомъ до $32\frac{1}{2}$ т., въ Замостскомъ до 25 т. и въ Красноставскомъ до 10 т. Всего въ южной части Холмской Руси—около 220 т. Въ Подляшье, т. е. въ Западной части Сѣдлецкой губерніи, въ уѣздахъ: Владавскомъ—больше 55 т., въ Бѣльскомъ—40 т., Константиновскомъ—32 т., Радинскомъ—30 т., всего—около 160 т. Въ Сувалкской губерніи возсоединенныхъ униатовъ считалось до 20 тыс. и около 5 тыс. въ прочихъ уѣздахъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній.

Надо полагать, что духовное вѣдомство великорусскихъ пастырей, лишившихся паству, оставить на прежнихъ мѣстахъ, съ содержаніемъ изъ государственного казначейства, предоставивъ имъ въ тоже время занятіе сельскимъ хозяйствомъ; впослѣдствіи некоторые приходы можно приписать, что, безъ сомнѣнія, увеличить прибытокъ па-

стыря. Если сейчас въ Холмской Руси есть по два приписныхъ прихода,—то почему же не быть въ будущемъ и по пяти и болѣе.

Духовное вѣдомство преподнесло Риму такой подарокъ, который онъ никогда не могъ бы ожидать отъ православной, свободной іерархіи, не закрѣпощенной вѣдомству. То, что российское духовное вѣдомство посыпало въ Холмской Руси, то оно пожинаетъ на радость Риму и на печаль православной церкви и русской земли.

Въ настоящее время слѣдовало бы принять слѣдующія мѣры:

- 1) Возстановить Холмскую епархію въ предѣлахъ малорусской народности и назначить епископомъ іерарха, уроженца Волыни или Подоліи, а еще лучше Холмщины (какъ преосв. Амвросія Гудко, изъ крестьянъ Томашевскаго уѣзда; 2) удалить всѣхъ великорусскихъ пастырей, возродить при всѣхъ церквяхъ Холмской Руси церковныя братства и предоставить самой паствѣ избрать себѣ пастырей, а въ случаѣ если паства не найдеть достойныхъ и знающихъ свящ. писаніе лицъ, которыя могли бы быть священниками, то таковыхъ пригласить изъ Галиціи и Угорской Руси, а еще лучше изъ Буковины. Во всякомъ случаѣ пастыри Холмской Руси должны быть изъ малоруссовъ. Жалованье должно быть пожизненно сохранено тѣмъ пастырямъ, которые съумѣютъ уберечь свою паству отъ расхищенія, но на будущее время желательно, чтобы самъ приходъ опредѣлилъ содержаніе своему пастырю, ибо это составляетъ его нравственный долгъ и обязанность, такъ какъ пастырь служить паствѣ, но не государству, которое можетъ быть даже враждебнымъ церкви. Надо укрѣплять связь паства со своимъ пастыремъ, духовное вѣдомство же дѣйствуетъ какъ разъ наоборотъ».

Къ этимъ заключительнымъ словамъ автора можно бы прибавить, что было бы еще справедливѣе, въ видахъ сохраненія принципа свободы совѣсти, предоставить право желающимъ имѣть свою униатскую церковь и выборное духовенство.

Духовный органъ и украинскій вопросъ. Послѣ долгаго молчанія обѣ украинскомъ вопросѣ заговорила наконецъ и русская духовная пресса. Въ № 23 органа С.-Петербургской духовной академіи „Церковный Вѣстникъ“ находимъ статью „Доброе начало“, привѣт-

ствующую известное постановление комитета министровъ, которымъ отмѣнено запрещеніе украинскаго перевода евангелія. Органъ петербургской академіи идетъ дальше и выскаживается за то, чтобы воспользоваться украинскимъ языкомъ не только въ проповѣди, но и въ печати для распространенія религіозно-нравственныхъ воззрѣній среди украинскаго населенія, при чемъ возлагается надежду на то, что редакціи „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ „не откажутся дать мѣсто на своихъ страницахъ религіозно-нравственнымъ статьямъ на малороссійскомъ языке“. Къ сожалѣнію, при этомъ упущено изъ виду, что въ послѣднее время большинство „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, вмѣстѣ со всевозможными „Губернскими Вѣдомостями“, сдѣлались главными органами реакціи и черносотенныхъ заявлений, и если онѣ начнутъ помѣщать въ такомъ же духѣ (а въ иномъ ожидать трудно) статьи и на украинскомъ языке, то народное просвѣщеніе не только не будетъ въ выигрышѣ, но несомнѣнно потерпитъ значительный уронъ. Проповѣдь фанатизма, изувѣрства и нетерпимости тѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе понятна массамъ...

Отмѣтимъ кстати одну чисто фактическую ошибку „Церковныхъ Вѣдомостей“. Напрасно онѣ полагаютъ, что народу предлагается „въ читальняхъ множество самыхъ дешевыхъ и доступныхъ беллетристическихъ, историческихъ, медицинскихъ, сельско-хозяйственныхъ и другихъ книгъ и брошюръ на малороссійскомъ языке“ и что только религіозно нравственные произведения составляютъ исключение. Не только въ читальняхъ никакого множества такихъ книгъ не находимъ, но украинская книжка до сихъ поръ въ народной читальнѣ—запретный плодъ, и всѣ усилия измѣнить такой порядокъ вещей до сихъ поръ разбивались о незыблѣмую устойчивость и твердость министерствъ народного просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, а также и конкурирующаго съ ними въ этомъ отношеніи вѣдомства православнаго исповѣданія ..

Предстоящее изданіе малорусскаго евангелія. Какъ извѣстно, 25 февраля Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ о дозволеніи изданія священнаго писанія на украинскій языкъ съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы такое изданіе происходило всякий разъ съ благословеніемъ св. синода. Разрѣшеніе это состоялось по ходатайству академіи наукъ, причемъ ею былъ рекомендованъ готовый

уже переводъ четвероевангелия, сдѣланный еще въ 1860 г. Морачевскимъ и дважды одобренный академіею. Съ тѣхъ поръ слухи о дальнѣйшемъ движениі этого дѣла замолкли. Въ настоящее время мы имѣемъ совершенно точнаго свѣдѣнія о томъ, что дѣло это не заглохло и уже близится къ благополучному окончанію. Синодъ поручилъ разсмотрѣть переводъ Морачевскаго преосвященному Пароенію, епископу подольскому и брацлавскому, который далъ о немъ благопріятный отзывъ, послѣ чего тому же преосвященному было предложено сдѣлать въ переводѣ Морачевскаго необходимыя исправленія и вообще взять на себя редакцію этого изданія. Преосв. Пароеній, самъ природный малороссіянинъ, оказался вполнѣ на высотѣ возложенного на него святого и великаго дѣла. Онъ и лично посвящаетъ ему много времени и труда, и сверхъ того умѣль привлечь къ нему усердныхъ сотрудниковъ изъ среды подольского духовенства. Главный процессъ работы состоить въ томъ, что каждый стихъ перевода Морачевскаго подвергается тщательному сличенію съ греческимъ, славянскимъ и другими текстами, причемъ имѣется въ виду, чтобы переводъ вполнѣ соответствовалъ точному смыслу и духу подлинниковъ, а съ другой стороны, чтобы онъ въ такой же степени соответствовалъ характеру малорусскаго языка, и чтобы такимъ образомъ не повторить ошибки, допущенной нѣкогда при переводѣ евангелия на русскій языкъ, когда въ жертву буквализму была принесена живая, свободная русская рѣчь. Какъ ни трудна сама по себѣ двойная задача, мы полагаемъ, однако, что она въ значительной степени облегчается достоинствами перевода Морачевскаго. Насколько мы можемъ судить по непосредственному знакомству съ его трудомъ (списокъ его перевода имѣется и въ Кіевѣ), Морачевскій является великимъ мастеромъ и знатокомъ родного слова и въ то же время трудъ его глубоко проникнутъ евангельскимъ настроениемъ. Въ настоящее время исправленіе евангелия отъ Матея уже окончено, и можно надѣяться, что въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ будутъ исправлены и остальные евангелия. Вмѣстѣ съ тѣмъ состоялось уже распоряженіе синода о томъ, чтобы переводъ, по мѣрѣ его окончательного просмотра и исправленія, передавался въ синодальную типографію для немедленнаго напечатанія въ двухъ параллельныхъ текстахъ, церковно-славянскомъ и малорусскомъ. Такимъ образомъ, близокъ уже день, когда исполняется, наконецъ, вѣковая чаянія миллиновъ украинскаго народа—читать и слышать Христово ученіе на родномъ языке. (Кіевск. Откл., № 165).

Отъ Правленія Благотворительного общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ въ Петербургѣ. Петербургское Благотворительное Общество изданія книгъ на украинскомъ языке, въ виду того, что ожидается государственное преобразование нашей Имперіи и введеніе на тѣхъ или иныхъ началахъ представительного образа правленія, признало необходимымъ ознакомить и украинскій народъ съ основными принципами конституціоннаго государственного строя. Съ этой цѣлью Правленіе названнаго Общества рѣшило издать рядъ брошюръ на украинскому языку, въ которыхъ была бы изложена сущность представительного правленія, а также исторія введенія его въ жизнь въ западно-европейскихъ государствахъ. Однимъ изъ сотрудниковъ Общества уже составлена первая брошюра такого рода объ избирательномъ правѣ. Если въ силу состоявшагося уже 31 мая разсмотрѣнія въ комитетѣ министровъ вопроса объ уничтоженіи стѣсненій для печатнаго украинскаго слова эта брошюра будетъ одобрена цензурой наравнѣ съ книжками того же содержанія на великорусскомъ языке, то можно надѣяться, что и другіе сотрудники Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ отзовутся на его начинаніе составленіемъ книгъ о государственномъ строѣ разныхъ странъ, съ указаніемъ, какими средствами законодательства обеспечена въ нихъ областная автономія и національная равноправность. Рукописи просятъ направлять Предсѣдателю Общества А. А. Русову (С.-Петербургъ, Офицерская, д. № 47, кв. 12).

Къ тридцатипятилѣтію профессорской дѣятельности В. Б. Антоновича. Въ 1870 году В. Б. Антоновичъ защитилъ въ кіевскомъ университетѣ диссертaciю на степень магистра русской исторіи и въ сентябрѣ того же года сталъ читать лекціи въ качествѣ доцента. Осеню этого года исполняется, такимъ образомъ, тридцать пять лѣтъ съ начала профессорской дѣятельности почтеннаго профессора, имя которого съ большимъ уваженіемъ произносится всѣми его учениками. Среди учениковъ и почитателей В. Б. Антоновича возникла мысль издать научный сборникъ, посвященный В. Б. Антоновичу, какъ вѣрному „сыну Украины“. Недавно, происходило въ помѣщеніи редакціи „Кіевскихъ Откликовъ“ общее собраніе учениковъ и почитателей В. Б. Антоновича. Избранъ редакціонный комитетъ, въ составѣ проф. Н. П. Дашкевича, проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, проф. А. М.

Лободы, О. И. Левицкаго, В. И. Щербины и И. М. Каманина. На этомъ собраніи постановлено, между прочимъ, обратиться къ ученикамъ и почитателямъ В. Б. Антоновича, живущимъ въ Кіевѣ, съ приглашеніемъ къ материальной и литературной поддержкѣ сборника. За свѣдѣніями о сборнике слѣдуетъ обращаться и всю переписку по поводу него направлять въ Кіевъ, Университетъ. Центральный Архивъ Ивану Михайловичу Каманину для редакціи сборника въ честь В. Б. Антоновича.

Кіевское историческое общество Нестора лѣтописца, однимъ изъ основателей и затѣмъ предсѣдателей которого былъ В. Б. Антоновичъ, также рѣшило ознаменовать тридцатипятилѣтіе его профессорской дѣятельности учрежденіемъ при обществѣ научной преміи имени В. Б. Антоновича за труды по южно-русской археологии и исторіи. Для дальнѣйшей разработки и осуществленія этого вопроса въ засѣданіи общества 22 мая избрана особая комиссія изъ почетного члена общества проф. Н. П. Даشكевича и дѣйствительныхъ членовъ: проф. С. Т. Голубева, проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, проф. Г. Г. Павлуцкаго, проф. А. М. Лободы; Н. П. Васilenка, О. И. Левицкаго, В. П. Науменка, И. М. Каманина и проф. львовскаго университета М. С. Грушевскаго. В. Б. Антоновичу въ настоящее время 71 годъ. Чтеніе лекцій въ университете онъ прекратилъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ какъ здоровье его не позволяло ему зимой оставаться въ Кіевѣ. Онъ уѣзжалъ, поэтому, въ Италію. Въ послѣднее время здоровье В. Б. Антоновича настолько оправилось, что послѣднюю зиму онъ прожилъ безвыѣздно въ Кіевѣ. Вслѣдствіе слабости здоровья, жизнь онъ ведеть замкнутую; ни въ какихъ общественныхъ дѣлахъ и собранияхъ за послѣднее время онъ обыкновенно участія не принимаетъ. (Кievsk. Откл. № 145).

Характерное заявление. «Приднѣпровскій Край» приводить слѣдующее любопытное письмо въ редакцію, характеризующее до известной степени настроение украинской деревни: «Покорнѣйше прошу напечатать въ вашей уважаемой газетѣ, что я, крестьянинъ Кузьменко (изъ малороссовъ), знаю, какъ многие крестьяны-малороссы хотятъ, шобъ була малороссійска газета «Запорозька Січъ». Можетъ найдутся

богатые и образованные люди, которые испросять разрешение издавать такую газету. Крестьянинъ новомосковского уѣзда *Романъ Кузьменко*. («Кievsk. Газ.», № 181).

Къ сожалѣнію, осуществленіе мысли г. Кузьменка менѣе всего зависить отъ «богатыхъ и образованныхъ людей», —иначе мы давно бы уже имѣли украинскую прессу.

Украинскій народный хоръ. Кромѣ хорошо известнаго въ нашемъ краѣ *Охматовскаго* крестьянскаго хора, организованнаго докторомъ П. Д. Демуцкимъ, существуетъ у насъ въ Украинѣ еще нѣсколько такихъ же хоровъ, меньшихъ по количеству и менѣе распространившихъ о себѣ известій. Такъ, теперь намъ только стало известнымъ, что въ с. Чуковъ, брацлавск. у., подольск. губ., уже около 20 лѣтъ назадъ образовался крестьянскій хоръ, состоящій въ настоящее время изъ 40 душъ обоего пола. Руководить этимъ хоромъ сельскій учитель К. Г. Лукашевичъ, который недавно рѣшилъ предпринять маленькую экскурсию и познакомить съ результатами своихъ трудовъ болѣе широкую публику. Изъ „Елисаветградск. Новостей“ (№ 499) узнаемъ, что въ Елисаветградѣ состоялись два концерта этого хора. Репертуаръ состоитъ изъ народныхъ пѣсень, произведеній Н. В. Лисенка и нѣкоторыхъ другихъ композиторовъ.

Письмо по поводу критич. замѣтки о брошюрѣ „Нелюдымъ“. Въ майской книжкѣ „Кievской Старинѣ“ въ отдѣлѣ Библіографіи сдѣланъ г. Поточнымъ рѣзко порицательный отзывъ о брошюрѣ „Нелюдымъ“, изданной Харьковскимъ Изд. Комитетомъ Общества Грамотности. Хотя я не стояла во главѣ Комитета въ то время, когда издавалась эта брошюра, но, въ качествѣ члена Комитета, готова взять на себя всю тяжесть предъявляемыхъ къ Комитету обвиненій.

Г. Поточный такъ излагаетъ содержаніе брошюры: „Авторъ сдѣлалъ необычайное открытие, что причиной бѣдности крестьянъ являются плотники, печники, портные и прочие ремесленники, къ услугамъ которыхъ онъ совѣтуетъ крестьянамъ не обращаться ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ эти враги материальнаго благополучія крестьянъ только отираютъ у нихъ деньги“.

Нѣтъ, г. Поточный, это не совсѣмъ то, что говорится въ брошюрѣ, и даже—совсѣмъ не то. Авторъ брошюры — г. Калениченко,

настоящій крестьянинъ, „хліборобъ“ сумскаго ю., харьковской губ., известный Комитету. Въ брошюре онъ излагаетъ живо и образно, въ видѣ личныхъ переживаній, свои соображенія о томъ, какъ можетъ крестьянинъ использовать свое свободное время для улучшеннія своего материальнаго положенія. Онъ совѣтуетъ крестьянамъ—не поддаваться тому господствующему настроенію, которое побуждаетъ крестьянина при всякой потребности въ специальному видѣ ремесленнаго труда обращаться къ специальному ремесленнику, а совѣтуетъ по мѣрѣ возможности замѣнять этотъ покупной трудъ собственнымъ, домашнимъ, подкрѣпляя свои совѣты практическими указаніями и ясными цифровыми расчетами. Такимъ образомъ брошюра его имѣеть цѣлью развитіе самодѣятельности въ сферѣ опредѣленныхъ отношеній крестьянской хозяйственной жизни.

Вотъ все не хитрое содержаніе этой брошюры, и однако же оно заставило Комитетъ глубоко задуматься. Конечно, не трудно было поставить себя на готовые рельсы шаблонныхъ разсужденій въ родѣ того, что: „патріархальная деревня разлагается, приходитъ естественная дифференціація труда, противъ которой ретроградно выступаетъ авторъ“ и т. п., вплоть до конца, т. е. до отсылки рукописи автору „за непригодность“.

Но Комитетъ иначе взглянуль на это. Онъ задался прежде всего вопросомъ: „дѣйствительно ли брошюра эта есть плодъ личного опыта ея составителя, или она сочинена имъ на предвзятую тему?“ И только тогда, когда на объективныхъ данныхъ былъ утвержденъ отвѣтъ, что брошюра дѣйствительно излагаетъ результаты личного опыта и наблюдений умнаго и добросовѣстнаго человѣка, Комитетъ пришелъ къ решенію, что брошюру необходимо напечатать, такъ какъ она можетъ быть полезной какой-то части нашего крестьянства, хотя Комитетъ и не решается ближе опредѣлить размѣръ этой полезности. Подкрѣпленіе своему решенію Комитетъ наилѣпъ въ языке брошюры—въ томъ языке, неподражаемомъ въ своей наивной простотѣ, какимъ умѣеть говорить только народъ и иногда гениальный художникъ.

Какъ видно изъ предыдущаго, брошюра появилась не въ силу „непредусмотрѣннаго стеченія обстоятельствъ“, какъ предполагаетъ критикъ. „Будемъ надѣяться, что почтенная фирма впредь будетъ строже относиться къ выбору материала для изданій“, внушаетъ онъ Комитету. Нѣтъ, надѣяться нечего: строже отнестись къ своимъ за-

дачамъ Комитетъ не въ силахъ. А если онъ въ данномъ случаѣ ошибся, то *errare humanum est.*

Предсѣдательница Издательск. Комитета Харьк. Общества Грамотности. *Александра Ефименко.*

Письмо въ редакцію. Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ. Желая почтить память моего дѣда, покойнаго малорусскаго поэта Петра Петровича Артемовскаго-Гулака изданіемъ ко дню чествованія столѣтняго юбилея Императорскаго Харьковскаго Университета, профессоромъ и ректоромъ котораго онъ состоялъ, по возможности полнаго собранія его сочиненій и писемъ, и тѣмъ спасти отъ забвенія тѣ изъ его произведеній, которыя могутъ представлять иѣко-торый литературный интересъ,—обращаюсь черезъ посредство Вашего журнала ко всѣмъ лицамъ, располагающимъ печатными или рукописными сочиненіями П. П. Артемовскаго-Гулака и письмами его, имѣющими общественное значеніе, съ просьбою не отказать въ при-сылкѣ мнѣ этихъ документовъ для включенія въ предпринятое мною изданіе.

Подлинники, по снятіи съ нихъ копій, будуть мною возвращены собственникамъ съ глубокою признательностью, или, по желанію ихъ, направлены въ Харьковскій Университетъ, основавшій особый от-дѣль для собиранія и разработки материаловъ, относящихся до дѣяте-лей Университета.

Редактированіе предположеннаго мною изданія сочиненій П. П. Артемовскаго-Гулака принялъ на себя съ полной готовностью про-фессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета Дмитрій Ивано-вичъ Багалѣй.

Съ совершеннымъ уваженіемъ *Б. Гулакъ-Артемовскій.*

Адресъ: Г. Курскъ, 204 пѣхотный Обоянскій полкъ. Борису Іосифовичу Гулакъ-Артемовскому.

Украинское слово и искусство. «Артистычны Вістныкъ». 1905 г. Подъ такимъ заглавиемъ начало выходить въ Галиціи, еже-мѣсячное изданіе, посвященное музыке, живописи и театру. Изданіе принадлежитъ союзу львовскихъ музыкальныхъ «товарыствъ», редакти-руютъ его Филаретъ Колесса и Дометъ Людкевичъ, при чемъ бли-

жайшее участие въ сотрудничествѣ принимаетъ также художникъ Трушъ. Въ выпускахъ «А. Вістн.», появившихся до сихъ поръ,—помѣщены, между прочимъ, статьи о духовной музикѣ, о записываніи и гармонизаціи народныхъ пѣсень (съ письмами по этому поводу Н. В. Лисенка), характеристика молодыхъ украинскихъ художниковъ, статья о театрѣ и разныя мелкія замѣтки.

Выпуски журнала имѣютъ яотныя приложения и снабжены очень хорошими иллюстраціями, которая не представляютъ собою наборъ случайно попавшихся клише (какъ это часто бываетъ въ начи-нающихъ,—да и нѣкоторыхъ старыхъ,—изданіяхъ), а изготавляются нарочно, соотвѣтственно тексту «Артист. Вістныка», причемъ клише заказываются въ Прагѣ, а печатаются во Львовѣ, подъ наблюденіемъ художника Труша. До сихъ поръ въ «Арт. Вістн.» помѣщены очень хорошо исполненные снимки съ картинъ и рѣзныхъ работъ, бывшихъ на недавней украинской художественной выставкѣ во Львовѣ, а также разные другіе снимки.

Такимъ образомъ, помимо того, что «Арт. Вістныкъ», является первымъ украинскимъ изданіемъ этого рода,—самъ по себѣ журналъ, по своему содержанію, заслуживаетъ полнаго вниманія интересую-щихся украинскимъ искусствомъ. Въ виду того, что наѣрное у насъ найдутся «прыхильники» журнала, которые пожелаютъ поддержать его, какъ сотрудничествомъ, такъ и выпиской, сообщаемъ адресъ «Арт. Вістныка» и условія подписки на него: «Артистычный Вістныкъ» выходитъ во Львовѣ,—улица Вірменська, № 2,—стоить 10 кронъ на годъ, съ пересылкою (для Россіи—5 руб.). («Полтавщина», № 183).

0. П.

Осторога проты холеры. Подъ такимъ заглавиемъ изданъ Кременецкой уѣздной управой по дѣламъ земскаго хозяйства листокъ на украинскомъ языкѣ, съ рядомъ наставлений, какъ слѣдуетъ оберегать себя отъ холеры и какъ бороться съ нею. Отъ всего сердца привѣтствуемъ этотъ хороший починъ Кременецкой земской управы и надѣемся, что Ему послѣдуютъ и другія земства, не только по поводу пугающей насъ нежеланной гостьи, но и по поводу безконечнаго ряда вопросовъ жизни, требующихъ свѣта и знаній въ нашихъ селахъ.

Къ расширенію городскаго музея въ Харьковѣ. Комиссія, завѣдующая городскимъ художественно-промышленнымъ музеемъ, въ настоящее время озабочена пополненіемъ его коллекцій. Предсѣдатель комиссіи проф. Д. И. Багалѣй представилъ планъ систематического расширенія его художественно-промышленнаго отдѣла, имѣя въ виду придать ему современемъ характеръ и облостного хранилища, на подобіе всѣхъ лучшихъ провинціальныхъ музеевъ. Императорская академія художествъ прислала недавно нѣсколько прекрасныхъ акварелей и типичныхъ русскихъ гравюръ. Возбуждены ходатайства и передъ другими учрежденіями о пожертвованіи памятниковъ. Было-бы желательно, чтобы и мѣстное харьковское общество пришло на помощь городскому музею своими пожертвованіями—картина и другихъ художественныхъ предметовъ, а также предметовъ художественной промышленности, въ особенности имѣющихъ какое либо отношеніе къ Харьковской губерніи и Малороссіи вообще (виды Харькова, портреты мѣстныхъ дѣятелей). Съ другой стороны, решено приобрѣтать и за деньги памятники искусства, преимущественно русскаго, сѣвернаго и южнаго, относящіеся къ области живописи, архитектуры и т. п.; интересны издѣлія художественной промышленности, преимущественно старой, и все то, что имѣть историческій интерес; шаконецъ, этнографические предметы, носящіе на себѣ печать искусства (конечно, относительно). Обращаться съ предложеніями слѣдуетъ въ городской художественно-промышленный музей или къ предсѣдателю музейной комиссіи. («Южный Край» № 8450).

Украинскій декламаторъ. Издатель русскаго «Чтеца Декламатора», вышедшаго уже пятымъ изданіемъ, И. И. Самоненко (Кіевъ, Крецатикъ № 39) издаетъ украинскій декламаторъ «Розвага», составленный О. Коваленкомъ. Уже оканчивается печатаніе этого сборника и онъ на дняхъ поступить въ продажу. Въ сборникъ вошли лучшія произведенія всѣхъ корифеевъ украинской литературы, а также молодыхъ писателей и поэтовъ Украины Россійской, Галиціи, Буковины и Америки. Всего помѣщено произведеній болѣе 100 авторовъ съ 50 портретами поэтовъ, писателей и артистовъ. Сборникъ вмѣщаетъ въ себѣ 520 страницъ, текстъ украшенъ стилями орнаментами въ краскахъ, видами и художественными украинскими закладками. Цѣна книги 1 р. 25 к., въ роскошномъ переплѣтѣ 1 р. 75 коп.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМЕТКИ.

Подписька принимается въ Киевѣ: въ книж. магазинахъ—Леона Ильинского, Крещатикъ, № 29; Иванова и Ко, Фундуклеевская, № 2, и у издателя.

Полтавской архивной комиссией изданъ первый выпускъ ея трудовъ; онъ заключаетъ въ себѣ около 25 печатныхъ листовъ. Комиссія уже разослала ихъ въ уѣздныя управы тѣхъ уѣздныхъ земствъ, которыя ассигновали ей пособія. Всѣхъ разослано 319 экземпляровъ. Помимо этого разослано по экземпляру всѣмъ губернскимъ гласнымъ и въ библіотеки всѣхъ уѣздныхъ управъ. Въ послѣднія разослано, помимо этого, по два экземпляра брошюры «О межеваніи въ полтавской губерніи», изданной комиссией. («Полт. Вѣд.» № 777).

Къ XIII екатеринославскому археологическому съѣзду.
Московскій предварительный комитетъ по устройству XIII археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ, при помощи вспомогательныхъ комитетовъ, существующихъ при харьковскомъ и одесскомъ университетахъ, при обществѣ Нестора лѣтописца въ Киевѣ, при нѣжинскомъ лицѣѣ, при новочеркасскомъ музеѣ, при полтавской, черниговской, курской, воронежской, таврической и херсонской архивныхъ комиссіяхъ, при обществѣ любителей изученія кубанской области, дѣятельно готовится къ съѣзду, который, какъ известно, созывается въ этомъ году съ 15-го по 26-ое августа.

Каждый изъ предварительныхъ комитетовъ работаетъ, производить раскопки и предпринимаетъ разныя изслѣдованія въ своемъ районѣ: одесскій комитетъ производитъ изслѣдованія въ Бессарабіи, подготавливаетъ огромный трудъ проф. Фонь-Штерна по части новооткрытыхъ могильниковъ, долженствующихъ связать находки Хвойко въ Трипольи и другихъ мѣстностяхъ кievской губ. съ до-микенской культурою; кievскій—печатаетъ интересный трудъ по изслѣдованію украинскихъ древностей, производить раскопки въ сѣверныхъ предѣлахъ екатеринославской губ., съ цѣлью выясненія городищъ, служившихъ нѣкогда охраной и защитой по р. Орели, Сулѣ и проч., и представилъ цѣлый рядъ лицъ, посланныхъ для изученія и разработки архива на Волыни, Подоліи и въ Екатеринославѣ.

Харьковскій комитетъ производилъ раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи, командривалъ одного изъ своихъ членовъ на р. Кальміусъ и готовить къ съѣзду интересный сборникъ матеріаловъ.

Комитеты въ Нѣжинѣ, Полтавѣ, Черниговѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Екатеринославѣ, Симферополѣ и Херсонѣ собираютъ свѣдѣнія по мѣстнымъ памятникамъ старины, каменнымъ бабамъ, архивамъ, частнымъ коллекціямъ и подготавливаютъ для выставки этнографической матеріалъ.

Москва руководитъ всѣми этими работами: даетъ средства на болѣе значительныя поїздки и раскопки, заканчиваетъ печатаніе трехъ томовъ трудовъ харьковскаго съѣзда, готовить интересный трудъ по Херсонесу, который предполагается посѣтить подъ конецъ съѣзда.

Не мало потрудился также надъ устройствомъ съѣзда мѣстный екатеринославскій комитетъ: Д. И. Эварницкимъ произведенъ рядъ удачныхъ раскопокъ, въ городѣ спѣшио заканчивается музей имени Поля, готовится выставка, которая размѣстится какъ въ музѣѣ, такъ и въ Потемкинскомъ дворцѣ, готовятся помѣщенія для съѣзда и его членовъ, подготавливаются раскопки и поїздки на пороги до Никоноля и пр. и пр. («Приднѣпр. Край» № 2464).

Частная ініціатива въ дѣлѣ народного образованія въ Галичинѣ. По уровню народного образованія Галичина занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣсть въ Западной Европѣ. Какъ показываетъ отчетъ галицкой «Ради шкільної», въ 1902—3 г.г. на 6240 сельскихъ обществъ 2214 не имѣли правильныхъ школъ (изъ нихъ 981 не имѣли школъ вовсе, т. е. цѣлая треть Галичины не можетъ удовлетворять потребностей даже въ низшемъ образованіи. Если взять специально русинскую печать Галичины, то это отношеніе окажется еще болѣе неблагопріятнымъ, такъ какъ даже существующія школы, благодаря недостатку учителей-русиновъ, не могутъ выполнять свои функции болѣе или менѣе правильно. Изъ учащихся въ учительскихъ семинаряхъ лишь $\frac{1}{4}$ (900 изъ 2686) принадлежитъ къ русинамъ, и, разумѣется, это число оказывается далеко недостаточнымъ для удовлетворенія нуждъ Галиції въ учительскихъ силахъ.

Такое положеніе дѣлъ зависитъ отъ общаго состоянія школьнаго дѣла въ Галичинѣ, отъ того фактическаго преобладанія, какое принадлежитъ тамъ польскому элементу. Оставивъ надежды на улучшеніе

этого положенія путемъ государственной организаціи образованія, русины начинаятъ придавать все большее значеніе частной ініціативѣ. Первымъ средствомъ къ этому служитъ подготовка учителей-русинъ, и недавно коломыйская філія «товариства педагогичнаго» обратилась съ возваніемъ къ галицкому обществу о сборѣ пожертвованій на открытие учительской семинаріи въ Коломыѣ («Діло», № 125). Коломыя избрана, какъ одинъ изъ болѣе значительныхъ русинскихъ центровъ, обладающій уже полной украинской гимназіей, что облегчить возможність открытия и семинаріи, такъ какъ на мѣстѣ имѣются готовыя уже преподавательскія силы въ лицѣ учительскаго персонала гимназіи. Если сборъ пожертвованій пойдетъ успѣшно, то въ началѣ 1906—7 уч. года семинарія будетъ уже открыта.

Возваніе коломойской філіи горячо поддерживаетъ въ юльской книжкѣ «Л.-Н. Вістника» проф. Грушевскій. Редакціей названаго журнала открыть сборъ пожертвованій на указанную цѣль, и нужно надѣяться, что наши галицкіе земляки съ полнымъ сочувствіемъ и отзывчивостью отнесутся къ этому въ высшей степени важному предпріятію.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную газету безъ предварительной цензуры

„ВЕЧЕРНЯЯ ПОЧТА”

НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ.

Послѣ пріостановки по распоряженію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ на одинъ мѣсяцъ, газета начнетъ выходить съ 14-го Іюля,

Въ своемъ стремлениі создать совершенно оригинальный типъ газеты, Редакція избрала девизами «ВЕЧЕРНЕЙ ПОЧТЫ»: краткость, ясность, объективность и общедоступность.

Весь матеріалъ систематизируется и обрабатывается такъ, чтобы на газету не могъ попадать никакой балластъ и мелочи, не имѣющія общаго значенія и интереса.

Газета вводить читателя въ кругъ всѣхъ выдающихся событий времени, отмѣчая, освѣщая и резюмируя факты.

Условія для московскихъ (городскихъ) подписчиковъ: съ доставкой съ 14 іюля по 1-е января 2 р., на 5 м. — 1 руб. 90 к., на 4 м. — 1 руб. 45 коп., на 3 м. — 1 руб., на 2 м. — 90 к., на 1 м. — 45 к.

Для многородніхъ подписчиковъ съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи съ 14 іюля по 1-е января 2 р. 50 к., на 5 м. — 1 руб. 75 к., на 3 м.—1 руб. 25 к., на 2 м.—1 руб., на 1 м.—50 к.

Адресъ: Москва, Тверская, д. № 17. Телефонъ 99-79.

Пробные номера для ознакомленія по первому требованію высыпаются бесплатно.

II

Открыта подписка на новый ежено~~д~~ельный журналъ

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Издаваемый Е. П. Бурче безъ предварительной цензуры подъ редакціею
Н. В. Туркина.

Журналъ будетъ выходить книжками въ размѣрѣ не менѣе 6 листовъ
(считая по 16 страницъ въ листѣ) каждая.

Въ программу журнала входитъ: 1, литературный отдѣлъ (критика, романы, повѣсти и рассказы); 2, новости русской жизни; 3, новости заграничной жизни; 4, женскій отдѣлъ; 5, научно-техническій отдѣлъ
и 6, отдѣлъ искусства.

Широко будетъ поставленъ отдѣлъ, разрабатывающій вопросы женской
общественной жизни.

Художественнымъ отдѣломъ, гдѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся общественныхъ дѣятелей и оригинальные художественные рисунки, иллюстрирующіе события текущей жизни, будетъ завыдывать художникъ-академикъ *О. Я. Перельманъ*.

Особое вниманіе будетъ удѣлено жизни провинціи.

Ближайшее участіе въ журналѣ примутъ главные сотрудники газеты
«ВЕЧЕРНЯЯ ПОЧТА».

Первый номеръ журнала выйдетъ въ іюль мѣсяцѣ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россіи:
и к полгода (со дня выхода до 1 января 1906 г.) — 4 р., на 5 м. —
3 р. 50 к., на 4 м. — 2 р. 80 к., на 3 м. — 2 р. 10 к., на 2 м. —
1 р. 40 к., на 1 м. — 70 к.

Отдѣльная книжка журнала — 20 коп.

Заграничные подписчики прилагаются за каждый мѣсяцъ 40 коп.

Пробный номеръ высылается за 2 семикопеечныхъ марки.

Адресъ: Москва, Неглинный пр., Звонарский пер., д. В. И. Фирсановой,
кв. № 21. Телефонъ 86-92.

Редакторъ *Н. В. Туркинъ*.

Издатель *Е. П. Бурче*.

III

Вышла Іюльская (седьмая) книга

ежемѣсячнаго литературно-политического изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ”.

Содержание: I Осенне дни. — С. Богдановскою. II Новая. — Анна Догановачъ. III Паяцъ. — Карла Эмиля Францоза пер. съ нѣм. Н. К. IV Прѣхали косить — Печальныи. V На полѣ славы. — Сенкевича. пер. съ польск. В. М. Л. VI Захолустье. — Н. Степаненко. VII Стихотворенія. — Ив. Блоусова. VIII Стихотвореніе — Е. Чернобаева. IX Эмпирокритицизмъ и импрессионизмъ — В. Лисевича. X Съ Земскими отрядами на дальнемъ востокѣ. — Н. Н. Ковалевского. XI Этика Ницше. — В. Хвостова. XII Церковь и республика. — XIII Новые времена — Новые вѣянія. — Н. Рубакина. XIV Польский вопросъ. — А. Ледницкаю. XV Англія въ Индіи. перев. Н. Гиллеровской. XVI Адвокатъ человѣчества. — Ник. Эфросъ. XVII Литературные дебюты. — В. В. Калмаша. XVIII Заманчивыя перспективы. — М. Богоявлова. XIX Журнальное обозрѣніе. XX Внутр. обозр. XXI Иностран. обозр. — В. А. Г. XXII Великій грѣхъ. — Л. Толстою. XXIII Библіограф. отд.

Изданія редакціи. Нов. книги: 1) Олстонъ Л. Краткій очеркъ современныхъ конституцій. Пер. съ англійск. профес. К. Тимирязева. Второе изд. цѣна 30 коп. 2) Лабулэ Эдуардъ. Політическія идеи Бенжамена Констана. Цѣна 40 коп. 3) Шланъ Государственного преобразованія графа М. М. Сперанского. цѣна 1 руб.

Редакторъ В. М. Лавровъ.

Издатель В. А. Гольцевъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельные изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлѣжность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованые обычай религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журнальѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусского народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Киевская Старина“ будетъ выходить въ 1905 г. по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ 1-го числа каждого мѣсяца книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КИЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1905 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Киевская Старина“, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣтаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Киевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Киевской Старины» за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдельныя книги журнала по 1 р.

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**

КИЕВСКАЯ СТАРИНА

**ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.**

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ ХС.

1905 г.

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владимира
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

1905.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I ИЗЪ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА УКРАИНѢ.	
<i>Вл. П—ко</i>	235—247
II НІОБА. (Новеля). Окончаніе <i>О. Кобилянської</i>	248—316
III ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ ПО ДАННЫМЪ ПЕРЕПИСИ 1897 ГОДА. <i>Л. Личкова</i>	317—366
IV УКРАИНСКІЙ ОПОВИДАННІЯ. <i>А. П. СТОРОЖЕНКА</i>	
<i>Из. Житомирского</i>	367—382
V В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная деятельность. (Окончаніе). <i>Н. Тихаго</i>	383—389

ОТДѢЛЪ III.

I БИБЛIOГРАФIЯ: а) Научная критика, памфлетъ, или пасквили? Проф. <i>Д. И. Багаллья</i> ; б) Нові і перемінні звізди. Написавъ проф. д-ръ <i>І. Полюй. В. Н—ка</i> ; в) Труды Полтавской Ученой Архивной Коммиссії. <i>В. Н. . . . .</i>	83—103
II ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Отавуки былинны о змѣборствѣ Добрыни-Никитича въ украинскомъ фольклорѣ. <i>Владимиръ Даниловъ</i> ; б) Къ исторіи пребыванія монаховъ траппистовъ въ Россіи. Сообщ. <i>В. Страшкевичъ</i> ; в) О принадлежавшемъ базиліанамъ въ г. Римѣ домѣ. Сообщ. <i>В. Страшкевичъ</i> ; г) Пѣсня на освобожденіе отъ панцины - въ 1861 г. Сообщ. <i>Л. М.</i> ; д) Сенатский указъ Киевскому архіепископу Рафаилу Задоровскому, отъ 16 декабря 1742 года, въ отвѣтъ на его ходатайство о возстановлении иѣкоторыхъ правъ южно-русского духовенства и Киевской Академіи. Сообщ. Проф. <i>Н. Петровъ</i> ; е) «Стужа» въ Малороссии въ мартѣ 1748 г. <i>Вл. П—ко</i> ; ж) Свѣдѣніе о количествѣ прованта, выданаго изъ магазиновъ Кіевской губерніи на расквартированные въ Малороссіи полки (1716—1717 гг.). <i>В. Модзалевскій</i> ; з) Извѣщенія редакціи	104—15
ПРИЛОЖЕНІЕ: Литература о В.Н. Каразинѣ. <i>Н. Тихаго</i> .	

КИЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ГОДЪ ХС.

1905 г.

СЕНТЯВРЬ.

К И Е В Ь.

Типографія Імператорського Університета св. Владимира Акцион. О-ва
печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 11 августа 1905 г.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА 90-го:

ІЮЛЬ-АВГУСТЬ, СЕНТЯБРЬ, 1905 Г.

Книга первая и вторая — Іюль-августъ.

О т д ъ л ь I.

I В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. <i>Н. Тихаго</i> .	1—58
II ОСКОЛКИ СТАРИНЫ ВЪ ЗѢНЬКОВСКОМЪ УѢЗДѢ.	59—74
А. Твердохлѣбова.	75—107
III. НІОБА. (Новеля). <i>Гл. VII—XIV. О. Кобилянської</i>	108—116
IV КЪ ВОПРОСУ О НАРОДНЫХЪ РЕАКЦІЯХЪ ВЪ УКРАИНѢ ВЪ XVIII ВѢКѢ. <i>Вл. П—ко</i> .	117—165
V СБОРНИКЪ МАЛОРОУССКИХЪ СКАЗОКЪ. <i>Гавріила Стрижевскаго</i> .	166—173
VI КІЕВСКІЙ СОБОРЪ ВЪ 1629 ГОДУ. Протоіерея <i>Петра Орловскаго</i> .	174—234
VII КЪ ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИМЪ ОТНОШЕНІЯМЪ ВЪ ГАЛИЦІИ. <i>М. Грушевскаго</i> .	

О т д ъ л ь II.

I БІБЛІОГРАФІЯ: а) 1) Халера; 2) Про холеру и якъ видъ неи стерегтыся. *Врачъ*; б) С. А. Блонскій. Народныя школы съ малорусскимъ языкомъ. *С. Е.*; в) Въ защиту слова. Сборникъ 2-е изданіе. *С. Е.*; г) Иванъ Франко. Збирникъ-творивъ. Томъ III. Бориславськи оповидання. *Л. Жигмайлъ*; д) Обзоръ журналовъ текущаго года

1—32

II ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Что стоилъ Андрею Полетикѣ процессъ за с. Аксютинцы. Сообщ. *В. Модзалевскій*; б) Зѣньковскій полковникъ Василій Шиманъ и его потомство. Сообщ. *В. Модзалевскій*; в) Грамота Кіевскаго митрополита Іосафа Кроковскаго на утвержденіе скита близъ м. Моровска, основанаго игуменомъ Лебединскаго монастыря Сера

II

піономъ 1714 г. Сообщ. <i>В. Перетцъ</i> ; г) Шлатъе и бѣлье малорусской панії XVIII ст. Сообщ. <i>Н. К. Вѣй</i> ;	33—57
д) О землетрясении въ черниговской и полтавской губерніи въ 1839 г. Сообщ. <i>І. Фр. Павловскій</i> ; е) И. П. Котляревскій — ученикъ Екатеринославской семинарии Сообщ. <i>Вл. Пѣко</i> ; ж) О тысячелѣтнемъ юбилеѣ г. Переяслава. <i>О. Л.</i> ; з) Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля. <i>А. Скриленко</i> .	57—81
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТИЯ	1—3
ОБЪЯВЛЕНІЯ	

Книга третья — сентябрь.

О т дѣлъ I.

I ИЗЪ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНІЯ НА УКРАИНѢ. <i>Вл. Пѣко</i>	235—247
II НІОБА. (Новеля). Окончаніе <i>О. Кобилянської</i>	248—316
III ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ ПО ДАННЫМЪ ПЕРЕПИСИ 1897 ГОДА. <i>Л. Личкова</i>	317—366
IV УКРАИНСКІЙ ОПОВИДАННІЙ. А. П. СТОРОЖЕНКА <i>Із. Житецкаго</i>	367—382
V В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. (Окончаніе). <i>Н. Тихаго</i>	383—389

О т дѣлъ II.

I БІБЛІОГРАФІЯ: а) Научая критика, памфлетъ или пасквиль?. Проф. <i>Д. Багалъя</i> ; б) Нові і перемінні звізди. Написавъ проф. д-ръ І. Полюй. <i>В. Нѣко</i> ; в) Труды Полтавской Ученой Архивной Комміссії. <i>В. Н.</i>	83—103
---	--------

II ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Отзвукъ былины о змѣеборствѣ Добрини Никитича въ Украинскомъ фольклорѣ. <i>Владимиръ Даниловъ</i> ; б) Къ исторіи пребыванія монаховъ траппистовъ въ Россіи. Сообщ. <i>В. Страшкевичъ</i> ; в) О принадлежавшемъ базиліанамъ въ г. Римѣ домѣ. Сообщ. <i>В. Страшкевичъ</i> ; г) Пѣсня на освобожденіе отъ панчины — въ 1861 г. Сообщ. <i>Л. М.</i> ; д) Сенатскій указъ Кіевскому архієпископу Рафаилу Зaborовскому, отъ 16 декабря 1742 года, въ отвѣтъ на его ходатайство о возстановленіи нѣкоторыхъ правъ южно-русскаго духовенства и Кіевской Академіи. Сообщ. Проф. <i>Н. Петровъ</i> ; е) «Стужа» въ Малороссії въ мартѣ 1748 г. <i>Вл. Пѣко</i> ; ж) Свѣдѣніе о количествѣ провіанта, выданного изъ магазиновъ Кіевской губерніи на расквартированные въ Малороссіи полки (1715—1717 гг.). <i>В. Модзалевскій</i> ; з) Извѣщенія редакціи	104—120
ПРИЛОЖЕНІЕ: Литература о В.Н. Каразинѣ. <i>Н. Тихаго</i>	1—26

Изъ исторіи образованія на Українѣ.

І.

Нѣсколько данныхъ объ украинской семинаріи въ г. Переяславѣ въ 18 в.

До сихъ поръ въ печать проникло немного свѣдѣній о состояніи украинской духовной семинаріи въ г. Переяславѣ въ 18 в.¹⁾). Тѣмъ цѣнниѣ должны быть тѣ данные, которыя мы находимъ въ архивѣ св. синода (дѣло 1737 г. № 380, въ 5 томахъ) объ этой семинаріи. Тамъ найдено нами 8 донесеній переяславскаго епархіалънаго начальства, нѣсколько обрисовывающихъ состояніе семинаріи въ первые годы ея существованія (1738—1745 г.г.).

Во исполненіе синодскаго указа, послѣдовавшаго по волѣ императрицы Анны въ 1737 г., епископъ переяславскій Арсеній Берло 20 іюня 1738 г. представилъ первое донесеніе въ синодъ о своей семинаріи, тогда только еще основывавшейся. Въ своемъ донесеніи Арсеній пишетъ, что, прибывъ на Пере-

¹⁾ См. „Кievsk. Стар.“ 1888 г., т. 20; 1889 г., февр.; 1899 г., янв.; брош. А. Берло — „Арсеній Берло, еп. Переясл.“, Кіевъ, 1904 г.; въ брошюре игумена Поліевкта „Свѣдѣн. о Полт.—Переясл. епарх. и ея архипастыряхъ“, Полтава 1868 г.; въ Полт. Епарх. Вѣдом. за 1891 г. №№ 10—11, 17—18, 22 и др.

яславскую кафедру 9 ноября 1733 года, огъ «такъ училищъ, яко учителей, и никакихъ учениковъ не засталъ, и прежде не бывало»; теперь-же, въ 1738 году, «школи устроени», «въ которыхъ нинѣ священническіе дѣти по состоянію новосооруженнихъ училищъ на россійскомъ языке грамоти и латинскимъ початкомъ писать и елементаровъ начали обучаться, а протчіи Алваровъ¹⁾ заправляются, и школи инфиміи и грамматики слушають»; высшимъ же наукамъ дѣти священниковъ Переяславской епархіи обучались тогда въ Киевской академіи и Черниговскомъ коллегіумѣ, гдѣ проходили школы—поэтику, риторику, философию и богословіе. Къ своему донесенію Арсеній приложилъ и вѣдомость объ ученикахъ «школы славено-латинской», которыхъ (все—священническія дѣти) показано 47 человѣкъ, въ возрастѣ отъ 9 до 16 лѣтъ. Изъ нихъ 12 человѣкъ «обучаются писать на россійскомъ и латинскомъ діалектѣ» съ 1738 г., 11—«елементари учать» тоже съ 1738 года, 11—«обучаеться Алвара» съ 1737 г., 8—«обучаеться школи инфими» съ 1736 г. и, паконецъ, 5 человѣкъ «обучаеться школи грамматики». Объ учителяхъ нѣть ни слова, нѣть и ихъ подписей въ вѣдомости. Думаемъ, что данное донесеніе и вѣдомость кое-чего не договариваются, именно того, что все это только—проектъ, близкій къ осуществленію, а не самая дѣйствительность. Извѣстно уже, что открытие семинаріи послѣдовало осенью 1738 г.,—слѣдовательно, 20 июня, когда писалось это донесеніе, ся еще не было. Зданіе для училища тогда только еще достраивалось, ученики еще собирались съ епархіи, учителей не было. Указаніе на то, что ученики обучаются съ 1737, 1736 и даже 1735 г.г., не слѣдуетъ принимать въ смыслѣ утвержденія основанія семинаріи раньше 1738 г.: это, думается, просто означаетъ то, что дѣти священниковъ Переяславской епархіи, учившіяся раньше въ Киевѣ и Черниговѣ съ указанныхъ годовъ, въ 1738 г. намѣчены были къ переводу въ соотвѣтствующіе классы Переяславской семинаріи.

¹⁾ Разумѣется тогдашняя учебная книга Алвара по лат. яз.

Слѣдующее донесеніе Арсенія, отъ 5 іюля 1739 г., болѣе интересно, такъ какъ даєтъ нѣкоторыя свѣдѣнія о первомъ учебномъ годѣ Переяславской семинаріи.—«За неимѣніемъ при домѣ архіерейскомъ Переяславскомъ»,—пишеть въ донесеніи Арсеній,— «учителнихъ монаховъ, также и свѣтскихъ людей, принужденъ опредѣлить во учители мирскихъ трохъ священниковъ честныхъ, изучившихъ богословій, которіе, на особливомъ моемъ трактаментѣ будучи содержаны и консолацію удоволены, с охотою должность свою учителскую исполняютъ». Къ донесенію приложена вѣдомость, изъ которой видно, что въ первомъ учебномъ году въ Переяславской семинаріи были школы или классы: фара (30 уч.), инфима (27 учит.), грамматика (11 учит.), синтаксисма (24 уч.), поэтика (6 уч.) и риторика (12 уч.), въ нихъ всего обучалось 110 человѣкъ. Достойно вниманія, что въ этой семинаріи, въ первый-же годъ ея существованія, при 65 священническихъ дѣтяхъ, обучалось 45 дѣтей «разночинцовъ». Въ числѣ разночинцевъ, приславшихъ въ переяславскую семинарію своихъ дѣтей въ первый годъ ея существованія, встрѣчаются слѣдующія званія: есаулы («асаулы»), сотники, старосты, 2 компанійскихъ полковника, компанійскіе козаки, 1 факторъ полковой и—больше всего—мѣщане и «люди посполитые». Какъ оказывается, въ переяславскую семинарію присылали и изъ такихъ мѣстъ, лежавшихъ вѣдь предѣловъ переяславской епархіи, какъ Кіевъ, Черниговъ, Нѣжинъ, Сумы, Конотопъ, Гадячъ, Глуховъ, Любечъ и т. п. Такимъ образомъ, переяславская семинарія сразу-же получила значеніе крупнаго просвѣтительного центра въ Українѣ.

Большинство учениковъ опредѣлено было въ семинарію 12 сентября 1738 г., но были и поступившіе позже—въ октябрѣ и ноябрѣ и даже 9 января 1739 г. Первыми учителями переяславской семинаріи, какъ видно изъ подписей къ вѣдомости, были священники: въ фарѣ и инфимѣ—Іоаннъ Лисевичъ, въ грамматикѣ и синтаксисѣ—Стефанъ Древецкій¹⁾, въ поэтикѣ и рито-

¹⁾) Вѣроятно, это то же лицо, которое въ слѣдующемъ донесеніи имѣетъ фамилію Деревецкій.

рикъ Іоаннъ Журовскій. Неизвѣстно, имѣлъ-ли изъ нихъ кто-нибудь званіе «префекта»—начальника семинаріи.

Въ донесеніи отъ 12 іюля 1740 г. еп. Арсеній указываетъ уже другихъ преподавателей семинаріи (за исключеніемъ, кажется, одного); въ риторикѣ и поэтицѣ священника Стефана Деревецкаго, въ синтаксисѣ и грамматикѣ—«оеолога Козму Богдановича», въ инфимѣ и фарѣ—Симеона Прокопова. Изъ нихъ два послѣднихъ отнесены къ числу «студентовъ». Подобно тому, какъ въ предыдущемъ донесеніи, обѣ учителяхъ замѣчено, что они, «на особливомъ препитаніи будучи содержаны и награжденіемъ пристойнимъ удоволены, по надлежашему должностъ свою учителскую исполняли». Священникъ Стефанъ Деревецкій именуется «коллегіума Переяславскаго префектомъ». Въ 1739—40 уч. году учащихся въ семинаріи было 123, въ томъ числѣ дѣтей разночинцевъ 44.

Въ донесеніи 23 іюля 1741 г. указываются слѣдующіе учителя семинаріи: священникъ Троицкой церкви мѣстечка Барышевки Михаилъ Исаевичъ («Исаевичъ»), «философіи изучившійся» (т. е. окончившій въ Київѣ или Черниговѣ классъ философії) и преподававшій въ 1740—41 уч. году въ Переяславской семинаріи риторику и поэтику; затѣмъ «мирскіи студенты, философіи изучившіеся»—Семенъ Прокоповичъ, учитель грамматики и синтаксисы, и Трофимъ Горлянскій, учитель фары и инфимы. Званіе префекта имѣлъ священникъ Михаилъ Исаевичъ. Учащихся было 124 человѣка, изъ нихъ дѣтей разночинцевъ—49.

Донесеніе отъ 3 іюля 1742 года даетъ указаніе, что съ 1741—42 учебнаго года въ Переяславской семинаріи введено было обученіе польскому языку и уничтожена была самая низшая школа—фара, вѣроятно, оказавшаяся лишней—въ виду существованія приходскихъ школъ. Въ этомъ году префектомъ «училищъ славенолатинскихъ Переяславскихъ» и учителемъ риторики былъ священникъ Іоаннъ Лиссіевичъ, въ синтаксисѣ и поэтицѣ учителствовалъ «Алексей Малѣновскій»—лицо свѣтское, въ инфимѣ и грамматикѣ—священникъ Филиппъ Стефановъ. Изъ 120 воспитанниковъ, бывшихъ на лицо въ этомъ году въ семинаріи, 49—дѣти разночинцевъ, остальные—духовнаго званія.

Судя по послѣднему донесенію епископа Арсенія Берла отъ 26 іюня 1743 г., въ 1742—43 уч. году въ Переяславской семинаріи преподавали: префектъ «колледіума» и учитель риторики Алексѣй Малиновскій, учитель поэтики и синтаксисы священникъ Филиппъ Гошкевичъ и учитель грамматики и инфимы Филиппъ Покорскій. Всѣхъ учащихся на лицо было 136, изъ нихъ 62 — дѣти разночинцевъ.

Въ 1743—44 уч. году префектомъ «училищъ славенолатинскихъ, при домѣ преосвященнѣйшаго архіерея Переяславскаго имѣющіхъся», былъ учитель риторики Василій Лаврентіевъ Зеленскій; въ поэтику и синтаксисъ преподавалъ Григорій Павловъ Гиновскій, въ грамматику и инфимъ — Іаковъ Павловъ Фаворскій. Учащихся было — 61 духовныхъ и 48 — свѣтскихъ.

Въ слѣдующемъ 1744—1745 учебномъ году въ семинаріи оставался тотъ-же преподавательскій персональ, что и въ предыдущемъ году, учащихся-же было: 66 — дѣтей духовенства и 45 — свѣтскихъ.

Но мирное теченіе жизни Переяславской семинаріи скоро было, какъ узаемъ изъ другого дѣла синодскаго архива (1748 г. 12 сентября, № 232), нарушено: 18 іюля 1748 г., при епископѣ Никодимѣ Сребницкомъ (1745—1751 г.г.), сильный пожаръ уничтожилъ «училищные школы» вмѣстѣ со многими постройками Переяславского каѳедрального Вознесенского монастыря. Вслѣдствіе этого Никодиму пришлось до постройки новаго зданія перенести семинарію въ смежный съ каѳедральнымъ монастыремъ пустовавшій домъ Семена Мировича, раньше принадлежавшій умершей генеральшѣ Кантакузиной. Домъ оказался подходящимъ для того, чтобы въ немъ «для ученія собирались безъ уѣсненій», но его пришлось нѣсколько ремонтировать и дворъ его заборомъ оградить. Синодъ и сенатъ одобрили это дѣйствіе Никодима, давъ ему заднимъ числомъ на это разрѣшеніе.

Новое зданіе для семинаріи выстроено было уже преемникомъ Никодима, Ioannomъ Козловичемъ (1753—1757 г.г.), который проявлялъ особую заботливость о Переяславской семинаріи. Такими-же заботливыми попечителями ея были и послѣдующіе

епископы Переяславские и Бориспольские: Гервасій Линцевский (1757—69 г.г.), Іовъ Базилевичъ (1771—1776 г.г.), устроившій въ семинарії філософскій классъ въ 1774 г., и Иларіонъ Кондратковский (1776—1785 г.г.), открывшій заключительный классъ—богословской.

Дѣло синодского архива 1781 года № 501 содержитъ въ себѣ подлинное донесеніе епископа Переяславскаго и бориспольскаго Иларіона Кондратковскаго объ открытии имъ съ 1781—82 учебнаго года въ Переяславской семинарії богословскаго класса.

Въ этомъ своемъ донесеніи епископъ Иларіонъ, между прочимъ, пишеть, что въ Переяславской семинарії, учрежденной въ силу указа 1737 г., «до 1773 года преподаваемо было ученіе точію по риторику; а того года антепессоромъ моимъ Іовомъ (Базилевичемъ) учреждена и філософія; пынѣ же усматривая обстоятельства нужные для учениковъ сея семинарії и ползу, къ лучшему для епархії благосостоянію, учредилъ быть богословскому ученію, къ преподаванію коего опредѣлилъ префекта семинарії, філософіи учителя заграницкого Мошногорскаго монастыря игумена Варлаама Шишацкаго, вѣдая довольно по разуму его къ тому благонадежна и способна».

Это доношеніе епископа Иларіона отъ 13 сентября 1781 г. не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что открытие богословскаго класса въ Переяславской семинарії послѣдовало послѣ лѣтнихъ каникулъ 1781 года.

Еще одно дѣло архива св. синода (1782 г. № 377) сообщаетъ нѣкоторая свѣдѣнія о состояніи Переяславской семинаріи—уже въ началѣ 80 годовъ того-же 18 вѣка. Изъ содержащагося здѣсь донесенія въ синодъ послѣдняго епископа Переяславскаго и Бориспольскаго Иларіона Кондратковскаго, отъ 7 ноября 1782 г., видно, что этимъ архіереемъ въ Переяславской семинарії «богословское ученіе зъ прошлого 781 года учреждено» (т. е. богословскій классъ въ этой семинарії открытъ и устроенъ былъ *въ 1781 г.*, а не въ 1778 г., какъ доселѣ думали). Изъ этого-же

допесенія получаемъ слѣдующія свѣдѣнія о семинарскихъ зданіяхъ того времени: низшіе классы помѣщались въ камennомъ зданіи, «въ одинъ атажъ подъ деревянную крышу выстроенному» еще епископомъ Іоанномъ Козловичемъ (1753—1757 г.г.); философскій классъ помѣщался въ «братской трапезной келліи» каѳедрального монастыря; кроме того, при семинаріи числился еще «особливой деревяной домъ въ городѣ (т. е. въ монастырскихъ стѣнѣ, въ которыхъ помѣщалась самая семинарія) выстроенной, называемой *бурса*, въ коемъ болшею частію осиротѣліе, а между тѣми и прямо убогіе священно и церковнослужителскіе дѣти содержаются для продолженія ученія». Зданіе «бурсы» и живущіе въ ней ученики содержались на «окладѣ, собираемомъ въ силу Духовнаго Регламента зъ епархії»; вслѣдствіе «скудости» переславской епархіи, въ годъ собиралось на «бурсу» всего «зъ денегъ до 80 рублей, да хлѣба разнаго до 50 четвертей», — почему «прокормленіе» «бурсаковъ» производилось «со всякою умѣренностью». На содержаніе самой семинаріи давалось пособіе изъ экономіи каѳедрального монастыря; что-же касается семинарскихъ преподавателей, то они, по словамъ донесенія, «никакова оклада и доходовъ не имѣя, содержатся на монастырскомъ¹⁾ и архіерейскомъ иждивеніи».

Еп. Иларіонъ испросилъ разрѣшеніе у св. синода взять изъ денегъ, собранныхъ въ переславской епархіи на «заграницные монастыри и церкви», 600 рублей на пристройку къ семинарскому зданію «одной каменной школы», т. е. помѣщенія для одного класса (вѣроятно, новооткрытаго-богословскаго), и на покрыtie всего семинарскаго зданія «листовимъ желѣзомъ», да еще 400 рублей на пристройку нового деревянного зданія для «бурсы» вместо стараго, «въ давнѣхъ годѣхъ выстроенаго» и пришедшаго уже въ «крайнѣйшую ветхость». Получивъ разрѣшеніе си-

¹⁾ Сколько шло изъ монастырей пересл. еп. на семинарію въ 60 г.г. 18 в., объ этомъ см. въ нашей статьѣ „Гервасій Линцевскій“ въ дек. кн. „Кievsk. Стар.“ за 1904 г.

нода на производство этихъ построекъ, Иларіонъ въ ноябрѣ 1783 г. закончилъ ихъ, о чёмъ и донесъ синоду 18 декабря того-же 1783 г.

II.

*Нѣсколько данныхъ объ украинскомъ Черниговскомъ коллегіумъ
въ 18 в.*

Украинскій черниговскій коллегіумъ, основанный въ 1700 г. знаменитымъ архієпископомъ Іоанномъ Максимовичемъ, впослѣдствіи митрополитомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ, въ 1730-хъ годахъ состоялъ изъ 6 школъ или классовъ—аналогіи или фары, инфімы, грамматики, синтаксисы, поэтики и риторики. Въ это время коллегіумъ наполнялся учащимися не только изъ дѣтей духовенства, но и свѣтскихъ разнаго званія; количество послѣднихъ даже значительно превосходило количество первыхъ. Такъ въ 1736 г.¹⁾ учащихся духовнаго званія было въ коллегіумѣ всего 78 человѣкъ изъ 253 «студентовъ всѣхъ» коллегіума. Остальная сословія были представлены такъ: 76 дѣтей козаковъ бунчуковыхъ, значковыхъ и рядовыхъ, 30—сыновья мѣщанъ и купцовъ; изъ людей посполитыхъ—69. Въ 1737 г. учащихся въ черниговскомъ коллегіумѣ было меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году, всего 210, которые такъ распредѣлялись между сословіями: духовнаго—74, козацкаго—62, мѣщанскаго и купеческаго—31 и посполитыхъ—43. Въ 1738 г. въ коллегіумѣ обучалось 188 человѣкъ, въ томъ числѣ дѣтей духовенства—60, козачихъ—56, мѣщанъ и посполитыхъ—72.

¹⁾ См. въ дѣлѣ архива св. синода 1737 г. № 380 (въ томахъ—1 и 2) донесенія архієпископа черниговскаго Иларіона Рогалевскаго (1735—38 г.г.) отъ 28 апрѣля 1737 г. и 16 мая 1738 г.; донесенія эти существенно дополняютъ свѣдѣнія о черниговскомъ коллегіумѣ, сообщаемыя покойнымъ архієп. черниговскимъ Филаретомъ Гумилевскимъ во 2 т. его «Историко-статист. описавія черниг. еп.», Черниговъ, 1873 г.

Далеко не одна черниговщина посыпала сюда своихъ уроженцевъ для полученія образованія, и не одна только лѣвобережная Украина; было тутъ не мало и пришедшихъ «з Полтці» какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ; показанъ даже одинъ «венгерской нації», бывшій въ классѣ риторики въ 1737—38 учебномъ году. Такимъ образомъ, черниговскій коллегіумъ въ 1730-хъ годахъ, какъ и вообще въ 18 вѣкѣ, игралъ большую роль въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія на Украинѣ, давая въ своихъ стѣнахъ среднее образованіе для представителей населенія разныхъ сословій со всей Украины—и лѣвобережной, и правобережной.

Учащіеся въ черниговскомъ коллегіумѣ въ данное время жили: 1) или на отдельныхъ квартирахъ «на кошту отческомъ»—это дѣти состоятельныхъ родителей; 2) или «на інспекторіахъ»—на содержаніи родителей учениковъ, репетиторами которыхъ они были,—это бѣдные и болѣе способные ученики изъ старшихъ классовъ—поэтики и риторики (главнымъ образомъ послѣдней); 3) или «на хлѣбѣ епархіальному» и «на хлѣбѣ монастырскомъ» «в бурсацкихъ домѣхъ»—это «нищіе и прокормленіе себѣ получать откуда неимущіе». Въ 1736 г. «на кошту отческомъ» въ черниговскомъ коллегіумѣ было 116 учениковъ, «на інспекторіахъ»—33 (изъ нихъ 29 изъ класса риторики и только 4 изъ поэтики), «на хлѣбѣ епархіальному»—104. Въ 1737 г. «на кошту отческомъ» состояло 99, «на інспекторіахъ» 26, «на хлѣбѣ монастырскомъ в бурсацкихъ домѣхъ»—85. Для жилья бѣдныхъ семинаристовъ при черниговскомъ коллегіумѣ въ 1720-хъ и 30-хъ годахъ существовало «два жилніе дома», иначе называвшіеся «бурсацкими домами». Содержались эти дома, въ силу распоряженія, сдѣланнаго при вступленіи въ управление черниговской епархией архіепископомъ Иродіономъ Жураковскимъ (1722—1733 г.г., † 1736 г.), на особые взносы монастырей и церквей епархіи. Практиковалось такъ: одинъ годъ взносили на «бурсу» монастыри деньгами и «харчами», другой годъ приходскія церкви—одними только деньгами. Въ 1723, 25, 27, 29, 31, 33, 35 и 37 г. г. взносы дѣлали церкви, каждый годъ равномѣрно—по 54 рубля 27 коп. На эти 54 рубля 27 копеекъ и содержались

круглый годъ человѣкъ 80--110 «бурсаковъ», Въ 1722, 24, 26, 28, 30, 32, 34 и 36 г.г. взносы дѣлались монастырями черниговской епархіи. Монастыри взносили на содержаніе «бурсы» въ годъ—24 рубля деньгами, 24 четверти ржаной муки, 1 четверть пшеничной муки, 6 четвертей «гречаной» муки, 7 четвертей крупу, 100 «квартъ олѣя» и 9 пудовъ сала. Отпускалось неопределеннное количество «харчевого викту» и отъ дома архіерейскаго—«по возможности».

Обученіе въ коллегіумѣ велось на 3 языкахъ—славянскомъ, польскомъ и латинскомъ.

Въ 1736 и 1737 г.г. префектомъ коллегіума и учителемъ риторики былъ іеромонахъ Іоасафъ Григоріевъ Липяцкій (или Лѣпяцкій), 37 лѣтъ отъ роду, происходившій изъ г. Полтавы, сынъ священника. Въ то же время въ другихъ классахъ преподавали: въ поэтикѣ—монахъ Софоній Ивановъ Зѣм'янскій (послѣ былъ тутъ-же префектомъ), 32 лѣтъ, сынъ священника, уроженецъ «заграничного полскаго мѣстечка Зѣлочова»; въ синтаксисѣ и грамматикѣ—іеромонахъ Пафнутий Захаріевъ Захаржевскій, 40 лѣтъ, «мѣщанскій сынъ з заграничного города Лвова»; въ аналогіи (фарѣ) и инфимѣ—іеродіаконъ Варнава Ивановъ Корогодскій, 29 лѣтъ, сынъ священника изъ Чернигова.

Учителя коллегіума получали также содержаніе: изъ черниговскаго каѳедрального монастыря «истного и питного викту»: имъ отпускалось «ежеденно» «удвоенное» больше прочихъ монаховъ этого монастыря; кромѣ того, ежемѣсячно имъ на всю «компанию» изъ дома архіерейскаго отпускалось нѣкоторое количество ржи, соли, хлѣба, крупы и муки; принимали они также участіе въ братской монастырской кружкѣ; одѣяніе получали «з келіи архіерейской и с казни» архіерейскаго дома. Былъ еще одинъ источникъ доходовъ для учителей коллегіума: родители «знатнаго чина», отдававшіе для обученія въ коллегіумѣ дѣтей своихъ, «за честь тѣхъ знатнаго чина учениковъ», давали учителямъ «политическое приношеніе» 4 раза въ годъ—передъ каникулами, послѣ каникулъ и къ праздникамъ Рождества Христова и Пасхи. Но-

слѣдній источникъ содержанія учителей коллегіума считался вполнѣ естественнымъ,—о немъ, какъ обычномъ явлениі, архіерей, между прочимъ, доносить синоду.

Не смотря на то, что, при совокупности всѣхъ указанныхъ доходовъ, учителя коллегіума «безъ нужда доволствовались», должность учительская не считалась интересною: архіепископъ Иларіонъ доносить въ синодъ, что свѣтскіе учителя не могли бы выдержать положенного трехгодичного срока прохожденія учительской должности, только монаховъ и можно было удерживать на преподавательскомъ мѣстѣ три года.

По окончаніи семинаристами коллегіума,—доносиль синоду архіепископъ Иларіонъ,—ихъ, вслѣдствіе «малороссійской свободы», нельзя было удерживать въ духовномъ званіи: очень много—иные по окончаніи коллегіума, а другіе «и школъ латинскихъ совершино ученіе не прошедши»,—уходили на свѣтскую службу, занимали разныя должности въ козацкихъ полкахъ или канцеляріяхъ, иные-же уѣзжали довершать свое образованіе въ другихъ коллегіяхъ.

Еще нѣсколько цифръ за послѣдующіе годы.

Въ 1738—39 учебномъ году въ черниговскомъ коллегіумѣ, въ 6 школахъ его обучалось 67 сыновей духовенства и 135—свѣтскихъ, въ томъ числѣ 12—дѣти бунчуковыхъ козаковъ, 27—значковыхъ и 24— рядовыхъ козаковъ, 37—дѣти мѣщанъ, 11—«поселянскихъ» и кромѣ того «виходцовъ съ Полчи»—разныхъ чиновъ и званій—24.

Въ слѣдующемъ учебномъ году учащихся здѣсь было нѣсколько больше—213, изъ нихъ—90 духовныхъ, изъ козаковъ—бунчуковыхъ—23, значковыхъ—22, рядовыхъ—12, изъ мѣщанъ—32, «поселянскихъ»—12, вышедшихъ изъ Польши—22 (кромѣ дѣтей духовенства).

Въ 1739 г. на содержаніе «нищихъ студентовъ» коллегіума, т. е. «бурсаковъ», поступило съ церквей черниговской епархіи 54 рубля 27 копеекъ, изъ которыхъ израсходовано было 51 р. 62 коп.

Въ 1740—41 учебномъ году число учащихся сильно возросло—ихъ было 254 человѣка. Лицъ духовнаго званія въ этомъ году обучалось въ коллегіумѣ 85 (т. е. около $\frac{1}{3}$ всего количества учащихся), остальная двѣ трети состава воспитанниковъ коллегіума распредѣлялись между другими сословіями такимъ образомъ: козаковъ—бунчуковыхъ 30, значковыхъ 19, рядовыхъ 26, мѣщанъ 40, поселянъ 14, выходцевъ изъ Польши (не—духовнаго происхожденія) 40.

На содержаніе «бурсы» въ 1740 г. взнесено было отъ монастырей черниговской епархіи 6 четвертей и 1 четверикъ ржаной муки, 2 четверти крупы, 4 пуда и 19 фунтовъ сала и 22 рубля денегъ. Израсходовано было въ теченіе года все, кроме $93\frac{1}{2}$ копеекъ.

Въ 41—42 учебн. году количество учащихся значительно понизилось—до 202 человѣкъ. Кроме 85 духовныхъ (въ томъ числѣ 4 выходца польскихъ), обучалось 27 дѣтей бунчуковыхъ козаковъ и старшинъ, 17—значковыхъ, 15—рядовыхъ козаковъ, 23—мѣщанъ, 15—поселянъ, 29—свѣтскихъ выходцевъ изъ Польши. Въ слѣдующемъ учебномъ году училось 89 духовныхъ (въ томъ числѣ 7 вышедшихъ изъ Польши) и 124 свѣтскихъ,—въ числѣ послѣднихъ—дѣтей старшинъ и бунчуковыхъ козаковъ—25, значковыхъ козаковъ—11, рядовыхъ—26, мѣщанъ—28, поселянъ—12, польскихъ выходцевъ—22.

Въ 1743—44 учебномъ году изъ 267 учащихся духовныхъ было 105, сыновей старшинскихъ и бунчуковыхъ козаковъ—38, значковыхъ козаковъ—12, рядовыхъ козаковъ—37, мѣщанъ—19, поселянъ—27, вышедшихъ изъ Польши свѣтскихъ—29. Въ числѣ 105 дѣтей лицъ духовныхъ въ этомъ году было 7 вышедшихъ изъ предѣловъ польского королевства; дѣти заграничнаго духовенства обычно значатся обучающимися только въ старшихъ классахъ, начиная съ класса синтаксисы.

На содержаніе «бурсы» при черниговскомъ коллегіумѣ израсходовано было: въ 1741 г.—37 рублей 71 коп. (изъ поступившихъ 54 руб. 29 коп.); въ 1742 г.—14 четвертей ржаной

муки, 7 четвертей «гречаной», 4 четверти крупы, 6 пудовъ сала и 16 рублей денегъ; въ 1743 г. — показано израсходованныхъ только 16 рублей (изъ 53 рублей 24 коп., собранныхъ съ церквей епархіи).

Въ данное время (вторая четверть 18 в.) въ черниговскомъ коллегіумѣ было всегда 6 школъ, начиная съ фары или аналогіи и кончая риторикой. Упраздненія класса фары (какъ то случилось въ Переяславской семинаріѣ въ 1741 г.) здѣсь не было.

Вл. П—ко.

НІОБА.¹⁾

(Новелля).

ГЛАВА XV.

Зонынъ дневныкъ.

Стара бабуя чытае своеу двадцатылитнёму спіпому внукови дневныкъ своеи доњьки Зони, видъ уступу до уступу, объявляючи пры тимъ (забувши цилковыто на ёго прысутніст) свои думкы и розмірковування, такъ що дневныкъ зъ іи заміткамы мае характеръ якогось музичнаго діо.

(Зона): «Чытайте мій дневныкъ, моя далека, горемъ похылена мамо, чытайте мій дневныкъ! Упершe въ жыттю потребую я сповідныка. Але не такого, который подавъ бы мени религійну розраду, чы тамъ потишэння, а такого, который носывъ черезъ ціле свое жыття тяжкий хрестъ.

Я бувала завсігды въ соби замкнена, уныкала (хоча зъ природы доволи покирлыва) всякого хочъ бы и найменьшого упокорення — а остаточно... потребую сповідныка! Вы дорога, далека маты! Вы, зъ вашою горемъ прянгнобленою душою, та

---

1) См. К. Ст. 1905 г. № 7 —

глыбоко зарисованною лінією болю коло добрыхъ усть,—будьте вы моимъ сповидныкомъ, що прынявъ бы мою сповідь, потишивъ бы мене, а остаточно простывъ мени, бо чіёгось прощення я потребую!

Вы, моя далека мамо, зъ хрестомъ, що ёго наложылы на васъ ваши диты, а котрого вы сами неслы, будьте вы, мамо, моимъ сповидныкомъ!

(Бабуя, чытаючи, хытае смутно билою головою и говорить пивголосомъ):

— «Такъ, такъ, моя сумовита доню! я вже видчуваю, чому тоби сповидника потрибно. Ты потребуешъ мого благословенства до твоихъ терпинь, и не дурно звернулася ты до твоей матери!..

(Зоня). Вы знаете, мамо, яке выховання я отрымала, и зъ якою любовю и стараннямъ обдавалы мене тётя и вуйко,—якъ мене описля выпровадылы въ товарыство и, хотяй того николы не говорылы устамы,—леліялы въ своимъ серцю бажання выдаваты мене замижъ за якогось чеснога и образованного чоловика, найрадше за пытомца.

Тёти и стрійкови, особливожъ тёти, здавалось, що це мусыло бы для мене найлишне буты, бо звычайно воны зналы станъ духовенства, якъ и ёго добри и недогидни стороны.

Въ своимъ вильнимъ часи видавався вуйко (о скілько це ёму було можливо) де-якымъ студіямъ, особливожъ выучуванню чужыхъ мовъ, якъ тако-жъ літературы и поэзии. И не дыво, мамо, що я, чымъ ставала старшою и поважнійшою, стала ёго ученыцею. Особливожъ де-яки чужи мовы прысвоювала я соби, за ёго порадою и помочею, радо и охотно, що уможливляло мени описля пизнаваты чужу літературу. Це зновъ справляло мени завсигды таку ~~приемництвъ~~ и вдоволення, що я, хоча мы жылы ~~добрали спокійно~~, и бѣла ~~для~~ себе, не зазнавала николы нудьги и ~~насполас~~ самоты, якъ де-яки зъ моихъ ровесницъ и іншихъ ~~знаёмыхъ~~. Я любила самоту, мамо.

Въ ній працювалося и роздумувалося такъ свободно и легко, а наколы вона видъ часу оживлялася мылымы и товарыськымы знаёмымы, все выривнювалося въ гармоню и корысть.

Мени соромно, мамо, сказаты вамъ:

Я доволи завчасу зачувала, що моя врода сымпатична, та що я можу вважатись «добрю партією»; зразу не робило це на мене ніякого вражиння, хыба що спрвляло на хвилыну приемництво. Пизнійше ставало це мени прыкро и якогось рода тягаромъ, а часомъ просто и разило, и ображало. Я зрозумила, що у всимъ тимъ булы заміри и натяки па вуйковый маетокъ; а я, що маля въ такыхъ справахъ свои власни погляды, була въ тимъ напрями незвичайно вражлыва и горда.

Найбильше гнивали и ображали мене сами жenщины. Николы не смила я буты дотепнійшою цею або тое розумити липше, якъ де хто іншій зъ знаёмыхъ жинокъ нашого товарыства, або моихъ «товарышокъ», щобъ не видограла заразъ «спадщина» по вуйкови якусь свою ролю.

Остаточно довелы до того, що я стала видъ ныхъ стороныты, стала непривитна, замкнена и зблыжувалася радше до мужчинъ, довиряючи имъ скорійше, нижъ жинкамъ и дивчатамъ.

Але и мужчины не говорили правду, мамо!..

Брехали и nodи навить дуже ганебно... але, що найменше, не булы бодай таки вузкоглядни и завистни и прызначавали хочть, що въ мене бровы, барва усть и зубы не булы пидроблювани. Бо проты тамъ-тихъ я не була навить и зъ того погляду беспечна.

Наколыбъ я хотила вамъ розповисты, мамо, якъ поплыло мое дотеперишне жыття въ цилости, могла бъ я хыба сказати,— що до полудня була я титчынъмъ завидателемъ въ господарстви, себъ-то коморы, хаты и т. и., а по обиди—вуйковою ученыцею (вуйко взагали мало господаркою займався), товарышкою и «кам-раткою студій». Це булы мои наймыльши хвили, доты поки не настали инши, мени ще мылійши и пожаданійши...

Я начытала и навчилася багато зъ вуйкомъ разомъ; це змиркувала и зрозумила я ажъ тоди, колы стала старшою и мала нагоды пизнавати дивчать и женцынъ зъ іншихъ попивськихъ родынъ. (Хоча—нема де правды диты, мамо,—доньки нашого «духовенства» выховуются теперъ гарно и тонко, ихъ выховання трактується далеко поважнійше, якъ утрымують, прым., родыны «урядныкивъ», що мають себе все за щось лучшого и интелигентнійшого).

«Учыся и чытай и це и те, а пры тимъ и господарства не занедбуй, упомынавъ іноди вуйко,—колы мы въ бесиды сходылы прыгадкомъ на тему выховання жинокъ, ихъ становыська въ суспильстві, родыни, та проты селянського люду. Щобъ (мовлявъ), якъ станешъ колысь живкою священника, и, якъ Господь дасть, матерю, знала свои диты інакше выховуваты, якъ наши чесни бабкы и пррабакы, та мала інши поняття для видносынть мижъ народомъ и интеллигенцію, нижъ ихъ мае велыка часть нашої интеллигенції, що—або вже надто *«per-distance»* держытся видъ нёго, або, якъ не то, то вже до такої степени інтимна, що хиба лышъ за шыю обнимайся та цилуйся. *Перше—ёму корысти не прыспособлюе, а друге—розуму и хліба не дае.* Винъ мене добре вчывъ, мамо, и мудро. Прыйспособлявъ до жыття, але зъ другої стороны хтивъ, щобъ я і штуку *розумила*. Винъ дуже бье на те, щобъ наше жиноцтво було «хоча дрибочку» артыстычно выховане. Жинка (мовлявъ) безъ тончыхъ почувань—то якъ арфа безъ струнъ. А почуття, говорывъ, упляхетняется не лише самою наукою и знаннямъ, але и артызмомъ (себъ то штукою) и красою. Взагали прыпысуваў вілзызови штуки и литературы велыку и благородну сылу на выховання людства, особльво жъ на жиночу вдачу. И завше, мамо, якъ винъ оттакъ въ тимъ напрями говорывъ, ставало мени чомусь такъ добре и любо на душы и въ товарыстви ёго мыло, я була саме така (я це видчувала), якою була дійсно зз прыроды: гармонійна, мамо, и себе певна.

Я ёму багато завдячу, мамо, дуже багато. Свою интелигенцію и розумомъ выховувавъ мене, якъ знавъ, простувавъ зо мною до найлишого и найтошного.

Лышъ одного, мамо, я не годна була николы затаиты, або хочъ бы и лыцемирыты, а це въ тимъ, що я простый народъ не любыла николы, якъ це мене вуйко навчавъ, переповившы и ёго кровію пидлывшу исторію, котрои частки я ще и теперъ дорослою въ жытту бачу и розумю... Не могла и не можу, якъ слизь любыты, хочъ належу до нёго...

Одначе, мамо, выслушайте мене.

Не тому не люблю я ёго, що винъ поставленый въ суспильстви нызше, нижъ интелигенція, лыше я жахаюся передъ тымъ, що ще ѹє неестетичне въ нызшимъ народи, и не можу перемогти себе, щобъ зъ нымъ брататыся, якъ це чынить багато нашыхъ интелигентныхъ жинокъ и мужчынъ. Черезъ тое мае вуйко до мене иноди жаль, и бувае це точка огирченъ и суперечокъ межы намы.

Я, мамо, не можу соби порадыты, но и не вмію вси тіи «идеї» и почування, котрымы, прым., наша «молодижъ», а зъ нею и багато нашыхъ поважныхъ и умныхъ людей переймаются,— ставить на прапоръ борбы,—не вмію, кажу, переводыты въ практичне. Мени здається, мамо, що до того треба маты окремый даръ и хыстъ, а передовсімъ змогу перемогти себе.

И теперъ, колы я вамъ отце оповидаю, видчуваю я, що спрavляю тымъ не лыше вуйкови прыкрыстъ, котрый ѹє дійсно щырымъ народолюбцемъ и прыхыльныкомъ ёго, покладає стильно на мене, прыгадуючи и переконуючи мене за едно, що жинка мусыть также прыкладати руки до розвою просвity народа,—але видчуваю я, що и вамъ сиравляю тымъ прыкрыстъ.

Але що я тому вынна, мамо?..

Що се ѹє за вына?..

Це не ѹє зарозумилисть зъ моei стороны, мамо, о Боже мій добрый, певно що ни! бо сотню разивъ ставлю я соби питання; а щожъ таке есы властыво ты?.. Но въ слідуючій хвыли насувається мени ще и ось яке питання: «Для чого есы ты саме такою, а не такою, чи такою, якымы суть інди?..

О, моя далека, горемъ похылена маты! Якъ бы вы знали, колы я оттакъ про багато де-чого зъ жыття роздумую та розбираю, якъ глыбоко переймае мене чуття покоры! Я покирна, мамо, вже черезъ мое религійне выховання и що сама моя интелигентність сылує мене до скромности,—а по друге, я добре видчуваю, що —наколыбъ я хтила вже себе навити вважаты жевщицою «стылю»,—я все такы ще не йе довершенымъ тыпомъ, и щеничого въ жыття значнійшого не сповнила.

Та про те, мамо, я ѹе ще и ишою.

Що я по вашій думці за тыпъ, мамо?

Мамо! чы не було бъ воно липше зробити зъ мене вже зъ дытынства яку «ремиснычку» и выслати въ народъ, щобъ я попросту зъ моими спрацёваными руками прыучувала видъ хаты до хаты селянськи жинки до якого небудь ремесла?

Кому я можу, оттакою якою есть, корысть прынести? Жыття не вымагае ничего іншого, якъ саму практичність, саму одну практичність, зъ котрои выплывають дальние, неначе ланцюгъ, знову корысни результаты. А помыму того, дорога мамо, суть люде, що приходять, глядять тыхо зъ подывомъ на мене, прыслушуются такъ сама мовчки сёму або тому, колы я розговорюся,—и въ кинци кажуть: яка-жъ вона препарна!»

Мамо! я турбууюся сама собою.

Якъ бы вы знали, вы, що черезъ циле свое жыття не знали ничего окримъ журбы и грызоты и працы, а передъ ничимъ не жахалыся, хиба передъ правдывымъ зломъ, — якъ бы вы знали, якъ журюся я собою... а черезъ себе и за васъ...

(Бабуня). Я не знаю, моя доню, що тоби видповисты; я ѹе лише проста жинка, що у своимъ жыття не побырала багато, (ба навить жадной науки), и котрій выстарчало святе пысьмо одно. Та я лишъ видчуваю, що ты не поступаешъ въ слідъ твоєї матери. А себе за щось незвычайного, неначе за яку тро-
ичну рослыну уважаты—я остерегаю тебе, щобъ колись черезъ власну вину (себъ-то уяву) не прыдбала соби за-багато розчаро-

вання. Наколыбъ твій образований батько бувъ живъ и ты твою сповидь зложыла въ ёго душу, винъ бувъ бы тоби безъ сумниву ось якъ видповивъ:

— «Пиды межы люде, мое гарне, нижне дытя, помирь твои сылы и умыслови здатности на другихъ—и ты виднайдешъ себе. Виднайденъ и змиркуешъ, якою повинна ты буты. Тоби збудылася туга за твоимъ власнымъ багатымъ «я», и вона му- чить тебе и ты будешь тратыты дорогый часъ твоєї молодости на сами мрії та фантастычни пытання. Але вважай! Найкращи мрії и найглыбша туга не прычыняются ни на волосокъ до зросту и розвою людського духу».

Лыше чесна есы ты и покирна, якъ и прыстоить правдывій християнській женщыни, и це вспокоюе мене, и нехай тебе Господь удержане такою и надали. А що ты пидъ тыпомъ руськои жинки «стылю» думаешъ—я не разберу. Але держыся простоты, моя доню. *Поедынчон и чистои простоты*, а колы заховаешь гарне и чисте серце, то стыль выбьется на тоби самъ собою...

А народъ шануй! Гляды-бо! колы йдешъ въ лись, ты не застанешъ тутъ такого ладу, якъ въ гарно выплеканимъ и зъ розвагою заложенимъ саду,—та за те стринешъ ты въ лиси таку сылу и потугу, стильки несвидомои поэзіи и красы зъ першои руки, о якій въ гарно выплеканимъ саду иноди и не снять, а тоби иноди зъ подыву серце замовкне, и ты-бъ чымъ разъ глыбше и глыбше въ лись заходыла... Це—той нашъ народъ, моя доню!

Нашъ дыкій, некультурный, такъ часто погорджуваный и зневажуваный народъ.

Народъ шануй!!!

(Зоня). Мамо!

Колы мы любымо, а видтакъ предметъ свого боготворення не можемо бильше любыты, то це такъ само сумпо, неначе бъмы и николы не любылы,—такъ здается мени.

Той мужчына,—и я можу сказать значный, пожаданный и взагали шанований мужчына,—котрого вуйко и титка вы-

бралы зъ моихъ поклонныківъ для мене за мужа и котрому я вже слово дала,—якъ и бувъ винъ мени ще до-недавна все и всимъ,—винъ мени чомусь вже теперъ неначе не той ставъ.

Ни, мамо! винъ бувъ бы мени тымъ ще и теперъ, наколыбъ якесь заважаюче щось не стануло межы нась. Уперше чрезъ ёго завысьтъ, що пидмулюе за-едно ёго довиря до мене, а видтакъ черезъ ёго вже надто крытычни вымогы до мої особы. И все той страшенно практичный змысль, котрого той чоловикъ всимъ объявляє. Винъ прыводыть до розпукы!.. И це я повинна, и то я повинна. И такою я есть, а такою не есть; но Господь Богъ знае, якъ тутъ дійти до кинця! И пры тимъ запевняе мене (Олексою люблю я ёго называть), що любить мене до «безумства» и готовъ мене на рукахъ носити, щобъ я лыше була вдоволена и счастлива.

Мамо!

Становысько, яке винъ нездовго займе, оставляє мене доволи байдужою, хотяй то становысько моёго помершого батька и вуйка.

Винъ, покинчывши впередъ філософични студії, кинчає саме богословіє.

Але не объ тимъ хтила я говорыты.. О це мени тутъ не розходиться, лышъ о нимъ, яко чоловику, чы радше яко особистости.

Гляньте, мамо! винъ мудрый и чесний и те, що мы звыкли назвати въ жытту «порядный» и высшого образовання, якъ ни одынъ зъ ёго товарышивъ зъ нашого липшого товарыства, або и ёго ровесникивъ. Винъ прадюе надъ собою, такъ що просто змушує другого шанувати ёго. Лышъ що мене на нимъ, а опроче и на другихъ багатыхъ нашихъ «молодыхъ», немыло вражає, це те (мени о нёго, а не о ныхъ розходиться)— що винъ показує надто «киньське копыто прозы». И якъ-разъ тоди, дё я буваю найвраждливіша. Наколы бъ винъ хтивъ хоть крихитку зъ моєю вдачею погодыться, хтивъ зрозумити мене, не сульувавъ тилько до своихъ «принципівъ», не прыстосовувавъ на силу,—о скільки меньше тиней ставало бы межы нась!

Я жъ, мамо, добра и слухаю охотно, и я ёго шаную, и винъ подобается мени (мій золотоволосый); ба навить буваютъ, мамо, иноди хвили, въ которыхъ хтила бъ сама не знаю що, нижъ ёго втраты! Въ тимъ чоловикови йе щось, що мене сlyше ёго шанувати и цинкы и въ де чимъ ёго вчынки наслидувати. Я навить кажу, мамо, що мени не годенъ никто ёго заступити. Лыше бида въ тимъ, що своею вдачею разть мене иноди до глыбыны души, и завсигдя якъ-разъ въ хвили, колы моя душа видчынена прыймати same щось найтонше и найкрасше.

Оттакъ лобымося и мучымося мы вже бильше якъ два роки, тыхо и потайно, мамо. Бо обое хтилы мы, щобъ свить знавъ объ тимъ, що мы заручени; и зъ насъ мае вийти пара.

Наколы въ мене йе яке бажання, нехай бы воно соби и яке тамъ було дрибненьке й неважне, а сповнення ёго для мене same значить «счастя»; винъ не сповнить ёго николы (хоча бы и мигъ), тоди колы мени на тимъ залежыть,—доки не мыне впередъ кильки тыжднивъ и я зъ тузы за тымъ не перемучуся и не побlidню (це дрибный зъ прымиривъ «тактычного» ёго поступовання зо мною).

А колы вже мыне часъ муки, зъявляется винъ, сповищаючи, що ось-то мое бажання сповнено, и глядить, чы я радуюся; мамо, и ще «якъ» радуюся! Голосна и бурлыва мае буты та втиха, которую бъ винъ узнававъ за щыру, якъ іи вымагає (такъ винъ запевняє) «шырока українська натура»

А я вже не годна радуватися.

Вся моя енергія увійшла ще зъ-початку въ тугу за сповненнямъ того бажання, такъ що я годна ледви всмикнутися. Тоди винъ ображается, каже, що жадна жинка на свити не знає точно, чого и колы вона хоче;—вмовкає, а якъ ни, то значе о такихъ поверховихъ и буденнихъ ричахъ говорыти, що я, ій-Богу, не можу інакше, якъ въ такихъ для мене невыносимыхъ хвиляхъ за все те ненавидити ёго.

Часомъ мени здается, що въ ёго натури крьется своёго рода деспотызмъ, котрый не хоче узнавати вражлывійши вдачи и тому видчувае видъ часу до часу потребу—тую вдачу перемагати, або бодай доводыты до муки, що ёму очевидно спрвляє вдоволення.

О скильки я пидъ тымъ терплю, я не годна вамъ, мамо, сказать, и колы-бъ не булы зъ другого боку ёго гарни и цинни душевни прыкметы и ёго несказанно сымпатычна для мене осо-быстисть, мижъ намы було-бъ уже давно до «сценъ» прыйшло.

Але я пiddаюся тому, мамо, пiddаюся, щобъ не турбовать вуйка и титку. Бо проты ныхъ зъ якою скаргою на Олексу выступаты—значыло-бъ зъ моei стороны те саме, що найбильше проступство. Бороны Боже! Винъ то вже есть такою досконалостю зъ кождого погляду и такъ зовсимъ довершенній, що на нимъ нема ничего ни на волосочокъ схыблена. До того прылучылыбыся и ёго патріотычни здібносты и дила пидъ «розвагу», и я бъ вже тутъ напевно проты ныхъ всіхъ троихъ програла!

Яки мали и никчемни булы вси мои «вчынки» проты ёго патріотычнои працї! Яка маловажна и незначна моя будучнистъ, зъ полемъ працї, проты ёго будучности и дилъ!..

И це ѿ правда, мамо.

Я це соби и сама кажу, бо вуйко и титка надто мене люблять, щобъ мени те все явно говорыты.

Це ѿ сотню разивъ правою, але що я можу вдіяты, мамо? Що я можу вдіяты, що межы отцимъ гарнимъ чоловикомъ и мною ѿ щось, що мене видъ нёго помымо всёго въ де-якихъ хвиляхъ видныхае!..

Наколы-бъ вы моглы чуты и бачыты, якъ винъ провадыть себе межы народомъ, мамо! Вы бъ, хоть и яки стари, а напевно прыйшли бъ до ентузіазму.

Просто на рукахъ ёго носять,—такъ знае винъ до ныхъ промовляты и соби зъеднувати людей. Колы часомъ лучается, що винъ правыть богослуженіе вмисто вуйка, а видтакъ по служби

зачепыть цёго або того господаря на размову, якъ заразъ юрбою сходятся до нёго люде, неначе бъ тутъ котрый зъ св. апостоливъ зъявився и мавъ для кожного пораду и науку,—для кожного, неначе зъ-окрема до ёго потребъ и жыття, осибни слова.

И ёго поведення не ѹе пидроблене, мамо, ни. Воно правдыве, гарне и щыре, винъ самъ походить зъ-пидъ сильської стрихы, и тому въ нимъ нема зъ того погляду ничего фальшывого. А однакожъ, я не можу такъ видчуваты, якъ винъ,—хоча я добре бачу, ѹо воно (якъ каже вуйко) ѹе знаменыте и на будучніст «хосенне». (Вуйко пророчить єму колись посольство до рады державної). Я стою оподаликъ видъ всёго ёго патріотичного дила, прыдывляюся тыхо—и, нема де правды диты, я радуюся нымъ. Я жъ бачу чоловика, котрого я люблю,—винъ здатный, шанованый... винъ значный, одначе... одначе, ѹо це за несчастя, мамо, жые въ мени и моему пожытту зъ тымъ чоловикомъ загрожу? По сценахъ въ народи (иноди буваю я свидкомъ), прыходить винъ до мене — глядзть мени поважно въ очи, гладзть по лыщю, якъ малу дытыну, и пытае: «Якъ выдається тоби те все? Чы було добрэ?.. Чому ты не пишла межы люде, ѹобъ ихъ думку почуты? Ты можешъ це прецинь зробыты; ты-жъ тутъ въ себе дома и зъ людьми знакома. Имъ мыло, якъ проты ныхъ буваецца добрымъ и займаецца ихъ горемъ и втиху. Ты мусышъ завсігды такъ поступаты, ѹобъ познаёмытыся на-скризъ зъ клопотамы сильськихъ людей. Це навіть по-часты и твій обовязокъ. Не треба все такъ видсторонь держатыся и поводытыся холодно и вздержлыво. Мени це мыло. Яка буде разъ зъ тебе «попадя»? Поважъ сама! Ты мусышъ бильше до народа зблыжытыся! (и зновъ гладзть по щокахъ).—И я вже чымсь то немыло вражена и чымсь то видъ нёго видопхана.

— «Я це такъ не розумію, якъ ты, Олексо!»—звыняюся я; «я зроблю це або надто вызначно, ѹо люде ледве чы схотять по правди говорыты, або и зовсімъ не вчыню».

«Це не мудро»,—вилказуе винъ роздражнено,—«ты показуешь себе такою, якъ мійськи поверховни панны. Шкода лыше,

що называється попівською дытыною, и то ще дочкою значного священника, якимъ бувъ твій батько. Якъ образовани жинки и чоловики не внесуть свитла и культури въ темний народъ, то само эть себе воно мижъ нёго не ввійде. Я не розумію, на що може прыдатися тоби на сели все твоє образовання и очытання, якъ не на те, щобъ зъ нёго и други користували.

Иды! ты не подобаєшся мени ныни зъ твоими «зворушеннями» аристократизму. Не знавши твою чесноту и чистоту твоєї души, що не вміє лыцемирити, я-бъ иноди бравъ твоє штывне поведення мижъ людомъ за афектацію,—такъ немило враџає воно мене въ тоби мижъ нашимъ людомъ».

Пры тимъ вхопить мене такъ сильно за руку, що я зъ болю зойкну, оставляє на мисци и йде зновъ въ село, — неначе направыты на людяхъ те, що я мовчанямъ и своимъ пассивнимъ захованнямъ наброила.

Я остаюся засоромлена сама, хотяй по правди не маю прычины соромитися, бо я сказала ёму правду, не затаюючи ничего, и видчуваю выразно, що то, що мене споводувало поступати саме такъ, а не інакше, було не менше сильне и правдыве, якъ прычины до ёго поводиння.

Іноди здається мени, що колы-бъ те, що я зву въ нёго «кинськимъ копытомъ прозы», взяло надъ нымъ верхъ проты мене, винъ бувъ бы въ стани, помымо своєї доброты, чесносты и справедливосты, розпалывшияся, пидняты и руку на мене.

Таки уявлення, мамо, наводять на мене иноди безсонні ночі,—такъ дуже вражльвою буваю я иноди на ёго поведення. Винъ, розуміється, немає и поняття о тимъ всимъ.

А зновъ ёго роздражнє якесь «щось» въ мени, въ тій самій міри, якъ мене въ нёго «кинське копыто прозы».

Такъ буває деякими часами.

А іншими зновъ люблю ёго, мамо, такъ, що який винъ соби и великий та мицний, я-бъ ёго просто «проковтнула» въ свою душу. Такий симпатичний мени та потрибний для души,

а наколы-бъ, хороны Боже, прыйшло мижъ намы до розлукы,
я бъ була въ стани поступыты, якъ Лидія.

Чы це не любовъ, мамо?..

Це любовъ, бо винъ подобается мени, а ёго врода мени,
якъ кажу, несказанно сымпатычна, бо—гарный. (Винъ трохы по-
хожий на Ёсыпа, мамо, лышъ трохы вышый).

Наша любовъ, мамо, то щось такого якъ казка. Барвна,
повна надій и тревогы, повна суперечокъ, а може потрохы и
штучна.

Тётя радуется намы обома, неначе зъ нашымъ одружин-
нямъ отворытся и для неи якийсь тамъ «рай». Такъ дуже ци-
нить и шануе вона того человека, и такъ само и вуйко. Лип-
шого обеспечения (мовляютъ) не могла мени доля выробыты.
Чесный мужчына, интелигентный, тіei самой народности, що и
я, значыть и шанованый,—варунки прымовляютъ вси за сча-
стямъ. И я сама це бачу. Одно зъ нась ѹе доброю партію, мамо:
винъ, або я. Одно зъ нась обохъ ѹе тымъ певно,—але котре, я
не знаю вамъ сказать.

Я склоню лыше свою голову нызыко передъ вами и пры-
знаюся до якоись то выны проты моего человека.

Лыше вына тяжыть въ мени якоюсь *ще мени самій незнаёт-
мою тайною...*

Стильки кажу вамъ мамо.

Олекса и гарный, и добрый, и значный, и я ёго «люблю».
Але, мамо,—моя далека, горемъ похылена мамо,—прыйтіть мени
на помичъ!

Колы Андрушу, пьянаго, на-пивъ мертвого, ёго кони до-дому
волочуть, винъ не такой безпомичный, якъ ваша гарна, боготоворенна
донька въ де-якыхъ хвяляхъ своего такъ часто и такъ дуже за-
выдуваного жыття...

(Бабуня): Я чую, моя дорога дытыно, *що ты терпышъ; твоє
лыце чымъ разъ то бlidne й blidne, а очи твои, тіi мої*

прекрасни оченята, дывлются чымъ разъ сумнише впередъ себе.

Але въ жинокъ бувають иноди настрои, що ихъ такъ легко словами не розвieшъ. Я вже стара и горемъ похылена, можу тебе хыба до серця прыгорнути, поблагословыты и виддаты опеци Господній. «Виддай Господу Богу твою жыттёву дорогу», кажу я, а дали: «Зносы терпльво отце твое «ныни» за для будучыны твоей.

Мужчына, о котримъ разповидаешъ.. винъ... (я бачу) мудрый и чесныі, саме для жыття спосибныі. Ёго чеснота и разумъ не стерплять, щобъ ты мала въ жытту терпіты и плакаты.

Те, що ты называешъ въ нёго и другихъ «киньськымъ кошытомъ прозы», це зъ твоей стороны лыше пуста уява и химеры, а по правди нишо іншe, якъ твердый свитоіглядъ, котрый тоби бракуе. Ты надто вже въ добри и безжурности выховувалася и выростала, щобъ на жытту разумитыся. Наколы бъ якій выхоръ жыттёвыі надъ тобою звіяўся, ты-бъ або зламалася, або згынула зъ журбы. Та отю несчасну вражлывисть мусышъ ты старатыся въ соби гартуваты и прытуляты. Вона тоби,—особльво жъ въ пожытту зъ простымъ людомъ,—не выйде на добре и въ корыстъ. Якъ хочешъ ты, прымиромъ, зъ такою вражлывистю и тонкістю видбыраты видъ людей для прыходства даткы, котрыхъ и такъ тверезымъ чуттамъ... тяжко выдобуты. А ты будешъ мусыла це робыты, моя донцю; жыття, ба и досвидъ, прысылують тебе до того. Чы тётя поступае, може, інакше? А други, а и я—чынлы мы інакше?

Ни, моя дивчыно, ты поступыла твоимъ почуваннямъ и думкамы на якійсь... доси нетыканый намы шляхъ: ни я такъ не думала, ни старши сестры твои; жадне зъ моихъ дитеі не було таке, якъ ты!

Держыся лыше тогого чоловіка, якого тоби Господь надиславъ въ тимъ добримъ и чеснимъ молодци. Зрозумивши ёго зъ твоихъ оповідань на свій ладъ, я дякую Господу, що винъ звивъ васъ разомъ.

И не забувай, що винъ здобувъ те все, чымъ вже доси ѿ, власными сыламы. Твій обовязокъ твердо по ёго сторони

стояты. А передовсімъ будь добра, моя дытынко, будь доброю! Ты ще не знаешъ, яку вагу має доброта и смиреннистъ въ домашнімъ пожиттю. Правда, воно вже давно, якъ була я молодою и нареченою, але николи не було въ мене іншого бажання, якъ бажання въ твого батька.

Стережыся, моя доню! гляди на твою будучину и твоє счастья тверезымъ очима. Бо яка тоби остаточно корысть, якъ мовить слушно Олекса, зъ всѣго твого образовання и очитання? На що воно, якъ остаточно не на те, щобъ зъ нѣго набуты въ життю хисна? Яко будуча жинка священника, маєшъ ты передъ собою широке и гарне поле до праці, и ты мусыши працювати. Ты будешъ и дити мати, а воны прыведуть зъ собою для тебе горе и клопоты, бо зъ ихъ прыбуттямъ на світи руки и ноги не спочивають бильше.

Ты турбуешь твою матирь, моя прекрасна дытыно, такъ, якъ (я це замичаю мижъ твоими словами) турбуешь и роздражнююшъ твого судженого. Слухай ёго и йди въ слизь за нымъ, мовъ за учитеlemъ твоимъ! Ёго воля нехай буде и твоя воля. А народъ шануй и люби, бо интелигенцыя не йе ничымъ іншимъ, якъ лышъ ёго выцвітомъ,—а ты сама ничымъ іншимъ, якъ дрибна квітка зъ ії осередку.

(Слипий внукъ): Бабуню, бабуню! не говорить до неи такъ строго. Чы вы не видчуете іи потайный смутокъ? Подумайте и про іи душу! (По хвили задумы): опышить мени іи вроду. Якъ вона выглядае, колы іи вже вси находять такою гарною? Яки въ неи очи? Я ще не втративъ зmysлу до барвъ.

(Бабуя): Вона, мій сынку, высока и нижнои тонкости въ постати, и очи іи немовъ зъ небесной блакити выкроени и чорнымы віамы отинени, вельки и таки прегарни, выражомъ тузы и мягкости, що проты ныхъ не мигъ бы хочъ бы й хто холоднымъ устояться. И чорне въ неи волоссячко, що прылягае пестльво до іи живчыківъ и чола.

Лыше вона и моя дрибненька квіточка, що мени іи Господъ дытыною забравъ, булы соби таки подибни и гарни. Але колы

тá була бъ (колыбъ жыла) переминила хату видъ стинъ до горы,—ступае *отця* тыхо своею дорогою и справляе мовчки всимъ найлипшымъ, що ії люблять, смутокъ!..

(Зоня): Мамо! Отце мала я не-абы-яку суперечку зъ Олексою.

Винъ указувавъ мени на килькохъ дивчать зъ попівськихъ родынъ, що видзначалыся своею працею и співудиломъ въ народнихъ справахъ и выклыкалы послидними своими диламы, мижъ іншымъ агітаціямъ и видчытамъ, пбдывъ и похвалу цілої нашої окольцы.

— «Чому оповидаешъ ты мени це зъ такымъ сильнымъ прытыскомъ?»—спытала я ёго, видгадуючи вже и безъ того прычыну ёго меморій.

— Тому, моя мыла, бо мене гнивае твоя пасивність проты такой потрибной въ насъ діяльности. Чы ты соромышся тіёи народности, до котрои належышъ, що держышъ себе одсторонъ видъ всякого національнаго и патріотычнаго руху, та взагали видъ народнихъ справъ?

Ёго слова збунтувалы мене.—

— «Я не маю до того наименшой прычыны, Олексо. Въ мене нема лыше натхнення щось въ тымъ напрями робыты. А щось удаваты—до того немаю правдывого дару и почування (чы радше охоты), мени противно. Я не маю здібности до голосної, неспокойної працы, що бувае іноди переповнена и рижнымы ривножъ голоснымы сценамы. Ты жъ це прецинъ знаешъ, а по-мымо того лучышъ мене одинаковыми зáкыдамы. Оставъ то, Олексо,—зъ того погляду не буде воно иначе. Бачышъ, по-мымо того, що мене одушевлення и энтузіазмъ, якъ и взагали щыри й тепли порывання нашої патріотычної молодижи, часто до пбдыву порывають, то що до мене—я себе не можу перемогты, щобъ ни зъ цёго ни зъ того выступаты зъ себе и свою душу выставляты на оглядання.

— «Такъ?»—клыкнувъ винъ,—то це значыть въ тебе «ни зъ цёго ни зъ того», якъ яка учытелька йде въ народъ, якъ агы-

таторка, выставляючыя на небезпеченьства утратыты свою посаду, або, якъ то въ насъ бувае, буты (хоча часто и цилкомъ невынно) замкнено за «бунтивыцтво» народа и т. и.? Я справди цикавый, що мае властыво въ тебе значиня и выклыкуе пôдывъ, колы въ тебе все безъ вартости и ты дерешъ носа. Попивська дытына—и така безгранична зарозумилисть. Фу! Зоню!

Охъ... (додавъ зъ ненавистю) якъ я це въ тоби не терплю! якъ воно завсигды неначе вмысне мусить мене роздражныты и найлишый настрій попустыти. Ни, Зоню, це не дасть доброго звуку мижъ намы, колы ты таке не покынешъ!

На таке я добре зворохобылася.

— «Вы вси хотите заразъ одушевлення»,—почала я боронитися,—заразъ «музыку, спивъ и тосты», чы то дило йде вже справди про щось поважнє й далекосягле, чы тамъ про мизерный выборъ якого, часто въ дійсности незначного; человека на посольство,—вамъ все одно! и выстарчае, щобъ виступати зъ себе и одно й друге оклыкати, якъ велыкий здобутокъ на будучнистъ!»

— «Я не знаю, Олексо», додала я запановуючи надъ собою, завважывши, що ёго очи заблестили злисто,—«я соби не можу порадити, але мени не здаются наши дила, праця и здобутки доволи велыкими и далекосяглыми, и вже такими незвычайно культурными, щобъ могла зъ энтузіазму зъ себе ажъ «виступати». Хоча, зъ другого боку, посидае нашъ народъ прыкметы й характеристични черты, що своею красою й силою подибныхъ соби не мають.

— «Скажы мени, прымиромъ, Олексо», говорыла я,—«чи тебе не зворушували николы велыка щыристь, наклинъ жертвувати себе для другихъ и даръ прыстосування до всёго, хоча-бъ и найтяжшого, у нашого народа? Не зворушувавъ ёго непереможный наклинъ до поэзії, мягкости й чутливости, ёго препышна музикальнистъ, котра и на смертельній постели не хоче випускати лиру зъ руки?

Мене це все въ нашого народа страшно зворуше и привязує до нёго.

Бачъ? одного разу...—це мы ще тоди не зналися—перебувала я зъ титкою далеко, далеко на чужыни. Въ чужыни, котрои народъ зъ старыннои культуры кышивъ, а зъ богацтва и просвіты неначе духъ запыравъ.

Колы мени, пры огляди на те багацтво и культуру, станувъ мій народъ, въ своимъ невымовнимъ убожестви, утыску и занедбанню передъ душою, колы я згадала его злыдни и нужду, що сильувала сотки ёго покыдати свій шматокъ земли, управлюваный століттями его кровю, та йты за-для лишнихъ днівъ въ чужыну черезъ море,—тоди, вирь мени, Олексо, мала я таке почуття, неначебъ мени прычувався десь надъ мою головою жалький спивъ видлитаючыхъ журавливъ, и я мымоволи мусила держатися, щобъ не опынтился на мисци, не пидняты и не просыты видлитаючыхъ остатыся на свой ридній землі!

Вирь мени, Олексо! неразъ була-бъ я роспростерла рамена, и благала тамъ въ далекій тій чужыни:

«Приходьте вы вси, велыки и потужни, вы, освичени й насичени, подайте отцимъ нуждарямъ помичну руку, станьте имъ до помочи—выдобутыся зъ багна, въ котримъ мучатся соткамы лить, до людського гідного жыття. Воны носять, ривно вамъ, въ своихъ грудяхъ скарбы, глыбокій й гарни и таки правдыви, що колы-бъ вы пизналы ихъ глыбше, подалы-бъ радо помични руки та стали хоронителемы тыхъ прынаженыхъ и покривдженыхъ въ своихъ людськихъ правахъ.

Такъ, Олексо, видчуvala я и видчуваю й теперъ, и колы тоби це не выстарчае и не ѹе доказомъ, що я до свого народу прыхильна и мени на ёго добри залежыть, то це не споводуе мене крывыты свою душу и вдачу, и щось удаваты, до чого не почуваю себе здібною и чымъ я не-їе. И це не могло бъ и тоби буты пожадане, вже черезъ те саме, що було-бъ перемишпане зъ лыцемирствомъ!

Попередне, що я замитыла (про энтузіазмъ и т. і.), видношу я до молодижі и говорыла я це не разъ и до свого серця. Пра-

цийте,—кажу я, Олексо,—умыслово, «ризьбить» надъ собою, не тратьте ваши сылы й засобы на чужыхъ, багныстыхъ мисцяхъ велыхъ мистъ. Вы корыстуйте свои сылы въ себе дома. Пере-проводажуйте ваши студі, де-бъ вы ихъ и не побиралы—въ риднимъ краю, чы заграныцею. Збагачуйте свого духа наукамы, штукою и досвидамы велыхъ умивъ. Ушляхетнююте ваше поведення тонкымы звычаямы, лышь все те не майте лышь для того, щобъ (якъ колысь осядетеся вже въ себе дома, на ридній земли) пустыты въ блаженне забуття, заколысуючи себе тымы нибы гарнымы «спомынамы» до тупого жыття, мовъ до сну.—а майте вси свои культурни здобутки для того, щобъ обернуты дома все въ практичне.

Але мы чымъ небудь задоволени и бида наша въ тымъ, що намъ бракуе вытрывалости, пыльности.

Не тои пыльности, Олексо, видъ ныни до завтра, лыше тои, що встоюется невсыпущо *литами*, бувае завсигды однакова и гармонійна и сама одна творить велыке й трывале.

Ни, Олексо, не украшуймо себе самыхъ, бо це не выходить намъ все на добре. Мы мусымо те, що въ насть ѹе мызерне й погнyle, зъ себе скынуты. Власный нашъ энтузіязмъ и захватъ надъ власными нашыми диламы и працею не дастъ намъ культуры и липшої будучности, не допровадить до идеалу.

Ще одно. Не выносимъ такъ легко и охочо нашу даровы-тистъ и духови здиности въ таборъ противныкивъ, бо зъ часомъ могло-бъ лучытыся, що не зможемо и нашу власну барву назадъ выдобуты.

Въ насть ѹе гарни чоловики, Олексо, и «гарни жинки»—додала я. Лыше одnymъ и другымъ бракуе руки артысты, щобъ ихъ допровадыла до ѹкинченности, выризбывши гарне й красне, що въ ихъ ѹе до тонкости стылю. Тому, Олексо, я мала-бъ ще стилько сказать; часамы бувае моя душа така переповнена рижнымы думкамы, що мени въ голови роятся, лышь я мовчу, бо знаю,—це, що мною володіе и вырывається на уста, тоби не въ смакъ, и ты еси въ тимъ напрями, якъ бувають изоди

матери, що не хотять про хыбы своихъ дитей чуты, тому, що це ихъ диты...

Мы есьмо ще въ розвытку и въ дорози до культуры, и тому мусымо ще багато де-чого зъ свого ества скынуты, а іншого набуты, щобъ дійти до тыхъ самыхъ результативъ, що други народы.

Все те вымагає праця жертвы, а *передвчасне одушевлення оставымо!*

— «Дывысь, дывысь, Зоню! що за резонъ выявляють ныни твої звычайно строго мовчазни уста. Справди, це не ѹе нищо інше, якъ лыше гарни слова», сказавъ винъ,—котри тебе, сказавши по пры тимъ, украшають, а бильшъничого! Та все я-бъ тебе и за це поцилувавъ! («кинське копыто», мамо! «кинське копыто»). Але скажы мени ще,— почажъ дальше, колы я, стоячи передъ нымъ, не мала охоты говорыты дальше:— «Скажы—чы була-бъ ты въ стани зреクトися твого теперишнёго выгидногого жыття за для переведенія якои тамъ ідеи въ якимъ небудъ народнимъ интереси? Въ теорії бувається заразъ зъ всімъ готово, и въ той спосибъ бувъ вже не оденъ діяльнымъ героемъ, сказавъ до всего радо «такъ и аминь». Але въ практици показалася его праця дуже мизерна...

— «Такъ, Олексо, видказала я,—«колы-бъ ідея, для котрої я-бъ боролася, переймала мене до такої степени, що становила-бъ змистъ моєї души, становлячи зъ глыбиною моєї душы одно, въ такимъ рази я бъ, може, й була въ сили зробити такъ. Але на мою думку, тоди воно й не було-бъ ніякимъ геройськимъ вчынкомъ, о якихъ мова, а чымсь такимъ, що выпливало-бъ само зъ души и було-бъ тому прыродне!»

— «Бачъ, це доволи интересни видкрыття, котри я ныни на тоби роблю»,—обизавався винъ,—«я не бувъ бы цёго никомъ видѣ тебѣ сподивався, не бувъ бы николы тримавъ тебе за здібну до геройськихъ учынківъ,—мижъ тымъ колы ты»...

Я усміхнулася.

«Такъ, бо ты, якъ и багато іншихъ зъ нашыхъ и не нашыхъ, хочете, щобъ все заразъ виносилося на голосный «ярмарокъ» и було або хвалене, або ганене.

Але ще ѹє люде, котри працюють такожъ и зъ самого самоповажання мовчатъ,—надъ тымъ не заставлялася мабуть твоя дума николы...

— «Я ще не знаю, Олексо, яки вымоги постановыть жыття до моей особы, одначе будь перекопаный,—додала я,—що колы-бъ воно жадало жертвъ и зречения, вони ихъ видъ мене одержыть; але будь певный, що це станется безъ «музыки й шуму»! бо «тосты» не въ-пори, якъ и взагали всякий «галасъ» мени до глыбыны души противни!»

— «Такъ, такъ»,—сказавъ винъ зъ легкымъ глумомъ,—«я знаю, що вы посидаете (килько й було васъ всіхъ разомъ) особлившій даръ каличыты свою долю власными руками, помимо того, що були-сте зъ природы такъ добре вси—сказати-бъ—«выпосажени», и вамъ не бракувало въ жытту й рижныхъ счастливыхъ прыпадкivъ. «Ты тако-жъ»,—додавъ зъ дивнимъ поглядомъ па мене.

— «Одначе ты зъ твою умиркованою вдачею и хоробlyвымъ змысломъ для всѣго, що «особливше и выбране», ты ледве чы ришилася бы до того сповныты який небудь геройський вчynокъ, а то хоть бы й зъ той прычины, щобъ не звернути на себе увагу другихъ. Я-жъ тебе добре знаю. Або якъ ни—додавъ твердо—то выconaешъ въ затышку яку хоробlyву, безкровну штуку въ жертву «краси», котра хиба по твоїй смерти стала-бы голосна»...

— «Зъ чымъ зновъ ты не згодишся, Олексо?—правда, що ни?—докинчыла я глумливо, впадаючи ёму сміочися въ слово.

— «Ни, Зоню»,—видповивъ винъ,—«бо я піякыхъ захованыхъ геройствъ не терплю и не зголовися-бъ на тее, щобъ о тоби, якъ о моїй жинци, було говорено глумливо и зъ усміхомъ на устахъ. Мое имя, хоча и яке скромне и походяче зъ-пидъ сильской стрихы, дорожче мени надъ геройськи жиночи вчynки, хоча-бъ и въ жертву «краси». Я чомусь гордий па свое имя, Зоню; замить це соби!»

Я розсміялася.

— «Бачъ, який ты боягузъ, Олексо! — не могла я вздержатыся, щобъ не сказать ёму. «Мы деспотуемо покы що мирно и сперечаемося, щобъ ввесты наши души въ «оборотъ», а ты вже тримтыши за твое «имя» передъ геройськымъ вчынкомъ, який мавъ-бы буты выполненнымъ якымсь «щось» въ мени. «Не бійся, Олексо», — додала я все ще нервово, — тее «щось» въ мени, не симпатичне тоби, воно лежить ще спокійно зъ зложеными крыльцями въ мени, ёго хвилиша ще не прыйшла. Окрімъ того, уплине ще доволи часу, закымъ стану твоєю жинкою... а до тієї поры...

— «До тієї поры», — перебивъ винъ мени мало не брутално, — роздумає соби те «щось» въ тоби ще багато разивъ, що буде для нёго користнійше: чы прысвоиты соби практычного зmysлу, чы... «Винъ урдавъ и замовкъ.

— «Оставлю сю пусту балаканку», — сказавъ видтахъ — «бо до якогось путнёго кінця не дідемо й такъ, и шкода лише того доброго настрою, котрого внисъ я ныни и котрого ты зъ твоимъ высокопарнымъ полетомъ твоєї фантазіі попсуvalа. Я волю тебе, колы ты здаешъ титци твої господарськи справоздання, чымъ...

— «Чымъ колы тоби свою душу видкрываю, Олексо? — спыталася я.

— «Про мене, нехай буде й на твоимъ!.. И колы бъ въ тебе, Зою, не булы таки гарни очи, що чоловикъ пишовъ бы за нымы мовъ ослиплений и въ воду, я бъ»...

— «О ты одынъ — не пишовъ бы за нымы въ воду, Олексо! — докіпчила я скоро, вмісто нёго, речення: — «хоча и який ты соби тамъ видважний и неустрашимый, але отце ты певно бъ не вдіявъ! До такого вчынку була бъ вже скорійше я здибна!»

Бачите вы це, мамо, и вважаете?

Воно підносить чымъ разъ выше и выше свою голову межы намы. А тоди стаю я на стилько сильнійша, на скильки винъ мене до крайности доводить. И въ такихъ хвиляхъ стае мени зовсімъ ясно, що мій братъ оженився, помимо всякихъ грозьбъ

и благання, помымо всякихъ упимнень, зъ своею Рутьею, а Андруша и вси прочи поступылы все такы такъ, якъ ихъ вну-тришній голось, добрый, чы лыхый, наказувавъ.

Молитеся за мене, мамо, молитеся!

Мени такъ тяжко на души, такъ сумно, а чоловикъ, за котрого маю выйти, такой спосибный и чесный, такой въ понимъ значиню слова гидный, а помымо того...

Чы вы чытаете мій дневныкъ, моя далека, горемъ похылена мамо, чытаете?..

Чытайте.

Округъ мене смутокъ и осинъ.

Били, фioletovi й червони хрызантемы стоять вже въ понимъ цвiti. Небо йе сyne и чысте, а помымо того, тхне щось въ воздуси смертью...

Бабуя хытае болизно головою, а видтакъ опускаочы іп покирльво на руку.

— «Такъ, такъ, моя доню! я молюся за тебе, бо отце добре видчуваю, шо тоби потрибно материинськои молытвы. Я`жъ и бачу вже, якъ несчастя, котре ты сама лышъ неясно видчуваешъ, розвывається коло твоей истоты. Твій суженый мае слушнистъ, колы каже, шо вси вы покаличылы власною рукою свою долю. Це дійсно правду винь каже.

Але якымъ чыномъ мала бъ ты ёго покаличыты? я не годца соби навить уявиты, хоча есьмъ доволи багата на рижни до-свиды въ жыттю.

Твое несчастя зачувае лышъ мое перемучене серце, бо такъ, якъ вже ты маешъ вси варунки до счастя, мае ихъ ридко хто колы въ жыттю, а зъ моихъ прочыхъ дитей не мало жадне.

И вмисто того, щобъ маты душу завсигды звернену на тее, звидкы воно тоби прыплывае, хто про те тёперъ дбае, и на будуче буде дбаты,—сталыся твои очи и змыслы крытычными.

Зоню! я ганю тебе за це строго, бо що твое старанне вы-ховання допровадить до такихъ результативъ въ поглядахъ и по-

чуванню, не булы бы справди а ни я, а ни тётя (и певно ѹ вуйко,—колы вже завважывъ), не сподивалыся.

Бачъ, що я тоби скажу, хоча и якъ терпко и немыло буде воно тоби звучати.

Поважай того чоловика, котрий стане борше, чы пизніште твоимъ мужемъ и паномъ. Не чыны николы таке, що могло бъ ёго розизлыта, або невдоволыта. Знай, николы не вносить жинка забагато податливости, а забагато доброты въ подружне жыття; и николы не выходила гармонія тамъ, де жинка ишла лышъ за своїми поглядами, не пиддавшися остаточно... умови свого чоловика.

Одначе колы ты будешъ жадати багато оглядности для твоєї вражливой вдачі, воно не допровадить мижъ вами до добра и сталои гармонії. Старайся позбутися того, о чимъ миркуешъ, що воно ёму не по души, а твої думки и змыслы звернуты, якъ ёму це пожадано, па практични дила, тымъ бильше, колы бачыць, що винъ цинить практичність и таки-жъ погляди и дила въ жинки бильшъ, якъ проче.

Не прывязуй душу до надто фантастичныхъ и високихъ ричей, чы ідей; нехай бы вони соби булы въ теоріі хоть и яки гарни та прывабlyви, хоть яки добри и артызмомъ натхнени, вони все-таки не мають ничего спильного зъ буденнимъ, тверезымъ жыттямъ и суть далеки видъ всякої тверезої дійсності.

Зоню, це правда, що чоловикъ повыненъ багато чынити зъ самоповажання, але винъ повыненъ все маты питання на думци,—чи въ тимъ, що винъ діє, лежить такожъ и практичність.

Жыття, зъ своею старшеною повагою, горемъ и невтомимостю, довело мене до такихъ заключень, а що я тоби въ моимъ вику не можу вже стати пидпорою и помочею, то можу зъ тобою подилитися хыба моимъ поважнымъ досвидомъ. Я знаю, що вони такымъ, якъ ты, мій голубе, не по души, одначе знай, жыття зъ обставинамы йе паномъ надъ намы, а ще мы сами, якъ це иноди омыльно утрымуюмо.

Стережыся, моя дорога дытынко, щобъ твое власне нутро не сталося пропастю твого счаствя. Я молю тебе объ тимъ и журюся тобою, видчуваючи выразно, що тее «щось», о котримъ заедно згадуешь и що здіймае голову гризно межы вами, забирає въ твоєї душы першый голось.

Винъ не ѹе сильный и жестокий, але винъ ѹе пануючий и выразистый. Мабуть, бувъ и винъ тымъ факторомъ, що видріжнявъ тебе такъ выразисто видъ моихъ прочихъ дитей, и звертає тебе на іншу дорогу, якъ може на счастlyву.

А и погляди Олексы, що до національныхъ справъ, старайся вырозумити. Вони суть здорови, дытынко, и я бачу, що винъ народъ и життя, на скілько єму це єго викъ и часъ позволяютъ, знає...

Держыся єго, бо зъ нымъ вступишъ въ те життя, що кишишь не счастямъ и роскошю, а слёзамы, смуткомъ и розчаруваннямъ.

А по сїй мови, нехай тебе Господь хоронить, моя дорога дытынко, и знай,—твоя стара, горемъ похылена маты клонить свою билу голову до-долу и буде святу землю цилувати и дотыкати іи чоломъ, въ мольбахъ о твое счастя...

(Слипий внукъ):

«Вы бачите якесь несчастя коло іи истоты, а я видчуваю, що вона ѹе лыше незрозумило для звичайныхъ людей.

О, моя прекрасна тётю, якъ же я люблю тебе!»

(Зоня):

Мамо!

Вже мисяць мынувъ, видколы той «чужынець» заходить въ нашъ димъ. Винъ (наколы це васъ займе, ѹе профессоромъ рисункивъ), теперъ на видпусти и у нашого дидыча въ гостяхъ. А позаякъ займається малярствомъ, а часто и портретуваннямъ, то, перебуваючи тутъ, и портретує дидыча.

Винъ ѹе сынъ одного вуйкового шкильного товарыша, пимца. И не знаю, чы тому, чы може тому, що винъ пимець, а вуйко

до тои мовы (якъ самъ иноди говорыть) ще видъ шкильныхъ часивъ видносится сымпатично, тожъ прыгорнувъ того человека такъ до себе, що титка вуйкови просто закыды робыть, що буцімъ то винъ увесь за-для якогось чужынца», «мазайла», который не то що не займається нашымы народнимы справамы (хыба поверховно), але павить и нашою мовою слабо володіє.—А вуйко помымо того перенявся нымъ такъ тепло, непаче бъ винъ бувъ ёго який улюблений своякъ.

И господарку, каже, занедбуе и робитныківъ .. (хоча вона, по правди, найрадше всёго сама доглядае, щобъ вигъ здоровъ шанувавъ), а все черезъ того якогось «чужынца», все черезъ «германистику», въ котрій не то що, а «розлюбився».

А той професорт, «чужынець», мамо, бачыть радо, колы вуйко забирається супровождаты ёго въ ёго «артистычныхъ проходахъ», пидъ часъ котрыхъ збирае винъ соби матеріалъ зъ нашої околыци и людей, нарисовуючи па-борзи рижни эскизы и мотывы, и дякуе кождымъ разомъ вуйкови щыро за провидъ, поясненія и всяки інши дрибни услуги, котри ёму вуйко робыть. Иноди вертаються обыдва въ такимъ добримъ и веселімъ настрою зъ своихъ проходивъ, або колы вигъ вуйка зъ двору до дому провадыть, що титка, хочай якъ морщыть чоло на выдъ чужынца, бачывши добрий настрій обохъ, сама добріє, и «ненавистного» чужынца на свою пышну каву прыдержує.

Той чужынець, мамо, хоча видъ Олексы лыше на килька роківъ старшый, робыть черезъ свою повагу вражиція, немовъ бы бувъ видъ него бодай на цилыхъ десять роківъ старшый. И колы бъ не ёго гарный и мылый смпхъ, якымъ розсмивається иноди, вражаючи нымъ незвычайно мыло,—можна бъ подуматы, що той человекъ, або за-едно чымсь то грызется, або що ёму лышъ недавно померъ хтось дорогий и ридний.

Що до мене, то я маю въ ёго присутности таке почуття, непаче бъ мижъ намы пробувало щось значучого; я тутъ не маю на думци ёго особыстись *верхъ беручого*.

Я зворушуюся, стаю маломовна, радуюся, колы винъ видходить, и лякаюся, дизнавшыся, що ось-то винъ обицявся зновъ «прыйти».

Я такъ лякаюся, мамо, іподи ёго прыходу, що часомъ зныкаю куды-небудь зъ дому, щобъ лыше зъ нымъ прывиту уныкнуты.

И винъ интелигентный, той чужынець, мамо, и стоять духово зъ Олексою па-ривни, лыше колы интелигенція ёго есть, сказала бъ я, характеру бильше хаотичного, интелигенція Олексы,—навпроты,—есть ришуто отяжило.

Ты чужый мени, чужый!—тыспется мени въ ёго присутності мымоволи на уста,—чужый, и стоишъ такъ далеко у всилѣ видъ мене, що межъ намы нема, мабуть, а ни одної точки, въ котрій мы бъ щыро порозумились и въ щыримъ порозуминню моглы бъ соби руки податы.

Чы тата видчужаюча стина походить видты, що винъ належыть до народности въ культири мало вже не довершенній и ёму все те, шо нась переймае, для нась ѹе ще важнимъ и великомъ, выдается не достоважнимъ и хосеннымъ (хоча я и того не зовсімъ певна, и це зъ моєї сторони павить невыразный здогадъ),—чи походить вона звидты, що винъ ѹе артистою и ёго думки зверпени звичайно на цілкомъ інши предметы, нижъ я це звикла у своїхъ знакомыхъ бачыты,—чи врешти ѹе це быстрота ёго ума, котрою можна мени завсигди трохи мою особисту видвагу видобрать,—досьть, що я буваю заполохана проты того въ ґрунти гарного та мудрого человека и не зовсімъ можу запалуваты надъ собою передъ нымъ. Ище одно, мамо, (не описуючи замъ ёго вроды, бо жъ це, якъ и ёго паззысько, для васъ не важне) мымоходомъ замичу. Отцей чоловикъ має львиши очи. Чы можете вы соби те уявити? Це видимо часто у людей, лышь поривняння не впадають намъ заразъ въ-вичи. Але... щобъ вы мене ще липше зрозумили, винъ має очи подибни якъ тіи велики полёви собаки, що перележують іподи годинамы на земли перухомо, не звертаючи пры тимъ зъ нась своїхъ вирныхъ очей...

Мижъ тымъ колы Олекса йе дуже гарный на вроду, есть цей чужынець (винъ темноволосый и тонкихъ очертивъ лыця), черезъ свою быстроумнистъ, легкость и елеганцію въ поведенню, майже непереможный.

Мени здається, що це послидне и есть головною прычыною, що настроюе Олексу проты чужынца недовирчыво, хоча винъ не може ёму а ни однои некоректности довести.

Чоловикъ цей есть заповаженый и посидае падто добре выховання, щобъ ёму можна щось, хочъ и найменше доганне, закыпуть.

Колы заженутся иподи обыдва въ диспуты, маю я таке почуття, непачебъ воны поборювалы несвадомо одыпъ въ другимъ щось кождому зъ ныхъ незвычайпо важле и значне, що—я не розумію, хоча темы, котри зачипають, не бувають зовсімъ и завше таки святочно новажки, якъ бы це хто утрымувавъ зъ ихъ бесидъ, интонацію голосу и розпаленыхъ очей.

Колыбъ не новага и тонка доброта цёго чоловика,—що й здається буты головною чертою ёго характеру,—обыдва тіи чоловики не розходились бы николы такъ мырно, якъ це звычайно буває пры кинци ихъ стричъ.

Такий йе опъ-той професоръ («чужынець», якъ титка ёго назавсигды прозвала), мамо, котрого знаю вже цилый мисяць и про котрого буду вамъ ще й дальше пысаты,—бо моя далека, горемъ похылена мамо, буду *мусила* пысаты. Лыше не знаю, чы я ёго добре, цебъ-то по правди, характеризую, бо, опысуючи ёго, не могу освободытися одь вражиния, яке полышає ёго истота за кождымъ разомъ на мени...

Мамо!

Вдома постановлено, що професоръ має портретувати вуйка, а писля, наколы ёму ще доволи часу остане,—и мене. Це послидне постановлено на спеціальне бажання титки, бо Олекса йе, зъ прычынъ намъ ще невидомыхъ, тому противный.

Винъ часамы такый чудный,—хотя й я стараюся ёму
хочабъ и найменше бажання зъ очей видгадаты. Может я
не була ще николы проты нёго така ввичлыва и добра, якъ
теперь.

Часто не показуется въ насъ и тыжнямы.

Каже, що прыиде вже въ свій часъ по мене, и я нехай
лыше пыльно прыучуюся коло титки «господарыты».

Це послидне гиивае мене зъ ёго стороны, бо цилкомъ
лышне—робыты мене уважною на таке, тымъ бильше, мамо, що
въ мене йе щыре стремлинія осипуваты соби идеальне до-
мивство и родынне счастя. Взагали я бунтуюся, якъ мене хто
на мои обовъязкы неначе «навертае». Я все вчыню сама, все...
лыше нехай я маю волю вчыцьце це добровильно, изъ власной
иніціятывы, а не черезъ насыльство и наказы.

Такъ ведется мени зъ Олексою.

А однакожъ, мамо, однакожъ... тужу я въ-деякыхъ хвыляхъ
такъ дуже за пымъ, бажаочы соби якъ найгорячайше ёго пры-
сутности. Мени здається, неначебъ винъ повыщепъ якъ разъ *теперъ
не занедбуваты мене.*

До чого хоче винъ мене своею силою прысылуваты, цебъ-то
доцровадыты?

Але вы знаете, який винъ йе, и тому, що я соби цёго ба-
жаю, винъ зъ самои упрямости цёго не зробить. Богъ знає чому
воно укладается якъ разъ теперъ такъ чудно, що винъ лышъ
ридше до насъ зайизджкае...

... Пры портретуванию мушу я буты завсигды прысутною,
бо вуйко любить мене пры соби маты. Бодай щось шыты мушу
я въ тій кимнати, а прысутною мушу буты.

И я радо пересыджую пры тыхъ сеансахъ, бо воно бувае
мыло прыслухуватыся тому, що «чужынець» оповидае. И винъ
оповидае интересно й багато, бо подорожувавъ доволи багато, и
чувъ и бачывъ не одно. Часамы пытае винъ мене про цее або
тее о мою думку, и мене радуе, колы винъ зъ моими поглядами
згоджується, або бувае зъ моеми видновиди вдоволеный.

Килька разивъ прыносывъ мени де-яки свои ескызы и рисунки, та выпытувавъ, чы вони мени подобаються.

Де-яки подобалыся мени, шо правда, дуже, а про де-яки, шо выдалыся мени зхыблени, або не досыть умотывовани, я казала ёму прямо свою гадку, а часомъ и радыла зминыты въ ныхъ де-шо въ цей або той спасибъ, або и закынуты гадку цилковыто.

Винъ не видновидавъ тодиничого и забыравсь патомистъ назадъ до своеи працы.

Але по якимъ часія писля того сказавъ вуйкови, шо въ мене ѹе дуже багато змыслу для штуки, и шо я ришучо артыстычно основана вдача, и колыбъ винъ не злавъ, шо я заручена, винъ зробывъ бы вуйкови и мени пропозыцю, щобъ я брала въ него лекціі рысунківъ.

Колы ѿму вуйко на те одповівъ, шо я вже може и за-
килька місяцівъ стапу жинкою Олексы, винъ сказавъ, шо Олекса
може буты гордый своимъ выборомъ. Що стильки гармонійної
красы, душевной и зверхної, не лучалося ѿму ще въ жыттю
стричаты и шо це радуе ѿго незмирно, шо сміє мене портретуваты.
Мій портретъ (каже), зъ котрого зладыть соби описля
копію, буде въ ѿго збирци найкращою студіею.

Колы мени тік тіи ѿго слова переповила, я не була въ
сыли хоты бы и однимъ словомъ на те видновисты. Але я ра-
дувалася, моя мамо, я радувалася такою шаленою втихою, не-
начебъ тіи слова становылы для мене якыйсь скарбъ, и я зъ
якоись-то утихы себе не чула!..

Бачыте, мамо! Колыбъ винъ зачысловався до гурту моихъ
поклонникивъ, воно бставляло-бъ мене байдужною, якъ бого-
творення моей особы не однимъ иишимъ поклонникомъ; але
тутъ зворушылы мене отци слова до самой глыбыны моего ества.

... Цей чоловикъ, мамо, цей «чужынецъ», винъ стоявъ таکъ
далеко видъ мене, бувъ такъ далеко видъ того, щобъ зблыжата-
ться до моей особы въ який небудъ спасибъ, або здобуваты соби
мою ласку, шо мене гарна похвала цёго тоцкого и доброго чо-
ловика наповнила самымъ счастливымъ почуттямъ.

Я кажу павмысне «доброго» чоловика, мамо, бо теперъ я вже знаю, яка безграницна доброта крьется въ нимъ.

Ни, мамо, не лыше Олекса выробывся власнымы силами на те, чымъ ѹе, але и винъ... и винъ пипловъ одышоко власнымы силами вгору. Але видтакъ саме въ посередыни юго праци змишылася юго доля. Ёго батько померъ, осталася маты зъ трёма незабезпеченными доњкамы, и винъ, що жывъ и дыхавъ тильки штукою, перервавъ малярськи студіи и перебравъ мисце профессора рисунківъ пры одній выщій школі, щобъ маты можливисть утрымувати матиръ и сестры; а зъ своею малярською карьерою... попрощався.

Зъ тои прычыны разбылышя и юго заручыны зъ одною красною и доброю дивчыною, котру дуже щыро любывъ. И міжъ тымъ якъ вона стала жинкою другого, пишовъ винъ «въ робитныки» за для кусынка хлиба, рады матери и сестръ, и до того павить не ридныхъ сестръ. Цила радисть и втиха юго теперешнаго жыття концетруется въ тимъ, колы може въ вильныхъ хвыляхъ збираты ескизы и студіи, та видъ часу до часу подорожуваты въ таки миста, де може побираты змогу и матеріалы до дальншого выобразования свого таланту.

Отже вы чуете, мамо, винъ не ѹе ніякій велыкій артысты. Йе бильши и голоснійши, чымъ винъ, которыхъ все ще можна назваты въ повнимъ значиню «голоснымы»; а винъ, здается, и не буде николы такимъ «голоснымъ», бо до всіхъ варунківъ, котри роблять неможливымъ для юго досягты того, чого бажавъ, цебъ-то цілковытого выобразования артыстычнаго, винъ не ѹе й честолюбивыі.

А помымо того всёго, мамо, я шаную и цию юго незвычайно высоко. Видъ хвили, мамо, въ котрій юго истота перестала быти для мене такою чужою, якъ зъ початку, займае мене все те, чымъ переймаецца винъ,—а то штука и малярство. Ба, я ишла павить ще дальше, якъ бы вы ўёго сподивалься. Мене займае павить и церковъ, до котрои винъ цалежыть.

Мы звыклы уважаты іи, якъ вже не за «геретычну», то бодай за щось меншое довершене, якъ нашу.

Все отце, мамо, *їе мою тайною*. Яко суджена будущого священника, я не смію видноситися симпатично до іншихъ соборивъ, якъ до того, до котрого винъ и я належымо.

Одначе, мамо!... вы моя далека, горемъ похилена мамо, гнівайтесь, або ні,—а я вамъ свій грихъ, чы якъ хочете мій вчынокъ назваты, оповимъ, щобъ лыше ёго зъ кымъ небудь добрымъ подилыты и чіесь прощення одержаты.

Будучы последнимъ разомъ зъ вуйкомъ въ мисти и маючи до видийзду ще доволи багато часу, я пишла въ околыцю, де мала знаходытыся ёго церковъ.

Врешти добралася до неи.

Мене тягнуло қынуты бодай поглядомъ въ іи вутро, бо доси не займалы мене и не заходыла я до іншихъ соборивъ, кримъ до той церкви, до котрои належала я.

Опынывшыся врешти вже на східцахъ передъ нею,—вирьте мени,—потрясло мною пеначе въ пропасныци, и я выдалася соби чомусь мовъ якою проступныцею.—Не тому, що я вступыла до церкви, котру мы звыклы булы уважаты за геретычину, лышъ що мени Олекса неустанно передъ душою стоявъ, и мене мучыло почуття, неначебъ я ёму зъ отцею хвильною спроневирилася. Винъ бувъ-бы мени цей крокъ,—хоча въ грунти ричай и який невынный,— по своїй гордости и своимъ деспотyzми *николы не простывеz*.

Двери церкви булы одчынени... и вона була порожня...

Въ ній було тыхо, тыхсесенько, и зпаete, мамо, що я зробила? Я лышъ оглянулася велько и звильна, майже боязъко,— и николы не забуду глыбокого вражиня, яке зробила на мене велька поедынчисть нутра тіei церкви.

Я видитхнула глыбоко, неначе мепи спавъ зъ души велький тягаръ.—Видтакъ, сивши на одну зъ послідныхъ лавокъ, я опустыла голову на лавку передъ собою, и—моя далека, горемъ похилена мамо, не плаchte, мамо!—я задумалася надъ добрымъ чужжынцемъ.

Николы и нигде не думала я такъ інтенсивно и зъ цилою душою про него, якъ саме въ тимъ Божимъ доми.

Отъ, врешти опыналася я наразъ въ ёго церкви. Чы я поповныла тымъ щось неправого?.. Я думаю, що ни.

Я-жъ вступыла лыше въ церковъ чоловика, котрого вельку интелигенцию, даровытість и гарну душу я шануваты мусила, и бильшъничого. Мы-жъ стоялы соби такъ далеко, а церковъ, чы тамъ вона ёго, чы вже моя, була такъ щось для себе цилкомъ окремого,—що я могла тутъ пробуваты...

Мавъ хто право мени зъ того закыдъ робыты?

О, Боже мій, мамо!—Олекса, Олекса, певно. Винъ бувъ бы на мене самимъ громомъ кыпнувъ.

Але я осталася ще хвылынку радо

А видтакъ пишла.

Стапувши вже на порози входныхъ дверей, я обернулася ще разъ и пощрощаля очима велькый, престольный хрестъ.

Мамо! я це сказала лышь разъ и то тоди, *въ тий хвылыни, до своеї души*, а теперъ кажу це и вамъ:

Якъ-бы це Спасытель зійшовъ ще колы-небудъ назадъ на землю и переходывъ вси церкви свита, затрымавбыся въ тий церкви, тутъ найдовше.

И бильше не скажу о тимъ словами ничою.

О, моя далека, горемъ похылена мамо!

Колы-бъ маля настуptyты хвыля, що вы-бъ мусилы пролыти черезъ мене слёзы, то прочытайте,—вмисто того, щобъ жалиты нади мною,— листъ св. Апостола Павла до Корынгейцивъ, XIII.

Мени такъ тяжко на души! такъ сумно... такъ безвглядно якосъ, що... О, Боже добрый!

О, Андруша, Андруша! и ты, мій дорогий брате, Есып! прыйдить до вашои «гордои» сестры та прыгорнить ію до вашои щырои братерськои груды, котра не здрадыла никого!

Прышлить мени ихъ, моя маты, бо округъ мене все цилкомъ якосъ эминылося. Щось чужого и значного, щось *далекосялого* находить..., и бере верхъ...

Моя голова схыляється нызько на грудь, якъ ваша, моя мамо; а помымо того, кажуть вси, вси воны, що прыходять и видходять, кажуть мовъ зъ одныхъ усть: «якажъ вона прекрасна!!»... А помочи піякои.

(Бабуя зъ тиркымъ смуткомъ):

«Помочи піякои», моя дытынко,—я вже видчуваю, що «помочи піякои».

Вже зблыкається двадцята година и для тебе. Бачышъ? *Вже и ёго церковъ тебе займає.* Ты хтила лыше однимъ поглядомъ позирнути въ іи глыбыну?

Ты?.. О, смутку мій! суджена будучого священника?

Ты не религійна на спосибъ твоєї матери, тому змогла пидатыся спокуси переступыты зъ особої цикавости (котрої кориння лежыть въ сымпатіі до чужынця!!) поригъ іншої церкви, нижъ тієї, до котрої належалы твої предки, и виддаватыся тамъ мріямъ про якогось «чужынця»!

Тому ты и годна потищатыся думкою, що сама церковъ, чы ёго вже, чы твоя, *їе щось для себе окроме.* Знай, те знання, яке ты сама соби прысвоила и котре вызырае зъ помежы всіхъ твоихъ сливъ, воно выпыло тоби и виру зъ души и оставыло самыи тильки крытычныи змыслъ. Я бачу вже, якъ воны надплывають на тебе, хвыли твого горя... чымъ разъ близче й близче... и якъ видтакъ остаточно прывалять тебе своею потугою до-долу.

Таке бувало вже межы людьми, бувало!!.. Чуже ослиплює тебе, забирае твою молоду душу въ полонъ, а якась «доброта», котрій ты пичого не завячуешъ, *ажэ зворушуе* тебе. Ты це ще не знаешъ, але я, моя дытыно, що дали чы не циле століття доживаю, бачу, що пропасть твого счаствя *крыється въ твоемъ власнимъ нутри* и одчыняє вже поволи свою пашу.

О, мій Олексо! ты мій гарний, тверезий, ты мій сильный, простого люду сыну! котрого мои очи, може, николы и не побачить, а уста николы не поблагословлять, ходы, спиши! Забери мое вагаючеся дытя на твою грудь, схорони ёго передъ поглядомъ чужого!

Бачъ! вона дрожыть вже передъ «львинымы» очыма и потребуе той твоей охороны.

Я вже стара и горемъ похылена, а іи батько мертвый, и вона мени утоне!

О, вы мои дороги, прегарни диты! що за потугу крьете вы въ своихъ грудяхъ, котра васъ всихъ майже въ одну пору, безъ пощады зъ собою порывае! вы-жъ мени вси булы чисти й добри, мовъ ти квитки!..

А теперь и ты, моя дытыно! послидня зоре моя, и ты!..

И «гарною» звуть тебе вси. Але такою ты вже бильше не йе.

Твоя далека, горемъ похылена маты каже, що ты вже такою не йе. Схыляй твое чоло, схыляй ёго покирно, и того ще замало. Зъ твоимъ почуваннямъ для чужынця, котре ще и сама добре не розуміешь, вразыла вже твою церковъ, твого будучого мужа, а до зрады твоїй народности вже не далеко.

Я плачу, моя дытыно! я вже маю слёзы въ своеи души, и видъ тебе буде залежаты—чи це будуть слёзы кровави, чы слёзы радости.

(Слипець):

— Бабуню, бабуню, не ранить іи такъ тяжко! вона така смутна зъ своимъ почуваннямъ! О, моя дорога бабуню,—«сама»! Чы вы розуміете те горестне слово?

О, моя тёти! чому вы въ своїй краси таки засмучени? Прыбудьте до слипця; винъ заграе вамъ щось зъ своеи души.—Душа слипого не йе для вашои *такою слипою, якъ души тыхъ, шо васъ окружшають и бачуть ваше прекрасне облычча и ваши били, нижни руки...*

(Зоня):

Мамо! Чы я не казала вамъ, що межы мною й Олексою пидіймає щось гризно голову?.. Теперь видчувається щось вже цилкомъ выразно ёго прысутність, и воно не хоче уступатыся.

Олекса перебувае въ нась вже видъ килькохъ день, але прывизъ поганый настрій.

Вчора зъ ранку укладала я въ вазу кытыцю цвитивъ, а Олекса сидивъ оподаликъ мене зъ доволи неласковою мыною, а наразъ спытавъ:

— «Скажы мени, люба дивчино, чы ты будешъ и въ нась дома тратыты стильки часу на марныци?.. Отъ, я сиджу вже позныхъ 15 мынутъ, прыдывляючыся, якъ ты сылкуешся тыхъ килька квітокъ уложыты гармонійно и зъ смакомъ одни коло другихъ въ отцёго рода черепъ, и, по щырости сказавшы, це не терплювыть вже мене.»

— «Ни, Олексечко»,—видповидала я—«якъ ты не пересташъ роздражнюватися всимъ тымъ, шо мени справляе прыемність, то я певно що не буду того николы чыпшты».

Тоди винъ сказавъ:

— «Дывыся! Робыты можешъ ты соби такъ,—цёго я тоби не забороняю, лыше я не бачу прычыны, для чого воно *мусыть* буты зроблено.

— «Який ты ныни зновъ чудный! Хто тутъ говорить про якесь «*мусыть*»! Це робытся лыше за для доброго смаку и змыслу красы.—Мени здаецца, шо нема ни въ чимъ утраты, колы пле-кается добрый смакъ и то для нашои власной втихи.

— «Ни»,—видповивъ винъ, — «але колы мы вже стали обь тимъ говорыты, то мени прыходить па думку нашъ гістъ—про-фесоръ, чы якъ ёго тамъ титка прозвала—«чужынецъ». Чы ты не маешъ охоты побыраты въ нёго лекціі рысунку?..—«Такъ, такъ»,—додавъ винъ трохы зворушено,—«я вже видъ титкы чувъ, шо винъ видкрывъ въ тоби особлывши «артыстычни» инстынкта, и навіть мавъ жалуваты, шо ты вмісто статы артысткою, станешъ лыше простою попадею. Скажы по щырости и одверто,—тягнувъ дали, кынувшы погирдлыво рукою въ сторону на кытыцю квітокъ,—чы въ твоїй нынишній охоти упоряд-куваты квітки артыстычно не крysteся по-трохы и пожадання выклыкаты й слово похвалы въ артыста? Хто бы васъ не знаявъ, яки вы вси одинакови и хытри! и о скільки котра спокійниша зъ выду, о стильки гирша и небезпечнійша зъ души! Скажы, чы я не маю слушністъ?»

Въ мене затовклося серце скорійше, и я поглянула на нёго.

— «Може. *Винъ* розуміється и знається на такихъ ричахъ; и мене це буде радуваты, колы отця дрибныця, якъ ты впрочимъ мыльно утрымуешь, зверне ёго увагу. Мене тишить завпие, колы я стричаю розуминня, а *винъ* же артыста. Впрочимъ нема о чимъ балакаты,—винъ такий поважный и скупый на свій чась, що ледве чы й побачить цей мій «твіръ».

— «Ты цёго не можешъ знати; я довиряю такъ само мало ёго повази, якъ самолюбивости жиночій».

— «Я не розумію, що ты думаешъ підъ тымы словами»,— видповила я, сylуючися до супокою,—«а що до лекцій рисунківъ, то и самъ знаєшъ, що вже теперъ таке зачышнати мени за-пизно, и що я не выявляла доси николы таланту до подобныхъ ричей. Що іншого—любыты и розумити штуку, а що іншого—бути самому артыстомъ.

— «Це правда, що не «выявляла». И таке бажання не могла бъсісь вже навить и сповнити: за найдальше трь, четыри мисяци, якъ Богъ допоможе, поберемося, и тебе ждуть, якъ сама знаєшъ, інши обовъязки, нижъ обовъязки штуки.

Ты будешъ мала багато на своихъ плечахъ, Зоню. Будешъ мусила взяты сама доглядъ надъ цилымъ господарствомъ, таcъ якъ тутъ це робить титка,—бо парахвія, котру я правдоподібно одержу, йе велика и розширенна, парохъ—слабовитый, бездитный вдовець, и я буду мавъ досыть зъ своими занедбаными парафія-намы до дила; я маю замиръ заразъ зъ самого початку забира-тися до реформъ.

Я йиду зъ певнимъ планомъ мижъ народъ на село, и ты будешъ мусила мени бути въ моихъ працяхъ помичною. Якъ ба-чышъ, тоби не стануть тутъ твій добрий сміхъ и змисль до красы и штуки въ великий помочи. Тутъ треба практичного дила и тверезого розсудку, и певно... що наша праця не пиде намъ марно.

... Такъ, такъ,—додавъ чомусь глумливо, якъ передше,— вуйко хыбывъ, по-трохы выплекуючи въ тоби чуття для самого артызму и этыкы, а запедбавши змисль для практичности, що

въ жинки повинно буты першымъ. Теперь (*pardon*) мучить тебе тее лыхо, розгнездывшия въ твоїй вдачи, и я побоююся, що хоча и якъ я тебе люблю, ты помымо всёго не внесешъ доволи практичного змыслу въ нашу хату. А до того всёго появляется ще и *такый*, якъ онъ цей, и хоча винъ и ничего не говорыть, то я не могу позбутыся тои думки, що той чоловикъ здавлюе въ тоби своею працею и своимы бесидамы (чи радше поглядамы) ще й рештку практичныхъ поглядивъ, яки въ тоби осталыся. Справдишне счаствя, що ще титка тутъ йе и мовъ той добрий ангель стереже и чувае надъ тобою въ тимъ напрями (зъ вуйкомъ ты мабуть одна душа); инакше, я бъ мусивъ побоюватыся, що... вернувшись колы-небудь видъ своихъ парафіянъ, застану тебе не за господарськымы справамы, а... зъ пензлемъ и краскамы!— «Винъ розсміявся вымушено глумлывымъ сміхомъ, который зовсімъ споганывъ ёго звычайно спокійне и гарне лыце;—а я одвернулася видъ ёго, приступаючи до вікна.

Тутъ я неначе вдывлялася черезъ хвилину па улыцю, мижъ тымъ колы я ничего іншого не хтила, якъ лышъ успокоитыся.

Якъ що винъ почавъ о чужынцю говорыты, опанувало мене зворушения, неначе пропаспциа. Одначе я тутъ не стояла такъ довго. Олекса пиднявся зи свого мисця и опынчився немногымы крокамы наразъ коло мене.

Я стояла до ёго звернена профылёмъ, тому винъ не мигъ мени въ очи глядиты, але я видчула, що ёго очи спочывали выгребущимъ позоромъ на мени.

— «Чому ты не кажешъ ничего въ свою оборону?»—спытавъ винъ,—«мени подобаются жинки ридко, колы воны мовчатъ: тоди працюе ихъ мозокъ, напевне, на школу мужчини».

Я не рушалася зъ своєго мисця.

— Скажы мени, Олексо,— запытала я, не поглянувшы ца ёго а-ни «*ни поглядомъ*»;— чому ты показуешся доперва теперъ зъ отція немылои стороны?.. Давнійше не бувъ ты николы проты мене такъ крытычно и ризко успособленый. Говоры по щырості и прямо, такъ, якъ звычайно я це роблю. Ты жъ шануешь, здається, якъ и я, правдомовнистъ у людей.

— Давнійше? — видповив винъ усміхнувшися (а той усміхъ, мамо, вразивъ мене такъ само, неначе ёго «кинське копыто прозы»), — давнійше захоплялъ мене твои очи такъ сильно, що я не бувъ доволи спокійний аналізувати твою душу. Ты маєшъ, дивчино, таки хвили, що чоловикъ давъ бы за тебе безъ намислусвою душу. Чы вирышъ ты въ мое чуття? Такъ було зо мною знершу. А теперъ я прыдывляюся до твоей души.

— И чы мусышъ ты мени пры тій аналізи спрвляты прыкрості?»

— Чы я це вчыпявъ?

— Я жъ думаю — такъ. Мене обгортаете пры твоїй крытыци моей истоты таке почуття, неначе бъ ты стававъ зъ мою интелигенцію (або и зъ тымъ, шо становыть саму сылу моей души), до якои боротьбы. Одначе, я тебе прошу, Олексо, пошаний мене и оставъ мене въ тимъ напрями въ супокою. Бачъ! Ты подобаешся мени такимъ, якимъ ты вже саме йе, — до чого жъ тому це злынне ображання моей души, колы воно не доведе й такъ до ничего. Помырыся зъ мою вдачею, а побачышъ, що я не ворогъ тоби, Олексо! будь лышъ добрий проты мене!

— Ты посидаешь за-мало прыхильности до практычного життя, а за-багато для абстрактныхъ ричей и де-якыхъ спрвъ, въ которыхъ и такъ ничего не вдішъ, хоть бы и якъ ихъ добре розумила. Колись будешъ разъ сама зъ себе усміхатися, — такъ дуже отверезить тебе само життя, та покы що я хочу тебе власною рукою зъ тыхъ высотъ звесты назадъ до земли. По-що часу тратыти и розчаровування пережывати? Тебе не жде ни що інше, якъ обовязки жинки, — жинки священника, — и обовязки українсько-руської женщины.

— И мусышъ ты при тимъ, конечно, показувати «кинське копыто прозы»? — спытала я тономъ, такимъ вже чомусь беззвучнымъ, що сама ёго перелякалася.

Винъ вытищивъ на мене и замовкъ на хвилину, а дали спытавъ:

— Що я маю підъ твоими загадочными словами розумиты?..

— Чы це непреминно потрибно, щобъ ты менѣ твоимъ «кипськымъ копытомъ прозы», на котре покладаешъ таку вагу, спрavлявъ пры кождій нагоди прыкрости? Чы ты мени не довіряещъ, що я сповню обовъязкы жинкы,—и жинкы священника, и українкы,—тому що въ мене ѹе змысль и для тоншихъ и шляхетнійшихъ ричей, чымъ до самой лышъ домовои господаркы?—сказала я. Не бійся, я выполню свои обовъязкы такъ, що ты будешъ цилкомъ вдоволеный, нехай бы я пры тимъ и сама змарнувалася,—черезъ мене не попесешь ты страты ни въ чимъ!

Я не дарма попивська дытына и въ попивськимъ доми выхована, щобъ не знаты, що мене жде навить и найгрубша праця: але мени того не страшно, Олексо,—я здорова и люблю працю.

Але, колы въ мене, окримъ того, ще и таки прыкметы души, котри зъ твоими экономичными поглядамы не згоджуются, то ты не маешъ пайменышого права здавлюваты ихъ въ мени и справилити мени на кошть прыкрости, тымъ бильше, що доси я а ни одною поддею не доказала тоби, що могла бъ тебе, черезъ бракъ, якъ ты кажешъ, змыслу для дійсности,—пхнуты въ несчастя. Все те въ тебе чисто уроене—пересудъ, пусти комбинаціи и выпливъ деспотичной вдачі.

Впрочимъ,—додала я, але тутъ же заразъ и урвала, згадавши «чужынця», и васъ, моя далека, горемъ похылена мамо, згадала и замовкла...

— Скажи мени, спытавъ винъ,—чи ты розвиваешъ такой резонъ та энергию и проты артисты, колы винъ говорить тоби комплиманта про твои очи?.. Бо що винъ говорить, я можу соби уявиты. Здаецца, винъ буде теперъ десь саме пры малюванню очей? Якъ разъ ныни зъ-ранку бачывъ я въ кімнати вуйка твій розпочатый патреть.

— Оставъ того чоловика въ супокою!—обизвалася я,—не мпшай ёго въ нашу дисгармонію. Винъ стоить у всимъ видъ

насъ такъ далеко, мае такъ мало зъ намы спильного, що було бъ несправедливо крывдити и ображати ёго хоть бы и найменьшымъ пидозринямъ.

Опроче, мавъ еси вже доволи часу переконатися, що це чоловикъ наскризь честный и характерний:

— Мени, що правда, стоить *винъ* дуже далеко,— обизвався винъ,— але чы винъ и тоби такый «далекий», я позволю соби сумніватися. Замылування для штуки и красы, котре посидаете обое, ледве чы буде таке невражливе, щобъ краса одного, а интелигенція другого не стритися симпатично. А интелігентний *їе* той чоловикъ,— це мусить ёму хоть бы и хто признати.

— Такымъ винъ и *їе*,— додала я и (дорога моя одынока матинко!) перелякалася. Що я сказала моя мамо, що я своихъ власныхъ сливъ такъ перелякалася? По-що було мени ихъ говорыти? Чы не було бъ лише мовчать?..

А Олекса лышъ глянувъ на мене.

— Чы ты зъ нымъ багато розмовляешъ?— спытавъ.

— Не конче. Винъ по найбильшій части буває пры роботі дуже поважный и мовчазный, а по друге— пры сеансахъ сидить звычайно вуйко, або титка.

— Але стилько, то вже певно (мучывъ мене дали), щобъ заглянуты соби въ душу.

— О тимъ не можу тоби вже ничего докладного сказати. Стилько *їе* певно, що винъ змушує насъ шанувати ёго. Я вже не мовлю о соби и титци, але вуйко, що *їе* препинъ образованый и досвидченый чоловикъ, шанує и ципить ёго надзвичайно.

— Вуйко—то єнтузіастъ, хоча въ ёго и яка соби тамъ сыва голова; ты жъ ёго ученыця и своячка; а якъ цей профессоръ— германець, до котрихъ видносится вуйко здавна симпатично, до того ще й артиста (котрого значиня, якъ такого, я въ свити артистичнимъ позволю соби пидозривати), то захватъ и ушанування готови.

— Чы винъ самъ собою, яко чоловикъ, не може буты значный (считала я), и мусыть то ёго значиння вязатыся заразъ доконче изъ ёго фаху?

— Мені здається, що якъ разъ тутъ въ ёго есть такій выпадокъ, де винъ свій фахъ, яко артиста, не мигъ до кінця довесты.

— Але не яко артисту циню я ёго... рівно вуйкови,—бо въ тимъ знаю я ёго замало, або радше і зовсімъ не знаю,—льшише яко чоловика,—уважай, Олексо: чисто, яко людина змушує винъ шанувати ёго.

А що до твого неумотивованого підозріння, що винъ говорить мени компліменты про мою поверхність, то запевняю тебе, що винъ не говоривъ мени доси а ни пивъ-словечкомъ щось подібного. Та за те має винъ багато де-чого іншого въ соби передъ намъ, якъ і цила велика народність, до котрої винъ належить, що мене змушує поважати і цинити ёго.

— Олексо, прызнай по щирості, винъ ѿ добрымъ *репрезентантамъ* своеї народності.

— Такъ, такъ, чуже!—сказавъ винъ,—це вплывало и слипило часто наши души, такъ що ми наше,—хоча бъ и найлипше и найкраще,—не бачили, бо павити нашыхъ найвластивійшихъ намъ барвъ, рады чужого, видрикалися и, немовъ гипнотизовані, въ таборъ противникувъ переходили (це Олекса, мамо, тутъ проти черекінчыківъ такъ мовлявъ).

Часто чинимо це и несвідомо, і лышъ тому, що въ насъ ѿ наклинъ пристосовуватися до іншого, и бракъ видваги, чы радше постійної, вытрявало силы до *тідного культурного испніування, яко менша народність.*

Такъ, такъ, Зоню,—тягнувъ винъ гирко даліше, опускаючи сумно голову въ руки, та дивлячися мени въ очі:—*Мы посымо жылку зрады въ соби.* Скилько то нашыхъ перейшло и переходить въ таборъ противникувъ, а то лышъ тому, що *велике и чуже* здавалося имъ бильшимъ и липшимъ, чымъ свое; чы вже теперъ одно зъ тыхъ величій звалося такъ, або сякъ,—остається байдужнимъ; заридъ до такого кроку *въ насъ ѿ.* Тому, що було

бъ и задыбо, колы бъ и ты склоныла зъ подывомъ твою голову передъ «чужою сылою», хоть я не хочу тымы словами ничего бильше сказаты.

Але воно мени пе йе выною, моя мыла, лише интересно. А интересно специально въ тебе,—я радъ бы знали, котра точка буде *тутъ* тією перемагаючою сылою.

Але иди!—клыкнувъ паразъ зворушеный, неначе бъ пидъ вплывомъ якоись лыхои, надъ нымъ верхъ беручои думки,—идить вси вы, неправды и «вагаючіяся», идить и оставте насть самыхъ! *Не чысло становыть миць и сылу, лыхи свидома сила и интелигенція!*

Я поглянула на него счудовано, не видповивши ничего, и згадала зновъ чужынца, ёго и васъ, моя далека маты; а вид-такъ шукала соби запятія.

Въ Олекси щось коится, мамо,—я це видчуваю, и знала-бъ пе павити тоди, колыбъ поводывся й менше чудно проты мене.

Я боюся ёго, якъ боимся бури, що зблыжается.

За те чужынець, мамо... Я мушу заедно про чужынца думаты.. Мене обгортает иходи така сильна туга за ёго повагою, ёго *нижною добротою*, та за ёго мени пеказаню симпатичною істотою, що колыбъ все пе було такъ, якъ воно йе,—я-бъ прыпала найрадше до ёго грудей... и тутъ бы выплакалася.

Не карайте мене, мамо.

Я така смертельно смутна и перемучена... що мене може лышь доброта, и все па-ново сама одна доброта, удержаны на силахъ.

—

(Бабуня): Я знала, моя Зоню, що въ мужчыни, котрого жинкою маешъ статыся, мусыть прыйти до такого почування и настрою. И воно й не можлыво ишакше: я не маю для тебе сливъ, бо ты виддалошся видъ всёго, чого ты всимы первамы твоёго серця повынна держатыся.

Олекса мае слушнистъ, колы каже: «*мы вси маемо жылку зрады въ соби*», бо вона видзывается и въ тоби.

Неначе та божевильна, выдається ты мени, що свое счастья заточує ногами, а простягає руки за якоюсь-то мрією.

Будь смутна, коли твоя душа пры всімъ своимъ бағацтви здобула соби лышъ смутокъ, и плачъ сама одна, колы не можешъ вишлакатыся на грудяхъ твого судженого.

Твоя далека, горемъ похылена маты, не мае слизъ для тебе, а колыбъ и хтила заплакаты, то мусилабъ плакаты кровію.

Ухаменыся, опамятайся: не легковажъ твою будучнистъ, бо тяжки суть хвыли и лита въ старости, колы пережываемо ихъ на самоти и въ злыдняхъ...

(Зоня): Мамо!

Чы чытаете вы мій дневныкъ? Чытаете?

Я прыходжу до васъ, бо видчуваю, що вси, почавши видъ Олексы, мають до мене жаль, хотятъ никто справу жалю по имени не называе. До того немае никто, кримъ Олексы, видвагы.

Я хочу сама передъ вами все розкрыты и розибрать.

Мамо, вы моя далека, горемъ похылена мамо! Вы одни знаете, якъ то бувае, колы наши очи почалы зъ жалю й горя до сну незатулюватыся.

А теперъ діется таке зо мною.

Знайте мамо! Чужынецъ затопыў свои очи въ мои и забувъ ихъ въ мої души.

Теперъ я маю ихъ за едно въ своїй души, и вони не дають мени сунокою.

Бувае... рано, ранесенько... люде десь пры свитли (теперъ же зима!) встаюсь и берутся до працы. Я рано, ранесенько до працы не встаю,—никто іи видъ мене ще не жадае и не прыймае,—и я лежу у пивсни. Навить и не въ пивсни.—Яжъ бочую, якъ въ груби трискае дерево и бачу, кризъ прыжмурени очи, жовтяве насмо світла полумини передъ грубою, а дали и сире, дешне світло сунется несмилыво викномъ въ мою кімнатку.

Я лышъ такъ лежу, а спаты не силю.

Лежу такъ тыхесенько, неповорушно и бережу львины очи, мовъ скарбъ въ моїй души.

Це моя глыбока тайна.

Знаете вы, мамо, про кого я думаю, моя мамо?

Вы одни може вже знаете.

Випъ утопивъ пры портретуванню свои очи въ мои и забувъ ихъ въ моимъ серци. Тому мене сонъ не бере.

Ранкамы, сирымы, зимовыми ранкамы, зъ сумракомъ въ хати, тышишоу перерываю лышъ трყщаннямъ дровъ у печи, утомлена бессоннямъ ночи, я-бъ рада хоть такымъ сирымы по-ранкамы засыпляты.

И пии...

Округы мене така тышина и супокій, що я сама свою душу зачуваю. Такымъ хвильнамы борюся я зъ чужынцемъ. А тая борба тяжка и поважна, бо пидъ часъ неи вырынае (пеначебъ ждавъ лышъ видповиднои хвилли) гарна, пышна, энергична голова Олексы.

И цихто, никто не може менi въ тій страшній борбi помогти, бо львиши очи, мамо... *це моя найглыбша тайна.*

Слухайте.

Коли довидуюся, що винъ має надiйти, починається для мене цила історiя.

Мамо, я видчуваю це кожнымъ разомъ цилою истотою.

Особливожъ, коли винъ переходить ривне, невелычке по-дворье... до входовыхъ дверей, що ведуть прямо до титчynого покою.

Звычайно я сиджу, або якъ титки нема въ кимнати, лежу па софи и дывлюся на билу стелю.

Наразъ бачу, якъ на тій стели лягає скисна, подовгувата тинь.

Тоди *винъ* падходить.

Винъ падходить, и одынокымъ широкымъ викномъ въ титчynимъ покою... падає... (чи це не чудно?) на стелю ёго тинь. А тому, що я лежу,—я бачу іи на стели.

Отже, мамо, насампередъ на стели *тинь*; видтакъ чую, жыви, скори, элястыни кроки; видтакъ бачу ще выразнiйше тинь... а видтакъ... видтакъ... падає мене мука... себъ-то лыходадка.

— О, мамо! мамо моя!.. якъ страшенно зворушуе мене моя глыбоко захована тайна. — Я жъ здрадница.

Але якъ хто думає, що мени зъ моєю здрадою добре на души, той помыляється. Я мучуся. Тоді то починаю себе вмовляти, що винъ мени зовсімъ непотрибний і байдужий... що я хочу всимъ силами держатися Олексы. А вже въ слизуючій хвилі починаю робити поривання межи *намъ* и Олексою, и моя душа починає кривавитися. Такъ часто, несказано часто вражала мене сувористъ моого судженого, мижъ тымъ, коли тонкість и доброта єго гоїли ти раны, немовъ лышъ павмынє истинуочи на те.

— Николы це сказавъ випъ такого слова (ни до мене, ни до другыхъ), котре бъ було мени коли заболило; николы нищо не вражало прыкро въ ёго истоти,—немовъ до добродійного світла звернулася моя душа до неї, такъ добре буває мени зъ ёго ествомъ.

— Ни, мамо, винъ не йе мени чужый, не бувъ такимъ піколы, лышъ я мусила, здаєсь, па ёго *такъ довгъ ждати*. А теперъ, коли винъ врешти зъявився, я мушу такъ тяжко мовчати и передъ ёго прыходомъ дрожати.

И дійшло до того, що я єго (теперь ще гирше якъ зразу) боюся; а коли винъ видходить, опинюється па порози мовъ олень и ще разъ обертається, у *послідне здоровлячи* мою душу своїми очима за собою. Такъ вони діється часто, густо.

Теперь працює винъ, пыльно надъ шатромъ, бо мусить незадовго вийзджати, и мы дійшли, чого Олекса такъ дуже боявся,—саме до очей.

Ихъ тяжко малювати.

Випъ малює. Я мовчу.

— Вы можете щось говорыты,—каже винъ.

Мовчання.

Видъ часу до часу споглядає винъ па мене и хоча й мои уста бувають въ ёго присутності неначе спаралізовані, *видчуваю я свое несчастья, що вони говорять.*

Я не знаю, що вони говорять, але пры тымъ я буваю страшенно поважна, навіть ще поважнійша, якъ винъ, и колы бъ винъ схотивъ мене до розмовы прысылуваты, я бъ зъ якогось то жалю зашлакала.

Якось просывъ зновъ щось «говорыты». На те я отвityла ёму коротенько, що я, будучы разъ зъ вуйкомъ за справункамы въ мисти, заходыла и до ёго церквы.

Винъ дывывся черезъ хвилыну на мене сіяючымы очымы, а видтакъ сказавъ два слова: «дякую вамъ».

Описля мовчалы мы вже обое.

Вінъ хтивъ щось сказаты и я хтила щось сказаты, але видтакъ не сказалы мы обое ничего...

Иноди бувае мовчания таке тяжке, мамо, перечовнене чуттямъ, таке несказано тяжке, що... Боже!!..

Ёго грудь видыхае, чы радше «працюе» такъ важко,—а я закушую зубы щипко, щобъ зъ жалю въ голосъ не зойкнуты.

— Чы вы плачете, моя мамо? Плачте, бо я не смію плакаты. Я суджена другого.

Мамо!

Я потребую чісль слёзы.

Межъ намы бувають таки нижни хвилы, що я не въ сили ихъ вамъ словами передаты, бо все, що видчувається тонко, грубіе заразъ черезъ переказування словами.

Колы недавно просывъ мене зновъ оповидаты що-небудь, бо, якъ мовлявъ, ёму малоется липш», пожалилася я ёму, що буцимъ то «люде» закыдають мени браку змыслу для дійсности и практичныхъ поглядивъ на жыття: та що я черезъ те въ жытту не стану, якъ бы мени лычыло, николы корыстною.

Отце переповила я ёму, а винъ,—не поглянувшы на мене,—видловивъ черезъ хвилыну:

— Не журиться тымъ. Вы йе вродженою жрыцюю красы и ваша (це бъ то вашои вдачи) жиноча задача ѹе—все, що чисте и гарне, плекаты чуттямъ.

Успокойтесь и знайте, що гарно, чисто и тонко видчуваці
їе такожъ своёго рода «счастямъ», котре не кождому дане.

Мамо!

Чы вы видчуваете мое счастя? Увійдить въ мою душу.

Цей чоловікъ такий маломовниий, поважний, вздерглиwyй, а помимо того мае те, що винъ говорыть, стилько доброго и благородного змисту для моєї истоты.

До того знає і розуміє винъ мене такъ добрѣ, якъ, здається, ніхто досы на свити.

Николы не буває єму щось въ мени неясне, не настроює прыкро, або ворохлыво. При тимъ винъ ѹе прямый и отвертый, и що я въ нимъ головно циню и люблю—це єго тонкисть и доброта,—якъ разъ те, що я въ моего судженого проты себе не заходжу. Вони само собою укладается, мамо, що вони обыду вставляются передъ мою душу и выклыкуютъ до поривнянь.

Винъ не говорыть зо мною николы про мои заручины, чы
про Олексу, або и взагали про особысти видносны, якъ це
Олекса такожъ подозриває;—лышь разъ пытавъ мене, що я
утримую за всправдилну задачу «любовы».

На те я видповила:

— Велыка и справдишна задача любовы ёе дбаты о те, ѿбъ вона для своихъ выбранныхъ заховала тіи сами свижи очи, що зъ самого початку. Ба, кажу,—а ни прыязнь, а ни розумъ, а ни вси прочи таікъ сказаты бъ «змыслы», чы тамъ зворушиная, не мають для люднынъ такыхъ очей, якъ любовъ. Бо колы тіи вси позабувалы давно, який тамъ хто разъ бувъ, вона одна не забувае и заховуе одинакови очи для ёго.

Та видповідь єго вдоволыла.

Незабавки, мамо, напишу я вамъ, что мое счастья кинчается... Винъ зблыжается до выкинчення патрету. О Боже, не доторкайтесь того, что мене болить и выклыкуе въ грудяхъ одробыну «счастья».

Якось винъ прыйшовъ и завважывъ, що въ мене булы очи зпалаючи. (Титка справила мени немылу сцену за-для Олексы,

закидающы мени, що я роздражнюю ёго нарочне въ тій цили, щобъ винъ, разъ роздраженый, мене обиждавъ и я на тій пидстави могла зъ нымъ заручыны зирваты,—до чого вона зъ своеи стороны николы не допустыть).

Побачывши слиды слизь на моихъ очахъ, прыступывъ винъ зтурбовано до мене, колы мы на хвылыну осталыся сами, взявъ мою голову поважно, мовъ старшый братъ, межъ руки и погляднувъ мени выгребущо въ очи.

Колы я погляду ёго уныкла (зачуваючи наново слёзы въ очахъ), видтягнувъ винъ свои руки видъ моей головы и, нахыльвшия неначе зъ поспихомъ надъ своими краскамы, спытавъ:

— «Чы вы не моглы-бъ мени сказать, зъ якои прычыны вы плакалы? Вы можете мени все сказать».

— «Мамо! те слово «мени» маю я ще до ныни въ души. И, о Боже!! я сама знала, що «ёму» могла я все сказать. Винъ не бувъ бы мени ніякої прыкости вчынывъ.

Одначе—«цёго я не можу!»—выбовтула я зворушенно, бо вже почула наново слёзы въ очахъ.

— «Незадовго скинчытся вже все, и вы позбудетеся мукъ»,—видповивъ винъ зворушенымъ голосомъ. Видтакъ додавъ зъ вымушенымъ супокоемъ:

«Будьте ласкави, сядьте ще на хвылынку, я васъ не буду ныни довго трудыты».

А колы я все ще зъ своего мисця не рупалася и мене щось мовъ желизомъ держало, обглянувъ винъ зчудовано, а потимъ опынывся заразъ биля мене.

— «Що вамъ ныни?—спытавъ,—«я не можу на васъ глядиты, такъ дуже болять мене ваши люби очи. Чому журитеся такъ дуже? чы я такожъ выненъ що въ тому?..

Я не могла довше держатыся.

Я не сказала ничего, моя одыпока моя правдыва мамо! не бйтеся, ни. Мои уста булы мицнц стулени и не зрадылы иничого, а ни словечкомъ: я-жъ була суджена другого.

Лыше я не супротивлялася тому, колы винъ взявъ мою голову, якъ перше, межы руки, прытулывъ іи до своихъ грудей и

прытыспувъ іи тутъ же; и такъ по доброму, мамо, такъ по доброму и зъ щыростю, якъ це никто въ жытту не чынывъ...

— «Моя жрыкыне!»—сказавъ въ найглыбшемъ зворушению,— «Ты моя прекрасна й чиста жрыкыне!.. я видчуваю впомни твои мукы, але знай, не лышь ты одна носышъ хрестъ, ёго носить кожсный въ жытту. И колы ты думаешьъ, шо цей, або *той* счастливишый видъ тебе, то знай, шо саме винъ *найнужденнишый*»...— и освободывъ мою голову.

Я выйшла скоро зъ хаты, не повертаючысь туды бильше назадъ, а винъ прыйшовъ доперва ажъ щось въ тры дни по тимъ зновъ до роботы.

Це ѹе циле счаствя тіеи твоей доныки, мамо, за котрою глядили вси зъ завыстю, мовляючи видъ часу до часу зъ подывомъ:

«Якажъ вона прекрасна!»

Бувають, мамо, (я це повторяю) въ нашимъ жытту таки топки й *нижни хвыли*, шо мы не годни ихъ словами переповисты.

Мижъ нымъ и мною бувалы таки хвыли,—то хвыли глубокого мовчания, колы наши души до себе промовлялы. И ничего, шо не вымовылося словами, мамо, не пропало въ мовчанию.

Ничого.

И не пропаде, бо люде, таки якъ винъ (нехай и буде винъ для нась якымъ тамъ «чужынцемъ»), находять завсигды въ ривно соби думающихъ пошану и любовъ. Говорытся стилько о счастю.

Що це за таке дило те счастя?..

Нишо, мамо, нищо инше, якъ власне оттаки *нижни хвыли*, таки поодыноки проминня въ жытту, и я маю те перекошнання, шо не одна глубока и поважна душа згодытса зъ отцею моему думкою.—

Таки хвыли мають свою *трывку* вартисть, лыше для *нижно* видчуваючыхъ душъ вонъ суть,—щобъ це тоби выяспты зрозумило,—*видчутую музыкою*, котра пе ѹе зъ ничымъ до поривнання; бо лышь сама на себе похожа.

И це счастя маю я ёму одному завдячты.

Мамо, далека и горемъ похылена мамо! Це йе опъ те, що жрыкыня красы и чистоты своимъ «счастямъ» назвала, и въ своїй души до кинця жыття зберёже.

Не сумуйте, бо вона не сумуе...

Квітки въ моїй души посхилили свои головки... Мое счастья коротке й мелянхолійне и кинчиться зъ ёго видиздомъ, а все цвітуче въ моїй тій души поволичется за пымъ.

Поблагословить, мамо, мое счастья...

Бабуня,—пры чытанню па окруженні цілкомъ забувши,— хытае, якъ попереднимы разамы, сумно головою и шепче зтыха, мовъ у сни:

— «Такъ, такъ, моя дытынко! я бачу твоє тинысте счастья, и будь спокійна, воно для твоей старої, горемъ похыленої матери за-темне й загадочне, щобъ вона ёго доторкалася. Якъ ты тамъ соби кажешъ?

Мое счастья мелянхолійне и зъ ёго видиздомъ кинчается, а всі квіти моєї души поволичутся за пымъ! Поблагословы мое счастья!»

— Я благословляю ёго, моя дытынко, я благословляю твоє смутне счастья, але возьмы и кровъ моєго, серця до того.

(Слипець): Бабуню, моя бабуню! мени выдается, , неначебъ я чувъ здалека прегарну музыку, а вы супровожаете іи. Я бачу це счастья, я бачу тую видчуту музыку; я, слипець, бачу іи очима моєї души!

(Бабуня, гирко): «Такъ, мій внуку! для выдющыхъ очей не ѿє це крепою сповыте счастья до побачення, хиба лыше для не-выдющихъ.

(Слипець): Бабуню! моя бабуню! я бъ мою титку любывъ, колыбъ мавъ іи пры соби. Чы я не буду николы такий счастливый? іи крокъ мусыть буты легкий, якъ шелестъ .шовку, а іи блызкистъ повна гармонії.

Моя прекрасна, сумовита титко! хочъ я тебе николы не бачывъ, то помымо того знаю, що твоє чуття ѿє дійсно... видчутою музыкою.

Бабуню! поблагословить іи счастя!..

(Бабуня): «Такъ, такъ, моя доњко, я благословляю ёго сотню разивъ, лыше возьмы кровъ мого серця до того! ‘

«Жрыкыня красы!—называе тебе твій чужынець, котрого истота звыхнула тоби цилу твою будуччыну.

Що ты, чужынце, за артыста? чы маєте вы яке счастя, мій незнаёмыі сыну? Бачъ! стара билоголова маты твоей жрыкыни не розуміе того вашого счаства; це йе, може, счаства теперешніго часу, коротке, перелётне, мовъ той скорый и нездоровыі ударъ серця, колы вже одчысялете вы ёго на хвылынкы и звете «видчутую музыкою», отце ваше «счаства артыстивъ». Вамъ, мабуть, выстарчае бачытыся, обмінчатыся душамы, сотворыты якій артыстычныі твиръ въ честь того почування, и кожде йдете своею дорогою дали.

За моихъ часивъ значыло счаства щось іншого. Але вона, та твоя «жрыкыня», выступыла вже зъ того «мого» свиту и ёго свитогляду. Степнёво виддалялася вона видъ нёго. Зразу новій-шымъ выхованнямъ, образованнямъ, дали збудылася въ ній туга за чымсь доскональшимъ, вильнымъ и выкинченымъ, а видѣакъ прыйшовъ ты и безъ жадного слова й руху взявъ іи твоимъ тонкымъ змысломъ, твою повагою и твоими «львыными» очыма и (Олекса мавъ слушність) твоимъ «чужынецкымъ» свитоглядомъ, та видтягнувъ есы іи видъ звычайного, але справдишніго счаства, котре стричается межы нашымы щырымы и чеснымы родынамы.

Инакше мрила іи маты и іи выховавци про іи счаства.

Зъ своею красою и чистотою, зъ своимъ счастямъ, мала вона—горе та дни смутку іи безталанныхъ бративъ и сестеръ огриты й прысмырыты. И що-жъ ій теперь?

И що почнешъ ты? О мій, а все такы не мій, чужый не-знаёмыі сыну! Працюй для твоихъ, для которыхъ ставъ-есы вже опикуномъ, колы вже твоя судьба порищена на тимъ, не покыдай ихъ всіхъ самыхъ, не оставляй! А твоя «жрыкыня» такожъ не зложыть рукъ бездильно, такою вона не йе; хочь и якъ по-суджуе іи несправедльво въ своимъ серци Олекса, та такою вона

не йе. Я благословляю ваше мелянхолійне счастья, благословляю сотню разивъ, але возьмить и кровъ моёго серця до того.

—
Мамо!

Колы мы стоимо на початку якои бури, то наше серце дрижыть ляжлыво, якъ застаповляемося падъ закинчениямъ іі, але колы вже вдарыть гримъ, стаемо наразъ спокійни, пеначебъ не зазнавалы николы передше почуття несупокою и муки.

Такъ було и зо мною.

Я мучилася ѹ боролася, и моя душа знаходилася въ безнастанинъмъ болизнъмъ напруженною. А теперъ раптомъ успокоилася до тои степени, пеначебъ мене морозомъ заморозило.

Я цилкомъ коротко розповимъ.

Я була передвчора зъ вуйкомъ у дидычивъ въ гостяхъ. ВERTAЮЧЫ, супровождавъ насъ чужынецъ частыну дороги.

Зимовий день бувъ лагидный и мылый и мы прынялы ёго бажання супровождаты нась радо, тымъ бильше, що винъ мавъ вже за 2—3 дни видийизжаты.

. Вуйко держався мовчазлыво,—бо ёго астма не позволяла єму въ зими, идучы, говорыты,—и такъ велы мы лышъ сами розмову.

Винъ оповидавъ мени, що колы вернется звидсы до-дому, перейизджае заразъ въ друге мисто, бо саме цымы дніамы одержавъ звистку, що диставъ посаду въ Н. (це тамъ, де Єзыпъ оселевся). Мисцевистъ тая, оповидавъ, не йе єму, що правда, дуже сымпатична, але позаякъ винъ теперъ, посвятывши разъ матери и сестрамъ, мусыть свое життя пристосовуваты до життя ихнѣго и ихнихъ бажань, тожъ винъ радъ, що ихъ бажання, дистатыся якъ разъ туды, сповылося.

Для себе,—додавъ поважно,—не ожыдае винъ и такъ багато видъ життя и колы єму лышъ остается доволи часу до працї (пидъ «працею» розумигъ винъ за-едно свое малярство),—котра утримує ёго душу въ ривновази,—то винъ вже радъ.

· Свій союзъ «артизму», — додавъ усміхнувшыся,—выснывъ винъ вже давно, а колы який чоловикъ може буты своїй родыни,

чи тамъ блыжпёму, зъ своею працею корыстный, то повыненъ це чыныты.

«Вирте мени»,—сказавъ, дывлячыся задумлыво далеко впередъ себе,—«колы мы те, що вважаемо за щось меншне цинне въ жытту, сповняемо чесно и точно, а воно мае для блыжнихъ свою велыку вартисть, хоча може для нась особысто бувае меншне важне и пожадае... то все такы не пипло наше жыття марно и безкорыстно, и мы можемо на пёго сами зъ пошаною оглянутыся.

Вправди,—мовлявъ дали,—бажавъ винъ, ще молодымъ хлончыною, статы колысь велыкымъ артыстомъ,—однаково, якъ вже тамъ, колыбъ лыше доволи «велыкымъ и блыскучимъ», доволи «славнымъ и голоснымъ»,—але судьба уладыла потрохы инакше.

Ёго артыстыча карьера скиичылася тымъ, що винъ ставъ лышь звычайнымъ кормыльцемъ и оникуномъ своеи хоровытои матери й своихъ трёхъ перидныхъ незабезпеченыхъ сестеръ.

И такъ воно може и добре.

Що правда, зъ тымъ похоронылося де-що изъ ёго особыстого счастя, але позаякъ винъ зъ тымъ, якъ пересвидчывся, не стратывъ такожъ багато, то винъ остаточно и радъ, що ёго доля взяла по своїй воли оборотъ.

Николы,—додавъ поважно,—не треба намъ сумуваты за чымсь, чого намъ доля не дала, николы,—бо николы вона не забирае намъ одно, вмисто чогобъ не подала заразъ друге; хо-тый мы часто те «друге» павить пе вважаемо, бо часто наступае тее ажъ по такимъ часи, колы мы вже нашъ жаль за «втраченымъ» давно перебулы и забулы. А не зважаемо иноди й тому, що те, що намъ дистается,—дистается въ дрибныхъ дозахъ, не паче дрибни перлыны. Але тіі перлыны,—додавъ поважно зъ прытыскомъ,—можутъ буты часамы такымы дорогоцинными, що стаются намъ скарбомъ на циле наше довге жыття.

Тіі перлыны—це суть хвылынки счастя, соторени надзывайнимъ почуваннямъ незывайныхъ истотъ. На тимъ становыську паходится теперь и винъ; отже винъ радъ, що воно такъ, якъ саме ѿе.

Я слухала ёго мовчки, не обзываючися ани разу, а вуйко прытакувавъ ёго словамъ зъ вдоволеннямъ. Потимъ йшли мы ще якусь хвилыну мовчки поручъ,—я, зостановляючися надъ ёго словамы, прыстосовуючи ихъ и до своёго жыття, а винъ не менше задуманый и поважный.

Наразъ, колы мы, йшли оттакъ, збудылы нась зъ нашихъ думокъ дзвинки надизджаючыхъ позадъ нась саней и змусылы нась уступытыся тымъ залубнямъ зъ дорогы.

Зчудовано обглянулуся мы, и на наше велькe зчудовання, побачылы въ залубняхъ Олексу. Винъ казавъ фурманови стануты й запросывъ нась, особливожъ вуйка систы въ саны.

Вуйко зо мною всилы, артыста-жъ попрошався, додаючи побижно, що зайде до нась ще передъ видийздомъ попрощатися.

Видтакъ мы пойихали.

Олекса не промовивъ пидъ чась йизды до мене ани словечка.

Лыше въ-вечери, колы вуйко зъ титкою выплачувалы якымсьто робитныкамъ въ окремій кимнати належите за де-яки господарськи роботы, прыйшовъ Олекса до мене (я якъ разъ запалыла вельку звысаочу лямпу, та збиралася выкинчаты якесь шытво), и спытавъ:

- То твій портретъ вже готовый?
- Готовый. Ты бачывъ его?
- Бачывъ. Я навить самъ передъ пивъ-годыною повисывъ ёго въ вуйковій кимнати.
- Чому пытаешьъ, чы винъ вже готовый?
- Бо я думавъ, що, може, будуть ще де-яки поправки робитися.
- Ни. Портретъ цилкомъ готовый; подобается тоби?
- Подобается. Теперъ навить липше, чымъ оригиналъ.
- Чы я збрыдла, Олексо?—спытала я зъ вымушенымъ усмикомъ (я знаходылася въ неустаннимъ зворушенню видъ ёго прыйизду, неначе въ ожиданию якоись бури).

— Для мене ты збръдла. Але то оставмо теперъ. Твоя поверховнистъ не грае въ мене бильше жадной роли. Поверховнистъ въ жинокъ ѹе, о скільки вже и я пересвидчыся, наскрізь обманчыва.

— Чы вона тебе и въ мене обманыла? — спытала я дрижачымы устамы.

— Це скажу я тоби пизнішче, видказавъ мени, уныкаючи мого погляду, и почавъ въ нервовимъ посніху крутыты папироску.

— Але скажы мени, чому бабрався властыво вашъ артысть такъ довго коло того портрету? Я сподиваюся, що твоя поверховнистъ не обманыла и ёго, особлыво жъ твои очи.

— Олекса! — вырвалося мепи крыкомъ зъ усть. Чому ты иныи зновъ такый ображаючый? Якъ ты маешъ що проты мене, то скажы мени радше прямо и честно въ-вици, бо таки неустанни наякы на цёго чеснога человека и мене вражаютъ и ображаютъ мене до глыбыны души, а я не дамъ себе ображаты.

— Ты не дашся ображаты — це я самъ бачу, але видповидай на мое пытанія, чому надъ твоимъ портретомъ такъ довго малёвано, я все ще не знаю. Я маю лышъ одне пояснення на те. Або цей человекъ не розуміє свого фаху, — чому заперечує само дуже тонке техничне выполнання и велика подобництвість портрета, — або якъ не те... — утрымую, що винъ, вмісто пыльнуваты своеї працы, праціадывъ дыскусіі зъ тобою.

— Апи одне, ани друге не есть правою, видказала я, видыхаючи глыбоко.

Скильки разивъ тутъ бувъ, то малюавъ завсігды дуже пыльно, але по-пры тому выготавлявъ винъ соби и копію.

— Копію зъ твоёго портрета?

— Такъ, Олексо.

— И ты сидила ёму й до копії..

— Ни, лышъ по-деколы.

— Для кого потребувавъ винъ ту копію?

— Для себе. Винъ потребувавъ кошю яко студію, котру хоче на якусь выставу до В. высылати.

— И ты знала о тимъ?

— И знала ѹ пе конче знала. Винъ сказавъ це вуйкови, а вуйко немавъ ничего противъ того. Щожъ въ тимъ дывного Олексо?..

— Ничого, — видловивъ винъ коротко, видкыдаючи на-пивъ выкурену папироску.

— Ходы сюды!—сказавъ паразъ прыказуючымъ тономъ, пиднмаючыся зъ своёго мисьця, та выпрямовуючися просто.

Я не рушалася зъ крисла. Брутальний, деспотичный тонъ, въ котримъ вымовывъ винъ отци два слова, збудывъ всей упиръ, властивий моїй истоты, и я затремтила цилымъ тиломъ.

— Я хочу тебе щось спытатися, Зоню!—додавъ винъ вже лагиднійше, замитывши по моихъ очахъ мій настрій; бо я видчула, якъ мели наразъ видбылося все зворохоблене птуро въ очахъ.

— Це можешъ ты и такъ вчыныты, Олексо!—видказала я зъ вымушенымъ супокоемъ.—Лыше я раджу тоби въ твоимъ власнимъ интереси говорыти въ іншімъ тони. Твоя власна інтелигенція и образовання, на котри ты стильки покладаешьъ, пе повинни допускати, щобъ твоя несчасна зависть брала верхъ надъ тобою и ты ображавъ мене. Я ще терплю до якогось часу всяки таки прыкости, маючи заедно въ памъти слова, разъ давно вымовлени мени моєю несчастспою, далекою матерею... що жинка не буває николы за-багато терплькою и за-багато гордою. Проты тебе я не хочу буты замало доброю, але що до моєї гордости, то я остеригаю тебе не нарушати іні нáдто; інакше ты-бъ довивъ мене до того, що я взяла-бымъ тую свою добродту сама підъ ноги.

Винъ усміхнувся зневажливо.

— Я хочу въ тебе лышъ одно спытати,—сказавъ винъ,— и того ѹ прыйхавъ я саме теперъ сюды. Ты знаешъ, тіі два--три мисяци, котри маемо ще передъ собою, мусять межы нась

пояснения внесты. Я мушу знаты: чы маю высвячуватыся жонатымъ, чы безжсеннымы?

За цілый часъ, що тутъ перебувавъ германецъ, я патерпився дѣста мукъ и прыкрыхъ почувань. Ты, зъ твоимъ тонкымъ языкомъ и «аристократызмомъ», якъ такожъ и зъ твоими очима, зналася за кождымъ разомъ выкручуватыся передъ ришаочымъ пытаннямъ.

Але ныни я мушу маты ясну видновидъ.

Побачывши тебе, якъ ты йшла такъ прыязно зъ чужынцемъ, который вищувавъ мени заразъ, зъ самого початку, несчастя, зворохобылася моя душа до крайности. А мое тенерешне поведенія проты тебе—маешъ одыноко ёму й соби завдячты. *

Знай! Въ мени вже мирка повна. Я не хочу ничего по половини и по брехни. Видновидай же мени по правди, якъ ото я пытаюся. Чы такъ, якъ ты отце мене знаешь и якъ знаешь глыбинъ своеї души,—може мени ще твоя душа прынесты счастя, чы ни?..

Зъ тымы словамы прыстузывъ впічь до мепе, взявъ мою голову въ свои руки (о, мамо!), такъ якъ... и поглянувъ выгребущымъ, та гризнымъ поглядомъ въ очи.

Зъ несказанимъ опоромъ высвободыла я голову зъ ёго рукъ и, видстузывши виль нёго на крокъ назадъ, ссытала.

— Чы годень ты мени даты запоруку, що я буду зъ тобою счастлива въ выду твоей безнасташної недовирчыности й твоихъ нападивъ завысти? Годень?

— Выкруты...—пробурмотывъ винъ лыхо.—А я мушу маты певність и супокій. Шо каже твое птуро? Твое высоко-аристократичне, «красою патхнепне» птуро, що не зносить ничего «невыкинченного»?...

— Мени вищуе вбно^е понури дни,—видповила я по щырості,—хоча воно посидае здібності творыты и счаствія. Одначе... Одначе?.. Зоню?..

— Одначе, Олексо—хоча й якъ мени прыкро сказаты це тоби, то мушу це помымо всёго вчынты. Знай,—ты маешъ даръ,

чи радше спосибъ мене такъ перестроюваты, що циље багаџтво моєї души перетворяється передз тобою въ каррькатуру. Отъ, що! це не може до доброго межы намы допровадыты!

Винъ поблизъ и вхопывъ мене мовъ клищамы за руки.

— А германецъ?..

Пры тыхъ словахъ я почула, якъ мени видступыла вся кровь зъ лыца, и якъ мои уста стратылы свою рухлывисть.

— Ну, якъ-же?—випъ впялывъ свои розгорилы очи въ мене.

— Германецъ бувавъ проты мене такый добрый и тонкий, якымъ ты николы ани одиссейскій разъ не бувавъ.

Впрочемъ винъ завтра видийзджае, прыйде ще разъ, щобъ попрошатыся, ясь це ты й самъ чувъ,—и якъ хочешъ, можешъ зъ нымъ говорыты!

— Можу й зреектыся тієи прыемности,—видповивъ винъ.

Тіі слова винъ вымовывъ зъ такою неописаною погордою, що я не могла спокійно держатыся.

— Це твоя ричъ,—обизвалася я, а видтакъ додала ще зъ петаемною ненавистю: «Винъ прыйде щобъ зъ вуйкомъ, титкою и зо мною попрошатыся».

— Можу соби подуматы! Видийхаты, не поглянувшы ще разъ па модель студії, було бъ дійсно шкода! Модель справди незвычайна!

Я здвыгнула тупо плечыма.

«Вуйко тратыть въ нимъ тоинкого й дуже мылого товарыша.

— А ты?

— А я буду одну людину менше маты, котру навчилася высоко цинити й шанувати.

— Ты уважай, Зою, що про того чоловика въ моїй прысутности говорыши!—клыкнувъ винъ роздражнено, и въ ёго голоси затремтило щось зловистне.

Цёго я не потребую!—видповила я гордо,—яжъ и безъ того знаю, до чого ты прямуетъ. Я лышъ не знаю, звидкы берется въ тоби видвага мучыты мене такъ довго, вмисто того, щобъ поста-

выты прямо и честно для тебе таке важне пытання, котре кризъ циле твое поведення заедно пробываєтсѧ?

— То ты гадаешъ, що въ мёне нема достаточнно видвагы поставыты тоби те «важне» пытання въ килькохъ словаҳъ?

— Я це думаю.

— То добре,—буркнувшись, зъ побилившымы устамы,—будемо выдиты, хто зъ нась обохъ йе видважнишый! Чы я, що маю поставыты те пытання, чы ты, що будешъ мусила на ёго видповисты... Въ кождимъ рази буде видъ твоей видповиди залежаты добра частына твоей доли. И я думаю, що ты роздумашъ соби все-таки не кыдаты своеи доли такъ легко на вагу!

— Мамо! моя далека, горемъ похылена мамо! якъ колы истинувала яка подибністъ межъ всима намы, твоими дитыми, то знайте, николы не выступала вона мижъ намы такъ выразно, якъ въ тій хвыли, колы Олекса въ мени якесъ щось, котре винъ вже неразъ хотивъ опануваты,—теперъ *такъ съльно выклыкуваεz и образсавz*. Такъ мусивъ мій несчастны братъ Ёсынь видчуваты, якъ на ёго патыскалы зирваты зъ своею Руть, а винъ давъ слово не покынуты іи; такъ видчуvalа Лидія, колы ришила стрилыты въ себе, зъ жалю... зъ зрады, а Андруша, колы помымо упимпень и гризьбъ, або и благаения зъ твоей стороны, прямую полымы... до корчмы... такъ и Васыль, колы бравъ, помымо прысягы, несплюбну жинку до себе.

— Хто знае,—сказала я зъ цилковыто безгучнымъ голосомъ,—хто знае! ты жъ знаешъ, що въ крови нашои родыны лежыть не церемонтыся багато зъ своею судьбою. И ты самъ сказавъ мени одного разу, що мы маемо даръ въ соби своимы власными рукамы каличыты свою долю.

Въ кождимъ рази еси *ты* той, котрый розбирае свою долю розважнише. Вже твои безчыслени докоры,—що въ мене нема практичнога змыслу,—такого жъ погляду на жыття,—можутъ тоби буты доказомъ, що чоловикъ чуття зажене соби скоршє кулю въ лобъ, чымъ чоловикъ розвагы, та що тымы людымы зъ чуттгмъ—не можна такъ кермuvаты, якъ тягаровыми кипьмы!

Тому розважъ соби добрѣ, чы це буде въ твоимъ интереси— доводыты мене рижнымы мукамы и прыкростями до крайности. Но що мижъ намы дійшло дійсно до оттакой хвыли, есы лышъ ты самъ одыть выненъ, ты!—повторыла я дрижачы эъ зворушення цилымъ тиломъ:—ты, що помымо всее твоей даровитости и интелигенції, помымо чесноты, давыши твою несчастною за- выстю, а ради твоимъ «киеськымъ копытомъ прозы». Зайшло такъ далеко, що мы стоимо ныни проты себе, мовъ два ворогы,— и ожидаемо въ мукахъ выкипчения якоись то драмы. Я не боюся взяты на себе (докынула я), щобъ не прыйшло!

Ты робы, що хочешъ! якъ бачышъ, я не боюся ничего. Роздумай соби добрѣ, чы воно пе видважнише,—питання, про котре передше спомынавъ есы, поставыты мепи, чы—почуты мою видновидь на ёго.

Вишъ приступывъ близъко до мене.

Мамо! о моя мучена мамо! николы не бачыла я чоловика въ бильшимъ зворушенню, якъ теперь Олексу (але цёго вечера бувъ винъ и найкрасшы, видъ колы я ёго знала). Билый, мовъ смерть, въ лыцю, а очи горилы такымъ чорнымъ бlyскомъ, иеначебъ хтилы мене тутъ же на мисци пожерты. Винъ вхопывъ мене обома рукамы за плечи, потягнувъ пидь вельку, звысаочу лямшу (іи світло спливало ясно на насъ обохъ), а видтакъ... видитхнувъ глыбоко.

Я стояла передъ нымъ, звернувши на ёго свои очи (въ котрихъ чула цилу свою терплячу душу), выжыдаочу дальшои своеи доли...

Я знала вже, що за питання перейде черезъ ёго уста... знала панередъ.

Одначе, нехай прыйде, нехай приходыть...

Нехай и въ форми, въ якій пе було бъ,—мени одинаково; я знала лышъ те одно, що ніяка ложъ не сміє сілямыты мои уста. За жадну, цину, низашо въ свити! колыбъ навить той мужчына передо мною мавъ бы мейе до своихъ нигъ зтянуты и мучыты.

— Чы ты любыиш чужсынъця? — спытавъ погаслымъ голосомъ и зъ билымъ лыцемъ, зарывши свои пальцы въ мои рамена, мижъ тымъ, колы ёго палаючи погляды стереглы одыпако мои очи, звернени на ёго.

Я мовчала черезъ хвылынку, мабуть найтажчу въ моимъ жыттуу—(я думала про васъ всихъ, вуйка, титку, про васъ, моя далека, горемъ похылена мамо,—про «ёго», котрого «жрыкынею красы и чистоты» була я, про человека, що стоявъ передо мною и, ривно мени, боровся за щось, що такъ тяжко осяглося), а вид-такъ видимкпулусы moi уста:

— Я люблю чужсынъця, Олексо! я люблю ёго,—прошептала я,—хотя ѹ я зъ самого початку боролася зъ всеи сылы проты того... Одначе... я не знаю, ёго велика и тонка доброта, котра такъ потрибна мої вдачи, вона поборола мене—и я люблю ёго, Олексо! А теперъ робы, що хочешь!

— Безчестна!—крыкнувъ нетямлячи себе и видрутывши мене такъ сильно видъ себе, що я далеко пазадъ похытиулася.

— То иды жъ соби до ёго! бо до двохъ не можешъ панежаты!

— Навить до одного ии.—видновила я зворупено, ледве чутно.—Але ты, ты Олексо!—клыкпуда я благаючи, зложывши зъ благашиямъ руки передъ нымъ,—ты не сміешъ высвячуватыся безженинымъ, ты оженишися! подумай надъ твоимъ жыттюмъ, подумай надъ Васылемъ!

Мамо, я вже не тямлю, якъ що я просыла и якъ воно склалося, що я, помымо дыкости ёго въ тій хвыли, вчепылася въ ёго рамена и за-едно свою мольбу повторяла.

Винъ трутывъ мене вдруге видъ себе.

— Зъ тобою женишися?—крыкнувъ зъ неопысаною не-навыстю,—зъ тобою, що ты, мое счасти твою душою и фальшивыми очима въ простиагъ загребала? Теперъ ще? Иди до твого артиста; бо до такон ложи я не здібный, хоть и який въ мене розумъ будениый и твою „тонкою душою“ легковаженый. Я не ожененкся николы! Те затямъ соби!

Одначе—колы мое жыття обернется въ таку одну велыку ложъ, якъ жыття твоёго брата Васыля, то знай—лышь ты одпа будешъ мене на совисти маты! бо я бувъ себе до иншого жыття прыладывъ!

Я крыкнула, неначе винъ стрелывъ у мене; такъ тяжко влучылы мене ёго страшни слова. Тяжче не мигъ вже влучыты.

Але такъ не смило буты, якъ винъ казавъ, пе смило... ни-за-що въ свити, пе смило!—и я зновъ зблыхалася до нёго.

И щобъ вы знали, мамо, щобъ вы знали... я не уныкала павить и упокорения.

Я вчепылася ёго, и тую саму руку, що мене ще передъ хвилыною неначе безчестну видопхнула—ту руку, разъ-по-разъ цилуючи, я за-едно молыла:

— *Не зо мною, Олексо...* не зо мною:—зъ другою... зъ котрою *ты схочеши*, лышь нежонатымъ не оставайся, па свое горе такимъ не оставайся! *а зо мною—ни!!!*

— Ни. Зъ тобою—ни!—видповивъ винъ твердо (о мамо, вы пе знаете ёго консеквенцю и чистолюбивиствъ,—винъ въ тимъ ѹе велыкый!) и зъ фанатычною погордою: «зъ тобою ни; ты мени за-нечестна!

Мои уста усмихнуłyся насылу: Я жрыкыня, Олексо!—прощентала я, хапаючыся ёго зъ усієи сылы, щобъ не зомлity, бо па погахъ я вже ледве держалася... Жрыкыня!

— Що?—крыкнувъ винъ мени въ лыце—и, дотягнувшы мене до софы, тутъ же трутывъ.

— Красы и чистоты!—дошентала я.

Але винъ розсміявся, мамо, вмісто всёго, такъ твердо и бруталльно, що я маю той сміхъ ще ѹи до-ныни въ ушахъ; и се ѹе одыпока памятка, яку мени той, въ грунти такий гордый и чесний, такий мудрый, та для моєї вдачі такихи неможливый чоловикъ, зъ часу своїхъ заручынъ зо мною полышывъ...

Поблагословить, мамо, вашу доньку, поблагословить ії, моя правдыва, одыпока мамо, бо видъ теперь ани одно добре слово не сиаде на ії молоду, а вже смуткомъ похылену голову.

(Бабуня твердымъ беzzвучнымъ голосомъ):

— Я благословлю твои молоди, горемъ переповненій дни.
Але пропасть, котра поглынула твое земне счаствіе,—це твое власне нутро.

Шукай теперъ практичність твоего «жрыкыства», що такожъ не йе іншимъ, якъ аккордъ твоєї души, і сотворы соби зъ него опору въ життю ..

Я благословлю тебе...

(Слипець зъ жалемъ):

Бабуню, бабуню! будьте спрা�ведльви проты неи; вона не вынувата, що Богъ вложивъ іи въ груды вмисто крамарської души *саму одну арфу*, которую вона несподивано носыла, прыслухаочусь іи бильше, чымъ всимъ зверхнимъ обчысленіямъ практичныхъ поклывивъ життя.

Черезъ те вона гарна.

(Бабуня):

— Мовчы, мовчы, мій сыну! Ты не маешъ права судыты життя:

(Слипець):

Ни, маю, бабуню! я слипець, але въ мене душа выдюща. Титко, моя прекрасна титко! такыхъ, якъ тебе одну, сотворяе Господь *одыноко для душэ...*

Мамо!

Я бачу добре, що въ мене не буде такої исторії, якъ въ тыхъ женщынъ, котри повыходылы замижъ; тожъ нехай соби и буде!.. Лыше титка не може зъ тымъ поеднатыся и ходить зъ такымъ заплаканымъ очима въ-округы, неначе бъ ій хто померъ. А вуйко мовчыть, мовъ у ёго въ голови прокыдаются нови думки зъ поводу моєї будучності, и винъ лышъ не може ихъ ще выявыты; але впрочимъ винъ проты мене добрий и ласковый, и я мушу насылу ёго зажуреныхъ поглядивъ уныкаты, ѩобъ, стринувшися зъ нымъ, не выбухнуты голосно плачемъ. Олекса

видийхавъ заразъ другого дня, заяывыши вуйкови пысьменно, що зрывае зо мною заручыны, бо моя вдача и цила истота не видповидають для жинки священника, та що липше, пизнавши себе обопильно, видстуptyты видчасу видъ звязку, чымъ потягаты обыдви стороны въ горе и муки. Колы я подала вуйкови и титци жадани пояснення, заломыла титка мовчки руки и выйшла зъ кимнаты.—А вуйко, походывиши якыйсь часъ въ думкахъ по кимпата, приступывъ видтакъ до мого портрета и, поглядивши довше на ёго, сказавъ:

— Бидна ты моя квіточко! навить твои гарни очи не моглы тёбе охороныты передъ окаличеною долею; такъ глыбоко лежыть зародокъ горя въ цилії вашій родыни. Нехай тебе Господь має въ свой опици, та такою чистою и правдывою и на дальше бerezhe!

Титка, выплакавши добро, обсыпала мене пизнише дориканнями, що я своимъ «боготвореннямъ» якогось «чужынця» затоцтала свое счаствя ногами и такого человека, якъ Олексу, «втратила».

Я не боронылася бильше.

Мене мучыло оправдуватыся все въ тимъ самимъ.

А то, що я въ своїй души маю и знаю, не переконае ни іи, ни другихъ.

Олекса не бувъ для мене чоловикомъ; пасъ надто рижнывъ спосибъ нашого почування. Винъ и не бачывъ николы въ менн то, що артиста бачывъ и ципывъ. Ёго гнивало и дражнило те, що мене радувало и порывало; и за-едно стояло ёму мое чуття на дорози, и винъ спотыкався въ своихъ буденныхъ обычсленняхъ на ёго.

А зъ чужынцемъ мы неначе одну душу и одно почування становылы. Безъ сливъ, безъ запевненъ, а самою одынокою тонкою любовю, що мовчки злучыла наши души навики.

Це моя тайна.

Чымъ я тутъ спропевирылася свой (якъ титка каже) «народности» и всёму, що до неї належыть? Я не знаю.

Въ мене, мамо, лыше не доставало сylы опертыся тонкости, доброти и интелигенціи чужынця, котри елемента саме зъ ёго истоты на мене вплывалы незвычайно благородно. Саме шляхетне и выобразоване въ нимъ, мамо, ото взяло верхъ нади мною. Я прызнаюся до выны... признаюся, о Господы!.. и зъ тымъ схыляю свою голову глыбоко, покирно передъ вами,—судить мене вы на послидку...

Я знаю и бачу, мамо, що мое нутро зныщило вси ваши обчыслення.

Вы, якъ и вуйко й титка, надіялыша бачты мене колысь жинкою, матерью и попадею, и воно було-бъ, може, и выйшло на добре, оттакъ, якъ вы це хотили; але теперъ я стою проты того всёго, мовъ який упавшый ангель. Небеса ёму зачынени, земля за-мало небесна, и циле ёго счастя—*то ёго ангельськи крыла*.

Оставте мени мое мелянхолійне счастья,—воно для души.

Не будьте проты мене тверди й строги и не плачте, бо я сама броджу въ слёзахъ по колина...

Шануйте, мамо, вашу далеку дытыну, бо вона осталася, помымо своеи велыкои любовы до чужынця, чиста и добра.

И руки іи не будуть въ жытту бездильни. Будьте добри й тонки проты неї и не жалуйте мени справедливости.

Жадне зъ жыючыхъ ще нашыхъ, мамо, не ѿ таке счастыве, щобъ не потребувало мене колы въ жытту.

Андруша, ты мій бидный, змарнованый брате! Чы прыгадуешъ ты соби твою гарцу сестру, за котрои рухамы ты за-всигды за такимъ прызырствомъ позыравъ?

Чыслы на тую сестру, Андруша; вона ступае такъ само самитно межы людьмы зъ своею душою, якъ ты па твоихъ далекихъ пустыхъ поляхъ, зъ твоимъ несчастнымъ нахыломъ. Але колысь, Андруша, колысь... якъ ты будепъ осироченый и опу-

щеный, будешъ зблыжатыся... проты кинця твоёго сумного жыття,
вона виднайде тебе на твоихъ пустыхъ поляхъ и не покыне...

Чыслить вси, вси на мене... *вси вы, котри тие думкы,*
що я не посидала розуминня для дійсного жыття и не була-бъ
умила заняты межы вами гидне мисце...

И моёго слипого братания десь тамъ въ далечыни, котрого
я не бачыла николы, а котрого папомацкы люблю, — ёго-жъ
вичный смутокъ *мени ридныи*,—поздоровить сотню разивъ.

Нехай винъ не розпачуе и самоту не оскаржуе. Докы ёго
титка живе, винъ не останется одынъ на свити. Чы може хоche
хто ишый крокы слипца стерегты?.. Нехай це робыть, колы
годенъ; але ёго душу оставте мени. Въ неи багацтва бильше,
якъ для одного. Поздоровляю ёго сотню разивъ!

И чужынция въ тимъ мисти поздоровляе тайкомъ моя душа ..

Мы разсталыся, моя мамо.

Одного похмурого поранку, въ-коротци по брутальній сцени
зъ Олексою, прыйшовъ винъ до насъ, щобъ у последне зъ намы
попрощатыся.

Зъ тымы другымы попрощався винъ окремо, а зо мною—
колы выйшовъ проты мене въ довгыхъ нашыхъ синяхъ.

Ни, моя далека, горемъ похылена мамо! не думайте про
яку небудь любовну исторію межы намы; на те мы обое надто
багато мовчали...

Николы не просывъ винъ видъ мене ничего, а я не оби-
цювала ёму ничего.

Я була судженою другого, а винъ одынъ зъ тыхъ, що не
надіются видъ жыття вже бильше ничего.

И мы обое разумилы себе.

Але колы я ёго (для васъ правда винъ «чужый») безгра-
нично любыла, то це була одынока заслуга ёго гарной души.

— Николы, николы не хочу я въ друге таку хвылю пере-
жыты, якъ того поранку колы мы на-завше разсталыся.

Я до ныни не знаю, чы винъ дизнася о тимъ, що я вже не була нареченюю, чы ни; бо я не спомынала ёму о тимъ жаднымъ словечкомъ... Одначе, колы винъ выйшовъ проты мене (я переходыла синьмы до титкы), выйшовъ несказанно зворушено, зъ очымъ одыноко на мене зверненымы, а я, прыступывши до него, майже несвидомо уклала свои руки на ёго рамена,—взявъ винъ, якъ вже разъ тому передше, мою голову нижно межы свои руки и задывывся на мене...

О, ты Господы могучый!

Чы винъ зачуў оклыкъ жалю въ моій души за нымъ?

Винъ мусивъ ёго зачуты, мамо, бо паразъ, надывывшия на мене мовчки и довго, прытыснувъ мене такъ сыльно ѹ щыро до своихъ грудей, такъ ѹ щыро, мамо, що мене прошибло почуттямъ, немовъ винъ впывае мене цилкомъ и чавики, въ свою душу... И тутъ-же пролежала я и на хвылынку занимila...

Ани одно слово не перейшло черезъ ёго уста, ани одно слово черезъ moi. Це не було намъ обоимъ можливо...

Сыльне, глыбоке, потужне мовчания мижъ намы договорыло все, все, все...

—

Мамо! моя далека, горемъ похылена мамо!

Багато зъ людей ступало за твою гарною донькою зъ любовю; багато зъ ныхъ клало ій те почуття пидъ ногы,—але жаденъ зъ ныхъ, мамо, жаденъ—не бувъ такий правдыво ѹ Ѣрый и правдыво добрый для неи и проты неи, якъ отой «чужынецъ».

Винъ не «обицавъ» ничего, не ломывъ ничего,—винъ мавъ лише дїсно правдыву «душу» въ грудяхъ и доброму...

Доброму, мамо...

—

И тому, мамо, благословить мое смутне, никому незнанне счаствя, благословить ёго тысячу разъ!..

Бабуна глыбоко схылена, на-пивъ молячыся, на-пивъ шепчучы:

Томъ 90.—Сентябрь, 1905.

I—6

— Я благословлю ваше смутне, никому незпане счастя...
благословлю ёго тысячу разъ. Але возьмить и кровъ моёго серця
до того...

Слишець плакавъ.

Ольга Кобылянська.

*Выс.-пов. Н.-К.-санит. советнику и доцентови д-ру
Фридриху Маерови
прыисвячуе
авторка.*

Юго-западный край по даннымъ переписи 1897 года.

Пространство. Плотность населенія вообще и по мѣстностямъ. Различіе въ размѣрахъ отдельныхъ уѣздовъ. Распределеніе городского населенія. Неточности въ счетѣ городского и сельского населенія. Соотношеніе между численностью городского и сельского населенія.—Распределеніе населенія по половому составу въ сельскихъ и городскихъ поселеніяхъ.—Повоарастное распределеніе населенія.—Распределеніе населенія по семейному состоянію. Этнографический составъ населенія.—Способъ определенія его по родному языку. Дефекты этого способа. Распределеніе всего населенія края по этнографическимъ группамъ. Тоже—среди городского и среди сельского населенія. Вѣроисповѣдный составъ населенія.—Сословный его составъ. Распределеніе населенія по сословіямъ въ селахъ и городахъ. Этнографическое распределеніе населенія по сословіямъ.—Данныя о количествѣ лицъ съ физическими недостатками. Распределеніе ихъ среди населенія.—Грамотность населенія. Неточная формулировка табличныхъ заголовковъ. Степень развитія грамотности. Развитіе грамотности среди сельского и городского населенія. Грамотность по возрастамъ и поламъ. Тоже—по національностямъ. Низкое развитіе грамотности въ краѣ. Грамотность по вѣроисповѣданіямъ и по сословіямъ. Данныя о численности и распределеніи лицъ съ образованіемъ выше начального. Данныя о грамотности на нерусскомъ языке.—Данныя о занятіяхъ населенія. Вѣроятность ихъ недостаточной точности. Трудность сводки этихъ данныхъ для настоящей статьи. Неоднородность сводки данныхъ въ „обзорахъ“, составленныхъ Центр. Стат. Комитетомъ. Недочеты въ отношеніи группировки данныхъ. Распределеніе населенія по занятіямъ. Соотношеніе между лицами работающими и кормящимися отъ нихъ. Сравнительное участіе разныхъ народностей въ различныхъ видахъ занятій населенія.—Краткость программы статистического изслѣдованія 1897 г. Отсутствіе экономическихъ данныхъ. Значительное сокращеніе этой краткой программы послѣ 1897 г. Устарѣлость опубликованныхъ данныхъ.

Составляющія Юго-западный край три губерніи занимаютъ площадь въ 144.735 кв. верстъ, превышая своимъ пространствомъ Швейцарію и Португалію, вмѣстѣ взятыхъ. Наличное населеніе края равно 9.567.010 чел., т. е. на полтора миллиона болѣе населенія этихъ странъ. Губерніи эти далеко не одинаковы по занимаемому ими пространству: первое мѣсто по величинѣ занимаетъ Волынская губернія (63.036 кв. в.), почти вдвое превышающая своимъ пространствомъ губернію Подольскую (36.921 кв. в.); Киевская же губернія занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее между ними положеніе (44.778 кв. в.), въ то же время болѣе приближаясь по своей величинѣ къ Подольской губ. Наоборотъ, по абсолютной численности своего наличного населенія Волынская губ. занимаетъ послѣднее мѣсто—2.989.482 душъ о. п., Киевская же—первое: 3.559.229 душъ о. п. (на что отчасти оказываетъ вліяніе присутствіе такого крупнаго городского центра, какъ Кіевъ, безъ котораго цифра населенія губерніи равна 3.311.506 душъ о. п.); что касается численнаго состава населенія Подольской губ., то онъ немногого выше такого же состава Волынской—3.018.299 душъ о. п.

Отсюда ясно, что плотность населенія этихъ трехъ губерній неодинакова: при средней для края плотности населенія 66 душъ о. п. на кв. версту, наибольшою плотностію отличается Подольская губернія — 81,8 душъ о. п. на кв. версту, близко къ которой находится плотность населенія кіевской губ.—79,7 душъ на кв. в., тогда какъ плотность населенія волынской губ. почти вдвое меньше—47,4 д. на кв. в.

Аналогичныя явленія замѣчаются и по отношенію къ отдѣльнымъ уѣздамъ этихъ губерній: они очень неодинаковы и по пространству и по населенію, и плотность ихъ населенія весьма разнообразна. Такъ какъ въ каждой изъ этихъ трехъ губерній по 12 уѣздовъ, то, по разсчету пространства каждой изъ нихъ, средній размѣръ уѣзда долженъ бы быть: въ Волынской губ. 5250 кв. верстъ, въ Кіевской 3700, въ Подольской 3100. На самомъ же дѣлѣ это далеко не такъ: въ волынской губ. самый обширный уѣздъ, Овручскій, занимаетъ пространство, почти вдвое превышающее вышеуказанную среднюю цифру—9274 кв. в., а самый мень-

шій—Старо-Константиновскій, наоборотъ, вдвое меныше ея (2246 кв. в.); въ подольской губерніи самымъ крупнымъ по пространству является Балтскій уѣздъ (6824 кв. в.) и слѣдующій за нимъ Ольгопольскій, имѣющій уже вдвое меньшій объемъ—3521 кв. в., а наименѣшими Проскуровскій и Летичевскій (2364 и 2371 кв. в.). Въ свою очередь, въ Киевской губ. уѣзды тоже весьма различны по величинѣ: наибольшій—Радомыслъскій занимаетъ 8435 кв. в. а слѣдующій за нимъ Киевскій 4968 кв. в., наименѣшій же Липовецкій—2540 кв. в.

По абсолютной численности населенія уѣзды этихъ трехъ губерній, какъ было сказано, тоже весьма неодинаковы и численность населенія уѣзовъ не всегда совпадаетъ съ занимаемыми ими пространствомъ. Такъ, наиболѣе обширные уѣзды Овручскій и Радомыслъскій принадлежать къ группѣ уѣзовъ съ сравнительно невысокой цифрой абсолютной численности населенія (всего отъ 220 до 315 тыс. насел. на уѣздѣ). Словомъ, густота населенія отдаленныхъ уѣзовъ тоже весьма неодинакова и колеблется между цифрами: 22 души о. п. на кв. в. (для Овручскаго уѣзда) и 109 (для Киевскаго—считая его съ населеніемъ г. Киева), или, если не считать населенія городовъ—между 21 душа о. п. на кв. в. (для Овручскаго же уѣзда) и 92 д. о. п. (для Каневскаго уѣзда), изъ которыхъ первый является такимъ образомъ наименѣе, а второй—наиболѣе густонаселеннымъ изъ всѣхъ уѣзовъ края. О распределеніи уѣзовъ на группы по отношенію къ густотѣ населенія (считая съ населеніемъ городовъ) можно судить по нижеслѣдующей табличкѣ.

Количество уѣзовъ съ густотой населенія на 1 кв. версту
Въ губерн.: 20—30 30—40 40—50 50—60 60—70 70—80 80—90 90 и болѣе
д у шъ о б о е г о п о л а.

Кievskoy	—	1	—	—	—	2	5	4
Volynskoy	1	3	1	2	3	1	1	—
Podolskoy	—	—	—	1	—	2	5	4
Итого	1 ¹⁾	4 ²⁾	1 ³⁾	3 ⁴⁾	3 ⁵⁾	5 ⁶⁾	11 ⁷⁾	8 ⁸⁾

¹⁾ Овручскій. ²⁾ Радомыслъскій, Ковельскій, Лудкій, Ровенскій.
³⁾ Владимірвол. ⁴⁾ Дуб., Новоградвол., Балтск. ⁵⁾ Житом., Засл., Остр.

Такъ какъ средняя плотность населенія края опредѣляется (см. выше) въ 66 (или круглымъ счетомъ 60 — 70) душъ о. п. на кв. версту, то съ густотой населенія меныше средней для края оказывается 9 уѣздовъ (изъ которыхъ 8 принадлежать къ Волынской губ.), а съ густотой населенія выше средней — 24 уѣзда (въ большинствѣ уѣзды Подольской и Киевской губ.).

Эта группа уѣздовъ относится, такъ сказать, вообще ко всему населенію уѣздовъ. Исключеніе же изъ общей цифры населенія уѣздовъ населенія собственно городского нѣсколько видоизмѣняетъ эту группировку — въ смыслѣ перемѣщенія нѣкоторыхъ уѣздовъ (гдѣ имѣются болѣе крупные города) въ группы съ менышею плотностью населенія. Это относится главнымъ образомъ къ Киевскому уѣзу, который, за исключениемъ населенія города, оказывается имѣющимъ плотность населенія 61 чел. на кв. вер., къ Житомирскому (54), Кременецкому (69), Чигиринскому, Бердичевскому, Уманскому и Староконстантиновскому (75—78), Звенигородскому, Могилевскому, Проскуріовскому и Винницкому (81—86 ч. на кв. в.).

Городское населеніе группируется въ краѣ въ 3 губернскихъ, 33 уѣздныхъ городахъ, 5 безъуѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ особо поименованныхъ въ изданіи «первой всеобщей переписи» (т. XXXII) по Подольской губ.¹⁾, а также во многихъ мѣстечкахъ Киевской, Волынской и Подольской губ., совершенно не выдѣленныхъ при переписи и цѣликомъ причисленныхъ къ сельскому населенію; таковы, наприм., такие крупные центры, имѣющіе характеръ городскихъ поселеній, какъ Жмеринка и м.м. Дунаевцы, Ермолинцы, Новоконстантиновъ, Шепетовка, Славута, Смѣла, Златополь, Корсунь, Чернобыль, Богуславъ, Шпола и т. д. Само

⁶⁾ Сквир., Чигир., Кремен., Летич., Литин. ⁷⁾ Васильк., Липов., Таращ., Уман., Черкас., Старокон., Брацл., Ольгоп., Ушицк., Ямпол., Гайсинск.

⁸⁾ Киевск., Бердичев., Звениг., Каневск., Камен., Винницк., Могилев., Проскур.

¹⁾ Сальница, Хмѣльникъ, Барь, Ст. Ушица, Вербовецъ.

собою разумѣется, что такое невыдѣленіе данныхъ о значеніи такихъ пунктовъ изъ общаго счета сельскаго населенія уѣздовъ составляетъ несомнѣнную ошибку центральнаго статистического комитета. Благодаря ей, цифра чисто сельскаго населенія въ произведенной комитетомъ сводкѣ данныхъ является преувеличенной, а городскаго—преуменьшенной и самое число поименованныхъ въ «переписи» городскихъ поселеній оказывается тоже значительно уменьшеннымъ. При различіи характера того и другого населенія и занятій его, слѣдовало бы выдѣлить городскія поселенія офиціального названія городовъ въ особую группу отдельно отъ сельскихъ и городскихъ поселеній, что было бы совсѣмъ не трудно¹⁾.

Опирая съ этимъ преуменьшеннемъ количествомъ (41) городскихъ поселеній, слѣдуетъ признать, что населенность ихъ, какъ это видно изъ нижеприводимой таблички²⁾, крайне разнообразна:

Число городск. посел. съ насел. тыс. душъ:										
	до 5	отъ 5 до 10	10-15	15-20	20-25	25-30	30-35	35-40	40-65	Итого.
Кievskoy . .	—	3	3	2	—	1	1	—	1	11
Подольской . .	—	2	4	4	1	—	—	—	1	12
Волынской . .	3	8	1	—	3	—	1	1	—	17
Итогъ . .	3 ³⁾	13 ⁴⁾	8 ⁵⁾	6 ⁶⁾	4 ⁷⁾	1 ⁸⁾	2 ⁹⁾	1 ¹⁰⁾	2 ¹¹⁾	40

¹⁾ Само собою разумѣется, что, благодаря этому, и всѣ послѣдующіе выводы изъ этихъ цифръ должны страдать вѣкоторою неточностью.

²⁾ Откуда выдѣленъ г. Киевъ, какъ имѣющій исключительно крупную цифру населенія: 247,723 чел.—по переп. 1897 г.

³⁾ Сальница, Ст. Ушица, Вербовецъ. ⁴⁾ Каневъ, Липовецъ, Чигиринъ; Овручъ, Владиміровъ.; Брацл., Гайс., Летич., Литинъ, Баръ, Ольгоп., Н. Ушица, Ямполь. ⁵⁾ Васильковъ, Радомъ, Тараща; Дубно, Заславъ, Луцкъ, Острогъ; Хмѣльникъ. ⁶⁾ Звенигородка, Сквира; Ковель,

Въ общемъ, населеніе этихъ городовъ (съ Кіевомъ) составляетъ 9,6% всего населенія края (въ дѣйствительности, если присоединить городскія поселенія, ошибочно привѣченнѣя къ сельскому населенію, этотъ % долженъ быть выше); при этомъ въ Кіевской губ. оно составляетъ 12,8%, въ Волынской 7,8%, и въ Подольской 7,4%¹⁾. Сравнительно съ губерніями Европ. Россіи, гдѣ городское населеніе составляетъ 12,8%, городское населеніе края составляетъ меньшій процентъ. Считая вмѣстѣ съ Кіевомъ, средняя населенность городскихъ пунктовъ составляетъ въ краѣ 22000 чл., а безъ Кієва 16600 чл., въ томъ числѣ для Подольской губ., въ среднемъ на 1 городъ приходится 13000 ч. населенія²⁾, въ Волынской 17800, въ Кіевской 22500. Изъ приведенной таблицы видно, что большинство городскихъ поселеній края имѣютъ населенность ниже средней.

Кончая съ группировкой населенія по городамъ, не лѣшнее упомянуть о невозможности охарактеризовать условія разселенія сельскихъ жителей по сельскимъ населеннымъ пунктамъ въ виду того, что центральный статистический комитетъ, къ сожалѣнію, не опубликовалъ этихъ добытыхъ переписью 1897 г. данныхъ.

Распределеніе населенія края по половому составу выражается нѣкоторымъ преобладаніемъ женского пола надъ мужскимъ: въ среднемъ выводѣ для всѣхъ трехъ губерній на 1000 мужчинъ приходится 1002 женщины; въ частности по отдельнымъ губер-

Кременецъ, Новоградволынс., Староконст.⁷⁾ Ровно; Балта, Проскуровъ, Могилевъ.⁸⁾ Черкассы.⁹⁾ Умань; Винница.¹⁰⁾ Каменецъ.
¹¹⁾ Бердичевъ; Житомиръ.

¹⁾ Если же взять, по примѣру остальныхъ двухъ губерній, только губернскій и уѣздные города—то 7%.

²⁾ Если же исключить (какъ въ предыдущемъ примѣчаніи) безъуѣздные города и мѣстечки, то—15800.

ніамъ численное преобладаніе женскаго пола надъ мужскимъ замѣчается однако только въ Подольской (на 1000 м.—1006 ж.) и Киевской губ. (на 1000 м.—1014 ж.). Волынская же губернія представляетъ исключеніе: въ ней на 1000 мужчинъ приходится только 989 женщинъ. Въ частности въ городскомъ населеніи края замѣчается почти повсюду численное преобладаніе мужскаго пола надъ женскимъ: въ среднемъ итогъ на 1000 мужчинъ въ городахъ края приходится 892 женщины; это преобладаніе въ большинствѣ городовъ мужскаго пола надъ женскимъ въ значительной степени объясняется присутствиемъ въ нихъ войскъ и приходомъ на зимніе заработки (перепись 1897 г. производилась зимой) мужчинъ изъ сель. Исключеніе (въ распределеніи полового состава) составляютъ лишь отдельные города: Овручъ, Летичевъ, Ямполь, Сальница, Хмельникъ, Баръ, Каневъ, Липовецъ, Радомыслъ, Тараща и Чигиринъ, гдѣ, наоборотъ, женское населеніе превышаетъ мужское.

Если же исключить изъ счета все городское населеніе, чтобы такимъ образомъ установить соотношеніе половъ среди одного только сельскаго населенія, то окажется, что въ итогѣ для каждой губерніи (считая и Волынскую) женскій полъ численно преобладаетъ надъ мужскимъ (составляя въ Подольской губ. 50,5% всего сельскаго населенія, въ Киевской 51%, въ Волынской 50,1%).

Слѣдовательно, вышеуказанное численное преобладаніе мужскаго пола надъ женскимъ среди всего вообще наличнаго (сельскаго плюсъ городского) населенія Волынской губ. объясняется вліяніемъ на этотъ выводъ цифръ городского населенія этой губерніи, гдѣ, кстати сказать, въ одномъ только (самомъ маленькомъ уѣздномъ) городѣ Овручѣ замѣчается небольшое численное преобладаніе женскаго пола надъ мужскимъ, въ остальныхъ же городахъ—вездѣ наоборотъ. Только что указанное явленіе—численное преобладаніе среди сельскаго населенія женскаго пола надъ мужскимъ—замѣчается однако не во всѣхъ уѣздахъ края: исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ 5 уѣзовъ волын-

ской¹⁾ и 3 уѣзда подольской²⁾ губ., гдѣ—въ первыхъ—на 1000 душъ м. п. приходится въ среднемъ 988 женщинъ, и во вторыхъ 990.

Въ общемъ итогѣ для всего края вышеуказанное численное преобладаніе женского пола надъ мужскимъ (на 1000 м.—1002 ж.) представляется менѣe значительнымъ, чѣмъ въ большинствѣ остальныхъ губерній Евр. Россіи (на 1000 м. около 1005 ж.).

Повозрастное распределеніе населенія, какъ и вообще въ Евр. Россіи, отмѣчается пониженіемъ группового состава по мѣрѣ повышенія возрастной градации, при чѣмъ наибольшая величина группового состава, или, иначе говоря, наибольшій процентъ лицъ, приходится на принятую переписью возрастную градацию въ 0—9 лѣтъ, а слѣдующій затѣмъ—на возрастную градацию отъ 10—19 лѣтъ, начиная съ которой пониженіе группового состава становится особенно замѣтнымъ:

% ко всему населенію:	Волынская	Кievская	Подольская
отъ 1—9 л.	29,4	28,6	27,8
— 10—19 л.	21,9	22,9	22,8
— 20—29 л.	17,1	15,4	15,4
— 30—39 л.	11,9	12,1	12,3
— 40—49 л.	8,2	9,2	9,3
— 50—59 л.	6,2	6,3	6,6
60 и болѣе	4,3	5,5	5,8
	100,0	100,0	100,0

О распределеніи состава населенія по возрастамъ и полу въ городахъ и уѣздахъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ (въ % къ количеству городскаго и сельскаго населенія):

---

¹⁾ Житомирскій, Ковельскій, Кременецкій, Луцкій, Ровенскій.

²⁾ Балтскій, Винницкій, Летичевскій.

Въ го ро д а хъ

Возрастъ	Кіевск. губ.		Волынск. губ.		Подольск. губ.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
1—9 л.	19,7	21,6	20,0	24,3	22,6	24,9
10—19 л.	19,4	23,1	17,7	24,3	20,0	24,8
20—29 л.	28,1	19,1	35,2	17,5	24,7	16,1
30—39 л.	13,4	13,5	10,4	12,3	10,8	12,0
40—59 л.	14,5	16,6	11,8	15,6	14,0	16,2
60 и выше	4,9	6,1	4,9	6,0	5,1	6,0

• Въ уѣздахъ

Возрастъ	Кіевск. губ.		Волынск. губ.		Подольск. губ.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
1—9 л.	30,0	29,5	30,1	29,9	28,0	28,0
10—19 л.	23,9	23,5	21,6	22,5	22,0	23,4
20—29 л.	13,5	14,8	15,9	16,5	14,5	15,3
30—39 л.	11,8	11,9	11,9	11,9	12,0	12,5
40—59 л.	15,9	15,2	14,6	14,4	17,2	15,7
60 и выше	4,9	5,1	5,8	4,7	6,3	5,1

Разсмотрѣніе процентнаго отношенія возрастныхъ группъ указываетъ, что наиболѣе многочисленной возрастной группой среди сельского населенія является дѣтская группа (0—9 лѣтъ), а второе мѣсто занимаетъ группа подростковъ (возраста 10—19 л.) и въ такомъ же порядкѣ каждая послѣдующая возрастная группа представлена все меньшими и меньшими числами¹⁾. Въ городскомъ же населеніи это распределеніе отличается преобладаніемъ жителей въ цвѣтущемъ возрастѣ—отъ 20—29 л., наблюдаемымъ однако только по отношенію къ мужскому полу и объясняющимся

¹⁾ Группа въ возрастѣ 40—59 л. хотя и характеризуется (въ таблицѣ) болѣе крупными цифрами, но не составляетъ исключенія, такъ какъ въ ней совмѣщено двѣ десятилѣтнія группы (тогда какъ въ прочихъ по одной).

значительнымъ притокомъ молодыхъ мужчинъ этого возраста въ города. Рядомъ съ этимъ, въ городахъ замѣчается значительно большее колебаніе въ соотношеніяхъ обѣихъ половъ, чѣмъ въ селеніяхъ: въ возрастѣ отъ 20—29 л. женщинъ значительно меньше, чѣмъ мужчинъ, въ возрастѣ же отъ 40—59—наоборотъ.

По семейному состоянію взрослое (съ 15 л. и выше) населеніе края распредѣляется въ относительныхъ величинахъ такъ:

	% ко всему взрослому населенію губерніи					
	Волынская	Кievская	Подольская			
	М. П.	Ж. П.	М. П.	Ж. П.	М. П.	Ж. П.
Холостыхъ и						
дѣвицъ	31,9	23,7	31,0	24,5	29,9	21,9
Состоящихъ						
въ бракѣ	62,9	65,4	64,5	63,6	65,9	65,4
Вдовыхъ	5,0	10,6	4,3	11,5	4,0	12,3
Разведеныхъ	0,07	0,2	0,1	0,3	0,1	0,2
Неуказавшихъ	0,07	0,09	0,1	0,1	0,1	0,2
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Какъ не трудно видѣть изъ этой таблички, наибольшая часть взрослаго населенія края состоять въ бракѣ, при чѣмъ процентъ мужскаго и женскаго пола приблизительно одинаковъ. Холостая группа вездѣ почти вдвое меньше только что упомянутой; это уменьшеніе въ особенности замѣтно у женщинъ, у которыхъ за то болѣе значительный процентъ вдовыхъ сравнительно съ мужчинами.

Этнографический составъ населенія опредѣлялся во время переписи на основаніи показаній самихъ жителей о родномъ языке. Поэтому, прежде чѣмъ воспользоваться данными объ этнографическомъ составѣ, необходимо остановиться на уясненіи вопроса, на сколько точны были показанія населенія, а слѣдова-

тельно и записи счетчиковъ въ этомъ отношеніи. Степень точности показаній населенія по этому вопросу въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ той внимательности и сознательного отношенія къ дѣлу, какое проявляли въ данномъ случаѣ опрашивавшіе населеніе счетчики. Составъ производившихъ перепись счетчиковъ, въ общемъ, достаточно извѣстенъ. Это—добровольцы, до того момента никогда переписью не занимавшіеся, а статистикою не интересовавшіеся, т. е. люди, къ этому дѣлу недостаточно подготовленные и работавшіе или изъ-за вознагражденія, или изъ-за «статистической медали». Для многихъ изъ нихъ совершенно не было интересно при опросѣ каждой семьи обстоятельно разъяснить опрашиваемымъ, что именно нужно подразумѣвать подъ понятіемъ «родной языкъ»; а немалое ихъ количество, несмотря на полученные инструкціи, вѣроятно, не сумѣло бы даже и дать такого разъясненія. Опрашивавшіе удовлетворялись часто тѣмъ пониманіемъ заданныхъ ими вопросовъ, какое обнаруживали опрашиваемые въ своихъ отвѣтахъ, не интересуясь удостовѣриться степенью правильности этого пониманія, а опрашиваемые отвѣчали такъ, какъ умѣли. И вотъ часто на вопросъ о родномъ языке опрашиваемый отвѣчалъ «русскій», а опрашивающій, ничего сомнѣвшійся, сейчасъ же зачислялъ его въ великороссы, хотя бы отвѣчавшій въ качествѣ малорусса, подразумѣвалъ именно языкъ малорусскій. Съ другой стороны тѣ изъ малороссовъ, которые одинаково владѣютъ и малорусскимъ и великорусскимъ языкамиъ, могли и сами вполнѣ безразлично относиться къ вопросу о томъ, куда ихъ запишутъ по одному изъ двухъ родныхъ имъ языковъ. Малороссы, обучавшіеся въ школахъ, где преподаваніе, какъ извѣстно, повсюду ведется на великорусскомъ языке, и потому съ дѣтства привыкшіе къ этому языку, а также малороссы, въ семье которыхъ принято говорить по-великорусски (что главнымъ образомъ, конечно, относится къ интеллигенціи), могли, благодаря именно этому, показывать своимъ роднымъ языкамъ, по собственному усмотрѣнію, или великорусскій или малорусскій, смотря по желанію, или точкѣ зрения, съ которой они смотрѣли на данный вопросъ. И тѣ изъ нихъ, которые показывали при этихъ усло-

віяхъ роднымъ своимъ языкомъ великороссійскій, попадали въ число великороссовъ, хотя не только сами родились въ Малороссіи, имъя своими предками исконныхъ малороссовъ, но можетъ быть никогда даже и не выѣзжали изъ Малороссіи. Отсюда неизбѣжная неточность въ цифрахъ, сводящаяся къ увеличенію числа великороссовъ за счетъ уменьшенія цифры малороссовъ. Отсюда неточность въ выводахъ хотя бы, напр., относительно развитія грамотности и образованія среди того и другого племени¹⁾. Въ этомъ отношеніи особенно бросаются въ глаза цифры лицъ, получившихъ образованіе выше начального. При полной одинаковости условій полученія образованія выше начального какъ въ Малороссіи, такъ и въ ея, при общеизвѣстности факта, что малорусская интеллигенція въ общемъ отнюдь не менѣе многочисленна (по сравненію съ общей массой *своего* населенія), чѣмъ великорусская, по даннымъ переписи оказывается, что (въ общемъ итогѣ для Евр. Россіи) изъ общаго числа грамотныхъ своего племени у малороссовъ только $1\frac{1}{2}\%$ лицъ мужск. пола и $4,4\%$, женскаго принадлежитъ къ числу получившихъ образованіе выше начального, тогда какъ у великороссовъ эти же проценты равны $5,8\%$ и $11,1\%$ т. е. вчетверо и втрое больше. Такая значительная разница только и можетъ быть объяснена указаніою неточностью цифръ, такъ какъ въ дѣйствительности нѣть никакихъ данныхъ для существованія и объясненія столь значительного различія. Такое различіе по цифрамъ переписи замѣчается не только въ итогахъ для цѣлыхъ губерній (гдѣ слѣдовательно превалируютъ цифры сельского населенія), но и въ цифрахъ, относящихся къ городскому населенію—и тамъ $\%$ лицъ, получившихъ образованіе выше начального (къ общему числу грамотныхъ), больше у великороссовъ, чѣмъ у малороссовъ даже и въ городахъ Малороссіи. Такъ, въ уѣздныхъ гор. Киевской г. процентъ этихъ лицъ среди великороссовъ составляетъ 21,7, а среди мало-

¹⁾ О чѣмъ подробнѣе будетъ ниже.

россовъ только 5,2. Единственнымъ объясненіемъ такихъ стран-
ныхъ цифровыхъ комбинацій является именно неточность самихъ
переписныхъ дачныхъ, обусловленная самимъ способомъ установ-
ленія принадлежности населенія къ той или иной этнографи-
ческой группѣ.

Отмѣтимъ кстати совершено правильную оцѣнку этого
приема, сдѣланную въ № 30 «Южныхъ Записокъ» за 1905 г. въ
статьѣ «Народное Образованіе въ Юго-западномъ краѣ по даннымъ
переписи 1897 года» Б. Лелича:

... «языкъ, которымъ говоритъ человѣкъ, не представляетъ
никогда достаточно вѣрного и полнаго доказательства его націо-
нальности. Не приводя никакихъ доказательствъ этой бесспорной
истины, мы ограничимся ссылкой хотя бы на столь широко рас-
пространенную на русскомъ языкѣ книгу знаменитаго англій-
скаго ученаго Эд. Б. Тайлора «Антропологію», въ которой, на-
званный авторъ, приходя къ тому же выводу, говорить между
прочимъ, что «языкъ человѣка въ дѣйствительности свидѣтель-
ствуетъ не о его происхожденіи, но о его воспитанії». Если
такая истинѣ, извѣстная каждому, хоть сколько-нибудь научно-
образованному человѣку, неизвѣстна была лицамъ, организовав-
шимъ разработку данныхъ переписи, то можно только удивляться
ихъ невѣжеству. Подобные руководители возможны лишь въ
такомъ бюрократическомъ учрежденіи, какимъ является Центр.
Стат. Комитетъ».

Обращаясь теперь къ этнографическому составу населенія
края, мы встрѣчаемся съ слѣдующими цифрами, располагая этно-
графическія группы въ нисходящемъ порядкѣ ¹⁾.

¹⁾ Что отнюдь не соблюдается въ цитируемыхъ изданіяхъ Ц. Ст. К-та, гдѣ на первомъ планѣ, несмотря на ихъ малочисленность,
непремѣнно красуются великороссы, евреи же занимаютъ всегда одно
изъ послѣднихъ мѣстъ.

	Всего по краю.	Въ томъ числѣ въ губерніяхъ:		
		Киевской.	Волынской.	Подольской.
малороссы	7357543	2819145	2095579	2442819
евреи	1194569	430489	394774	369306
великороссы	413290	209427	104889	98974
поляки	322108	68771	184161	69156
нѣмцы	190107	14707	17331	4069
чехи	31850	3294	27670	886
молдаване	27592	250	314	27028
бѣлоруссы	11017	6389	3794	834,

при чемъ надо имѣть въ виду, что цифры малороссовъ, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, являются преуменьшенными за счетъ увеличенія количества великороссовъ, которыхъ такимъ образомъ должно считаться еще меньшее, чѣмъ показано. Въ процентахъ эти числа выражаются слѣдующимъ образомъ:

	Всего по краю.	Въ томъ числѣ въ губерніяхъ:		
		Киевской.	Волынской.	Подольской.
малороссовъ	77,6	79,3	70,3	81,0
евреевъ	12,5	12,3	13,2	12,2
великороссовъ	4,4	6,0	3,5	3,3
поляковъ	3,4	1,9	6,3	2,3
нѣмцевъ	2,0	0,4	5,7	—
чеховъ	— ¹⁾	—	0,1	—
молдаванъ	—	—	—	0,9
бѣлоруссовъ	—	—	—	—
прочихъ	—	—	—	—
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Отсюда ясно, (даже и безъ поправокъ указанной не точности цифръ), что во всѣхъ трехъ губерніяхъ главную массу населенія составляютъ малороссы, а слѣдующее за ними мѣсто

¹⁾ Черточками отмѣчены процентныя величины ниже 0,1.

припадлежить евреямъ. Великороссы же занимаютъ по численности своей только третье мѣсто въ итогѣ по краю, уступая даже въ Волынской губ. это третье мѣсто полякамъ; но вообще поляковъ въ краѣ сравнительно мало—всего 3,4% общаго количества населенія (отъ 1,9% въ Киевской до 6,3% въ Волынской).

Преобладающій малорусскій составъ населенія края (и, какъ увидимъ ниже, въ особенности сельскаго) предопредѣляетъ крупное значеніе въ немъ такъ наз. малорусскихъ вопросовъ, каковы, напр., вопросъ о преподаваніи на малорусскомъ языкѣ, о малорусской печати и т. п.; съ другой стороны немаловажное значеніе имѣеть здѣсь и вопросъ о положеніи и судьбахъ еврейского населенія, какъ занимающаго по численности своей первое мѣсто послѣ малороссовъ. Съ другой стороны, хотя поляки, въ среднемъ по краю, занимаютъ по своей численности четвертое мѣсто, но, благодаря огромности численнаго состава первой группы, право ихъ на это четвертое мѣсто опредѣляется сравнительно ничтожной цифрой 3,4% общей численности всего мѣстнаго населенія. Одна уже ничтожность этой цифры съ полной убѣдительностью должна показать каждому непредубѣжденному человѣку, какъ неосновательно и чрезмѣрно вздуть здѣсь такъ наз.: «польскій вопросъ», сводящійся къ опасеніямъ вреднаго вліянія «польского элемента» на остальное населеніе края; то же самое можно сказать и по вопросу объ иностраннѣхъ колонистахъ (немцахъ и чехахъ), которыхъ въ краѣ всего 2%.

Обращаясь къ вопросу о распределеніи отдельныхъ национальностей въ сельскомъ и городскомъ населеніи края, надо отмѣтить прежде всего, что малорусское племя является численно преобладающимъ среди сельскаго населенія, а еврейское—среди городскаго, что замѣчается въ итогахъ для всѣхъ 38 губерній по исключеніи лишь изъ итога по Киевской губ. города Киева (съ єго въ процентномъ отношеніи значительно меньшимъ количествомъ евреевъ), присутствіе котораго отчасти вліяетъ на итогъ по его губерніи.

Вотъ эти процентныя отношенія въ городахъ (съ Киевомъ):

Томъ 90.—Сентябрь, 1905.

I—7

	Евреи Мал. Велик. Пол. Нѣм. Бѣл. Чехи Проч. Итогъ									
Весь край:	40,0	27,0	25,0	5,5	0,8	0,4	0,2	1,1	100,0	
въ томъ числѣ:										
Кievская	31,0	28,0	33,0	4,7	1	0,7	0,2	1,4	100,0	
Волынская:	51,0	19,0	19,0	7,9	0,8	0,1	0,9	1,7	100,0	
Подольская:	46,1	32,5	14,8	4,9	— ¹⁾	—	—	1,7	100,0	

Кромѣ того замѣчается, что въ городахъ численность малороссовъ и великороссовъ въ общемъ почти одинакова. Изъ детальнаго же разсмотрѣнія опубликованныхъ цифровыхъ таблицъ по отдельнымъ городамъ видно, что въ громадномъ большинствѣ городовъ малороссы численно преобладаютъ надъ великороссами, въ Кіевѣ же, Бердичевѣ, Балтѣ и Житомирѣ, наоборотъ, преобладаютъ великороссы.

Обращаясь затѣмъ къ дальнѣйшему сравненію племенного состава населенія городовъ и уѣздовъ безъ городовъ, мы видимъ, что численное преобладаніе евреевъ въ городскихъ поселеніяхъ далеко не такъ замѣтно, какъ преобладаніе малороссовъ среди сельскаго населенія, такъ какъ въ городахъ имѣются еще двѣ довольно многочисленныя племенные группы: малороссы и великороссы (27 и 25%), тогда какъ среди сельскаго населенія остальная племенная группы крайне малочисленны. Наиболѣе видной изъ нихъ по величинѣ является группа евреевъ (9,6%), но и то, очевидно, главнымъ образомъ потому, что въ составъ сельскихъ поселеній при переписи, какъ было сказано выше, зачислено много такихъ (мѣстечковыхъ) поселеній, которыя и по характеру своему, и по многочисленности населенія должны быть причислены къ городскимъ. Что касается поляковъ, то въ процентномъ отношеніи къ составу мѣстного населенія они болѣе многочисленны въ городахъ, чѣмъ въ уѣздахъ ²⁾. Все это видно

¹⁾ Черточки тамъ, где % ниже 0,1.

²⁾ Среди сельскаго населенія волынской губ. они, не въ примѣръ другимъ губерніямъ, многочисленнѣе малороссовъ, и это вліяетъ на итогъ по краю.

изъ нижеприведенной таблички, относящейся исключительно къ сельскому населенію, и изъ сравненія ея съ предыдущею:

	Мал.	Евреи	Велик.	Пол.	Нѣм.	Чехи	Молд.	Проч.	Итого
Весь край:	82,0	9,6	2,1	3,2	2,1	0,3	0,3	0,4	100,0
въ томъ числѣ:									
Кievская:	87,0	9,3	1,9	1,5	0,3	—	—	—	100,0
Волынская:	74,2	10,0	2,2	6,0	6,1	0,9	—	0,6 ¹⁾	100,0
Подольская:	85,0	9,6	2,3	2,1	0,1	—	0,9	—	100,0

Сказанымъ уясняется только вопросъ о племенномъ составѣ населенія деревенскихъ поселеній и населенія городовъ; но изъ приведенныхъ цифръ не видно еще, гдѣ преимущественно живетъ *каждая* отдельно взятая национальность: въ городахъ, или въ ихъ. Это уясняется нижеприводимою табличкою (гдѣ въ процентахъ выражено, какая часть каждого данного племени живетъ въ городахъ и какая въ городахъ):

	Кievская		Волынская		Подольская		Въ итогѣ по краю	
	въ уѣз. безъ г.	въ г.	въ уѣз. безъ г.	въ г.	въ уѣз. безъ г.	въ г.	въ уѣз. безъ г.	въ гор.
Малороссовъ	95	5	97,5	2,5	97	3	97	3
Евреевъ	67	33	70	30	72	28	70	30
Великороссовъ	27	73	57	43	66	34	45	55
Поляковъ	69	31	90	10	84	16	87	13
Нѣмцевъ	67	33	99	1	89	11	96	4
Чеховъ	67	33	97	3	82	18	96	4
Молдованъ	54	46	50	50	95	5	98	2
Бѣлорусовъ	47	53	92	8	74	26	63	37

Изъ этой таблички видно, что малороссы живутъ главнымъ образомъ въ городахъ (97% по всему краю). Евреи оказываются живущими тоже по преимуществу среди сельского населенія (70% по всему краю), но па это показаніе, какъ было указано,

¹⁾ Въ т. ч. 0,1% бѣлорусовъ.

повліяло зачисленіе багатьох поселеній городського характера въ число сельських поселеній,—ізвѣстно, что евреї края, живущіе «среди сельского населенія», ютятся въ чертѣ такъ наз. мѣстечковыхъ поселеній. Относительно великороссовъ замѣчается разница между показаніями по кіевской губ.—съ одной стороны, и остальными двумя—съ другой: въ то время какъ въ кіевской великороссы живутъ преимущественно въ городахъ, въ волынскій и подольской—они живутъ преимущественно въ селахъ. На эту разницу показаній, какъ оказывается, вліяютъ цифры, относящіяся къ г. Кіеву. Если изъ итога великороссовъ (152190 душъ о. п.), живущихъ въ городахъ этой губерніи, выключить цифру великороссовъ, живущихъ собственно въ Кіевѣ (134278), то оказалось бы, что и въ кіевской губерніи процентъ великороссовъ (76%), живущихъ въ городовъ (въ данномъ случаѣ только уѣздныхъ), выше % великороссовъ (24), живущихъ въ городахъ. Поляки, нѣмцы и чехи во всѣхъ губерніяхъ (и въ особенности въ волынской—90, 99 и 97%) живутъ преимущественно среди сельского населенія, какъ и молдаване въ подольской губ.¹⁾.

Что касается распределенія различныхъ этнографическихъ группъ по отдельнымъ уѣздамъ края, то въ этомъ отношеніи отличаются: по волынской губ.—житомірскій, луцкій, новоградволынскій уѣзда, гдѣ нѣмцы составляютъ свыше десятой части населения; поляки же и чехи преобладаютъ въ западной полосѣ губерніи: первые главнымъ образомъ въ уѣздахъ ровенскомъ, луцкомъ и владимірволынскомъ, также въ заславскомъ, дубенскомъ и острожскомъ, вторые составляютъ свыше 5% населения дубенского уѣзда. По кіевской губ. поляковъ болѣе всего въ кіевскомъ уѣздѣ (3,4%) и бердичевскомъ (5,8%), польщевъ въ радомышльскомъ (2,2%) и кіевскомъ (1,1%), евреевъ—въ бердичевскомъ—

¹⁾ Соответственныя цифры по остальнымъ двумъ губерніямъ могутъ не приниматься въ разсчетъ въ виду ничтожности самого числа молдаванъ въ нихъ: 250 и 314; то же слѣдуетъ сказать и о бѣлорусахъ въ подольск. губ. (834), которыхъ впрочемъ и вообще мало въ краѣ (11016 душъ о. п.).

23,1% (въ томъ числѣ въ г. Бердичевѣ, гдѣ ихъ 77,1% всего населенія города) и въ чигиринскомъ (8,6%). Въ подольской губ.—наибольшій % поляковъ въ проскуровскомъ (6,4) и винницкомъ (5,2) уѣздахъ; молдаванъ—въ балтскомъ (4,5%) и ольгопольскомъ (2,8%), евреевъ—въ могилевскомъ (14,5%), балтскомъ (13,6%) и летичевскомъ (13%).

Вѣроисповѣдный составъ населенія отчасти предопредѣляется его племеннымъ составомъ, такъ какъ племя, главенствующее по численности—малороссы—въ огромномъ большинствѣ исповѣдуютъ православную вѣру (въ волынск. губ. 94,8% всѣхъ малороссовъ, въ подольской 92%, въ кievской 98,8%); изъ нихъ лишь небольшое число принадлежитъ къ римско-католикамъ (отъ 1% въ кievск. губ. до 7,5% въ подольской) и еще меныше къ старообрядцамъ (отъ 0,01% въ волынск. губ. до 0,7% въ под. губ.). Второе по численности племя—еврейское почти силою исповѣдуетъ іудейскую вѣру¹⁾. Великоросы тоже по преимуществу принадлежать къ православнымъ (отъ 79% въ под. губ. до 90% въ кievской), и затѣмъ среди нихъ имѣется нѣкоторое число старообрядцевъ—

1) Въ этомъ отношеніи очень интересны данные таблицы XIV «распределеніе населенія по вѣроисповѣданіямъ и родному языку». Тамъ, согласно обрѣдленію племенного состава по показаніямъ о родномъ языкѣ, показано: по кievск. губ. великороссовъ іудейскою вѣроисповѣданія 3091, малороссовъ 345, бѣлоруссовъ 6 и т. д.; по подольск.: великор. 887, малороссовъ 536 и т. д.; по вол. губ. великорос. 600, малорос. 537 и т. д. Хотя это и надо, всего вѣроятнѣе, понимать такъ, что эти числа обозначаютъ евреевъ, показавшихъ своимъ роднымъ языкомъ не еврейскій, а малорусскій, великорусскій и т. д., но и при такомъ толкованіи, цифры эти представляются до нѣкоторой степени сомнительными, такъ какъ евреи края обыкновенно знаютъ и свой, и малорусскій, и великорусскій языки одновременно, и зачисленіе ихъ «по родному языку» въ названныя группы должно быть объяснено произвольнымъ толкованіемъ дававшихъ показанія или ведшихъ регистрацію о родномъ языке.

значительно впрочемъ большее, чѣмъ и у малорос. и у бѣлорусовъ—въ кіевск. губ. 5,6%, въ вол. губ. 7,6% и въ под. губ. 18%. Большинство бѣлорусовъ тоже православные (74% въ вол. губ. и 90 и 94% въ под. и кіев.); старообрядцевъ среди нихъ только отъ 2,5 (под. губ.) до 4% (кіев. губ.); но значительно больше римско-католиковъ (22,3% въ вол. губ. и 7,5% въ пол., а въ кіев. только 1,8%). Надо впрочемъ помнить, что вообще число бѣлорусовъ очень незначительно въ краѣ—всего 11016 ч. (въ томъ числѣ въ вол. губ. только 834 чел.). Поляки — въ огромномъ большинствѣ римско-католики (97,7—99%); пѣмцы по преимуществу протестанты (81% въ под. губ., 87 въ кіев. и 98,7% въ вол. губ.) и частію римско-католики (0,9% въ вол. губ., 6,5% въ кіев. и 16% въ под. губ.). Изъ таблицы по кіевской губ. видно также, что 4% изъ нихъ принадлежитъ къ баптистамъ, въ подольск. губ. таковыхъ нѣть, а имѣются ли баптисты изъ пѣмцевъ или даже какихъ либо иныхъ національностей по волынской г., изъ таблицъ видѣть нельзя, такъ какъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, таблица (XIV) о распределеніи населенія по вѣроисповѣданіямъ и родному языку для волынской губ. составлена въ сокращенномъ видѣ—безъ выдѣленія въ особяя графы (какъ это сдѣлано для остальныхъ двухъ губерній) такихъ исповѣданій, какъ армяно-григоріане, армяно-католики, баптисты, лютеране, реформаты, англикане-менониты, караимы; вслѣдствіе этого данная по тремъ губерніямъ являются въ этомъ изыясненіи недостаточно сравнимыми. Заканчивая затѣмъ съ вопросомъ о вѣроисповѣдномъ составѣ главнѣйшихъ племенныхъ группъ мѣстного населенія, надо сказать еще, что большинство чеховъ исповѣдуютъ православную вѣру (въ под. губ. 30%, въ кіев. 40,5, въ вол. 66%) и римско-католическую (въ вол. губ. 28,6%, въ кіев. 55 и въ под. губ. 65%); кроме того между ними имѣется нѣкоторое количество протестантовъ (въ кіевск. губ. 2,9%, въ под. 4 и въ вол. губ. 5,2%)¹⁾.

¹⁾ Не лишне замѣтить кстати, что какъ бы ни подлежала со мнѣнію въ нѣкоторыхъ случаяхъ степень достовѣрности данныхъ не-

Что касается вопроса о распределении въроисповѣдныхъ группъ между сельскимъ и городскимъ населеніемъ, то на немъ неѣть надобности подробно останавливаться послѣ сдѣланныхъ выше указаний о племенномъ составѣ городского и внѣгородского населенія и только что приведенныхъ данныхъ о въроисновѣдномъ составѣ племенныхъ группъ, такъ какъ распределеніе это достаточно характеризуется сказаннымъ.

О сословномъ распределеніи населенія можно судить по даннымъ нижеизведенной таблички (въ % къ общему числу населения):

	Кiev. г.	Вол. г.	Под. г.
Крестьянъ	77,8	75,0	81,0
Мѣщанъ	18,9	21,4	16,3
Дворянъ пот. и личн.	1,7	1,6	1,3
Лицъ духовн. зван.	0,5	0,5	0,5
Купцовъ и поч. тражд.	0,3	0,3	0,4
Иностр. подданныхъ	0,3	1,0	0,4
Лицъ прочихъ сослов.	0,5	0,2	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0

Отсюда слѣдуетъ, что первое мѣсто по численности принадлежитъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ (послѣ крестьянъ) мѣщанамъ, а слѣдующее затѣмъ дворянамъ, которыхъ однако не свыше 1,7%. Это же соотношеніе, въ общемъ, сохраняется и—въ частности — въ городовъ; въ городахъ же первое мѣсто принадлежитъ обыкновенно мѣщанамъ, второе крестьянамъ и третье тоже дворянамъ.

реписи по такимъ, наприм., такъ сказ. щекотливымъ пунктамъ, ѹакъ принадлежность къ извѣстному въроисповѣданію (старовѣры, штундисты и т. п.), тѣмъ не менѣе опубликованное изслѣдованіе не содержитъ никакихъ данныхъ для ихъ провѣрки и поправки. Поэтому всѣ такія данные принимаются мною безъ всякихъ оговорокъ, какъ они есть, независимо отъ ихъ качества.

Затѣмъ даннныя переписи уясняютъ, что изъ первенствующихъ по численности сословій крестьяне живутъ въ городахъ лишь въ сравнительно весьма небольшомъ числѣ (отъ 1,6% въ под. губ. до 4,6% всего числа крестьянъ въ кіевской губ.); мѣщане же живутъ преимущественно въ городовъ (отъ 61,5 въ кіевской губ. до 76% общаго числа мѣщанъ въ волынск. губ.), но такъ какъ большую часть мѣщанъ составляютъ евреи, которые, какъ известно, въ большинствѣ составляютъ населеніе поселеній, имѣющихъ городской характеръ, но переписью въ города не зачислены (да и особо не выдѣлены), то приведенные только что цифры (собственно о мѣщанахъ) не могутъ считаться выражаютми действительность.

Изъ какихъ именно сословныхъ группъ состоитъ каждая національность, это видно изъ слѣдующей—сводной для всего края—таблички (въ процентахъ):

	Дворян. пот.	Дворян. личн.	Духов. хр. исп. съихъ семьями.	Поч. граж. и купцы.	Мѣщ.	Крест.	Иностран. подд.	Проч.	Итого.
Малорос.	0,3	— ¹⁾	0,2	0,1	5,1	93,8	—	0,5	100,0
Евреи.	—	—	—	1,1	96,8	2,1	—	—	100,0
Великорос.	7,4	6,5	5,3	3,5	30,1	43,0	0,5	3,7	100,0
Поляки	14,3	2,6	—	—	27,2	38,2	6,9	10,8	100,0
Нѣмцы	0,3	0,3	—	0,4	27,5	57,5	7,7	7,3	100,0
Чехи	0,1	0,2	—	0,1	6,9	80,3	1,9	10,5	100,0
Молдаваны.	—	—	—	—	1,8	98,2	—	—	100,0
Бѣлоруссы.	1,7	1,1	0,5	0,6	16,1	78,5	0,4	1,1	100,0

Изъ этой таблички видно, что огромное большинство мѣстныхъ жителей малороссовъ—крестьяне и частіо мѣщане, къ остальнымъ же сословіямъ принадлежитъ лишь ничтожный процентъ малороссовъ. Евреи—почти всѣ мѣщане; 2,1% ихъ принад-

¹⁾ Чертойкой обозначены величины менѣе 0,1.

лежавшихъ къ крестьянскому сословію — это евреи земледѣльцы, живущіе отдельными колоніями. Одну изъ наиболѣе разношерстныхъ группъ по сословному составу своему представляютъ великороссы, дающіе значительный процентъ дворянъ (13,9), духовенства (5,3), купцовъ и почетныхъ гражданъ (3,5), еще болѣйшии — мѣщанъ (30,1) и наибольшій — крестьянъ (43%). Довольно разнообразенъ и сословный составъ поляковъ, дающій сравнительно меньшіе проценты мѣщанъ (27,2) и крестьянъ (38,2) и болѣшіе проценты дворянъ — 16,9%¹⁾, иностранныхъ подданныхъ — 6,9% (въ значительной части — «колонисты») и «прочихъ сословій» — 7,3%. Большинство чеховъ принадлежитъ къ крестьянскому (57,5%) и мѣщанскому (27,5%) сословію, а также къ числу иностранныхъ подданныхъ (тоже — наши колонисты) и прочихъ сословій (7,7 и 7,3%). Молдаване — почти всѣ крестьяне (98,2%); изъ бѣлорусовъ же большинство тоже принадлежитъ къ крестьянскому сословію (78,5%) и довольно значительная часть къ мѣщанамъ (16,1%); кроме того въ числѣ бѣлорусовъ имѣется 2,8% дворянъ. Если теперь сравнить данныя только что приведенной таблички съ данными приведенной раньше таблички, уясняющей, какой процентъ численаго состава каждого племени живетъ въ городахъ и какой видъ городовъ, то окажется, что (не считая евреевъ, какъ поставленныхъ въ смыслѣ сословности и жизни въ селахъ въ исключительныя условія) племенныя группы, дающія наибольшій процентъ лицъ, живущихъ въ городахъ (великороссы, бѣлорусы и поляки) отличаются и болѣшимъ разнообразіемъ своего сословнаго состава; онѣ же, кстати сказать, отличаются и наибольшимъ процентомъ лицъ, принадлежащихъ къ дворянскому сословію.

¹⁾ Въ томъ числѣ личныхъ дворянъ только 2,6%, что объясняется незначительностью процента поляковъ, состоящихъ на госуд. службѣ въ краѣ.

Чтобы покончить съ характеристикой состава мѣстнаго населения, необходимо еще привести данные о количествѣ лицъ съ физическими недостатками. Данныя объ абсолютномъ и относительномъ количествѣ ихъ приведены ниже:

	Всего съ физ.		Въ томъ же числѣ (въ % къ об. ч.)		% лицъ съ недостатк.		нед. къ об.	
	мужч.	женщ.	слѣп.	ослѣп.	глухонѣм.	нѣм.	умал.	числу нас.
Киевская.	7783	6561	17,5	26,1	26,2	8,1	22,1	0,4
Волынская	5651	4530	18,2	22,0	31,4	11,4	17,0	0,3
Подольск.	6543	5140	16,4	26,3	26,4	8,6	22,3	0,4

Изъ этихъ цифръ видно, что % лицъ съ физическими недостатками въ общей массѣ мѣстнаго населения составляетъ не свыше 0,4% и что они приблизительно одинаковы во всѣхъ трехъ губерніяхъ, при чёмъ женщины съ физическими недостатками пѣсколько меньше, чѣмъ мужчины. Во всѣхъ трехъ губерніяхъ изъ числа лицъ, имѣющихъ физические недостатки, наибольшій процентъ даютъ глухонѣмы (26,2—31,4), по если къ слѣпымъ отъ рожденія присоединить ослѣпшихъ впослѣдствіи, то общий процентъ всѣхъ слѣпыхъ превыситъ и % глухонѣмыхъ (40,2—43,6); что касается нѣмыхъ, то они даютъ наименьшій процентъ (8,1—11,4) изъ числа лицъ съ физическими недостатками.

Такъ какъ процентъ лицъ съ физическими недостатками, несомнѣнно, можетъ находиться въ зависимости отъ условій жизни населения, то небезинтересно отмѣтить, что среди сельского населения края замѣчается значительно меньшій процентъ умалишенныхъ, чѣмъ среди городского населения, и—наобороть—значительно большій процентъ слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, что видно изъ нижеслѣдующихъ цифровыхъ сопоставленій (въ процентахъ) къ общему числу увѣчныхъ:

	слѣпыхъ ослѣпши.			итого			глухон.	нѣм.	умалиш.	
въ городахъ	11,5	22	33,5	20,5	6,5	39,5				=100
внѣ городовъ	17,8	25,3	43,1	28,8	9,4	18,7				=100

Что касается степени распространенности физическихъ недостатковъ среди различныхъ (наиболѣе крупныхъ) этнографи-

ческихъ группъ, то обѣ этомъ можно судить по нижеслѣдующей табличкѣ (въ процентахъ) къ общему числу увѣчныхъ):

	слѣпыхъ ослѣпш.	итого	глухонѣм.	нѣмыхъ	умалиш.	Итого
малор.	18,5	26,1	44,6	28,2	9,0	18,2
евреи	12,3	19,6	31,9	27,8	12,8	27,5
великор.	13,1	25,1	38,2	22	6,2	33,6
поляки	15,8	18,6	34,4	24,5	8,3	32,8
нѣмцы	11,2	22,0	33,2	29,7	9,3	27,8

Наименьшимъ процентомъ умалишеннѣхъ отличаются малороссы, что объясняется, конечно, принадлежностью огромнаго ихъ большинства къ негородскимъ жителямъ, среди которыхъ $\%$ умалищенныхъ, какъ было сказано, наименьшій. Если принять во вниманіе, что значительная часть пѣмцевъ тоже живетъ въ селеніяхъ, великороссы же, евреи и поляки отличаются значительнымъ процентомъ лицъ, живущихъ въ городахъ, то отсюда понятнымъ станетъ болѣе высокій $\%$ умалищенныхъ именно среди этихъ трехъ этнографическихъ группъ, у которыхъ опѣ вышѣ всего у великороссовъ (33,6%) и ниже—у евреевъ (27,5%). Наибольшимъ процентомъ слѣпыхъ, какъ и слѣдовало ожидать послѣ всего сказаннаго, отличаются малороссы; наименьшій же процентъ ихъ замѣчается у евреевъ и пѣмцевъ. Распределеніе различныхъ категорій физическихъ недостатковъ въ предѣлахъ различныхъ сословныхъ группъ только подтверждаетъ напрашивающійся изъ предыдущаго выводъ, что повидимому болѣе культурныя группы населенія отличаются меньшимъ процентомъ слѣпыхъ и большимъ процентомъ умалищенныхъ, сравнительно съ менѣе культурною частью населенія. Такъ:

	% къ общему числу лицъ съ физич. недостатками:	слѣп. ослѣпш.	итого	глухон.	нѣмыхъ	умалиш.	Итого
у дворянъ	8,0	19,0	27,0	16,0	4,0	53,0	100
у духовенства	7,4	12,4	19,8	48,5	4,4	27,3	100
у гор. сосл. ¹⁾	12,3	20,3	32,6	29,1	10,2	28,1	100
у сельс. сосл.	17,5	27,5	45,0	28,0	9,0	18,0	100

¹⁾ Поч. гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и т. п.

У сельскихъ сословій слѣпыхъ значительно больше, чѣмъ у остальныхъ, умалишенныхъ же, наоборотъ, процентъ всего меньше. и особеннаго размѣра достигаетъ онъ среди дворянъ.

Что же касается распределенія тѣхъ же физическихъ недостатковъ въ связи съ возрастнымъ составомъ населенія, то наименьшимъ развитіемъ ихъ, отличаются, съ одной стороны, маловозрастныя группы, съ другой—наиболѣе пожилыя группы:

% лицъ съ физическими недостатками въ возрастѣ:								
до 1 года, 1-9 л., 10-19, 20-29, 30-39, 40-49, 50-59, 60 и бол. Итого:								
0,5	7,5	21,8	20,5	15,3	11,5	8,8	14,1	100,0

Переходя къ вопросу о грамотности мѣстного населенія, необходимо помнить тѣ указания на неточность переписныхъ данныхъ, о которыхъ говорилось при характеристицѣ собраннаго переписью материала объ этнографическомъ составѣ населенія (малороссахъ и великороссахъ). Но напомнивъ объ этой неточности переписныхъ данныхъ, относящихся къ вопросу о грамотности населенія, слѣдуетъ указать еще па неточную формалистику заголовковъ переписныхъ таблицъ въ опубликованныхъ изданіяхъ центральнаго статистического комитета: въ таблицѣ XV грамотные подраздѣляются па: 1) грамотныхъ по-русски, 2) грамотныхъ на другихъ языкахъ и 3) получившихъ образованіе выше начального. Такіе заголовки даютъ право предполагать, что въ число «грамотныхъ по-русски» должны быть зачислены, кроме грамотныхъ только по-русски, также и тѣ, которые грамотны и на другихъ языкахъ, что всѣ «получившіе образованіе выше начального», въ качествѣ грамотныхъ, тоже должны быть засчитаны и въ первую графу, и что, съ другой стороны, тѣ «грамотные (только) на другихъ языкахъ», которые получили (напр., за границей) образованіе выше начального, должны быть включены и въ графу «получившихъ образованіе выше начального». Однако, этого въ таблицахъ не сдѣлано. Въ таблицахъ «грамотные по-русски» плюсъ «грамотные на другихъ языкахъ» и плюсъ «получившіе образованіе выше средняго» составляютъ *общий итогъ*.

всѣхъ грамотныхъ. Видимо, таблицы включаютъ въ число «грамотныхъ на другихъ языкахъ» только тѣхъ, кто грамотный *не* по-русски (?),¹⁾,—въ такомъ случаѣ таблицы эти не даютъ свѣдѣній о томъ, сколько же *всѣхъ* «грамотныхъ» на другихъ языкахъ. Словомъ, заголовки далеко не исчерпываютъ дѣйствительности и, сбивая въ кучу величины, подлежащія (по смыслу самихъ заголовковъ) разъединенію, даютъ неточное представление объ этой дѣйствительности. Объ этихъ дефектахъ необходимо помнить при пользованіи опубликованными цифрами относительно грамотности населенія, принимая ихъ съ должною осторожностью и соотвѣтствующими оговорками, какъ данные, не отличающіяся желательною точностью.

Степень грамотности населенія видна изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Кiev. г.	Вол. г.	Под. г.	
	м. п. ж. п.	м. п. ж. п.	м. п. ж. п.	
% грамотныхъ къ общему количеству населенія.	27,6 8,9	24,4 9,8	23,0 6,9	
Для обоего пола.				
	Кiev. г.	Вол. г.	Под. г.	Итого по краю
% грамотныхъ къ общему количеству населенія.	18,1	17,1	15,5	17,3

Изъ этой таблички видно, что во всѣхъ трехъ губерніяхъ грамотность развита очень слабо и что повсюду процентъ грамотныхъ значительно ниже среди женщинъ, чѣмъ у мужчинъ; но и у послѣднихъ онъ все-таки весьма не великъ. Наименьшимъ развитіемъ грамотности у обоихъ половъ отличается подольская губернія. Грамотность значительно выше развита среди городскаго населенія сравнительно съ сельскимъ, что видно изъ нижеслѣдующаго:

¹⁾ Включая всѣхъ грамотныхъ одновременно и по-русски и на другихъ языкахъ въ число «грамотныхъ по-русски».

	Кіев. г.	Вол. г.	Под. г.			
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.		
% грамоти. къ въ городахъ	55,7	35,0	50,2	30,8	44,2	22,6
общ. кол. насел. въ уѣзд. безъгор.	23,1	5,2	22,0	8,2	22,0	6,1

Волинская губ. отличается пѣсколько меншею разницею въ развитіи грамотности между мужскимъ и женскимъ поломъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, сравнительно съ остальными двумя губерніями.

Развитіе грамотности въ различныхъ городахъ не одинаково; по проценту грамотныхъ (къ общему количеству населенія этихъ городовъ) оно колеблется между 17,4 и 53,4%. Такъ какъ для читателей нашего края небезынтересно знать, какие города наиболѣе отстали и какие наиболѣе ушли впередъ, по распространенности грамотности, то ниже приводится полный перечень всѣхъ городскихъ поселеній, о которыхъ имѣются свѣдѣнія этого рода: Киевъ 53,4%; Владимірволинскъ 49%; Дубно 46,5%; Каменецъ и Ровно по 46; Житоміръ 45; Бердичевъ 43,8; Острогъ 42,5; Ковель 41,5; Радомысьль 39,1; Винница и Луцъ по 38,5; Прокудровъ 38; Черкассы и Летичевъ по 37,5; Сквира 37,4; Заславъ 37,3; Кременецъ 37; Умань 36,9; Могилевъ 35; Староконстантиновъ 33,7; Новоградволинскъ 32,7; Ямполь 31,8; Тараща 30,7; Звенигородка 29; Брацлавъ 27,2; Баръ 27; Овручъ 26,7; Каневъ 26 2; Липовецъ 25,7; Гайсинъ и Литинъ по 25,5; Н. Ушица 24,7; Васильковъ 24,3; Ст. Ушица 24; Ольгополь и Чигиринъ по 23,3; Хмѣльникъ 20,7; Сальница 20,3 и Вербовецъ 17,4.

Въ среднемъ для всего края грамотность городского населения выражается 42%, для отдельныхъ же губерній: Подольской 33,8, Волинской 41,2 и Киевской 45,7%, а безъ г. Киева 34,4%. Какъ видно изъ только что приведенного перечня, только 8 городовъ имѣютъ % грамотныхъ выше средняго для городовъ края (42), всѣ же остальные отличаются меньшимъ развитіемъ грамотности.

Грамотность сельскаго населения, какъ видно изъ предыдущаго, значительно ниже, чѣмъ у городскаго населения. Въ среднемъ для края она достигаетъ всего 14,5% общаго числа насе-

ления, живущаго въ городовъ; по отдѣльнымъ губерніямъ эти цифры колеблются такъ: по Киевской губ. 14%, по Подольской 14,2%, по Волынской 16,2%. Такимъ образомъ, если исключить изъ счета населеніе г. Киева, то надо признать, что изъ трехъ губерній края, въ среднемъ, грамотность и городского и сельского населенія въ Волынской губ. выше, чѣмъ въ остальныхъ двухъ.

При указанной средней для края—14,5% грамотныхъ къ общему количеству сельского населенія, уѣзды дѣлятся по степени распространенности грамотности почти пополамъ, т. е. въ половинѣ уѣзовъ грамотность выше средней и въ половинѣ—ниже ея. По проценту грамотныхъ среди сельского населенія уѣзды распредѣляются (въ порядкѣ пониженія %) такъ: Житомирскій 23,5%; Новоградволынскій 18,6; Винницкій 17,6; Заславскій 17,4; Ровенскій 16,3; Дубенскій, Луцкій и Каневскій по 16,1; Каменецкій, Острожскій и Звенигородскій по 15,3; Бердичевскій и Брацлавскій по 15,1; Киевскій 14,7; Черкасскій, Стакоронстантиловскій, Ушицкій и Летичевскій по 14,5; Гайсинскій, Чигиринскій, Владимірволынскій и Липовецкій по 14,4—14,1; Балтскій и Васильковскій по 13,6; Литинскій, Проскуровскій, Ямпольскій, Кременецкій, Сквирскій и Уманскій по 13,5—13,0; Радомысьльскій, Таращанскій, Могилевскій и Ольгопольскій 12,8—12,1; Ковельскій 10,5; и Овручскій 6,4%.

О степени грамотности населенія по возрастамъ можно судить изъ нижеприведенныхъ данныхъ:

Возрасты.	Въ процентахъ къ общему колич. населен.					
	Кievskой губ.		Volynsk. губ.		Podol'sk. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1—9 л.	5,0	2,3	5,2	2,3	4,3	1,8
10—19 »	42,1	14,0	35,8	14,8	38,5	12,7
20—29 »	43,4	13,7	38,2	14,4	37,6	10,8
30—39 »	37,8	10,5	32,7	12,3	30,0	7,4
40—49 »	32,5	8,4	28,5	10,8	27,2	6,3
50—59 »	23,5	7,5	22,7	10,2	19,8	5,4
60 л. и выше	18,0	6,9	19,5	10,4	14,3	5,2

Отсюда видно, что по развитию грамотности женской половины отстает от мужского во всехъ возрастахъ безъ исключений. У обоихъ половъ процентъ грамотныхъ убываетъ параллельно съ повышениемъ возраста, при чемъ наибольшей высоты % грамотныхъ достигаетъ въ возрастѣ 20—29 л., у мужчинъ и 10—19 л. у женщинъ, что вѣроятно можно объяснить тѣмъ, что склонность населения къ обученію женщинъ грамотѣ развилась лишь въ послѣднее время.

Тѣ же данія относительно городского населения выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

Возрасты:	Въ процентахъ къ общему числу населения городовъ.					
	Кievsk. губ.		Volynsk. губ.		Podol'sk. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1—9 л.	14,8	11,3	12,2	9,0	9,5	6,8
10—19 —	70,3	48,4	60,9	42,2	53,0	33,0
20—29 —	67,2	47,2	59,7	42,6	58,5	34,2
30—39 —	67,7	41,2	64,3	37,2	57	25,9
40—49 —	63,4	33,9	62,0	32,0	53	20,7
50—59 —	59,0	29,8	56,7	28,4	44,5	17,8
60 л. и выше	45,3	27,5	50,1	27,7	41,3	17,6

Здѣсь также у обоихъ половъ процентъ грамотныхъ убываетъ съ повышениемъ возраста, при чемъ въ Киевской и Волынской губ. наивысшаго размѣра процентъ этотъ достигаетъ въ группѣ возраста 10—19 л., а въ Подольской—20—29 л.

Данныя о грамотности по возрастамъ среди сельского населения приведены въ нижеслѣдующей табличкѣ:

Возрасты:	Въ процентахъ къ общему числу сельского населения					
	Kievsk. губ.		Volynsk. губ.		Podol'sk. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1—9 л.	3,3	1,4	4,8	1,4	3,9	1,5
10—19 —	38,3	9,3	33,9	12,5	37,4	11,2
20—29 —	35,6	8,0	33,8	12,1	34,3	9,0
30—39 —	32,5	5,7	30,1	10,4	28,0	6,0
40—49 —	27,8	4,6	26,0	8,6	27,4	5,3
50—59 —	18,6	3,9	16,9	8,7	17,7	4,4
60 л. и болѣе	13,7	3,5	29,0	9,4	12,4	4,1

Тѣ же явленія пониженія процента грамотныхъ съ повышеніемъ возраста (не считая дѣтскаго, какъ и выше) замѣчаются и здѣсь. Разница между % грамотныхъ мужчинъ и женщинъ, вообще очень значительная во всѣхъ возрастахъ, особенной высооты достигаеть въ возрастахъ 30—49 и частію 50—59 лѣтъ.

Степень грамотности по національностямъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

% грамотныхъ къ общ. числу лицъ данного племени
Киевск. губ. Волынск. губ. Подол. губ. Итого по кр.

Малороссы	10,4	9,26	10,4	10,8
Евреи	35,0	33,0	33,7	34,0
Великороссы	56,1	37,0	44,5	54,0
Поляки	52,0	25,5	29,5	43,0
Нѣмцы	51,8	37,8	72,0	39,5
Чехи	68,0	59,0	59,5	61,0
Бѣлорусы	39,5	25,9	48,0	36,0

Изъ этой таблички ясно, что въ среднемъ выводѣ для всего края (а также и для отдѣльныхъ губерній) наибольшимъ развитіемъ грамотности отличаются чехи, а затѣмъ великороссы, значительная часть которыхъ, какъ видно изъ предыдущаго положенія, представляютъ собою жителей городовъ. Слѣдующее затѣмъ мѣсто по развитію грамотности принадлежитъ полякамъ и нѣмцамъ, съ нѣкоторыми впрочемъ отступленіями въ ту или другую сторону по отдѣльнымъ губерніямъ,—отступленіями, частію зависящими отъ малочисленности племенныхъ группъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ¹⁾). Пятое мѣсто въ краѣ по распространенности грамотности занимаютъ евреи, если не считать очень малочисленную во всѣхъ трехъ губерніяхъ этнографическую группу бѣлорусовъ, значительная часть которыхъ, какъ выяснилось, тоже живеть въ селахъ. Послѣднее же мѣсто — и при томъ выдающееся по крайне слабому развитію грамотности — занимаетъ представляющее глав-

¹⁾ Напр., въ Под. губ. всѣхъ нѣмцевъ 4069 чел., тогда какъ въ Вол. губ. свыше 17000.

ную массу нашего сельского населенія многочисленнѣйшее въ краѣ племя малороссовъ, малограмотность котораго оказываетъ вліяніе и на общее пониженіе процента грамотности по краю (всего только 17,3%).

Изъ всего этого видно, что дѣло пародпаго образовація въ краѣ стоитъ---въ особенности среди мѣстнаго сельскаго, по преимуществу малорусскаго населенія—на весьма низкой степени развитія, чѣмъ и обусловливается, конечно, крайняя необходимость широкихъ мѣръ, направленныхъ къ повышенію грамотности въ краѣ.

Судить о томъ, на сколько развита грамотность у разныхъ этнографическихъ группъ у мужчинъ и у женщинъ, можно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	% грамотныхъ къ общ. числу лицъ дан. плем. и пола							
	Кievsk. губ.		Vol. губ.		Pod. губ.		Въ средн. по краю.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Малороссы	21,0	2,1	16,6	2,3	18,4	3,1	18,7	2,5
Евреи	47,5	23,5	44,5	21,5	46,5	21,6	48,0	22,3
Великороссы	61,5	41,5	54,1	35,4	53,0	38,5	57,0	38,0
Поляки	55,0	46,1	30,0	25,9	48,0	42,0	39,2	34,3
Нѣмцы	53,5	51,0	40,1	38,5	71,7	70,0	42,0	40,5
Чехи	70,0	65,0	64,5	55,0	69,0	47,0	64,0	55,0
Бѣлорусы	44,9	28,5	34,6	17,5	57,0	25,6	42,5	2,4

Пользуясь приведенными въ табличкѣ процентами, надо не упускать изъ виду указанную выше немногочисленность этнографическихъ группъ: нѣмцевъ и чеховъ въ Подольск. и Киевск. губ. и бѣлорусовъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ—чтобы имѣть въ виду, что относящіяся къnimъ процентныя величины могутъ въ известной мѣрѣ считаться случайными. Остапавливаясь поэтому главнымъ образомъ па осталыыхъ этнографическихъ группахъ, необходимо прежде всего указать па то, что малороссійская (къ которой, повторяемъ, принадлежить по преимуществу сельское населеніе) отличается слабѣйшимъ развитіемъ грамотности у

обоихъ половъ, при чмъ грамотность мужчинъ въ 6—10 разъ превышаетъ все-таки грамотность женщинъ. Наиболѣе близка грамотность женщинъ къ грамотности мужчинъ у нѣмцевъ и чеховъ, затѣмъ у поляковъ и великороссовъ (изъ нихъ, какъ известно, много городскихъ жителей); грамотность женщинъ у евреевъ, въ общемъ, вдвое ниже, чмъ у мужчинъ. Наивысшаго развитія грамотность мужчинъ достигаетъ у чеховъ, затѣмъ у великороссовъ. Первое же мѣсто по грамотности, женщинъ принадлежитъ чехамъ и нѣмцамъ.

Обращаясь къ даннымъ относительно развитія грамотности среди главнѣйшихъ вѣроисповѣдныхъ группъ въ краѣ, необходимо прежде всего отѣнить разницу въ степени распространенности грамотности между православными и единовѣрцами—съ одной стороны, и старообрядцами и уклоняющимися отъ православія—съ другой.

	% грамотныхъ.					
	Кiev. губ.		Vol. губ.		Под. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Правосл. и единов.	23,7	5,3	19,3	3,8	20,2	4,0
Старов. и уклоняющ.	38,6	12,0	22,6	3,8	22,4	2,3

Изъ этой таблички видно, что старообрядцы и уклоняющиеся, въ общемъ болѣе грамотны, чмъ православные и единовѣрцы.

Что касается развитія грамотности у другихъ вѣроисповѣдныхъ группъ, то судить о немъ можно по нижеслѣдующимъ данными:

	% грамотныхъ.					
	Kiev. губ.		Volын. губ.		Под. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
римско-катол.	44,7	37,7	25,3	20,3	24,3	16,4
протест. всѣхъ						
наименованій	95,0	52,0	40,3	36,1	73,1	71,4
їудеи	48,0	23,8	44,7	21,7	41,3	21,7

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что наивысшимъ развитіемъ грамотности обладаютъ протестанты, у которыхъ высока и грамотность женщинъ; значительно при томъ менѣе отличающаяся у нихъ отъ грамотности мужчинъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ вѣроисповѣдныхъ группахъ. При всемъ этомъ грамотность вѣроисповѣдныхъ группъ, помѣщенныхъ въ только что приведенной таблицѣ, значительно выше грамотности вѣроисповѣдныхъ группъ предшествовавшей таблички (православныхъ, старообрядцевъ и пр.)

О степени развитія грамотности въ предѣлахъ отдѣльныхъ сословій можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

Двор. пот. и личн.	Лица дух. зв. хр. ис- повѣд.	Поч. гражд. куп. мѣщ. и др. гор. сос.	Лица сел. сосл. (кр., каз., иностр., посел. ит. п.)	Иностран- ные под- данные.	Итогъ по краю (всѣ сословія).
0% грам. къ общ. колич. лицъ въ 70,0 сословіи.	74,0	31,5	11,8	38,0	17,3

Такимъ образомъ наибольшимъ развитіемъ грамотности отличается духовное сословіе (74%), а за нимъ дворянское ¹⁾; третье мѣсто по грамотности занимаютъ иностранные подданные и предпослѣднее—лица «городскихъ сословій»: почетные граждане, купцы, мѣщане и т. п. Но несмотря на это, грамотность этой предпослѣдней группы все-таки почти вдвое выше средней по краю (17,3%) и почти втрое выше грамотности сельскихъ сословій, безграмотность которыхъ при ихъ многочисленности и оказываетъ свое понижающее вліяніе на цифру процента грамотныхъ по краю.

Эти цифры грамотныхъ слагаются изъ слѣдующихъ:

¹⁾ Въ эту группу включены въ итогахъ переписи дворяне пот. и личные, чиновники не изъ дворянъ и ихъ семьи.

СОСЛЮБИЯ.	% въсѣхъ		къ общему количеству грамотныхъ		данныаго состоянія и пола.	
	грамот-	учившихся съ образов.	учившихся въ высш.	учившися въ средн.	учившися въ спец.	учебн. уч.
	выше на-	въ учи-	спец. учеб.	специальн.	учебн. завед.	завед.
	чальнаго.	въ учи-	учебн. завед.	учебн. завед.	учебн. завед.	учебн. завед.
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Двор. и пр. ¹⁾	72,0	68,5	55,4	25,3	12,0	0,4
Духовныe	80,5	68,0	62,5	29,0	2,8	— ²⁾
Город. сосл.	42,0	21,5	3,6	2,8	0,4	—
Сельск. сосл.	20,0	3,2	0,5	1,0	—	—
Иностр. поддан.	40,0	35,5	13,2	7,2	2,7	0,1
Средний выводъ изъ данныхъ по этимъ 5 сослов.	25,0	8,0	4,9	6,1	0,7	—
				0,1	—	0,4
					—	0,4
					—	0,4

- 1) Заголовки предыд. таблицы.
 2) Чертойкой обозначены величины менѣе 0,01.

Ясно, что рядомъ съ одинаковымъ процентомъ грамотныхъ среди женщинъ изъ дворянъ и женщинъ изъ духовнаго вѣдомства, духовные отличаются наиболѣе высокимъ развитиемъ грамотности,— именно у мужчинъ. При наиболѣе видномъ процентѣ¹⁾ получившихъ образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ у духовнаго сословія (и у мужчинъ и у женщинъ), у нихъ сравнительно малъ процентъ лицъ, окончившихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, который наиболѣе великъ, наоборотъ, именно у дворянъ. Надо замѣтить кстати, что дворяне отличаются также и высшимъ процентомъ окончившихъ среднія военные учебныя заведенія. Что же касается вообще окончившихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то послѣ дворянъ наибольшій процентъ ихъ даютъ иностранные подданные и затѣмъ духовное сословіе. По распространеннosti средняго образованія слѣдующее мѣсто послѣ духовенства и дворянъ занимаютъ иностранные подданные, а затѣмъ городскія сословія, занимающіе такимъ образомъ четвертое (въ ряду указанныхъ сословныхъ группъ) мѣсто и по проценту лицъ имѣющихъ образованіе выше начального. Послѣднее мѣсто, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежитъ во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ сельскому сословію и въ немъ въ особенности женскому полу. Въ общемъ же итогъ для всѣхъ названныхъ сословныхъ группъ (при условіи, что % грамотныхъ женщинъ значительно менѣе % грамотныхъ мужчинъ), въ числѣ грамотныхъ женщинъ получившихъ среднее образованіе вдвое больше, чѣмъ у мужчинъ. Но у обоихъ половъ процентъ лицъ, какъ получившихъ образованіе высшее, такъ и получившихъ образованіе среднее, чрезвычайно малъ, что опять указываетъ на слабое развитіе образованія въ населеніи края.

Надо признать вполнѣ естественнымъ, что при огромномъ преобладаніи русскаго элемента среди населенія края, грамотность на русскомъ языкѣ довольно развита и среди лицъ другихъ національностей. Изъ данныхъ переписи дѣйствительно видно, что у поляковъ, напр., лица грамотныя по-русски превышаютъ число

¹⁾ Къ общему числу грамотныхъ у нихъ.

лицъ грамотныхъ не по-русски, т. е. на другихъ только языкахъ (преимущественно на польскомъ?). То же явленіе наблюдается и у чеховъ и у евреевъ. Нѣмцы же Волынской и Подольской губ. усвоили русскую грамоту менѣе другихъ національностей, благодаря чему грамотные не по-русски у нихъ численно преобладаютъ надъ грамотными по-русски. Интересно также, что и у поляковъ и у польцевъ въ числѣ грамотныхъ не по-русски женщины численно преобладаютъ надъ мужчинами.

Переходя къ даннымъ о промысловыхъ занятіяхъ населенія, необходимо прежде всего остановиться на вопросѣ о степени точности этихъ данныхъ. Точная регистрація промысловыхъ занятій населенія составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ подворной переписи даже въ земской статистикѣ, где это дѣло ведется людьми, обыкновенно вполнѣ подготовленными къ этой работѣ, интересующимися и преданными дѣлу. Не то при данныхъ условіяхъ, когда перепись производилась людьми неопытными и случайными, подъ руководствомъ людей, тоже не обладающихъ достаточнымъ опытомъ и знаніемъ дѣла, имъ порученного. Тутъ неточности данныхъ о промыслахъ должны, конечно, значительно усугубиться. Главную трудность правильного учета промышленниковъ составляетъ отношеніе самаго населенія къ этому вопросу. Во первыхъ, вопросъ о занятіяхъ обыкновенно вселяетъ въ опрашиваемыхъ подозрѣніе относительно дѣйствительныхъ цѣлей производимыхъ разспросовъ,—подозрѣніе въ томъ, что разспросы о занятіяхъ ведутся съ фискальными цѣлями, для какого-нибудь налога на промыслы. Это, конечно, побуждаетъ многихъ скрывать или по меньшей мѣрѣ умалчивать значеніе занятій, дающихъ имъ тѣ или иные средства къ существованію. Во вторыхъ, многое зависитъ тутъ и отъ точки зрѣнія самого населенія на то или иное изъ своихъ занятій. Когда промыселъ осуществляется лишь въ теченіе сравнительно непродолжительного времени года, когда онъ маловыгоденъ, приносить лишь весьма небольшіе доходы, когда онъ является только нѣкоторымъ подспорьемъ къ какому

либо другому основному занятію (напр., къ земледѣлію) и т. п., многіе искренне не считаютъ его «промысломъ», не придаютъ значенія и умалчиваютъ о его существованії. Стереотипные отвѣты въ родѣ «какіе нали промыслы: *только званье одно...* «*съ хлѣба на квасъ — вотъ и толку всего, а также промысломъ называется!*»... наилучше всего характеризуетъ отношеніе къ такимъ промысловымъ занятіямъ самого населенія. А при такомъ отношеніи, какъ само собою понятно, учесть занятій населенія долженъ представить большія трудности даже для людей опытныхъ, искренно интересующихся получениемъ точныхъ данныхъ, знающихъ пароды, умѣющихъ понимать и говорить съ ними.

Таковы причины, обусловливающія трудность точнаго учета занятій населенія и дающія несомнѣнное основаніе думать, что въ данныхъ случаѣ учетъ въ особенности долженъ страдать неточностью и неполнотою, т. е. что перепись 1897 г. установила меныше число лицъ и хозяйствъ «занятыхъ въ томъ или иномъ промыслѣ», чѣмъ это есть въ дѣйствительности. Этими же недостатками должно отличаться и устанавливаемое переписными таблицами раздѣленіе на самостоятельно трудящихся и на членовъ ихъ семействъ, въ виду трудности установлениія въ отдельныхъ случаяхъ разницы между самостоятельно и несамостоятельно трудящимися въ томъ или иномъ промыслѣ. Кроме того и самое это «раздѣленіе на самостоятельно трудящихся и на членовъ семействъ», по признанію предисловія къ т. XXXII «Подольская губернія» «не даетъ полной численности дѣйствительного занятыхъ лицъ въ томъ или иномъ промыслѣ» и т. п..

Все это и надобно имѣть въ виду при пользованіи цифрами переписи, принимая ихъ какъ неисчерпывающія дѣйствительности¹⁾.

Въ дополненіе къ сказанному, прежде чѣмъ приступить къ изложенію выводовъ данного отдѣла относительно юго-западнаго

¹⁾ Само собою разумѣется, что безъ новой переписи опредѣлить предѣлы сдѣланныхъ ошибокъ и выяснить точныя дѣйствительныя цифры невозможно.

края, и если не будетъ указать на тѣ трудности, съ которыми была сопряжена сводка цифръ о занятіяхъ по тремъ губерніямъ для настоящей статьи.

Дѣло въ томъ, что каждый томъ, составляющій сводъ переписныхъ данныхъ по отдельной губерніи (т. VIII Волынская г., т. XVI Киевская и т. XXXII Подольская), состоить изъ таблицъ (составленныхъ по одинаковымъ формамъ) и текста, въ которомъ приводится «краткій обзоръ цифровыхъ данныхъ по губерніи». Въ «обзорахъ» цифры таблицъ подътиожены въ различныхъ комбинаціяхъ такимъ образомъ, чтобы дать читателю возможность, не прибегая къ таблицамъ, составить необходимое представление о главнейшихъ выводахъ изъ собранныхъ данныхъ. Такимъ образомъ, пользуясь этими «краткими обзорами» и сводя приведенные въ нихъ и одинаково скомбинированные цифры по разнымъ губерніямъ въ одинъ общій итогъ, казалось бы легко можно было бы составить и «краткій обзоръ» для трехъ губерній юго-западного края, не прибегая къ необходимости специальныхъ подсчетовъ по таблицамъ. Но, къ большому сожалѣнію, краткіе обзоры по разнымъ губерніямъ составлены почему то по одинаковымъ программамъ и съ далеко неодинаковою подробностью. Это устрашаетъ возможность по одному обзорамъ, не пользуясь таблицами, ознакомиться въ одинаковой подробности съ главнейшими выводами изъ данныхъ переписи и вынуждаетъ каждого составителя печатанныхъ обзоровъ (по пѣсколькимъ губерніямъ) прибегать для этого къ сложнымъ специальнымъ подсчетамъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Въ то время какъ «краткій обзоръ» по Волынской губ. составленъ (г. Наткановымъ) сравнительно очень обстоятельно, такие же обзоры по Киевской (г. Львова) и Подольской губ. (г. Бечаснова) написаны чрезвычайно сжато и далеко не исчерпываютъ программы обзора г. Натканова. Помимо разницы въ степени подробности, и самыя цифры «обзоровъ» по разнымъ вопросамъ сгруппированы нерѣдко въ различныхъ комбинаціяхъ, что не даетъ возможности сравнивать ихъ между собою. Явленія эти замѣчаются вообще по всѣмъ отдельамъ переписныхъ данныхъ. Но особенная разница въ сводкѣ перепис-

ныхъ цифръ замѣчается въ этихъ обзораѣ относительно занятій населенія. По Подольской губ. сводка данныхъ этого интереснаго отдѣла выдѣляется своей краткостью, а по Киевской она, вульгарно выражаясь, короче куриного носа¹⁾, въ то время какъ по Волынской занимаетъ не сколько страницъ текста. И вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на всю подробность послѣдней сводки и разнообразіе приведенныхъ въ ней цифровыхъ комбинацій, въ ней не оказалось именно тѣхъ изъ нихъ, которыя сдѣланы авторами обзоровъ по двумъ другимъ губерніямъ.

Все это, конечно, составляетъ крупный недочетъ названныхъ изданій. Въ данномъ же случаѣ обстоятельство это имѣло то значеніе, что вынудило меня произвести по пазванному отдѣлу много специальныхъ подсчетовъ для цѣлой настоящей статьи и вмѣстѣ съ тѣмъ сократить разборъ цифръ этого отдѣла до возможныхъ предѣловъ, не исчерпывая даже комбинацій обзора Волынской губ., такъ какъ это повело бы къ слишкомъ большой затратѣ времени.

Данная работа усложнилась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ группировкахъ промысловыхъ занятій по Подольской и Киевской губ., примѣняясь къ которымъ (ради сокращенія подсчетныхъ работъ) пришлось произвести и подсчетъ однородныхъ данныхъ по Волынской губ., допущенъ, какъ выяснилось уже послѣ производства подсчетовъ по ней, педосмотръ, вынудившій затѣмъ произвести въ иѣкоторыхъ частяхъ пересчеты тѣхъ же данныхъ заново по всѣмъ тремъ губерніямъ. Дѣло въ томъ, что при комбинаціи занятій по группамъ всегда пайдутся такія занятія, которые могутъ быть, что усмотрѣнію, отнесены къ той или иной изъ намѣченныхъ группъ, между тѣмъ ни въ предисловіяхъ къ описаніямъ губерній, ни въ краткихъ обзораѣ не быть рѣшительно никакихъ указаній относительно того, какие именно виды занятій отнесены къ намѣченнымъ составителями группировкамъ. Въ данномъ случаѣ группировки занятій, намѣченныхъ составителями

¹⁾ Всего 16 строчекъ печати.

обзоровъ по Подольской и Киевской губ., имѣли въ виду слѣдующее распределеніе занятій: 1) «непромысловыя», 2) «земледѣліе и добывающая промышленность», 3) «обрабатывающая промышленность», 4) «торговля и средства передвиженія» и 5) «остальные». Недочетъ этой группировки по двумъ губерніямъ (отсутствующій въ сходной группировкѣ по Волынской г.) заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ группу «остальныхъ» отнесено было вообще слишкомъ много разнообразныхъ занятій, которыхъ правильнѣе было бы обособить въ отдѣльныя группы, и въ томъ числѣ занятія общественною, сословною и административною службой, свободныя профессіи, учебная и медицинская дѣятельность, а также и «вооруженные силы». Поэтому послѣднія, т. е. «вооруженные силы», я совершилъ выдѣлъ при новыхъ расчетахъ изъ счета промысловыхъ занятій, первыя же выдѣлилъ въ особую группу интеллигентныхъ занятій¹⁾. Иначе приведенная группировка была бы слишкомъ груба и очень недостаточно группировала бы населеніе по профессіямъ. (Эта то необходимость нерегруппировки занятій, какъ само собою понятно, и повела къ пересчету части промысловыхъ данныхъ паново по всѣмъ тремъ губерніямъ).

Здѣсь, заговоривъ о группировкахъ занятій и вмѣстѣ съ тѣмъ заканчивая рѣчь о недочетахъ отдѣла о промыслахъ, нелишнимъ считаю указать на тотъ порядокъ, въ какомъ подсчитаны всѣ занятія населенія въ основныхъ таблицахъ. Промыслы распределены здѣсь не по степени ихъ значенія и распространенности и не по главнейшимъ (только что указаннымъ выше) группамъ, намѣченнымъ затѣмъ въ обзорахъ (такъ какъ промыслы разныхъ группъ отчасти перепутаны въ таблицахъ между собою)

¹⁾ При этомъ, благодаря тому, что въ таблицахъ поденцина и прислуга неправильно соединены вездѣ съ «дѣятельностью и службой частною» (которая въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть отнесена къ интеллигентнымъ занятіямъ), эту группу занятій пришлось оставить въ «остальныхъ» въ силу невозможности разъединенія въ нихъ интеллигентнаго труда отъ простой работы.

и даже не просто по алфавиту названий отдельныхъ занятій, а до извѣстной степени случайно. Но не случайнымъ, конечно, является для такого бюрократического учрежденія, какъ центральный статистический комитетъ, отнесеніе вѣ главу всѣхъ занятій населенія подъ *первымъ* нумеромъ весьма немногочисленной, сравнительно, группы лицъ, служащихъ по «администраціи, суду и полиції»!.. Надо сказать кстати по поводу тѣхъ же основныхъ таблицъ, что въ нихъ замѣчены и нѣкоторые, вызывающіе недоумѣніе, пропуски. Такъ, по Киевской губ., въ таблицѣ XXII совершенно отсутствуютъ данные о промыслѣ «№ 23, выплавка металловъ», тогда какъ онъ существуетъ въ губерніи и не дальше какъ въ таблицѣ XXI данные о немъ проведены по всѣмъ многочисленнымъ графамъ ея.

Окончивъ съ краткой характеристикой отдельла о промыслахъ, цо скольку недочеты его могли повліять на вытекающіе изъ его цифръ выводы, перехожу къ этимъ послѣднимъ:

Группы занятій:	На 100 душъ обоего пола		% населения кормящагося отъ занятія.
	приходится	остальныхъ членовъ семьи	
I Земледѣліе и добывающая пром.	20	80	74,4
II Обрабатывающая пром.	32,5	67,5	8,5
III Торговля и средства передвижен.	26,0	74,0	7,8
IV Интеллигенти. занятія и своб. проф.	32,5	67,5	2
V Непромысловая	60	40	1,8
VI Остальная	51,5	48,5	5,5
<hr/>			
Всѣ занятія	24,0	76,0	100,0

Таблица эта показываетъ, что свыше 74%¹⁾ всего населенія края кормится отъ земледѣлія и добывающей промышленности, что свидѣтельствуетъ о его земледѣльческомъ характерѣ. Второй по важности группой занятій является промышленность обрабатывающая, отъ которой живетъ 8½% населенія, и затѣмъ занятія торговлей и средствами передвиженія—7,8% населенія. Послѣднее по распространенности занятій мѣсто принадлежитъ интеллигентнымъ занятіямъ и свободнымъ профессіямъ (2%), а затѣмъ группѣ, не занимающей никакими промыслами—всего 1,8%. Отдельные губерніи края въ отношеніи этого распределенія ихъ населенія по пазваннымъ группамъ въ общемъ даютъ тѣ же соотношенія. Какъ на болѣе выдающіяся отличія, можно указать только на сравнительно меньшій процентъ населенія, кормящагося отъ земледѣлія въ Киевской губ. (71,5% вмѣсто 76% въ Подольской и 76% же въ Волынской) и на сравнительно большій въ ней процентъ населенія, кормящагося отъ обрабатывающей промышленности (9,5% при 8% въ Волынской губ. и 7,7% въ Подольской), а также—отъ торговли и средствъ передвиженія (8,3% при 7,3% въ Подольск. губ. и 6,6% въ Волынской губ.).

Обращаясь къ той же таблицѣ (вертикальныя графы 1 и 2-ая), необходимо прежде всего отмѣтить, что въ среднемъ по краю изъ 100 душъ жителей на 24 самостоятельно работающихъ приходится 75 членовъ ихъ семей. Какъ видно изъ таблицы, на этотъ итогъ по краю оказываются наибольшее вліяніе цифры, относящіяся къ группѣ занятій: «земледѣліе и добывающая промышленность», какъ безусловно и значительно преобладающія по величинѣ. Въ ней именно, какъ разъ, это соотношеніе наиболѣе рѣзко: на 20 человѣкъ самостоятельно трудящихся тамъ приходится 80 членовъ ихъ семей. Объясненіемъ такой значительной разницы цифръ въ этой группѣ занятій служить то указанное въ самихъ же трудахъ по переписи обстоятельство, что у нашего

¹⁾ См. третью вертикальную строку только что приведенной таблички.

крестьянства неотдѣлившіеся взрослые сыновья еще не считаются самостоятельными въ своемъ занятіи (какъ то имѣеть мѣсто въ другихъ видахъ занятій), и потому они оказались зачисленными въ составъ семей. Наиболѣе близкія цифры къ только что указанной нормѣ даютъ занятіе торговлей и средствами передвиженія (на 26 самостоятельно трудящихся 74 членовъ семей). У непромысловыхъ (живущихъ доходами отъ капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, средствами отъ родныхъ, отъ казны, обществен. учрежденій и частныхъ лицъ, а также небольшой группы лицъ лишенныхъ свободы и отбывающихъ наказаніе) отношеніе это совершенно обратное, такъ какъ на 60 самостоятельныхъ лицъ въ нихъ приходится 50 членовъ семей, такъ же какъ въ группѣ «остальныхъ занятій» (низшіе служащіе при церквяхъ, кладбищахъ и т. п., прислуга, поденщики, дѣятельность и служба частная¹⁾), занятія, касающіяся чистоты и гигіены тѣла, проститутки, лица неопределенныхъ занятій и неуказавшія ихъ и лица непричисленные къ предыдущимъ группамъ запятій), гдѣ это отношеніе опредѣляется цифрами 51,5 на 48,5.

Таковы соотношенія этихъ цифръ въ итогѣ для всего края. По отдѣльнымъ губерніямъ онѣ нѣсколько видоизмѣняются. Прежде всего надо указать, что въ итогахъ для Подольской (24,5 на 75,5) и въ особенности для Киевской губ. (25,8 на 74,2) отношеніе между числомъ самостоятельно трудящихся и питающихся около нихъ членами семей болѣе благопріятно, чѣмъ въ Волынской губ., гдѣ на 22,8 самостоятельно трудящихся приходится 77,2 членовъ ихъ семей. Наибольшее вліяніе на эту разницу между итогами по губерніямъ оказываетъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, наиболѣе многочисленная группа занимающихся земледѣліемъ и добывающею промышленностью, такъ какъ именно въ пей по Волынской губ. на 18,5 самостоятельно трудящихся приходится 81,5 членовъ семей, тогда какъ въ остальныхъ двухъ губерніяхъ эти цифры равны: 20 на 80 въ Киевской губ. и 20,5 на 79,5 въ Подольской. Въ общемъ же соотношенія вышеуказанныхъ цифръ

¹⁾ О причинахъ включенія ихъ сюда сказано выше.

въ остальныхъ изъ болѣе крупныхъ группъ занятій (II и III) по Волынской и Подольской губ. въ одно и тоже время и близки къ среднимъ по краю, и сходны между собою; цифры же по Киевской губ. и не такъ сходны съ таковыми же по остальнымъ двумъ губерніямъ, и не такъ близки къ вышеуказаннымъ среднимъ по краю, что видно изъ нижеприведенной таблицы (и на что оказываются влияние цифры, относящіяся къ г. Киеву, где во II группѣ занятій % самостоительно трудящихся 52, а въ III—45):

Киевская Волынск. Подольск. Весь край.
на 100 душъ обоего пола.

Группы занятій:	Трудящ. самост.		Остальн. член. сем.		Трудящ. самост.		Остальн. член. сем.		Трудящ. самост.		Остальн. член. сем.	
	Трудящ. самост.	Остальн. член. сем.	Трудящ. самост.	Остальн. член. сем.	Трудящ. самост.	Остальн. член. сем.	Трудящ. самост.	Остальн. член. сем.	Трудящ. самост.	Остальн. член. сем.	Трудящ. самост.	Остальн. член. сем.
I Земл. и доб. пром.	20	80	18,5	81,5	20,5	79,5	20	80				
II Обраб. промышл.	35	65	31	69	31	69	32,5	67,5				
III Торг. и пр. передв.	28,5	71,5	24,5	75,5	24,5	75,5	26	74				
IV Инт. зан. и св. пр.	30	70	32,5	67,5	35	65	32,5	67,5				
V Непромысловыя.	59	41	66	34	50	50	60	40				
VI Остальные.	55	45	48	52	49	51	51,5	48,5				
Всѣ занятія	25	74,2	22,8	77,2	24,5	75,5	24,5	75,5				

Что касается размѣровъ участія обоихъ половъ въ самостоятельной работѣ по различнымъ занятіямъ, то процентъ самостоительно работающихъ женщинъ въ общемъ незначителенъ (въ среднемъ на 21 самостоительно трудящихся мужчинъ 5 таковыхъ же женщинъ) и только въ группахъ занятій: «остальныхъ» и «непромысловыхъ» процентъ самостоительно трудящихся женщинъ болѣе или менѣе приближается къ таковому же проценту мужчинъ. Но такъ какъ обѣ эти группы незначительны по численности своей, то и оказывается въ итогѣ, что самостоятельный женскій трудъ всетаки развитъ слабо и главное его примѣненіе остается для домашняго хозяйства.

При разнообразіи состава мѣстнаго населенія, весьма интереснымъ является вопросъ о размѣрахъ сравнительного участія

отдѣльныхъ народностей въ различныхъ видахъ занятій. Размѣры этого участія видны изъ нижеприводимой таблицы, гдѣ указанъ % участія каждой народности въ соотвѣтствующихъ занятіяхъ (при чёмъ выдѣлены въ особыя группы малороссы, великороссы и бѣлорусы, чего почему то не сдѣлано въ обзорѣ Подольской губ., гдѣ, вопреки характернымъ особенностямъ этихъ народностей, всѣ онѣ соединены въ одну группу подъ именемъ «русскихъ»):

	Землед. и добыч. пр.	Обраб. пром.	Торг. и ср. пер.	Интел. зан. и своб. пр.	Непро- мышленн.	Осталь- ные.	
Малороссы	90,0	3,6	0,9	0,7	0,5	4,3	100
Евреи	2,5	31,5	47,5	4,5	3,5	10,5	100
Великоросс.	18,4	21,0	13,5	17,0	12,8	17,0	100
Поляки	50,9	13,8	5,8	3,3	6,5	20,6	100
Нѣмцы	82,4	8,1	1,2	1,4	1,3	5,6	100
Чехи	70,3	17,4	3,8	1,2	1,5	5,8	100
Бѣлоруссы	31,7	33,6	11,5	4,8	5,2	13,8	100

Эта табличка показываетъ, что малороссы заняты главнымъ образомъ земледѣлемъ и добывающею промышленностью, что и вполнѣ понятно въ земледѣльческомъ районѣ, гдѣ они составляютъ главную массу сельского населенія. Нѣмцы и чехи тоже по преимуществу живутъ этими же занятіями, также какъ и половина поляковъ, но всѣ эти три національности даютъ въ то же время и довольно значительные проценты занимающихся обрабатывающею промышленностью, а частію (кромѣ пѣмцевъ) торговлей и средствами передвиженія. Но наиболѣе высокій процентъ живущихъ отъ этого рода занятій (торговля, средства передвиженія и обрабатывающая промышленность) даютъ евреи, у которыхъ, наоборотъ, наиболѣе слабо развито земледѣліе. Евреи, вмѣстѣ съ поляками, бѣлорусами и въ особенности съ великороссами (все это, какъ мы видѣли, національности, составляющія значительный процентъ жителей городскихъ поселеній) даютъ и наибольшее, сравнительно, количество лицъ, кормящихся отъ интеллигентныхъ занятій (максимумъ у великороссовъ—17%), а также и наибольший % непромысловыхъ.

Что касается уже затронутаго выше вопроса о соотношении между количествомъ самостотельно работающихъ и числомъ ёдоковъ (остальныхъ членовъ семьи), кормящихся отъ ихъ занятія, то у національностей, по преимуществу занимающихся земледѣліемъ (малороссы, чехи, нѣмцы), замѣчается наименьшій % самостотельно трудящихся къ общему числу ёдоковъ. Но выше уже было замѣчено относительно мѣстнаго крестьянства, что явление это объясняется тѣмъ, что въ его средѣ неотдѣленные сыновья, занимающіеся земледѣліемъ на семью, не считаются самостоятельными работниками; слѣдовательно, на цифры эти оказываетъ извѣстное вліяніе самая условность этого дѣленія (о которомъ въ текстѣ одного изъ обзоровъ приведена оговорка, что оно не имѣть исчерпывающаго характера). Надо думать, что та же причина вліяетъ на уменьшеніе % самостотельно работающихъ (къ общему числу ёдоковъ) также и у другихъ двухъ національностей, занимающихся преимущественно земледѣліемъ, т. е. у чеховъ и нѣмцевъ. По крайней мѣрѣ предположеніе это подтверждается сопоставленіемъ у нихъ % самостотельно работающихъ въ группѣ земледѣльческой съ таковыми же процентами въ группахъ неземледѣльческихъ.

	Малороссы		Нѣмцы		Чехи	
	къ общему числу раб.		къ общему числу раб.		къ общему числу раб.	
	% самост.	% осталь-	% самост.	% осталь-	% самост.	% осталь-
Группы занятій:						
Земледѣліе и до- быв. пром.	20	80	20,1	79,9	33	67
Остальная за- нятія:	46,7	53,3	44,5	55,5	44	56,

изъ которой видно, что дѣйствительно среди національностей, занимающихся главнымъ образомъ земледѣліемъ малый % самостотельно работающихъ наблюдается только въ группѣ, занимающейся земледѣліемъ. Поэтому проведенное въ обзорахъ дѣ-

леніе это по отношению къ земледѣльческой группѣ занятій является очень условнымъ и приблизительнымъ. Устранивъ же позвалную группу по этой причинѣ изъ разсмотрѣнія и примѣняя тотъ же пріемъ дѣленія населенія только къ остальнымъ группамъ занятій, мы неизбѣжно придемъ къ заключенію, что самое невыгодное соотношеніе между числомъ самостоятельно работающихъ и количествомъ ёдоковъ при нихъ имѣется у евреевъ (27,7%)¹⁾, что видно изъ слѣдующаго сопоставленія процентовъ самостоятельно трудаящихся къ общему числу ёдоковъ:

Мал. Евреи Вел. Пол. Нѣм. Чехи Бѣлор. Въ средн.
выводѣ

у всѣхъ группъ
занятій кромѣ
землед. и добыв.
пром.: 46,5 27,7 51 42 42 42,5 68 37,5

Наиболѣе выгодное соотношеніе, какъ видно изъ этихъ же цифръ, наблюдается у бѣлорусовъ (68%)²⁾ и великороссовъ (51%).

Ограничиваюсь сводкой только этихъ главнѣйшихъ выводовъ изъ опубликованныхъ данныхъ переписи 1897 г., относящихся къ Юго-западному краю, необходимо оговориться, что самое статистическое изслѣдованіе 1897 г. носило исключительно демографический характеръ и лишь въ дополненіе къ даннымъ по демографіи попутно собраны были краткія свѣдѣнія о занятіяхъ населенія. Изъ программы переписи 1897 г. совершенно были исключены данные по экономикѣ населенія, и эта самая перепись послужила даже препятствіемъ къ производству специального статистико-экономического изслѣдованія Юго-западнаго края въ периодъ генералъ-губернаторства графа А. П. Игнатьева, на что мною было уже указано въ статьѣ «Нужды статистики въ Юго-

¹⁾ Значительно ниже средняго (37,5) для всѣхъ національностей вмѣстѣ взятыхъ и каждой въ отдельности.

²⁾ Что можетъ быть объясняется тою или иною случайностью, такъ какъ эта группа населенія въ краѣ весьма немногочисленна.

западномъ краѣ»¹⁾. Такимъ образомъ краткостью программы переписи 1897 г. опредѣляются и узкія рамки сдѣланной мною сводки выводовъ изъ переписныхъ данныхъ въ настоящей статьѣ. Съ другой стороны односторонность собранныхъ данныхъ (относившихся почти исключительно къ области демографіи) не даетъ возможности найти въ опубликованномъ переписномъ матеріалѣ объясненія пѣкоторыхъ полученныхъ выводовъ, которыхъ приходится поэтому только констатировать, не пытаясь ихъ объяснить. Надо замѣтить кстати, что хотя изслѣдованіе 1897 года и страдало, какъ сказано, односторонностью своей программы, тѣмъ не менѣе даже и то, что было собрано переписью, передъ опубликованіемъ подверглось значительнымъ сокращеніямъ. На производство переписи были, какъ извѣстно, ассигнованы специальные и при томъ огромныя средства, размѣръ которыхъ предопредѣленъ былъ заранѣе составленной смѣтой. Но «Особое совѣщаніе, образованное по высочайшему повелѣнію, въ январѣ 1902 г., подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутр. дѣлъ, сенатора П. Н. Дурново, на которое, въ виду опредѣлившагося къ тому времени недостатка ассигнованныхъ на перепись суммъ, было возложено окончательное установление общаго плана дальнѣйшей разработки матеріаловъ первой всеобщей переписи населения 1897 г. и опредѣленіе суммы необходимыхъ для сего расходовъ, нашло предложенную центральнымъ статистическимъ комитетомъ программу разработки слишкомъ обширной²⁾ и признало необходимымъ съ цѣлью возможного сокращенія дальнѣйшихъ расходовъ, значительно²⁾ ограничить ея рамки³⁾.

Но несмотря на такія «значительныя» сокращенія, разработка и опубликованіе переписныхъ данныхъ значительно за-

¹⁾ «Кievская Старина» 1898 № 11.

²⁾ Курсивъ мой.

³⁾ Предисловіе къ VIII т. переписи (по Волынск. губ.); тамъ же приведены и перечень произведенныхъ сокращеній программы разработки переписныхъ данныхъ.

поздали: даннія по 3 губерніямъ Юго-западнаго края опубликованы только во второй половинѣ 1904 года, слѣдовательно на седьмой только годъ послѣ производства переписи. Поэтому даннія эти и вытекающіе изъ нихъ выводы являются значительно устарѣвшими, что тоже нельзя упускать изъ виду какъ при пользованіи ими, такъ, конечно, и при чтеніи настоящей статьи.

А. Личковъ.

Украинськи оповидання А. П. Стороженка

род. 1805, ум. 1874.

Историко-литературные отзывы о писателѣ. Біографія и литературные труды его. Повѣствовательные и описательные элементы; лиризмъ и юморъ автора. Историко-этнографический характеръ повѣствованій. Марко Проклятый. Значеніе литературной дѣятельности Стороженка.

Въ очеркахъ исторіи малорусской литературы были попытки установить значеніе и отвести подобающее мѣсто малорусскимъ повѣствованіямъ А. П. Стороженка. Проф. Петровъ опредѣленно, но мало доказательно, утверждалъ, что всѣ разсказы и повѣсти Стороженка съ этнографическимъ и бытовымъ содержаніемъ отличаются веселымъ комизмомъ и служать продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ прежней карикатурной и комической литературной дѣятельности Котляревскаго, Гулакъ-Артемовскаго и др., но съ тою существенною разницей, что темы для своихъ комическихъ разсказовъ Стороженко заимствовалъ изъ устной народной словесности и иногда пользовался мотивами народныхъ сказаний. Проф. Дашкевичъ осторожно, но неопредѣленно, указалъ по поводу этого утвержденія, что не было ли бы удобнѣе выдѣлить нѣкоторыхъ писателей, напримѣръ Н. В. Гоголя, Стороженка, Раевскаго, Свидницкаго, въ особую группу украинскихъ беллетристовъ-изобразителей народнаго быта и воспроизводителей народныхъ преданій и повѣрій? Проф. Огоновскій никакой новой точки зренія на произведенія Стороженка не высказалъ,

несмотря на пространное изложение и подробную передачу содержания ихъ. По его мнѣнію,—и фантастичности много, и исторической правды не мало: «Стороженко любовавъ ся въ романтизми и видтакъ прыкрашавъ фантастычныы выдумкамы не тилько творы устной словесности народнои, але иноди и подіи исторычни... Все жъ таки зъ того фантастычного съева вырынаютъ справдешни запорожци, которыхъ исторычный образъ уважае ся подекуды идеализованнымъ тилько за-для фантастычной декорації». Огоновскій не согласенъ съ Петровымъ по поводу его оцѣнки этнографически бытовыхъ повѣствованій, но ничего яснаго не даетъ, только взамѣнъ ея стороною дѣлаетъ намекъ на нѣкоторое сближеніе таланта Стороженка и Квитки-Основяненка. Дѣйствительно, кое что сходно въ ихъ литературной физіономіи, но многое различно. Оба они владѣли малорусской народной рѣчью въ совершенствѣ, оба были мастерами въ веденіи разсказа, оба, кромѣ повѣстей и разсказовъ, обращались еще и къ драматической формѣ (мелодраматическія сцены Стороженка «Гаркуша»), но избѣгали размѣренной стихотворной рѣчи, наконецъ, оба оставили послѣ себя нѣсколько произведеній, полныхъ настоящаго южно-русскаго юмора. Но далѣе сходство двухъ малорусскихъ писателей не идетъ, и занимаются они въ исторіи малорусской литературы мѣста весьма различныя: Квитка—одинъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ патурализма въ малорусской (отчасти и великорусской) литературѣ, одинъ изъ первыхъ писателей-народниковъ въ опредѣленномъ смыслѣ этого слова, онъ же — создатель малорусской, такъ называемой, «прозы»; Стороженко — временный и до извѣстной степени случайный гость въ малорусской литературѣ, талантливый и сильный рассказчикъ — и ничего больше. Въ этомъ, мы надѣемся, можно убѣдиться изъ самаго краткаго обзора его жизни и литературной дѣятельности.

Прежде всего мы должны помнить, что Стороженко, съ одной стороны, малорусскій писатель (произведенія его на великорусскомъ языкѣ вѣсма малоцѣнны), а съ другой — представитель крайней бюрократіи, настоящій «государственный чиновникъ». Происхожденiemъ онъ былъ изъ козацкаго рода (подъ 1610 г.

упоминается его предокъ, какъ «полковникъ войскъ запорожскихъ»). Родился А. П. въ Полтавской губерніи ровно сто лѣть назадъ; установить точнѣ дату его рожденія мы никакъ не могли: вѣрнѣе всего, что онъ родился 17-го марта, когда, по старинному обычаю, и праздновалъ свои именины. Воспитанный въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ, Стороженко съ 1823 по 1831 г. проходилъ военную службу, участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ, усмирять польское восстание, а потомъ перешелъ на гражданскую службу въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Киевск. Генер. Губернат., извѣстномъ Д. Г. Бибиковѣ, а затѣмъ—при немъ же, какъ министрѣ внутр. дѣлъ. Въ 1863 г. мы застаемъ его въ томъ же положеніи при М. Н. Муравьевѣ въ сѣверо-западномъ краѣ. Онъ, между прочимъ, обладалъ большимъ искусствомъ въ раскрываніи самыхъ трудныхъ слѣдственныхъ казусовъ, хотя не былъ слѣдователемъ по служебной профессіи, но къ данному его таланту ген. Бибиковъ обращался иногда въ случаяхъ затруднительныхъ и особенно важныхъ. Въ концѣ 60-хъ гг. Стороженко жилъ въ своей усадьбѣ «Горишинъ» около гор. Бреста Литовского, состоя уѣзднымъ брестскимъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, т. е. находился въ рядахъ обрусителей-чиновниковъ, осѣвшихъ въ западномъ краѣ послѣ восстания. Тамъ же онъ и умеръ 7 ноября 1874 г. и похороненъ. Отмѣтимъ, что это былъ упорный и безусловный врагъ поляковъ, которые рисовались ему и въ исторіи, и въ современномъ быту исключительно своеобразными шляхтичами. Рвеніе его по службѣ въ борьбѣ съ польскимъ элементомъ иногда выходило даже за предѣлы правительственныйыхъ намѣреній: такъ, когда онъ служилъ въ западномъ краѣ, былъ поднять вопросъ о богослужебномъ языкѣ для католиковъ этого края, и Стороженко явился горячимъ защитникомъ введенія русскаго языка, но встрѣтилъ отпоръ во взглядахъ нѣкоторыхъ—администраторовъ («Правда», 1875, VIII). Таковы немногія біографическія данныя, которые извѣстны до сихъ поръ объ А. П. Стороженко. Среди этой чиновничьей дѣятельности онъ отдавался отъ времени до времени литературной работѣ. Объемъ литературнаго материала, оставленнаго имъ, не

великъ. Въ 1863 г. вышло два томика его «Украинськихъ оповиданнь»—21 повѣствованіе. «Споминки про Ник. Коржа» и истор.-драматич. картины «Гаркуша»; въ 1879 напечатана поэма «Марко Проклятый»; кромѣ того, въ «Основѣ» же, гдѣ помѣщено и большинство разсказовъ двухтомнаго издапія, появились «Стешинъ Рогъ» (1861 г. № 1) и «Матусине Благословення» (1861 № 9); по великорусски напечатаны — «Братья Близнецы» («Библіотека для чтенія» 1857), «Сотникъ Петро Серпъ» (изъ XVII в.) 1858 г., переводы на великорусскій языкъ повѣстей Квитки «Свѣтлый праздникъ мертвцевовъ», «Солдатскій портретъ» и «Козырь-дѣвка» (1860 — 1861 г.); остальная печатная произведенія и другія мелочи, помимо развѣ воспоминаній о Гоголѣ («Отеч. Зап.» 1859 г. № 4), не имѣютъ никакого значенія. Отсюда мы видимъ, что почти вся малорусская литературная дѣятельность А. П. Стороженка, кромѣ поэмъ, относится къ неполнымъ двумъ годамъ, 1861-му и 1862-му, т. е., во-первыхъ, посила диллетантскій характеръ¹⁾, во-вторыхъ, поддерживалась въ немъ украинскимъ народническимъ настроениемъ до польского возстанія, послѣ котораго сочинительства А. П., уже исключительно на общелитературномъ языке, могли появляться только въ такихъ изданіяхъ, какъ пресловутый «Вѣстникъ Западной Россіи», и не имѣли никакихъ литературныхъ достоинствъ.

Остановимъ свое вниманіе на художественной дѣятельности Стороженка и сдѣлаемъ обзоръ его украинскимъ оповиданіямъ, чтобы опредѣлить общія черты литературного творчества. Прежде всего мы должны отмѣтить, что онъ былъ необыкновеннымъ мастеромъ разсказа. Нѣкоторые рассказы А. П.—небольшіе пустяки, «приказки» анекдотического характера, передача народныхъ сказаний и бродячихъ разсказовъ. Таковы: «Се така баба, що чортъ ій на маховыхъ вылахъ чоботы оддавъ», «Вчы липивого не мо-

¹⁾ Диллетантомъ былъ онъ и въ другихъ проявленіяхъ своихъ поэтическихъ настроеній: Стороженко хоропо играль на віолончели: какъ скульпторъ, имѣль даже академическую медаль; какъ художникъ, известенъ проектомъ памятника Нестору лѣтописцу.

лотомъ, а голodomъ», «Нехайлучче буде злый, чимъ дурный», «Скарбъ», «Чортова корчма», «Дурень», «Жонатый чортъ», «Два браты», «Стехинъ Рогъ» и др. Иногда искусство рассказа, выразительность и сила изложения достигаетъ высокой степени. Наряду съ этимъ часто встрѣчаются необыкновенно сжатыя, сильныя и образныя описанія малорусской природы: почти каждая повѣсть, даже небольшой разсказъ, сопровождаются художественными описаніями большой яркости. Въ оповиданніи «Закоханый чортъ» мы на первой же страницѣ читаемъ описание природы Слободской Украины:

Якъ перехописся черезъ ричку Харькивъ... тутъ заразъ починаєтца оттой великий боръ, що високи сосни ажъ хмару піднѣпрають. Одежъ вамъ и Основа, де батько нашъ Квитка збывъ соби зъ своихъ повистей такий мицній човенъ, що до вику вичнѣго буде плавать по плюгавій ричці Лети. (Далѣє слѣдуєтъ спена народного гуляння въ Основѣ). Пройхавши килька верстовъ боромъ, станешъ підниматця на гору. Тутъ вже темна соснина починаєтиця зъ дубомъ, липою, клыныною, уже стає густише, густише; дерево переплелось витами, якъ те волосся; оришникъ, глодъ, шепшиня позростались, стоять, якъ добра огорожа. Чимъ дальше йидешъ, тимъ краще врода: пишли и долинки зъ прогалынами, якъ рута зелеными, и яри зъ проваллямъ, що якъ глянешъ, то голова закрутитця. Мій Боже мылый, що залисъ! Якого тутъ нема дерева! И високихъ, величезныхъ, и старыхъ, скорченыхъ и похнюючихъ, що вже вику свого доживають. Ініше, зламане хуртовиною и опалене бlyскавкою, стоить соби край дороги, якъ чернець; тамъ трухлявый пень схylывсь, якъ той старець зъ торбою. Куды ни глянь—усе тебе чарує, привитає, усе тоби всміхаєтца. Здаєтца, сама рідна нація Україна вийшла тоби на зустрічъ: то спогляне на тебе гарячимъ сонцемъ, то прытультця пахучымъ холодкомъ изъ темного лису, то промовить писнею, то ззоветця соловейкомъ жайворонкомъ, то неначе граєтця зъ тобою: затурчить у вухо горлыцею, залоскоче тыхесенъкимъ витерцемъ... Якъ одийдешъ одъ Харькова верстовъ двадцять, лисъ починаєтиця. Зъ високою горы уже видко село Мерехву, зъ церквами, дзвиницями, садками и левадами—геть-геть розкинулось по долини. За селомъ бlyщаєть течії, затоки и озера

Мжи. Потекла вона у-ливо промижъ кущивъ верболозу и вильхи; а напроты гладко стелетця зъ могыламы шырокый степъ. Сывіе старенъкій, якъ море, мріе, мріе, поки не зійдетця зъ небомъ, а небо зъ землею. Гуляйте очи, гуляйте думы, якъ колысь гуляло по сему степу вильне козацтво!

Въ повѣстованіяхъ и описапіяхъ Стороженко является не только мастерскимъ рассказчикомъ, но и глубокимъ лирикомъ. Многія страницы въ его оповиданіяхъ проникнуты сильнымъ лиризмомъ, иногда пѣсколько искусственнымъ, чаше искреннимъ, мягкимъ, полнымъ грусти и печали. Прочтите, напримѣръ, рассказъ старого гайдамаки въ одной изъ лучшихъ повѣстей «Кіндратъ Бубненко Швыдкій» о прошломъ народномъ горѣ, которое выливается тяжелой, горячей, кровавой слезой въ народно-козацкихъ возстаніяхъ... Мы напомнимъ читателю одно только мѣсто изъ оповиданья «Прокіпъ Ивановичъ». Тамъ два козака—Прокіпъ и Грыцько Клюшныкъ—трогательно прощаются съ Сичью послѣ ея разрушенія:

Мы перейхалы у човни на другій берегъ Дніпра, зійшли на гору и глянулы на Коцъ. Якъ на долони передъ намы. Зовсимъ опорожнывсь, де ни де побачышъ козака, и курени поразваловались, други зовсимъ розібрани; тильки стоить одна церковця, неначе стара неенька, выпроводивши диточекъ и попрощавшись зъ нымы на вики вични. Прокіпъ Ивановычъ упавъ на колина и ставъ прощатця зъ Сиччю. Що винъ казавъ—не памъятаю, тай нечувъ—такъ важко стало! Здавило серце, неначе обценъкамы; не стямывсь, якъ и самъ упавъ, на колина и, вже не знаю зъ чого, ставъ чытать: «ныни отпущаеши раба твоего, Владыбо, по глаголу твоему зъ миромъ». Хочъ, правду кажучы, и не було того мыру, та вже бачу, такъ уста промовылы одхидну молытву нашому бездольному козацтву. Всталы, обнялысь, крилко прытульялись одынъ до одного и гірко заплакалы. «Въ першый разъ, якъ жыву на свити», каже Прокіпъ Ивановычъ, «оце заплакавъ». «И я въ першый», кажу. «Було до чого и ирыберегаты цю слезу», каже Прокіпъ, «Теперечки мы, Грыцьку, не сичовыкы, не лыцари, та все таки честни люде: свое отдалы, та чужого не загарбалы! Охъ, важко, каже, и не вымовышъ: здаётся, якъ бы

все те лыхо, що на серци, вихопылось словомъ, то й каминъ, почувши, триснувъ бы и вилывъ зъ себе родныкъ слизъ». «Такъ, кажу, такъ!» Та прыхылывшись одинъ до другого плачено. Ще разъ глянули на колпъ, поклонылись на вси чотыри стороны, перехрестылись тай пишли. Идемо мовчки; у кожного одно горе на думци.

Какъ лиризмъ, особенно въ описаніяхъ, такъ юморъ въ повѣстованіяхъ, являются постоянными настроеніями автора, сопровождаютъ и проникаютъ весь характеръ его рассказовъ изъ украинской жизни. Въ оповиданні «Закоханый чортъ», цѣнномъ только отдельными картинами и блестками неподдельного юмора, запорожецъ Кирило съ чортомъ Трутникомъ, какъ разсказываетъ Стороженко,

пишли поручъ, якъ товарыши. Дидъ изъ своего рижка натрусыть чортови кабаки, а чортъ ему натрушуе своеи—такий вслужбовый. Скоро дидъ набье люльку, а чортъ заразъ вогню выкроше. Дидъ згадавъ про горилку, а чортъ зарязъ и частуе, и на закуску тягне зъ сумки печену качку и пшеничный буханецъ. Выпивши и попойивши, діда взяла охота подратувать чорта: хотивъ бувъ перехрестыть его, та подумавъ: цуръ ему, хоть винъ и чортъ, а все таки товаришъ,—не честно товариша обижатъ. Дали якъ глянувъ на чорта, то ажъ жаль его стало: иде, звисывши голову, неначе на шыбеныцю его ведуть (дѣдъ пообѣщалъ чорту помочь въ сватовствѣ на Одаркѣ, за что онъ долженъ бытъ ему служить 5 лѣтъ конемъ; но запорожецъ усумнился въ правдивости чортового слова; тотъ далъ ему отвѣтъ:) «Намъ не велено — не то обманювать, а и зачепляти Запорожцівъ; бо вовы буються за православну виру. Та не велика и корысть, каже, коли якого и завербуешь: убьютъ его на війни, а винъ вже й не нашъ. Видки визьметца Петро зъ ключемъ и одбывъ: такъ и товче на того брата, не розглядаючи чи де око, чи де морда; а ще якъ вихопытця Микола, то швидче втикай, бо вернешся у пекло безъ хвоста,—отдыре!» «А багато у васъ у пекли запорожцівъ?» пыталася дидъ. «Ні однисенького: яки були, то й тихъ повыганаля». «За що жъ ихъ повыганаля?» пыталася дидъ. «Для нашого брата вамъ жалко и кутка въ пекли?» «Колыжъ такий гармидеръ роблять»,

какже чортъ, «что усихъ чортівъ изъ пекла порозгонялы. Хиба не чувъ про того Марка, что товкся по пеклу?» «Щожъ воны вамъ роблять?» спытавъ дидъ. «Поапываютца горячои смолы», розскажуе чортъ, «якъ тієи горилки, позалазять у печи, тай почнуть шпурлять видтиля головешкамы. Разъ трохи пекла не спалылы. Або ляже на сковороду, тай звалыть пидпалювать себе. Печень его, печешъ, ажъ шкура на тоби трискаетца, а вінь тебе лає, кепкуе зъ тебе та кръчыть на усе пекло, що змерзъ. Бида зъ нымы». Идуть чортъ и дидъ дальше. Якъ пишли по надъ Лыманомъ, той переличыты не можно, що тихъ чортеняты повыскакувало зъ болота. «Здрастуйте, дядечку!» озываютца до чорта, а дида такъ жахаютца: бачутъ, що Залорожець. «Не бйтесь, дитки»,каже чортъ, «се, щобъ вы знали, мій сватъ Кырыло». Дидъ розсказувавъ, що бисенята поки ще молоди, то зелени, якъ оситнякъ,—вема у ныхъ ни рижкивъ, ни кигтивъ. Тай втишни-жъ, розсказувавъ: бигають, крутиятца, якъ жабы, граютца, якъ кошечнята; пирне у воду, а нижки высуне зъ болота тай дрыга. Дидъ хотивъ бувъ ихъ подратувать, показавъ имъ дулю (кукишъ), такъ воны у одынъ голось такъ и запыскотили: «Спасыби вамъ, дядечку Кырыло, за вашу ласку». А чортъ и каже: ты ихъ и цукеромъ не годуй. тильки покажы имъ дулю.

Тотъ же дѣдъ разскazyvalъ, что онъ,

разъ заспорывсь и въ закладъ пишовъ, що пойде у Бахчисараї и самому Крымському ханови у вичи плоне. И що бъ вы думали? Пойхавъ тай плонувъ, тай ще добре вылаявъ. Дидъ знатно лаявсь,—у якогось москаля вчывсь: «ты, каже, хане, покійного чорта племенникъ, бусурманський, кателыцький, анахвемський, гаспытивъ сынъ, трыста тоби чортівъ у живить».

Эта сценка какъ то невольно напоминаетъ картину Рѣпина «Запорожцы, пишущіе отвѣтъ Султану». Но наиболѣе щельнымъ изъ подобныхъ полныхъ юмора разскazовъ являются, конечно, «Вусы». Кто не помнить всей этой трагикомедіи съ усами, кто не любовался картиной появленія старосвѣтскихъ дворянъ изъ Опошни. выборныхъ засѣдателей, въ передней предсѣдателя пѣредъ невѣdomой книгой для записи визитеровъ? Самый «пysьменный» изъ нихъ Кирилло Онуфріевичъ Пищи-Муха изобразилъ въ ней стихи:

И вчора галушки, и сегоднія галушки,
 Прыйди, прыйди, серденько, на били подушки.
 И учора кулишъ, и сегоднія кулишъ,
 Прыйди, прыйди, серденько, мое серце потиши.

Другой засѣдатель начерталъ:

Спробувавъ пера й чернила,
 Що въ ему за сыла.
 Такъ перо пыше,
 Якъ муха дыше.

А Назаръ Семеновичъ Тупу - Табунець - Булапенъкий «при сей вирной оказіи щей жалобу на своего сусида напысавъ, що зйивъ у него «многоплодного» индыка». Самъ разскazчикъ, полагая, что роспiskой въ книгѣ посѣтителей они приглашаются предсѣдателемъ на закуску, написаль: «буду, хлиба—соли не цураюсь». Да хто его и сподивавсь, яка тамъ хлибъ-силь буде»... Кто могъ подумать, что придется перенести и разносъ начальства, и усы сбрить... Однако, среди смѣхотворного приключенія, среди «смишкivъ», въ разскazѣ этомъ звучить и другая нота, напоминающая о чиновничемъ произволѣ,—когда, говорить авторъ, разыскивали среди законовъ статью о томъ, распространяется ли на военныхъ въ отставкѣ съ мундиромъ ношеніе усовъ или не распространяется, авторъ вспоминаетъ время, когда законовъ, за неприсылкою ихъ, никакъ не могли разыскать и тогда: «таке було лыхо, що не повирыте: колы скажуть, що право ношенія не то вусивъ—головы на твоихъ плечахъ не распространяєтца, то не турбуйтесь и шукать (законовъ) чи воно правда, чи брехня,—стынай голову, та такъ и ходы».

Какъ мы уже упоминали и какъ можно было видѣть изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ выше отрывковъ, въ повѣстованіяхъ Стороженка преобладаютъ историко - этнографические элементы. Онъ относился своеобразно къ этой важнѣйшей сторонѣ своихъ произведеній. Историческое прошлое украинской жизни А. П. идеализировалъ и рисовалъ рѣзкими, яркими, такъ сказать, «героическими» красками. Этнографический же матеріалъ перераба-

тывалъ, комбинировалъ и излагалъ, нисколько не гоняясь за этнографическою точностью. Такой характеръ носять почти всѣ рассказы Стороженка. Одна сказка, впрочемъ, записана была стenографически,—это «Тры сестры» «Спомынки про Ник. Леон. Коржа» носять наибольше сохранившуюся близость къ этнографической записи; въ нѣкоторыхъ же оповиданняхъ непосредственная характерность рассказа остается на лицо, что особенно можно сказать объ одномъ изъ лучшихъ произведений А. П. «Межигорський дидъ». Въ немъ старая бабуся Орыся разсказываетъ о давнемъ прошломъ, и колоритность рассказа ея сохранена въ цѣлости:

Ну, такъ бачите... Що жъ я таке розказувала? Отъ ій же Богу забула... Якъ згадуешъ молоди лита, то здаєтця и не вернулась би назадъ,—тамъ бы зъ думкою и осталась! Эге, про думки, про ченця (межигорського діда). «Хочешъ, каже, я тебе навчу писнямъ и думкамъ? Якъ я вмру, то вони ще зъ тобою проживуть який часъ». Отъ я и вивчилася, и старшу дочку навчyla, такъ шкодя-жъ: дочка моя вмерла, а зъ нею и писни й думки. Та ще якъ небога вмерла!, наглою смертю: глынище завалило, и іи й прыдавило... Писля себе оставила двое диточокъ,—хлопчика и дивчинку, манюсенъкъхъ, ще такъ тильки що одь земли піднялись. Тай сыротамъ не давъ Богъ талану: унука отдали въ не круты и пигналы підъ турка, то тамъ десь у шпитали и вмеръ, а унучка... Опять забрехалась! Що бо я розказувала? Ій же Богу забула! Эге! Навчывъ мене чернечый дидъ писнямъ и думкамъ, и яки жъ гарни були ти писни и думки! Такъ до серця и прыкыпили. Дебъ не була, куди бъ не пішла, а вони за мною, якъ курчата за квочкою. Засну, такъ и въ сонъ мій залитають, якъ ти бжилки, що гудуть въ витахъ лышы, якъ вкрыєтця вона пахучимъ цвityмъ; а теперечки усе забула, усе развіялось, якъ та роса, що никто й не зна, куди вона ховаетця и т. д.

Какъ на образецъ сильной литературной переработки народныхъ рассказовъ и «приказокъ», мы укажемъ хотя бы на оповидания «Дурень», въ котороѣ вошелъ рядъ бродячихъ рассказовъ, искусно скомбинированныхъ Стороженкомъ. Историческая идеализація,

особенно запорожцевъ—дидивъ», достигаетъ высшей точки въ изображении и характеристику пасичника Дороша (рассказъ того же названія).

Особенно, однако, выразительно сказываются указанныя особенности литературныхъ пріемовъ повѣствователя, переходящія въ недостатки, въ его послѣднемъ по времени созданія литературномъ трудѣ «Марко проклятый» (напеч. 1879). Это повѣствованіе Стороженко пожелалъ назвать поэмой и самъ цѣнилъ ее выше всѣхъ своихъ произведеній. Въ предисловіи къ нему онъ говоритъ, что Марко Проклятый—«отверженный скиталецъ, котораго за грѣхи не принимаютъ ни земля, ни адъ. У малороссіянъ существуетъ поговорка: товчетця, якъ Марко по пеклу, стало быть въ изустномъ преданіи народа должна существовать и легенда о похожденіяхъ Марка. И вотъ, болѣе тридцати лѣтъ отыскивалъ я и собираль куски раздробленной легенды и успѣль много собрать. По народнымъ преданіямъ, похожденія Марка относятся къ далекимъ временамъ Запорожской Сѣчи и имѣютъ связь съ воиною 1648 г., бывшею послѣдствіемъ восстанія Хмельницкаго. Поэма эта выношена подъ сердцемъ. Народныя преданія для нея добывались ревностно изъ устъ народа во многихъ мѣстахъ». Мы отказываемся признать за предсмертнымъ произведеніемъ Стороженко какую то особенную цѣнность, несмотря на долгое собираніе материала и долгую работу наль излюбленной поэмой: она не только не представляетъ шага впередъ сравнительно съ болѣе ранними повѣствованіями, но рельефно выказываетъ недочеты литературного таланта и литературныхъ пріемовъ автора, подчеркиваетъ въ гораздо большей степени тѣ несовершенства, которыя сказывались, но не такъ рѣзко, въ предшествующій періодъ его художественного творчества. Въ поэмѣ переплетены въ одно цѣлое какъ этнографической матеріаль, такъ и историческая свѣдѣнія—изъ эпохи Богд. Хмельницкаго. Все это насыщено измышленіями авторской фантазіи и сдобрено гиперболическими по ужасу рассказами и «патріотическими» тирадами. Благодаря прикрасамъ, этнографической матеріаль въ поэмѣ теряетъ всякую цѣну. Съ этой точки зрѣнія, гораздо, напримѣръ,

и цѣннѣе, и интереснѣе запись вирши о «Маркѣ пекельномъ», помѣщенная въ «Кіев. Старинѣ» 1885 г. № 8. Историческая обстановка носить подобный же прикрашенный и невѣрный колоритъ. Хотя авторъ старается яко бы сохранить историческую точность (есть и ссылки на источники), но далекъ отъ нея даже въ разсказѣ о Вовгуряжцахъ, похожденія которыхъ могъ бы изобразить хотя бы по «Повѣсти о томъ», что случилось на Украинѣ XVII в.». Желаніе автора произвести «ужасное» впечатлѣніе приводятъ самаго непредубѣженного и нетребовательнаго читателя къ обратному настроенію. Смѣшно становится, когда читаешь описание умиранія, видѣній и возврата къ жизни величайшаго въ мірѣ преступника Марка, убившаго мать, сестру, невѣсту, ея возлюбленнаго и мн. др., или же вскармливанье его кровью живыхъ птицъ, изображеніе лютѣйшихъ истязаній поляковъ надъ козаками и обратно и т. п. Вотъ ведутъ козаковъ подъ изряднымъ конвоемъ для мученій и казни изъ замка Вишневецкаго къ лобному дубу, на которомъ ихъ вѣшли. Одинъ изъ пановъ Пидпальскій,

Зибрали кинци (веревки, связывавшей запорожца Кобзу) у ливу руку, подрався на дуба и выбравшись на середыну сухого гилля, прымостыся якъ разъ надъ Кобзою и гукнувъ: «А пидіймайте «харцыза». «Тай важкий же діявольский сынъ», крехтилы патерь и жолниръ, пидіймаючи Кобзу. Шанъ Підпальскій натягнувъ виревку и ставъ завъяувувать. Не вспивъ винъ у друге завузлыть, якъ зъ листвы просунулася здоровенна рука и вхопыла его за чубъ; бlyснувъ кинжалъ, и окомъ не змыгнуть, якъ разомъ зъ обезголовленнимъ трупомъ звалыся зъ дуба чоловикъ въ чорному кобеняку и татарській кучми. Но доторкуючись ще до земли, винъ одною рукою затопывъ патера по тимью, а другою жолнира у высокъ такъ, що обидва попадалы мертві. Щука (стремянный кн. Вишневецкаго), побачивши се, выхопывъ шаблю, та не вспивъ замахнутця, якъ той чоловикъ пирнувъ ему кинжалъ у груды, у same серце. Жолниры скопылись було за плаши, та бачать, що вже и Кобза зъ розвязанными рукамы хапаетця за саблю Щуки, повернулы назадъ тай чкурнулы на втикача.

Понятно, что герой этот былъ никто иной, какъ Марко—вѣчный освободитель козацтва въ трудныя минуты. Идеализація козацтва, особенно запорожской удали, доведена въ послѣдней поэмѣ Стороженка до высшихъ предѣловъ, далеко превосходящихъ всякую дѣйствительность и вѣроятность. При этомъ не только симпатіи, но слѣпое преклоненіе руководитъ авторомъ по отношенію къ землякамъ, и самая глубокая ненависть--ко всему польскому и, въ значительной степени, къ еврейскому. Испытывая всевозможныя нечеловѣческія муки, подвергаясь жесточайшимъ казнямъ, козаки ни въ чемъ не выказываютъ человѣческихъ слабостей, весело шутятъ, издѣваются надъ мучителями и гордо гибнуть безъ единаго звука о пощадѣ или спасхожденіи. Конечно, иначе ведутъ себя враги ихъ, когда попадаютъ въ подобное же положеніе, — они малодушны и смѣшны, громко раздаются ихъ просьбы и вопли о пощадѣ, а одинъ, напримѣръ, претолстый и заносчивый (это ужъ само собою разумѣется) панъ «крычить особлыво», когда съ него живого сдираютъ кожу, проклинаетъ и козаковъ, и патеровъ, и тотъ днѣ, когда родился, и даже самого папу и т. п. Вообще въ изображеніи отрицательныхъ сторонъ «пановъ-ляховъ» Стороженко не жалѣть густыхъ мазковъ и черныхъ красокъ. Любопытно, что широко набросанная картина жизни богатой польской шляхты въ Дубенщинѣ (Полт. г.) въ срединѣ XVII в. мало носить характерныхъ чертъ именно этого времени, а можетъ быть скорѣе отнесена къ характеру магнатской и вельможной жизни второй половины XVIII в. (и позже). Черты эти относятся, безъ сомнѣнія, и къ самодурству нѣкоторыхъ представителей польского высшаго класса, владѣвшаго тогда уже землями на западѣ отъ Днѣпра, но если говорить о лѣвобережной Украинѣ (да вообще о Россійскомъ государствѣ того времени), то собранныя и сгруппированныя А. П. черты нравовъ крѣпостной эпохи, какъ неизъя лучше, могутъ характеризовать и нѣкоторыя (не менѣе частыя, чѣмъ въ польскомъ обществѣ) проявленія самодурства въ XVIII в. и среди великорусскихъ, и среди малорусскихъ помѣщиковъ, предковъ и земляковъ того же Стороженка. Евреямъ авторъ удѣляетъ меныше вниманія, болѣе отдѣливается на смѣш-

ками, характеризуя только въ самомъ концѣ поэмы всѣхъ ихъ, огulumъ, какъ націю.

«Скильки Марко не вештався по свиту Божому, а ниде не бачивъ, щобъ жыдъ бувъ якимъ небудь хлиборомъ и щобъ хоть зерно хлиба зийвъ одъ своихъ робочихъ у степу рукъ, або збудувавъ хату, або зробивъ колесо, або полагодивъ его, або бувъ ковалемъ; а тоничогисенько того не роблючи, джиркочуть тильки та дурять людей хрещеныхъ, та обманствомъ добуваютъ гроши и живутъ соби панамы».

Стороженко писалъ, что «каждый народъ имѣеть своего скитальца: древніе греки — Одиссея, французы — вѣчнаго жида, испанцы — Мильмота, у пѣмцевъ и англичанъ ихъ не перечесть, у русскихъ — Кащей Безсмертный, а у малороссіанъ — Марко Проклятый, но, кажется, малороссійскій Марко заткнетъ за поясъ всѣхъ другихъ скитальцевъ». Вообще же это не только не «кажется», но весьма сомнительно, а въ частности въ томъ изображеніи, которое ему придалъ нашъ авторъ, совершенно невѣрно. Отзывъ о поэмѣ престарѣлого малорусскаго писателя Гулака-Артемовскаго: «зъ роду лучшого не читавъ и до смерти вже не прочытаю», — конечно, одно только недоразумѣніе. Поэма Стороженка и съ этнографической, и съ исторической, и съ художественной, и съ общественно-этической точки зрѣнія самое большее по объему, но и самое слабое по литературному значенію произведеніе повѣствователя.

Такимъ образомъ, мы могли убѣдиться, что въ дѣйствительности А. П. Стороженко краткое время, всего около двухъ лѣтъ, серьезно отдался творчеству на малорусскомъ языке. Попытка его слишкомъ черезъ десять лѣтъ выступить на то же поприще съ большой художественной поэмой, въ которой онъ какъ бы старался ссумировать свое литературное творчество, оказалась вполнѣ неудачной. То, что было недостаткомъ малозамѣтнымъ и нехарактернымъ въ первыхъ произведеніяхъ Стороженка, проявляется въ послѣднемъ съ особенною и настойчивою рѣзкостью: онъ хотѣлъ придать поэмѣ цѣльность, а она оказалась мозаикой,

сложенной изъ неискусно обдѣланного материала, раскрашенной въ фантастические кричащіе, неестественные цвета; онъ хотѣль придать Марку Проклятому широкій, обобщающей, даже какой то идейный смыслъ, а поэма оказалась ходульно - тенденціозной мелодрамой сомнительной идеиности и художественной цѣнности. Нѣкоторые блестки прежняго таланта рассказчика, мастерского изобразителя украинской природы, лирическаго настроенія расплываются въ общей нагроможденной массѣ фантастически историческихъ и этнографическихъ картинъ; тонкій юморъ совсѣмъ отсутствуетъ. Между тѣмъ этотъ своеобразный описательно - повѣстовательный характеръ таланта Стороженка, сильно выраженный лиризмъ и юморъ его и составляютъ наибольшую цѣнность и придаютъ значеніе его украинскимъ оповиданнямъ 1861 — 1862 годовъ. Правда, въ теченіе всей жизни автора не покидалъ ни его талантъ рассказчика, ни лиризмъ и юморъ и выражался и въ устной живой бесѣдѣ, и въ паброскахъ для себя и для близкихъ, но только временно онъ отдался дѣятельному малорусскому литературному движению — это время связано для него преимущественно съ изданіемъ журнала «Основа» и съ именами Кулиша, Костомарова и друг. Не даромъ они тогда же издали нѣкоторая его оповидання для народа въ видѣ маленькихъ дешевыхъ брошюръ, такъ называемыхъ «метелыківъ». Не даромъ А. П. посвятилъ имъ нѣкоторая свои произведенія, напримѣръ, «Вусы» — Кулишу, «Сужена» — Костомарову, а всѣ свои оповиданія — «любымъ моимъ землякамъ». Эти люди и это движение толкнуло его на путь литературной малорусской дѣятельности, вскорѣ угасшей. Оно осталось для Стороженка въ прошломъ, какъ только въ прошломъ рисовалась ему и его родина, и ея козацкіе сыны, и ея мирные обитатели, ихъ радости и горести, и та «чудная украинская природа, согрѣтая горячимъ полуденнымъ солнцемъ», которая недолгое время навѣвала на его душу «сѣмена поэзіи и чаръ». Въ заключительныхъ словахъ «Матусыного благословенія» авторъ говоритъ: «Пойихавъ я и все думавъ, яка то гарна старовына була! Що за люде, що то за души булы у насъ пидъ ту велику Руину! Та дежъ воно дилося? На що переводы-

лось, що теперъ мало такихъ людей задержалось на свити, простыхъ, пырыхъ и богобоязлыхъ... Тильки и жыты намъ спомынкамы»... Да, Стороженку оставалось жить только ими, что лишь и было для него цѣннымъ въ его родной Українѣ...

Думается намъ, что мы не ошибемся, если скажемъ, что малорусская литературная дѣятельность нашего автора, именно его українскія оповидання, опредѣляетъ не извѣстную стадію въ поступательномъ движениіи въ общемъ развитіи малорусской литературы, а только характеризуетъ одну изъ сторонъ исторического момента, пережитаго украинскимъ движениемъ въ концѣ 50-хъ и самомъ началѣ 60-хъ годовъ: въ этихъ ограниченнѣхъ рамкахъ заключается значеніе украинской литературной дѣятельности А. П. Стороженка.

Іг. Житецій.

Василій Назарович Каразинъ.

(Его жизнь и общественная деятельность).

(Окончаніе¹).

ГЛАВА XII.

Могила и портреты В. Н. Каразина. Заключение. Генеалогическая таблица рода В. Н. Каразина.

Погребенъ Василій Назаровичъ Каразинъ въ г. Николаевѣ. Могила находится за кладбищенскою церковью, на восточной сторонѣ ея; надъ могилой былъ поставленъ памятникъ, представлявшій собою обыкновенную небольшихъ размѣровъ каплицу, выстроенную изъ камня, безъ особыхъ архитектурныхъ затѣй; въ сѣверо-восточномъ углу каплицы стоялъ столикъ и на немъ двѣ старыя иконы съ лампадкой²). Изображеніе надгробнаго памятника помѣщено въ «Историческомъ Вѣстнику» и въ I-мъ томѣ «Исторіи Харьковскаго Университета» проф. Д. И. Багалѣя. Къ 1889 году старый памятникъ былъ уже очень ветхъ: во многихъ мѣстахъ сверху до низу образовались сквозныя трещины въ стѣнахъ, несомнѣнно предполагающія близкое и совершиенное разрушеніе памятника³). Теперь могила Василія Назаровича имѣть еще болѣе жалкій видъ. У задней стѣны памятника была похоронена старушка, сопровождавшая В. Н. Каразина въ Крымъ и бывшая свидѣтельница его смерти. Она нѣкоторое время ухаживала за могилой умершаго господина и, умирая, просила по-

¹) См. Киевск. Стар., № 7--8.

²) «Южный Край» 1889 г. 17 января, № 2766.

³) Тамъ-же.

хоронить себя какъ можно ближе къ могилѣ Вас. Наз—ча. Теперь могила этой старушки провалилась, началь заваливаться въ сторону ея ямы и памятникъ-каллица В. Н. Каразина. Харьковскій университетъ ассигновалъ нѣкоторую сумму на реставрацію надгробнаго памятника.

Портретовъ В. Н. Каразина существуетъ 4, по крайней мѣрѣ мы имѣли 4 разныхъ копіи съ нихъ. Двѣ копіи съ портретовъ Каразина (въ болѣе молодомъ возрастѣ), можетъ быть, сдѣланы даже съ одного и того же оригинала, ибо лицо В. Н. Каразина поразительно одинаково. Разница только въ позѣ: на одномъ снимкѣ, гравированномъ въ Лейпцигѣ Геданомъ и приложенномъ къ біографіи В. Н. Каразина, составленной Я. В. Абрамовымъ, изображенъ бюстъ Каразина, находящагося въ прямомъ положеніи; на другомъ, приложенномъ впервые въ Русской Старинѣ 1875 г. (апр.), изображенъ, повидимому, бюстъ Каразина тѣхъ же лѣтъ, при чѣмъ голова склонена на лѣвую руку. Оригиналъ послѣдняго снимка написанъ (акварелью) на слоновой кости французскимъ эмигрантомъ Де-Шатобуромъ¹⁾, проѣзжавшимъ въ 1803 году черезъ Харьковъ и списавшимъ съ братьевъ Каразиныхъ (Вас. Наз — ча и Ивана Наз — ча) одинаковой величины портреты. Портретъ Ивана Назаровича сохранился у его сына Ивана Ивановича Каразина и находится въ имѣніи его Основинцахъ (Богод. уѣзда), а портретъ В. Н. Каразина теперь неизвѣстно гдѣ; у И. И. Каразина сохранился списокъ съ этого портрета въ нѣсколько увеличенномъ форматѣ, срисованный Б. И. Каразинымъ. При жизни Филадельфа Вас. Каразина портретъ хранился у него въ футлярѣ, на крышкѣ котораго выбито было самыемъ Василіемъ Назаровичемъ золотыми буквами: «для моихъ друзей», а съ другой стороны: «въ 1803 г. на тридцатомъ году жизни». Вас. Наз. изображенъ очень моложавымъ (даже для своихъ лѣтъ) съ голубыми глазами и темно-русыми густыми, недлинными волосами; на немъ синій сюртукъ-плащъ, какіе тогда носили. Шея новязана пестрымъ платкомъ-галстукомъ. Съ этого портрета была снята фотографія Филадельфомъ К — нымъ, которая передана въ свое время комитету по постановкѣ Каразину памятника. Въ 1847 году академикъ Шведе списалъ масляными красками съ упомянутаго портрета копію въ увеличенномъ видѣ; этотъ списокъ висѣлъ до 1880 года въ бібліотекѣ Харьковскаго университета.

¹⁾ Харьк. Губ. Вѣд. 1892 г. № 287. «Опытъ ист. Х. ун — та» т. I, проф. Д. И. Багалъя.

тета, а теперь хранится въ музѣи университета. Наверху портрета, по срединѣ, на серебряномъ щитѣ, находится слѣдующая надпись печатными буквами: «Василій Назаровичъ Каразинъ, Почетный членъ Императорскаго Харьковскаго Университета наиболѣе содѣйствовавшій къ его учрежденію», затѣмъ курсивомъ: «Изображенъ на 30 году жизни (1803). Скончался 1842, ноября 4-го въ г. Николаевѣ, Херсон. губ.». Копіи съ портрета напечатаны, какъ сказано, въ Русской Старинѣ за 1875 годъ (апр.), также въ Харьковскихъ Губ. Вѣдомостяхъ за 1892 г. № 287, Южномъ Краѣ 1892 г. № 3793, Киевской Старинѣ за 1892 г. (февраль).

Одинъ изъ портретовъ В. Н. Каразина въ старческомъ возрастѣ написанъ масляными красками художникомъ Е. И. Колтуновскимъ, которому покровительствовалъ и такъ старался помочь въ поѣздкѣ его за границу для окончанія художественнаго образования В. Н. Каразинъ. Портретъ написанъ послѣ смерти Каразина «вѣроятно по наброскамъ, которые относятся къ 1842 году»¹⁾. Оригиналь въ 6 вершк. въ вышину и полуovalной формы, съ лѣвой стороны монограмма Колтуновскаго. Вас. Назаровичъ изображенъ въ профиль сморщеннымъ старичкомъ съ рѣдкими волосами на головѣ и нависшими бровями. Этотъ портретъ принадлежитъ теперь проф. Н. О. Сумцову, а копія была помѣщена въ Южномъ Краѣ за 1892 г. № 4066.

Другой портретъ В. Н. Каразина въ преклонномъ возрастѣ помѣщенъ въ «Опытъ исторіи Харьковскаго университета» т. I. проф. Д. И. Багалѣя. Это портретъ вырѣзанный на деревѣ съ дагерротипа, снятаго въ Одессѣ, передъ смертью В. Н. Каразина въ 1842 году²⁾.

Какой же смыслъ жизни и дѣятельности В. Н. Каразина? Была ли продуктивна его работа и соотвѣтствовали ли ея содержанию достигнутые результаты?

«Я иду впередъ съ малыми надеждами, безъ всякой подпоры, подвигаюсь медленно по путямъ, наполненнымъ стремнинами и терніями заросшимъ. Я льщусь принести *нѣкогда*³⁾, можетъ быть, не прежде, какъ уже по смерти моей, пользу дра-

¹⁾ Проф. Н. О. Сумцовъ. Южный Край 1892 г. № 4066, 4-е ноября.

²⁾ Українська Старина, стр. 164. Тотъ же портретъ былъ помѣщенъ въ Историческомъ Вѣстнику за 1900 г., іюнь.

³⁾ Курсивъ подлинника.

жайшему моему отечеству. *И тогда¹⁾* уповаю быть оправданъ»: Вотъ самое краткое и, въ то же время, замѣчательно вѣрное опредѣленіе жизненаго пути В. Н. Каразина, имъ самимъ сдѣланное²⁾. Въ самомъ цѣлѣ, вся жизнь Каразина представляеть рядъ порывовъ, стремлений создать нѣчто грандиозное, великое. Цѣль — благо и слава родины, средство — общественная дѣятельность. И сочиненія, и образъ дѣйствій В. Н. Каразина носятъ одипаковый характеръ — стремлениія соединить на совмѣстную работу всѣхъ членовъ великой родины или, по крайней мѣрѣ, «полуденной Россіи». Основаніе Харьковскаго университета, образованіе филотехническаго общества, крестьянскія учрежденія, характеръ благотворительности Каразина, настойчивость предложеній составлять акціонерныя общества для промышленныхъ предпріятій³⁾, проекты о всероссійскомъ метеорологическомъ комитетѣ⁴⁾, о совмѣстномъ и повсемѣстномъ въ Россіи собираніи историческихъ документовъ, взгляды на роль «общественного мнѣнія», наконецъ, постоянное стремлениѣ къ публицистической дѣятельности⁵⁾), — все это доказываетъ, что Каразинъ «шелъ впередъ» на

¹⁾ Курсивъ подлинника.

²⁾ Въ «письмѣ къ гр. А. А. Арачкееву отъ 12 янв. 1814 года. Сборн. Ист. мат. Канц. Е. Вел. СПБ. 1878 г., стр. 439.

³⁾ Кромѣ Филотехническаго общества, Каразинъ проектировалъ акціонерныя общества въ статьяхъ: 1829 года «О самомъ удобнѣйшемъ способѣ сохранять и на больш. разст. перевозить питательн., цѣлебн. и въ рукодѣліяхъ употребл. вещества изъ царства животн. и раст.»; 1838 г. «О торгѣ за границу хлѣбными спиртами»; 1840 г. «О химическихъ превращеніяхъ»; 1841 г. «О значеніи Харькова для полуден. Россіи».

⁴⁾ «Письмо къ В. Г. Муратову», (Сынъ Отечества 1817 № II). Тоже: «Письмо Муратова — Марченку» (Сборн. ист. мат. в. II, Спб. 1889, стр. 508 — 512) и письмо В. Н. Каразина В. Р. Марченку (Тамъ же, отр. 514).

⁵⁾ Въ продолженіи своей жизни В. Н. Каразинъ издавалъ 4 журнала:

«Журналъ для Императрицы Марии Феодоровны» (1801 г.) рук.

«Ежемѣсячное сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія»

(1803 г.)

«Акты Филотехническаго Общества» (1817 — 1829) и

«Гражданинъ Вѣрноподанный» (1834 г.) рукописн.

Кромѣ того проектировалъ неудавшіяся изданія:

«Собесѣдникъ изъ Украйны» (1806 г.).

«Отечественный Архивъ» (1828 г.)

и неизвѣстно подъ какимъ названіемъ журналъ, замышленный въ 1820 г. (См. Письмо митроп. Евг. Болоховит. къ В. Г. Анастасевичу отъ 16 апр. 1820 г. Русс. Арх. 1889 г. т. II, стр. 342).

поприщѣ общественной дѣятельности. Онъ стоялъ выше современного ему общества, но недостаточно понималъ, или, вѣрѣе, считался съ окружающей его обстановкой; эту послѣднюю ему приходилось чувствовать.

Попытки подвинуть по пути прогресса современное общество привели къ самымъ жалкимъ результатамъ. Отъ грандиознаго проекта южно-русскаго, а можетъ быть и славянскаго, университета — осталась жалкая тѣнь «по нѣмецкому образцу устроеннаго»¹⁾, «испорченаго и портимаго Харьковскаго»²⁾. Это единственный существенный успѣхъ В. Н. Каразина, при жизни, о которомъ можно сдѣлать категоричное заключеніе. Значеніе дѣятельности В. Н. Каразина было понято близко знатными его людьми и немногочисленнымъ кругомъ ученыхъ современниковъ, предложившихъ ему званіе почетнаго члена 7 ученыхъ корпораций³⁾. Большинство же общества не попимало В. Н. Каразина и нерѣдко надъ нимъ издѣвались и «убивали пренебреженіемъ»⁴⁾ его творчество. Достаточно вспомнить «терпія», доставляемыя Каразину членами интеллигентнаго общества — нападки Воейкова, Державина, Васильчикова, насмѣшку Аракчеева и иронію Гулакъ-Артемовскаго; надо только прослѣдить хоть исторію Филотехническаго Общества, чтобы представить себѣ, сколько добрыхъ начинаній и открытій гибло въ «стремнинахъ» пеподвижности провинциальнаго и чиновной важности столичнаго общества.

¹⁾ Слова В. Н. Каразина. Письмо къ Аракчееву отъ 12-го янв. 1814 г. «Сборн. Ист. мат. 1-го отд. Канц. Е. Вел. Спб. 1878 г. стр. 440.

Тоже самое повторяетъ Фил. Вас. Каразинъ въ „Письмѣ къ Тройницкому о жизни отца. Русс. Арх. 1894 г. т. I.

²⁾ Письмо В. Н. Каразина къ С. Н. Муханову отъ 21-го сент. 1831 г. Русск. Стар. 1903 г., апр., стр. 16.

³⁾ Каразинъ числился:

«Почетнымъ членомъ Московскаго университета» (съ 1805 г.).

«Ординарнымъ членомъ Московскаго Общества Естествоиспытателей» (по даннымъ — въ 1807 г.).

«Почетнымъ членомъ Харьковскаго университета» (съ 1811 г.).

«Почетнымъ членомъ Общества Любителей Россійской словесности при Московск. университ.» (съ 1818 г.).

«Почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго Общества Любителей Россійской Словесности» (по даннымъ — 1820 г.).

«Почетнымъ членомъ Общ. Ист. и Древя. Росс.» (по даннымъ — 1827 г.).

Членомъ Волынско-Экономического Общества.

⁴⁾ Слова Вас. Наз. Каразина.

Но можно ли сказать, что значение Каразина исчерпалось ролью его въ жизненной дѣятельности? Можно ли сказать, что съ Каразинымъ умерли его недосказанныя мысли; его идеи набросанныя смѣлой кистью художника? Нѣть! Еще при жизни Василія Назаровича стали приводиться въ исполненіе имъ составленные, можетъ быть, у него заимствованные проекты¹⁾; еще задолго до смерти онъ сознавалъ, что опередилъ окружавшее его общество, что «нѣкогда», — когда общество разовьется до возможности понять Каразина — идеи его воскреснутъ и «принесутъ ему больше славы, чѣмъ даже основаніе Харьковскаго университета»²⁾.

И правда! Кто знаетъ, что теперешнія чаянія обновленія университетской жизни были высказываемы В. Н. Каразинымъ еще въ 1802 и 1810 годахъ, что школы Общества Грамотности выполняютъ только отчасти идею его «о воспитаніи женского пола въ низшихъ состояніяхъ», что современные Сборники Историческихъ Материаловъ даютъ только слабое понятіе о проектѣ «Отечественного Архива», что предсказанія за гдѣ впередъ погоды—лишь начало богатыхъ идей Каразина о метеорологии и воздушномъ электричествѣ... Кто знаетъ, какова судьба прочихъ многочисленныхъ идей Василія Назаровича Каразина, сохранившаяся часть которыхъ скоро будетъ доступна разбору всѣхъ свѣдущихъ лицъ? Не Фусы, а новые Каразины поймутъ и продолжать дѣло Василія Назаровича и статья «оправданного» вдохновленного труженика, съ протянутой рукой, будетъ долго указывать путь сынамъ родного «любезнаго»³⁾ края — идти впередъ».

Н. Тихій.

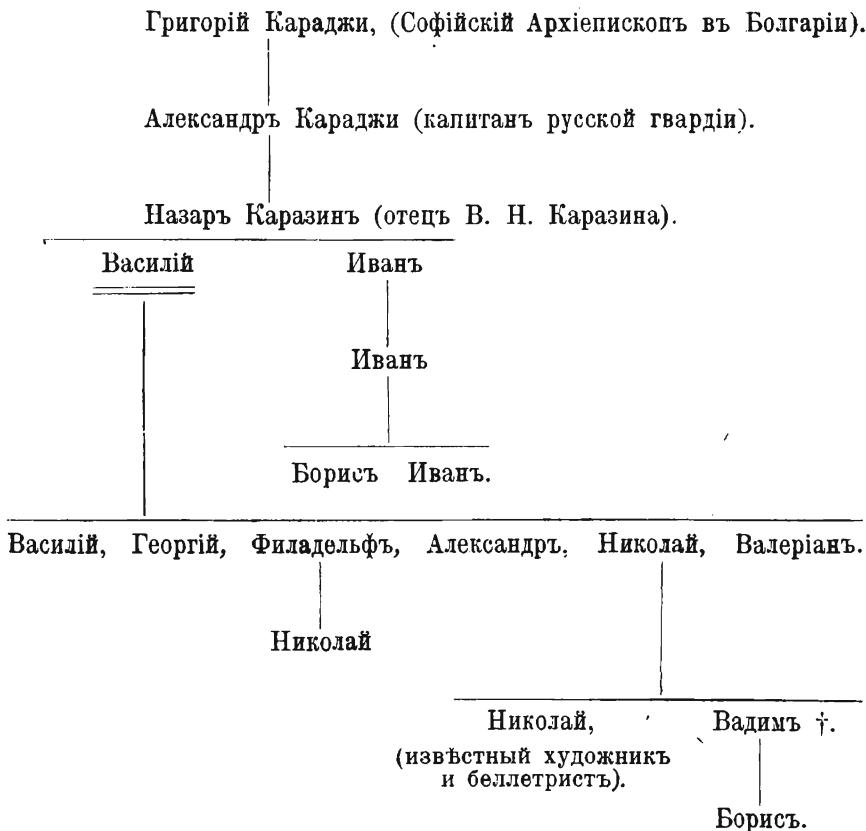
¹⁾ Разумѣемъ идею о паровомъ отопленіи, опубликованную Кипферлингомъ, и о паровомъ водяному двигателѣ. См. X. Г. В. 1841 г. № 20 и «Москвит.» 1842, II, 3.

²⁾ Неизв. авт. статьи: «В. Н. Каразинъ и господство надъ природою». Рус. Арх. 1982 г. кн. 5.

³⁾ Такъ любилъ называть Украину Василій Назаровичъ.

Генеалогическая таблица Каразинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Научная критика, памфлетъ или пасквиль¹⁾.

(По поводу брошюры г. И—ва «В. Н. Каразинъ, мнимый основатель харьковского университета»).

„...Недостатки не умалять общепризнанныхъ заслугъ, а только освѣтятъ ихъ истиннымъ свѣтомъ“.
(Н. А. Лавровскій).

Недавно появилась въ свѣтъ подъ вышеприведеннымъ заглавиемъ брошюра г. И—ва, силящагося доказать, что В. Н. Каразинъ былъ не выдающейся общественный дѣятель, а преступникъ, достойный тяжкихъ уголовныхъ карь. Авторъ называетъ В. Н. Каразина знаменитымъ авантюристомъ (стр. 5), жалкимъ маніакомъ, страдавшимъ манией величія и преслѣдованія (стр. 6), человѣкомъ съ разстроеннымъ воображеніемъ (10), невмѣняемымъ (26), малообразованнымъ коллежскимъ совѣтникомъ (10), мелкопомѣстнымъ дворяниномъ (6), мелкимъ чиновникомъ (7), канцелярскою крысою, письмоводцемъ (10), мелкою чиновничьею сошкою (24), лжецомъ (12—13), обманщикомъ, желавшимъ выпутаться изъ обмана новымъ обманомъ (14—16), «пошлимъ доносчикомъ» (23), доносившимъ и на губернатора Артакова (17), и на попечителя Румовскаго (23), и на Министровъ народного просвѣщенія Завадовскаго и на кн. А. Н. Голицына (23), и на харьковскій университетъ (30), и на журналы, и на писателей (37), и на Библей-

¹⁾ Перепечатано изъ „Южн. Края“ № 8467.

Томъ 90.—сентябрь, 1905.

ское Общество, и на секты (38), шельмовавшимъ въ своихъ-доносахъ всѣхъ и вся и такимъ образомъ какъ бы укоряющимъ самого Императора (42), сдѣлавшимъ въ Петербургѣ изъ доносовъ и шпіонства свое ремесло (33) и имѣвшимъ своихъ собственныхыхъ доносчиковъ (40); онъ противопоставляетъ тайныхъ совѣтниковъ и графовъ, занимавшихъ высокіе государственные посты, мелкой сошкѣ, низшему богословскому дворянину (23), обвиняетъ его въ подкупѣ царскихъ лакеевъ (6) и дворянъ (15), въ сочиненіи подложнаго письма къ Императору Павлу и извращеніе исторической правды (5), въ неудачной попыткѣ прикарманить 4,000 руб. университетскихъ денегъ и въ присвоеніи денегъ Каретникова и Захаржевскаго (19), основываясь на «явной преступности его въ растратѣ университетскихъ суммъ», готовъ признать его воромъ (21), обзываетъ «Предначертаніе» его о харьковскомъ университѣтѣ «глупѣйшимъ фантастическимъ планомъ» (14), дѣятельность по части найма мастеровъ и пріобрѣтенія эстамповъ «дѣлишками», роль его въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета неблаговидной (29), а замѣчательную коллекцію эстамповъ Аделунга, имъ пріобрѣтенную, «ненужнымъ хламомъ» (18); заявляетъ, что отзывъ Державина о немъ, какъ о человѣкѣ не весьма завидной честности, нужно признать слишкомъ умѣреннымъ (5—6), что «проекты», поданные имъ Императору Александру, не удостаивались другого мѣста, кромѣ корзины подъ столомъ (8), что «этотъ маньякъ былъ ни при чемъ въ ассигнованіи харьковскаго дворянства и сыгралъ въ данномъ случаѣ скорѣе отрицательную роль (13), что благодаря поведенію его и нѣсколькихъ его благопріятелей, это благое дѣло превратилось въ пошлую интригу (15), единственная же заслуга его состоять въ томъ, что онъ велѣлъ прибить къ зданію, отведеному подъ университетъ, доску съ надписью: Государственный университетъ, за что памятникъ поставить нельзя (17); говоритъ, что «этотъ поборникъ мракобѣсія предупредилъ и далеко опередилъ въ своихъ ретроградныхъ взглядахъ даже знаменитаго гасителя просвѣщенія Магницкаго» (32), что основанное имъ Филотехническое Общество чрезъ нѣсколько лѣтъ было закрыто, и Каразинъ преданъ суду по обвиненію членами его въ мошенничествѣ акціями (33), что Императоръ Александръ училъ ему «Высочайшую головомойку» и указалъ на всю мерзость его поступка, ибо онъ, дворянинъ, сообщаетъ Императору чрезъ придворныхъ лакеевъ свои пасквили (24), что совѣтъ харьковскаго университета избралъ его въ почетные члены, боясь его доносовъ (29);

утверждаетъ, что столяры, слесаря и т. п., по его мысли, должны были занять *каеедры* по своей специальности въ университетѣ (17); по поводу заключенія его въ крѣпость по обвиненію въ политическомъ преступленіи выражается такъ: «по поводу бунта въ Семеновскомъ полку въ 1820 г. онъ *удалилъ* въ Петроцавловскую крѣпость» (34), а затѣмъ прибавляеть: «В. Н. Каразинъ дѣйствуетъ не по сезону, не вспомадъ и безтактно, подобно Иванушкѣ-дурачку. И потому неудивительно, что и его такъ же вздули, какъ и послѣдняго» (42); «всѣ современники смотрѣли на него, какъ на несчастнаго и вреднаго человѣка! И ужъ конечно, *презирали* совсѣмъ не за то, за что думалъ самъ Каразинъ» (44).

Заключаетъ свою критику авторъ такимъ обличенiemъ университета и харьковскаго общества: «На основаніи всего изложеннаго читатель, мы увѣрены въ этомъ, пойметъ, что за личность былъ Каразинъ. Памятникъ ему въ Харьковѣ будетъ вѣчнымъ позоромъ и для харьковцевъ, и для харьковскаго университета» (45).

Я извиняюсь передъ читателями, что заставилъ ихъ ознакомиться со столькими гнусными обвиненіями, направленными противъ давно уже почившаго общественнаго дѣятеля, которому общество и университетъ ставятъ памятникъ. Очевидно, такой «заборной» литературы, испещренной столькими непристойными эпитетами, не могло помѣстить на своихъ страницахъ ни одно уважающее себя повременное изданіе— и данное произведеніе должно было по необходимости выйти отдельною брошюрою. Приведенные *in extenso* выдержки, совершенно не соответствующія достоинству печатнаго слова, ясно показываютъ, съ какого рода произведеніемъ мы имѣемъ дѣло. Къ критической исторіи, которая должна быть безпристрастна, эта, брошюра во всякомъ случаѣ никакого отношенія не имѣетъ. Ее нельзя причислить и къ популярно историческимъ трудамъ, потому что эти послѣдніе, основываясь не на первоисточникахъ, а на пособіяхъ, все же добросовѣстно излагаютъ ихъ содержаніе.

Изъ дальнѣйшаго разбора мы убѣдимся, что это — не исторический трудъ, а нечто среднее между памфлетомъ и пасквилемъ, и если мы останавливаемся на немъ, то только потому, что тема, затронутая авторомъ, представляетъ глубокій общественный интересъ. Само собою разумѣется, что въ настоящей замѣткѣ неѣтъ возможноти подвергнуть систематическому разбору всѣ измышенія и

ложная заключенія автора.—Такой раборъ, одобренный историко-филологическимъ факультетомъ, сколько мнѣ извѣстно, будетъ напечатанъ скоро въ запискахъ харьковскаго университета однимъ молодымъ специалистомъ въ этой области; — я же ставлю себѣ одну цѣль, — доказать, что брошюра не имѣеть никакого научнаго значенія, и что ею нисколько не разрушены выводы о В. Н. Каразинѣ даже старыхъ работъ проф. Н. А. Лавровскаго.

О дѣятельности В. Н. Каразина и въ частности о роли его въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета существуетъ цѣлая литература. Авторъ разбираемой брошюры кореннымъ образомъ расходится со своими предшественниками въ оцѣнкѣ дѣятельности и личности В. Н. Каразина; выходитъ такимъ образомъ, что всѣ заблуждались, и при томъ не въ какихъ либо частностяхъ, а въ самыхъ существенныхъ, коренныхъ вопросахъ. Конечно, возможно допустить ошибки у каждого изъ писавшихъ о В. Н. Каразинѣ. Но совсѣмъ невѣроятно, чтобы всѣ писавшиѳ о В. Н. Каразинѣ ранѣе автора брошюры такъ грубо ошибились въ самомъ основномъ — признали полезнымъ, выдающимся общественнымъ дѣятелемъ человѣка, достойнаго презрѣнія. Невозможно этого допустить, между прочимъ, и потому, что каждый изъ предшественниковъ г. И — ва основывался на документальныхъ данныхъ и стремился добросовѣстно къ достижению научной истины. Авторъ же брошюры не только не вводитъ никакихъ новыхъ документовъ о В. Н. Каразинѣ, которые позволили бы ему освѣтить личность его съ иной стороны, а, наоборотъ, очень мало освѣдомленъ въ пособіяхъ и еще менѣе того въ первоисточникахъ.

Чтобы сказать «новое слово» о В. Н. Каразинѣ, необходимо было предварительно опровергнуть выводы и Г. П. Данилевскаго, и Н. А. Лавровскаго, и Я. В. Абрамова, и мои, и наконецъ, г. Тихаго. Г. П. Данилевскій первый привелъ въ извѣстность значительный запасъ разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ матеріаловъ, и далъ монографію о немъ, нашедшую компетентную оцѣнку со стороны Императорской академіи наукъ. Н. А. Лавровскій въ своихъ работахъ преимущественно остановился на центральномъ вопросѣ — уясненіи роли В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета и сдѣлалъ это на основаніи богатыхъ данныхъ университетскаго архива. «Свѣдѣнія эти, говорить онъ, сами отвѣчаютъ за свою точность. Мы позволили себѣ дѣлать выводы изъ нихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти

выводы прямо вытекают изъ фактовъ, заключающихся въ означенныхъ официальныхъ документахъ». Я. В. Абрамовъ хотя даль популярный очеркъ (въ Павленковской серіи біографій замѣчательныхъ дѣятелей), но воспользовался въ немъ для оцѣнки политической дѣятельности его цѣнными данными, опубликованными сыномъ В. Н. Каразина, Филадельфомъ Васильевичемъ. Мнѣ также удалось найти рядъ новыхъ документовъ для біографії В. Н. Каразина и характеристики его роли въ дѣлѣ просвѣщенія и основанія харьковскаго университета, и я воспользовался ими въ своей статьѣ «о просвѣтительной дѣятельности В. Н. Каразина» и въ «Опытѣ исторіи харьковскаго университета». Въ настоящее время, по порученію совѣта Императорскаго харьковскаго университета, я занять собираниемъ и редактированіемъ первого собранія сочиненій и писемъ В. Н. Каразина. Дѣлами писателя являются главнымъ образомъ его мысли, т. е. сочиненія. Понятно, съдовательно, какъ важны для оцѣнки В. Н. Каразина, его труды, относящіеся къ самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, политической и общественной жизни¹⁾. Само собою разумѣется, что я не дѣлаю никакого подбора и напечатаю все, что удалось разыскать, въ томъ числѣ и переписку, не предназначавшуюся къ опубликованію, хотя бы она и подавала поводъ къ разнымъ кривотолкамъ. Часть новыхъ документовъ о В. Н. Каразинѣ я напечаталъ въ «Запискахъ харьковскаго университета». Не имѣя возможности лично заняться составленіемъ полной біографії В. Н. Каразина и считая появление въ свѣтѣ такого труда крайне желательнымъ (въ особенности въ виду скораго открытия памятника В. Н. Каразину въ Харьковѣ), я предложилъ студентамъ темою очередного сочиненія по русской исторіи для соисканія медалей вопросъ о жизни, общественной дѣятельности и значеніи В. Н. Каразина. На эту тему было представлено два сочиненія, изъ коихъ одно — студента Тихаго — было удостоено золотой медали, въ настоящее время печатается въ журналѣ «Кievская Старина» и выйдетъ скоро отдельнымъ изданіемъ. Это — обстоятельная, крити-

¹⁾ Свои поиски я дѣлалъ систематически, наводя справки во всѣхъ нашихъ архивохранилищахъ, не исключая и такихъ, доступъ въ которыхъ сопряженъ съ особыми затрудненіями. И съ чувствомъ нравственного удовлетворенія могу сказать, что мнѣ удалось найти цѣнные документы, лежавшіе подъ спудомъ болѣе 100 лѣтъ.

ческая монографія, дѣлающая честь усердію и добросовѣтности молодого автора.

Авторъ брошюры, оставивъ безъ разсмотрѣнія всѣ перечисленные выше труды, почему то дѣлаетъ исключеніе только для меня и, хотя я схожусь въ своей оцѣнкѣ со всѣми перечисленными выше авторами, выставляетъ меня *одного* виновникомъ распространенія въ обществѣ ложныхъ свѣдѣній о В. Н. Каразинѣ. Такимъ образомъ брошюра г. И—ва посвящена не только развѣничанію общественныхъ заслугъ В. Н. Каразина, но и развѣничаніе моихъ заслугъ, какъ историка университета. Неутомимый изобличитель рѣшилъ, такъ сказать, одновременно убить двухъ зайцевъ и въ своемъ «произведеніи» «даль, какъ выражается самъ, не одну, а двѣ повѣсти» — повѣсть о мнимомъ основателѣ харьковскаго университета В. Н. Каразинѣ и повѣсть объ историкѣ, сдѣлавшемъ изъ муки слона. Не знаю, чѣмъ объяснить такое исключительное ко мнѣ вниманіе г. И—ва, но невольно напрашивается выводъ, что если бы я ничего не писалъ о В. Н. Каразинѣ, то не было бы и изобличенія послѣдняго, и вспоминается нѣмецкая пословица—da ist der Hund begraben! Пріемы изобличенія меня, какъ историка, столь же гомерически просты, какъ и пріемы «развѣничанія» В. Н. Каразина. Чтобы не утруждать себя непосильнымъ разборомъ моей «Исторіи харьковскаго университета», имъ очевидно, не прочитанной, авторъ брошюры роняетъ мимоходомъ о ней такой свой авторитетный приговоръ: «Опыты» Д. И. Багалѣя написанные такъ, что въ нихъ исторической правды и на волосъ не видно, не говоря уже о томъ, что такъ писать и грѣхъ и стыдно!» (стр. 32). Вышло даже нѣчто вродѣ стиховъ, очевидно, подъ вліяніемъ чувства или лирическаго настроенія критика. Къ сожалѣнію, г. И—въ не приводить въ пользу своего уничтожающаго приговора рѣшительно никакихъ доказательствъ, а немотивированное впечатлѣніе его было бы для меня интересно только въ томъ случаѣ, если бы подъ загадочными инициалами И—въ скрывался дѣйствительно какой-либо известный специалистъ, что однако, по содержанію брошюры, отнюдь недопустимо. Неужели мало-мальски серьезный ученый могъ высказать такое абсурдное положеніе, что въ двухтомномъ сочиненіи, состоящемъ изъ 2300 страницъ текста, основанномъ почти исключительно на официальныхъ данныхъ, правительственный распоряженіяхъ, Высочайшихъ повелѣніяхъ и т. п., не оказалось ни на волосъ правды, когда въ большинствѣ случаевъ авторъ вмѣсто своихъ словъ приводить прямо

in extenso эти документы? И какого же наивваго и довѣрчиваго читателя г. И—въ имѣль въ виду при составленіи своей брошюры? Вѣдь, его «повѣсть», очевидно, недалеко ушла отъ сказокъ про Бову королевича и Еруслана Лазаревича. И развѣ возможно мнѣ, работавшему 12 лѣтъ надъ этими 2 томами и получившему уже оцѣнку 1-го изъ нихъ отъ Академіи наукъ, отвѣтить на такую (*sit venia verbo!*) «критику»?

Впрочемъ, для опроверженія «новыхъ взглядовъ» г. И—ва мнѣ нѣть надобности пользоваться своими сочиненіями о В. Н. Каразинѣ. Мы можемъ совершенно устранить ихъ, такъ же точно, какъ и свидѣтельства самого В. Н. Каразина, и, пользуясь однѣми старыми работами Н. А. Лавровскаго, которая не только не опровергаются г. И—вымъ, а, наоборотъ, служать главнымъ его источникомъ въ вопросѣ объ основаніи харьковскаго университета, рѣшить вопросъ о томъ, какова была роль В. Н. Каразина въ этомъ дѣлѣ.

Съ какимъ научнымъ багажомъ выступаетъ авторъ брошюры?

Съ самymъ скучнымъ и совершенно недостаточнымъ для решенія поставленной себѣ имъ задачи. Главнымъ матеріаломъ для него служили пособія (въ особенности Н. А. Лавровскій) и въ самой нижкой степени собственныя сочиненія В. Н. Каразина. А какъ можно изучать писателя, не зная его мыслей?

До какой степени доходитъ невѣжество автора въ тѣхъ вопросахъ, которые онъ смѣло и рѣшительно разрѣшаеть, доказываетъ слѣдующій примѣръ. Чтобы отвергнуть во что бы то ни стало заслуги В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета, онъ силится доказать, что Харьковъ 1800—1802 гг. и самъ по себѣ, безъ В. Н. Каразина, могъ быть избранъ мѣстомъ для учрежденія университета, и прибавляетъ, что «здѣсь уже существовали серьезные разсадники просвѣщенія — коллегіумъ, главное училище и семинарія» (стр. 11). Но кому же неизвѣстно, что коллегіумъ и семинарія это одно и то же учебное заведеніе, а не два разныхъ, что въ Харьковѣ тогда былъ только коллегіумъ, переименованный въ семинарію въ 1841 году, и что, слѣдовательно, въ Харьковѣ было тогда не три, а только двѣ среднихъ школы. Очевидно, авторъ брошюры не только не заглядывалъ въ прекрасную монографію о харьковскомъ коллегіумѣ проф. А. С. Лебедева, но даже и въ 1-ю главу моего «Опыта исторіи харьковскаго университета» (т. 1-й), где также говорится о коллегіумѣ; это, однако, не помѣшало ему высказать о немъ уничтожающей при-

говорь! Недостатокъ данныхъ авторъ брошюры восполняетъ смѣлостью заключеній; здѣсь для него не существуетъ никакихъ затрудненій; здѣсь полетъ его фантазіи безграничень. Впрочемъ необходимо сдѣлать оговорку: фантазія его работаетъ всегда только въ одномъ направлени—обличительно-ругательномъ, но зато здѣсь она не знаеть удержану. Гдѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, онъ выдумываетъ отъ себя, сочиняетъ. Гдѣ есть отрицательныя, неудобныя для него данныя—онъ сознательно умалчиваетъ о нихъ. Гдѣ есть и положительныя, и отрицательныя данныя, онъ береть только тѣ, которыя ему нужны, навинчивая ихъ на свою предвзятую тенденцію.

Но самый излюбленный его приемъ—это гипербола, которую онъ пользуется постоянно, смѣло и систематически и переходя въ область совершенно неправдоподобнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ грубаго, неприличнаго; къ этому у него особенное тяготѣніе, и мы не находимъ у него даже самой элементарной научной добросовѣстности; вездѣ преувеличеніе или искааженіе истины; нѣтъ даже добросовѣстнаго изложенія чужихъ изслѣдованій. свойственного и научно-популярнымъ трудамъ. Вся его брошюра отъ первой до послѣдней страницы представляетъ сплошное отрицаніе элементарнѣйшихъ требованій научной критики, рядъ умолчаній, недомолвокъ, произвольныхъ толкованій текста, явныхъ преувеличеній. Перефразируя слова автора брошюры, можно сказать, что это именно онъ сдѣлалъ изъ мухи слона, раздуль недостатки В. Н. Каразина, которые были отмѣчены въ предшествующей литературѣ, широко и безъ всякой критики использовавъ тѣ пересуды и сплетни, которые ходили о В. Н. Каразинѣ и отъ которыхъ не можетъ гарантировать себя ни одна выдающаяся личность, а въ особенности такая сложная, какъ В. Н. Каразинъ, исполненная противорѣчий,— смѣси выдающихся достоинствъ и значительныхъ недостатковъ.

Пересуды и сплетни современниковъ В. Н. Каразина, конечно, понятны, но не извинительны въ устахъ автора, выступающаго въ роли историка.

Авторъ брошюры силится доказать охарактеризованными выше приемами, что В. Н. Каразинъ ни при чёмъ въ основаніи харьковскаго университета. Единственно несомнѣнная услуга, которую Каразинъ оказалъ харьковскому университету, замѣчаетъ авторъ (стр. 17), состояла въ томъ, что онъ приказалъ прибить къ университетскому дому доску съ надписью—Государственный университетъ. В. Н. Каразинъ, по его словамъ, не повлиялъ даже на выборъ Харькова, какъ

мѣста для университета. А вотъ что говоритъ по этому поводу Н. А. Лавровскій: «Каразинъ, состоявшій въ должности правителя дѣлъ сначала въ комиссіи училишъ, а потомъ и въ главномъ правленіи училишъ, находясь въ близкихъ отношеніяхъ къ кн. Чарторижскому и гр. Потоцкому, имѣлъ полную возможность склонять сужденіе о выборѣ мѣста для университета въ пользу Харькова» (стр. 59). Въ доказательство вліянія, какимъ пользовался В. Н. Каразинъ въ главномъ правленіи училишъ, Н. А. Лавровскій ссылается на то, что при обсужденіи проекта общаго устава университетовъ принятъ было за основаніе его предначертаніе университетскаго устава, служившее началомъ имъ же составленнаго предначертанія устава обѣ общественномъ воспитаніи. (*Ibidem*). Авторъ же брошюры отрицааетъ всякое вліяніе В. Н. Каразина въ этихъ учрежденіяхъ, презирительно называя его письмоводителемъ и письмоводцемъ.

О выборѣ Харькова для университета Н. А. Лавровскій высказываетъ такое категорическое сужденіе. «Выборъ незначительного тогда во всѣхъ отношеніяхъ Харькова для южнаго университета, помимо старѣйшаго и представлявшаго дѣйствительно важныя преимущества Кіева¹⁾ объясняется еще болѣе, независимо отъ общаго вліянія Каразина на ходъ сужденій обѣ этомъ предметѣ въ главномъ правленіи училишъ, весьма значительными для того времени пожертвованіями, какія послѣшиль сдѣлать Харьковъ».-

Въ указѣ 24 января (1803 года) прямо сказано, что университетъ учреждается въ Харьковѣ «во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи» (стр. 59 — 60). Авторъ брошюры отрицаетъ тотъ очевидный фактъ, что именно В. Н. Каразинъ подвинулъ дворянское общество на «патріотическое пожертвованіе». А Н. А. Лавровскій говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Первая мысль обѣ этихъ пожертвованіяхъ и воодушевленное возбужденіе къ нимъ дворянства и гражданъ Харьковской губерніи принадлежитъ тому же Каразину, такъ что онъ дѣйствительно является на всѣхъ пунктахъ единственнымъ виновникомъ назначенія Харькова для южнаго университета; безъ него это назначеніе, конечно, никому и въ голову не пришло бы, даже Чарторижскому, Фуссу и Озерецковскому; такимъ горячимъ участіемъ Ка-

¹⁾ Конкуррентомъ Харькова являлся Кіевъ.

зинъ навсегда связалъ свое имя съ основаниемъ харьковскаго университета» (стр. 60).

Далѣе Н. А. Лавровскій разсказываетъ о тѣхъ трудностяхъ, которые предстояли В. Н. Каразину въ Харьковѣ, во время дворянского собрания 11-го августа 1802 года. «Это было торжественное собрание, говорить онъ, весьма знаменательное въ существованіи харьковскаго университета, какъ исходная точка его исторіи» (стр. 64). И судьбу пожертвованій рѣшила, по словамъ Н. А. Лавровскаго, именно страстная рѣчъ В. Н. Каразина и все то, что ее сопровождало. «Имъ руководило страстное воодушевленіе идеей и горячее желаніе добра родной сторонѣ, а такія побужденія не осуждаются, но оправдываются естественнымъ увлеченіемъ. Можно съ рѣшительною увѣренностью сказать: не будь этого страстнаго элемента въ Каразинѣ, не было бы и пожертвованій, не бытъ и университета въ Харьковѣ, такъ какъ значительность этихъ пожертвованій главнѣйшимъ образомъ и склонила дѣло въ пользу Харькова, какъ это точно и означено въ Высочайшемъ указѣ 24 января объ устройствѣ училищъ» (стр. 65). О томъ, что дворянское пожертвованіе ускорило открытие университета въ Харьковѣ, упоминается и въ утвердительной грамотѣ его (5 нояб. 1804 г.), гдѣ читаемъ: «Учреждая новый образъ существованія училищной части въ Имперіи, съ сердечнымъ удовольствиемъ увидѣли мы поревнованіе слободско-украинскаго дворянства и гражданства, которые, ускоривъ вѣрноподданническимъ пропиеніемъ обѣ устроеніи въ Харьковѣ университета, отъ собственныхъ стяженій въ пользу оного принесли государству достойное признательности нашей и вѣчной памяти потомковъ пожертвованіе» (стр. 75—76).

Документальными данными доказываетъ Н. А. Лавровскій живѣвшее участіе В. Н. Каразина во всемъ дѣлѣ учрежденія университета въ Харьковѣ

Изъ офиціальныхъ документовъ видно, говорить Н. А. Лавровскій, что всѣ дѣла по устройству университета попечителемъ первоначально предоставлены были Каразину, такъ что во все время, отъ начала 1803 до 11 апрѣля 1804 года (день первого засѣданія комитета правленія) онъ былъ главнымъ и, можно сказать, единственнымъ распорядителемъ всѣхъ приготовительныхъ работъ и мѣръ для снабженія университета на первое время всѣмъ необходимымъ (стр. 77). Далѣе Н. А. Лавровскій сообщаетъ, что сотрудникомъ его сдѣлался проф. Тимковскій. Авторъ брошюры, основываясь исключительно на

статьѣ Н. А. Лавровскаго, приходить къ выводу о «явной преступности Каразина въ *растратахъ* университетскихъ суммъ», (стр. 21), обвиняетъ его въ попыткѣ «*прикарманить*» 4,000 руб. университетскихъ суммъ, *присвоеніи* денегъ Каретникова и пожертвованія Захаржевскаго (стр. 19). Но что же дѣйствительно говорить объ этомъ самъ первоисточникъ обличителя—Н. А. Лавровскій?

На основаніи имѣвшихся у него документальныхъ данныхъ, онъ ни слова не говоритъ ни о *растратѣ* университеткихъ суммъ, ни о попыткѣ *прикарманивать* ихъ, ни о *присвоеніи* денегъ Каретникова и Захаржевскаго. Онъ отмѣчаетъ только замѣшательство въ денежныхъ расчетахъ съ В. Н. Каразиномъ, явившееся результатомъ его «патріархального обращенія съ казенными денежными суммами, его непрактичности и самонадѣянности (стр. 82). Изъ дальнѣйшаго выясняется, что подъ этимъ «патріархальнымъ обращеніемъ съ казенными суммами» онъ разумѣлъ исключительно недостатки счетоводства, бухгалтеріи, а не отсутствие безкорыстія. Вотъ его подлинное выраженіе. «Такая путаница въ денежныхъ счетахъ, вслѣдствіе совершенно патріархальной простоты въ обращеніи съ деньгами, вслѣдствіе займа первыхъ оказавшихся свободными денегъ на встрѣтившіяся въ данную минуту потребности, весьма живо и наглядно рисуетъ нашего первого дѣятеля въ пользу харьковскаго университета. *Не сомнѣваясь никаколько въ безкорыстіи Каразина*, мы, къ сожалѣнію, должны признать совершенно естественнымъ то скоро обнаружившееся явленіе, что всѣ, кто привлеченъ былъ къ соучастію съ нимъ въ томъ же дѣлѣ и особенно на кого могла падать отвѣтственность, должны были признать его неисправимо плохимъ и безнадежнымъ распорядителемъ и должны были поспѣшить покончить съ нимъ всѣ счеты» (стр. 84).

Покупку эстамповъ Н. А. Лавровскій называетъ «непроизводительной растратой денегъ» въ смыслѣ нираціонального употребленія; но самъ же доказывается, что уплату для нихъ Аделунгу сдѣлалъ В. Н. Каразинъ изъ своихъ средствъ и потому былъ правъ, когда добивался возвращенія себѣ всей этой суммы. Что же касается другихъ денегъ, которыхъ вычесть изъ этой суммы, то на 2,000 руб., взятыхъ изъ городской думы, В. Н. Каразинъ выдалъ росписку и затѣмъ вручилъ ихъ на расходы по университету своему довѣренному лицу Шишкину. И на то, чтобы эти деньги не были возвращены имъ думѣ, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній въ документахъ.

То же самое произошло и съ 2,000 руб., взятыхъ у Аникѣева—нѣть указаній, чтобы они не были истрачены на нужды университета, а В. Н. Каразинъ обязался вернуть ихъ университету, когда окончательно ликвидировались его сложные счеты съ этимъ послѣднимъ. То же самое нужно сказать и о деньгахъ Донца-Захаржевскаго. Картенникову онъ выслалъ деньги, но не получилъ отъ него росписки.

Отсутствіе средствъ, необходимыхъ на расходы, сопряженныя съ мѣрами къ скорѣйшему открытію университета, невольно заставляли В. Н. Каразина прибѣгать къ такимъ позаимствованіямъ и даже затрачивать собственные средства въ экстренныхъ случаяхъ, какъ это было, напримѣръ, въ дѣлѣ съ ремесленниками, которымъ онъ выдалъ первоначально изъ своихъ денегъ болѣе $9\frac{1}{2}$ тыс. руб. Конечно, это ставило его въ затруднительное положеніе, потому что собственные средства его были довольно скучныя. Неожиданное устраненіе отъ дѣла въ разгаръ хозяйственной дѣятельности еще болѣе усложнило денежные счеты В. Н. Каразина съ университетомъ—вотъ почему ихъ трудно было распутать правленію и совѣту. Такимъ образомъ, выше-приведенная обвиненія автора брошюры явно пристрастны, ибо не доказаны, а между тѣмъ порочатъ честь и добroe имя В. Н. Каразина.

Столь же недобросовѣстно поступаетъ авторъ брошюры, совершенно умалчивая о томъ, какъ опредѣлилъ роль В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета самъ *университетъ*. Предумышленность умолчанія его доказывается тѣмъ, что онъ позаимствовалъ у Н. А. Лавровскаго извѣстіе о выборѣ В. Н. Каразина въ почетные члены харьковскаго университета, но ни единствомъ словомъ не упомянулъ о той специальной мотивировкѣ, которая была сдѣлана по этому поводу Совѣтомъ А въ ней-то и заключается вся сила. *Ad hunc virum eligendum, говорится въ протоколѣ, Senatus praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est, quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviae sit constituta»* (стр. 101), т. е. къ выбору этого мужа Совѣтъ былъ подвигнутъ, кромѣ его превосходныхъ выдающихся познаній, также чувствомъ благодарности, ибо *единственно его заботѣ и труду нужно приписать то, что университетъ былъ учрежденъ въ Харьковѣ*.

Не менѣе опредѣленно профессора и преподавателя харьковскаго университета выразили свой взглядъ на его роль въ дѣлѣ основанія

харьковского университета въ 1833 году, о чёмъ также сообщилъ Н. А. Лавровскій въ своей статьѣ, прочитанной въ торжественномъ университетскомъ собраніи по поводу столѣтія со дня рожденія В. Н. Каразина. Узнавъ о денежномъ взысканіи, предъявленномъ къ В. Н. Каразину, гр. Подгоричани, они собрали между собою добровольно 1280 р. въ его пользу, «движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ Каразину, какъ *первому и единственному виновнику основанія здѣсь университета*, въ которомъ большая часть изъ нихъ получили образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству» (Ж. М. Н. П. 1873, февраль, стр. 310). Такое же признаніе заслуги В. Н. Каразина передъ университетомъ и *городомъ Харьковомъ* мы находимъ и въ третьемъ документѣ, опубликованномъ Н. А. Лавровскимъ и относящемся къ тому же 1833 году. О немъ, однако, также умолчалъ авторъ брошюры. Вотъ этотъ документъ: «Увѣдомился я, писаль харьковскій городской голова А. Мотузокъ предсѣдателю харьковской гражданской палаты, что ст. сов. В. Н. Каразинъ имѣть въ слободской украинской гражданской палатѣ дѣло; къ окончанію онаго потребна сумма въ 2000 р. Желая предупредить его въ доставленіи сей суммы, по желанію моему и гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ *труды и представительства В. Н. Каразина* передъ *престоломъ* блаженной и вѣчно достойной памяти покойнаго всеаугустѣшаго монарха Александра I объ учрежденіи въ Харьковѣ университета; который распространилъ свои учебныя отрасли, чрезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ свое состояніе—сей малый знакъ истинной признательности покорнейше васъ, мил. госуд., прошу оную сумму принять и употребить по дѣлу выше прописанному». (Іб.). Спрашивается: имѣть ли авторъ брошюры самое минимальное стремленіе къ исторической правдѣ и справедливости, если, при вполняѣ отрицательномъ решеніи вопроса о роли В. Н. Каразина въ основаніи харьковского университета, не только не опровергнулъ этихъ основныхъ документальныхъ свидѣтельствъ, принадлежащихъ не В. Н. Каразину, а двумъ коллегіямъ, но сознательно умолчалъ о нихъ, дабы ввести въ заблужденіе своихъ читателей? Какъ назвать такой пріемъ? И можно ли причислить его брошюру къ разряду историческихъ трудовъ? Конечно, нѣтъ!

Подобно тому какъ для возстановленія нарушенной авторомъ брошюры истины о роли В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета намъ достаточно было напомнить содержаніе неизвѣстной широкой публикѣ статьи Н. А. Лавровскаго ¹⁾), такъ точно и для опроверженія его характеристики В. Н. Каразина, какъ общественнаго дѣятеля, достаточно обратиться къ тому же Н. А. Лавровскому. И теперь его заключеніе остается въ силѣ, несмотря на произвольныя обличенія г. И—ва. Вотъ какъ характеризуетъ В. Н. Каразина Н. А. Лавровскій. «*В. Н. Каразинъ, какъ бы ни судили о немъ, безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей начала нашего вѣка.* Уже одна его близость къ Императору Александру, доходившая до дружескихъ отношеній, особенно въ то время, когда мы переживали въ мѣсяцы больше, чѣмъ прежде въ цѣлые годы, одно участіе его въ такихъ правительственныхъ мѣрахъ, какъ учрежденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія и университетовъ и вообще въ начертаніи новой образовательной системы, достаточно объясняютъ значеніе его дѣятельности для того времени и способны возбудить въ ней живѣйшій интересъ. Можно указывать на недостатки его характера, на преобладаніе фантазіи надъ умомъ, чѣмъ и объясняются всѣ его увлеченія и крайности, на недостатокъ практическаго житейскаго такта, на его самонадѣянность, заносчивость, неровность въ его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ, вообще на недостатки, отъ которыхъ прежде всего и больше всего приходилось страдать ему самому, но при самомъ легкомъ и поверхностномъ знакомствѣ съ его дѣятельностью, а также съ нѣкоторыми напечатанными его сочиненіями, невозможно отказать ему, съ одной стороны, въ искреннемъ, горячемъ, подчасъ восторженномъ отношеніи къ каждой занимавшей его мысли и въ глубокомъ патріотическомъ чувствѣ, а съ другой—въ основательности и многосторонности его образованія, рѣдкихъ въ то время и дѣлавшихъ его вполнѣ достойнымъ того положенія, которое такъ внезапно выпало ему на долю въ самомъ началѣ новаго царствованія. Можно часто не соглашаться съ его мыслями, но нельзя не уважать ихъ искренности и тѣхъ побужденій, изъ которыхъ они исходили, и нельзя не пожалѣть, что офиціальная его дѣятельность

¹⁾ Она помѣщена была болѣе 30 лѣтъ тому назадъ въ спеціальномъ журналѣ и отдельнымъ изданіемъ не выходила.

прекратилась такъ быстро. При ближайшемъ точнѣйшемъ знакомствѣ съ этою замѣчательною личностью, можно встрѣтиться и съ яѣкото-рыми уклоненіями ея отъ прямыхъ путей, и это естественно: кто можетъ похвалиться безупречностью и безусловною чистотою своихъ дѣйствій?» (стр. 57—58).

Въ специальной статьѣ о В. Н. Каразинѣ¹⁾, какъ о замѣчательномъ общественномъ дѣятель вообщѣ, Н. А. Лавровскій даѣтъ слѣ-дующую основу для оцѣнки его значенія. «Дѣятельность каждого че-ловѣка, великая и малая, съ ея средствами и цѣлями, оцѣнивается съ нравственной точки зрѣнія, прежде всего чистотою своихъ побужде-ній, достоинствами руководящей его идеи. Чѣмъ возвышеніе эти побужденія, чѣмъ рѣшительнѣе возвышаются они надъ частными и личными интересами и проникаются интересами общими; чѣмъ больше вносится въ эту дѣятельность жизни, страсти, самопожертвованія, чѣмъ вполнѣ и цѣльнѣе она охватываетъ всѣ силы и способности че-ловѣка, тѣмъ выше достоинство самой дѣятельности... Эти общія замѣчанія полезно имѣть въ виду при оцѣнкѣ общественной дѣятельности Каразина. Изъ обнародованныхъ до сихъ поръ его записокъ, мнѣній, писемъ — къ сожалѣнію немногаго сравнительно съ тѣмъ, что остается еще не обнародованнымъ—можно, кажется, вывести то заключеніе, что онъ влагалъ въ общественную дѣятельность всю свою страстную душу, что онъ былъ одушевленъ безпредѣльною любовью къ своей родинѣ, безпредѣльнымъ желаніемъ ей добра и всесторонняго разви-тія. Можно иногда не соглашаться, вообще или въ частности, съ со-держаніемъ разныхъ его бумагъ, можно находить это содержаніе нынѣ непригоднымъ или неосуществимымъ; но едва ли позволительно отка-зать ему въ беззавѣтной искренности стремленій, въ томъ, что всѣ его помыслы, большей части коихъ такъ и не суждено было осущес-твиться, имѣли своимъ источникомъ родившіесь въ его воображеніи возвышенные идеалы наилучшаго государственного и общественного порядка»...

Переходя къ характеристикѣ взглядовъ В. Н. Каразина по су-ществу, Н. А. Лавровскій прежде всего останавливается на его извѣст-номъ письмѣ къ Императору Александру I, которое заключало его

¹⁾ Статья эта извѣстна автору брошюры; ее онъ цитируетъ на стр. 10—11.

profession de foi, и характеризует его такъ: «На *что* же надѣялся и *чего* ожидалъ отъ нового царствованія Каразинъ вмѣстѣ съ Россіей, которой онъ явился представителемъ? Онъ ожидалъ отъ наступившаго царствованія непреложныхъ законовъ, вмѣстѣ съ государственнымъ постановленіемъ, составленнымъ «совѣтомъ мужей мудрыхъ, окружающихъ престолъ, и другихъ, голосъ которыхъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ государства истину повѣдать можетъ... Онъ ожидалъ *праваго суда*, предоставленаго избраннымъ изъ народа, суда при открытыхъ дверяхъ, съ правомъ тяжущихся публиковать опредѣленія.

Онъ ожидалъ улучшенія финансовъ и доведенія ихъ до избытка государственного не посредствомъ умноженія налоговъ, а посредствомъ уменьшенія непроизводительныхъ издержекъ и точнаго опредѣленія повинностей каждого *по непреложному размѣру...* Онъ ожидалъ всевозможного распространенія въ народѣ воспитанія и образованія... Онъ ожидалъ *человѣческихъ правъ для помѣщичьихъ крестьянъ...*» (стр. 295—296). Иными словами, слѣдовательно, онъ выставилъ такую политическую и соціально-экономическую программу, какая выдвинута только теперь переживаемымъ нами историческимъ моментомъ и современнымъ общественно-освободительнымъ движениемъ.

«Такіе идеалы, опережающіе время, замѣчаетъ Н. А. Лавровскій, обыкновенно напечатлѣваются неизгладимыми чертами въ памяти народовъ и свято чтутся, какъ свидѣтельства великихъ дарованій,двигающихъ ихъ впередъ» (стр. 297).

Въ заключеніе своего обзора Н. А. Лавровскій высказываетъ мысль о необходимости постановки памятника В. Н. Каразину (стр. 311).

Итакъ, устранивъ свидѣтельства самого В. Н. Каразина и свои собственныя работы о В. Н. Каразинѣ, простыми справками изъ двухъ статей Н. А. Лавровскаго, основанными на документальныхъ данныхъ и не опровергнутыхъ авторомъ брошюры, я достаточно показалъ читателю всю произвольность и бездоказательность заключеній г. И—ва. Останавливаться на той части брошюры г. И—ва, где онъ, понадергавъ нѣсколько выписокъ изъ записокъ и писемъ В. Н. Каразина, обвиняетъ его въ мошенничествѣ акціями Филотехническаго Общества, въ доносахъ, шпіонствѣ и т. п., я не буду. Утверждаю только, что и здѣсь авторъ доказываетъ свои положенія такими же приемами, какіе мы видѣли раньше: онъ совершенно извращаетъ роль В. Н. Каразина въ Филотехническомъ Обществѣ, на нужды котораго тотъ истратилъ

19,000 рублей изъ собственныхъ средствъ; онъ называетъ доносами всѣ записки В. Н. Каразина, въ которыхъ тотъ бичеваль недостатки тогдашняго строя, за что подвергался многократнымъ политическимъ карамъ¹⁾; онъ говорить о презрѣніи къ В. Н. Каразину современниковъ, когда, наоборотъ, фактическія данныя доказываютъ ихъ полное уваженіе къ нему; по пословицѣ «не любо не слушай...» онъ приписывается В. Н. Каразину нелѣпую мысль назначать преподавателями въ университетѣ выписанныхъ имъ мастеровыхъ; онъ выставляетъ его болѣшимъ ретроградомъ, чѣмъ былъ Магнитскій, основываясь на письмѣ къ Реману, которое въполномъ своемъ видѣ не только не имѣть ничего общаго съ идеями гасителей образованія, а, наоборотъ, является гимномъ просвѣщенія и т. д.. Прибавлю къ этому, что вновь открытые мной многочисленные и достовѣрныя матеріалы еще болѣе способны утвердить всякаго непредубѣжденаго читателя въ положительныхъ заключеніяхъ о В. Н. Каразинѣ. Но мы на нихъ останавливаются не будемъ: ими въ значительной мѣрѣ воспользовался добросовѣстный біографъ В. Н. Каразина г. Тихій, и я отсылаю интересующихся къ его монографіи. Но чѣмъ же объяснить такую произвольность выводовъ г. И—ва? Характеромъ его труда!

Это иѣчто среднее между памфлетомъ и пасквилемъ.

«Памфлетъ — это небольшое литературное произведение публицистического и чаще всего вызывающаго личнаго характера»... Онъ не предполагаетъ въ читателѣ никакихъ предварительныхъ размышленій и свѣдѣній о данномъ вопросѣ. Памфлетистъ не разсчитываетъ на спокойное объективное разсужденіе публики; его цѣль — общественная сенсація, беспокойство, пробужденіе недовольства. Произведеніе по преимуществу боевое, созданное въ минуту и для цѣлей политической борьбы. Памфлетъ чаще всего чуждъ соображеній безпредвѣтствія

¹⁾ Что же касается предложения быть „обсерваторомъ“, то это вопросъ сложный, и къ оцѣнкѣ его нельзя подходить съ современной точки зрѣнія, не принявъ во вниманіе условій того времени и внутреннихъ побужденій самого В. Н. Каразина, который во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ его признанія, гнушался доносовъ. Изъ недавно опубликованныхъ документовъ видно, что и А. С. Пушкинъ въ 1831 г. принялъ предложеніе „употребить свое перо для политическихъ статей“, т. е. издававъ офиціозный журналъ, чтобы такимъ образомъ руководить общественнымъ мнѣніемъ въ интересахъ правительства.

и умѣренности, не считаетъ нужнымъ щадить врага и слѣдуетъ правилу: на войнѣ всѣ правила хороши. Но памфлетъ рѣзко отличается отъ пасквиля какъ своей основной цѣлью, такъ и тѣмъ, что касается не личной жизни извѣстнаго лица, а общественной стороны его дѣятельности». Пасквиль — сочиненіе, содержащее въ себѣ ложныя, оскорбительныя для кого либо свѣдѣнія, распространяемыя въ печати. Цѣль его — злостная обида.

Брошюра г. И—ва носитъ на себѣ всѣ типическія черты памфлета, но безъ благородства побужденій, присущаго этого рода произведеніямъ; наоборотъ, она заключаетъ въ себѣ основную черту пасквиля — распространяетъ *ложныя*, позорящія добрую память покойнаго В. Н. Каразина свѣдѣнія.

Перефразируя заключеніе г. И—ва, мы можемъ сказать, что памятникъ В. Н. Каразину въ Харьковѣ будетъ достойнымъувѣковѣченіемъ его памяти, а разбираемая брошюра — вѣчнымъ и заслуженнымъ позоромъ для ея автора. И авторъ — мы увѣрены въ томъ — изъ опасенія этого позора никогда не откроетъ своей фамиліи, никогда не украсить заглавіемъ ея списка своихъ ученыхъ трудовъ, особенно если онъ былъ питомцемъ харьковскаго университета, каковымъ себя называетъ.

Проф. А. И. Багаль.

Нові і перемінні звіїди. Написав проф. д-ръ І. Полюй. Третє доповнене виданнє. У Відні 1905. Стр. 1—121.

Еслибы въ лежащей передъ мами книжкѣ только помѣщено было то, что сказано въ заглавіи, то мы не считали бы нужнымъ отмѣтить на страницахъ нашего журнала этой брошюры, популярно излагающей ученіе о новыхъ и перемежающихся звѣздахъ, т. к. во 1-хъ содер-жаніе ея выходитъ за предѣлы программы „Кievskoy Stariiny“, а во 2-хъ — брошюрка эта не является новинкой, а повторяется уже третьимъ изданіемъ. Оказывается, впрочемъ, что не всегда надо довѣрять заглавію книжекъ: въ данномъ случаѣ мы находимъ въ книжечкѣ значительную болѣшую часть посвященою воспоминаніямъ автора о П. А. Кулишѣ и его супругѣ Ганнѣ Баевинокѣ, и при томъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ очень интересными подробностями, касающимися жизни, литературной и общественной дѣятельности П. А. Кулиша. Не будемъ останавливаться на подробнѣмъ изложеніи той восторженной характе-

ристики, которую встрѣчаемъ здѣсь на каждомъ шагу по адресу П. А. Кулиша, т. к. считаемъ, что для характеристики лицъ гораздо важнѣе знакомство съ фактическими указаніями ихъ дѣлъ и поступковъ, нежели лирическія изліянія друзей. Мы хотимъ познакомить читателя только съ тѣми фактами, которые встрѣчаемъ въ этой книжечкѣ.

Въ первыхъ главахъ, гдѣ разсказывается объ извѣстномъ хуторѣ Кулиша Мотроновкѣ (около Борзны), авторъ помѣщаетъ стихотвореніе Кулиша „Молитва“, навѣянное звѣздной ночью на Украинѣ и посвященное д-ру Полюю. Стихотвореніе это, съ эпиграфомъ изъ оды Державина „Богъ“, написано въ стилѣ Державинскомъ. Вотъ оно:

Всесильний! я Тобі молюся,
Молекул козмоса Твого...
Де Ти, хто Ти,—даремне бьюся,
Hi, не збагну во вік сього!

—
Во вік науці не обніти
Всього, що Ти создав еси...
Даремно розум наш крилатий
Шукає краю небеси.

—
Знемігшися, на ту пилинку
Спускається, що ми звемо
Вселеною, що на хвилинку
Ії в імперії рвемо.

—
І тут безодня животвору,
І тут премудрість без кінця...
Однаково горі і долу
Сияє світ Твого лица

—
Молюсь, че дай мені з розпуки
Зреktися розуму мою:
Нехай не гасне сьвіт науки
В проміннях сяєва Твого!

—
Нехай мій дух, в земній юдолі,
Не знижується до звірят;

З Твоєї пресвятої волі
Нехай во віки буде святы!

Тутъ-же, впрочемъ, въ письмѣ Кулиша къ д-ру Полюю находимъ и другое стихотвореніе, тоже молитву, обращенную къ Шекспиру, въ которой авторъ молится, какъ говорить онъ, *від щирого серця*, но молитва эта напоминаетъ намъ тѣ научныя статьи автора, въ которыхъ многое такъ и просится поскорѣ забыть его для большей славы Кулиша. Авторъ обращается въ этой молитвѣ къ Шекспиру со словами:

Нехай нас укротить твоя душа велика;
Нехай покине нас козацька воля дика,
Що кровью тішилась, хвалилась пожарами,
Туманила людей брехливими вістями,
Піснями славила безумне гайдамацтво,
Кляла культурників, як людожерне цанство.

Въ этихъ-же первыхъ главахъ помѣщено нѣсколько писемъ къ автору Ганни Барвинокъ, гдѣ сообщаются интересныя подробности то о переводѣ и печатанії Св. Письма въ переводѣ Кулиша, то о судьбѣ хутора Мотронівки и будиночка Кулиша, приобрѣтенного и перевезенного М. Н. Кочубеемъ въ с. Конашевку, для того чтобы устроить въ немъ украинскій музей имени Кулиша.

До сихъ поръ все въ этой книжечкѣ читается не безъ удовольствія, но съ стр. 72-ї начинается защита П. А. Кулиша отъ нападковъ критикѣ, главнымъ образомъ д-ра Франка, имѣвшаго смѣлость высказать свое сужденіе о достоинствѣ переводовъ Шекспировыхъ произведеній. Горячая защита д-ромъ Полюемъ положительно переходитъ черезъ край: не говоря уже о рѣзкихъ полемическихъ выходкахъ автора, иногда изъ писемъ Ганни Барвинокъ д-ръ Полюй сообщаетъ ни къ сему ни къ тому какіе-то факты, скорѣе похожіе на сплетни, набрасывающія даже тѣнь на личности. Дружба—великое дѣло, но запищая друга,—скажемъ мы д-ру Полюю,—нужно помнить, что въ литературной полемикѣ должны быть вполнѣ корректные пріемы.

В. Н—ко.

**Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссии. Вып. I-ый.
Полтава 1905 г.**

Полтавская Ученая Архивная Комиссия, начавшая свою деятельность съ 26 октября 1903 года, недавно выпустила въ свѣтъ первый томъ своихъ трудовъ. Въ этомъ томѣ помѣщены краткіе протоколы всѣхъ засѣданій комиссіи до 1905 года (ихъ было 12) съ указаніемъ тѣхъ текущихъ дѣлъ и рефератовъ, которые были обсужденіи въ нихъ. Нельзя не обратить вниманія на то, что во 2-ой половинѣ 1904 года энергія комиссіи значительно уменьшилась, т. к. съ мая мѣсяца до конца года состоялось только два засѣданія.

Всльдь за протоколами напечатаны ученые труды членовъ Комиссіи: 1) *В. И. Василенко*. Къ исторіи размежеванія земель въ Полтавской губернії; 2) *Н. Г. Максимова*. Церковь въ с. Запсельѣ во имя св. Николая; 3) *А. Ф. Мальцева*. Св. Ефремъ Переяславскій, строитель первыхъ больницъ въ Россіи; 4) *И. Ф. Павловскаго*. Къ исторіи Малороссіи во время генераль-губернаторства кн. Н. Г. Репнина (цилый рядъ замѣтокъ по архивнымъ даннымъ; часть ихъ была напечатана раньше въ нашемъ журнalu); 5) *Л. В. Падалки*. Древнія землянныя сооруженія въ предѣлахъ Полтавской губернії. Ч. 1-ая: о древнихъ городкахъ, городищахъ и насыпанныхъ валахъ (съ рисунками и картами).

Въ концѣ тома помѣщены приложения: 1) Отчетъ по межеванію въ Полтавской губерніи; 2) Положеніе о размежеваніи въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ; 3) Материалы для исторіи Шолтавскаго полка; сообщ. *В. Л. Модзалевскій*; 4) Къ родословной Гоголей-Яновскихъ. Заканчивается этотъ томъ спискомъ членовъ Комиссіи, почетныхъ и дѣйствительныхъ; первыхъ — 19, вторыхъ — 60.

Отъ души привѣтствуемъ появленіе 1-го выпуска трудовъ Полтавской Ученой Архивной Комиссіи, давшей въ первый годъ своего существованія нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій и материаловъ, и выражаемъ полную надежду, что она въ будущемъ внесетъ много свѣта для изученія и разработки материаловъ родной намъ Полтавщины.

В. Н.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Отзвукъ былины о змѣеборствѣ Добрыни Никитича въ украинскомъ фольклорѣ. Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ остановиться на одномъ украинскомъ преданіи, записаномъ Я. П. Новицкимъ и помѣщенномъ въ его обширной статьѣ «Съ береговъ Днѣпра», напечатанной въ изданномъ къ XIII археологическому съѣзду въ г. Екатеринославѣ «Сборникѣ статей Екатеринославскаго Научнаго Общества по изученію края». Я говорю о преданіи объ островѣ Перунѣ на Днѣпрѣ, представленномъ Я. П. Новицкимъ въ четырехъ редакціяхъ (стр. 75 — 76).

Приведу цѣлкомъ первую редакцію предавія. — «Колысь — говорить оно — кажуть, змій бувъ на небі и літавъ по всому свиту, єго вси боялись, а інчи и кланялись єму. Якъ узнавъ Богъ, що єму поклоняються, взявъ и пооднимавъ крильца; винъ упавъ зъ неба въ Дніпро и поплывъ. Идолопоклонци биглы берегомъ и кричали: «Перуне, Перуне, прыплыви до берега!» Прыплывъ винъ до острова, и показалась єму глыбока нора; винъ туды и пропавъ. Видъ того-часу прозвано островъ Церуновимъ». Вторая редакція говорить, что на этомъ островѣ приплылъ «змій видкильсь зъ горы», т. е. съ верховьевъ Днѣпра. Когда онъ плыль, то по одному берегу шли ідолопоклонники и звали его на берегъ, а «другимъ выйшли назустрічъ православни и почали молебствовать и заклынатъ. Де стояли наши съ корогвами, туды винъ пидплывъ и ставъ...» Третья редакція преданія повѣствуетъ: «Якайсьто, кажуть, богъ Перунъ плывъ Дніпромъ и єго хвилю выкинуло на островъ; тутъ єго заховано, а потімъ одкопано. На єму, кажуть, було золота три пуди, а самъ зробленный зъ дерева. Видъ того и остривъ

ставъ Перунъ. На Перуни, видъ Дніпра есть нора: колысь, кажуть, живъ тамъ змій и ёму носылы людей...» Наконець четвертая редакція передаєтъ слѣдующее: «До Христового рожденія, кажуть, живъ тамъ (въ пещерѣ на Перунѣ) змій; винъ гарбавъ пидъ себе жинокъ и дивокъ, а мужей пожыравъ. Якъ Христосъ народыvся — змія проклявъ; а потимъ звоювавъ его якыjсь богатырь. У змія було, кажуть, три головы и крыла. Винъ якъ летить --- освищае весь світъ, а огонь такъ и палае».

Постараемся анализировать преданіе и привести на память известные намъ историко-литературныя данныя. Первая, отчасти вторая и третья редакціи преданія близки къ разсказу начальной лѣтописи о низверженіи въ Кіевѣ идола Перуна подъ 987 годомъ: «Влекому же ему (Перуну) по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его неверни людье, еще бо не бяху прияли святаго крепеня; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ... (Перунъ) пройде сквозѣ порогы, изверже и вѣтръ на рѣну, и оттолѣ прослу Перуна Рѣну, якоже и до сего дне словеть». Лѣтопись точно опредѣляетъ мѣстонахождение Перунової Рѣни, за порогами, гдѣ находится вынѣшній островъ Перунъ. Третья редакція преданія присоединяетъ къ тому же лѣтописную подробность о матеріалѣ, изъ котораго былъ сдѣланъ Перунъ: «Володимерь .. постави кумиры... Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ зать...»

Хотя и является вопросъ, дошли ли всѣ подробности, сообщае-мые преданіемъ, до нашего времени путемъ устныхъ изъ глубины вѣковъ, или же здѣсь сказывается послѣдующее книжное вліяніе, что вполнѣ возможно, тѣмъ не менѣе мы должны признать, что самая основа преданія не могла явиться въ народѣ въ послѣдующее время извнѣ, но жила въ немъ изстари. Вѣдь народная топографическая но-менклатура очень крѣпка, чemu доказательствъ въ нашей исторіи много, и во всякомъ случаѣ вслѣдствіе постороннихъ вліяній на народъ, каково вліяніе книжное, никогда бы островъ Перунъ не получилъ среди народа своего настоящаго имени. Такимъ образомъ необходимо заключить, что, съ одной стороны, фактъ, который имѣеть въ виду преданіе, и фактъ, передаваемый лѣтописью, тождественны, и что, съ другой стороны, украинское преданіе обѣ островѣ Перунѣ столь же древне, какъ и лѣтописное извѣстіе о низверженіи Перуна. Словомъ, наше преданіе является отголоскомъ той эпохи русской исторіи, когда происходила смѣна язычества на христіанство.

Разсматривая далѣе преданіе, мы видимъ, что вторая его редакція близка къ новгородскому преданію о Юрьевскомъ скитѣ, именуемомъ въ народѣ *Перюньскими*. Преданіе говоритъ, что жилъ «звѣрь-зміяка», который каждую ночь „ходилъ спать въ Ильмень-озеро съ волховскою Коровницею. Перешелъ зміяка жить въ самый Новгородъ; а на ту пору и народился Володимеръ князь въ Кіевѣ... Сказалъ Володимеръ князь: „всей землѣ Русской — креститься“. Ну и Новгороду — тоже. Новгородъ окрестился. Чорту съ Богомъ не жить. Новый городъ схватилъ Зміяку Перюна, да и бросилъ въ Волховъ. Чортъ силенъ; поплылъ не внизъ по рѣкѣ, а въ гору—и къ Ильмень-озеру; подплылъ къ старому своему жилью—да и на берегъ. Володимеръ-князь велѣлъ на томъ мѣстѣ церковь рубить, а дьявола опять въ воду. Срубили церковь: Перуну и ходу нѣть!“¹⁾ Какъ въ новгородскомъ преданіи о борьбѣ христіанъ со змѣемъ Шеруномъ, такъ и во второй редакціи украинского преданія, мы, исключивъ детали, видимъ одну и ту же основу: змѣй Перунъ останавливается, безсильный передъ проявленіями христіанской вѣры. Такъ какъ въ Новгороду относится также лѣтописное извѣстіе подъ 988 годомъ о низверженіи въ этомъ городѣ идола Перуна, то является предположеніе о мѣстномъ новгородскомъ про-исхожденіи преданія о „звѣрѣ-зміякѣ“. Но посмотримъ на это дѣло съ другой стороны.

Прежде всего отвѣтимъ на вопросъ, почему Перунъ, какъ въ украинскомъ, такъ и въ новгородскомъ преданіи, является въ видѣ змѣя?

Для этого обратимся наконецъ къ четвертой редакціи украинского преданія обѣ островѣ Перунѣ. Элементы данной редакціи таковы: огненный змѣй, похищающій женщинъ и пожирающій мужчинъ, проклятие змѣя свыше, и пораженіе змѣя богатыремъ. Здѣсь передъ нами тѣ же элементы, какіе входятъ въ сюжетъ былины о борьбѣ богатыря Добрыни Никитича со Змѣемъ-Горыничемъ. Относительно же этой былины В. О. Миллеръ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Былина о змѣеборствѣ Добрыни имѣть въ своемъ основаніи историческій фактъ, а именно—дѣятельность прототипа былинного героя, дяди князя Владимира, по введенію христіанства въ Новгородѣ, что въ памяти народа сохранилось въ видѣ пословицы: „Путята крести мечемъ, а

¹⁾ В. Миллеръ: „Очерки рус. нар. слов.“ — стр. 147.

Добрыня огнемъ". Это доказывается религиозною окраскою былины и реминисценциею о сотруднике Добрыни въ Новгородѣ, выразившееся въ отчествѣ героянны былины Запавы — *Путятична*. По эпическому шаблону борьба Добрыни съ язычествомъ отлилась въ сказаниѣ о борьбѣ его со змѣемъ, какъ въ духовныхъ стихахъ о святыхъ змѣеборцахъ Георгіи и Феодорѣ Тиронѣ. Согласно съ тѣмъ же этическимъ шаблономъ въ былинѣ является герояня подъ именами—Запавы, Марфиды, Марыи Дивовны. Таковы положенія относительно былины о змѣеборствѣ Добрыни, установленные проф. В. Ф. Миллеромъ.

При этомъ мы замѣтимъ, что, хотя мотивъ о змѣеборствѣ принадлежитъ къ международнымъ литературнымъ мотивамъ, однако мы не можемъ признать его исконною принадлежностью русскаго эпоса, а относить его происхожденіе на русской почвѣ къ христіанской эпохѣ. Многочисленныя иконы съ тѣмъ же сюжетомъ (о св. Георгіи), а также житія святыхъ давали большой просторъ вліянію мотива о змѣеборствѣ на русскій народный эпосъ. Гораздо позже, въ XVII в. къ предыдущему вліянію присоединилось вліяніе западно-европейской повѣсти, пользующейся до сихъ поръ симпатіями народа, что, впрочемъ, въ нашемъ случаѣ значенія не имѣетъ. Въ этотъ-то книжный мотивъ и облечень быль фактъ какъ вообще борьбы христіанства съ язычествомъ на Руси, такъ въ частности фактъ борьбы съ язычествомъ Добрыни Никитича. Къ этому надо прибавить, что самую мысль олицетворить язычество во образѣ змѣя подавало тоже христіанство, символизировавшее дьявола въ видѣ змѣя, а язычество представлявшее въ фігуру дьявола, какъ то мы видимъ, напр., въ лѣтописи.

Гдѣ же указанные факты получили данное выраженіе, т. е. гдѣ возникла легенда о змѣѣ Шерунѣ и борьбѣ съ нимъ? Въ частности гдѣ возникла былина о змѣеборствѣ Добрыни?

Проф. В. Ф. Миллеръ по этому поводу высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „Въ виду тѣсной связи исторического Добрыни съ Новгородомъ, можетъ быть поставленъ вопросъ, не былъ ли именно въ Новгородской области, гдѣ ходили о Добрынѣ преданія, сложенъ прототипъ былины о змѣеборствѣ. У насъ нетъ данныхъ для положительного решенія этого вопроса, но въ виду тѣсной исторической связи Новгородской области съ Киевской въ XI, XII вѣкахъ и въ виду не меньшаго участія исторического Добрыни въ новгородскихъ событияхъ, тѣмъ въ кievскихъ, можно думать, что эпический Добрыня равно при-

надлежалъ и южному—кіевскому и съверному—новгородскому эпосу”¹⁾. Такъ отвѣтаетъ на поставленный вопросъ проф. Миллеръ. Но теперь, когда намъ извѣстно украинское преданіе о Перунѣ, мы съ большею опредѣлленностью можемъ отвѣтить, что легенда о змѣѣ, олицетворявшемъ язычество, и о борьбѣ съ нимъ Добрыни—продуктъ кіевского поэтическаго творчества.

Къ такому отвѣту приводятъ насъ слѣдующія соображенія. Легенда о змѣї Перунѣ, какъ олицетвореніи отжившаго свой вѣкъ язычества, скорѣе могла появиться въ болѣе просвѣщенной христіанствомъ, болѣе культурной Кіевской области, чѣмъ въ землѣ Новгородской. На югѣ книжное вліяніе было сильнѣе, чѣмъ на съверѣ, и книжные мотивы широкимъ потокомъ лились въ народную поэзію, выражаясь въ духовныхъ стихахъ, былинахъ, сказкахъ. Затѣмъ, детальный анализъ былинъ такъ называемаго Кіевскаго цикла опредѣленно свидѣтельствуетъ объ ихъ южномъ происхожденіи. Въ этомъ отношеніи нѣть исключенія и для былины о Добрынѣ Никитичѣ и его борьбѣ со змѣемъ. Поэтому болѣе основаній предполагать, что вся легенда о змѣї—Перунѣ и въ частности преданіе о борьбѣ съ нимъ Добрыни возникли на югѣ, а не на съверѣ. Что же касается новгородскаго преданія о змѣї Перунѣ, то по нашему мнѣнію оно въ эпическомъ отношеніи является отзвукомъ легенды южнаго происхожденія, но по своей сущности представляеть воспоминаніе о дѣйствительномъ фактѣ низверженія идоловъ, о чемъ говорять и лѣтописное извѣстіе подъ 988 годомъ и название Юрьевскаго скита *Перунъскимъ*.

Такимъ образомъ мы думаемъ, что въ украинскомъ преданіи обѣ островѣ Перунѣ мы имѣемъ отзвукъ древней легенды Кіевской области о борьбѣ христіанства съ язычествомъ, выразившейся подъ вліяніемъ христіанскихъ мотивовъ въ фантастической формѣ, а въ четвертой редакціи этого преданія находимъ далекій отголосокъ древняго южно-русскаго былиннаго творчества.

Владимиръ Даниловъ.

Къ исторіи пребыванія монаховъ-трappистовъ въ Россіи.
Въ 1799 г. въ Россію прибыло нѣсколько французскихъ эмигрантовъ—монаховъ и монахинь ордена de la Trappe. Монахи этого ордена были

¹⁾ Очерки, 148.

помѣщены на жительство въ Жидичинскій и Дерманскій базиліанскіе монастыри; причемъ первый изъ этихъ монастырей долженъ быть отпускать ежегодно на содержаніе прибывшихъ траппистовъ 5250 р. с. а второй—3750 р. с. Монахинямъ-трапписткамъ было назначено Оршанскій (мужской) базиліанскій монастырь, и на ихъ содержаніе поступало опредѣленное число денегъ изъ разныхъ бѣлорусскихъ монастырей. Въ слѣдующемъ 1800 году, по удаленіи монаховъ-траппистовъ, суммы отпускавшияся на ихъ содержаніе, въ общей сложности 14,200 р., были обращены, по Высочайшему повелѣнію, на устройство школъ для бѣдныхъ дѣтей ¹⁾.

В. Страшкевичъ.

О працадлежавшемъ базиліанамъ въ г. Римѣ домѣ „1822 г. въ одномъ изъ засѣданій 2 Департамента Римск.-Католическ. Духовн. Коллегіи митрополитъ унитскихъ церквей устно заявилъ, что, какъ ему обстоятельно известно, „со времени присоединенія Польши къ Россіи базиліане не посылали въ Римъ никого изъ юныхъ лицъ своего ордена. Тѣ же 4 молодыхъ человѣка, которые посылаемы были туда за польского владѣнія, принимали науки и имѣли содержаніе въ двухъ папскихъ семинаріяхъ (два въ Collegia de propaganda fide, а два въ Греческой коллегіи при церкви св. Аѳанасія). Ихъ посылали черезъ каждые три года бывшія тогда цвѣтъ базиліанскія провинціи Литовская и Русская. Оный фундушъ весь былъ папскій подъ вѣдомствомъ кардиналовъ конгрегаціи de propaganda fide; а что касается дома, принадлежащаго вообще къ польскимъ базиліанамъ, сей былъ поданъ и записанъ кардиналомъ изъ фамиліи князей Барбаринихъ, при коемъ домѣ находилась и небольшая уніатская церковь. Въ немъ прежде жилъ іеромонахъ, избранный въ повѣренного (прокураторъ) для ходатайства по дѣламъ ордена, послѣ того доданъ былъ и другой ему іеромонахъ для содержанія ризницы. Еще до 1790 г. отправленный изъ Русской базиліанской провинціи іеромонахъ и нынѣ тамъ находится и по приединеніи не возвратился, и никто больше туда посланъ не былъ. Нынѣ же кто онаго дома владѣеть, тотъ ли самый іеромонахъ

¹⁾ Архивъ св. Синода. Дѣло 1817 г. № 17 по каталогу 2 департамента Римск.-Католич. Духов. Коллегіи.

или кто другой, о томъ никакого формального извѣстія не имѣется, но достовѣрно, что онъ домъ къ учебному составу не принадлежитъ, но основанъ прямо для прокуратора. Юноши тамъ не помѣщались. По окончаніи наукъ возвращались къ своимъ монастырямъ снабженные аттестатами на ученые степени по выдержаніи экзамена по Академическимъ уставамъ папскаго государства“ ¹⁾.

Этотъ докладъ внесенъ митрополитомъ въ виду сдѣланнаго поучителемъ Виленскаго учебнаго округа министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія представленія о томъ, что въ Римѣ будто бы находится принадлежащи базиліанскому ордену домъ, въ которомъ содержится 4 монаха, посылаемые туда изъ ордена для усовершенствованія въ наукахъ, и что домъ этотъ пользуется будто бы покровительствомъ Императора.

В. Страшкевичъ.

Пѣсня на освобожденіе отъ панчины — въ 1861 году.
Пѣсня эта представляетъ собою одинъ изъ откликовъ украинскаго народа, или отъ лица народа, на великое дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго права. Она составлена въ видѣ *пародии* на слѣдующую очень распространенную въ Малороссіи старинную народную любовную пѣсню:

Котылься возы зъ горы
 Тай въ долыни стали.
 Любылься-кохалыся, —
 Теперь перестали.
 Ой такъ! моя мыла!
 Коханая—чорнобрыва!
 Я зъ тобою жыть не буду, —
 По викъ тебе не забуду!
 Котылься возы зъ горы —
 Поломалысь спыци,
 А вжежъ мени не ходыты —
 На ты вечорныци.
 Ой такъ — и проч.

¹⁾ Архивъ св. Синода. Дѣло 1822 г. № 54 по каталогу 2 Департ., Римск.-Католич. Духовн. Коллегіи.

Котылыся возы зъ горы —
Поломалысь ярма;
А вжежъ мени не ходыты —
Де дивчина гарна!
Ой такъ — и проч.

И еще дальше есть нѣсколько куплетовъ...

—
Нижеслѣдующая пародія на эту пѣсню, осуждающая и осмѣи-
вающая панщину и ея жестокости,—записана нами въ Уманскомъ
уѣздѣ, Киевск. губ., въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, — отъ
одного изъ кievскихъ семинаристовъ.

Котылыся возы зъ горы,
Тай въ долыни стали!
Паны дуже щыро былы, —
Теперъ — пересталы.

Ой такъ — будьмо жыты —
За крипацтвомъ не тужыты!
Ой такъ, дождалысь!
Тай утерлы комусь нисъ!

Ругалыся, згищалыся,
Якъ сами хотилы, —
А мы мовчки та кризъ слезы
Панщину робылы!

Котылыся возы зъ горы —
Поломалы ярма:
Вжежъ намъ бильше не ходыты
На панщину дарма!

Булы паны, що й праздники
По поламъ дилылы.
Про тежъ same намъ й сусиды
Часто говорылы.

Котылыся возы зъ горы —
Поломалы оси:

Вжежъ намъ дворни не выдаты,
Де голи та боси...

Еще боси у застольни
Якъ небудь-бы жылы;
А то въ поли — зъ отарою
Безъ чобить ходылы.

Котылыша возы зъ горы —
Поломалы спыци:
Вжежъ панамъ не заглядаты
Дивкамъ пидъ спидныци!

Инши туды заглядалы,
Якъ булы сердыти;
Бильшъ же того, що робылы
Не за тымъ, щобъ быты...

Котылыша возы зъ горы —
Поломалы швирни;
Нема панамъ прежней воли, —
Будутъ жинки вирни!

Першъ бувало якъ дивчину
Панъ яку полюбить, —
Женить хлопця противъ воли,
Долю ёго згубить!..

Ой такъ — будьмо жыты —
За крипацтьвомъ не тужыты! ^{зод к.}
Ой такъ — дождалысь! ^{м. а. с.}
Тай утерлы комусь нисъ... ^{уул. ..}

Сообщ. А. М.

Сенатскій указъ Кіевскому архієпископу Рафаилу Заборовскому, отъ 16 декабря, 1742 года, въ отвѣтъ на его ходатайство о возстановленіи нѣкоторыхъ правъ южнорусскаго духовенства и Кіевской Академіи. По указу Ея Імператорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, слушавъ учиненного въ Сенатѣ экстракта по прошенію Вашему и всего той епархіи духовенства, которымъ просили: 1) о подтвержденіи указами Ея Імператорскаго Величества, дабы свѣтскіе командиры какъ священно, такъ и церковно-служителей безъ

вѣдома ду́ховныхъ управителей къ мірскому суду, по силѣ прежнихъ указовъ, не привлекали и насильно не брали; 2) о подтверждениіи прежде данной отъ великого Государя и Царя и великого князя Іоанна Алексѣевича и государя императора Петра Великаго и благовѣрной государыни Царевны Софіи Алексѣевны въ 7194-мъ году грамоты Гедеону Святополку князю Четвертенскому, митрополиту Киевскому, на право тамошняго духовнаго чина и протчія въ Малой Россіи поведенія Ея Імператорскаго Величества грамотою вновь; 3) чтобы въ Малой Россіи духовнаго чина людямъ покупку и продажу, доброхотное даяніе грунтовъ и протчихъ угодей къ монастырямъ и церквамъ по-прежнему дозволить; 4) о защищениіи въ Польской области благочестиваго духовенства, къ епархіи Киевской принадлежащихъ, понеже де нынѣ великія тяжести, озлобленіи и гоненіи отъ ляховъ оные благочестивые претерпѣваютъ, и ищутъ они ляхи крайняго святому благочестію искорененія, и многія святыя Церкви отъ благочестивыхъ уже отняли насильно и обратили на унію; 5) чтобы прежде данной Академіи Киевской жалованная грамоты подтвердить Ея Імператорскаго Величества всемилостивѣйшею грамотою и во оную опредѣленную на учителей и для содержанія и возобновленія церкви и чинамъ повсегодную сумму по двѣсти рублевъ, которые велѣно изъ Малороссійскаго войскового скарбу по давнину обыкновенію и указу 741 года состоявшемуся отпускать; 6) чтобы монастырскимъ Киевской епархіи на сей сторонѣ Днѣпра обывателемъ за понесенные во время прошедшей войны многія тягости и за издержанія отъ монастыря подъ слѣдующіе россійскаго и турецкаго пословъ на наемъ подводъ деньги 3091, ру. опѣкъ въ податяхъ учинить облегченіе; *приказалъ:* по 1, о небраніи ду́ховныхъ персонъ подъ свѣтской судъ безъ сношенія съ духовнымъ Правительствомъ подтвердить въ Малую Россію, въ Генеральную Войсковую Канцелярію, и въ Кіевъ, и въ Слободскіе полки указами, дабы въ томъ съ духовными персоны поступано было по силѣ состоявшагося блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Імператора Петра Великаго на докладѣ Св. Синода 1721 года марта 15 дня и посланныхъ изъ Правительствующаго Сената въ губерніи въ подтвержденіе онаго въ нынѣшнемъ 742 году въ іюль мѣсяцѣ указовъ, подъ опасеніемъ за неисполненіе надлежащаго по указамъ штрафа; по 2-му, съ Иностранныю Коллегіею справиться по силѣ данной Его Преосвященству въ 7194 году на прежнія тамошняго духовнаго чина права и поведеніи грамоты другія въ подтвержденіе

даваны были ль, и въ которыхъ годѣхъ имянно, и на такомъ ли основаніи, какъ оная дана, или съ какими при томъ отмѣнами, и буде даны были, со оныхъ въ Правительствующої Сенатъ сообщить точныя копіи, и какъ получены будутъ, тогда доложить; по 3-му, духовному чину къ монастырямъ и церквамъ недвижимыхъ имѣній не покупать ни подъ какимъ видомъ и никакими сдѣлками въ поминовеніе вкладомъ никому не давать и не укрѣплять, ибо то состоявшимися въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ 728 году рѣшительными пунктами точно отрѣшено; по 4-му. о защищенніи и охраненіи обрѣтающихся въ Польской области благочестивыхъ церквей и духовенства разсмотрѣть и опредѣленіе учинить коллегіи иностраннныхъ дѣлъ, и что учінено будетъ, въ Сенатъ прислать извѣстіе; по 5-му, данную Киевской Академіи грамоту со внесеніемъ во оную о повсягодномъ по силѣ Правительствующаго Сената 741 году октября 2 дня опредѣленія на учителей и на починку церквей и школъ изъ войскового скарбу по двѣсти рублевъ отпускѣ подтвердить и нынѣ опредѣленную сумму ежегодно отпускать (и сочиня оную, предложить Правительствующему Сенату къ подписанію); 6, что же Ваше Преосвященство съ тамошнимъ духовенствомъ просили о полегченіи монастырскихъ подданныхъ въ общенародныхъ податяхъ для понесенныхъ отъ 733 году въ бывшихъ военныхъ тамо обращеніяхъ ихъ тягостей, и объ ономъ объявить, дабы обождано было до того времія, когда, по силѣ имянного Ея Імператорскаго Величества указу, состоявшагося въ прошломъ 1741 году декабря 15 дня о всѣхъ въ Малой Россіи въ то время понесенныхъ убыткахъ генерально разсмотрѣно будетъ. Преосвященному Архіепископу, и проч.¹⁾.

Примѣчаніе. По содѣржанію сего указа, ходатайство возбуждено было Киевской Духовной Консисторію, въ составъ которой входили: Киево-Никольскій архимандритъ Назарій Солонина, Киево-Михайловскій архимандритъ Сильвестръ Душницкій, архимандритъ Платонъ (Левицкій), Выдубецкій игуменъ Гавріль (Леопольскій), Кирилловскій игуменъ Германъ (Конашевичъ), Киево-Софійскій Намѣстникъ Єронимъ (Миткевичъ), іеромонахъ Варсоноеї Гуторовичъ, катедральный писарь іеромонахъ Модестъ (Стефановичъ) и архидіаконъ Викентій.

---

¹⁾ Книга указовъ въ архивѣ Киевской Духовной Консисторіи за 1743 годъ, № 11.

Представленіе о семъ архіепископа Рафаила Зaborовскаго подписано 9 мая 1742 года и послано въ Москву къ отправившемуся туда для поздравленія Императрицы, архимандриту Кіево-Братскаго монастыря и ректору Кіевской Академіи Сильвестру Кулябкѣ¹⁾.

Сообщ. Проф. Н. Петровъ.

„Стужа“ въ Малороссії въ мартѣ 1748 г. Мартъ 1748 года выдался въ Малороссії настолько холодный, что отъ „безмѣрной стужи“ не только погибла масса скота, но были и человѣческія жертвы. Имѣются данные о количествѣ погибшихъ людей и скота въ Полтавскомъ полку, гдѣ, какъ кажется, „стужа“ была особенно сильна. Отъ этой мартовской „безмѣрной стужи“ въ Полтавскомъ полку „змерзло“ 10 человѣкъ, а скота погибло — 416 лошадей, 5485 головъ рогатаго скота и 72364 овецъ. Особенно сильна стужа была, надо полагать, въ сотнѣ „Керебердянской“ (Келебердянской), гдѣ погибло — 2 человѣка, 86 лошадей; 1733 головы рогатаго скота и овецъ — 16287. Были жертвы и въ самомъ городѣ Полтавѣ — 1 человѣкъ, 24 лошади, 360 головъ рогатаго скота и 2158 овецъ. Донося объ этомъ Императрицѣ Елизаветѣ, малороссійская генеральная войсковая канцелярія добавляла: „небезуповѣдно, что отъ той стужи і въ другихъ малороссійскихъ полкахъ таковъ же убытокъ послѣдовал“, — только о другихъ полкахъ канцелярія не располагала цифровыми данными. (Моск. Арх. Министерства Юстиції, № 151/1878).

Вл. П—ко.

Свѣдѣніе о количествѣ провіанта, выданного изъ магазиновъ Кіевской губерніи на расквартированные въ Малороссії полки (1715 — 1717 г.г.). Какъ известно, съ 1712 года стали расквартировываться въ Малороссії великорусскіе полки. Помимо, конечно, цѣлей чисто экономическихъ, подъ этимъ фактомъ скрывалось желаніе правительства исключить всякую возможность повторенія тѣхъ событий, которыя совершились въ Малороссії въ 1708—1709 годахъ... Поводъ къ такой мѣрѣ подалъ Шереметьевъ: по замѣчанію малоросс.

¹⁾ Тамъ-же.

лѣтописца, «въ року 1712 какъ сталъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ съ дивизіею своею на вѣнгер-квартирахъ въ Малой Россії, съ позволенія гетмана Скоропадскаго, такъ и по всякий годъ начала армія великороссійская въ Малороссії имѣть зимніе квартиры и сустентациою на себе и коней отъ обивателей получать»¹⁾. Продовольствіе всѣхъ этихъ войскъ и ихъ лошадей возложено было на всѣхъ обывателей; какъ самый провіантъ, такъ и доставка его были безъ платы со стороны правительства; мука, крупа, овесъ, сѣно, сало и пр. должны были доставляться въ натурѣ. Для сбора продовольствія на консистентовъ были учреждены въ полкахъ и сотняхъ комиссары, которые должны были собирать съ обывателей «порціоны и рационы»... Само собой разумѣется, что стоянка великорусскихъ войскъ въ Малороссії дожилась тяжкимъ бременемъ на народъ, который имѣлъ на своихъ плечахъ еще и державцевъ; къ тому-же при пріемѣ и доставкѣ провіанта имѣла мѣсто масса злоупотребленій со стороны русскихъ офицеровъ, сопровождавшаяся надругательствами и насмѣшками надъ малороссіянами²⁾. Понятно поэтому, что Скоропадскій, подавая въ 1722 г. челобитную Петру Великому, въ первомъ ея пунктѣ поставилъ просьбу обѣ отмѣнѣ „стаций“, „ибо, писаль онъ, такъ козаки, яко и посполитые остались малочислены, съ которыхъ козаки знасти того не могутъ, чтобы и драгунъ кормити и по званію своему Вашему Величеству служити“³⁾. Небезъинтересно поэтому привести цифры, въ которыхъ выражалась эта повинность малороссіянъ, — содеряніе великорусскихъ полковъ.

„Вѣденіе, сколко чрезъ три года, 1715, 1716 и 1717, въ лѣтніе мѣсяцы одъ людей рѣйменту нашего на полки армейскіе, где консистуючіе, видано провіанту, якихъ консистентовъ монаршизъ указомъ, въ премощаїшихъ его царскаго пресвѣтлого величества грамотахъ изображеніемъ провіантомъ зъ магазеновъ кгуберніи кіевской въ помянутіе лѣтніе мѣсяцы велено сустентовать, да онихъ не сустентовано“.

1-мо. Року 1715. Въ семъ выжей намѣненному року виданый на два мѣсяци лѣтніе провіантъ декларуваль словесно его княжое сіателство господинъ Димитрій Михайловичъ Голицинъ, кгубернаторъ

¹⁾ Краткое описание Малороссии, стр. 211, изд. 1878 г.

²⁾ См. Маркевичъ. II, стр. 541—43.

³⁾ Маркевичъ. III. 338.

кіевскій, привяти в зачотъ за Камянозатонскій; когда ъхалъ его сіятельство до Санктъ П'єтербурха, и мы на встрѣть посылали тогда до Конотопу пана писара нашего войскового енералного в року 1717, хочай тотъ провіантъ прежде указовъ сенатскихъ и прежде листовъ кгубернаторскихъ подлугъ енералного расположенія виданъ:

На одинадцать полковъ, рахуючи в томъ же числѣ главный коммѣссаріатъ, полевую аптеку и иные приданки за полкъ, видано провіантъ на два лѣтніе мѣсяцѣ:

Муки четверичковъ (якихъ в четверти осмъ числится) — 52800; з того чинить четвертей — 6600.

Крупъ на одного человѣка по два кгарди в мѣсяцъ, виносить за два мѣсяца кгардовъ — 52800; з того числа кгардовъ чинить четверичковъ — 6600; з четверичковъ виносить четвертей — 825.

Соли по два фунти на человѣка в мѣсяцъ, виносить на два мѣсяци фунтовъ — 52800; з того чинить каменей — 1320¹⁾.

Сала по пятнадцять фунтовъ на одного человѣка в мѣсяцъ, виносить на два мѣсяцѣ фунтовъ — 396000; з того чинить каменей — 9900.

2-го. Року 1716. На одинадцать же полковъ армейскихъ видано на пять лѣтнихъ мѣсяцей:

Муки четверичковъ 132000; з того чинить четвертей — 16500.

Крупъ кгарцей виносить — 132000; з того чинить четверичковъ — 16500; з того четвертей — 2062 и четверичковъ — 4.

Соли фунтовъ — 132000; з того чинить каменей — 3300.

Сала фунтовъ — 1980000; з того чинить каменей — 49500.

В. В сихъ выраженныхъ рокахъ были полки в комплѣтѣ и числился в нихъ людей — 13200, которіи всѣ вижей спецѣфікованную муку, крупи, соль и сало получали.

3-го. Року 1717. На девять армейскихъ полковъ, в которыхъ комплѣтъ чиниль людей 10800, такожъ видавано в лѣтніе мѣсяцѣ шесть, а-поневажъ з тихъ же полковъ было коммандеровано на работу людей — 2400 (которимъ в дорогу такожъ на мѣсяцъ провіантъ

¹⁾ Слѣдовательно, камень (единица вѣса, употреблявшаяся въ старой Малороссії) равнялся 40 фунтамъ.

видано),—теды на 8400 тилко провіантъ даванный на шесть мѣсяцей
зде числится, а именно видано:

Муки четверичковъ—100800; з того чинить четвертей—12600.

Круповъ кгардц—100800; з того четверичковъ виносить—12600;
з тихъ чинить четвертей—1575.

Соли фунтовъ—100800; з того чинить каменей—2520.

Сала фунтовъ—864000; з того чинить каменей—21600.

За сie всѣ три роки счисливши вкупу виданный провіантъ ви-
носить *in summa*:

Муки четвертей—35700.

Круповъ четвертей—4462 и четверичковъ 4.

Соли каменей—7140.

Сала каменей—81000.

Вѣденіе, сколько подлугъ листовъ подлиннихъ од сіателнѣйшаго
князя его милости господина Димитрія Михайлова Голицына, кгу-
бернатора кіевскаго, до насъ писанихъ, выдано через два года, 1716
и 1717, в лѣтніе мѣсяцѣ на войска армейскіе од людей реїменту на-
шего за Камянозатонскій провіантъ:

1-го. Року. 1716. На одинадцять комплетовихъ полковъ на два
лѣтніе мѣсяцѣ видано:

Муки четвертей—6600; крупъ четвертей—825; соли—каменей—
13200; сала каменей—9900.

2-го. Року 1717. На девять полковъ некомплетовихъ (бо з ка-
ждого по 300 человѣкъ) посыпано на роботу, оiproчъ коммѣссаріату,
полевой аптеки и проч., що за полкъ числилося) видавано на шесть
мѣсяцей, а именно на человѣка—8400:

Видано теды: муки четвертей—12600; круповъ четвертей—1575;
соли каменей—2520; сала каменей—21600.

Да в семъ-же року 1717 коммендерованіымъ 2400 человѣкамъ
в Санктъ Пітербурхъ видано провіантъ на одинъ мѣсяцъ, которога
чинить:

Муки—600 четвертей; крупъ—75 четвертей; соли—120 каменей;
сала—900 каменей. Итого всого учинить: муки—19800 четвер-
тей; крупъ—2501 четверть; соли—3960 каменей; сала—32400
каменей.

В сихъ двохъ рокахъ виданного провіанту, соли, крупъ и сала виносить сумма:

Муки четвертей—19200.

Крупъ четвертей—2400.

Соли каменей—3840.

Сала каменей—31500.

Сюю чрезъ трилѣтнєе время од обывателей рейменту нашего на войска армейскіе, где консистуючіе, в помянутіе лѣтніе мѣсяцѣ про- віанту выдачу для лучшого достовѣріа рукою нашею подписуемъ.

Іванъ Скоропадский, гетманъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожскаго.

Такое віденіе за собственою рукою рейментарскою подано в канцеляріи Кіево-кгубернскій року 1719, мая дня 23го,

(Съ современной подлиннику копіи, находящейся среди бумаг А. М. Лазаревскаго).

В. Модзалевскій.

Ізвѣщенія Редакціи. Редакція журнала «Кіевская Старина» симъ извѣщаетъ нижепоименованныхъ лицъ, что ею получены въ теченіе іюня, іюля и августа 1905 г. слѣдующія суммы.

1) На сооруженіе памятника Т. Г. Шевченку: а) Отъ Единец-каго кружка любителей драматического искусства — 25 р.; б) изъ Петербурга — Н. Кармалыга 3 р., И. Калениченко 3 р., Я. Калеяиченко — 2 р., Т. Кальмуцкій, И. Порубаймыхъ, К. Назаренко, В. Цех-мистренко, Г. Ченакаль, А. Калениченко, С. Мотинъ, Адамовичъ, Н. Кожикинъ — по 1 р., — итого 17 рублей; в) черезъ магазинъ «Кіевской Старины» — Иванъ Слыва 20 к., Степаныда Щербинына и Харитонъ Горощенко по 15 к., Федько Царенко 10 к., — итого 60 к. Всего поступило — 42 р. 60 к.; что, вмѣстѣ съ прежними 502 р. (см. № 4-ый), составить 544 р. 60 к., которые будутъ храниться въ редакції до времени учрежденія постоянной комиссіи по устройству памятника Т. Г. Шевченку. Туда-же будутъ направлены и всѣ новыя пожертвованія.

2) На поддержаніе матильи Т. Г. Шевченка: а) черезъ і. П-цкало Катря Рябоконь и Григорій Кузнецъ по 50 к., Мотря Сичова, Окс-

на Сичова, Иванъ Зимніусъ, Наталка Квитковская, Василь Тарасенко, Владими́ръ Бойко, Степанъ Шкуратъ, Михайло Кужиль, Василь Долженко — по 25 к., П-цкій 20 к., — итого 3 р. 45 к.; б) отъ И. и З. Мѣрныхъ — 5 р. Всего 8 р. 45 к., что, вмѣстѣ съ прѣжде поступившими 434 р. 75 к. (см. № 3-й), составить 443 р. 20 к. На эти средства будетъ устроена каменная лѣстница на могильный курганъ, а также будетъ произведена посадка деревъ и кустарниковъ на площади, вновь прирѣзанной г. Каневомъ къ усадьбѣ Шевчековой Горы.

Приложение.

ЛИТЕРАТУРА

о

В. Н. КАРАЗИНЪ.

Источники и пособия.

Абрамовъ, Я. В. „В. Н. Каразинъ, его жизнь и общественная дѣятельность“. Спб. 1891 г.

Анастасевичъ, В. „Записка о Василіи Назарьевичѣ Каразинѣ“. Чтеніе въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1861 г. т. 3-й.

Проф. Багалѣй, Д. И. „Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ“, т. I-й. Харьковъ, 1893 — 1898 гг.

Его-же. „Просвѣтительная дѣятельность Василія Назаровича Каразина“. Записки Императ. Харьковск. университета. 1893 г. кн. 3.

Его-же. „Къ біографіи В. Н. Каразина“. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филол. Общества, т. 3. Харьковъ, 1891 г.

Его-же. „Матеріалы для біографій южно-русскихъ научно-литературныхъ дѣятелей XIX вѣка“. Кіевъ, 1903 г.

Его-же. „Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколь“. Кіевская Старина, 1892 г. ноябрь.

Его-же. «Каразинъ Василій Назаровичъ». Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефона, т. 27.

Бареуковъ, Н. „Жизнь и труды М. П. Погодина“ кн. 2, 3, 6 и 7. Спб. 1888 — 1893 г

Бодянскій, О. „Замѣчаніе къ запискѣ о В. Н. Каразинѣ“. Отзывъ по поводу „замѣчанія къ запискѣ о В. Н. Каразинѣ“. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1861 г. т. 3.

Его-же. „Попытка В. Н. Каразина бѣжать за границу“. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1866 г. т. 3.

Бочаровъ. „Памяти В. Н. Каразина“. Московская Иллюстрирован. Газета, 1892 г. № 307.

То-же въ „Южномъ Краѣ“ 1892 г. № 4070 (отъ 8 ноября).

Гениади, Г. Н. „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученихъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 гг. т. II. Берлинъ, 1880 г.“.

Герценъ. „Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ“. Полярная звѣзда 1862 г. изд. Герценомъ т. VII, вып. II стр. 57 — 72. Лондонъ.

- Гулакъ-Артемовскій. „Солопій та Хивря або Горохъ пры дорозі“.—
Казка. Українскій Вѣстникъ, 1819 г. ч. 16, кн. 8, октябрь.
- Данилевскій, Г. П. „Матеріалы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія. Украинская Старина, Харьковъ, 1866 г.
- Его-же. „В. Н. Каразинъ“. Харьковск. Губернск. Вѣдомости за 1860 г., №№ 67—68.
- Его-же. „Василій Назаровичъ Каразинъ“ Русская Старина, 1872 г. т. VI.
- Державинъ, Г. Р. „Записки“ Изд. Русской Бесѣды, Москва, 1860 г.
- Дубровинъ, Н. „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“. Русская Старина, 1900 г.—октябрь, ноябрь; 1901 г.—октябрь.
- Его-же. „Графъ А. А. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ“. Русская Старина, 1903 г.—апрель.
- Его-же. „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I-го (съ 1807 по 1829 гг.), Спб. 1883 г.
- Его-же. „Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхыхъ изъ архива 1-го отдѣленія Канцеляріи Его Величества“. Вып. I-й, Спб. 1878 г.
- Его-же. „Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхыхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи“. В. 2-й, Спб.—1889 г.; вып. 5-й—1892 г.; вып. 7-й—1895 г.; вып. 9, Спб. 1897 г.; вып. 11-й, Спб. 1898 г. (подъ редакціей Дубровина).
- Н. Д. (Дубровинъ) „Стихотвореніе В. Н. Каразина, написанное имъ въ 1809 году“ (не принадл. Каразину). Русская Старина, 1903 г. сент. стр. 558.
- Жихаревъ. „Записки современника или записки студента“, т. II-й, стр. 444.
- Иконниковъ, В. С. „Графъ Н. С. Мордвиновъ“. Спб. 1873 г.
- Его-же. „Опытъ русской исторіографіи“, т. I, кн. 1-я, стр. 702, 803, 847; т. I-й, кн. 2-я, стр.: 925, 935, 938, 1154, 1161, 1181, 1183, 1184.
- Илляшевичъ, Л. В. „Очеркъ исторіи харьковскаго дворянства“. Харьковъ, 1885 г.
- Каразинъ, Ф. В. „Василій Назаровичъ Каразинъ, основатель Харьковскаго университета“. Русская Старина 1875 г., т. XII, XIII и XIV.
- Его-же. „Отвѣтъ г. Оресту Миллеру“. Голосъ, 1871 г. № 38.
- Его-же. „Василій Назаровичъ Каразинъ. Біографіческія замѣтки“. Русская Старина, 1871 г. т. 3;
- Такжে—Русская Старина 1870 г., т. 2.
- Его-же. „Письмо Ф. В. Каразина (біографич. записка) объ отцѣ его А. Г. Тройницкому“. Русскій Архивъ. 1894 г., т. I-й.
- Его-же. „Замѣтки на біографіи В. Н. Каразина“, составленныя Г. П. Данилевскимъ и напечатанныя въ Сѣверной Пчелѣ за 1860 г. № 92.
- Его-же. Статья въ „Сѣверной Пчелѣ“ за 1855 г. № 4.
- См. также въ „Сѣверной Пчелѣ“ за 1854 г. № 235.

Его-же. „Письмо къ Г. П. Данилевскому“. Современная лѣтоись, 1865 г. № 16. Ст. Н. Н.

Калайдовичъ, К. Ф. „Записки важныя и мелочныя“. Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовыемъ, т. III, стр. 81 и 105. М. 1861 г.

Кешпенъ, Г. „Нѣкоторыя свѣдѣнія о В. Н. Каразинѣ“. Членія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1863 г., т. Ш-й смѣсь.

Проф. Лавровскій, Н. А. „Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытие Харьковскаго университета“. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. CLIX, Спб. 1872 г.

Его-же. „Воспоминаніе о Василіи Назаровичѣ Каразинѣ“. Журн. Минист. Народн. Просв., ч. CLXV, 1873 г., февраль.

Прот. о. Н. Лашенковъ. „Василій Назарьевичъ Каразинъ, какъ помѣщикъ села Кручинна“. Харьковскій Сборникъ на 1887 г. Харьковъ, 1887 годъ.

Д. (Лесли). „Иванъ Филипповичъ Вернетъ“. Современникъ 1847 г., т. I-й, стр. 172—173.

Лопаревъ Хрусаневъ. — „Описаніе рукописей импер. общ. любител. древней письменности“, ч. I, Спб. 1892 г. CXXXI, 15, 16, 17, 18, 21 и 22.

Лященко, А. „Къ исторіи Харьковскаго университета“. Сборникъ Харьковскаго Историко-филологического Общества, т. 8-й. Харьковъ, 1896 г.

Межовъ. Библіографическій указатель книгъ и статей по русской и по всеобщей исторіи, т.т. I-й, II-й, III-й и IV.

Жозефъ-де-Местръ. „Письма изъ Петербурга въ Италію“. Русскій Архивъ, 1871 г., стр. 135—138.

Миллеръ, Д. Ц. „Арестъ и ссылка В. Н. Каразина“. Историческій Вѣстникъ, 1900 г. — апрѣль.

Его-же. „В. Н. Каразинъ и кн. П. И. Трубецкой“. Историческій Вѣстникъ, 1900 г.—юнь.

Миллеръ, О. „Каразинъ и Карамзинъ“. Голосъ, 1871 г., № 18.

Н. Н. ,Ст. о В. Н. Каразинѣ“. Голосъ, 1870 г., № 340, фельетонъ, (переписка съ Кочубеемъ и критич. записки К — на).

Петровъ, Н. И. „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“. Кіевъ, 1884 г.

Погодинъ, М. „Николай Михайловичъ Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ“, ч. II. Москва, 1866 г.

Пыпинъ, А. Н. „Общественное движение въ Россіи въ царствованіе Императора Александра-І-го“. Изд. З-е. Спб. 1900 г.

П. Е. Статья въ „Николаевскомъ Вѣстнике“ за 1873 г. № 13.

Рождественскій, С. В. „Исторический обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Просв. 1802—1902“. Изд. Мин. Нар. Просв. Спб. 1902 г.,

Проф. Роммель. „Шесть лѣть изъ исторіи Харьковскаго университета“. Харьковъ, 1868 г.

Сахаровъ, И. П. „Записки“, Русскій Архивъ, 1873 г., т. I-й.

Семевскій, В. И. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, т. I-й. Спб., 1888 г.

Его-же „Нѣсколько словъ о В. Н. Каразинѣ“. Вѣстникъ Европы, 1893 г.—февраль.

Семевскій, М. И. „О сооруженіи памятника В. Н. Каразину“. Русская Старина, 1873 г., т. 7, стр. 418.

Сербиновичъ, К. „Н. М. Карамзинъ и А. О. Воейковъ“. Русская Старина, 1872 г., т. 5.

Срезневскій, И. „Каразинъ Василій Наазаровичъ“. Русскій біографіческій словарь Половцева. Спб., 1897 г.

Проф. Сумцовъ, Н. ѡ. „Три письма В. Н. Каразина“. Сборникъ Харьковскаго Историко-филолог. Общества, кн. III. Харьковъ, 1891 г.

Его-же „Культурный уголокъ Харьковской губерніи (Поповская Академія)“. Харьковъ, 1888 г. Отд. оттискъ „Харьк. Сборн.“ за 1888 г.

Сухомлиновъ, М. „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I-го. Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія, ч. CXXVIII, Спб. 1865 года и ч. CXXXII, Спб. 1866 годъ.

Сушкинъ, Н. „Изъ записокъ времени Александра I-го“. Вѣстникъ Европы, 1867 г., т. II-й.

С—ій. „Къ біографіи В. Н. Каразина“. День, 1865 г. № 16.

Тихонравовъ, Н. „Лѣтописи русской литературы и древностей“, т. III. Москва, 1861 г.

Tourgeneff, N. „La Russie et les Rusees, t. I. Paris, 1847.

Трифильевъ, Е. „Бѣгство В. Н. Каразина за границу“. Записки Харьковскаго ун—та, 1901 г. кн. 2-я.

Тройницкій, А. Г. „Некрологъ“. Одесскій Вѣстникъ, 1842 г. № 95 (28 ноября). — Также „Одесскій Вѣстникъ“, 1873 г. № 23.

Толль, Ф. „Настольный Словарь“, т. II: „Каразинъ“. Изд. 1864 г.

Т. В. „Письмо къ Издателю“ Сынъ Отечества. Критики статьи В. Н. Каразина: „Чистая Правда“. Сынъ Отечества, 1819 г. ч. 57, № 44.

Фойгть, К. „Историко-статистическая записки о Харьковскомъ унив—тѣ“. Харьковъ, 1859 г.

Его же „Матеріалы для исторіи основанія Харьковскаго уни-та“. Харьковскія Губернскія Вѣдомости, 1878 г. №№ 9—47.

Фортунатовъ, ѡ. „Памятныя записки Вологжанина“ Русскій Архивъ, 1867 г.

X*** „О В. Н. Каразинѣ“ Харьков. Губернск. Вѣдомости, 1875 г. № 241.

Шашковъ, С. „Движеніе русской общественной мысли въ началѣ XIX вѣка“. Дѣло, № 6.

Шильдеръ, Н. К. „Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе“, т. II, Спб. 1897 г.; т. IV Спб. 1898.

Его же „Имп. Ник. I-ый“, т. I-ый Спб. 1903. 528 стр.

Его же. „Два доноса въ 1831 г.“ Русская Старина, 1899 г. т. 97, стр. 294—5; 608—9.

Шмидъ, Е. „Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи“. Переводъ съ нѣмец. А. О. Нейлисова, Спб. 1878 г.

Шугуровъ, Н. „Ілья Федоровичъ Тимковскій. педагогъ прошлого времени“. Кіевская Старина, 1891 г. т. 34.

Ярославскій, В. И. „Воспоминанія“. Харьковскій Сборникъ на 1887 г. Харьковъ, 1887 г.

З. „Дополненіе къ „Запискѣ“ Каразина императору Александру I-му“. С.-Петербургскія Вѣдомости, 1871 г. № 9.

„В. Н. Каразинъ и господство надъ природой“. Рус. Арх. 1892 г. кн. 5.

„Данныя о сочиненіяхъ В. Н. Каразина“. Кіевская Старина, т. 38, стр. 180.

Записка губернатора Муратова о статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ. Русская Старина, 1900 г. т. 103, стр. 153.

„Чествованіе памяти В. Н. Каразина въ Харьковскомъ университѣ по случаю 50-лѣтія со дня его кончины“. Кіевская Старина, 1892 г. декабрь.

Молодикъ, журналъ на 1844 г.; изд. И. Е. Бецкимъ. Спб. 1844. стр. 241—243.

Московскія Вѣдомости, 1842 г. № 101, стр. 766. То же: 1861 г. № 114 стр. 914.

Харьковскія Вѣдомости, 1869 г. № 1—51. То же, 1873 г. № 27 и № 140. То же, 1874 г. № 241. То же, 1880 г. № 155. То же, 1892 г. №№ 283, 287, 288, 290, 291.

Южный Край, 1889 г. № 2766 (отъ 17-го янв.) 1890 г. № 3108 (отъ 17-го янв.). То же, 1891 г. № 3793 (отъ 17-го янв.). То же, 1892 г. № 4066 (отъ 4 нояб.), № 4070 (отъ 8 ноября) и № 4071 (отъ 9 ноября).

„Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки“ за 1878 г. Спб. 1879. стр. 23—25.

„Сборникъ постановленій по Министерству Народного Просвѣщенія т. I (1802—1825 гг.). Спб. 1864 г.

„Сборникъ статей по славяновѣдѣнію“, изд. учениками В. И. Лопашенскаго ¹⁾.

„Евгеніевскій Сборникъ“ XV—XVI ¹⁾.

„Собраніе мнѣній Н. Р. Мордвинова“, т. X. Отвѣтъ В. Н. Каразину о состояніи финансъ въ Россіи отъ 28-го мая 1832 г. ¹⁾.

---

¹⁾ На эту книгу найдено лишь указаніе; ею мы не пользовались и указываемъ лишь въ интересахъ полноты литературы о В. Н. Каразинѣ.

„Труды Общества любителей российской словесности“ за 1819 г.
тт. VIII и IX.

„Циркуляръ по Харьковскому Учебному Округу“, 1875 г., № 7.

Нѣкоторые материалы помѣщены также въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1863 г. стр. 461, 469; и за 1875 г. т. I-й, стр. 352.

Рядъ статей изъ Энциклопедич. Слов. изд. Брокгауза и Ефона.

Письма.

Н. Карамзина къ В. Н. Каразину отъ 25-го мая 1818 г. Русская Старина, 1900 г. апрѣль, стр. 138.

Н. М. Карамзина къ Каразину. Тамъ же, мартъ, стр. 684.

Н. М. Карамзина къ князю Вяземскому отъ 11-го сентября 1818 г.— „Старина и Новизна“. Историч. Сборникъ, изд. при Обществѣ ревнителей русского просвѣщенія имп. Александра III, Спб. 1897 г. стр. 61—62.

Тамъ же справки о В. Н. Каразинѣ, стр. 296.

„Письма Карамзина къ Дмитріеву“, изданныя Гротомъ и Пекарскимъ, Спб.

М. Н. Муравьевъ къ В. Н. Каразину. Русская Старина, 1900 г. т. 103, стр. 56.

Тамъ же отъ 28-го марта 1805 г. и „Дипломъ“ В. Н. Каразина на званіе почетнаго члена Московскаго ун-та. Русская Старина 1900 г. апрѣль, стр. 186.

Коновницына П. къ В. Н. Каразину отъ 26-го мая 1813 г. Тамъ же, т. 103, стр. 392.

О. Козодавлева къ В. Н. Каразину, по поводу устройства въ Москвѣ конторы Филотехническаго Общества. Русская Старина, 1901 г. стр. 200, іюль, (отъ 17 апр. 1815 г.).

Прокоповича-Антонскаго: „Избрание Василия Назаровича Каразина въ дѣйствительные члены Общества любителей российской словесности“. Тамъ же, февраль, стр. 470 (отъ 22-го апрѣля 1818 г.).

Киевскаго митрополита Амвросія къ петербургскому митрополиту отъ 7-го марта 1804 г. Русская Старина, 1901 г. мартъ, стр. 742.

Гр. В. Кочубея къ В. Н. Каразину отъ 13-го февр. 1811 г. Русская Старина, 1900 г. іюнь, 592.

Е. Константиновича В. Н. Каразину отъ 9-го іюля 1801 г. Русская Старина, 1900 г. октябрь, стр. 192.

Г. Р. Державина къ В. Н. Каразину, по поводу его рѣчи, произнесенной въ Филотехническомъ Обществѣ, отъ 5-го марта 1814 г. Русская Старина, 1900 г. ноябрь, 482.

Императора Александра I-го къ кн. Салтыкову. Русский Архивъ 1876 г., № 1, стр. 59.

Три письма Сперанскаго къ Каразину 1801 г. Харьковскія Губерн. Вѣдомости 1875 г. № 241.

НН къ Каразину. Тамъ же.

Федора Манжаренки. Тамъ же.

А. А. Палицына къ В. Н. Каразину. Молодикъ на 1844 г. Харьковъ, 1843 г. стр. 204—205.

И. В. Васильчикова къ кн. А. С. Меньшикову. Русскій Архивъ 1875 г. т. III, стр. 417—418.

И. В. Васильчикова къ императору Александру I-му отъ 26 ноября 1820 г. Тамъ же, т. II, стр. 925.

М. Погодина къ Шевыреву Русскій Архивъ 1894 г. I 561—572. 1882 г. кн. 5—6.

Митрополита Евгения Болховитинова къ В. Г. Анастасевичу. Русскій Архивъ 1889 г. кн. 2-я.

„Письмо изъ С.-Петербурга къ автору рѣчи о важности лѣсоводства“. Украинскій Вѣстникъ, 1818 г. январь.

Переписка митр. Евгения съ гр. Д. И. Хвостовымъ.

29 писемъ къ В. Н. Каразину разныхъ лицъ въ періодъ отъ 1801 по 1841 гг. напечатаны въ „Сѣверной Пчелѣ“ за 1860 г. № 92.

Материалы собраны до 1903 года включительно. Мелкія замѣтки въ Харьковскихъ газетахъ не указаны за незначительностью ихъ.

Кромѣ указанныхъ печатныхъ пособий, материаломъ для монографіи служили многочисленные документы въ рукописяхъ, частью которыхъ даль намъ воспользоваться проф. Д. И. Багалѣй; другая часть найдена нами въ архивахъ Харьковск. И. Ун-та, Х. Дворянскаго Деп. Собрания, церкви села Крючика и рукописяхъ, хранящихся въ Фунд. Библ. Харьк. ун-та. Между прочимъ найдены и разсмотрѣны слѣдующія „Дѣла“ еще не опубликованныя:

„О внесеніи въ дворянскую родословную книгу Василія Назарьева сына Каразина 1799 года“ на 5 листахъ. По описи дѣль Слоб. Укр. Деп. Двор. Собр. о внесеніи въ родосл. кн. № 8.

„Объ отправленіи Депутатовъ въ г. Москву для принесенія имп. Александру I вѣрноподд. благодарности за подтвержденныя грамоты дворянамъ, жалованными Екатериной Второю, и обаоръ для таковой поѣздки на содержаніе“, 1801 г. на 184 л. По описи дѣль Харьк. Деп. Собр. и Губ. Предв. Двор. 1783—1827 г. № 6.

„О разсылкѣ къ Уѣзdkымъ Предводит. Двор. по 4 экземпляра Филотехническаго Общества правиль“ 1811 г. на 15 л. По той же описи № 10.

„О внесеніи въ двор. родосл. кн. Каразина В. Н. ст. сов.. жены его Александры и дѣтей-Василія, Егора, Филадельфа, Александра, Николая, Валеріана и Пелагеи“ 1828 г. на 12 л. По описи дѣль Сл. Укр. Деп. Дв. Собр. о внес. въ родосл. кн. № 32.

„По отношенію гражд. губернатора о дополненіи формул. списка о службѣ ст. сов.. Василія Каразина“ 1829 г. на 15 л. По описи дѣль Губ. Предв. Двор. 1828—1835 гг. № 22.

„Харьковскаго Губ. Предв. Дворянства о ст. сов. Василіи Каразинѣ, кандидатѣ въ Предсѣдатели Палаты Уголовнаго Суда здѣшней губерніи и полковникѣ Веселовскомъ, избранномъ въ сіе званіе“ 1829—1830 гг. на 77 л. По той же описи за № 65.

„О предложенномъ отъ ст. сов. Каразина средствѣ употреблять исландскій мохъ въ неурожайное время года на хлѣбъ“ 1830 г. на 7 л. По той же описи за № 27.

„Дѣло о поступкѣ, сдѣланномъ ст. сов. Каразинымъ въ канцеляріи Правленія Харьк. ун-та 1835 г. на 8 л. Фунд. Библ. Харьк. ун-та, шкафъ рукописей 10/з.

„Дѣло Правленія Имп. Харьк. ун-та о самоправномъ взятіи Каразинимъ аттестата“ 1835 г. Тамъ же 10/з, на 9 л.

„Дѣло Правленія Имп. Харьк. ун-та о выдачѣ ст. сов. Каразину свидѣтельства о дворянскомъ происхожденіи сына его и проч.“ 1839 г. Тамъ же 10/з.

„Дѣло Правленія Харьк. ун-та о сдѣланіи надлежащаго полиції отношенія, въ разсужденіи свободнаго выѣзда въ деревню ст. сов. и кав. Каразина Крючекъ мастерамъ“ 1805 г. на 6 листахъ. По описи Правл. Х. ун. за № 47.

„Дѣло Совѣта Харьк. ун-та объ учрежденіи нѣкоторыхъ лицъ въ званіи почетныхъ членовъ сего ун-та“ 1811 г. на 9 л. По описи дѣль совѣта Х. ун. за № 5.

„Біографія В. Н. Каразина“, составленная въ рукописи помощн. библіотекаря Харьковскаго ун—та Чириковымъ еще въ 70-хъ годахъ, также разсмотрѣна нами; (рукопись эта содержитъ свыше 400 страницъ (четверушекъ) и заключаетъ въ себѣ цѣнныя данныя, гл. обр., по судебнѣмъ тяжбамъ В. Н. Каразина) находится она въ Архивѣ Историко-Филолог. Общ. при Харьк. ун.—тѣ.

Въ архивѣ церкви с. Кручука (бывшаго имѣнія В. Н. Каразина) найдено нами нѣсколько писемъ В. Н. и церковныя приходо-расходные книги имѣ собственноручно веденныя. Эти матеріалы будутъ помѣщены въ собраніи сочиненій В. Н. Каразина, которое теперь печатается.

Кромѣ документовъ, при составленіи монографіи имѣлись въ виду показанія устныя лицъ, лично помнившихъ В. Н. Каразина, потомковъ лицъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ нимъ, разсказы родственниковъ Каразина, крестьянъ и жителей села Кручука, а также личныя наблюденія автора на мѣстѣ дѣятельности В. Н. Каразина (въ Кручикахъ).

Сочиненія В. Н. Каразина,

въ хронологическомъ порядке (1798 — 1842).

Письмо къ имп. Павлу I отъ „14 августа 1798 г. Kovno“, (помѣтка В. Н. Каразина). Письмо это въ пересказѣ по памяти „многіе годы

спустя послѣ 1798" (Прим. М. И. Семевскаго). Русская Старина 1873 г. апрѣль стр. 567—568.

Письмо къ имп. Павлу I отъ «30 августа, 1798 г. Г. Ковно». Подпись: Дворянинъ Слободско-Украинской Губерніи, Василій Каразинъ. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1866 г. т. III, Смѣсь, стр. 32—33.

Показаніе В. Н. Каразина, данное въ Петербургѣ «Октября 1-го, 1798 г.». Подпись: «Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ». Тамъ же стр. 34—35. Этотъ и два приведенные выше документа напечатаны также въ Запискахъ Харьковск. ун—та за 1901 г., кн. II, стр. 171—179 — въ статьѣ Е. Трифильева: «Попытка В. Н. Каразина бѣжать за границу».

«Возлюбленному царю! одинъ изъ прямыхъ его подданныхъ». Письмо писанное имп. Александру I-му 12—22 марта 1801 года». Безъ подписи. Н. К. Шильдеръ, «Императоръ Александръ I». Томъ второй, Спб. 1897. Приложеніе III-е, стр. 324—330.

«Мысли относительно до присутственныхъ мѣстъ». «15 мая, 1801 г.», въ сноскѣ къ заглавію значится: «Подано Д. П. Трощинскому». Подпись В. Каразинъ. «Чтенія» 1863 г. т. III, Смѣсь, стр. 115—122.

«О причинахъ постепенного упадка курса въ Россіи и о средствахъ поднять оный». «Списокъ съ бумаги, которая между прочими подана была Государю въ іюнѣ 1801 года». Безъ подписи. Бумага эта (или копія съ нея) передана В. Н. Каразиннымъ издателю „Молодика“ — Бецкому. «Чтенія... 1861 г. т. III, Смѣсь, стр. 177—191. Подлинная бумага носила названіе: „Предначертаніе проекта о одобреніи торговли, государственныхъ долговъ и пр.“. Сборн. Ист. Мат. канц. Е. В. вып. 11, стр. 14.

Письмо къ о. Василію Фотіеву отъ „2 мая 1802 года“ Первоначально въ Харьк. Губ. Вѣд. за 1860 г. № 35, часть неоф.; затѣмъ въ „Украинской Старинѣ“ Г. П. Данилевскаго Харьковъ, 1866 г. стр. 135—139 и во мног. друг. изд.

„Предначертаніе о Харьковскомъ университѣтѣ“, читанное собранию дворянъ 20 августа 1802 г. и

„Пояснительная записка къ предначертанію о Харьковскомъ университѣтѣ“, поданная кн. Чарторижскому и гр. Чотоцкому. Русс. Стар. 1875 г. т. 13, стр. 66—71—76.

„Рѣчь, говоренная, августа 31-го дня 1802года, въ собраніи Харьковскаго дворянства, депутатомъ его, коллежскимъ совѣтникомъ В. Н. Каразиннымъ, испросившимъ Высочайшее соизволеніе на основаніе въ г. Харьковѣ университета“. „Молодикъ“ на 1844 г. Харьковъ 1843 г., стр. 245—250. Тоже самое помещено въ „Вѣстникѣ Европы“ 1803 г. № 16. Смѣсь, стр. 235—242 и въ „Русской Старинѣ“ 1875 годъ т. XII, стр. 338—336.

Отчетъ о дѣятельности по устроенію Харьковскаго университета Н. Н. Новосильцову 10-го іюня 1803 года. Подпись: „Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ“. Въ „Опытѣ Исторіи Харьковскаго университета“ проф. Д. И. Багалѣя. Т. 1, гл. II, стр. 107—112.

Письмо къ князю Адаму Чарторыжскому: „21 Nôvembre 1804. A u Prince Czartoryskij“. Подпись: Basile Karasine. Оригиналъ по-французски.

„Supplement à ma lettre du 21 Novembre (à son Altesse le Prince Czartoryskij) подпись: 27 de Novembre 1804. St.-Petersburg. B. Karasine. Тоже по-французски. Переводъ этихъ статей Фил. Вас. Каразина, съ приложеніемъ оригиналовъ помѣщенъ въ Русс. Стар. 1871 г. т. III, стр. 701—707—718. Переводъ помѣщенъ также въ газетѣ „Погодина „Русскій“ 1868 г. № 15.

„Идея 1803 или 1804 годовъ, или 1801 еще, но написана, когда я занимался сербами въ 1804 году“, съ примѣчаніемъ за подпись В. К. Русс Стар. 1871 г. т. III, стр. 718—719.

„Церковная запись“ Каразина: отъ 8 декабря 1805 года. Харьковскій Сборникъ 1887 г., стр. 54—55.

Описаніе снаряда для гонки вина изобрѣтеннаго ст. с. Каразинымъ. Съ приложеніемъ статьи: „Въ совѣтъ имп. моск. университета отъ почетнаго члена, Василія Каразина, покорнѣшее представленіе, отъ 21-го февраля 1806 года“. Подпись: В. К. Въ „Повременномъ изданіи о полезныхъ изобрѣтеніяхъ въ искусствахъ, художествахъ и ремеслахъ и важнѣйшихъ предметахъ земледѣлія и торговли, издаваемой при московской губернскай гимназії“ № 12, 1807 г. стр. 72—78.

„Рѣчь, произнесенная въ публичномъ собраніи москов. общества испытателей природы, 18-го сентября сего (1807) года, членомъ общества, ст. сов. и кав. В. Н. Каразинымъ, по случаю представленія нѣсколькихъ окаменѣлостей, найденныхъ имъ въ окрестностяхъ Москвы“. Вѣстникъ Европы 1807 г. часть XXXV, октябрь, № 20; собственно рѣчь на стр. 241—247; къ рѣчи приложена „Записка представленныхъ окаменѣлостей и породъ“ на стр. 248—250.

„Омега. Послано чрезъ почту въ 1808-мъ году, предъ отъѣздомъ Его Величества въ Эрфуртъ, но получено по возврашеніи“. Собственоручная надпись В. Н. Каразина на оригиналѣ, хранящемся въ Имп. Публ. Библ. См. Отчетъ Императорской Публичн. Библ. за 1878 г. стр. 24—26. Къ подлинику есть позднѣйшія собственоручныя приписки Каразина.

„Письмо къ императору Александру о невмѣшательствѣ въ дѣла Европы“. „1809 года, октября 4-го дня“; подпись: Василій Каразинъ. „Членія Общ. Ист.“ за 1863 г. т. III, Отд. Смѣси, стр. 123—130.

Письмо В. Н. Каразина къ Слободско-Украинскому губернатору Ивану Ивановичу Бахтину, отъ 30 января 1810 г., изъ Москвы. Подпись: Василій Каразинъ. Русская Старина 1871 г. т. III, стр. 335—336.

Mémoire lû à la Société Impériale des Naturalistes (de Moscou) dans la séance du 15 mars 1810, par le membre ordinaire B. N. Karasinn. Kharhov. 1812. 8° 10 р. Переводъ этой статьи напечатанъ въ „Сынѣ Отечества“ за 1817 г. № LII, ч. XLII, стр. 265—274, за подпись: Перев. П. Гвоздевъ, и называется: „Записка ординарнаго члена Имп. моск. общ.

естествоиспытателей, В. Н. Каразина“. Эта же записка, написанная на русскомъ языке въ 1812 году самимъ В. Н. Каразинымъ, помѣщена въ „Русс. Стар.“ за 1871 г. т. III, стр. 719—722 за подписью: В. Каразинъ и озаглавлена: „Записка, читанная въ императорскомъ моск. общ. естествоиспытателей дѣйствительнымъ членомъ онаго, В. Н. Каразинымъ, 15 марта 1810 года.“

„Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности со всеобщими началами монархического правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества“. Письмо одного помѣщика *** ской губерніи къ своему губернатору“. Безъ подписи. Помѣчено: „Москва, апрѣля 11-го дня 1810 года“. „Чтенія въ Общ. Ист.“ за 1861 годъ, т. III, Смѣсь, стр. 135—176.

Письмо къ доктору Реману 1810 года. (О постановкѣ просвѣщенія въ Россіи) „Русская Старина“ 1875 г., апр. стр. 750—758

„Мысли о учрежденіи въ полуденныхъ губерніяхъ россійской имперіи общества, подъ названіемъ филотехническаго въ пользу домоводства сихъ губерній“. Харьковъ, въ унив. типографіи, 1811 г. 12°, 38 стр. Безъ подписи. Брошюра заключаетъ въ себѣ 1) „Мысли о учрежденіи филотехническаго общества“ (3—14 стр.). 2) „Предначертаніе правилъ филотехническаго общества“ (15—26 стр.) состоящ. изъ 24 §§ и въ приложениі. 3) „Письмо помѣщика Слободско-Украинской губерніи дѣйст. ст. сов. и кав., Григ. Ром. Шидловскаго, къ г. губернскому предводителю“, за скрѣпою самого губ. предводителя А. Ф. Квитки.

„Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ, составившемся въ Харьковѣ, 17 января и высочайше утвержденномъ 10-го марта сего 1811 года. Въ Харьковѣ, въ унив. типogr. (12° 36 стр.) 1811 г.“. Безъ подписи. (Одобр. ценз. 24 апр. 1811 г.). Въ брошюрѣ помѣщены 1) „Предувѣдомленіе“, 2) „Первоначальный актъ филотехническаго общества“ (отъ лица учредителей за подписью 35 членовъ), 3) „Правила филотехническаго общества“ 4) Хозяйственные распоряженія общества“, 5) „Высочайший указъ“ объ утвержденіи общества и 6) „Примѣчанія“ Каразина.

„Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ, изданное въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца 1811 года продолженіе первое“. Въ Харьковѣ въ унив. типogr., 1811 года 12°. Стр. 40—89. Подпись: Василій Каразинъ. (Одобр. ценз. 24 сент. 1811). Въ брошюрѣ помѣщены: „Протоколь засѣданія общества 10-го августа 1811 г.“ и приложенія: 1) „Слѣдствія опыта, учиненного надъ выпаривательнымъ снарядомъ селитры г. Каразина“, 2) „Отчетъ за май, іюнь и іюль 1811 г.“ Каразина, 3) „Продолженіе списка членовъ общества“, 4) Замѣтка о собраніи 16 августа и 5) Дополнительный списокъ членовъ Ф. Об.

„Рѣчь о пользѣ просвѣщенія въ домоводствѣ“, „говоренная въ Харьковѣ августа 18, 1811 г. въ публ. собр. фил. общ. Вас. Наз. Каразинымъ. Харьковъ 1811 г. 20 стр. На стр. 18—20 помѣщены отрывокъ

цъ рукоописи: „Практическое защищение противу иностранцевъ установленной въ Россіи подчиненности поселянь ихъ помѣщикамъ“. Та же рѣчь помѣщена въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1811 г. № 20, октябрь, стр. 259—290. На стр. 286—290—отрывокъ изъ „Практич. защищения“.

„Изъ Харькова“. Исторія основанія и утвержденія филотехническаго общества. Затѣмъ помѣщены: 1) „Первоначальный Актъ фил. общ.“, 2) „Правила фил. общ.“, 3) „Хозяйственные распоряженія фил. общ.“ и 4) „Указъ“ о утвержденіи общества. „Вѣстникѣ Европы“ 1811 г. № 20, октябрь, стр. 318—329.

„О филотехническомъ обществѣ въ Харьковѣ“ „Извѣщеніе изъ протоколовъ оного послѣднихъ заѣданій въ Крещенской съѣздѣ сего 1812 года генваря 15, 17 и 20“. Въ журнальѣ „Улей“ за 1812 годъ, ч. III, мѣсяцъ апрѣль, № XVI, стр. 319—327.

Письмо къ имп. Александру I 22 марта 1801 г., воспроизведенное „по памяти“ съ примѣчаніями за подписью: Б. К. 1812 годъ. Въ концѣ приписка В. Н. Каразина: „Было послано А. С. Шишкіну изъ Харькова, 14 іюня 1812 г.“ „Русская Старина“ за 1874 г. т. IV, стр. 68—80.

„Рѣчь произнесенная въ печальномъ собраніи Харьковскаго университета послѣ погребенія экстраординарнаго профессора Авраама Яковлевича Калкау, ст. сов. В. Н. Каразинъ“. Брошюра „Рѣчей“ за 1812 годъ, говоренныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ Харьк. ун-та. (По указанію Г. П. Данилевскаго [„Украинская Старина“ Х. 1866, стр. 169], но въ указанной брошюрѣ рѣчи Каразина *нѣтъ*. Въ рукописяхъ проф. Рославскаго-Петровскаго обѣ этомъ сочиненіи значится такъ „Рѣчь, произнесенная генваря въ 27 день 1812 г. въ Печальномъ Собрании И. Х. У. непосредственно послѣ погребенія экстраординарнаго профессора А. Я. Калкау. Х. 812, с. 3—7. Рукописи Росл.-Петр. находятся въ Арх. Ист. Фил. Общ. при Харьк. ун-тѣ).

„Рѣчь о необходимости въ настоящихъ обстоятельствахъ усилить домоводство“ („произнесена въ Харьковѣ 13-го января 1813 г., въ собраніи фил. общ. В. Н. Каразинъ“). Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1813 г., № 1, янв. ч. LXVII стр. 1—35. И отд. брош. съ подписью: Харьковъ 1812“, 4^о, 20 стр. (О послѣднемъ см. „Укр. Стар.“ Г. П. Д-скаго стр. 154).

„Справочникъ филотехническаго общества, цѣнъ стоящихъ въ Москвѣ въ ноябрѣ 1813 года“, съ примѣчаніями за подписью: Василій Каразинъ. Въ „Сборникѣ историческихъ матеріаловъ 1-го отдѣленія собственн. Его Имп. Вел. Канцеляріи“ Спб. 1878 г. стр. 413—437.

„Объявление филотехническаго общества № 2-й; филотехническому обществу правителя его дѣлъ, Каразина, отчетъ за 1813 годъ, представленный 1-го января 1814 г., изъ столичнаго города Москвы“. Прибавленіе къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1814 г., № 8; въ 4^о, стр. 1—22. Здѣсь кромѣ 1) „Отчета за 1813 г.“ помѣщены 2) „Правила фил. общ. съ перемѣнами, по которому 17-го января 1812 г., на кои получено согласіе министра внутреннихъ дѣлъ, и 3) „Высочайший указъ“ утвер-

дившій філ. общество. Въ примѣчаніи сказано: „Объясненіе № I-й издано въ Харьковѣ“. * „Копія съ отчета фил. обществу правителя его дѣль В. Н. Каразина посланного обществу изъ столичн. города Москвы 1-го января 1814 г.“ помѣщена въ „Сборникѣ Ист. Мат. I-го Отд. Канц. Его Вел.“ Спб. 1878 г., стр. 446.

„Выписка изъ протокола собранія Филотехническаго Общества бывшаго въ Успенскій съѣздѣ въ Харьковѣ, 19 августа 1814 года“. Подпись: Василій Каразинъ. „Сборн. ист. мат. извлеч. изъ архива Соб. Его Имп. Вел. канцелярій“ издаваемый подъ редакціей Н. Дубровина. Выпускъ второй. Спб. 1889, стр. 446—450.

„Филотехническому обществу правителя его дѣль, Каразина, отчетъ о происходившемъ послѣ усценскаго съѣзда прошлаго 1814 года“ („Читано въ публичномъ собраніи въ Харьковѣ, въ крещенскій съѣздѣ, 1-го января 1815 г.“). Въ „Сынѣ Отечества“ за 1815 г. № XI—XII, ч. 20-я, стр. 177—198 и 225—241. Тоже помѣщено въ „Сборн. Ист. Мат.“ изд. подъ ред. Н. Дубровина, вып. второй, стр. 451—472; Спб. 1889 г.

„Копія съ протокола собранія Филотехническаго Общества 1815 года, генваря 16-го дня. Харьковѣ“. Подпись: Василій Каразинъ. Тамъ же, стр. 450—451.

„Копія съ протокола собранія Филотехническаго общества 1815 года генваря 19-го. Харьковѣ“. Подп. Василій Каразинъ. Тамъ же, стр. 473—475.

„Списокъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ, также и корреспондентовъ Филотехническаго общества, по старшинству ихъ вступленія и за исключеніемъ умершихъ, сдѣланный къ 16-му марта 1815 года“. Подпись: Василій Каразинъ. Тамъ же, стр. 476—489.

Письмо къ издателямъ—В. Каразина. Подъ письмомъ подпись „июля 25-го, 1815 г. С.-Петербургъ“. Съ приложеніемъ протокола комитета, учрежденного для разсмотрѣнія предположеній филотехническаго общества касательно: „Облегченія продовольствія заграничныхъ войскъ и флота и объ умноженіи въ государствѣ селитры, посредствомъ новаго способа“. Самый протоколъ за скрѣпою В. Н. Каразина, имѣть заглавіе: „Управляющему военнымъ министерствомъ, г. генералу отъ инфантеріи и кавалеру, князю Горчакову I-му“. Въ „Сынѣ Отечества“ 1815 г. ч. XXXII, стр. 221—241. Эти же документы напечатаны въ „Сборн. ист. мат. изв. изъ Арх. Е. И. В.“ выпускъ второй, стр. 493—503. Спб. 1889.

„Письмо къ графу А. А. А. (Аракчееву), относительно одного россійскаго историческаго анекдота“ Помѣтка въ концѣ: „В. К.—12-го ноября, 1816 г. Село Кручикъ“.—Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ на 1816 годъ, декабрь. Отд. I. Науки и искусства. Стр. 265—279.

„Харьковскія записки филотехническаго общества, 1816 г. августа 21-го числа“. („Протоколы общества за послѣдній съѣздѣ не доставленные прежде—, по болѣзни правителя дѣль“). Тамъ же, стр. 352—358.

„Изъ Кручика. Выписка изъ метеорологическихъ наблюдений“. Въ „Харьковскихъ Извѣстіяхъ“ 1817 г. до 43 №. Подъ первою выпиской: В. К.

„Ученое Извѣстіе“ (получено изъ Кручика). Подпись В. К. „Харьковскія Извѣстія“ 1817 г. № 15.

„Протоколъ послѣдняго собранія филотехническаго общества“, 1817 г. января 16-го.—Послѣдняя подпись: „членъ и правитель дѣль Василій Каразинъ“. Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ 1817 г., ч. V, кн. I, ноябрь, стр. 122—127.

„Всеподданнѣйшій рапортъ статского совѣтника Василія Каразина“. „Сентября дня 1817 года. Харьковъ“. Съ приложеніемъ статьи: „О учрежденіи и успѣхахъ Филотехническаго общества“ („Записка для моего Государя“. Въ „Сборн. ист. мат. Собств. Е. И. В. канц.“ подъ редакц. Н. Дубровина. Выпускъ второй. Спб. 1889, стр. 504—507).

„Филотехническому Обществу Правленія его дѣль Каразина Отчетъ за первые восемь мѣсяцевъ 1817 г.“, „Укр. Вѣстн.“ окт. стр. 75—93. Подпись: Василій Каразинъ, сентябрь 23, село Кручикъ.

Объявленіе объ изданіи актовъ филотехническаго общества, В. Н. Каразина. Въ „Харьковскихъ Извѣстіяхъ“ за № 1817 г. № 38; „Сынъ Отечества“ 1817, ч. XL, № 48, стр. 152, „Украинскомъ Вѣстникѣ“ на 1817 г., стр. 256 и „Вѣстникѣ Европы“ 1817 г. № 2-й, стр. 104.

„Рѣчь о важности лѣсоводства наипаче для Россіи“ „Василія Каразина“. Въ „Духѣ Журналовъ“ 1817 г. ч. XVIII, С.-Петербургъ, стр. 265—288. (Въ примѣчаніи: „Была назначена для торжественнаго собранія филотехническаго общества, сентября 18-го, въ Харьковѣ... То же въ „Вѣстникѣ Европы“ 1817 г. ч. XCIV, стр. 199—214, съ примѣчаніемъ: „Сія рѣчь будетъ издана въ актахъ филотех. общества“... Съ тѣмъ же примѣчаніемъ въ „Сынѣ Отечества“ 1817 г., № XLIV, стр. 201—222, и, наконецъ, въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“ 1817 г., ноябрь, № 89 и 90, стр. 386—389 и 390—393.

„Выписка изъ письма къ г. слободско-украинскому гражданскому губернатору В. Г. Муратову, отъ 3-го ноября 1817 года“. (Съ приложениемъ письма къ „Издателю Сына Отечества“). Подпись: Василій Каразинъ. „Сынъ Отечества“ 1817 г. № LI, стр. 215—227, ч. XLII. То же, самое (кромѣ письма къ издателю) помѣщено въ „Сборн. Ист. Мат.“ изд. подъ ред. Н. Дубровина, выпускъ второй, стр. 508—512, (въ формѣ письма В. Г. Муратова къ В. Р. Марченку).

„Одна глава изъ рукописи“. Подъ заглавиемъ—Примѣчаніе: „Сей отрывокъ принадлежитъ къ сочиненію, которое въ концѣ истекшаго 1816 года поднесено В. Н. Каразиннымъ слободско-украинскому дворянскому собранію. Титулъ его есть слѣдующій: „Защищеніе противу иностраннцевъ, существующей нынѣ въ Россіи, подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ“. Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1817 г. ч. XCI, № 2, стр. 104—134.

„Отвѣтъ на сію рецензію В. Каразина“. Въ „Украинскомъ Вѣстнике“ 1818 г. январь, стр. 20—35. (По поводу помѣщенной въ томъ же

выпускъ „Украинскаго Вѣстника“ статьи, безъ подписи: „Письмо изъ С.-Петербурга къ автору рѣчи о важности лѣсоводства наипаче для Россіи“.

„О возможности приложить электрическую силу верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка“. „Февраля „ „ дня 1818 года. Членъ разныхъ ученыхъ обществъ и правитель дѣлъ филотехническаго Василій Каразинъ. Москва у кузнецкаго Моста въ домѣ Бекерса“. (Оригинальз записки въ Арх. М. Н. Пр. въ дѣлѣ подъ № 20,008, карт. № 296). Въ „Русс. Стар.“ 1873 г. февраль, стр. 228—234. Статья: В. Н. Каразинъ“.

„Письмо помѣщика Богодуховскаго уѣзда В. Н. К. объ обсадкѣ дорогъ деревьями“ „Мая 26-го 1818 г. Село Кручикъ“. Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ 1818 г. стр. 353—362.

Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ 1818 г. май, отд. I, стр. 121—143 и юнь, стр. 246—253 напечатана „Записка о достопримѣчательностяхъ Москвы“ Н. М. Карамзина. Подъ заглавиемъ сноска: Писанная всеконечно Николаемъ Михайловичемъ Карамзиномъ, по случаю отбытія изъ С.-Петербурга въ сюю столицу Ея Величества вдовствующей Государыни Императрицы. Я щастливо досталь этотъ, можетъ быть, не совсѣмъ полный и исправный списокъ, и прошу гг. издателей п мѣстить оный въ своею журналѣ, буде угодно съ мою личностю. Василій Каразинъ“. Съ примѣчаніемъ въ текстѣ за подписью: В. К.

„Къ Издателю“. (Предложеніе по инициативѣ правительства собирать историческіе документы и материалы со всей Россіи) съ приложениемъ статьи: „Россійскій Анекдотъ“. Помѣтка: Село Кручикъ 26 октября 1818 В. Каразинъ. Въ „Благонамѣренномъ“ ч. IV, 1818 г. декабрь. От. „Смѣси“, стр. 324—328—329.

„О имени Славянъ“. Труды Общ. Люб. Росс. Слов. при Имп. Моск. Ун. часть двѣнадцатая, Москва 1818, стр. 79—86. В. Каразинъ.

„Чистая Правда, безъ малѣйшаго украшенія и увеличенія“ („Отрывокъ изъ дневной записи пріѣзжаго украинца, которая, можетъ быть, будетъ напечатана“) въ „Сынѣ Отечества“ 1819 г., ч. LVI, стр. 286—288, подпись В. К.

„Статистика Харьковской Губерніи“. Москва, 1819 г. Указаніе на это сочиненіе находимъ въ біограф. словарѣ, изд. подъ редакціей А. Полловцова. Мы не пользовались этимъ произведеніемъ и не провѣрили справедливость указанія; въ „Словарѣ“ есть ошибки; можетъ быть это есть ошибочно названное „Статистическое описание Слоб.-Укр. Губ.“ М. 1820 г.

О Китаѣ—Рукопись И. И. Голикова, доставлена Каразиномъ изъ-издателю „Благонамѣренного“. Передъ статьей письмо къ издателю В. Н. Каразина. Заключительная NB (1¹/₂, страницы) и одно примѣчаніе за подписью В. К. въ „Благонамѣренномъ“. Ч. V, 1819 г. мартъ, № VI, Отд. Прозы“, стр. 337—352.

„Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣнія, состоящаго на оброкѣ. С.-Петербургъ, въ типогр. Гречи 1819 г. Подпись подъ пред-приложеніе.

дисловіемъ: Василій Каразинъ. Октября 29-го; 1819 г. С.-Петербургъ. Отдѣльная брошюра, въ 8-ю д., 16 стр. Въ брошюре кромѣ „Предисловія“ помѣщенъ „Временный уставъ сельца Анашкина, съ деревнями“ изъ 22 статей. Эта же статья помѣщена въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ за 1818 г. май „Смѣсь“, стр. 234—241 г. подъ названіемъ „Временный уставъ сельца Анашкина съ деревнями“. Подпись: В. К.

„Филотехническому обществу—правителя дѣлъ его, Каразина, отчѣтъ за послѣдніе четыре мѣсяца 1818 года“, Харьковъ, ун. тип. 1819 г., 40 стр. Подпись: Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ. То же помѣщено въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ за 1819 г. ч. XIV, стр. 3—38, гдѣ не помѣщено одно „заключеніе“, имѣющееся въ брошюре.

„Языческій праздникъ въ Европѣ, въ XIX столѣтіи христіанскаго лѣтосчисленія“ въ сноскѣ къ заглавію: „Изъ записокъ Украинца“... Подпись В. К. Въ „Сынѣ Отечества“ 1820 г. № 5, „Смѣсь“, стр. 238—240.

„Отрывокъ изъ дневной записи Украинца“. Подпись В. К. „Сынъ Отечества“ 1820 г. № 2, стр. 93—96. (Описаніе собранія Россійской Академіи).

О бывшихъ злоупотребленіяхъ въ продажѣ людей. Три собственоручн. записи В. Н. Каразина, представлен. гр. Кочубею въ январѣ 1820 г. Русская Старина 1903 г. августъ стр. 457—465.

„Докладная записка министру внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубею, по поводу циркуляра попечителя Харьк. учебн. округа З. Я. Карнѣева отъ 25 янв. 1819 г. Подпись: „Апрѣля 16-го, 1820 года“. „Сборникъ Харьк. Ист. Фил. Общ.“ кн. 8, 1896 г., стр. 31—37.

„Объ ученыхъ обществахъ и периодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи“. Рассужденіе читанное В. Н. Каразинымъ въ собраніи С.-Петербургскаго общества любителей россійской словесности 1-го марта 1820 года. Подпись: Василій Каразинъ. „Русская Старина“ 1871 г. т. III, стр. 330—335. Это же сочиненіе было выщущено отдѣльной брошюрою подъ названіемъ: „О ученыхъ обществахъ и периодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи“. Спб., марта 3-го, 1820 года въ 4 д. л., 10 стр. Подпись: В. Каразинъ, цѣна 5 рублей.

Письмо къ Императору Александру Павловичу отъ 21 апрѣля 1820 года. Подпись: „Вашего имп. вел. вѣрноподд. В. Каразинъ“. „Русская Старина“ 1870 г. т. II, стр. 568—571.

Письмо къ министру вн. дѣлъ гр. В. П. Кочубею. Подпись: „Каразина“. Тамъ же, стр. 571—574.

Объяснительная записка В. Н. Каразина министру вн. дѣлъ графу Виктору Павловичу Кочубею 13 мая 1820 года.—Записка состоить изъ 7 тетрадей; примѣчанія подписаны: В. К. Первыя четыре тетради помѣщены въ „Русс. Старинѣ“ 1870 г. т. II, стр. 575—590 и 3 послѣднія въ „Русс. Старинѣ“ 1871 г. т. III, стр. 16—38 за подпись: Василій Каразинъ. Записки составлялись съ апрѣля по ноябрь 1820 г.

Письмо графу В. П. Кочубею отъ 4-го іюня 1820 года по поводу либеральнаого и противоправительственаго направлениі русской литературы. Въ „Русской Старинѣ“ за 1899 г., май стр. 277—279.

„Подробная таблица обстоятельствъ народонаселенія Слободско-Украинской Губерніи на основаніи десятильтней сложности“ (1808—1817 гг.) на 7 листахъ (in folio), печатанныхъ въ Спб. въ типографії Греча въ числѣ 600 экземпляровъ (какъ сказано внизу на послѣднемъ листѣ) съ помѣткою: мая 1-го дня, 1820. Цензоръ, Стат. Сов. и Кав. И. Тимковскій. Въ выносѣ къ заглавію этой таблицы сказано: „Принадлежитъ Статистическому обозрѣнію сей Губерніи, которое въ 1817 году было поднесено Г. Г. Г—мъ одной высокой особѣ въ проѣздѣ ея черезъ Харьковъ.“

„Еще нѣкоторыя замѣчанія о слободско-украинской губерніи“. Въ примѣчаніи къ оглавленію: „отрывокъ составляющей заключеніе рукописнаго Статистического Обозрѣнія сей Губерніи, которое въ сентябрѣ 1817 года было поднесено Г. Г. Г—мъ одной высокой особѣ въ проѣздѣ ея черезъ Харьковъ, и очень милостиво Ею принято: что видно было изъ полученнаго по сему предмету отзыву изъ Москвы. В. К.“ Статья не подписана. Въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и благотворенія“ 1820 г. № II, Спб. Отд. „Прозы“ стр. 129—141. Статья дѣлится на двѣ части: оборѣніе губерніи 1) „Въ философскомъ отношеніи“ и 2) „Въ отношеніи политическомъ и нравственномъ“.

„Объясненіе подробной таблицы обстоятельствъ народонаселенія въ Слободско-Украинской Губерніи, сравненіе выводимыхъ изъ нея пе-речней („результатовъ“) и подобными имъ, извлеченными изъ таковыхъ же обстоятельствъ прочихъ Губерній Российской Имперіи и другихъ земель Европы“: Подпись: „С.-Петербургъ 26 ноября 1820 года“, съ при-мѣчаніемъ подъ чертой (стр. 21): „Въ рукописи, которая была назначена для публичного чтенія, въ тотъ самый день, столько достопамятный въ моей жизни, въ печати не церемонилъ я не единаго слова; даже очевидныя ошибки слова (по быстрому изложению въ то время) не исправлены. Марта 20, 1829 года Москва. Василій Назарьевъ сынъ Ка-разинъ“. 21 стр. При „Объясненіи“ приложены 7 статистическихъ та-блицъ изслѣд. Слободско-Украинской Губерніи, напечатанныхъ въ 1820 году въ тип. Греча. „Объясненіе“ съ „Таблицами“ помѣщены вмѣстѣ въ „Актахъ Филотехническаго Общества“ томъ VI. Москва, 1829 г. Въ Унив. Типogr.—На экземплярѣ, которымъ я пользовался (хранится въ Имп. Публ. Библ.), на 1-й страницѣ собственноручная надпись В. Н. Ка-разина: „Его Сиятельству“ Фраfu Виктору Павловичу Кочубею, которому извѣстны уже включенныя здѣсь таблицы, во времія печатанія ихъ въ 1820-мъ году, хотя объясненіе къ нимъ тогда не успѣло быть изданіемъ, почтительнѣйше подносить издатель, всеусердно поздрав-ляя Праздникомъ свѣтлаго воскресенія и—надѣясь, что удостоенъ бу-

деть отзывомъ на письмо его отъ 13-го декабря прошедшаго года. Москва. За Арбатскими воротами, домъ Генераль-Майора Базилевича. Апрѣля 12-го дня 1829 года“.

„Ога Богъ на латинскомъ языке“ критическая замѣчанія Каразина Передъ Р. С. Подпись: Василій Каразинъ. Въ „Соревновательѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ 1820 г. № II, стр. 198—213, отд. „Смѣси“.

„О примѣчательнѣйшихъ новѣйшихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ Россіи“. (Научныя новости по Географіи, Ботаникѣ, Химії, Зоологіи и проч.) „Вступленіе“ подписано: В. К. такъ и примѣчанія. Съ приложениемъ статей по техно-химії члена-сотрудника филотехническаго общества Власова. Тамъ же, отд. „Ученыхъ Извѣстій“, стр. 214—223 (и статьи Власова стр. 224—238).

Письмо къ императору Николаю I. 18 сентября 1826 года съ примѣчаніями за подпись: В. К. „Русская Старина“ 1870 г. т. II, стр. 561—568.

„О древностяхъ Слободско-Украинской Губерніи“ въ скобкахъ: („списокъ съ письма Члена Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ В. Н. Каразина къ Г-ну Вице-Губернатору Слободско-Украинской Губерніи (управлявшему тогда оною) С. Ф. Паскевичу, декабря отъ 19-го 1827 года. Безъ подписи. „Исторической, Статистической и Географической журналъ или современная исторія свѣта“ на 1829 г. Часть вторая, книжка третья, мѣсяцъ іюнь. „Смѣси“. Стр. 256—260.

„Нѣчто относительное къ метеорологии“ Василія Каразина. Въ „Сынѣ Отечества“ 1828 года, ч. CXVIII, стр. 177—187. Помѣтка: 1828 г., марта 7-го. Село Кручикъ.

Проектъ изданія „Отечественнаго Архива“ (Письмо къ Погодину) 1828 г. Августъ. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1893 г. т. I, стр. 97—98.

„О самомъ удобнѣйшемъ способѣ сохранять и на большія разстоянія перевозить питательныя, цѣлебныя и въ рукодѣліяхъ употребляемыя вещества изъ царствъ животныхъ и растеній“. „Записка, которая назначена для помѣщенія въ журналѣ, а нынѣ напечатана только въ числѣ ста экземпляровъ“. Москва. Въ Тицографіи Н. Степанова. 1829. Подпись: „С. С. и К. Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ. Москва, дек. 17, 1828 года“. 18 стр. in 8°.

„О средствѣ употреблять исландскій мохъ въ неурожайное время на хлѣбъ“. Письмо къ Харьк. Гражд. Губернатору. Архивъ Харьк. Двор. Деп. Собр. По описи дѣлъ 1828—1835 г. за № 27, листы 2-й и 3-й.

Критика „Перипла Понта Евксинскаго“ Аппіана. (Письмо къ А. Г. Тройницкому) „27 марта 1873 года“. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1894 г. т. I, стр. 561—562.

„О вѣроятной причинѣ всеобщаго измѣненія температуры“. (Подпись: В. Каразинъ. Мая 8-го, 1837 г. Богодуховскій уѣздъ). Въ журнアルѣ министерства народнаго просвѣщенія“ 1837 г., ч. XVI, стр. 687—691.

„О заготовленіи дровъ“ „Василій Каразинъ“. 23-го января, 1838 г. № 6, стр. 55—57.

- „О посадкѣ картофеля въ поляхъ“. В. К. 19-го февраля. Въ „Харьк.“ Губ. Вѣд.“ 1838 г. № 9, стр. 81—82.
- „О приготовлениі дерева на столярную работу“ В. К. Въ „Харьк.“ Губ. Вѣд.“ 1838 г., № 10, стр. 93—94.
- Частныя извѣщенія: о продажѣ акклиматизированныхъ растеній у В. И. Кристера. В. К.—Въ „Харьк.“ Губ. Вѣд. 1838 г. № 15, стр. 148.
- „О цѣлебной водѣ въ дачахъ надъ Орелью“. Василій Каразинъ. Въ Харьк. Г. Вѣд. 1838 г. № 38, стр. 337—338.
- „О лѣсоводствѣ или лѣсоразведеніи“ „Василія Каразина“. Въ „Харьк. Г. Вѣд.“ 1838 г. № 48, стр. 413—416 и № 51 стр. 428—432.]
- „О торгѣ за границу хлѣбными спиртами“. В. Каразина. Въ „Харьк. Г. Вѣд.“ 1838 г. № 50, стр. 421—425.
- „Переходъ харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ—въ новое жилище“. В. Каразина. Въ „Харьковск.“ Губ. Вѣд.“ Прибавленія 1839 г., № 34, стр. 233—234.
- „Объ открытиї палаты государственныхъ имуществъ“ В. К. Въ „Харьк.“ Губ. Вѣд.“ 1839 г. № 1, стр. 1-я.
- „О предвѣстіяхъ погоды“. Василій Каразина. Въ „Харьк. Г. Вѣд.“ 1839 г., № 12, стр. 67—71.
- „Польскій вопросъ въ 1839 году“. Харьковъ, 23-го февраля 1839 года. Подпись: Василій Каразинъ. Въ „Русской Старинѣ“ за 1870 г., т. II, стр. 591—596.
- „Нѣчто о кадастрѣ“. В. Каразина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1839 г., № 45—стр. 295—296 и 47 № стр. 306—307.
- „О химическихъ превращеніяхъ“. В. Каразинъ. № 4, стр. 38. „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1840 г.
- „О кончинѣ праведника“ (Мелетія, архіепископа харьковскаго и ахтырскаго). Василій Каравина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1840 г. № 9. Отдельное незанумерованное прибавление.
- «Дополненіе къ статьѣ о нашихъ древностяхъ, напечатанной въ предыдущемъ №» (т. е. къ статьѣ Пассека: «О древностяхъ Харьковской Губерніи», помѣщенной въ 19 № X. Г. Вѣд.). Перепечатанная съ прибавлениями статья Каразина «О древностяхъ Слободско-Украинской Губерніи», напечатанная въ «Историч. Стат. Географ. журн.» на 1829 г. Помѣтка: Маія 21 дня 1839. Харьковъ. В. Каразинъ. Прибавленіе къ «Харьк. Губ. Вѣд.» за 1839 г., № 20, стр. 127—130.
- «О содержаніи рѣкъ въ городахъ В. К. Въ «Харьк. Губ. Вѣд. 1840 г. № 12, стр. 113. Подпись: В. К.
- «О удивительномъ музикальномъ вечерѣ». В. К. Въ «Харьк. Г. Вѣд.» 1840, № 15, стр. 140—141.
- «О значеніи Харькова для полуденной Россіи». В. Каразина. Въ «Харьк. Г. Вѣд.» 1840 г. № 39, стр. 339—345; № 40, стр. 351—353, № 41, стр. 363—365.
- «О воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ». Василій Каразина. Въ «Харьк. Г. Вѣд.» 1841 г. № 3, стр. 21—23.

„О сжении угля съ разсчетомъ“. В. Каразина. Въ „Харьк. Г. Вѣд.“ 1841 г. № 8, стр. 66—69; № 9, стр. 74—77, № 10, стр. 82—84 и № 11 стр. 93—96.

„Способъ выгоднѣйшаго и безопаснѣйшаго отоплениія зданій“ В. Каразина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1841 г., № 20, стр. 187—189.

„О посадкѣ картофеля въ поляхъ“. В. Каразина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1841 г. № 23, стр. 214—215.

Изъ Харькова. „О новомъ открытии въ Англіи, которое однако есть повтореніе россійскаго изобрѣтенія 1809 года“. За подписью: Василій Каразинъ, Харьковъ 10-го апрѣля 1842 года. Въ „Москвитянинѣ“ 1842 г. № 6. Ч. III, стр. 387—389.

„Арбузы“. В. К. Въ „Одесскомъ Вѣстнике“ 1842 г. № 68 Фельетонъ „О сахарѣ арбузного сока“.

„Нѣсколько предложеній доброго гражданина“. Одесса. 1842 г. Подпись: В. К. Посвященіе: „Благодѣтельному гражданину и умному любителю своего отечества Козыムъ Никитичу Кузину, Одесса, въ концѣ августа 1842 года“. 8°, 20 стр.—Въ брошюрѣ помѣщены: 1) „Мысли объ отоплениіи или нагреваніи комнатъ парами“ съ подписью: Василій Каразинъ. Января 5-го, 1838 года, г. Харьковъ. 2) „О заготовленіи дровъ“ его-же, съ подписью В. К. 23-го января 1838 года. Харьковъ. Напечатано въ Харьковской газетѣ № 6. 3) „О приготовленіи дерева на столярную работу“ изъ 11-го № Харьковскихъ Вѣдомостей 1838 года, съ подписью В. К. Передъ статьями „Предувѣдомленіе“. В. Каразина.

„Безпристрастный взглядъ на южный берегъ Тавриды и на его произведенія“. Помѣтка: „Магарачское казенное заведеніе. 28-го окт. 1842 г.“ Съ примѣчаніями помѣченными В. К. Въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., апрѣль, стр. 661—669.

„Взглядъ на украинскую старину“. В. Каразина. Въ „Молодикѣ“ на 1844 годъ. Харьковъ 1843 г. стр. 33—45. Подъ статьей помѣтка: Харьковъ 1842 г. Къ этой статьѣ тамъ же (стр. 225—229) приложены сообщенные въ редакцію В. Н. Каразинъ 1) Рапортъ отъ 14 февраля 1732 года изъ харьковской полковой таможенной въ бѣлгородскую канцелярію „Цѣны провіанту въ Харьковѣ въ 1732 году“ 2) „Условіе по-мѣщика съ учителемъ за 40 лѣть назадъ“ отъ 7 октября 1800. года. Въ томъ же выпускѣ „Молодика“ напечатаны: 1) „Подлинная бумага послѣдней половины XVII вѣка“ о поставкѣ двухъ „питалень или боядѣль“ по указу Феодора Алексѣевича,—2) „Духовное завѣщаніе Ломѣковскаго“ отъ 1711 года, сообщенія В. Н. Каразинъ.

„Каталогъ славяно-русскихъ рукописей погибшихъ въ 1812 году профессора Баузе“. Подпись: В. Каразинъ. О. Бодянскій указываетъ, что каталогъ этотъ написанъ рукою Василія Назаровича. Даты нѣть. (См. „Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Росс.“ 1861 г. т. III, стр. 202—203—указанія О. Бодянскаго и К. Ф. ҃алайдовича). „Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1862 г. т. III, стр. 45—79.

Въ пятомъ выпускѣ „Молодика“ И. Е. Бецкаго (не изданномъ) предполагалось помѣстить „Географическое, статистическое и топографическое обозрѣніе Харьковской губерніи, составленное по рукописямъ г. Шафонскаго и В. Н. Каразина“. См. о томъ „Молодикъ“ на 1844 г., Спб. Въ типогр. Жернакова, 1844 г. стр. 243.

Статья „Мнѣніе одного Украинского помѣщика выраженное послѣ бесѣды съ, своими собратіями объ Указѣ 23-го мая, 1816 года, и объ Эстляндскихъ постановленіяхъ“, напечатана впервые въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1860 года, томъ II, Смѣсь, стр. 218—227 за подпись: В. Каразинъ. Это же сочиненіе помѣщено въ „Сборн. Ист. Мат. извлеч. изъ арх. собств. канц. Его Имп. Вел. выпускъ седьмой, изд. подъ редакціей Н. Дубровина Спб. 1895 г. съ указаніемъ въ заголовкѣ йа принадлежность его „В. Н. Каразину“. Принадлежность Каразину этого произведенія опровергнута О. Бодянскимъ (въ „Чтеніяхъ“ 1816 г. т. III, стр. 201—202), что подтверждается Г. П. Данилевскимъ („Украинская Старина“ Харьковъ, 1866 г. стр. 165—166). Содержаніе „Мнѣнія объ эстляндскихъ постановленіяхъ“, равно какъ и хронологическая данная не соответствуютъ убѣжденіямъ и времени дѣятельности В. Н. Каразина.

Частная переписка В. Н. Каразина,

въ хронологическомъ порядке (1798 — 1842).

Къ кн. Вяземскому отъ 30-го августа 1798 года. Членія, 1866 г., смѣсь, стр. 31—32.

1801 г.

„Бумага къ 12-му декабря 1801 г.“, присланная изъ Москвы: „сно-
видѣніе“, въ которомъ Александръ Невскій представленъ бесѣдующимъ.

1802 г.

Къ Государю Александру I-му отъ 8 августа 1802 г. Русская Старина, 1875 г., т. 13, стр. 79.

Къ нему же. Тамъ же, стр. 79—80.

Къ нему же — отъ 28-го октября 1802 г. черезъ министра народнаго просвѣщенія — Завадовскаго. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1872 г., ч. CLIX, стр. 72—73.

Къ министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубею, отъ 4-го декабря 1802 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 186—188.

1803 г.

Къ императору Александру I-му. 1803 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 194—195.

Къ Кочубею, 1803 г., январь. Тамъ же, стр. 190.

Къ нему же, отъ 29-го января 1803 г. Тамъ же, стр. 191—193.

Къ императору Александру I-му, 1803 г. февраль. Тамъ же, стр. 196—198.

Къ И. Ф. Тимковскому, отъ 24-го марта 1803 г. Киевская Старина, 1891 г., т. 34, стр. 233—236.

Къ губерн. предвод. дворянства—Донець-Захаржевскому, отъ 26-го марта 1803 г. Опытъ исторіи Харьковскаго ун—та проф. Д. И. Багалѣя, т. I, стр. 100—101, 103.

Къ Н. Н. Новосильцеву отъ 10 іюня 1803 г. „Опытъ ист. Харьк. унив—та“ проф. Багалѣя, т. I, гл. II, стр. 107—112.

Къ Кочубею, отъ 14-го іюня 1803 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 198—200.

Къ И. Ф. Тимковскому—отъ 2-го августа 1803 г. Киевская Старина, 1891 г., т. 34, стр. 383—384.

Къ государю Александру I-му—отъ 16-го августа 1803 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 273—278.

Къ нему же—отъ 23-го августа 1803 г. Тамъ же, стр. 470—471.

Къ нему же—отъ 12-го сентября 1803 г. Тамъ же, стр. 278.

Къ нему же—отъ.. 1803 г. Тамъ же, 474—476.

Къ И. Ф. Тимковскому—отъ 1-го октября 1803 г. Киевская Старина, 1891 г., т. 34, стр. 384—387.

Къ Шишкіну—отъ 14-го октября 1803 г. Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., ч. CLIX, стр. 89.

1804 г.

Шрошеніе Каразина, представленное кн. Чарторижскимъ императору Александру I-му въ ноябрѣ 1804 г. Русская Старина, 1903 годъ,—апрѣль, стр. 9—10, примѣчаніе (2).

1805 г.

Письмо въ Комитетъ Правленія Харьковскаго Ун—та, отъ 31-го марта 1805 г. Опытъ исторіи Харьков. унив—та проф. Д. И. Багалѣя, т. I, стр. 139—140.

1806 г.

Епископу Христофору Сулимѣ—отъ 29-го января 1806 г. Харьковскій Сборникъ 1887 г. стр. 59—60.

Митрополиту Амвросію—отъ 9-го февраля 1806 г. Тамъ же, стр. 57—58.

Епископу Христофору Сулимъ отъ 10-го іюня 1806 г. Тамъ же, стр. 56.

1807 г.

Къ священнику Иванбву — отъ 31-го іюня 1807 г. с. Анашкино. Харьковскій Сборникъ, 1887 г., стр. 63.

1809 г.

Къ госуд. Александру I-му—отъ 4-го октября 1809 г. Ссылку на это письмо находимъ въ статьѣ „О невмѣшательствѣ въ дѣла Европы“. Чтеніе, 1863 г., т. III, стр. 123 и 126.

1810 г.

Къ М. М. Сперанскому—отъ 18-го апрѣля 1810 г. Москва. Русская Старина, 1872 г., январь, стр. 82—83. Сообщ. Ф. К. То же, т. 108, стр. 31.

1813 г.

Къ гр. А. А. Аракчееву, посланное черезъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12-го декабря 1813 г. Москва. Сборникъ историч. матеріаловъ 1-го отд. канцеляріи Его Величества, вып. I-й, 1878 г., стр. 410—412. Также: Москва. Иллюстр. Газета, 1892, № 307 (сообщ. Бочаровымъ) и Южный Край, 1892 г. № 4070 — отъ 8-го ноября.

1814 г.

Къ га. А. А. Аракчееву—отъ 12-го января 1814 г. Москва. Тамъ же (въ трехъ мѣстахъ). Послано черезъ министра внутрен. дѣлъ А. И. Горчакова.

Къ нему же—отъ 29 марта 1814 г. Тамъ же. (въ трехъ мѣстахъ).

Къ нему же—отъ 9 апрѣля 1814 г. Москва. Тамъ же (въ трехъ мѣстахъ).

1815 г.

Къ нему же—отъ 5 апрѣля 1815 г. С.-Петербургъ. Сборникъ историческ. матеріал. вып. II-й. Спб. 1889 г., стр. 489—491.

Къ князю Н. И. Салтыкову отъ... мая 1815 г. Русская Старина, 1900 г. ноябрь, стр. 259.

1816 г.

Къ гр. А. А. Аракчееву—отъ 14-го іюня 1816 г. Сборникъ историч. матер. вып. II-й. Спб. 1889, стр. 492—493.

1817 г.

Къ нему же—отъ 1-го января 1817 г. Н. Дубровинъ „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе имп. Александра I-го, стр. 178. Спб. 1883 г.

1818 г.

Къ В. Р. Марченку—отъ 11-го февраля 1818 г. Москва. Сборникъ историч. матеріаловъ, вып. II-й, стр. 514.

1819 г.

Его Благородію П. И. Головачеву, Ахтырскому Г-ну землемѣру—отъ 6-го іюня 1819 г. Вольное. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологического Общества, кн. 3, стр. 311. Харьковъ. 1891 г.

Собственноручное прошеніе статского совѣтника Василія Каразина въ С.-Петербургскую цензуру—отъ 29 октября 1819 г. Русская Старина, 1901 г., январь, стр. 244.

Къ Кочубею въ концѣ октября (1820 г.) Ист. Вѣстн. 1900 г. апрѣль, стр. 1049.

2 письма къ кн. Вяземскому отъ 2 іюня 1821 г. Тамъ же, стр. 1052—1053.

1827 г.

Письмо ст. совѣтника В. Каразина къ дѣйствительному статскому совѣтнику Василію Гавриловичу Муратову—отъ 3-го марта 1827 г. Съ примѣч. Кар—на. С. Кручикъ. Русская Старина, 1902 г. апрѣль, стр. 224.

1829 г.

Къ А. А. Долгорукому—отъ 6-го июля 1829 г. Богодуховъ. Русская Старина, 1903 г. апрѣль стр. 7—8.

Къ нему же—отъ 8-го июля 1829 г. Кручикъ. Тамъ же, стр. 9—11.

1830 г.

Къ М. И. Погодину—1830 г. (о средствахъ противъ холеры). Н. Бэрсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“, кн. III, стр. 216.

1831 г.

Къ А. Х. Бенкендорфу—отъ 13-го ноября 1831 года Русская Старина, 1903 г. апрѣль, стр. 13.

Къ нему же—отъ 15-го ноября 1831 г. Тамъ же, стр. 13—14.

Объясненіе Каразинымъ своихъ дѣйствій по растратѣ университетскихъ суммъ (покупка коллекціи Аделунга)—отъ 20-го ноября 1831 г. Русская Старина, 1903 г. апрѣль. стр. 14—16.

Къ С. Н. Муханову—отъ 20 и 21 ноября 1831 г. Тамъ же, стр. 16—17.

Къ императору Николаю I-му — отъ 31 декабря 1831 г. Тамъ же. стр. 21—24.

1837 г.

Къ А. Г. Тройницкому—1837 года. Русскій Архивъ, 1894 г., т. I стр. 563.

1839 г.

Къ Бенкендорфу—отъ 15 іюля 1839 г.—для Великой княгики Маріи Николаевны. Русская Старина, 1903 г., апрѣль, стр. 24—25.

Къ нему же—отъ 26 сентября 1839 г. Тамъ же, стр. 25—26.

Къ нему же—отъ 15 ноября 1839 г. Тамъ же, стр. 26—27.

1842 г.

Къ Погодину (о Молодикѣ) 1842 г. Барсуковъ „Жизнь и труды Погодина“, кн. VII, стр. 136.

Къ нему же—1842 г. То же, кн. VI, Спб. 1892 г., стр. 67—68.

Къ Е. И. Колтуновскому — отъ 15 апрѣля 1842 г. Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. III, стр. 340. Харьковъ, 1891 года.

Къ нему же—отъ 28 апрѣля 1842 г. Тамъ же.

Къ нему же—безъ даты (послѣ 28 апрѣля). Тамъ же.

„Письмо къ издателю“ Молодика—Бецкому—отъ 2-го мая 1842 г. Харьковъ. Молодикъ на 1844 г., стр. 229—230. Харьковъ, 1843 г.

Къ М. П. Погодину—отъ 23 мая 1842 г. Впервые: Москвитянинъ, 1843 г. № 2, стр. 628—629, потомъ въ другихъ изданіяхъ.

Въ настоящемъ обзорѣ источниковъ и пособій отсутствуютъ указанія на неизданныя письма В. Н. Каразина, не имѣющія научнаго характера; соотвѣтствующія указанія на нихъ, равно какъ и на неизданные документы офиціального характера, сдѣланы подъ текстомъ сочиненія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельные изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные материалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлѣжность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованые обычай религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Бібліографіческія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журнアルѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусского народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшений, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Киевская Старина“ будетъ выходить въ 1905 г. по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ 1-го числа каждого мѣсяца книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КИЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1905 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Киевская Старина“, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣтаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Киевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Киевской Старины» за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдельныя книги журнала по 1 р.

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**